

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

18+

РИЧАРД МОРГАН

Лауреат
премии
ФИЛИПА
ДИКА

Лауреат
премии
АРТУРА
КЛАРКА

ВИДОИЗМЕНЕННЫЙ
УГЛЕРОД

Annotation

XXV век. Человечество распространилось по всей галактике, а технология изменила само понятие жизни. Теперь люди способны записывать собственное сознание и с легкостью загружать его в новое тело. Смерть стала лишь помехой на экране. Такеши Ковача, бывшего члена корпуса чрезвычайных посланников, уже убивали прежде, но последняя смерть оказалась особенно неприятной. Оказавшись за 180 световых лет от дома, Ковач просыпается в новом теле на Земле, где миллиардер Лоренс Банкрофт поручает ему расследование убийства своего последнего тела. Сыщик поневоле еще не знает, что попал в самый центр настоящего заговора, жестокого и беспощадного даже по меркам общества, где существование человека уже давно можно купить и продать.

- [Ричард Морган](#)
  -
  -
  - [Пролог](#)
  - [Часть 1](#)
    - [Глава первая](#)
    - [Глава вторая](#)
    - [Глава третья](#)
    - [Глава четвертая](#)
    - [Глава пятая](#)
    - [Глава шестая](#)
    - [Глава седьмая](#)
    - [Глава восьмая](#)
  - [Часть 2](#)
    - [Глава девятая](#)
    - [Глава десятая](#)
    - [Глава одиннадцатая](#)
    - [Глава двенадцатая](#)
    - [Глава тринадцатая](#)
    - [Глава четырнадцатая](#)
    - [Глава пятнадцатая](#)
  - [Часть 3](#)
    - [Глава шестнадцатая](#)

- [Глава семнадцатая](#)
  - [Глава восемнадцатая](#)
  - [Глава девятнадцатая](#)
  - [Глава двадцатая](#)
  - [Глава двадцать первая](#)
  - [Глава двадцать вторая](#)
  - [Глава двадцать третья](#)
  - [Глава двадцать четвертая](#)
  - [Глава двадцать пятая](#)
  - [Глава двадцать шестая](#)
  - [Часть 4](#)
    - [Глава двадцать седьмая](#)
    - [Глава двадцать восьмая](#)
    - [Глава двадцать девятая](#)
    - [Глава тридцатая](#)
    - [Глава тридцать первая](#)
    - [Глава тридцать вторая](#)
    - [Глава тридцать третья](#)
    - [Глава тридцать четвертая](#)
  - [Часть 5](#)
    - [Глава тридцать пятая](#)
    - [Глава тридцать шестая](#)
    - [Глава тридцать седьмая](#)
    - [Глава тридцать восьмая](#)
    - [Глава тридцать девятая](#)
    - [Глава сороковая](#)
    - [Глава сорок первая](#)
    - [Глава сорок вторая](#)
  - [Эпилог](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
-

Ричард Морган

Видоизмененный углерод

Copyright © 2002 by Richard K. Morgan First published by Gollancz London.

© Сергей Саксин, перевод, 2017

© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Эта книга посвящается моим отцу и матери.

ДЖОНУ

*за железное терпение и необыкновенную
твёрдость духа перед лицом невзгод.*

МАРГАРЕТ

*за раскалённую добела ярость, в которой
находилось место как состраданию, так и несгибаемой
стойкости*

Пролог

За два часа до рассвета я сидел на обшарпанной кухне и курил позаимствованную у Сары сигарету, прислушивался к буре и ждал. Миллспорт давно обезлюдел и затих, но один из потоков Предела по-прежнему накатывал на мелководье. Шум прибоя разносился по пустынным улицам. Ветер гнал со стороны водоворота густой туман, капли воды ниспадали на город складками муслина и покрывали окна кухни мутной пеленой.

Возбужденный нейрехимией, я в пятидесятый раз за ночь осмотрел снаряжение, разложенное на поцарапанном деревянном столе. Сарин осколочный пистолет «Хеклер-Кох» тускло блестел в полумраке, готовый принять обойму в зияющее отверстие рукоятки. Оружие убийцы, компактное и полностью бесшумное. Рядом лежали обоймы. Чтобы различать боеприпасы, Сара обмотала их изолентой: зелёной – усыпляющие пули, чёрной – с паучьим ядом. Большинство обойм на столе – с чёрной изолентой. Почти все зелёные Сара израсходовала вчера ночью на охранников биокорпорации «Джемини».

Мой оружейный запас не столь изысканный. Огромный серебристый «Смит-Вессон» и четыре последние гранаты с галлюциногенным газом. Узкие алые полосы на металлических боках поблескивают так, словно желают соскользнуть со стального корпуса гранаты и поплыть по воздуху в компании струек сигаретного дыма. Смещение визуальных образов – побочный эффект дозы тетрамета, принятой сегодня утром на причале. В нормальном состоянии я не курю, но по какой-то причине тетрамет вызывает у меня тягу к табаку.

Внезапно я услышал новый звук, перекрывающий рёв водоворота. Торопливый шум несущих лопастей, рассекающих ночной воздух.

Удивляясь своему спокойствию, я загасил сигарету и прошел в спальню. Сара спала: плавные изгибы тела виднелись под тонкой простыней. Прядь чёрных как смоль волос скрывала лицо, рука с длинными пальцами вытянута вдоль кровати. Я стоял и смотрел на неё, когда ночь за окном взорвалась. Станция орбитальной защиты планеты Харлан сделала пробный залп по Пределу. От раскатов грома задрожали стёкла в окнах. Лежащая на кровати женщина зашевелилась и смахнула волосы с лица. Её глаза, напоминающие жидкий хрусталь, отыскивали меня и остановились.

– Что ты разглядываешь?

Голос не проснувшегося до конца человека. Я улыбнулся.

– Не обманывай меня. Признавайся, что ты разглядывал?

– Просто смотрел на тебя. Пора идти.

Оторвав голову от подушки, Сара уловила шум вертолета. Её сон как рукой сняло. Она уселась в кровати.

– Где оружие?

Первый вопрос, который задаст боец Корпуса чрезвычайных посланников. Я улыбнулся, будто встретил старого друга, и указал на ящик в углу комнаты.

– Принеси мой пистолет.

– Слушаюсь, мэм. Чёрные или зелёные?

– Чёрные. Я доверяю этому сброду не больше, чем презервативам из изоленты.

Я вернулся на кухню, вставил обойму в осколочный пистолет и, бросив взгляд на своё оружие, оставил его на столе. Вместо этого я сгрёб одну Г-гранату. Остановившись в дверях спальни, я взвесил в руках пистолет и гранату, словно определяя, что тяжелее.

– Мэм желает ещё что-нибудь, помимо фаллоимитатора?

Сара бросила на меня взгляд из-под чёрных волос, свешивающихся на лоб дугой. Она натягивала шерстяные чулки на ноги.

– У тебя всё равно самый длинный ствол, Так.

– Размер не главное...

Этот звук мы услышали одновременно. Сдвоенное металлическое «щёлк» из коридора. Наши взгляды встретились, и на четверть секунды в глазах Сары отразился мой собственный ужас. Опомившись, я швырнул ей осколочный пистолет. Сара протянула руку и поймала его в воздухе в тот самый момент, когда стена спальни с оглушительным грохотом обвалилась внутрь. Взрывной волной меня сбило с ног, отбросив в угол.

Судя по всему, наше местонахождение установили с помощью датчиков, регистрирующих тепло человеческого тела. Заминировали всю стену целиком: наши противники не хотели рисковать. Первый из командос ворвался в пролом в стене. Коренастый, в противогазе и защитном снаряжении похожий на насекомое, он держал в руках, затянутых в перчатки, короткоствольный «Калашников».

Оглушённый взрывом и распростёртый на полу, я бросил в него Г-гранату. Граната была без запала и в любом случае не смогла бы справиться с противогазом.

Но у командос не было времени определять характер брошенного в

него устройства. Он отбил гранату прикладом автомата и отшатнулся назад, от испуга широко раскрыв глаза под стёклами противогаза.

– Стреляй в дыру!

Сара сидела на полу рядом с кроватью, обхватив руками голову, все ещё оглушённая взрывом. Услышав мой крик, она воспользовалась секундным смятением и вскочила, поднимая осколочный пистолет. В просвет стены я увидел фигуры, пригнувшиеся в ожидании взрыва гранаты. Послышался комариный писк мономолекулярных осколков, и три пули вонзились в грудь первого командос. Не оставляя заметных отверстий, они пробили бронежилет и впились в живую плоть. Командос крикнул, словно напруг все силы, чтобы поднять тяжесть. Паучий яд вонзил когти в его нервную систему. Усмехнувшись, я начал подниматься с пола.

Сара перевела пистолет на другие тела за разрушенной стеной, но тут в дверях кухни встал второй «воин ночи» и окатил её очередью из автомата.

Стоя на коленях, я с отчётливостью, вызванной нейрохимией, увидел, как Сара умерла. Всё происходило, будто в замедленной съёмке. Командос целился низко, уперев «Калашников» в плечо, чтобы совладать с отдачей, которой славится этот гиперскорострельный автомат. Сначала пули обрушились на кровать, разлетевшуюся облаком белого гусиного пуха и клочьев ткани. Затем огненный дождь захлестнул Сару, запоздало обернувшуюся к двери. У меня на глазах её нога ниже колена превратилась в кровавое месиво; потом пули вонзились в тело, вырывая бледно-розовые клочки мяса.

Как только автомат умолк, я вскочил на ноги. Сара перекатилась на живот, словно в попытке скрыть раны от выстрелов. Я выскочил из угла, и командос не успел навести на меня «Калашников». Ударив его в область паха, я отбил автомат и вытолкнул бойца назад, на кухню. Автомат зацепился стволом за дверной косяк, и командос разжал руки. Рухнув вместе с ним на пол, я услышал стук упавшего «Калашникова». С быстротой и силой тетрамета я уселся на командос верхом. Отбив неловкий выпад, я схватил обеими руками его голову и ударил о каменные плиты пола, будто кокос.

Глаза командос, скрытые маской противогаза, помутнели. Я опять треснул его черепом об пол, чувствуя, что кости затылка проваливаются внутрь, словно мокрый картон. Не удовлетворившись этим, я колотил снова и снова. В ушах у меня ревел водоворот, и откуда-то издалека доносился мой собственный голос, выкрикивающий ругательства. После четвёртого или пятого удара меня толкнули между лопаток, и тут же – магия! – в лицо брызнули щепки разбитой ножки стола. Две из них больно ужалили меня в

щёку.

Необъяснимо, но моя ярость мгновенно испарилась. Нежно опустив голову командос на пол, я удивлённо поднес руку к торчащим из лица щепкам. И только в этот момент я понял, что в меня выстрелили, а пуля, пробив тело насквозь, вылетела из груди и расщепила ножку стола. Ещё не до конца осознавая, что произошло, я опустил взгляд и увидел тёмно-красное пятно, расплывающееся на рубашке. Никаких сомнений. Выходное отверстие такого размера, что в него войдет шар для гольфа.

С осознанием того, что я ранен, пришла боль. Показалось, как кто-то быстро протащил через мою грудную полость стальную щеточку для чистки курительных трубок. Не отдавая отчёта в том, что делаю, я поднял руку, нащупал рану и вставил в неё два пальца. Кончики пальцев наткнулись на острый конец треснувшей кости, за которым пульсировало нечто шершавое. Пуля не задела сердце. Проворчав что-то нечленораздельное, я попытался встать. Ворчание перешло в мокрый кашель, и я ощутил во рту привкус крови.

– *Не двигайся, мать твою!*

Этот крик, искаженный страхом, вырвался из юной глотки. Согнувшись пополам, я бросил взгляд через плечо. В дверях, у меня за спиной, стоял молодой мужчина в полицейской форме. Он сжимал в руках пистолет, из которого только что выстрелил. Было заметно, как оружие дрожит. Задыхаясь от кашля, я отвернулся к столу.

«Смит-Вессон» был у меня прямо перед глазами, сверкая серебром, на том самом месте, где я оставил его меньше двух минут назад. Возможно, меня подтолкнуло именно осознание того, как мало времени прошло с момента, когда Сара была ещё жива и всё было в порядке. Меньше двух минут назад я мог бы взять пистолет. Так почему бы не сделать это сейчас? Стиснув зубы, я крепче зажал рану в груди и, шатаясь, шагнул вперед. В горле забулькала тёплая кровь. Ухватившись свободной рукой за стол, я оглянулся на полицейского, чувствуя, как мои губы раздвигаются скорее в усмешке, чем в гримасе боли.

– *Не вздумай, Ковач!*

Сделав ещё шаг, я прижался к столу бедром. Дыхание со свистом вырывалось между зубами, kloкочa в горле. «Смит-Вессон» золотой обманкой блестел на изрезанном дереве. Где-то над Пределом с орбиты сорвался пучок энергии, озаривший кухню голубым свечением. Я слышал зов водоворота.

– *Я сказал, не...*

Закрыв глаза, я протянул руку к лежащему на столе пистолету.

Часть 1
Прибытие
(Выгрузка после гиперкосмического
пробоя)

Глава первая

Возвращение из мёртвых может быть очень мучительным.

В Корпусе чрезвычайных посланников учат полностью расслабляться перед тем, как тебя поместят на хранение. Отключиться от всего и свободно плавать. Это самый первый урок, и учителя вдалбливают его прочно.

Вирджиния Видаура – пронзительный жёсткий взгляд, изящное тело танцовщицы, скрытое мешковатым форменным комбинезоном. Я отчётливо представил, как она расхаживает перед нами в классе. «Ни о чем не беспокойтесь, – повторяла Вирджиния, – и всё будет в порядке». Десять лет спустя я встретил её в тюрьме, принадлежащей Управлению правосудия Новой Канагавы. Видауре грозил срок от восьмидесяти до ста лет: вооруженное ограбление и нанесение органических повреждений. Когда её выводили из камеры, она сказала: «Не беспокойся, малыш, всё будет в порядке». Затем Видаура закурила, глубоко затянувшись и набирая дым в лёгкие, до которых ей теперь не было никакого дела, и пошла по коридору с таким видом, будто направлялась на нудное совещание. Я смотрел ей вслед, пока мне позволяла решетка камеры, как заклинание шепча прощальные слова Видауры.

Не беспокойся, всё будет в порядке. Многозначительная шутка, едкая уличная сатира. В этих словах были и неверие в эффективность системы наказаний, и ключ к тому неуловимому состоянию рассудка, которое необходимо, чтобы благополучно преодолеть подводные скалы психоза. Что бы ты ни чувствовал, о чем бы ты ни думал, кем бы ты ни был в момент, когда тебя помещают на хранение, ты будешь испытывать то же самое, когда выйдешь назад. Тревога и беспокойство могут создать значительные проблемы. Так что надо полностью расслабиться. Отключиться. Забыться и свободно плавать.

Если на это есть время.

Я вынырнул из резервуара, барахтаясь, держа одну руку на груди и зажимая несуществующие раны, а другой нащупывая несуществующее оружие. Вес собственного тела обрушился на меня, как тяжелый молот, и я рухнул назад в плавательный гель. Взмахнув руками, больно ударился локтем о стенку резервуара и вскрикнул. Комки прозрачной массы забились в нос и в горло. Закрыв рот, я ухватился за рукоятку люка, но гель был везде: в глазах, в носу, он обжигал глотку, скользил между пальцев. Сила

тяжести разжала мою ладонь, вцепившуюся в рукоятку люка, и навалилась на грудь многократной перегрузкой, вжимая в дно. Тело судорожно забилося в тесном резервуаре. Плавательный гель? Да я тонул!

Вдруг я почувствовал, как меня подхватили чьи-то сильные руки и вытащили на поверхность. Пока я, отфыркиваясь, ощупывал грудь и убеждался, что ран нет, мне довольно грубо вытерли полотенцем лицо. Теперь я мог видеть. Впрочем, я оставил это удовольствие на потом, а для начала решил исторгнуть содержимое резервуара из носа и горла. Где-то полминуты я сидел, опустив голову и выкашливая гель, пытаюсь понять, почему всё такое тяжелое.

– Ну вот, никакая подготовка не помогла. – Жёсткий мужской голос. Из тех, что можно услышать только в исправительных учреждениях системы правосудия. – И чему вас учат в Корпусе чрезвычайных посланников, Ковакс?

Только теперь я все понял. На планете Харлан Ковач – фамилия распространенная. Все знают, как произносить её правильно. А этот мужчина не знал. Он говорил на амеранглике, растягивая гласные, не так, как на Харлане. Но даже с поправкой на это мою фамилию он изуродовал, произнеся на конце твердое «кс» вместо мягкого славянского «ч».

И здесь всё очень тяжелое.

Это откровение проникло в моё затуманенное сознание, как кирпич, вдребезги разбивающий матовое стекло.

Я на другой планете.

Итак, Такеси Ковача (а точнее, его оцифрованный мозг) переправили куда-то очень далеко. А поскольку Харлан является единственной обитаемой планетой в системе Глиммера, это означает межзвездный скачок...

Куда?

Я огляделся вокруг. Простые неоновые трубки, подвешенные к бетонному потолку. Я сидел в открытом люке цилиндрического резервуара из тусклого металла, напоминая древнего авиатора, забывшего одеться перед тем, как залезть в кабину биплана. Цилиндр оказался одним из двадцати, установленных в ряд вдоль стены. Напротив находилась массивная стальная дверь. Запертая. Воздух был сырой и прохладный, бетонные стены не покрашены. На Харлане помещения выдачи оболочки, по крайней мере, радуют глаз мягкими тонами, а обслуживающий персонал любезен и учтив. В конце концов, считается, что ты оплатил долг обществу. И самое меньшее, что тебе могут дать, – солнечный старт в новую жизнь.

Однако в стоящей передо мной фигуре ничего солнечного не было. Под два метра ростом, мужчина выглядел так, будто всю сознательную жизнь сражался с болотными пантерами, пока ему не попалась эта вакансия. Мышцы вздувались на руках и груди, как бронежилет, а на коротко стриженной голове красовался шрам, он пересекал череп зигзагом, молнией, и скрывался за левым ухом. Мужчина носил свободную чёрную одежду с погонами и круглым значком на груди. Глаза, не уступавшие одежде по цвету, следили за мной с ожесточённым спокойствием. Мужчина помог мне сесть и тотчас отступил назад, чтобы я не смог до него дотянуться, – точно по инструкции. Судя по всему, он давно занимался этим делом.

Зажав одну ноздрю, я высморкал из другой гель.

– Вы не собираетесь сказать, где я нахожусь? Зачитать мои права и тому подобное?

– Ковакс, пока что у тебя нет никаких прав.

Подняв взгляд, я увидел мрачную усмешку, разрезавшую пополам лицо мужчины. Пожав плечами, я высморкал вторую ноздрю.

– Но вы хотя бы скажите – куда я попал?

Поколебавшись, мужчина взглянул на пересечённый полосками неона потолок, как бы проверяя информацию перед тем, как сообщить ее мне. Он пожал плечами, повторяя мой жест.

– Скажу. А почему бы и нет? Ты в Бей-Сити, приятель. В Бей-Сити, на планете Земля. – Мрачная усмешка вернулась на его лицо. – В колыбели человеческой расы. Добро пожаловать в древнейший из цивилизованных миров, ха-ха-ха!

– Слушай, если ты здесь только по совместительству, не отказывайся от предложений о переходе на основную работу, – угрюмо заметил я.

Женщина-врач вела меня по длинному белому коридору. Резиновые колеса каталок заштриховали пол чёрными полосками. Она шла довольно быстро, и я почти бежал, чтобы не отстать. На мне по-прежнему не было ничего, кроме полотенца и оставшегося кое-где геля. Движения женщины казались подчёркнуто профессиональными, однако в них сквозила какая-то тревога. Под мышкой врач держала пачку бумажной документации. Мне захотелось узнать, сколько оболочек она загружает в сутки.

– В течение следующего дня вам надо как можно больше отдыхать. – Женщина повторяла заученные наизусть фразы. – Возможно, вы будете испытывать лёгкое недомогание, но это нормально. Все проблемы разрешит сон. Если почувствуете боль в...

– Я всё знаю. Мне уже приходилось делать это.

Мне вдруг стало не до человеческого общения. Я вспомнил Сару.

Мы остановились перед дверью с надписью «Душ», выведенной на матовом стекле. Врач предложила зайти внутрь и задержалась в дверях, разглядывая мою оболочку.

– В душе мне тоже приходилось мыться, – заверил её я.

Она кивнула.

– После того как вымоетесь, идите до конца коридора. Там лифт. Выписка этажом выше. Да, и ещё с вами хочет переговорить полиция.

В инструкции предписано (по возможности) оберегать обладателей новой оболочки от сильных потрясений, так как прилив адреналина может привести к неприятным последствиям. Но врач, судя по всему, ознакомилась с досье и решила, что встреча с полицией при моём образе жизни будет чем-то совершенно нормальным. Я постарался отнестись к этому так же.

– И что ей от меня нужно?

– Полицейские не сочли нужным поставить меня в известность. – В этих словах прозвучали печальные нотки, которые женщина должна была бы скрыть. – Похоже, ваша репутация вас опережает.

– Похоже на то. – Повинуясь внезапному порыву, я заставил мышцы своего нового лица изобразить улыбку. – Доктор, я никогда здесь не был. То есть на Земле. Я никогда не имел дела с местной полицией. Скажите, у меня должны быть причины для беспокойства?

Она взглянула на меня, и я увидел, как в её глазах смешиваются страх, любопытство и презрение.

– Имея дело с таким человеком, как вы, – наконец ответила женщина, – полагаю, это полицейские должны беспокоиться.

– Да, наверное, – тихо промолвил я.

Поколебавшись, она показала рукой на дверь.

– Зеркало там, в раздевалке.

С этими словами ушла.

Я посмотрел на дверь, сомневаясь, что уже готов познакомиться с зеркалом.

В душе, водя намыленными руками по новому телу, я фальшиво насвистывал, пытаясь унять нарастающую тревогу. Моей оболочке было лет сорок с небольшим, по стандарту Протектората. Телосложение пловца, в нервную систему вмонтировано армейское оснащение. Скорее всего, нейрохимические ускорители. Когда-то и у меня были такие. Тяжесть в лёгких указывала на пристрастие к никотину, левую руку покрывали

шрамы, но в остальном я не нашел причин жаловаться. Мелкие недостатки замечаешь потом, а мудрые люди приучаются не обращать внимания. У каждой оболочки есть свое прошлое. Если кому-то это не нравится, можно встать в очередь за «синтетой» или «фабриконом». Я не раз носил искусственные оболочки; их часто выдают освобожденным условно-досрочно. Дёшево, но очень напоминает жизнь в одиночестве, в доме, пронизанном сквозняками. К тому же цепи, отвечающие за вкусовые ощущения, никогда не удаётся настроить, как надо. Поэтому вся еда напоминает приправленные острым соусом опилки.

Войдя в раздевалку, я нашёл на скамейке тщательно сложенный летний костюм. На стене висело зеркало. Поверх стопки одежды и простого белого конверта – с моим аккуратно выведенным именем – лежали дешёвые стальные часы. Глубоко вздохнув, я подошёл к зеркалу.

Это самое трудное. Мне приходилось проделывать такое почти двадцать лет, и всё же я до сих пор вздрагиваю, когда в первый раз смотрюсь в зеркало и вижу там незнакомое лицо. Очень похоже на извлечение образа из глубин аутостерограммы. В первое мгновение кажется, что сквозь зеркало на тебя смотрит чужой человек. Затем, фокусируя взгляд, ты быстро оказываешься за этой маской, проникая внутрь, испытывая осязаемый шок. Как будто перерезается невидимая пуповина. Но только при этом вы с незнакомцем не отделяетесь друг от друга, а наоборот, он насильственно проникает в тебя. И вот уже в зеркале твоё собственное отражение...

Я стоял перед зеркалом, вытирался насухо и привыкал к новому лицу. Тип европейский, что для меня в новинку. Кроме того, у меня сложилось стойкое впечатление, что прошлый обладатель этого лица не выбирал путей наименьшего сопротивления, если они и были. Несмотря на бледность – результат длительного пребывания в резервуаре, – черты, которые я видел в зеркале, сохранили обветренный, закалённый вид. Повсюду морщины и складки. В густых, чёрных, коротко стриженных волосах кое-где белела седина. Глаза ярко-голубые, и над левым красовался едва заметный неровный шрам. Подняв левую руку, я сравнил шрамы, гадая, есть ли между ними какая-нибудь связь.

В конверте под часами лежал лист бумаги, отпечатанный на принтере. Подпись неразборчива.

Итак, я на Земле. В древнейшем из цивилизованных миров.

Пожав плечами, я пробежал взглядом письмо, затем оделся и убрал его в карман пиджака. Бросив прощальный взгляд в зеркало, я застегнул на запястье часы и отправился к ожидавшим меня полицейским.

Часы показывали пятнадцать минут пятого. По местному времени.

Врач ждала меня за овальным столиком, заполняя какие-то документы на компьютере. У неё за спиной стоял худой суровый мужчина в чёрном костюме. Больше в комнате никого не было.

Посмотрев вокруг, я обратился к мужчине.

– Вы из полиции?

– Они снаружи. – Он указал на дверь. – Сюда им доступ запрещен. Нужно специальное разрешение. У нас собственная служба безопасности.

– А вы кто?

Мужчина посмотрел на меня с тем же смешанным чувством, что и врач внизу.

– Надзиратель Салливан, начальник Центральной тюрьмы Бей-Сити. Заведения, которое вы сейчас покидаете.

– Похоже, вы не слишком огорчены тем, что расстаётесь со мной.

Салливан прошил меня взглядом насквозь.

– Вы рецидивист, Ковакс. Я никогда не видел смысла в том, чтобы тратить здоровую плоть и кровь на таких, как вы.

Я пощупал письмо в нагрудном кармане.

– К счастью для меня, мистер Банкрофт с вами не согласен. Он должен был прислать за мной лимузин. Машина уже ждет?

– Я не смотрел.

Где-то на столе звякнул протокольный сигнал, возвестивший о конце процедуры. Врач закончила вводить данные. Оторвав закрутившийся лист, она расписалась в двух местах и протянула его Салливану. Склонившись над бумагой, надзиратель прищурился, читая. Наконец, черкнув подпись, он отдал документ мне.

– Такеси Лев Ковакс, – сказал Салливан, делая ошибку в моей фамилии с тем же мастерством, что и его подчиненный в зале с резервуарами. – Властью, вверенной мне Советом правосудия Объединенных Наций, я освобождаю вас под опеку Лоренса Дж. Банкрофта на период до шести недель, по прошествии которых условия вашего досрочного освобождения будут пересмотрены. Пожалуйста, распишитесь вот здесь.

Взяв ручку, я вывел чужим почерком свою фамилию рядом с указательным пальцем Салливана. Надзиратель разделил копии и вручил мне красную. Врач протянула ему второй лист.

– Это медицинское заключение, свидетельствующее, что оцифрованный мозг Такеси Ковакса получен в целости и сохранности от

Администрации правосудия планеты Харлан. После чего он был заключен в оболочку этого тела. Засвидетельствовано мной и монитором внутреннего наблюдения. К свидетельству прилагается диск с копией полученной информации и сведениями о резервуаре. Пожалуйста, подпишите декларацию.

Я поднял голову, тщетно разыскивая камеры наблюдения. Впрочем, спорить не из-за чего. Я подписался второй раз.

– Это копия соглашения об опеке, которой вы связаны. Пожалуйста, прочтите её внимательно. Невыполнение любого из пунктов может привести к тому, что вы будете незамедлительно помещены на хранение для полного отбытия срока здесь или в другом исправительном заведении по выбору администрации. Вы согласны с этими пунктами и обязуетесь их выполнять?

Взяв бумагу, я быстро пробежал её взглядом. Стандартная форма. Чуть изменённая версия соглашения об опеке, которое мне приходилось раз десять подписывать на Харлане. Язык был довольно корявым, но смысл тот же. Одним словом, чушь собачья. Не моргнув глазом, я подписал соглашение.

– Что ж, в таком случае, Ковакс, можете считать себя счастливым человеком. – На мгновение сталь из голоса Салливана исчезла. – Не упустите свой шанс.

Неужели эти люди не устают повторять подобные глупости?

Я молча сложил листы бумаги и убрал их в нагрудный карман. Когда я собрался уходить, врач, привстав, протянула мне маленькую белую визитную карточку.

– Мистер Ковакс!

Я остановился.

– У вас не должно быть никаких серьёзных проблем с привыканием, – сказала она. – Это здоровое тело. Но если всё же что-то случится, позвоните по этому номеру.

Протянув руку, я взял маленький прямоугольник картона с механической точностью, которой раньше не замечал. Начала действовать нейрохимия. Моя рука отправила визитную карточку в карман, к остальным бумагам, и я, не сказав ни слова, пересёк комнату регистратуры и толкнул дверь. Быть может, не слишком учтиво, но в этом здании ничто не пробудило моё чувство благодарности.

«Вы можете считать себя счастливым человеком, Ковакс». Это точно. В ста восьмидесяти световых годах от дома, в чужом теле, выпущенный под соглашение об опеке на шесть недель. Переправленный сюда, чтобы

заняться тем, к чему местная полиция боится подойти и на пушечный выстрел. А в случае прокола назад, на хранение. Выходя из регистратуры, я чувствовал себя таким счастливым, что мне хотелось петь.

Глава вторая

Огромный пустынный зал напомнил железнодорожный вокзал в Миллспорте. Стекланный пол светился, как янтарь в лучах вечернего солнца, проникавших через длинные прозрачные панели крыши. У выхода какие-то ребяташки баловались с автоматическими дверями; возле стены фырчал одинокий уборочный робот. Больше ничего не двигалось. В сиянии полированного дерева скамеек застыли группы людей. Они молчаливо дожидались возвращения друзей и родственников из ссылки видоизменённого углерода.

Центр выгрузки.

Эти люди не угадают своих близких в их новых оболочках. Радость свидания оставлена только тем, кто возвращается домой. Встречающие настороженно ждут, какое новое лицо и тело предстоит полюбить. А может быть, это далекие потомки, разделённые несколькими поколениями, встречают родственников, оставшихся в смутных детских воспоминаниях, а то и просто превратившихся в семейное предание. Один мой знакомый, парень из Корпуса чрезвычайных посланников по фамилии Мураками, ждал возвращения своего прадеда, помещенного на хранение больше ста лет назад. Он отправился встречать его в Ньюпест, захватив в качестве подарка на возвращение литровую бутылку виски и бильярдный кий. Мураками хорошо запомнил рассказы о том, как славно проводил время его предок в бильярдных залах Канагавы. Хотя поместили прадедушку на хранение задолго до рождения правнука...

Спустившись по лестнице в зал, я сразу отыскал взглядом тех, кто встречал меня. Три высокие фигуры стояли возле скамейки, возбуждённо переминаясь с ноги на ногу. Пыль облаком поднималась в воздух и сверкала в косых лучах солнца. Четвёртый человек восседал на скамье, сложив руки на груди и вытянув ноги вперед. Все они были в зеркальных очках, так что на расстоянии их лица казались одинаковыми масками.

Поскольку я уже направился к выходу, у меня не возникло никакого желания поворачивать к ним. Когда я прошел половину зала, до них наконец дошло. Двое двинулись наперехват с небрежным спокойствием только что накормленных крупных представителей семейства кошачьих. Широкоплечие, зловещие, с одинаковыми алыми волосами, торчащими гребнем. Они преградили мне путь, встав в паре метров, вынуждая или остановиться, или резко повернуть. Я остановился. Только что с хранения,

в новой оболочке, я был не в том виде, чтобы ссориться с местной полицией. Во второй раз за день я постарался изобразить улыбку.

– Чем могу служить?

Старший из «ирокезов» небрежно махнул полицейским значком и тотчас же его убрал, словно тот мог потемнеть на открытом воздухе.

– Полиция Бей-Сити. Лейтенант хочет с вами поговорить.

Предложение получилось обгрызенным, будто полицейский боролся с непреодолимым желанием закончить его крепким словечком. Я сделал вид, что всерьёз обдумываю, идти ли с ними. Но я был у них в руках, и они это прекрасно понимали. Выйдя из резервуара всего час назад, я знал новое тело недостаточно, чтобы ввязываться в драку. Прогнав из головы картину смерти Сары, я послушно направился к сидящему полицейскому.

Лейтенант оказался женщиной лет тридцати. Под золотистыми дисками солнцезащитных очков выступали широкие скулы, выдававшие, что среди предков у неё были индейцы. Широкий рот искривляла язвительная усмешка. Очки сидели на таком остром носу, что им можно было открывать консервные банки. Короткие неопрятные волосы, обрамлявшие лицо, спереди торчали острыми пучками. Лейтенант куталась в не по размеру большую боевую куртку, но длинные ноги, обтянутые чёрным, свидетельствовали о гибком и упругом теле. Скрестив руки на груди, женщина с минуту молча разглядывала меня.

– Вы Ковач, так?

– Да.

– Такеси Ковач? – Её произношение было безукоризненным. – С планеты Харлан? Прибыли из Миллспорта через хранилище Канагавы?

– Знаете, вы говорите, а если что будет не так, я вас остановлю.

Последовала длинная пауза, наполненная блеском зеркальных очков. Лейтенант расплела руки и уставилась на свою ладонь.

– Ковач, у вас есть лицензия на подобные шутки?

– Виноват, оставил дома.

– А что привело вас на Землю?

Я нетерпеливо махнул рукой.

– Вам это прекрасно известно. В противном случае вы бы сюда не заявились. У вас есть что мне сказать, или вы пригласили сюда этих ребят с познавательными целями?

Я почувствовал, как чья-то ладонь схватила и сжала моё предплечье. Лейтенант едва заметно повела головой, и полицейский за моей спиной отпустил руку.

– Остыньте немного, Ковач. Я приехала сюда только поговорить. Да,

мне известно, что вас освободил Лоренс Банкрофт. Кстати, могу подбросить до его поместья. – Резко подавшись вперед, она поднялась. Стоя она была почти одного роста с моей новой оболочкой. – Меня зовут Кристина Ортега. Я из отдела по расследованию органических повреждений. Я занималась делом Банкрофта.

– Занимались?

Лейтенант кивнула.

– Дело закрыто, Ковач.

– Это предостережение?

– Нет, просто факт. Обычное самоубийство. Дело закрыто и сдано в архив.

– Похоже, Банкрофт так не считает. Он утверждает, что его убили.

– Да, слышала. – Ортега пожала плечами. – Это его право. Полагаю, такому человеку трудно поверить, что он собственноручно размозжил себе голову.

– Какому такому человеку?

– О, ну же... – Умолкнув, она рассеянно улыбнулась. – Извините, я всё время забываю.

– О чем?

Новая пауза. На этот раз Кристина Ортега, похоже, впервые за наше недолгое знакомство была в растерянности. Когда она снова заговорила, в её голосе прозвучала неуверенность:

– Что вы нездешний...

– И что с того?

– А то, что здесь всем известно, *кто* за человек Лоренс Банкрофт.

Зачарованный тем, что кому-то понадобилось так неумело врать незнакомому человеку, я попытался успокоить лейтенанта Ортегу.

– Человек богатый, – предположил я. – Влиятельный.

Она слабо улыбнулась.

– Сами всё увидите. Так вы хотите, чтобы мы вас подбросили?

В письме, лежащем в кармане, говорилось, что меня заберёт шофер, дожидаящийся у терминала. Банкрофт ни словом не обмолвился о полиции. Я пожал плечами.

– Я никогда не отказывался от предложения бесплатно прокатиться.

– Хорошо. В таком случае пошли?

Окруженный полицейскими со всех сторон, точно телохранителями, я прошёл к выходу, а они, откинув головы, оглядывали всё вокруг сквозь тёмные стекла очков. Мы с Ортегой шагнули вперед, и мне в лицо ударило тепло солнечных лучей. Прищурив свои новые глаза от яркого света, я

осмотрелся по сторонам. На противоположной стороне неухоженной автостоянки угловатые здания за оградой из настоящей проволоки. Всё стерильное, белое, построенное, вероятно, ещё в прошлом тысячелетии. В просвете между двумя однотонными стенами – секции серого стального моста, возвышаются далеко впереди. На стоянке скопились выдавшие виды полицейские наземные и воздушные машины. Налетел резкий порыв ветра, и я уловил слабый аромат каких-то сорняков, растущих в щелях покрытия стоянки. Издалека доносился знакомый гул транспорта, но всё остальное напоминало декорации к историческому фильму.

– ...а я говорю вам, что есть только один судья! Не верьте учёным, уверяющим...

Хрипящий голос из неисправного громкоговорителя настиг нас, как только мы спустились по лестнице. Обернувшись, я увидел рядом со стоянкой толпу, а в центре – мужчину в чёрном одеянии, забравшегося на контейнер. Над головами слушателей реяли голографические плакаты.

«НЕТ РЕЗОЛЮЦИИ НОМЕР 653!»

«ТОЛЬКО БОГ МОЖЕТ ВОСКРЕШАТЬ!»

«ОЦИФРОВКА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗУМА – ЭТО СМЕРТЬ!»

Голос оратора потонул в бурных овациях.

– Что это?

– Католики, – презрительно скривив губу, объяснила Ортега. – Старинная религиозная секта.

– Да? Никогда о них не слышал.

– Неудивительно. Они не верят в возможность оцифровать человеческое существо, не потеряв при этом душу.

– В таком случае, эта вера не имеет широкого распространения.

– Последователи католицизма есть только на Земле, – угрюмо заметила Ортега. – Кажется, Ватикан – это их главный центр – финансировал отправку двух криокораблей на Старфолл и Латимер...

– Мне приходилось бывать на Латимере, но ничего подобного я не видел.

– Корабли стартовали в начале столетия, Ковач. К месту назначения они прибудут не раньше, чем через двадцать лет.

Мы стали обходить сборище стороной, но молодая женщина с решительно зачёсанными назад волосами попыталась вручить мне листовку. Её движение оказалось настолько неожиданным, что я не успел

совладать с рефлексамми новой оболочки и поставил блок. Отпрянув назад, женщина остановилась, сверля меня жёстким взглядом, сжимая в протянутой руке листовку. Фальшиво улыбнувшись, я взял бумагу.

– Они не имеют права... – начала женщина.

– Да, я совершенно с вами согласен.

– Только Господь Бог может спасти душу.

– Я...

Но тут Кристина Ортега решительно увела меня прочь, схватив под руку движением, в котором чувствовался профессионализм. Я вежливо, но не менее решительно стряхнул с себя её руку.

– Мы куда-нибудь спешим?

– Полагаю, и нас, и вас ждут более приятные занятия, – не разжимая губ, процедила она, разглядывая своих подчиненных, которые отбивались от митингующих с листовками.

– А что, если я хотел поговорить с этой женщиной?

– Да? А мне показалось, вы собирались свернуть ей шею.

– Это моя оболочка. По-моему, над ней поработали нейрехимики, и женщина непроизвольно задела какую-то струну. Видите ли, большинству людей после выгрузки позволяют полежать несколько часов. Так что я немного не в себе.

Я посмотрел на зажатый в руке листок. «МОЖЕТ ЛИ МАШИНА СПАСТИ ДУШУ?» – гласил риторический вопрос. Слово «машина» напечатали шрифтом, который должен был напоминать об архаичных компьютерных дисплеях. «Душа» была выведена переливающимися стереографическими буквами, плясавшими по всему листу. Я перевернул его, желая узнать ответ.

«НЕТ!!!»

– Значит, против криогенной подвески они ничего не имеют, но переправка людей в оцифрованном виде им не по душе. Любопытно. – Я оглянулся, задумчиво глядя на транспаранты. – А что такое резолюция номер 653?

– Это одно дело, которое в настоящее время разбирает суд Объединенных Наций, – объяснила Ортега. – Прокурор Бей-Сити хочет допросить католичку, находящуюся на хранении. Она главный свидетель. Ватикан утверждает, что она уже умерла и находится в руках Господа. Католики считают подобный допрос святотатством.

– Понятно. Можно не спрашивать, на чьей стороне ваши симпатии.

Остановившись, она посмотрела мне прямо в глаза.

– Ковач, я ненавижу этих проклятых извращенцев. Они издевались над

нами в течение двух с половиной тысяч лет. Ни одна другая организация в истории человечества не повинна в стольких страданиях. Представляете себе, католики даже не позволяют последователям своей религии *планировать рождаемость*, чёрт побери! За последние пять столетий они выступали против всех медицинских открытий. Единственное, что можно сказать в их пользу: эта зараза не может распространиться на человечество из-за того, что они не принимают оцифровку сознания.

Как выяснилось, мне предстояло путешествовать в выдавшем виды, но бесспорно быстроходном транспорте «Локхид-Митома», выкрашенном, насколько я мог понять, в полицейские цвета. Мне приходилось летать в «Лок-Митах» на Шариин, но там они были матово-чёрными, невидимыми для радаров. По сравнению с ними машины в красные и белые полосы казались кричащими. В кабине неподвижно сидел пилот в солнцезащитных очках, таких же, как и у остальных из группы Ортеги. Люк уже был открыт. Когда мы поднялись на борт, Ортега постучала по крышке люка, и турбины тихонько зашелестели, пробуждаясь к жизни.

Я помог одному из «ирокезов» закрыть дверь, после чего, кое-как справляясь с перегрузкой на взлёте, пробрался к иллюминатору. Транспорт взмыл по спирали вверх, и я выкрутил шею, провожая взглядом собравшуюся перед терминалом толпу. Набрав метров сто, аппарат выровнялся в полёте и чуть опустил нос. Упав в объятия кресла, автоматически принимающего форму тела, я поймал на себе пристальный взгляд Ортеги.

– Вижу, вас они очень заинтересовали, да? – спросила она.

– Я чувствую себя туристом. Можете ответить на один вопрос?

– Если смогу, обязательно отвечу.

– Так вот, если эти ребята не признают контроля за рождаемостью, их должна наплодиться целая туча, правда? А Землю никак нельзя сравнить с кипучим ульем... Почему они до сих пор не прибрали всё к рукам?

Переглянувшись со своими людьми, Ортега неприятно ухмыльнулась.

– Хранение, – сказал «ирокез», сидящий слева от меня.

Я хлопнул себя по затылку и тотчас подумал, используется ли на Земле такой жест. Вообще-то это стандартное выражение недоумения, но на разных планетах его могут толковать по-разному.

– Хранение. Ну конечно. – Я взглянул в лица полицейских. – И для них нет никаких исключений?

– Никаких.

Почему-то этот небольшой обмен фразами сделал нас приятелями. «Ирокезы» расслабились. Ответивший мне заговорил снова, объясняя:

– Для них что десять лет, что три месяца – всё одно. Каждый раз это равносильно смертному приговору. Они не возвращаются со склада. Здорово, правда?

Я кивнул.

– Очень аккуратно. А что происходит с телами?

Полицейский напротив меня неопределенно махнул рукой.

– Выкупаются родственниками, расчленяются для трансплантаций. Всё зависит от семьи.

Отвернувшись, я уставился в иллюминатор.

– Что-нибудь случилось, Ковач?

Я повернулся к Ортеге, натянув на лицо свежую улыбку. Похоже, у меня это начинало получаться.

– Нет, ничего. Я просто подумал, что попал на незнакомую планету. Полицейские расхохотались.

Вилла «Закат»

2 октября

Такеси-сан!

Получив это письмо, вы, несомненно, будете сбиты с толку. Приношу вам свои искренние извинения, но я уверен, что навыки, полученные в Корпусе чрезвычайных посланников, позволят вам наилучшим образом справиться с происходящим. Одновременно заверяю, что я бы ни за что не втянул вас в это дело, если бы мое положение не было столь безвыходным.

Меня зовут Лоренс Банкрофт. Поскольку вы вернулись из колоний, это имя, скорее всего, ничего для вас не значит. Достаточно сказать, что здесь, на Земле, я считаюсь человеком богатым и влиятельным, вследствие чего нажил себе врагов. Полтора месяца назад меня убили, однако полиция, по каким-то своим соображениям, предпочла рассматривать случившееся как самоубийство. Поскольку убийцы в конечном счете не достигли своей цели, я имею все основания считать, что они предпримут новые попытки, и, глядя на подход полиции к делу, можно предположить, что добьются успеха.

Естественно, у вас возникнет мысль, какое это имеет отношение к вам и почему вас извлекли из хранения и перетащили через сто восемьдесят шесть световых лет, раз речь идёт о событии местного характера. Мои адвокаты посоветовали мне нанять частного сыщика, но, принимая в расчёт мое положение в здешнем обществе, я не могу доверять никому из местных. Вас мне порекомендовала Рейлина Кавахара, для которой, насколько я понял, восемь лет назад вы выполнили одно деликатное поручение на Новом Пекине.

Корпус чрезвычайных посланников смог обнаружить вас на Канагаве через двое суток после моего запроса о вашем местонахождении. Но, поскольку вы уволились со службы и занимались собственными делами, мне не дали никаких гарантий относительно вашей профессиональной пригодности. Однако я понял, что в настоящее время вы совершенно независимый человек.

Условия, согласно которым вы были освобождены, следующие.

Вы обязуетесь работать на меня в течение шести недель, причем за мной остаётся право по истечении срока продлить контракт, если возникнет такая необходимость. В течение этого времени я обязуюсь оплачивать в разумных пределах все ваши расходы, связанные с проведением расследования. Кроме того, я полностью оплачиваю аренду оболочки на этот период. В случае успешного завершения расследования оставшийся срок вашего хранения на Канагаве – сто семнадцать лет и четыре месяца – будет аннулирован и вы будете переправлены назад, на планету Харлан, с последующим немедленным освобождением в оболочке по вашему выбору. Если же вы изъявите желание остаться на Земле, я выплачу закладную за вашу нынешнюю оболочку, и вы сможете стать натурализованным гражданином ООН. В любом случае на ваш счет будет переведена сумма в сто тысяч долларов ООН или её эквивалент в любой валюте по вашему желанию.

На мой взгляд, условия более чем привлекательные, однако должен добавить, что со мной лучше не шутить. В случае, если ваше расследование закончится неудачей и меня убьют, или вы предпримете попытку скрыться, или другим способом нарушите условия контракта, аренда оболочки будет немедленно

аннулирована и вас вернут на хранение – отбывать оставшуюся часть срока на Земле. К этому сроку могут быть добавлены дополнительные наказания за ваши возможные проступки. Если вы сразу же откажетесь от контракта, вас немедленно вернут на хранение, хотя в этом случае я не смогу обеспечить переправку обратно на Харлан.

Надеюсь, вы заинтересуетесь моим предложением и согласитесь работать на меня. Рассчитывая на положительный ответ, присылаю своего водителя, чтобы он встретил вас у терминала. Его зовут Кёртис, и он один из моих самых преданных слуг. Кёртис будет ожидать вас в зале прибытия.

С нетерпением жду нашей встречи на вилле «Закат».

С уважением,

Лоренс Дж. Банкрофт

Глава третья

Вилла «Закат» не зря получила такое название. Из Бей-Сити аппарат пол часа летел на юг вдоль берега моря, пока изменившийся рёв двигателей не сообщил о том, что мы приближаемся к цели. К этому времени правые иллюминаторы тёплым золотом раскрасило клонящееся в море солнце. Мы начали спускаться. Прильнув к иллюминатору, я увидел внизу волны цвета расплавленной меди, а воздух светился чистым янтарем. Казалось, мы опускаемся в банку с мёдом.

Транспортное средство накренилось, делая поворот, и я увидел поместье Банкрофта. От берега моря отходили аккуратно ухоженные зелёные газоны, расчерченные дорожками из щебня. Дорожки вели к приземистому особняку с черепичной крышей – достаточно просторному, чтобы вместить небольшое войско. Стены особняка были белые, крыша – кораллово-красная, а войска, если оно существовало, нигде не было видно. Охранные системы, применённые Банкрофтом, не поднимались на большую высоту. Когда мы опустились совсем низко, я разглядел неприметное марево силового забора, окружающего поместье с внешней стороны. Почти не портит вид из окон особняка. Очень мило.

Менее чем в десяти метрах над одной из безукоризненных лужаек пилот надавил на посадочный тормоз – как мне показалось, излишне резко. Аппарат содрогнулся от носа до кормы, и мы немного ударились о землю, подняв облака пыли.

Я неодобрительно посмотрел на Ортегу, но та не обратила никакого внимания. Открыв люк, она первой сошла на землю. Через секунду я присоединился к ней, спрыгнул на изуродованный газон. Ткнув ногой вывороченный комок дёрна, я крикнул, перекрывая рёв турбин:

– Зачем всё это? Вы в обиде на Банкрофта, потому что он не поверил в собственное самоубийство?

– Нет. – Ортега осмотрела стоящий перед нами особняк так, словно подумывала о том, чтобы в него войти – Нет, мы в обиде на него не за это.

– Не хотите открыть мне, в чём дело?

– Вам вести расследование.

Из-за дома показалась молодая женщина с теннисной ракеткой в руке. Она направилась к нам прямо через газон. Метров за двадцать женщина остановилась и, взяв ракетку под мышку, сложила ладони рупором.

– Вы Ковач?

В ней воплотилась красота солнца, моря и песка; теннисные шорты и майка самым выгодным образом подчеркивали это. Золотистые волосы ниспадали до самых плеч; крикнув, женщина на мгновение показала молочно-белые зубы. На руках у неё были напульсники, на голове повязка, а капли пота на лбу показывали, что это не для красоты. Ноги у женщины выглядели точёными и мускулистыми, а поднимая руки, она продемонстрировала внушительные бицепсы. Пышная грудь распирала ткань майки. Мне захотелось узнать, её ли это тело.

– Да! – крикнул я в ответ. – Я Такеси Ковач. Меня выпустили сегодня.

– Вас должны были встретить у хранилища.

Фраза прозвучала, как обвинение. Я развёл руками.

– Вот меня и встретили.

– Не полиция. – Женщина шагнула вперёд, пристально глядя на Ортегу. – Вы? Я вас знаю.

– Лейтенант Ортега, – представилась женщина, словно мы были на пикнике. – Полиция Бей Сити, отдел по расследованию органических повреждений.

– Да, теперь вспомнила. – Голос женщины оставался откровенно враждебным. – Насколько я понимаю, это вы подстроили так, чтобы нашего водителя задержали под каким то надуманным предлогом.

– Нет, это сделала дорожная полиция, – вежливо поправила её лейтенант. – Это не в моей юрисдикции.

Стоявшая перед нами женщина презрительно усмехнулась.

– О, не сомневаюсь, лейтенант. Уверена, у вас в дорожной полиции нет друзей. – Её голос стал снисходительным. – Знайте, мы сделаем так, что ещё до захода солнца наш человек окажется на свободе.

Я украдкой взглянул на Ортегу, желая узнать, какое это произвело на неё впечатление. Однако орлиный профиль был непроницаемым. Меня заинтересовала усмешка женщины с ракеткой – отвратительная, принадлежащая старому лицу.

Рядом с особняком маячили двое широкоплечих мужчин с автоматами за спиной. Стоя под навесом, они с самого начала следили за происходящим, но лишь теперь, выйдя из тени, направились к нам. По тому, как едва заметно расширились зрачки молодой женщины, я догадался, что она вызвала их с помощью вживленного микрофона. Ловко. На Харлане люди без воодушевления относятся к тому, что в их тела засовывают провода и микросхемы, но, похоже, на Земле всё обстоит иначе.

– Лейтенант, ваше присутствие здесь нежелательно, – ледяным

голосом произнесла молодая женщина.

– Мы уже уходим, мэм, – недовольно буркнула Ортега.

Неожиданно хлопнув меня по плечу, она не спеша направилась обратно к транспорту, но на полпути вдруг обернулась.

– Эй, Ковач, чуть не забыла. Вам это понадобится.

Сунув руку в нагрудный карман, она бросила мне небольшой предмет. Машинально поймав, я посмотрел на упаковку. Сигареты.

– Увидимся.

Вскочив в машину, Ортега хлопнула крышкой люка. Я увидел, как она прильнула к иллюминатору, наблюдая за мной. Рванув с места, аппарат пропахал глубокую борозду по всей лужайке и, взмыв вверх, полетел на запад, к океану. Мы проводили его взглядом.

– Очаровательно, – пробормотала стоявшая рядом со мной молодая женщина.

– Миссис Банкрофт?

Она резко обернулась. Судя по выражению её лица, мне здесь были рады не больше, чем Ортеге. От женщины не укрылся панибратский жест лейтенанта, и она неодобрительно скривила губы.

– Мой муж прислал за вами машину, мистер Ковач. Почему вы её не дождались?

Я достал письмо Банкрофта.

– Здесь говорится, что машина должна ждать у терминала. Её там не было.

Женщина попыталась взять письмо, но я вовремя убрал руку. Она стояла напротив меня, с покрасневшимся лицом, учащенно дыша. Грудь у неё поднималась и опускалась. Когда тело помещают в резервуар, в организме происходит выделение гормонов, почти как во сне. Я почувствовал, что между ног начинает подниматься пожарный шланг.

– Вы должны были дождаться машины.

Я вспомнил, что на Харлане сила притяжения составляет приблизительно 0,8 единицы. На меня почему-то снова навалилась тяжесть. Я вздохнул.

– Миссис Банкрофт, если бы я остался ждать, то ждал бы до сих пор. Быть может, нам лучше пройти в дом?

Она на мгновение широко раскрыла глаза, и по ним я вдруг понял, сколько ей на самом деле лет. Быстро потупившись, женщина взяла себя в руки. Когда она заговорила, голос прозвучал мягче:

– Простите, мистер Ковач. Я забылась. Как вы могли заметить, полиция не проявляет никакого сочувствия. Случившееся выбило нас из

колеи, мы до сих пор не пришли в себя. Полагаю, вы можете представить...

– Можете не объяснять.

– Поймите, мне очень неудобно. Такое бывает со мной очень редко. То же самое можно сказать про всех нас. – Она махнула рукой на двух вооруженных телохранителей, словно желая сказать, что в нормальной обстановке у них вместо автоматов на шее висели бы венки из цветов. – Пожалуйста, примите мои извинения.

– Ничего страшного.

– Мой муж ждёт вас на веранде, она выходит на море. Я сейчас же провожу вас к нему.

В доме было светло и просторно. Встретившая нас у входной двери горничная без слов забрала у миссис Банкрофт теннисную ракетку. Мы прошли по выложенному мрамором коридору, на стенах – картины, на мой непросвещённый взгляд, старинные. Портреты Юрия Гагарина и Нила Армстронга, эмфатические образы Конрада Харлана и Ангины Чандры. В конце этой своеобразной галереи, на невысоком цоколе, стояло что-то вроде вытянутого вверх дерева, сделанного из красного камня. Я задержался перед ним, и миссис Банкрофт, уже свернувшей налево, пришлось вернуться.

– Вам нравится? – спросила она.

– Очень. Это ведь с Марса, правда?

Краем глаза я увидел, как изменилось её лицо. Теперь она думала обо мне иначе. Обернувшись, я посмотрел женщине в глаза.

– Я поражена, – призналась миссис Банкрофт.

– Бывает. Это ещё я сальто не делал.

Она пристально взглянула на меня.

– А вы действительно знаете, что это такое?

– Если честно, нет. Когда-то я интересовался искусством и архитектурой. Камень узнал по снимкам, но...

– Это Поющая ветвь.

Шагнув мимо меня, миссис Банкрофт провела пальцами по одной из верхних веток. Камень еле слышно вздохнул, испуская слабый аромат вишни и горчицы.

– Она живая?

– Никто не знает. – Её голос неожиданно ожил, за что я проникся к ней ещё большей симпатией. – На Марсе они вырастают до ста метров, у корня бывают охватом с этот дом. Их песни слышно на несколько километров. Запах тоже разносится очень далеко. Судя по характеру эрозии, им должно быть около десяти тысяч лет. Вот эта ветка, например, ровесник Римской

империи.

– Должно быть, это стоило больших денег. Я имею в виду, доставка на Землю.

– Деньги не главное, мистер Ковач.

Маска вернулась на место. Пора двигаться дальше.

Повернув в коридор налево, мы ускорили шаг, вероятно, чтобы наверстать время, потраченное на незапланированную остановку. При каждом шаге грудь миссис Банкрофт подпрыгивала под тонкой тканью майки, а я с мрачной сосредоточенностью разглядывал картины на противоположной стене. Опять работы последователей эмфатизма – Ангина Чандра, положившая изящную руку на вздыбленный фаллос ракеты. И здесь нет успокоения.

Веранда с видом на море находилась в самом конце западного крыла. Миссис Банкрофт провела меня через непритязательную с виду деревянную дверь, и нам в глаза ударил яркий солнечный свет.

– Лоренс, это мистер Ковач.

Я поднял руку козырьком, прикрывая глаза, и увидел, что у веранды был второй уровень. Наверху устроен балкон, отгороженный стеклянными дверями. Там, у парапета, стоял мужчина. Должно быть, он услышал, как мы вошли; впрочем, он точно слышал, как приземлился полицейский транспорт, и понял, что это означает. Тем не менее, мужчина не тронулся с места, продолжая смотреть на море. Иногда такое настроение возникает при возвращении из мертвых. А может быть, всё объяснялось простым высокомерием. Миссис Банкрофт кивком предложила мне идти вперед, и мы поднялись по лестнице со ступенями, сделанными из той же породы дерева, что и обшивка стен. Только сейчас я обратил внимание, что стены во всю высоту заполнены полками с книгами. Заходящее солнце окрасило корешки ровным оранжевым светом.

Мы вышли на балкон, и Банкрофт повернулся лицом. В руке он держал книгу, заложив пальцем место, на котором остановился.

– Здравствуйте, мистер Ковач. – Он переложил том, чтобы пожать мне руку. – Рад наконец встретиться с вами. Как вы находите свою новую оболочку?

– Замечательная. Очень удобная.

– Да, хотя я и не вдавался в подробности, но мои адвокаты получили указание подобрать что-нибудь... подходящее. – Он оглянулся, словно отыскивая на горизонте транспорт Ортеги. – Надеюсь, полиция действовала не слишком официально.

– Пока жаловаться не на что.

Банкрофт выглядел, как Человек Читающий. На Харлане есть кинозвезда по имени Ален Мариотт, больше всего известный по роли мужественного молодого философа-куэллиста, бросившего вызов жестокой тирании начала Эпохи Поселений. Не знаю, насколько достоверно передано восстание куэллистов, но в целом фильм хороший. Я смотрел его дважды. Так вот, Банкрофт чем-то напоминал Мариотта из этого фильма. Только постаревшего. Он был изящным и стройным, с густой седой шевелюрой, забранной сзади в хвостик. А книга в руке и библиотека казались естественным окружением для могучего ума, светившегося в жёстких чёрных глазах.

Банкрофт тронул жену за плечо, небрежно и как бы случайно, и от этого движения мне, в моем теперешнем состоянии, захотелось плакать.

– Опять та же женщина, – сказала миссис Банкрофт. – Лейтенант Ортега.

Банкрофт кивнул.

– Не бери в голову, Мириам. Полиция просто принимает. Я предупреждал, что поступлю так, но на меня не обратили внимания. Что ж, теперь, когда мистер Ковач прибыл, ко мне будут относиться серьёзно. – Он повернулся в мою сторону. – В этом деле полиция не желала сотрудничать со мной.

– Да. Насколько я понял, именно поэтому я здесь.

Мы посмотрели друг на друга. Я пытался решить, злюсь ли я на этого человека. Он перетащил меня на другой конец обитаемой вселенной, засунул в новое тело и предложил сделку, обставив так, что я не мог отказаться. Подобные выходы характерны для богачей. У них есть власть, и они не видят причин ею не пользоваться. Для богатых люди – товар, как и всё остальное. Их можно поместить на хранение, переправить, выгрузить. «Пожалуйста, распишитесь внизу».

С другой стороны, на вилле «Закат» ещё никто не искажил мою фамилию, да и выбора у меня не было. Опять же, не надо забывать о деньгах. Сто тысяч долларов ООН. Эта сумма в шесть-семь раз превосходила то, что мы с Сарой рассчитывали получить, обчистив винный склад на Миллспорте. Доллары ООН, самая твердая валюта во вселенной. Свободно обмениваются на всех обитаемых планетах Протектората.

Ради этого можно и потерпеть.

Банкрофт снова коснулся тела жены – на этот раз за талию, показывая, что ей пора уходить.

– Мириам, ты не могла бы ненадолго оставить нас вдвоем? Не сомневаюсь, у мистера Ковача масса вопросов, и мне бы не хотелось, чтобы

ты скучала.

– На самом деле у меня есть несколько вопросов и к миссис Банкрофт.

Она уже направлялась к двери, и мои слова вынудили её остановиться на полпути. Склонив голову набок, миссис Банкрофт перевела взгляд с меня на мужа и обратно. Банкрофт беспокойно заёрзал. Я понял, что ему не хотелось разговаривать в присутствии жены.

– Наверное, будет лучше, если мы с вами поговорим попозже, – поспешил исправиться я. – Отдельно.

– Да, разумеется. – Встретившись со мной взглядом, её глаза тотчас же, словно танцуя, убежали в сторону. – Лоренс, я буду в библиотеке карт. Когда закончите, пришли мистера Ковача ко мне.

Мы проводили её взглядом. Как только закрылась дверь, Банкрофт предложил мне сесть в удобное кресло на балконе. Рядом пылился старинный телескоп, нацеленный на горизонт. Посмотрев под ноги, я увидел, что половицы стертые от времени. На меня опустилось ощущение старины, будто покрывало. Неуютно поморщившись, я сел в кресло.

– Пожалуйста, мистер Ковач, не считайте меня шовинистом. После почти двухсот пятидесяти лет брака наши отношения с Мириам более чем уважительные. Честное слово, будет лучше, если вы переговорите с ней наедине.

– Понимаю.

В этом случае у меня не будет гарантии, что она скажет правду. Но выбирать не приходилось.

– Не желаете чего-нибудь выпить? Спиртное?

– Нет, благодарю вас. Если можно, фруктовый сок.

Меня не покидала дрожь – следствие выгрузки; к этому добавился неприятный зуд в пальцах ног – как я понял, результат никотиновой зависимости. Если не считать сигарет, которые я время от времени «стрелял» у Сары, последние две оболочки я вёл здоровый образ жизни. И не имел желания отходить от этого правила. А сейчас алкоголь, добавившись ко на всему остальному, прикончил бы меня.

Банкрофт сложил руки на коленях.

– Разумеется. Я распорядюсь, чтобы вам принесли сок. Итак, с чего бы вы хотели начать?

– Вероятно, будет лучше, если вы объясните, чего ожидаете от меня. Я не знаю, что обо мне рассказала Рейлина Кавахара, и что представляет собой Корпус чрезвычайных посланников у вас на Земле, но предупреждаю сразу: не ждите чуда. Я не волшебник.

– Это я понимаю. Я тщательно изучил литературу о Корпусе

посланников. А Рейлина Кавахара сказала лишь то, что вы человек надежный, хотя и излишне разборчивый.

Я вспомнил методы Кавахары и свое отношение к ним. Разборчивый. Точно.

Тем не менее, я принялся расписывать себя Банкрофту. Я чувствовал себя странно, хвастаясь перед клиентом, уже взявшим меня на работу. Перечислил то, что умею делать. Преступное сообщество не отличается излишней скромностью, и чтобы получить серьёзное предложение, приходится до предела раздувать репутацию. Я ощущал себя так, словно вернулся назад, в Корпус посланников. Длинные полированные столы, и Вирджиния Видаура разносит в пух и прах нашу команду.

– Корпус чрезвычайных посланников был создан в рамках колониальных частей специального назначения ООН. Это не значит...

Это не значит, что каждый посланник является бойцом спецназа. Но с другой стороны, а что такое солдат? Какая часть подготовки бойца спецназа высечена в физическом теле, а какая – в сознании? И что происходит, если одно отделить от другого?

Космос, если воспользоваться расхожей фразой, бесконечен. Ближайший из обитаемых миров находится в пятидесяти световых годах от Земли. Самые отдаленные – вчетверо дальше. Некоторые корабли с первопоселенцами до сих пор в пути. Если какой-нибудь маньяк начнет размахивать тактической ядерной бомбой или другой игрушкой, угрожающей существованию биосферы, как ему помешать? Данные передаются посредством гиперкосмического пробоя практически мгновенно, настолько быстро, что учёные всё ещё спорят по поводу подходящей терминологии, но, цитируя Куэллкрест Фальконер, «дивизии таким способом не переправишь, чёрт побери». Даже если отправить корабль с войсками в минуту, когда заварушка началась, десантники придут на место, чтобы допросить внуков победителей.

Не лучший способ управлять Протекторатом.

Ладно, можно переслать оцифрованное сознание бойцов отряда быстрого реагирования. Давно прошли те времена, когда самым главным в армии была численность. Последнюю половину тысячелетия победы одерживали компактные, подвижные войска чрезвычайного назначения. Можно загрузить оцифрованный разум в оболочку, прошедшую боевую подготовку, с усовершенствованной нервной системой и накачанную стероидами. Ну а что дальше?

Солдаты окажутся в незнакомых телах, на незнакомой планете. Им предстоит сражаться на стороне совершенно чужих людей против других

совершенно чужих людей ради целей, о которых они, скорее всего, не слышали и которые точно не понимают. Климат другой, язык и культура другие, растительность и животный мир другие, атмосфера другая. Проклятие, даже *притяжение* другое. Солдаты ничего не знают. Если же загрузить в их сознание сведения о местных реалиях, объём информации будет настолько большим, что они не успеют его обработать. А ведь уже через несколько часов после выгрузки в новых оболочках им придется вступить в смертельную схватку с врагом.

И вот тут приходит очередь Корпуса чрезвычайных посланников. Нейрохимическая стимуляция, кибер-вживленные интерфейсы, наращивание тканей – это физические усовершенствования. Большинство из них не имеют никакого отношения к сознанию, а пересылается именно рассудок в чистом виде. Вот с чего начался Корпус посланников. Были взяты духовно-психологические приемы, больше тысячи лет применявшиеся на Земле у народов Востока. На их основе создали систему подготовки, настолько совершенную, что в большинстве миров прошедшим полный курс тотчас же законодательно запретили занимать любые политические и военные должности.

Нет, это не солдаты. Не совсем солдаты.

– Мой метод работы заключается в абсорбции, – закончил я. – Я стараюсь впитывать в себя всё, с чем сталкиваюсь, и только после этого двигаюсь дальше.

Банкрофт заёрзал. Он не привык слушать лекции. Что ж, пора начинать.

– Кто обнаружил ваш труп?

– Наоми. Моя дочь.

Внизу раскрылась дверь. Банкрофт умолк. На лестнице, ведущей на балкон, появилась горничная, которую я уже видел. Она несла поднос с запотевшим графином и высокие стаканы. Похоже, у Банкрофта тоже была вживленная система связи.

Поставив поднос, горничная в механическом безмолвии наполнила стаканы и, дождавшись едва заметного кивка хозяина, удалилась. Он проводил её рассеянным взглядом.

Возвращение из мёртвых. Это не шутка.

– Наоми, – мягко подсказал я.

Банкрофт заморгал.

– Ах да. Она ворвалась сюда. Ей было что-то нужно – вероятно, ключи от одного из лимузинов. Возможно, я чересчур великодушный отец, но Наоми – моя младшенькая.

– Сколько ей?

– Двадцать два.

– У вас много детей?

– Да, много. Очень много. – Банкрофт слабо улыбнулся. – Когда есть время и деньги, растить детей становится ни с чем не сравнимым удовольствием. У меня двадцать семь сыновей и тридцать четыре дочери.

– Они живут с вами?

– Наоми в основном живёт со мной. А остальные только заглядывают в гости. Почти у всех уже есть свои семьи.

– Что с Наоми?

Я чуть понизил голос. Найти отца с разmozженной головой – не самое приятное начало дня.

– Сейчас она в психиатрии, – коротко ответил Банкрофт. – Идёт на поправку. Вам нужно будет с ней переговорить?

– Не сейчас. – Встав с кресла, я подошёл к двери в комнату. – Вы сказали, она вбежала сюда. Смерть произошла именно здесь?

– Да. – Банкрофт присоединился ко мне. – Кто-то проник сюда и разнёс мою голову зарядом частиц из бластера. На стене видны следы от выстрела. Вон там, рядом с письменным столом.

Войдя внутрь, я спустился вниз по лестнице. Крышка массивного письменного стола была из зеркального дерева – судя по всему, генетический код переправили на Землю с Харлана, и растение прижилось. Стол показался мне такой же экстравагантностью, как и Поющая ветвь в коридоре, но только более безвкусной. На Харлане леса зеркальных деревьев покрывают три континента, и почти во всех забегах на берегу канала в Миллспорте стойка бара сделана из этой древесины. Подойдя к столу, я осмотрел след на оштукатуренной стене. Белая поверхность съжилась и обуглилась, бесспорно свидетельствуя о попадании луча заряженных частиц. Выжженное место находилось на уровне головы, небольшой изгиб уходил вниз. Банкрофт остался на балконе. Я посмотрел на его силуэт.

– Это единственный след огнестрельного оружия в комнате?

– Да.

– Больше ничего не сломано, не испорчено, не переставлено?

– Нет. Ничего.

Было очевидно, что он хочет ещё что-то сказать, но ждёт, пока я закончу с расспросами.

– И полиция нашла бластер рядом с вашим трупом?

– Да.

– У вас есть оружие подобного типа?

– Да. Это мой бластер. Я храню его в сейфе под письменным столом. Закодирован на отпечатки пальцев. Сейф был обнаружен раскрытым, больше из него ничего не пропало. Хотите заглянуть внутрь?

– Нет, благодарю, пока что не хочу.

По своему опыту я знал, как трудно двигать мебель из зеркального дерева. Я подошёл к углу тканого ковра, лежащего под столом. На полу виднелся едва различимый шов.

– Чьи отпечатки открывают сейф?

– Мои и Мириам.

Последовала многозначительная пауза. Банкрофт вздохнул, достаточно громко, чтобы звук разнёсся по помещению.

– Ну же, Ковач, не стесняйтесь. Высказывайте всё, что думаете. Остальные именно так и поступили. Или я покончил с собой, или меня убила моя жена. Других разумных объяснений нет. Я выслушиваю это с того самого момента, как меня вытащили из резервуара в «Алькатрасе».

Я заставил себя обвести взглядом комнату и лишь затем посмотрел Банкрофту в глаза.

– Что ж, вы должны признать, это значительно упрощает работу полиции, – сказал я. – Всё предельно чисто и аккуратно.

Банкрофт фыркнул, но в презрительном звуке прозвучал смех. Я поймал себя на том, что помимо воли проникаюсь симпатией к этому человеку. Поднявшись обратно наверх, я вышел на балкон и прислонился к перилам. На лужайке перед домом расхаживал взад и вперёд человек, облачённый в чёрное, с висящим на плече оружием. Вдалеке переливалось силовое ограждение. Какое-то время я стоял, уставившись в одном направлении.

– Нелегко поверить, что кто-то проник сюда, преодолев охранные системы, взломал сейф, доступ к которому есть только у вас и вашей жены, и убил вас, оставив всё на своих местах. Хотя вы человек рассудительный, и, следовательно, у вас есть основания так думать.

– О, можете не сомневаться. Оснований достаточно.

– Однако полиция не приняла их в расчет.

– Да.

Я повернулся к Банкрофту.

– Хорошо. Давайте их выслушаем.

– Одно из оснований у вас перед глазами, мистер Ковач. – Он тоже повернулся ко мне лицом. – Я здесь. Я вернулся. Меня нельзя убить, просто уничтожив память больших полушарий.

– Ваша память хранится на внешнем носителе. Это очевидно, в противном случае сейчас вы бы не стояли передо мной. И как часто происходит обновление?

Банкрофт улыбнулся.

– Каждые сорок восемь часов. – Он похлопал себя по затылку. – Прямая пересылка отсюда в защищённый банк данных центра хранения психической информации на острове Алькатрас. Мне не нужно даже задумываться над этим.

– Кроме того, в холодильнике хранится ваш замороженный клон.

– Да. И не один.

Гарантированное бессмертие. Какое-то время я молчал, размышляя, как к этому относиться.

– Наверное, это очень дорого, – наконец заметил я.

– Вовсе нет. Центр хранения принадлежит мне.

– О...

– Так что, Ковач, как видите, ни я, ни моя жена не могли нажать спусковой крючок бластера. Нам обоим известно: чтобы меня убить, этого недостаточно. Каким бы невероятным это ни казалось, убийство должен был совершить кто-то посторонний. Не знающий о внешнем носителе.

Я кивнул.

– Хорошо, а кто ещё о нем знает? Давайте сузим круг.

– Помимо моей семьи? – Банкрофт пожал плечами. – Мой адвокат, Оуму Прескотт. Ещё два-три юриста, её помощники. Директор центра хранения психической информации. Наверное, это всё.

– Однако, – сказал я, – самоубийство – поступок не для нормального человека.

– Именно так и сказала полиция. Этим же утверждением она попыталась объяснить остальные неувязки в своей теории.

– Какие, например?

Вот о чём хотел рассказать мне Банкрофт. Слова хлынули потоком.

– Например, то, что я предпочёл пройти последние два километра до дома пешком, проник незамеченным на территорию, а перед тем, как покончить с собой, сверил внутренние часы.

Я недоуменно заморгал.

– Прошу прощения?

– Полиция обнаружила следы приземления воздушного транспорта на поляне в двух километрах от наружного ограждения виллы, за пределами системы охранного наблюдения. И, кстати, именно в этот момент наверху не было спутника слежения.

– Полиция проверила такси?

Банкрофт кивнул.

– Проверила, только толку от этого немного. Законы Западного побережья не требуют от компаний, занимающихся пассажирскими перевозками, хранить данные о местонахождении машин в каждый момент времени. Разумеется, солидные фирмы регистрируют передвижения своего парка, но есть и те, кто этого не делает. Наоборот, кое-кто так даже привлекает клиентов. Делает упор на конфиденциальность услуг. – По лицу Банкрофта пробежала мимолетная тень. – В некоторых случаях и для некоторых клиентов это является большим преимуществом.

– Вам в прошлом приходилось пользоваться услугами подобных фирм?

– Да, время от времени.

Следующий по логике вещей вопрос повис в воздухе. Я не стал озвучивать его вслух, дожидаясь, когда Банкрофт сам ответит. Если он не собирался делиться со мной причинами, побуждающими его пользоваться конфиденциальным транспортом, то и я не буду давить – до тех пор, пока не обозначу ещё кое-какие вехи. Наконец Банкрофт кашлянул.

– В любом случае, есть основания считать, что данный транспорт не относился к такси. Как сказала полиция, рисунок следов на земле характерен для более крупного аппарата.

– Всё зависит от того, на какой скорости совершено приземление.

– Знаю. Тем не менее, от места приземления ведут мои следы, и, насколько я понял, состояние обуви соответствует пути в два километра, пройденному по пересечённой местности. И, наконец, ночью, когда меня убили, в три часа с небольшим, из этой комнаты был сделан телефонный звонок. Проверка времени. Не было сказано ни одного слова. Просто дыхание в трубке.

– И полиции это тоже известно?

– Естественно.

– И как там это объясняют?

Банкрофт едва заметно усмехнулся.

– Никак. По мнению полицейских, пешая прогулка в одиночестве под дождём вполне соответствует духу самоубийства. Никому не показалось странным, что человек, перед тем как разmozжить себе голову, сверяет внутреннюю микросхему времени. Как вы сами сказали, самоубийство нельзя считать нормальным поступком. В истории масса подобных случаев. Похоже, на свете полно недоумков, налагающих на себя руки и просыпающихся на следующий день в новой оболочке. Мне это долго и

пространно объясняли. Недоумки забывают о том, что память больших полушарий можно считать. Или же в момент самоубийства это кажется им несущественным. Наша любимая система здравоохранения возвращает их к жизни, невзирая на предсмертные записки и просьбы. По-моему, это вопиющее нарушение прав личности. У вас на Харлане такие же порядки?

Я пожал плечами.

– Более или менее. Если просьба нотариально оформлена, самоубийц не оживляют. В противном случае неоказание медицинской помощи считается уголовным преступлением.

– Полагаю, это разумная предосторожность.

– Да. Она не дает убийцам выдавать дело своих рук за самоубийство.

Облокотившись на ограждение, Банкрофт посмотрел мне прямо в глаза.

– Мистер Ковач, мне триста пятьдесят семь лет от роду. Я пережил войну корпораций, последовавшее затем крушение моих промышленных и торговых интересов, настоящую смерть двоих сыновей и, по крайней мере, три крупных экономических кризиса. Но я до сих пор здесь. Я не тот человек, который будет лишать себя жизни. Однако если бы я решился на такое, то не допустил бы подобных глупых ошибок. Если бы я вознамерился умереть, вы бы сейчас со мной не разговаривали. Это понятно?

Я выдержал взгляд его жёстких чёрных глаз.

– Да. Понятно.

– Хорошо. – Он отвернулся. – Продолжим?

– Мы говорили о полиции. Она вас не слишком-то жалует, так?

Банкрофт улыбнулся, но в его улыбке не было веселья.

– У меня с полицией проблемы перспективы.

– Перспективы?

– Именно. – Банкрофт направился к двери. – Пойдемте, я вам покажу, что имею в виду.

Следуя за ним, я задел рукой телескоп, развернув его наверх. Шок загрузки требовал выхода. Двигатель позиционирования телескопа, недовольно взвизгнув, вернул оптический прибор в исходное положение, нацелив на горизонт. На старинном цифровом дисплее замигали значения высоты и приближения. Я задержался, наблюдая за тем, как телескоп восстанавливает настройки. Клавиатуру покрывал многолетний слой пыли.

Банкрофт или не заметил мою неловкость, или вежливо промолчал.

– Это ваш? – спросил я, ткнув указательным пальцем в оптический прибор.

Банкрофт рассеянно взглянул на телескоп.

– Когда-то это было моим увлечением. В те времена, когда на звёзды стоило смотреть. Вам не понять эти чувства. – Это было произнесено мимоходом, без какого-либо намерения оскорбить или унизить. Голос Банкрофта лишился жёсткости, словно затухающее сообщение. – Последний раз я смотрел в эти линзы почти два столетия назад. Тогда многие корабли ещё летели к своим колониям. Мы до сих пор не знаем, что с ними стало. Ждём, когда вернутся сквозные лучи. Так ждут свет маяка.

Он забыл обо мне. Я вынужден был вернуть его к действительности.

– Проблемы перспективы, – мягко напомнил я.

– Ах да, проблемы перспективы. – Кивнув, Банкрофт махнул рукой в сторону поместья. – Видите вон то дерево? За теннисным кортом?

Не заметить такое дерево невозможно. Тень от раскидистого старого чудовища высотой с дом была больше теннисного корта. Я кивнул.

– Этому дереву больше семисот лет. Купив поместье, я нанял архитектора, и тот сразу же предложил выкорчевать дерево. Он собирался строить дом выше по склону, и тогда дерево портило бы вид на море. Я уволил архитектора.

Банкрофт повернулся, убеждаясь, что до меня доходит смысл его слов.

– Видите ли, мистер Ковач, архитектору было лет тридцать с небольшим, и для него это дерево представляло всего лишь мелкое неудобство. Оно ему мешало. Его не волновало, что дерево прожило на свете в двадцать раз дольше, чем он. У него не было чувства уважения.

– Значит, вы – дерево.

– Именно так, – ровным голосом произнес Банкрофт. – Я дерево. Полиция хочет меня выкорчевать. Совсем как тот архитектор. Я представляю для них неудобство, и у них нет уважения.

Я вернулся на место, пережёвывая услышанное. Наконец мне стало понятно поведение Кристины Ортеги. Если Банкрофт полагает, что волен не подчиняться требованиям, предъявляемым к добропорядочным гражданам, у него вряд ли будет много друзей в форме. Бессмысленно объяснять, что Ортега охраняет другое дерево, именуемое Законом, и с её точки зрения Банкрофт ломает ему ветви и вбивает в него гвозди. Мне приходилось наблюдать за подобными столкновениями и с той и с другой стороны, и единственное решение предложили мои предки.

Если тебе не нравятся законы, отправляйся туда, где они тебя не достанут.

После чего создай собственные законы.

Банкрофт остался у ограждения балкона. Быть может, он беседовал с

деревом. Я решил на время отложить эту линию расследования.

– Каково ваше последнее воспоминание?

– Вторник, четырнадцатое августа, – быстро ответил Банкрофт. – Ложусь спать около полуночи.

– Тогда было произведено последнее обновление копии памяти?

– Да, сброс данных произошёл где-то около четырёх часов утра, но, судя по всему, я в этот момент спал.

– Значит, до вашей смерти прошло почти сорок восемь часов.

– Боюсь, вы правы.

Хуже некуда. За сорок восемь часов может произойти всё что угодно. За это время Банкрофт мог слетать на Луну и вернуться обратно. Я снова почесал шрам над глазом, рассеянно гадая, где его получил.

– И вы не помните ничего, что позволило бы узнать, почему с вами хотят расправиться?

Банкрофт по-прежнему стоял, облокотившись на ограждение, глядя вдаль. Я увидел, что он улыбается.

– Я сказал что-нибудь смешное?

У него хватило вежливости вернуться в кресло.

– Нет, мистер Ковач. Смешна сама ситуация. Кто-то желает моей смерти, и это довольно неприятно. Но вы должны понять – для человека моего положения вражда и угрозы – часть повседневной жизни. Мне завидуют, меня ненавидят. Такова цена успеха.

Вот это новости. Меня ненавидели на дюжине различных миров, но я никогда не считал, что добился успеха.

– В последнее время было что-то из ряда вон выходящее? Я имею в виду угрозы.

Банкрофт пожал плечами.

– Возможно, и было. У меня нет привычки их просматривать. Это делает мисс Прескотт.

– Вы не считаете, что угрозы в ваш адрес заслуживают внимания?

– Мистер Ковач, я предприниматель. Возможности предоставляются, кризисы случаются, вот с чем я имею дело. Жизнь идёт своим чередом. Я нанимаю специальных людей, чтобы они разбирались с мелочами.

– Очень удобно. Однако не могу поверить, что после случившегося ни вы, ни полиция не заглядывали в архивы мисс Прескотт.

Банкрофт неопределенно махнул рукой.

– Разумеется, полиция проводила расследование. Оуму Прескотт повторила им то же, что сказала мне. За последние шесть месяцев не приходило ничего необычного. Я доверяю ей достаточно, чтобы

ограничиться её словом. Хотя, вероятно, вы захотите лично взглянуть на эти архивы.

При мысли о том, чтобы разматывать сотни метров бессвязных язвительных насмешек и злобных угроз, мою новую оболочку снова захлестнула волна усталости. Я понял, что мне становится глубоко наплевать на проблемы Банкрофта. Я переборол себя, сделав усилие, которое заслужило бы похвалу Вирджинии Видауры.

– Ну, в любом случае мне обязательно потребуется переговорить с Оуму Прескотт.

– Я немедленно договорюсь о вашей встрече. – Взгляд Банкрофта стал рассеянным, обращенным внутрь. – Во сколько вас устроит?

Я поднял руку.

– Наверное, будет лучше, если я возьму это на себя. Просто предупредите мисс Прескотт, что я с ней свяжусь. И мне надо будет заглянуть в центр загрузки новых оболочек.

– Разумеется. Если честно, я сам хотел попросить мисс Прескотт отвезти вас туда. Она лично знакома с проктором. Что-нибудь ещё?

– Кредитная линия.

– Естественно. Мой банк уже открыл счет на вашу ДНК. Насколько я понимаю, у вас на Харлане система та же.

Облизнув большой палец, я вопросительно поднял его вверх. Банкрофт кивнул.

– Так и у нас. Вы обязательно увидите, что в Бей-Сити есть места, где наличные до сих пор остаются единственным платежным средством. Будем надеяться, вам не придётся проводить в подобных районах много времени, но, если что, вы сможете снять со счёта наличные в любом отделении банка. Вам необходимо оружие?

– Пока что нет.

Одно из основополагающих правил Вирджинии Видауры гласило: «Перед тем как выбирать инструмент, определи характер предстоящей работы». Одинокое пятно копоти на штукатурке выглядело слишком изящным для того, чтобы впереди меня ждал фестиваль перестрелок.

– Хорошо.

Казалось, Банкрофт озадачен моим ответом. Он уже потянулся к карману рубашки, и ему пришлось завершить это движение, довольно неуклюже.

– Это мой оружейник, – сказал он, протягивая визитную карточку. – Я предупрежу, чтобы он ждал вас.

Я взял карточку и мельком взглянул на неё. Надпись затейливым

шрифтом: «Маркин и Грин – оружие с 2203 года». Внизу – одинокая строчка цифр. Я убрал карточку в карман.

– Возможно, это и пригодится, – признался я. – Позже. Но мне хотелось бы начать с мягкой посадки. Подождать, пока не уляжется пыль, оглядеться вокруг. Полагаю, вы меня понимаете.

– Да, разумеется. Действуйте, как считаете нужным. Полностью полагаюсь на вас. – Перехватив взгляд, Банкрофт заглянул мне в глаза. – Однако не забывайте об условиях договора. Я плачу за работу. И я не люблю, когда не оправдывают моё доверие, мистер Ковач.

– Не сомневаюсь в этом, – устало заметил я.

Я вспомнил, как поступила с двумя подчиненными, предавшими её, Рейлина Кавахара. Их звериные крики долго преследовали меня в кошмарных снах. Рассуждения Рейлины, чистившей яблоко под такой аккомпанемент, сводились к тому, что, поскольку сейчас никто настоящему не умирает, истинным наказанием может быть лишь страдание. Я почувствовал, как при воспоминании об этом моё новое лицо поморщилось.

– Что бы ни наговорили обо мне в Корпусе чрезвычайных посланников, это всё чушь собачья. Мое слово по-прежнему крепко. – Я встал. – Вы не могли бы посоветовать, где остановиться в городе? Что-нибудь тихое, среднего уровня.

– Такие гостиницы есть на улице Миссий. Я попрошу кого-нибудь отвезти вас туда. Кёртиса, если его к тому времени выпустят. – Банкрофт тоже поднялся на ноги. – Насколько я понял, теперь вы собираетесь побеседовать с Мириам. Ей действительно известно о моих последних сорока восьми часах гораздо больше, чем мне. Так что ваш разговор будет долгим.

Я подумал о древних старушечьих глазах и молодом накачанном теле. После этого мысль о беседе с глазу на глаз с Мириам Банкрофт потеряла для меня всякую привлекательность. Одновременно с этим холодная рука прошла по натянутым струнам под желудком, а член резко налился кровью. Классно.

– Да, – без воодушевления произнес я. – Наш разговор будет долгим.

Глава четвертая

– Похоже, вы чем-то смущены, мистер Ковач. Я права?

Оглянувшись на горничную, которая привела меня сюда, я снова посмотрел на Мириам Банкрофт. Тела женщин были приблизительно одного возраста.

– Нет, – произнес я более резко, чем намеревался.

На мгновение скривив губы, миссис Банкрофт свернула карту, которую изучала, когда я пришел. Сзади громко хлопнула дверь, закрываясь за горничной. Банкрофт не посчитал нужным проводить меня к жене. Возможно, сейчас супруги могли позволить себе не больше одного свидания в день. Как только мы спустились с балкона, на веранде с видом на море, будто по волшебству, появилась горничная. Банкрофт обратил на неё столько же внимания, сколько и в предыдущий раз.

Когда я уходил, он стоял перед столом из зеркального дерева, уставившись на след от бластера.

Миссис Банкрофт ловко скатала карту в трубку и убрала её в длинный тубус.

– Ну, – сказала она, не поднимая взгляда, – в таком случае, задавайте свои вопросы.

– Где вы находились, когда всё произошло?

– В своей кровати. – Она посмотрела на меня. – Пожалуйста, не продолжайте: я была одна.

Картохранилище представляло собой длинное просторное помещение под сводчатым потолком, в котором кое-где вмонтированы иллюминационные плитки. Застеклённые полки высотой по пояс выстроились ровными рядами, словно ящики с экспонатами в музее. Я зашагал по центральному проходу, и мы с миссис Банкрофт оказались разделены одним рядом. Так я чувствовал себя хоть под какой-то защитой.

– Миссис Банкрофт, давайте сразу определимся: я не из полиции. Я хочу установить истину, а не найти виновного.

Убрав тубус, Мириам Банкрофт прислонилась к полке, сложив руки за спиной. Пока я разговаривал с её мужем, она сняла пропотевший молодёжный теннисный костюм. Сейчас на ней были облегающие чёрные слаксы и что-то, родившееся от союза смокинга и трико. Рукава небрежно закатаны почти до локтей; запястья без украшений.

– Мистер Ковач, я похожа на виновную? – спросила она.

– Мне кажется, вы чересчур озабочены тем, чтобы доказать совершенно постороннему человеку верность мужу.

Миссис Банкрофт рассмеялась. У неё был приятный грудной смех, при этом плечи красиво поднимались и опускались. Такой смех я смог бы полюбить.

– Какой вы уклончивый.

Я посмотрел на карту, разложенную на полке передо мной. В верхнем левом углу проставлена дата: за четыре столетия до моего рождения. Надписи выполнены незнакомым языком.

– Там, откуда я прибыл, миссис Банкрофт, прямота не считается особой добродетелью.

– Вот как? А что же считается?

Я пожал плечами.

– Учтивость. Самообладание. Стремление не задеть заинтересованных лиц.

– По-моему, это скучно. Полагаю, на Земле вас ждут сильные потрясения, мистер Ковач.

– Миссис Банкрофт, я не говорил, что дома отличался примерным поведением.

– О... – Она перестала опираться на полку и шагнула ко мне. – Да, Лоренс кое-что рассказал о вас. Судя по всему, на Харлане вас считали человеком опасным.

Я снова пожал плечами.

– Это по-русски.

– Извините?

– Я про язык. – Обойдя полку, она остановилась рядом со мной, глядя на карту. – Это составленная компьютером русская карта посадочных площадок на Луне. Очень редкая. Я купила её на аукционе. Вам нравится?

– Очень мило. В котором часу вы легли спать в ночь, когда был убит ваш муж?

Мириам Банкрофт пристально посмотрела мне в глаза.

– Я легла спать рано. Как я уже говорила, я была одна. – Сделав над собой усилие, она сдержала резкость в голосе, и он снова стал почти любезным. – Мистер Ковач, если мои слова и похожи на признание вины, это не так. Скорее, это признание неизбежности. С некоторой долей обиды и раздражения.

– Вы обижены на своего мужа?

Она улыбнулась.

– Кажется, я говорила о признании неизбежного.

- Ваш тон был более красноречив.
- Вы хотите сказать, это я убила своего мужа?
- Пока что я ничего не говорю. Но такая возможность существует.
- Да?

– Вы имели доступ к сейфу. В тот момент, когда всё произошло, вы находились в доме, за пределами охранной сигнализации. А теперь кажется, что у вас могли быть какие-то личные причины.

Продолжая улыбаться, она сказала:

- Мистер Ковач, неужели вы строите обвинение?

Я спокойно выдержал её взгляд.

- Да, если сердечко трепещет.

– Какое-то время и полиция прорабатывала эту версию. Затем отказалась от неё. Пришла к выводу, что сердечко не трепещет. И я буду очень признательна, если вы не будете здесь курить.

Я посмотрел на свои руки и обнаружил, что они сами достали пачку Кристины Ортеги. Я уже наполовину вытряс из пачки сигарету. Нервы.

У меня возникло странное ощущение, будто новая оболочка меня предала. Я смущенно убрал сигареты.

- Извините.

– Ничего страшного. Речь идёт о поддержании микроклимата. Многие из хранящихся здесь карт очень чувствительны к загрязнению воздуха. Впрочем, вам это наверняка известно.

Миссис Банкрофт произнесла последние слова так, будто только полный кретин может не знать о подобных вещах. Я почувствовал, что безнадёжно теряю контроль над ходом разговора.

- А на каком основании полиция...

– Спросите у них. – Повернувшись ко мне спиной, она отошла, словно приняв какое-то решение. – Мистер Ковач, сколько вам лет?

– Субъективно? Сорок один. На Харлане год длится чуть дольше, чем земной. Но разница небольшая.

- Ну а *объективно*? – спросила она, передразнивая мой тон.

– Я провёл в разных резервуарах около столетия. Постепенно начинаешь терять счёт времени.

Это была ложь. Я помнил с точностью до дня все сроки хранения. Подсчитал их как-то бессонной ночью, и теперь числа прочно засели в памяти. Каждый раз, отправляясь в резервуар, я добавлял новый срок.

- Представляю, как вам сейчас одиноко.

Вздохнув, я принялся разглядывать ближайшую полку. На каждом тубусе с картой имелась бирка. Археологические изыскания. Малый Сырт,

восточная четверть, третьи раскопки. Бредберри; руины первопоселенцев. Я вытащил одну из карт.

– Миссис Банкрофт, мои чувства никого не интересуют. А у вас нет никаких мыслей на тему того, почему ваш муж мог бы покончить с собой?

Миссис Банкрофт стремительно развернулась, не успев договорить. Её лицо стало красным от гнева.

– Мой муж не убивал себя, – ледяным тоном произнесла она.

– Похоже, вы в этом абсолютно убеждены. – Я оторвал взгляд от карты и улыбнулся. – Я имею в виду, странно слышать такую уверенность от человека, крепко спавшего в тот момент.

– Положите карту на место! – воскликнула она, шагнув ко мне. – Вы понятия не имеете, сколько она стоит...

Миссис Банкрофт умолкла, а я поспешно задвинул карту назад. Глубоко вздохнув, она попыталась справиться с прилившей к лицу краской.

– Мистер Ковач, вы стараетесь вывести меня из себя?

– Я пытаюсь привлечь к себе внимание.

Несколько мгновений мы смотрели друг другу в глаза. Миссис Банкрофт первая отвела взгляд.

– Я уже сказала, в тот момент, когда это произошло, я спала. Что ещё вы хотите услышать?

– Куда ездил в ту ночь ваш муж?

Она прикусила губу.

– Точно не могу сказать. Днём он был в Осаке на совещании.

– Осака – это где?

Мириам Банкрофт удивлённо посмотрела на меня.

– Я нездешний, – терпеливо напомнил я.

– Осака – это город в Японии. Я полагала...

– Да, Харлан освоен японцами и наёмниками из Восточной Европы. Но это было очень давно, и я при этом не присутствовал.

– Извините.

– Ничего страшного. Вероятно, и вы мало что можете сказать про то, чем занимались триста лет назад ваши предки.

Миссис Банкрофт как-то странно посмотрела на меня. Я осёкся. Только через мгновение я осознал смысл собственных слов. Последствия недавней выгрузки. Мне необходимо выспаться в самое ближайшее время, пока я не сказал и не сделал ничего действительно глупого.

– Мне больше трёхсот лет, мистер Ковач. – На лице миссис Банкрофт мелькнула едва заметная усмешка. Она снова перехватила инициативу. – Внешность обманчива. Это моё одиннадцатое тело.

Её поза недвусмысленно предлагала мне хорошенько присмотреться. Я скользнул взглядом по широким славянским скулам, по вырезу декольте и далее, по прикрытым тонкой тканью стройным ногам, изображая безразличие, на которое моя возбуждённая оболочка не имела никаких прав.

– Очень мило. Правда, на мой вкус чересчур молодое, но, как уже говорилось, я не здешний. Однако давайте вернёмся к вашему мужу. Весь день он провел в Осаке, но к вечеру вернулся. Насколько я понимаю, мистер Банкрофт делал это не физически?

– Разумеется. У него там в холодильнике хранится транзитный клон. Муж должен был вернуться часов в шесть вечера, но...

– Да?

Переступив с ноги на ногу, миссис Банкрофт пожала плечами. Мне показалось, она с трудом удерживает себя в руках.

– В общем, вовремя он не вернулся. Лоренс часто задерживается после заключения сделок.

– И никто не может сказать, куда он отправился в тот раз? Например, Кёртис?

Напряжение не уходило, и скрыто было плохо, как острые пики скал под лёгким снежком.

– Лоренс не посылал за Кёртисом. Вероятно, с терминала загрузки оболочек он уехал на такси. Я не обязана следить за своим мужем, мистер Ковач.

– Это совещание имело очень большое значение? То, что состоялось в Осаке?

– Мм... нет, не думаю. Мы с мужем уже говорили на эту тему. Разумеется, он ничего не помнит, но мы просмотрели бумаги и выяснили, что совещание было запланировано уже давно. Речь идёт о компании, занимающейся строительством морских объектов. «Пасификон», управление находится в Японии. Восстановительные работы. Как правило, Лоренс решает все проблемы в Бей-Сити, но в данном случае речь шла о внеочередном заседании совета инспекторов. Такими вещами лучше заниматься лично.

Я кивнул с умным видом, хотя понятия не имел, что собой представляет инспектор компании строительства морских объектов. И обратил внимание, что миссис Банкрофт несколько успокоилась.

– Значит, рутинное мероприятие?

– Можно и так сказать. – Она вымученно улыбнулась. – Мистер Ковач, уверена, вся эта информация имеется у полиции.

– Я в этом не сомневаюсь, миссис Банкрофт. Но у неё нет никаких оснований делиться со мной информацией. Я не имею официального статуса.

– Я успела заметить, что вы с полицейскими в хороших отношениях. – В её голосе внезапно проступила ядовитая желчь. Я посмотрел ей в глаза, и она первая отвела взгляд. – В любом случае, уверена, Лоренс сможет достать вам всё необходимое.

Эта дорога вела в тупик. Я сдал назад.

– Наверное, мне нужно будет поговорить с ним об этом. – Я обвёл взглядом хранилище карт. – Какая коллекция! Вы давно её собираете?

Судя по всему, миссис Банкрофт почувствовала, что разговор подходит к концу, потому что напряжение вытекло из неё, словно масло из треснувшего маслопровода.

– Почти всю жизнь, – сказала она. – Пока Лоренс таращился на звезды, кое-кто не отрывал взгляда от земли.

Я почему-то подумал про заброшенный телескоп на балконе. Представил себе его унылый угловатый силуэт на фоне темнеющего неба. Немое свидетельство минувших времён и устремлений, никому не нужная реликвия. Вспомнил, как он вернулся в исходное положение после того, как я случайно сбил наводку. Аппарат, преданный программе, заложенной в него столетие назад, на мгновение пробуждённый к жизни. Так же Мириам Банкрофт пробудила к жизни Поющую ветвь, погладив её.

Древность.

Внезапно я ощутил удушающее давление. Древность была повсюду; казалось, её источали камни виллы «Закат». Старина. Я уловил её дуновение от невозможно молодой и красивой женщины, стоявшей напротив, и к моему горлу подступил комок. Что-то внутри захотело бежать, выбраться на свободу, вдохнуть свежего воздуха, уйти от этих существ, чья память простиралась дальше исторических событий, о которых мне рассказывали в школе.

– Вам нехорошо, мистер Ковач?

Последствия выгрузки.

Я сделал над собой усилие и мысленно собрался.

– Всё в порядке. – Прочистив горло, я посмотрел Мириам Банкрофт в глаза. – Что ж, не буду вас больше задерживать, миссис Банкрофт. Благодарю за то, что уделили мне время.

Она шагнула ко мне.

– Не хотите...

– Нет-нет, не беспокойтесь. Я сам найду дорогу назад.

Путь обратно по хранилищу карт показался бесконечно долгим. Звуки шагов отдавались гулким эхом в моём черепе. Делая шаг за шагом, проходя мимо разложенных на полках карт, я затылком чувствовал пристальный взгляд древних глаз.

Мне очень захотелось курить.

Глава пятая

К тому времени, когда шофер Банкрофта повёз меня обратно в город, небо приняло оттенок старинного серебра. Повсюду в Бей-Сити начали зажигаться огни. На скорости, по моему мнению значительно выше разумной, мы зашли в город по дуге со стороны моря, пролетели над древним подвесным мостом ржавого цвета и оказались среди нагромождённых на холмистый полуостров зданий. Шофёр Кёртис никак не мог отойти после общения с полицией. Не прошло и двух часов, как его выпустили на свободу, а Банкрофт уже попросил отвезти меня в город. Всю дорогу Кёртис оставался мрачен и неразговорчив. Это был молодой парень спортивного телосложения, по-мальчишески симпатичный. Я предположил, что слуги Лоренса Банкрофта не привыкли, чтобы правительственные чиновники мешали выполнять их работу.

Я не жаловался. Моё собственное настроение мало чем отличалось от настроения шофёра. Перед глазами ещё стояли картины гибели Сары. Это произошло лишь вчера вечером. Субъективно.

Мы затормозили в небе над широкой улицей. Достаточно резко, чтобы кто-то близко над нами переслал на комсет лимузина протестующий гудок. Кёртис оборвал сигнал, хлопнув ладонью по приборной консоли, и недовольно задрал голову, выглядывая в окно на крыше. Мы опустились вниз с едва ощутимым толчком и влились в поток транспорта, тотчас же свернув налево в узкий переулок. Я начал обращать внимание на происходящее вокруг.

Городская жизнь повсюду одинакова. На всех планетах, где мне довелось побывать, я видел одно и то же: хвастовство и обман, куплю и продажу; человеческая суть как она есть просачивается из-под любой системы, которую гроыхающая политическая машина вздумает построить. Бей-Сити, город на Земле, древнейшей из цивилизованных планет, не стал исключением. Все, от нематериальных голографических плакатов, висящих на фасадах старинных зданий, до уличных торговцев с коммуникационными устройствами на плече, похожими на механических ястребов или огромные раковые опухоли, все что-то продавали. У тротуаров останавливались машины, и к ним устремлялись щедрые доступные тела, вальяжно прислоняющиеся к дверям и начинающие торговлю. Так, наверное, происходило с тех самых пор, как появились машины, к дверцам которых можно прислоняться. Над тележками со

съестным поднимались струйки дыма и пара. Салон лимузина был изолирован от звука и коммуникационных передач, но даже сквозь стекло чувствовался шум города, пронзительные голоса зазывал и модулированная музыка, насыщенная инфранизкими частотами, воздействующими на подсознание покупателя.

В Корпусе чрезвычайных посланников учат преодолевать человеческую природу. Сначала нужно увидеть сходство, скрытую переключку, что позволит хоть как-то сориентироваться на новом месте; ну а потом можно искать отличия, изучая мелкие детали.

На планете Харлан население состоит из потомков славянской и японской рас, хотя при желании и за соответствующую сумму можно получить любую этническую вариацию, выращенную в резервуаре. Здесь же были лица всех цветов кожи и разных генотипов: я встречал высоких, угловатых африканцев, широколицых узкоглазых монголоидов, бледных скандинавов. Один раз даже увидел девушку, похожую на Вирджинию Видауру, но она быстро затерялась в толпе. Все торопились, спешили по своим делам.

Неуклюже.

Эта характеристика мелькнула в сознании, словно та девушка в толпе. Нахмурившись, я ухватился за неё и присмотрелся повнимательнее.

На Харлане уличная жизнь обладает каким-то обнаженным изяществом: бережная экономия движений и жестов кажется непривычному взгляду своего рода хореографией. Я вырос на Харлане, поэтому вспоминал об этой особенности толпы только на других мирах.

На Земле я не видел ничего подобного. Бурлящая человеческая активность за окнами лимузина напоминала чем-то пенистую струю, возникающую между двумя близко идущими лодками. Прохожие проталкивались и протискивались вперед, резко замирали на месте и пятились назад, пытались обходить скопления людей, но слишком поздно, когда уже не оставалось времени для манёвра. То и дело внутреннее напряжение вырывалось наружу, взлетали вверх подбородки, распрямлялись мускулистые тела. Два или три раза я видел признаки зарождающейся потасовки, правда, их мгновенно смывал непрерывный, kloкочущий людской поток. Казалось, на улицы щедро брызнули феромональным ^[1] раздражающим средством.

– Кёртис, – сказал я, бросив взгляд на бесстрастный профиль водителя. – Вы не могли бы на минуту отключить блокировку коммуникаций?

Посмотрев на меня, он едва заметно скривил губы.

– Разумеется.

Откинувшись назад, я снова сосредоточил взгляд на том, что происходило на улицах.

– Я не турист, Кёртис. Наблюдая, я зарабатываю себе на жизнь.

Каталоги уличных торговцев обрушились потоком бредовых галлюцинаций, слегка искаженных отсутствием прямой связи. Они быстро напознали друг на друга по мере того, как мы скользили вперед, но всё равно оставались невыносимо настойчивыми и, по меркам Харлана, слишком громкими. Самыми навязчивыми были предложения плотских утех: меняющаяся череда половых актов во всевозможных позах, цифровая корректировка изображений, добавляющая воздушного блеска грудям и мускулатуре. Имена шлюх нащёптывались томным голосовым сопровождением вместе с краткими характеристиками: «застенчивая девочка», «властная садистка», «необъезженный жеребец» и другими из совершенно чуждого культурного пласта. В эти сообщения вплетались более скромные списки химических препаратов и заманчивые обещания торговцев наркотиками и имплантатами. Среди них я уловил пару религиозных обращений – картинки духовного спокойствия на фоне гор, – но они напоминали тонущих в океане товаров.

Постепенно голоса стали обретать смысл.

– Что значит «из Домов»? – спросил я Кёртиса, в третий раз выудив эту фразу из обращений.

Кёртис презрительно усмехнулся.

– Своеобразный знак качества. «Дома» – это картель, высококлассные и дорогие публичные дома по всему побережью. Если девушка «из Домов», она обучена делать то, о чем большинство людей не смеет даже мечтать. – Он кивнул на улицу. – Не покупайтесь на красивые фразочки; из этих шлюх никто никогда не работал в «Домах».

– А «труп»?

Кёртис пожал плечами.

– Уличный жаргон. Бетатанатин. Подростки применяют его для того, чтобы попробовать смерти. Это гораздо дешевле, чем самоубийство.

– Надо полагать.

– А у вас на Харлане бетатанатина нет?

– Нет.

В Корпусе чрезвычайных посланников я пару раз применял этот препарат, но только за пределами планеты. На Харлане бетатанатин запрещён.

– Зато у нас есть самоубийства, – добавил я. – Вас не затруднит снова

включить блокировку?

Нежное прикосновение образов резко оборвалось, и у меня в голове на мгновение воцарилась полная пустота, словно в необставленной комнате. Я подождал, когда ощущение пройдет.

– Это улица Миссий, – сказал Кёртис. – Следующие два квартала одни отели. Хотите, чтобы я высадил вас здесь?

– Можете что-нибудь порекомендовать?

– Смотря что вы хотите.

Я ответил его же фирменным пожатием плеч.

– Что-нибудь светлое. Просторное. С обслуживанием в номере.

Он задумчиво прищурился.

– Если хотите, попробуйте «Хендрикс». Там есть башня-пристройка, и шлюхи у них чистые.

Лимузин чуть ускорился, и мы молча проехали два квартала. Я решил не объяснять, что имел в виду обслуживание другого рода. Пусть Кёртис думает, что хочет.

Тут у меня перед глазами непрощено явился застывший образ Мириам Банкрофт с бусинками пота, блестящими в ложбинке на груди.

Лимузин плавно остановился перед ярко освещенным фасадом здания в незнакомом стиле. Выйдя из машины, я уставился на огромное голографическое изображение чернокожего музыканта, с лицом, искаженным экстазом от музыки, которую он извлекал из гитары, держа её, как левша. Картинка была не совсем естественной: судя по всему, её получили из двухмерных фотографий, что говорило о возрасте изображения. Надеюсь, это говорит не столько о дряхлости отеля, сколько о традиции качественного обслуживания. Я поблагодарил Кёртиса и, захлопнув за собой дверь, проводил взглядом удаляющийся лимузин. Он почти сразу взмыл вверх, и вскоре задние габаритные огни потерялись в потоке воздушного транспорта. Я повернулся к дверям из зеркального стекла, и они, дёрнувшись, раздвинулись, впуская меня внутрь.

Если по вестибюлю можно о чем-то судить, то «Хендрикс» определённо удовлетворял моему второму требованию. Кёртис мог бы поставить здесь в ряд три или даже четыре лимузина Банкрофта, и всё равно осталось бы место для проезда робота-мойщика. Относительно первого требования у меня такой уверенности не было. Стены и потолок покрывал неровный узор осветительных плиток, чей срок службы несомненно подходил к концу. Тусклому сиянию удавалось лишь сгрести полумрак в середину помещения. Самым ярким здесь был свет, проникающий с улицы.

В вестибюле – ни одной живой души, но от стойки у противоположной стены исходило слабое голубое сияние. Пройдя мимо невысоких кресел и скучающих по полировке столов с металлическими крышками, я обнаружил экран встроенного в стойку монитора.

По экрану неслась снежная пороша отсутствия соединения. В нижнем углу мигала надпись на английском, испанском и японском:

ГОВОРИТЕ

Оглянувшись, я снова посмотрел на экран.

Никого.

Я кашлянул, прочищая горло.

Надпись погасла и сменилась на новую:

ВЫБЕРИТЕ ЯЗЫК

– Я хочу снять номер, – попробовал я по-японски, из чистого любопытства.

Экран ожил так неожиданно, что я непроизвольно отступил назад. Блуждающие разноцветные точки быстро сложились в смуглое лицо азиатского типа над чёрной рубашкой и галстуком. Улыбнувшись, лицо преобразовалось в девушку европейского типа, чуть состарилось, и в конце концов передо мной засветилась светловолосая тридцатилетняя женщина в строгом деловом костюме. Выбрав идеальный облик для общения, отель одновременно пришёл к выводу, что я не умею говорить по-японски.

– Добрый день, сэр. Добро пожаловать в отель «Хендрикс», основанный в 2087 году и существующий поныне. Чем мы можем вам помочь?

Я повторил просьбу, перейдя на амеранглик.

– Благодарю вас, сэр. Можем предложить несколько номеров, они полностью подключены к информационной и развлекательной системе города. Будьте добры, укажите ваши пожелания относительно размеров и этажа.

– Мне бы хотелось номер в башне, с окнами на запад. Самую большую комнату, какая у вас только есть.

Лицо отъехало в угол экрана, и его место заняла изометрическая проекция отеля. Быстро пройдясь по номерам, селектор остановился в углу, вытащил увеличенное изображение выбранного номера и покрутил его со всех сторон. Сбоку появилась бегущая колонка текста.

– Номер люкс в башне, три комнаты, спальня размером тринадцать целых восемьдесят семь сотых метра на...

– Отлично, беру.

Изометрическая проекция исчезла словно по мановению волшебной палочки, и весь экран снова заняло женское лицо.

– Сколько суток вы у нас пробудете, сэр?

– Пока сказать не могу.

– Необходимо внести залоговый депозит, – робко сказал отель. – Для проживания на срок более четырнадцати суток требуется сумма в шестьсот долларов ООН. В случае преждевременного отбытия до истечения вышеуказанного срока соответствующая часть депозита будет возвращена.

– Отлично.

– Благодарю вас, сэр. – По тону голоса я заподозрил, что клиенты, расплачивающиеся за проживание, для отеля «Хендрикс» в диковинку. – В какой форме вы собираетесь платить?

– Код ДНК. Счёт в Первом колониальном банке Калифорнии.

По экрану побежали подробности оплаты счета, и тут я почувствовал холодное металлическое колечко, прижатое к моему затылку.

– Это именно то, о чём ты подумал, – произнес тихий голос. – Одно неверное движение – и фараоны будут несколько недель соскребать со стен твои размазанные полушария. Я говорю о *настоящей смерти*, дружок. Ну-ка, подними руки повыше.

Я подчинился, чувствуя, как по спине, от того места, где к затылку приставлено дуло пистолета, разливается непривычный холодок. Мне довольно давно не угрожали настоящей смертью.

– Вот и хорошо, – продолжил тот же тихий голос. – А сейчас моя помощница тебя ощупает. Стой спокойно, никаких резких движений.

– Пожалуйста, введите свой код ДНК с помощью клавиатуры под экраном.

Отель связался с базой данных Первого колониального банка. Я терпеливо ждал, пока стройная женщина в чёрном, с лицом, скрытым горнолыжными очками, обойдет меня со всех сторон и ощупает с ног до головы ворчащим серым сканером. Пистолет, приставленный к затылку, не шелохнулся. Дуло уже не было холодным. Тепло моего тела нагрело его до более интимной температуры.

– Он чист. – Другой, резкий, профессиональный голос. – Основы нейрехимии, но пока не действуют. Железа нет.

– Вот как? Значит, путешествуешь налегке, Ковач?

Моё сердце рухнуло из груди куда-то в район желудка. До этих слов я

надеялся, что имею дело с обыкновенными грабителями.

– Я вас не знаю, – осторожно сказал я, поворачивая голову на пару миллиметров.

Пистолет дёрнулся, и я замер.

– Точно, не знаешь. А теперь слушай, что будет дальше. Мы выйдем на улицу...

– Время ожидания запроса кредита истечет через тридцать секунд, – терпеливо сказал отель. – Пожалуйста, введите свой код ДНК.

– Мистеру Ковачу не понадобится забронированный номер, – сказал стоявший за спиной мужчина. Он положил руку мне на плечо. – Пошли, Ковач, мы тебя прокатим.

– Без внесения депозита я не могу разместить вас в отеле, – произнесла женщина с экрана.

Я уже начал разворачиваться, но что-то в её голосе меня остановило. Поддавшись внезапному порыву, я разразился хриплым кашлем.

– Какого...

Нагнувшись вперед в приступе кашля, я поднес руку ко рту и облизал большой палец.

– Какого черта ты задумал, Ковач?

Резко распрямившись, я хлопнул ладонью по клавиатуре. На матово-чёрном приёмнике появились брызги свежей слюны. Через долю секунды ребро мозолистой ладони врезалось слева в мой череп, и я свалился на четвереньки. Получив ботинком в лицо, я сполз на пол.

– Благодарю вас, сэр, – сквозь звон в ушах услышал я голос отеля. – Ваш запрос обрабатывается.

Я попытался встать, но получил второй удар ногой – на этот раз по ребрам. Расплата за причинённое беспокойство. Кровь из носа брызнула на ковер. В затылок снова упёрлось дуло пистолета.

– Зря ты решил умничать, Ковач. – Голос прозвучал чуть менее спокойно. – Если надеешься, что полиция выследит, куда мы тебя отвезем, значит, оцифровка стёрла твои мозги. А теперь вставай, живо!

Он попытался поднять меня на ноги, как вдруг началось светопреставление.

Почему кто-то счёл нужным оснастить систему безопасности «Хендрикса» двадцатимиллиметровыми автоматическими пушками, осталось выше моего понимания, но работа была выполнена с убийственной тщательностью. Краем глаза я успел увидеть спускающуюся змеей из-под потолка сдвоенную автоустановку, и тут же первый из нападавших получил трехсекундную очередь. Достаточная огневая мощь,

чтобы сбить небольшой самолет. Грохот выстрелов оглушал.

Женщина в очках бросилась к двери. Не обращая внимания на гул в ушах, я поднял взгляд и убедился, что установка поворачивается вслед за ней. Женщина успела пробежать шагов десять, прежде чем полумрак вестибюля озарился ярко-красным лучом лазера, упавшим ей на спину. Замкнутое помещение снова огласилось громом канонады. Я стоял на коленях, зажимая руками уши, и смотрел, как снаряды разрывают тело женщины. Она рухнула на пол бесформенной грудой плоти.

Огонь прекратился.

В наступившей тишине, пропитанной запахом пороха, ничего не двигалось. Автоустановка снова задремала, опустив стволы орудий вниз. Из дул тонкими струйками вился дымок. Опустив руки, я поднялся и осторожно ощупал лицо и нос, проверяя характер повреждений. Похоже, кровотечение остановилось, и во рту я не смог найти ни одного расщатанного зуба. В том месте, куда пришелся второй удар ногой, болели рёбра, но, кажется, все они целы. А посмотрев на ближайший труп, я тотчас пожалел о брошенном взгляде. Пол придется долго отмывать.

Слева от меня с тихим звоном открылись двери лифта.

– Ваш номер готов, сэр, – сказал отель.

Глава шестая

Кристина Ортега здорово опаздывала.

Она вошла в двери отеля, шагая столь широко, что один карман её пиджака, наполненный чем-то тяжелым, хлестал по бедру. Остановившись посреди вестибюля, лейтенант оглядела последствия кровавой бойни.

– Ковач, вы часто устраиваете подобное?

– Я уже давно вас жду, – мягко напомнил я. – И сейчас у меня нет настроения шутить.

Отель связался с полицией Бей-Сити приблизительно в то время, когда автоустановка открыла огонь, но прошло добрых полчаса, прежде чем первые полицейские машины спустились вниз из потока воздушного транспорта. Я решил не подниматься в номер, так как знал, что меня всё равно вытащат из кровати; а после того, как появилась полиция, не было и речи о том, чтобы уйти, не дождавшись лейтенанта Ортеги. Полицейский медик бегло осмотрел меня и убедился, что сотрясения мозга нет, после чего оставил в покое, брызнув в нос суспензию для остановки кровотечения. После этого я устроился в вестибюле отеля и позволил своей новой оболочке выкурить несколько сигарет, подаренных лейтенантом. Я сидел на одном месте уже целый час, когда наконец приехала Ортега.

Лейтенант неопределенно махнула рукой.

– Да, прошу прощения. Вечером город стоит.

Я предложил лейтенанту её же сигареты. Она посмотрела на пачку так, словно я поставил запутанный философский вопрос, затем взяла её и вытряхнула сигарету. Не обращая внимания на зажигательную полоску сбоку пачки, Ортега порылась в карманах, достала массивную бензиновую зажигалку и раскрыла её с громким щелчком. Казалось, она действовала на автопилоте – отступила в сторону, пропуская экспертов-криминалистов, проносивших новое оборудование, затем убрала зажигалку не в тот карман, откуда достала. Вестибюль вокруг нас вдруг заполнился специалистами, и все они сосредоточенно занимались своим делом.

– Итак, – сказала Ортега, выпуская дым тонкой струйкой, – вы знаете этих людей?

– Слушайте, мать вашу, перестаньте же наконец!

– Что вы хотите этим сказать?

– Я хочу сказать, что вышел из хранения шесть часов назад, а то и меньше. – Я словно со стороны слышал, как мой голос начинает

повышаться. – Я хочу сказать, что с тех пор, как мы с вами расстались, я говорил ровно с тремя людьми. Я хочу сказать, что до настоящего времени никогда не бывал на Земле. Я хочу сказать, *что вам всё это хорошо известно*. Так что или вы будете задавать умные вопросы, или я пойду спать.

– Ну ладно, успокойтесь. – Внезапно Ортега показалась мне очень уставшей. Она опустилась в кресло напротив. – Вы сказали сержанту, что это были профессионалы.

– И это действительно так.

Я решил, что подобной информацией можно и поделиться с полицией. Ведь полисмены и так всё узнают, как только проверят трупы по своей базе данных.

– Эти люди называли вас по фамилии?

Сделав усилие, я наморщил лоб.

– По фамилии?

– Да. – Ортега нетерпеливо махнула рукой. – Называли вас Ковачем?

– Не припоминаю.

– А другие имена они называли?

Я вопросительно поднял бровь.

– Какие, например?

Пелена усталости, застилавшая её лицо, внезапно рассеялась. Ортега пристально посмотрела на меня.

– Не обращайтесь внимания. Мы заглянем в память отеля и сами всё увидим.

Ого!

– На Харлане для этого требуется ордер на обыск, – постарался произнести я как можно небрежнее.

– И у нас на Земле тоже. – Ортега стряхнула пепел на ковер. – Но с этим не возникнет никаких проблем. «Хендрикс» не впервые обвиняется в нанесении органических повреждений. Конечно, с предыдущего раза прошло уже много лет, но в архивах отыщется вся информация.

– И как же у него не отобрали лицензию?

– Я сказала «обвинялся», а не «был признан виновным». Суд отмахнулся от этого дела. Доказуемая самооборона. Потому что, – лейтенант кивнула на дремлющую автоустановку, с которой два криминалиста снимали следы облучения, – в тот раз речь шла о поражении электрошоком. Ничего похожего на случившееся.

– Да, я как раз собирался спросить: кто оснастил отель таким оборудованием?

– За кого вы меня принимаете, за начальника строительства? – Неожиданно взгляд Ортеги наполнился враждебностью, которая мне совершенно не понравилась. Так же внезапно она и успокоилась, пожимая плечами. – В выдержке из архива, которую я пробежала по дороге сюда, говорится, что это произошло больше двух столетий назад, в самый разгар корпоративных войн. В таком случае оснащение имеет смысл. Когда начался тот ад, многие здания перестроили так. Большинство компаний прекратило существование во время торгового кризиса, поэтому никто и не потрудился издать закон об обязательном разоружении. «Хендрикс» добился статуса искусственного интеллекта и уцелел.

– Мудро.

– Да. Насколько я слышала, в те времена ИскИны были единственными, кто мог реально влиять на происходящее на рынке. Тогда многим удалось разбогатеть в одночасье. В этом квартале почти все отели имеют статус ИскИна. – Ортега усмехнулась, глядя на меня сквозь табачный дым. – Вот почему в них никто не останавливается. А жаль, если честно. Я где-то читала, что в таких отелях на аппаратном уровне зашито желание иметь клиентов, сравнимое с сексуальным. Представляете, каково им сейчас приходится?

– Представляю.

К нам подошёл один из полицейских. Ортега бросила на него взгляд, красноречиво приказывающий оставить нас в покое.

– Мы провели анализ ДНК, – почтительно произнес полицейский, протягивая лейтенанту пластинку видеофакса.

Пробежав её взглядом, Ортега повернулась ко мне.

– Подумать только! Ковач, вам довелось побывать в чудесной компании. – Она указала на труп мужчины. – Оболочка в последний раз зарегистрирована на Дмитрия Кадмина, известного также как Дима Близнец. Профессиональный убийца из Владивостока.

– А женщина?

Ортега переглянулась со своим подчиненным.

– Регистрация в Улан-Баторе?

– Так точно.

– Конец ублюдку! – Ортега с новой силой вскочила на ноги. – Извлекайте у них память больших полушарий и тащите её на Фелл-стрит. Я хочу, чтобы Диму ещё до полуночи загрузили на хранение. – Она опять повернулась ко мне. – Ковач, похоже, вы оказали нам большую услугу.

Сунув руку за пазуху двубортного пиджака, полицейский небрежно, словно пачку сигарет, достал нож мясника с длинным лезвием. Вместе с

Ортегой они подошли к труп и присели рядом. Другие полицейские в форме, охваченные любопытством, столпились вокруг. Послышался чавкающий треск разрезаемых хрящей. Подождав немного, я присоединился к ним. Никто не обратил на меня внимания.

То, что я увидел, едва ли можно было назвать тонкой биотехнической операцией. Полицейский вскрыл участок позвоночника, чтобы добраться до основания черепа, и стал ковырять внутри острием ножа, пытаясь определить местонахождение памяти больших полушарий. Кристина Ортега крепко держала голову трупа обеими руками.

– Они повадились закапывать её глубже, чем раньше, – заметила она. – Посмотри, сможешь ли ты вытащить спинной мозг до самого конца, там она и будет.

– Я стараюсь, – проворчал полицейский. – Похоже, здесь какая-то дополнительная защита. Судя по всему, противоударная прокладка, о которой говорил Ногучи в последний раз, когда он у нас был... Чёрт!!! Мне показалось, я уже её достал.

– Слушай, подожди, ты подходишь не с той стороны. Дай я попробую.

Забрав у помощника нож, Ортега положила голову себе на колено.

– Чёрт возьми, шеф, я уже почти достал её.

– Да-да, но только я не собираюсь торчать здесь всю ночь и смотреть, как ты ковыряешься в чужих мозгах.

Подняв взгляд, она увидела меня и, кивнув, сунула в разрез лезвие. Резко надавив на рукоятку ножа, лейтенант довольно усмехнулась. Послышался хруст.

– Слышал?

Просунув в разрез руку, она вытащила двумя пальцами память – испачканную кровью маленькую противоударную коробочку размером с окурки, с торчащими из одного конца спутанными проводами микроразъемов. Я понял, почему католики упрямо отказываются верить, что память больших полушарий является хранилищем человеческой души.

– Вот я тебя и достала, Дима.

Осмотрев память, Ортега передала её и нож своему помощнику. Затем вытерла руки об одежду убитого.

– Отлично, теперь достанем вторую из женщины.

Полицейский стал повторять процедуру со вторым трупом. Нагнувшись к уху Ортеги, я шепнул:

– А кто она, вам тоже известно?

Лейтенант резко обернулась, то ли удивленная, то ли разозленная тем, что я стою рядом.

– Да, это тоже Дима Близнец. Оболочка зарегистрирована в Улан-Баторе. К вашему сведению, азиатской столице чёрного рынка загрузки. Видите ли, нашего Диму никак нельзя назвать человеком открытым. Он предпочитает иметь дело только с теми, в ком полностью уверен. А в тех кругах, где вращается Дима, абсолютно доверять можно только себе самому.

– Мне это знакомо. У вас на Земле легко получить свою копию?

Ортега недовольно поморщилась.

– Становится всё проще и проще. При нынешних технологиях программатор загрузки оболочек можно разместить в квартире. Скоро он будет иметь размер комнаты, потом – чемодана. – Она пожала плечами. – Плата за прогресс.

– На Харлане есть только один действующий способ. Надо забронироваться на межзвёздную пересылку, получить страховочную копию на время путешествия, и в самый последний момент отказаться от передачи. Подделать транзитный сертификат, затем потребовать временной загрузки страховочной копии в связи с чрезвычайными обстоятельствами. Например, заявить, что без личного участия принадлежащую этому человеку фирму ждёт крах. Загрузиться с оригинала на станции межзвёздных передач, а затем через страховую компанию где-нибудь в другом месте. Копия номер один выходит со станции на совершенно законных основаниях. Человек просто передумал путешествовать. Такое случается сплошь и рядом. Копия номер два не возвращается в страховую компанию на хранение. Правда, подобная махинация стоит очень больших денег. Для того чтобы её проверить, нужно дать бесчисленное количество взяток самым разным чиновникам и украсть много машинного времени.

У полицейского, возившегося с трупом женщины, сорвался нож, и он порезал себе большой палец. Закатив глаза, Ортега сдержанно вздохнула и снова повернулась ко мне.

– У нас все гораздо проще, – заметила она.

– Да? И как же это сделать?

– Для начала... – Ортега заколебалась, словно пытаясь понять, почему она разговаривает со мной. – А зачем вам это нужно?

Я ухмыльнулся.

– Наверное, природное любопытство.

– Ну хорошо, Ковач. – Ортега схватила обеими руками кружку кофе. – Сделать это можно вот как. В один прекрасный день мистер Дмитрий Кадмин заходит в какую-нибудь крупную страховую компанию, занимающуюся восстановлением и загрузкой оболочек. Я имею в виду

действительно солидную компанию, что-нибудь вроде «Ллойд» или «Картрайт Солар».

– Это происходит здесь? – Я указал на освещённый яркими огнями мост за окнами номера. – В Бей-Сити?

Когда полиция наконец собралась уезжать из «Хендрикса», Ортега заявила, что остаётся со мной. Изумленный помощник молча уставился на начальницу, но она выпроводила его, ещё раз строго напомнив, что необходимо как можно быстрее считать память больших полушарий Кадмина. После этого мы поднялись в номер. Ортега даже не взглянула на отъезжающие полицейские машины.

– В Бей-Сити, на Восточном побережье или в Европе. – Пригубив кофе, Ортега поморщилась от привкуса виски, хотя «Хендрикс» добавили в кружку по её просьбе. – Не имеет значения. Главное – это компания. Какая-нибудь солидная, хорошо известная. Занимающаяся страховкой с того времени, когда начала широко практиковаться загрузка сознания. Мистер Кадмин выясняет особенности процедуры восстановления и загрузки и после долгих торгов по поводу страховой премии покупает полис. Понимаете, всё должно выглядеть безупречно. Заключается долгосрочный контракт, но главное – оставляете вы там не только деньги, понимаете?

Я прислонился к оконной раме. Из трёх комнат номера люкс в башне открывался вид на город и водную гладь за ним, на север и запад. Площадка у окна, занимающая около пятой части номера, была застелена удобными подушками психоделических тонов. Мы с Ортегой сидели лицом к лицу в метре друг от друга.

– Ну хорошо, это первая копия, – сказал я. – А что дальше?

Ортега пожала плечами.

– Несчастный случай со смертельным исходом.

– В Улан-Баторе?

– Именно. Дима на большой скорости налетает на энергетический пилон, выпадает из окна гостиницы или делает ещё что-нибудь в том же духе. Агент улан-баторского отделения страховой компании извлекает память больших полушарий и за щедрое вознаграждение изготавливает копию. В дело вступает «Картрайт Солар», «Ллойд» или кто там ещё и в соответствии с условиями страхового договора переправляет оцифрованный мозг Димы в банк клонов. Там его выгружают в заблаговременно припасенную оболочку. Большое спасибо, сэр. Было очень приятно иметь с вами дело.

– А тем временем...

– А тем временем улан-баторский агент покупает на чёрном рынке

оболочку: летальный исход кататонии ^[2] из местной больницы или жертву преступных разборок, не получившую серьёзных повреждений. Полиция Улан-Батора разбогатела на незаконной торговле таким товаром. Агент стирает сознание оболочки, в подпольном центре загружает в неё копию Димы, и копия номер два спокойно выходит на улицу. После чего суборбитальный полёт на противоположный конец земного шара – и можно приступить к работе в Бей-Сити.

– Полагаю, такие ребята попадают к вам в руки нечасто.

– Крайне редко. Дело в том, что требуется захватить с поличным сразу обе копии – или как сейчас мертвыми, или задержать за преступление, подлежащее преследованию по линии ООН. Без санкции ООН законодательно запрещено выгружать сознание из живого тела. В безвыходном положении двойник просто уничтожает память больших полушарий выстрелом в затылок. Такое несколько раз происходило у меня на глазах.

– Весьма сурово. И каково же наказание?

– Стирание.

– *Стирание?* У вас и это практикуется?

Ортега кивнула. Вокруг рта у неё заиграла едва уловимая мрачная усмешка, не тронувшая сами губы.

– Да, практикуется. Вас это шокирует?

Я задумался. В Корпусе чрезвычайных посланников некоторые преступления карались стиранием. В первую очередь дезертирство и неподчинение приказу в боевой обстановке. Но мне ни разу не приходилось видеть стирание в действии. Беспрекословное повиновение было неотъемлемой частью нашей подготовки. А на Харлане стирание отменили за десять лет до моего рождения.

– Довольно старомодный подход, вы не находите?

– Вас так глубоко трогает то, что произойдет с Димой?

Я провёл языком по ранкам во рту. Вспомнил кружок холодного металла, прижатый к затылку, и покачал головой.

– Нет. Но разве это останавливает таких людей, как он?

– Существует ещё несколько тяжких преступлений, за которые предусмотрена высшая мера. Однако сейчас в этих случаях стирание, как правило, заменяют двумя-тремя столетиями хранения.

Выражение лица Ортеги говорило, что лично она не приветствует подобную гуманность.

Поставив кружку, я потянулся за сигаретой. Движение было машинальным, и я слишком устал, чтобы с ним бороться. Ортега махнула

рукой, отказываясь от протянутой пачки. Прикоснувшись кончиком сигареты к зажигательной полоске, я прищурился, глядя на лейтенанта.

– Ортега, сколько вам лет?

Она подозрительно посмотрела на меня.

– Тридцать четыре. А что?

– Гм, и вас ни разу не оцифровывали?

– Почему? Несколько лет назад у меня была психирургическая операция, и я пару дней провела на хранении. Но если не считать этого, то не оцифровывали. Я не преступник и у меня нет денег на космические путешествия.

Я выпустил облачко дыма.

– Вы относитесь к этому чересчур чувствительно. Или я не прав?

– Я же сказала, что никогда не совершала преступлений.

– Понимаю. – Я вспомнил последнюю встречу с Вирджинией Видаурой. – Иначе вы бы не считали, что выпасть из жизни на двести лет – это легко.

– Я этого не говорила.

– А и не надо было ничего говорить.

Не знаю, что заставило меня забыть о том, что Ортега представляет закон, но что-то определенно было. Это что-то зародилось в пространстве между нами подобно статическому заряду. Я наверняка бы разобрался в этом, если бы мои подсознательные навыки чрезвычайного посланника не были притуплены новой оболочкой. Но что бы это ни было, оно уже исчезло. Расправив плечи, я сделал глубокую затяжку. Мне просто необходимо выспаться.

– Кадмин стоит очень дорого, так? Высокие накладные расходы, большой риск, он должен брать за работу очень много.

– В среднем двадцать тысяч за дело.

– В таком случае Банкрофт не покончил с собой.

Ортега подняла брови.

– Шустрая работа для человека, только что прибывшего сюда.

– О, не надо. – Я выдохнул в её сторону облако дыма. – Если бы это было самоубийство, кому, чёрт побери, понадобилось бы платить двадцать тысяч, чтобы меня пришить?

– Вас очень любят, да?

Я подался вперед.

– Нет, меня терпеть не могут во многих местах, но только не люди, у которых есть такие связи и такие средства. Я не столь крупная птица, чтобы нажить себе влиятельных врагов. Тот, кто натравил на меня Кадмина,

знает, что я работаю на Банкрофта.

Ортега хитро усмехнулась.

– Кажется, вы говорили, что по имени вас не называли?

«Устал, Такеси. – Я буквально увидел Вирджинию Видауру, с укоризной грозящую пальцем. – Чрезвычайный посланник не должен попадаться в ловушки простого полицейского».

Я постарался как можно аккуратнее выбраться из капкана.

– Убийцы знали, кто я такой. Такие люди, как Кадмин, не шатаются по отелям, надеясь обчистить зазевавшегося туриста. Ну же, Ортега, согласитесь, что я прав.

Я умолк, не зная, что сказать дальше. Ортега ответила не сразу.

– Значит, Банкрофт также был убит? Возможно. И что с того?

– А то, что вы должны провести повторное расследование.

– Вы меня не слушаете, Ковач. – Она изогнула губы в улыбке, призванной останавливать вооружённых грабителей. – Дело закрыто.

Бессильно уронив плечи, я откинулся назад, глядя на неё сквозь облако дыма. Наконец я сказал:

– Знаете, когда сюда прибыла группа быстрого реагирования, один из полицейских показывал значок так долго, что я успел его разглядеть. При ближайшем рассмотрении он весьма любопытен. Орел, щит. И надпись вокруг.

Ортега знаком предложила мне продолжать, и я, затянувшись, вонзил в неё острый шип.

– Кажется, там написано «Служить и защищать»? Полагаю, к тому времени, как становишься лейтенантом, уже перестаешь в это верить.

Попадание. У Ортеги под глазом дернулась жилка, щёки втянулись, словно она проглотила что-то горькое. Лейтенант пристально посмотрела на меня. Какое-то время казалось, что я переборщил. Затем она вздохнула, уронив плечи.

– Ладно, валяйте. Вы всё равно ни хрена не понимаете. Банкрофт и ему подобные не похожи на нас. Он – *маф*, мать его.

– Маф?

– Да, маф. Знаете, «всех же дней Мафусаила было девятьсот шестьдесят девять лет». Он старый. Я хочу сказать, *очень старый*.

– Разве это преступление, лейтенант?

– Это должно считаться преступлением, – мрачно заметила Ортега. – Когда живёшь так долго, с тобой многое происходит. Начинаешь придавать самому себе слишком большую ценность. Всё кончается тем, что ты принимаешься мнить себя Господом Богом. И мелкие людишки, которым от

роду тридцать-сорок лет, перестают тебя волновать. На твоих глазах возникало, крепло и увядало не одно общество, и ты начинаешь чувствовать, что стоишь надо всем этим. Подобные пустяки больше не имеют для тебя никакого значения. И возможно, ты начнёшь топтать этих мелких людишек, путающихся под ногами, – просто так, от нечего делать, как прохожий сбивает ногой головки полевых цветов.

Я внимательно посмотрел на неё.

– Вы ловили Банкрофта на чём-то подобном? Да?

– Я не имею в виду Банкрофта, – нетерпеливо отмахнулась Ортега. – Я говорю о подобном типе людей. Они чем-то напоминают ИскИнов. Превратились в обособленную породу. В них уже нет ничего человеческого, а к остальным людям они относятся так, как мы с вами относимся к насекомым. Так вот, когда имеешь дело с управлением полиции Бей-Сити, подобное отношение может выйти боком.

Вспомнив выходы Рейлины Кавахары, я подумал: а так ли сильно преувеличивает Ортега? На Харлане большинство людей может сменить оболочку хотя бы один раз. Но дело в том, что всем, за исключением очень богатых, приходится полностью проживать отведённый срок, а даже с препаратами против старения это очень утомительно. Второй раз всё становится гораздо хуже, потому что человек знает, что его ждёт впереди. Мало у кого хватает духу повторить это больше двух раз. Большинство добровольно отправляется на хранение, лишь время от времени загружаясь в оболочку для каких-нибудь особо важных семейных дел. И разумеется, с годами и эти перезагрузки становятся всё более редкими, так как новые поколения прекрасно обходятся без своих отдалённых предков.

Далеко не каждый хочет продолжать жить, меняя жизнь за жизнью, оболочку за оболочкой. Нужен особый подход, чтобы не задумываться о том, чем ты станешь через несколько столетий.

– Значит, Банкрофта никто не стал слушать, потому что он маф. «Извини, Лоренс, ты заносчивый ублюдок, зажившийся на этом свете. У полиции Бей-Сити есть дела поважнее, чем проверка твоих фантазий», – что-нибудь в таком духе.

На этот раз Ортега не проглотила наживку. Отпив кофе, она неопределённо махнула рукой.

– Послушайте, Ковач, Банкрофт остался жив, и какими бы ни были обстоятельства дела, у него достаточно средств, чтобы обеспечить необходимые меры безопасности и не допустить повторения. Никто не пострадал от ошибок правосудия. А департаменту полиции не хватает средств, не хватает людей. Работы у нас по горло, и мы не можем

бесконечно гоняться за призраками.

– А если это не призраки?

Ортега вздохнула.

– Ковач, я трижды облазила весь дом с бригадой криминалистов. Мы не смогли обнаружить никаких следов борьбы, никаких признаков проникновения через наружные заграждения, никаких данных о нарушителях в архивах системы безопасности. Мириам Банкрофт добровольно вызвалась пройти самые совершенные тесты на детекторе лжи и ни разу не дрогнула. Она не убивала своего мужа, и никакой посторонний человек не проникал на виллу и не убивал Лоренса Банкрофта. Он покончил с собой по причинам, известным ему одному, и к этому больше нечего добавить. Мне очень жаль, что вам предложено доказать обратное. Увы, одного желания и упорства тут недостаточно. Дело всесторонне изучено и закрыто.

– Ну а телефонный звонок? Тот факт, что Банкрофт не мог не помнить про копию своей памяти на внешнем носителе? Тот факт, что кто-то посчитал меня настолько серьёзной угрозой, что прислал сюда Кадмина?

– Ковач, я не собираюсь спорить с вами. Мы допросим Кадмина и выясним всё, что ему известно. А относительно остального скажу, положив руку на сердце: я всё проверила и перепроверила, и это начинает мне надоедать. В Бей-Сити полно тех, кому мы нужны больше, чем Банкрофту. Жертвы настоящих убийств, у которых не было припасено копии на внешнем носителе в момент, когда им размозжили память больших полушарий. – Взгляд Ортеги затянуло туманом усталости. – Жертвы органических повреждений, не имеющие денег на новую оболочку, и надеющиеся на то, что преступление против них будет раскрыто, а власти возложат расходы на виновных. Я вынуждена копаться в этом дерьме по десять часов в день, а то и больше. Так что, извините, у меня не осталось сочувствия к Лоренсу Банкрофту с его замороженными клонами, влиятельными покровителями на самом высшем уровне и крючкотворами-адвокатами, которых он натравливает на нас, когда кто-нибудь из членов его семьи или прислуги сбивается с прямой дорожки.

– А такое часто случается?

– Весьма часто, не удивляйтесь. – Ортега слабо улыбнулась. – Не забывайте, Банкрофт маф, мать его. А они все одинаковые.

Она показывала себя со стороны, которая мне не нравилась, вела спор, который я не хотел вести, и рисовала образ Банкрофта, который мне был не нужен. Моя нервная система вопила, требуя сна.

Я загасил сигарету.

– Лейтенант, буду вам очень признателен, если вы уйдете. От ваших предубеждений у меня разболелась голова.

У неё во взгляде что-то сверкнуло – что-то такое, в чём я не смог разобраться. Оно задержалось лишь на мгновение и тотчас исчезло. Пожав плечами, Ортега поставила кружку и скинула ноги с полки. Встав на пол, она потянулась так, что хрустнули позвонки, и, не обернувшись, направилась к двери. Я остался на месте, провожая взглядом её отражение в оконном стекле на фоне огней города.

В дверях Ортега остановилась и оглянулась.

– Эй, Ковач.

Я обернулся.

– Вы что-то забыли?

Кивнув, она поджала губы, словно признавая очередное пропущенное очко в игре, которую мы вели.

– Хотите получить наводку? Отправную точку? Что ж, вы дали мне Кадмина, так что, наверное, я перед вами в долгу.

– Вы мне ничего не должны, Ортега. Это сделал «Хендрикс», а не я.

– Лейла Бегин, – сказала лейтенант. – Назовите это имя адвокатам Банкрофта и посмотрите, куда вас это заведёт.

Дверь скользнула и закрылась, и в комнате не осталось ничего, кроме городских огней за окном. Я зажёл новую сигарету и долго смотрел на них, докуривая до фильтра.

Банкрофт не совершал самоубийства, это очевидно. Я занимался делом меньше суток, а на меня успели надавить с двух сторон. Сначала воспитанные громилы Кристины Ортеги в исправительном учреждении, затем этот владивостокский убийца и его запасная оболочка. Не говоря уже про двусмысленное поведение Мириам Банкрофт. Слишком много мутной воды, чтобы всё обстояло так, каким казалось на первый взгляд. Ортега явно чего-то хочет; чего-то хочет и тот, кто заплатил Дмитрию Кадмину.

И, судя по всему, хотят они, чтобы дело Банкрофта оставалось закрытым.

Такой вариант меня не устраивал.

– Ваш гость покинул здание, – сказал «Хендрикс», нарушив моё задумчивое оцепенение.

– Спасибо, – рассеянно поблагодарил я, загасив окурочек в пепельнице. – Вы можете запереть дверь и заблокировать остановку лифта на этом этаже?

– Естественно. Вы хотите, чтобы вас предупреждали о каждом посетителе отеля?

– Нет. – Я зевнул, словно змея, собирающаяся заглотить яйцо. –

Просто не пускайте их сюда. И никаких звонков в течение следующих семи с половиной часов.

Внезапно я почувствовал, что могу думать только о том, чтобы раздеться, прежде чем меня захлестнет волна сна. Повесив костюм Банкрофта на спинку подвернувшегося стула, я забрался в просторную кровать, застеленную алым бельём. Поверхность матраса чуть-чуть пружинила, подстраиваясь под размеры и вес тела, после чего подхватила меня, словно вода. От белья исходил слабый аромат благоуханий.

Я предпринял унылую попытку заняться мастурбацией, вяло призывая образы соблазнительных форм Мириам Банкрофт, но перед глазами стояла картина бледного тела Сары, изуродованного огнём «Калашникова».

А затем сон поглотил меня.

Глава седьмая

Вокруг руины, тонущие в темноте, а за далёкими холмами садится кроваво-красное солнце. Над головой мягкобрюхие облака в панике несутся к горизонту, словно киты, спасающиеся от гарпуна, а ветерок, не переставая, шевелит ветвями деревьев, растущих вдоль улицы.

Иन्नенининненининненин...

Мне хорошо знакомо это место.

Я пробираться между развалинами, стараясь не задеть стены, потому что каждый раз, когда я это делаю, они издают приглушенные звуки выстрелов и криков, будто бы побоище, уничтожившее город, впиталось в груды камней. В то же время я перемещаюсь быстро, так как меня что-то преследует, нечто такое, что без смущения прикасается к руинам. Его продвижение можно отследить по приливам звуков – канонады и пронзительных криков за спиной. Оно настигает меня. Я пытаюсь идти быстрее, но сдавило грудь, а в горле стоит комок.

Из-за полуобвалившейся башни выходит Джимми де Сото. Я не слишком удивлен, встретив его здесь, хотя меня до сих пор коробит его изуродованное лицо. Джимми улыбается тем, что осталось от глаз и губ, и кладет руку мне на плечо. Я делаю усилие, чтобы не вздрогнуть.

– Лейла Бегин, – говорит Джимми, кивая в сторону, откуда я только что пришел. – Назови это имя адвокатам Банкрофта.

– Обязательно назову, – обещаю я, проходя мимо.

Но рука Джимми остаётся на моем плече, значит, она растягивается, словно нагретый воск. Я останавливаюсь, смущенный тем, что причинил ему боль, но он по-прежнему у меня за спиной. Я снова трогаюсь вперед.

– Не собираешься развернуться и сразиться? – как бы мимоходом спрашивает Джимми, обходя меня без каких-нибудь заметных усилий, не переступая ногами.

– Чем? – говорю я, разводя руками.

– А надо бы вооружиться, дружок. Давно пора.

– Вирджиния учила нас не искать силы в оружии.

Джимми де Сото презрительно фыркает.

– И посмотри, чем закончила эта глупая сучка. От восьмидесяти до ста лет, без права на досрочную выгрузку.

– Ты не можешь этого знать, – рассеянно замечаю я, так как моё

внимание поглощено звуками преследования. – Ты умер за много лет до того, как это произошло.

– О, не надо, кто сейчас умирает по-настоящему?

– Попробуй сказать это католику. К тому же ты действительно умер, Джимми. Необратимо, насколько я помню.

– А что такое «католик»?

– Расскажу как-нибудь потом. У тебя сигареты не найдется?

– Сигареты? А что случилось с твоей рукой?

Разорвав спираль нелогичных заключений, я смотрю на свою руку. Джимми прав. Шрамы на запястье превратились в свежую кровоточащую рану. Конечно же...

Я прикасаюсь к левому глазу и чувствую влагу. Отнимая пальцы, я вижу на них кровь.

– Повезло, – рассудительно замечает Джимми де Сото. – Глазница не задета.

Кому же ещё разбираться в таких вещах. У самого Джимми левая глазница представляет собой жуткое кровавое месиво – всё, что осталось после того, как на Инненине он вытащил пальцами глазное яблоко. Никто так и не узнал, какие галлюцинации виделись ему тогда. К тому времени, когда Джимми и остальных, высаженных на Инненин в составе передового отряда, переслали на психи хирургию, вирус успел внести в их сознание неисправимые искажения. Программа была настолько заразной, что врачи даже не рискнули взять остатки памяти больших полушарий для исследований. Обрывки сознания Джимми де Сото, записанные на запечатанный диск с красной предостерегающей надписью «ОПАСНАЯ ИНФОРМАЦИЯ», хранятся где-то в подвале штаб-квартиры Корпуса чрезвычайных посланников.

– Мне надо что-то предпринять, – говорю я, и в моем голосе звучит отчаяние.

Звуки, высвобождаемые из стен преследователем, опасно приближаются. Последний луч солнца скрылся за холмами. Кровь хлещет из ран на руке и лице.

– Чувствуешь запах? – спрашивает Джимми, подставляя лицо прохладному ветру. – Он меняется.

– Что?

Переспрашивая, я уже ощутил запах. Свежий, бодрящий аромат, чем-то похожий на тот, что исходил от «Хендрикса», но едва уловимо отличающийся. Не совсем то ударяющее в голову благоухание, в объятиях которого я заснул всего...

– Пора идти, – говорит Джимми. Я собираюсь спросить у него, куда он уходит, но вдруг понимаю, что он имеет в виду меня, а я...

Проснулся.

Открыв глаза, я увидел перед собой стену отеля, расписанную психоделическими картинами. Наводящие на мысли о беспризорниках художавые силуэты в кафтанах рассыпались по зелёному полю, усеянному белыми и жёлтыми цветами. Нахмурившись, я пощупал огрубевшие ткани шрама на руке. Крови нет. Только теперь я полностью очнулся от сна и уселся в просторной кровати, застеленной алым бельем. Изменение запахов, которое меня и разбудило, свелось к появлению ароматов кофе и свежего хлеба. Будильник «Хендрикса» воздействовал на обоняние. Через поляризованное стекло окна в полумрак комнаты проникал свет.

– К вам гость, – деловитым тоном произнёс «Хендрикс».

– Сколько сейчас времени? – хрипло спросил я. Показалось, будто глотка изнутри смазана чем-то клейким.

– Поясное время – десять часов шестнадцать минут. Вы проспали семь часов сорок две минуты.

– А кто пожаловал?

– Оуму Прескотт, – сказал отель. – Завтракать будете?

Встав с кровати, я направился в ванную.

– Да. Кофе с молоком, кусок хорошо прожаренной курицы и какой-нибудь фруктовый сок. Пригласите Прескотт сюда.

К тому времени как раздался мелодичный звонок в дверь, я успел выйти из душа и уже шлёпал по полу босиком, накинув переливчатый голубой халат, отделанный золотым шитьем. Я взял завтрак из служебного люка в одну руку и открыл дверь.

Оуму Прескотт оказалась высокой импозантной женщиной африканского типа, ростом сантиметра на два выше моей новой оболочки. Волосы у неё были заплетены в косички, зачёсаны назад и украшены десятками овальных стеклянных бусинок разного цвета. Щёки украшала какая-то абстрактная татуировка. Оуму Прескотт стояла на пороге, одетая в бледно-серый костюм и длинный чёрный плащ с поднятым воротником, с сомнением разглядывая меня.

– Вы мистер Ковач?

– Да, заходите. Не хотите позавтракать вместе со мной?

Я поставил поднос на незаправленную кровать.

– Нет, благодарю вас. Мистер Ковач, я представляю контору «Прескотт, Форбс и Эрнандес» и являюсь старшим юридическим

поверенным Лоренса Банкрофта. Мистер Банкрофт сообщил, что...

– Да, знаю.

Я взял с подноса поджаренный до золотистой корки окорочок.

– Видите ли, мистер Ковач, у нас договоренность с Деннисом Найманом из центра хранения психической информации. Он будет ждать нас... – её взгляд на мгновение дёрнулся, сверяясь с часами на сетчатке глаз, – через тридцать минут.

– Понятно, – сказал я, принимаясь неторопливо жевать. – Я этого не знал.

– Я звонила, начиная с восьми утра, но отель отказывался соединить с вами.

Я улыбнулся, впиваясь зубами в цыплёнка.

– В таком случае, должен сказать, вы не владеете всей информацией. Я только вчера был выгружен в новую оболочку.

Прескотт недовольно поморщилась, но профессиональное хладнокровие взяло верх.

– Что ж, значит, мы опоздаем, – сказала она. – Полагаю, вам необходимо позавтракать.

Посреди залива было холодно.

Я выбрался из автотакси под яркий солнечный свет и пронизывающий ветер. Всю ночь шёл дождь, и над островом до сих пор кружили серые кучевые облака и упрямо сопротивлялись попыткам свежего морского бриза разогнать их. Подняв воротник легкого пиджака, я мысленно отметил, что нужно купить одежду потеплее. Ничего серьёзного, что-нибудь длиной до середины бедра, с воротником и большими карманами, куда можно спрятать руки.

Я не мог спокойно смотреть на Прескотт, уютно укутавшуюся в тёплый плащ. Изящным движением большого пальца она расплатилась с такси, и мы проводили взглядом поднимающуюся в воздух машину. Руки и лицо обдало приятным теплом из сопел турбины. Я заморгал, спасаясь от миниатюрной песчаной бури, и краем глаза увидел, как Прескотт с той же целью поднесла к лицу тонкую кисть. Такси влилось в оживленный поток машин над материком. Прескотт сдержанным жестом ткнула пальцем в здание у нас за спиной.

– Сюда.

Засунув руки в крохотные карманы пиджака, я последовал за ней. Чтобы справиться с дующим в лицо ветром, мы наклонились вперед и стали подниматься по извилистой лестнице, ведущей в центр хранения

психической информации «Алькатрас».

Я ожидал увидеть заведение, оборудованное самыми совершенными системами защиты, и «Алькатрас» меня не разочаровал. Он размещался в нескольких приземистых двухэтажных зданиях, вытянутых в длину, напоминающих военный командный бункер с узкими, глубоко утопленными в стену окнами. Выбивался только одинокий купол на западной окраине, в котором, как я решил, находилось оборудование спутниковой связи. Все здания комплекса были сложены из бледно-серого гранита, а в окнах розовело дымчатое зеркальное стекло. Здесь не было ни голографического дисплея, ни рекламы в эфире. Ничего не говорило о том, что мы прибыли в нужное место, если не считать строгой таблички на наклонной каменной стене у входа с надписью, выгравированной лазером:

ЦЕНТР ХРАНЕНИЯ ПСИХИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ
ХРАНЕНИЕ ОЦИФРОВАННОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО
МОЗГА
ЗАГРУЗКА СОЗНАНИЯ В КЛОНЫ

Над табличкой чернел небольшой глаз автоматического охранника с двумя прикрытыми толстой решеткой громкоговорителями по бокам. Оуму Прескотт помахала рукой, привлекая внимание.

– Добро пожаловать в центр хранения психической информации «Алькатрас», – произнёс резкий механический голос. – Пожалуйста, назовите себя до истечения пятнадцатисекундного интервала.

– Оуму Прескотт и Такеси Ковач к доктору Найману. Мы заранее договорились о встрече.

Тонкий зелёный луч сканирующего лазера обежал нас с ног до головы, после чего секция стены бесшумно скользнула на петлях назад и вниз, открывая вход. Радуюсь, что можно спастись от пронизывающего ветра, я торопливо шагнул в открывшуюся нишу и, ориентируясь по оранжевым огонькам указателей, пошёл по короткому коридору. Прескотт замыкала шествие. Как только мы очутились в приемной, массивная каменная дверь поднялась и встала на место. Безопасность на высшем уровне.

Мы попали в круглое помещение, залитое тёплым светом, с низкими столиками и рядами стульев, расставленных по поверхности пола, как по сторонам компаса. На севере и востоке стояли небольшие группки людей, вполголоса велись разговоры. В центре стоял круглый стол, заваленный канцелярским хламом, за которым сидел секретарь. Здесь уже не было ничего искусственного. Живое человеческое существо – стройный молодой

мужчина лет двадцати – поднял на нас взгляд.

– Вы можете проходить к доктору Найману, мисс Прескотт. Его кабинет вверх по лестнице, третья дверь направо.

– Благодарю вас.

Прескотт пошла первой. Как только мы отделились от секретаря на достаточное расстояние, она обернулась и шепнула:

– С тех пор как Найман стал директором этого центра, он считает себя большой шишкой. Но в целом человек он хороший. Постарайтесь не обращать на него особого внимания.

– Разумеется.

Следуя указаниям секретаря, мы подошли к нужной двери, и мне пришлось сделать усилие, чтобы сдержать смех. Дверь в кабинет Наймана, несомненно, по последней земной моде, была вся, сверху донизу, из зеркального дерева. После навороченной системы безопасности и секретаря из плоти и крови это выглядело так же ненавязчиво, как вагинальные тампоны в урнах борделя мадам Ми. Заметив моё веселье, Прескотт нахмурилась. Она постучала в дверь.

– Войдите.

Сон оказал чудодейственное воздействие на связь между моим рассудком и новой оболочкой. Натянув серьёзное выражение на взятое напрокат лицо, я шагнул следом за Прескотт в кабинет.

Найман сидел за письменным столом, уставившись на серо-зелёный голографический дисплей, делая вид, что поглощён работой. Худой серьёзный мужчина строгого вида, носивший наружные линзы в стальной оправе. Он был одет в дорогой чёрный костюм хорошего покроя; короткие волосы аккуратно расчёсаны. Глаза за стёклами линз казались недовольными. Найман очень возмущался, когда Прескотт позвонила ему из такси и предупредила, что мы задерживаемся. Однако, судя по всему, Банкрофт постоянно был с ним на связи. В итоге Найман согласился на перенос встречи с натянутой покорностью воспитанного ребёнка.

– Поскольку вы хотите ознакомиться с нашим хозяйством, мистер Ковач, почему бы нам сразу не перейти к делу? На ближайшие два часа я отменил все дела ради вас, хотя у меня действительно много клиентов.

Что-то в поведении Наймана вызвало у меня в памяти надзирателя Салливана, только этот был более прилизанным и менее озлобленным. Я внимательно осмотрел лицо и костюм Наймана. Возможно, если бы Салливан делал карьеру в области хранения богачей, а не преступников, из него бы вышло нечто похожее.

– Замечательно.

После чего стало довольно скучно. Центр хранения психической информации, подобно большинству архивов оцифрованного сознания, представлял собой складское помещение с бесконечным множеством полок. Мы спустились в подвал, где поддерживалась температура от 7 до 11 градусов по Цельсию, рекомендованная производителями видоизмененного углерода, осмотрели ряды больших тридцатисантиметровых дисков расширенного формата и восхитились роботами, деловито разъезжающими по широким рельсам вдоль стен.

– Вся система хранения дублирована, – с гордостью пояснил Найман. – Каждый клиент хранится на двух дисках, которые находятся в разных зданиях центра. Размещение определяется по случайному закону. Только центральный процессор может найти сразу оба диска, но система оснащена блокировкой, не позволяющей одновременно обращаться к двум копиям. Для того чтобы нанести действительно невосполнимый ущерб, необходимо взломать систему безопасности дважды.

Я издал подобающе вежливый звук.

– Наша спутниковая связь действует через сеть из восемнадцати защищённых орбитальных станций, выбираемых по случайному закону.

Найман увлекся, рекламируя товар. Казалось, он забыл о том, что ни я, ни Прескотт не собирались воспользоваться услугами его центра.

– Связь с каждой орбитальной станцией длится не больше двадцати секунд. Информация на резервное хранение передается через гиперкосмический пробой, так что невозможно заранее предсказать путь, по которому это будет происходить.

Строго говоря, это не совсем так. Имея в своём распоряжении искусственный интеллект достаточного объёма с соответствующими склонностями, проблему можно решить рано или поздно. Но подобные рассуждения сродни попыткам ухватиться за соломинку. Тому, кто мог бы расправиться с врагом с помощью ИскИна, нет необходимости стрелять ему в голову из бластера. Это ложный путь.

– Могу я получить доступ к клонам Банкрофта? – вдруг спросил я, обращаясь к Прескотт.

– С юридической точки зрения? – Прескотт пожала плечами. – Насколько мне известно, мистер Банкрофт дал вам карт-бланш.

Карт-бланш? Прескотт всё утро швырялась этим словом, успевшим набить оскомину. Такую фразу мог произнести герой Алена Мариотта из фильма о времени первых поселений.

«Что ж, сейчас ты на Земле». Я повернулся к Найману. Тот неохотно кивнул.

– Для этого придётся совершить кое-какие процедуры, – сказал он.

Мы поднялись на первый этаж и прошли по коридорам, совершенно не похожим на центральное хранилище Бей-Сити. Никаких следов от тележек на резиновых колёсах – оболочки перевозят транспортёры на воздушной подушке. Стены выкрашены в мягкие тона. Оконные ниши, снаружи походившие на амбразуры, изнутри оформлены в стиле Гауди ^[3]. Мы прошли мимо женщины, мывшей карнизы вручную. Я удивлённо поднял брови. Похоже, излишествам нет предела.

Найман перехватил мой взгляд.

– Есть виды работ, с которыми роботы просто не могут справиться, – пояснил он.

– Не сомневаюсь.

Хранилище клонов оказалось слева, за массивной, плотно закрытой стальной дверью, которая резко контрастировала с вычурными окнами. Мы остановились, и Найман припал глазами к устройству, сканирующему сетчатку. Дверь – из вольфрамовой стали толщиной не меньше метра – плавно отворилась. За ней – камера глубиной четыре метра, с такой же дверью в противоположном конце. Мы прошли внутрь, и наружная дверь плотно закрылась с тихим глухим стуком, от которого у меня зазвенело в ушах.

– Это герметическая камера, – не сдержавшись, похвастался Найман. – Сейчас мы пройдем очистку ультразвуком, чтобы исключить попадание заразы в банк клонов. Ничего не бойтесь.

Под потолком замигала фиолетовая лампочка, сигнализирующая о процессе дезинфекции. Наконец открылась внутренняя дверь, так же бесшумно, как и наружная. Мы прошли в фамильный склеп Банкрофтов.

Мне уже приходилось видеть нечто подобное. Рейлина Кавахара имела на Новом Пекине небольшое хранилище транзитных клонов, и, разумеется, у Корпуса чрезвычайных посланников их было предостаточно. Но такого я всё же не встречал.

Овальное помещение венчал куполообразный потолок, поднимавшийся, судя по всему, до самого верха двухэтажного здания. Комната огромна, размером с храм у меня на родине. От неяркого оранжевого освещения клонило в сон; воздух имел температуру человеческого тела. Повсюду были сумки с клонами – пронизанные жилками мешочки такого же оранжевого оттенка, что и освещение, подвешенные к потолку на тросах, с подходящими к ним питательными трубками. С трудом можно было различить сами клоны – зародышевые комки с поджатыми руками и ногами, но только уже совершенно взрослые.

Точнее, взрослыми были большинство клонов. Под самым сводом я различил несколько маленьких мешочков, в которых выращивалось пополнение. Ёмкости сделаны из органических тканей – более прочных, чем человеческий зародышевый мешок; им предстоит расти вместе с эмбрионом и превратиться в полутораметровые кули, как в нижней части склепа. Они висели, как причудливые затаившиеся заросли, словно ожидая, когда налетевший ветерок приведёт их в движение.

Найман кашлянул, и мы с Прескотт стряхнули оцепенение, налетевшее на пороге хранилища.

– Вероятно, размещение клонов может показаться беспорядочным, но на самом деле оно рассчитано компьютером.

– Знаю. – Кивнув, я подошел к одному из нижних мешков. – Он получен из фрактали, верно?

– Что?.. Да.

Казалось, Найман недоволен моими познаниями.

Я приблизился к одной из сумок вплотную, разглядывая клон. В нескольких сантиметрах от моего лица под полупрозрачной оболочкой дремала Мириам Банкрофт, погружённая в околоплодные воды. Она обхватила руками грудь, сжав кулачки под подбородком. Волосы были заплетены в толстую змею, свернувшуюся кольцами на макушке и прикрытую тонкой сеткой.

– Здесь вся семья, – пробормотала у меня за спиной Прескотт. – Муж, жена и шестьдесят один ребёнок, все до одного. У большинства по одному или два клона, но у Банкрофта и его жены их по шесть. Впечатляет?

– Да.

Я машинально протянул руку и прикоснулся к плёнке над лицом Мириам Банкрофт. Ткани оказались тёплыми и чуть поддались нажатию. Вокруг трубок, по которым подводились питательные вещества и отводились отходы жизнедеятельности, поднимались маленькие бугорки; тут и там на плёнке торчали пупырышки – проколы игл, через которые забирались образцы тканей или вводились внутривенные препараты. Ткани разрывались, пропуская инородное тело, и снова зарастали.

Отвернувшись от спящей женщины, я посмотрел на Наймана.

– Всё это очень хорошо, но вы вряд ли берёте один из клонов каждый раз, когда к вам заглядывает Банкрофт. У вас должны быть резервуары.

– Сюда, пожалуйста.

Найман предложил следовать за собой. Мы прошли в дальнюю часть помещения, где в стене была ещё одна герметическая дверь. Нижние сумки закачались от возмущения воздуха, вызванного движением, и мне

пришлось несколько раз пригнуться, чтобы не задеть их. Пальцы Наймана исполнили короткую тарантеллу на клавиатуре перед дверью, и мы вступили в комнату с невысоким потолком. Яркое освещение операционной ослепило после тусклого полумрака основного зала. Вдоль одной стены стояло восемь металлических цилиндров, похожих на тот, в котором вчера проснулся я сам. Однако место моего последнего перерождения последний раз красили в незапамятные времена, а его поверхность от частого использования покрылась миллионом крошечных царапин. Эти устройства покрывал толстый слой сверкающей кремовой краски с жёлтыми ободками вокруг прозрачного иллюминатора и многочисленных функциональных выступов.

– Камеры полного поддержания жизни, – сказал Найман. – По сути дела, та же среда, что и в зародышевых мешках. Именно здесь происходит загрузка оболочек. Мы приносим свежие клоны и помещаем в резервуары, не вынимая из мешков. В жидкость добавляется специальный фермент, растворяющий стенки мешка, так что переход происходит совершенно безболезненно. Чтобы избежать риска заражения, всю работу проводит медицинский персонал в синтетических оболочках.

Краем глаза я увидел, как Оуму Прескотт закатила глаза, начиная терять терпение. Уголки моих губ тронула усмешка.

– Кто имеет доступ в эту камеру?

– Я, а также специальный обслуживающий персонал по коду, меняющемуся ежедневно. И, разумеется, владельцы.

Я прошёлся вдоль ряда цистерн, наклоняясь, чтобы прочесть выведенную внизу информацию. В шестом резервуаре лежал клон Мириам, а в седьмом и восьмом два клона Наоми.

– Дочь вы поместили в холодильник дважды?

– Да. – Сначала Найман удивился, но затем снисходительно посмотрел на меня. Это был его шанс вернуть инициативу, утраченную после моих слов о фракталах. – Разве вам не сообщили, в каком она сейчас состоянии?

– Да, Наоми проходит психиатрическое лечение, – проворчал я. – Но это не объясняет, почему она у вас в двух экземплярах.

– Ну...

Найман оглянулся на Прескотт, показывая, что дальнейшую информацию он может раскрыть только с юридической санкции. Адвокат прочистила горло.

– Центр хранения психической информации получил от мистера Банкрофта распоряжение: постоянно держать по одному клону его самого и его ближайших родственников полностью готовыми к загрузке. Пока мисс

Банкрофт проходит лечение в психиатрическом центре Ванкувера, обе её оболочки находятся здесь.

– Банкрофтам нравится чередовать оболочки, – со знанием дела произнёс Найман. – Так поступают многие наши клиенты; это бережное отношение к оболочкам. При правильных условиях хранения человеческое тело способно на значительную регенерацию. Кроме того, мы предоставляем полный набор клинического лечения для серьёзных повреждений. За очень умеренную цену.

– Не сомневаюсь. – Отвернувшись от последнего резервуара, я усмехнулся. – И всё же, голову, разможенную выстрелом из бластера, вы восстановить не сможете, не так ли?

Наступила неловкая пауза. Прескотт стояла, уставившись в потолок, а Найман стиснул губы чуть ли не в точку.

– Я нахожу ваше замечание нетактичным, – наконец сказал директор центра. – У вас есть ещё какие-нибудь вопросы по существу, мистер Ковач?

Я задержался перед резервуаром с Мириам Банкрофт и заглянул в него. Даже сквозь толстое стекло и мутный гель проступающие нечёткие формы излучали чувственность.

– Только один вопрос. Кто принимает решение, когда менять оболочки?

Найман бросил взгляд на Прескотт, словно опять испрашивая санкции.

– Я получаю указание о перезагрузке лично от мистера Банкрофта. Это происходит каждый раз после того, как оцифровывается его мозг – если обратное не оговаривается особо. В последний раз такого распоряжения не было.

Чуткие антенны моего подсознания, воспитанного в Корпусе чрезвычайных посланников, уловили нечто: какую-то мелочь, зацепившуюся за другую мелочь. И всё же пока рано говорить о выводах. Я огляделся вокруг.

– Система наблюдения отслеживает всех, кто заходит в центр?

– Естественно, – холодно подтвердил Найман.

– В тот день, когда Банкрофт ездил в Осаку, здесь было много народу?

– Не больше, чем обычно. Мистер Ковач, полиция уже просмотрела записи. Честное слово, я не вижу смысла...

– Будьте добры, уважьте мою прихоть, – произнес я, не глядя на него. Прозвучавшие в моем голосе интонации чрезвычайных посланников остановили Наймана, как щелкнувший рубильник.

Два часа спустя я паялся в иллюминатор другого автотакси, которое оторвалось от взлётно-посадочной площадки «Алькатраса» и поднялось

над заливом.

– Вы нашли то, что искали?

Я посмотрел на Оуму Прескотт, гадая – ощущает ли она переполняющее меня отчаяние? Мне казалось, я научился сдерживать внешние проявления чувств своей новой оболочки. Однако мне доводилось слышать, что адвокаты вживляют себе самые чуткие датчики, которые регистрируют малейшие изменения в состоянии ближнего своего и получают ключи к состоянию ума свидетеля на суде. И здесь, на Земле, я бы не удивился, узнав, что в прекрасную чёрную голову Оуму Прескотт вставлен полный набор инфракрасных и ультразвуковых сенсоров анализа тела и речи. В четверг, шестнадцатого августа, в склепе Банкрофтов подозрительного было не больше, чем во вторник днём на рынке Мисимы. В восемь часов утра Банкрофт пришёл в сопровождении двух работников центра, разделся и забрался в подготовленный резервуар. Сотрудники удалились с его одеждой. Через четырнадцать часов из соседнего резервуара вылез сменный клон, покрытый гелем, взял полотенце у другого сотрудника и зашёл в душ. За это время не было произнесено ничего, кроме пустых любезностей. И всё. Я пожал плечами.

– Не знаю. Я ещё не могу точно сказать, что именно ищу.

Прескотт зевнула.

– «Полная абсорбция», да?

– Вы совершенно правы. – Я пристально посмотрел на неё. – Вы знакомы с Корпусом чрезвычайных посланников?

– Немного. Я занималась системой судопроизводства ООН. Нахваталась терминологии. И что вы уже успели абсорбировать?

– Только то, что очень много дыма поднимается там, где, по словам властей, нет никакого огня. Вам приходилось встречаться с лейтенантом полиции, ведущей это дело?

– С Кристиной Ортегой? Разумеется. Вряд ли я когда-нибудь её забуду. Мы целую неделю, каждый день до хрипоты орали друг на друга.

– И какие у вас впечатления?

– Относительно Ортеги? – Похоже, Прескотт была удивлена. – Насколько я могу судить, она хороший полицейский. У неё репутация крутого человека. Отдел по расследованию нанесения органических повреждений – самые твёрдые ребята в полиции, а заслужить подобную репутацию весьма непросто. Ортега вела расследование достаточно профессионально.

– Вот только Банкрофту это не понравилось.

Пауза. Прескотт осторожно посмотрела на меня.

– Я сказала профессионально. Я не говорила, что она действовала настойчиво. Ортега сделала своё дело, но...

– Но она терпеть не может мафов, так?

Снова пауза.

– А вы любите слушать сплетни, мистер Ковач.

– Да нет, просто нахватался терминологии, – скромно ответил я. – Как вы полагаете, Ортега закрыла бы дело, если бы Банкрофт не был мафом?

Прескотт задумалась.

– Это довольно распространенное предубеждение, – медленно произнесла она. – Но, по-моему, Ортега закрыла дело не из-за этого. На мой взгляд, она пришла к выводу, что её труды принесут очень небольшую пользу. В департаменте полиции система продвижения по службе частично зависит от числа расследованных дел. В данном случае быстрым завершением и не пахло, мистер Банкрофт остался жив, поэтому...

– Лейтенант Ортега нашла себе другое занятие, так?

– Да, что-то в этом духе.

Некоторое время я снова смотрел в окно. Такси летело над крышами вытянутых многоэтажных зданий, разделённых ущельями с потоками транспорта. Я чувствовал, как во мне вскипает старая ярость, не имеющая никакого отношения к нынешним проблемам. Что-то накопившееся за годы, проведенные в Корпусе чрезвычайных посланников, эмоциональный хлам, который перестаешь видеть, когда он слоен ила оседает на дне души. *Вирджиния Видаура, Джимми де Сото, умирающий у меня на руках на Инненине, Сара...* С какой стороны ни посмотри, сплошные неудачи. Я решительно оборвал подобные мысли. Шрам над глазом нестерпимо чесался, кончики пальцев зудели от никотинового голода. Я почесал шрам. Но не потянулся за сигаретами, лежащими в кармане. Сегодня утром в какой-то момент я решил бросить курить.

Внезапно мне пришла в голову одна мысль.

– Прескотт, это вы выбрали для меня эту оболочку, так?

– Прошу прощения? – Она изучала какие-то данные, проецируемые на сетчатку глаза, и ей потребовалось некоторое время, чтобы сосредоточить взгляд. – Что вы сказали?

– Оболочка. Её выбрали вы, да?

Прескотт нахмурилась.

– Нет. Насколько мне известно, отбор производил лично мистер Банкрофт. Мы только подготовили несколько кандидатур в соответствии с его требованиями.

– Нет, Банкрофт сказал, что этим делом занимались адвокаты. Он

выразился категорично.

– О! – Хмурое выражение слетело с её лица, сменившись бледной улыбкой. – На мистера Банкрофта работает много адвокатов. Возможно, это распоряжение проходило через другую контору. А что?

Я неопределенно хмыкнул.

– Да так, ничего. Тот, кому принадлежало это тело, был заядлым курильщиком. А я не курю. Это причиняет большие мучения.

Улыбка на лице Прескотт окрепла.

– Вы намерены бросить курить?

– Если у меня будет время. По соглашению с Банкрофтом, если я раскрою покушение, мне предоставят любую оболочку, сколько бы она ни стоила. Так что, по большому счету, наплевать на нынешние привычки. Просто очень мерзко просыпаться по утрам со ртом, полным дерьма.

– Вы полагаете, у вас получится?

– Бросить курить?

– Нет. Раскрыть покушение.

Я невозмутимо посмотрел ей в глаза.

– У меня нет выбора, советник. Вы читали условия соглашения?

– Да. Это я их составляла.

Прескотт так же невозмутимо выдержала мой взгляд. Но в глубине её глаз я разглядел следы смущения. Это и остановило меня от того, чтобы прямо в такси одним хорошим ударом вбить ей переносицу в мозг.

– Что ж, хорошо, хорошо, – пробормотал я, отворачиваясь к окну.

...И ЗАСУНУ СВОЙ КУЛАК ТВОЕЙ ЖЕНЕ ВО ВЛАГАЛИЩЕ ПРЯМО У ТЕБЯ НА ГЛАЗАХ, ДОЛБАНЫЙ МАФ, МАТЬ ТВОЮ, ТЫ НЕ СМОЖЕШЬ...

Сняв шлемофон, я заморгал. Текст сопровождался неумелыми, но очень выразительными рисунками и инфразвуковым гулом, от которого у меня затрещала голова. Прескотт, сидевшая за столом напротив, посмотрела понимающе, с сочувствием.

– И всё остальное в таком же духе? – спросил я.

– Ну, далее становится ещё более бессвязно. – Она махнула на голографический дисплей, плавающий над письменным столом. На дисплее холодными зелёными и синими тонами переливались запрошенные мной файлы. – Мы называем это ЯБ. Яростный бред. Если честно, у этих людей крыша съехала так далеко, что они не представляют никакого вреда. И всё же неприятно сознавать, что они где-то рядом.

– Ортега задерживала кого-либо из них?

– Этим занимается не её департамент. Отдел по борьбе с преступлениями в области связи время от времени ловит кого-то, если мы поднимаем слишком громкий шум. Однако в настоящее время незаконное проникновение в эфир приняло такие масштабы, что это напоминает ловлю дыма сетями. Если кто-то и попадает, самое большее, что он может получить, – несколько месяцев хранения. Так что это пустая трата времени. Мы просто накапливаем подобный мусор, пока Банкрофт не даёт распоряжения его уничтожить.

– А за последние полгода не было ничего новенького?

Прескотт пожала плечами.

– Быть может, более активными стали религиозные фанатики. Возрос поток сообщений от католиков по поводу резолюции номер 653. Мистер Банкрофт пользуется большим влиянием в суде ООН, и это обстоятельство широко известно. О, и ещё секта марсианских археологов подняла крик по поводу той Поющей ветви, что держит у себя дома мистер Банкрофт. Судя по всему, в прошлом месяце отмечалась какая-то круглая годовщина мученической смерти основателя секты в разгерметизированном скафандре.

Но ни у кого из этих фанатиков нет средств, чтобы преодолеть систему защиты виллы «Закат».

Откинувшись на стуле, я уставился в потолок. Стая серых птиц над головой летела на юг, выстроившись клином. Птицы перекликались друг с другом, и их крики порождали слабые отголоски. Кабинет Прескотт был оформлен в стиле, намекающем на близость к живой природе. На все шесть внутренних поверхностей выводились виртуальные изображения. В настоящий момент металлический письменный стол представлял собой чужеродное пятно густого луга под лучами клонящегося к закату солнца. Вдалеке паслось небольшое стадо коров; звучали громкие голоса птиц. Столь качественного разрешения картинки мне ещё не доводилось видеть.

– Прескотт, что вы можете рассказать о Лейле Бегин?

В наступившей тишине я был вынужден опустить взор на землю. Оуму Прескотт сидела, уставившись на край лужайки.

– Полагаю, это имя назвала Кристина Ортега, – медленно произнесла она.

– Да. – Я сел прямо. – Она сказала, это позволит мне лучше понять Банкрофта. Если точнее, Ортега посоветовала пощекотать этим именем вас и посмотреть, как вы отреагируете.

Прескотт повернулась в крутящемся кресле.

– Не представляю, какое это может иметь отношение к нашему делу.

– А вы всё же расскажите.

– Ну, хорошо. – В её голосе прозвучали резкие нотки, во взгляде сверкнула решимость. – Лейла Бегин была проституткой. Возможно, до сих пор продолжает торговать своим телом. Пятьдесят лет назад Банкрофт был одним из её клиентов. Окольными путями это стало известно Мириам Банкрофт. Две женщины встретились на каком-то приёме в Сан-Диего, отправились вместе в туалетную комнату, и там Мириам Банкрофт избила Лейлу Бегин до потери сознания.

Я удивленно смотрел на Прескотт.

– И это всё?

– Нет, не всё, Ковач, – устало произнесла адвокат. – В тот момент Бегин была на шестом месяце беременности. В результате побоев она потеряла ребёнка. Поскольку в зародыш нельзя вживить память больших полушарий, это означало настоящую смерть. За подобное преступление полагается хранение. От тридцати до пятидесяти лет.

– Это был ребёнок Банкрофта?

Прескотт пожала плечами.

– Вопрос спорный. Бегин отказалась давать разрешение на генетический анализ зародыша. Заявила, что не имеет значения, кто отец ребёнка. Возможно, она рассудила, что для шумихи в прессе неопределенность лучше безоговорочного «нет».

– А может быть, она слишком сильно переживала случившееся?

– Не надо, Ковач, – раздражённо махнула рукой Прескотт. – Мы ведь говорим об оклендской шлюхе.

– Мириам Банкрофт отправилась на хранение?

– Нет, и вот куда старается засунуть нож Ортега. Банкрофт купил всех и вся. Свидетелей, прессу, даже Бегин в конце концов получила свою долю. Она отозвала из суда заявление. Денег ей хватило на то, чтобы получить страховой полис на клон в «Ллойде» и начать новую жизнь. Последнее, что мне о ней известно, – она изнашивала вторую оболочку где-то в Бразилии. Но это произошло полстолетия назад, Ковач.

– Вы имели к этому какое-то отношение?

– Нет. – Прескотт навалилась на крышку стола. – Как и Кристина Ортега. Поэтому мне тошно слушать, как она скулит по поводу тех событий. О, я вдоволь наслушалась её в прошлом месяце, когда шло расследование. Ортега в глаза не видела Бегин.

– Полагаю, это вопрос принципа, – мягко заметил я. – Банкрофт до сих пор пользуется услугами проституток?

– Меня это не интересует.

Я ткнул пальцем в голографический дисплей, глядя, как инородный предмет искажает разноцветное изображение.

– А должно интересовать, советник. В конце концов, ревность является очень серьёзным мотивом для убийства.

– Позвольте вам напомнить, что Мириам Банкрофт ответила на этот вопрос отрицательно, и её показания проверялись на детекторе лжи, – резко заявила Прескотт.

– Я имею в виду не миссис Банкрофт. – Прекратив играть с дисплеем, я повернулся лицом к сидящей напротив женщине. – Я имею в виду миллион других женщин, а также кровных родственников и друзей, без удовольствия взирающих на мафа, трахающего всех подряд. Среди этих людей наверняка найдется несколько специалистов по незаметному преодолению систем защиты, а также пара-тройка психопатов. Короче говоря, тех, кто мог бы проникнуть домой к Банкрофту и спалить ему мозги.

Где-то вдали печально замычала корова.

– Скажите вот что, Прескотт. – Я снова махнул рукой через голографическое изображение. – Здесь есть что-нибудь, начинающееся приблизительно так: «ЗА ТО, ЧТО ТЫ СДЕЛАЛ С МОЕЙ ДЕВУШКОЙ, ДОЧЕРЬЮ, СЕСТРОЙ, МАТЕРЬЮ...» (ненужное удалить)?

Мне не нужен был ответ Прескотт. Я прочел его у неё на лице.

На столе солнце исчертило поле косыми полосами; в деревьях на краю луга пели птицы. Оуму Прескотт склонилась над клавиатурой, вызывая на голографический дисплей пурпурный луч. На глазах луч раскрылся, и было похоже на орхидею, изображенную последователями кубизма. Где-то далеко ещё одна корова пожаловалась на жизнь.

Я снова надел шлемофон.

Глава восьмая

Городок назывался Эмбер. Я нашёл его на карте. Примерно в двухстах километрах к северу от Бей-Сити, на прибрежном шоссе. В море, напротив города, был проставлен асимметричный жёлтый знак.

– «Поборник свободной торговли», – пояснила Прескотт, выглянув у меня из-за плеча. – Авианосец. Это последний боевой корабль, самый большой из всех, что были когда-либо построены. В начале эпохи колоний какой-то идиот посадил его здесь на мель, и на берегу возник целый город, обслуживающий туристов.

– Туристов?

– Это очень большой корабль.

Я взял напрокат древнюю наземную машину у потрепанного торговца, чья стоянка размещалась в двух кварталах от конторы Прескотт, и поехал на север по подвесному мосту цвета ржавчины. Мне требовалось время на размышление. Прибрежное шоссе оказалось совсем неухоженным, но зато здесь почти не было движения. Поэтому я выехал на центральную жёлтую полосу дорожной разметки и покатил вперед, держа ровные сто пятьдесят в час. Радио предложило широкий выбор станций, чья эстетическая самонадеянность была выше моего понимания. Впрочем, в конце концов мне удалось отыскать неомоаистскую пропаганду, зашитую в память какого-то старинного спутника, который просто поленились снять с орбиты. Смесь глубоко политизированных сентенций и слащавого караоке была неотразимой. В открытое окно проникал запах моря, впереди разворачивалась ровная лента дороги, и я на время забыл о Корпусе чрезвычайных посланников, Инненине и всём, что случилось после.

Когда я спустился к Эмберу по изогнутой дороге, солнце спряталось за наклонённую палубу «Поборника свободной торговли», и последние лучи оставили еле заметные розовые размывы на поверхности моря по обе стороны от тени полузатонувшего авианосца. Прескотт была права. Это действительно *очень большой корабль*.

Я сбавил скорость из уважения к появившимся впереди зданиям, рассеянно подумав, у кого могло хватить ума подвести такое огромное судно близко к берегу. Возможно, это знал Банкрофт. Вероятно, тогда он уже жил на этом свете.

Главная улица Эмбера проходила вдоль берега моря через весь городок и отделялась от пляжа цепочкой величественных пальм и кованой чугунной

оградой в неовикторианском стиле. К стволам пальм крепились голографические плакаты, на которых было изображено одно и то же женское лицо, окруженное венком слов: «ГИБКОСТЬ И ЛОВКОСТЬ – АНЧАНА САЛОМАО И ТЕАТР ПОЛНОГО ВЛАДЕНИЯ ТЕЛОМ – ИЗ РИО». На плакаты глазели кучки людей.

Я медленно катил по улице, внимательно изучая фасады домов, и наконец нашел то, что искал, ближе концу города. Я проехал мимо нужного здания и, не привлекая к себе внимания, поставил машину метрах в пятидесяти. Посидел некоторое время, проверяя, будет ли какая-то реакция на моё появление. Ничего не дождавшись, вышел из машины и вернулся назад пешком.

Контора информационно-связного центра Элиотта находилась в узком здании, втиснутом между химическим заводом и пустой площадкой с обломками выброшенного оборудования, среди которого чайки, громко крича, дрались за объедки. Раскрытая дверь была подперта неисправным плоским монитором; сразу за ней находилось операционное помещение. Я вошёл внутрь и осмотрелся. За длинным пластмассовым столиком стояло две пары консолей, прислонённых задом друг к другу. За ними дверь, ведущая в кабинет со стеклянными стенами. На месте дальней стены располагался блок из семи мониторов, по которым быстро бежали непонятные строчки. Зияющая в ряду экранов брешь указывала, где раньше была другая дверь. На краске сохранились шрамы от упорно державшихся петель. Ближайший к брешу экран часто моргал, словно то, что уничтожило его собрата, оказалось заразным.

– Чем могу помочь?

Из-за стойки оборудования высунулся тощий мужчина неопределенного возраста с нездорово бледной кожей. Во рту болталась незажжённая сигарета, а от интерфейса за правым ухом тянулся длинный проводок.

– Да. Я ищу Виктора Элиотта.

– Он на берегу. – Тощий мужчина махнул туда, откуда я только что пришёл. – Видите старика у перил? Который смотрит на обломки? Это он.

Я выглянул за дверь и отыскал в вечернем полумраке одинокий силуэт на смотровой площадке.

– Это заведение принадлежит ему, не так ли?

– Да. Наказание за грехи. – Информационная крыса ухмыльнулась, обводя рукой убогое помещение. – Дела идут так, что его присутствия особо и не требуется.

Поблагодарив собеседника, я вышел на улицу. Уже темнело, и

голографическое лицо Анчаны Саломао приобрело в сгущающихся сумерках дополнительную выразительность. Пройдя под плакатом, я приблизился к пожилому мужчине на смотровой площадке и облокотился рядом с ним на чёрные чугунные перила. Он обернулся на меня и приветственно кивнул, а потом снова уставился на горизонт, словно пытался отыскать трещину в сварном шве между морем и небом.

– По-моему, чересчур мрачное место для вечной стоянки, – заметил я, махнув в сторону обломков.

Перед тем как ответить, старик задумался.

– Говорят, это сделали террористы. – Его голос был пустым, безразличным, будто Элиотт использовал его чересчур активно и что-то сломал. – А может, отказал сонар в шторм. Возможно, и то и другое.

– Быть может, это ради страховки? – предположил я.

Элиотт пригляделся ко мне пристальнее.

– Вы нездешний? – спросил он, и на этот раз в голосе прозвучала тень любопытства.

– Да. Я здесь проездом.

– Из Рио? – Старик махнул на плакат Анчаны Саломао. – Вы артист?

– Нет.

– Хм. – Он задумался над моим ответом. Казалось, Элиотт успел порядком подзабыть искусство поддерживать беседу. – У вас движения, как у артиста.

– Близко, но не совсем. Это военная нейрохимия.

Тут старик понял всё, но потрясение отразилось лишь в дрогнувшем на мгновение взгляде. Медленно осмотрев меня с ног до головы, он опять повернулся к морю.

– Вы приехали за мной? От Банкрофта?

– Можно сказать и так.

Старик облизал губы.

– Вы приехали, чтобы убить меня?

Я достал из кармана бумажную копию и протянул ему.

– Я хочу задать несколько вопросов. Вы передавали вот это?

Он стал читать, беззвучно шевеля губами. Я мысленно слышал слова, которые старик повторял, осознавая вновь: «...за то, что ты отнял у меня дочь... сожгу дотла твою голову... не будешь знать ни дня, ни часа... в этой жизни нигде не найдешь спокойствия...» Тут не было ничего особенно оригинального, хотя каждое слово было написано от всего сердца. Причем так чётко, что это беспокоило меня гораздо больше всех тех ядовитых издевок, что показала Прескотт из архива «Яростный бред». Кроме того,

здесь была конкретно указана смерть, которой умер Банкрофт. Бластер, стреляющий заряженными частицами, прожёт Банкрофту череп насквозь, после чего разбросал его раскалённое содержимое по комнате.

– Да, это моих рук дело, – тихо признал Элиотт.

– Вам известно, что в прошлом месяце на Лоренса Банкрофта совершили покушение?

Старик протянул обратно лист бумаги.

– Вот как? А я слышал, ублюдок сам спалил свою голову.

– Что ж, такая возможность тоже существует, – согласился я, скомкав бумагу и бросив её в контейнер с мусором внизу на пляже. – Но мне платят за то, чтобы я не относился к ней серьёзно. К несчастью для вас, причина смерти чересчур напоминает ту, о которой упоминалось в вашей прозе.

– Я не имею к этому никакого отношения, – спокойно ответил Элиотт.

– Я предполагал, что вы это скажете. Быть может, я бы даже поверил вам. Вот только тот, кто убил Банкрофта, преодолел очень сильную систему охранных заграждений, а вы служили сержантом в тактическом подразделении морской пехоты. У себя на Харлане мне приходилось встречаться с морпехами, и я знаю, что их готовят к подобного рода операциям.

Элиотт с любопытством посмотрел на меня.

– Так вы кузнечик?

– Кто?

– Кузнечик. Пришелец.

– Да.

Если Элиотт и испугался сначала, то эффект быстро прошёл. Я подумал о том, чтобы разыграть карту чрезвычайных посланников, но решил, что дело того не стоит. Старик продолжал говорить.

– Банкрофту незачем приглашать мускулы с другой планеты. Каким боком вы впутались в это дело?

– Частный контракт, – сказал я. – Я должен найти убийцу.

Элиотт фыркнул.

– И вы решили, это сделал я.

У меня и в мыслях такого не было, но я не стал возражать. Заблуждение давало старику чувство определённого превосходства, и это способствовало разговору. В глазах Элиотта появилось что-то похожее на искру.

– Вы считаете, я мог бы проникнуть в дом Банкрофта? А я знаю точно, что не мог. Потому что всё тщательно изучил. Если бы существовал хоть какой-то способ туда попасть, я бы воспользовался им ещё год назад, и

Банкрофта пришлось бы собирать по кусочкам с травы на лужайке.

– Вы поступили бы так из-за того, что случилось с вашей дочерью?

– Да. – Элиотт распалялся, давая выход гневу. – Из-за того, что случилось с моей дочерью и со многими другими. Она была ещё ребёнком.

Умолкнув, он уставился в море. Через какое-то время старик махнул рукой в сторону «Поборника свободной торговли». Там, на сцене, установленной на наклонной палубе, засверкали яркие огоньки.

– Вот чего она хотела. К чему стремилась. Попасть в театр полного владения телом. Стать похожей на Анчану Саломао и Риану Ли. Она отправилась в Бей-Сити, потому что услышала про кого-то, кто мог бы...

Осёкшись, Элиотт повернулся ко мне лицом. Информационная крыса назвал его стариком, и теперь я увидел, почему. Элиотт до сих пор сохранил выправку бывшего сержанта морской пехоты и упругий, мускулистый живот, но у него было лицо старика, изборожденное глубокими морщинами от долгих страданий. Я почувствовал, что сейчас он вот-вот расплечется.

– И у неё это могло бы получиться. Она была очень красивой.

Элиотт принялся рыться в карманах. Достав пачку сигарет, я угостил его. Он машинально взял одну, прикурил от зажигательной полоски на пачке, но продолжил копаться, пока не достал миниатюрный кристалл «Кодак». Если честно, я не хотел смотреть, но Элиотт включил кристалл прежде, чем я успел что-либо сказать. В воздухе появилось небольшое объёмное изображение.

Старик сказал правду. Элизабет Элиотт действительно была очень красивой девушкой. Светловолосой, атлетического телосложения, и всего на несколько лет моложе Мириам Банкрофт. Снимок не мог показать, обладала ли она нестигаемым упорством и лошадиной выносливостью, необходимыми для полного владения телом, но, по крайней мере, задатки у неё были.

На голографической карточке девушка была заснята между Элиоттом и другой женщиной, чуть повзрослевшей копией Элизабет. Все трое стояли на траве, освещенные ярким солнцем, и изображение портила лишь тень от дерева, падавшая на лицо женщины. Женщина хмурилась, словно запоздало осознав, что снимок не будет безупречным. На самом деле недовольство на её лице сводилось к неглубоким складкам на лбу. В остальном семья буквально светила счастьем.

– Её не стало, – сказал Элиотт, словно догадавшись, на ком сфокусировано моё внимание. – Четыре года назад. Вы знаете, что такое «погружение»?

Я покачал головой. «Местный колорит, – шепнула мне на ухо Вирджиния Видаура. – Впитывай его».

Элиотт поднял взгляд – на секунду показалось, что на голографический плакат Анчаны Саломао. Но затем я понял – глаза устремлены в небо над ним.

– Там, наверху, – сказал он и снова умолк, как в тот момент, когда заговорил о дочери.

Я ждал.

– Там, наверху, кружатся спутники связи, передающие потоки информации. Это можно видеть на некоторых виртуальных картах; Земля выглядит так, словно кто-то вяжет ей шарф. – Элиотт снова посмотрел на меня, и его глаза сверкнули. – Так говорила Ирена: «Кто-то вяжет Земле шарф». И часть этого шарфа – люди. Оцифрованные богачи, направляющиеся из одного тела в другое. Мотки памяти, мыслей и чувств, превращённые в последовательности чисел.

Теперь я понял, к чему он клонит, но продолжал молчать.

– Если обладать определёнными способностями, и у Ирены они были, а ещё иметь необходимое оборудование, можно перехватывать эти сигналы. Это называется «ловить крошки мозга». Переживания принцессы дома моделей, мысли учёного, занимающегося теорией элементарных частиц, детские воспоминания монарха. Такие вещи пользуются спросом. Светские журналы публикуют отредактированные выдержки из сознания знаменитостей, но все это подчищено, подкорректировано. Прилизано для широкой публики. Как будто никто не теряет самоконтроль, ничего такого, чего можно бы стыдиться или что могло бы повредить популярности. Одни лучезарные фальшивые улыбки. Но людям нужно не это.

Тут я был готов с ним поспорить. Журналы, публикующие проникновение в сознание знаменитостей, популярны и на Харлане. Потребители такого рода продукции жалуются, когда их кумиры оказываются застигнутыми врасплох, в минуты слабости. Самый большой резонанс вызывают супружеская неверность и ненормативная лексика. И это понятно. Жалкие людишки, которым хочется проводить столько времени в чужом сознании, не хотят видеть человеческие недостатки в позолоченных головах тех, кем они восторгаются.

– Перехватывая «крошки мозга», можно найти все что угодно, – произнес Элиотт с неожиданным воодушевлением, порожденным, как я решил, точкой зрения его супруги. – Сомнение, внутреннюю нечистоплотность, подлость. Люди готовы заплатить за это бешеные деньги.

– Подобные действия противозаконны.

Элиотт указал на вывеску над своей конторой.

– На рынке передачи информации наступил спад. Слишком много предложений. Произошло перенасыщение. А нам нужно было выплачивать страховку за клоны и перезагрузку. За нас двоих и Элизабет. Моей армейской пенсии едва хватало на жизнь. Что же оставалось делать?

– Сколько она получила? – мягко спросил я.

Элиотт отвернулся в море.

– Тридцать лет.

Некоторое время он молчал, затем, не отрывая взгляда от горизонта, сказал:

– Шесть месяцев я крепился, а затем включил экран и увидел какую-то крупную финансовую шишку в теле Ирены. – Повернувшись ко мне, он прокашлял что-то похожее на смешок. – Корпорация, которую она возглавляет, купила его в департаменте хранения Бей-Сити. Заплатила в пять раз больше, чем смог бы предложить я. Говорят, сучка меняет оболочки каждый месяц.

– Элизабет это знала?

Элиотт кивнул один раз – словно топор упал.

– Я вывалил ей всё как-то вечером. Я тогда был сам не свой. Весь день искал работу, но тщетно. И вот не выдержал и проговорился. И знаете, что мне ответила Элизабет?

– Нет, – пробормотал я.

Старик меня не слышал. Костяшки его пальцев побелели на чугунном поручне.

– Она сказала: «Не беспокойся, папа, когда я стану богатой, мы вернем мамочку».

Я почувствовал, что он не на шутку завёлся.

– Послушайте, Элиотт, я сожалею по поводу вашей дочери, но, насколько мне известно, она работала не в тех заведениях, которые посещает Банкрофт. «Закуток Джерри» всё-таки нельзя назвать «Домом», вы согласны?

Бывший морской пехотинец без предупреждения развернулся и набросился на меня. В его глазах горела бешеная ярость. Я не мог ни в чем винить Элиотта. Он видел перед собой лишь одного из прислужников Банкрофта.

Но чрезвычайного посланника *невозможно* застать врасплох – нас не зря готовят. Я разглядел надвигающийся выпад ещё до того, как Элиотт сам осознал, что собирается его сделать. Через долю секунды отреагировала

нейрохимия моей временной оболочки. Старик нанёс удар снизу, намереваясь пройти кулаком под блоком, который, как он предполагал, я поставлю, и сломать рёбра. Блока не оказалось, как и меня самого. Вместо этого я шагнул навстречу ударам, вывел Элиотта из равновесия своим весом и зацепил ногой его ногу. Пошатнувшись, он отлетел к перилам, а я нанес жестокий удар локтем в солнечное сплетение. Лицо Элиотта стало серым от боли. Нагнувшись, я прижал его к ограждению и ткнул в горло большим и указательным пальцами.

– Всё, достаточно, – чуть дрогнувшим голосом объявил я.

Нейрохимия и вспомогательные цепи оказались более грубыми, чем системы Корпуса чрезвычайных посланников, которыми я пользовался в прошлом. У меня возникло ощущение, будто я заключен в подкожный мешок из мелкой металлической сетки.

Я посмотрел на Элиотта.

Его глаза были рядом с моими, и, несмотря на удушающий захват, они по-прежнему горели яростью. Дыхание со свистом вырывалось из рта, и он отчаянно пытался вырваться и применить какой-нибудь болезненный приём.

Оторвав старика от ограждения, я предусмотрительно отстранил его на расстояние вытянутой руки.

– Послушайте, я не собираюсь сплетничать. Я просто хочу знать. Почему вы решили, что Банкрофт имеет к ней какое-то отношение?

– Потому что она сама мне это сказала, козёл! – злобно прошипел Элиотт. – Она сказала, что он с ней сделал.

– И что же?

Старик часто заморгал; не нашедшая выхода ярость выплеснулась в слёзы.

– Страшные вещи, – выдавил он. – Элизабет сказала, ему это нужно. Настолько, что он вернулся. Настолько, что он был готов хорошо заплатить.

Бедняжка решила, что нашла дойную корову. «Не беспокойся, папа, когда я стану богатой, мы вернём мамочку». В молодости такие ошибки совершаются на каждом шагу. Но ничто не даётся просто.

– Вы полагаете, она умерла поэтому?

Повернувшись, Элиотт посмотрел так, словно я был очень ядовитой разновидностью паука, заползшей к нему на кухню.

– Она не умерла, мистер. Её убили. Кто-то взял бритву и разрезал её на части.

– В материалах дела говорится, что это сделал клиент. Не Банкрофт.

– Откуда им знать? – безучастно произнес он. – Полиция назвала тело,

но кто был в нём? Кто заплатил за всё?

– Его нашли?

– Убийцу шлюхи из биокабины? А вы как думаете? Она ведь не работала на «Дома», так?

– Я имел в виду не это, Элиотт. Вы говорите, Элизабет развлекала Банкрофта в заведении Джерри, и я готов вам поверить. Но вы должны признать, что это не похоже на Банкрофта. Я с ним встречался. Чтобы он ходил по трущобам? – Я покачал головой. – По-моему, это не в его духе.

Элиотт отвернулся.

– Плоть, – сказал он. – Что вы хотите прочесть по плоти мафа?

Уже почти стемнело. В море, на покосившейся палубе затонувшего авианосца, началось представление. Какое-то время мы с Элиоттом смотрели на огни, слушая доносившиеся обрывки музыки. Они походили на передачи из мира, от которого нас отделили навечно.

– Память больших полушарий Элизабет до сих пор на хранении, – тихо заметил я.

– И что с того? Страховой полис пропал четыре года назад, когда мы вбухали все деньги в одного адвоката. Он уверял, что вытащит Ирену из-под суда. – Элиотт неопределенно махнул на тускло освещённый фасад своей конторы. – Я произвожу впечатление человека, способного заработать огромные деньги?

После этого говорить было не о чем. Оставив его на смотровой площадке, я вернулся к машине. Элиотт по-прежнему стоял там, когда я проезжал мимо, покидая городок. Он даже не обернулся.

Часть 2
Ответное действие
(Конфликт вторжения)

Глава девятая

Я позвонил Прескотт из машины. Её лицо возникло на крошечном запылённом экране, вмонтированном в приборную панель, и показалось мне чем-то недовольным.

– Это вы, Ковач? Ну как, нашли то, что искали?

– Я до сих пор не знаю, что именно ищу, – радостно ответил я. – Как вы думаете, Банкрофт посещает биокабины?

Адвокат скорчила гримасу.

– О, пожалуйста, не надо.

– Хорошо, тогда другой вопрос. А Лейла Бегин когда-либо промышляла в биокабинах?

– Понятия не имею, Ковач, честное слово.

– Что ж, в таком случае проверьте. Я подожду.

Мой голос прозвучал твёрдо, как камень. Высокомерное отвращение Прескотт произвело на меня очень неприятное впечатление после переживаний Виктора Элиотта за судьбу дочери.

Лицо адвоката исчезло с экрана. Я принялся нетерпеливо барабанить пальцами по рулю, бормоча какой-то ритмичный речитатив в стиле миллспортских рыбаков. Мимо меня в ночи скользил берег океана, но звуки и запахи моря вдруг стали казаться неестественными. Слишком приглушёнными; в воздухе ни намека на аромат водорослей.

– Так, готово. – Прескотт снова устроилась в зоне действия сканера видеотелефона. Она заметно нервничала. – В оклендском архиве есть данные, что Бегин успела поработать в двух заведениях, прежде чем её пригласили в один из «Домов» Сан-Диего. Судя по всему, её устроили туда по знакомству. Хотя, может быть, и заметил какой-нибудь очень наблюдательный вербовщик...

Банкрофт мог устроить кого угодно куда угодно. Я едва сдержал желание высказаться на этот счет.

– У вас есть картинка?

– Бегин? – Прескотт пожала плечами. – Только двумерная. Вам переслать?

– Будьте добры.

Древний видеотелефон в машине затрещал, подстраиваясь к изменившемуся входному сигналу, и наконец на экране сквозь рябь помех появились черты лица Лейлы Бегин. Я наклонился вперед, всматриваясь в

них в поисках правды. На это потребовалось какое-то время, но конечный результат не вызывал сомнений.

– Хорошо. А теперь назовите мне точный адрес заведения, где работала Элизабет Элиотт. «Закуток Джерри». Где-то на улице Марипоза.

– На пересечении Марипозы и Сан-Бруно, – донёлся из-за призывно надутых губок Лейлы Бегин бестелесный голос Прескотт. – Господи, прямо под старой автострадой! Грубейшее нарушение правил безопасности.

– Вы не могли бы прислать схему улиц, обозначив дорогу от моста через залив?

– Хотите съездить туда? Прямо сейчас? Вечером?

– Прескотт, днем в заведениях подобного типа жизнь замирает, – терпеливо сказал я. – Разумеется, я еду туда прямо сейчас.

Адвокат ответила не сразу.

– Ковач, этот район пользуется дурной репутацией. Вы должны быть очень осторожны.

На этот раз я даже не пытался сдержать весёлый смешок. С таким же успехом можно перед операцией посоветовать хирургу быть осторожным и не испачкать руки кровью. Похоже, Прескотт все поняла.

– Посылаю схему, – ледяным тоном произнесла она.

Лицо Лейлы Бегин, помигав, исчезло, и вместо него на экране стала быстро вырисовываться сетка улиц. Впрочем, в фото больше не было необходимости. Волосы Лейла выкрасила в ярко-алый цвет, её шею душило стальное ожерелье, подведённые глаза выражали изумление, но я увидел то, что скрывалось под косметикой. Те же самые черты, что смутно проступали на кристалле «Кодака» со снимком дочери Виктора Элиотта. Сходство не слишком бросающееся в глаза, но тем не менее бесспорное.

Мириам Банкрофт.

Когда я вернулся в Бей-Сити, начался дождь. Через тёмное небо прорвалась нудная морось. Припарковав машину напротив заведения Джерри, я смотрел на мигающую неоновую вывеску сквозь капли и струйки воды на лобовом стекле. Во мраке, под бетонным скелетом автострады, маячило голографическое изображение женщины, танцующей в высоком бокале. Проектор был неисправен, и объёмная картинка то и дело подёргивалась рябью.

Я беспокоился, что наземный автомобиль привлечёт внимание, но, как оказалось, для этого района я использовал самое подходящее транспортное средство. Почти все машины, окружавшие заведение Джерри, не могли летать. Единственным исключением были автотакси. Время от времени они

спускались по спирали вниз, чтобы выгрузить или забрать пассажиров, и тотчас с нечеловеческой точностью и стремительностью взмывали вверх, вливаясь в поток воздушного транспорта. Светящиеся красными, синими и белыми навигационными огнями такси выглядели пришельцами из другого мира, украшенными драгоценными камнями. Машины лишь на мгновение касались растрескавшейся мостовой, усеянной мусором, позволяя пассажирам сойти на землю или подняться на борт.

В течение часа я наблюдал за заведением. В «Закутке Джерри» царило оживление; посетители заходили один за другим. В основном мужчины. У дверей их проверял робот-охранник, напоминающий сложенного гармошкой осьминога. Он висел под потолком у входа. Кое-кому из гостей приходилось расставаться со спрятанными под одеждой вещами, скорее всего – с оружием; двое или трое вынуждены были уйти несолоно хлебавши. Никто не возмущался – спорить с роботом бесполезно. На улице постоянно останавливались машины, кто-то что-то продавал и покупал – нечто небольших размеров (что именно, с такого расстояния я разглядеть не мог). Двое затеяли поножовщину в тени между опорами автострады, но всё завершилось очень быстро. Один из участников убежал, прихрамывая и зажимая окровавленную руку; другой вернулся в заведение с таким видом, будто просто выходил помочиться.

Выбравшись из машины, я убедился, что она на сигнализации, и не спеша пересёк улицу. Двое спекулянтов сидели, подобрав под себя ноги, на капоте автомобиля. От дождя их защищало статическое отталкивающее устройство. При моём приближении спекулянты оживились.

– Приятель, не хочешь купить диск? Горячая порнушка из Улан-Батора, высшего качества.

Окинув их взглядом, я неторопливо покачал головой.

– А «труп»?

Я снова покачал головой. Подойдя к роботу, я остановился, позволив его многочисленным рукам-щупальцам ненавязчиво обыскать меня. Я попытался шагнуть в дверь, услышав слово «порядок» – голос был синтезирован дешёвым вокодером. Но меня остановила рука, нежно перехватив на уровне груди.

– Вы хотите посетить кабинки или бар?

Я ответил не сразу, притворившись, что взвешиваю варианты.

– А что может предложить бар?

– Ха-ха-ха!

Какой-то шутник запрограммировал в работе смех. Подобный звук мог бы издать грузный толстяк, тонущий в сиропе. Смех резко оборвался.

– В баре смотрят, но не трогают. Денег нет – не распускай руки. Правило заведения. Относится ко всем посетителям.

– Кабинки, – сказал я, торопясь поскорее уйти от фальшивых шуток механического цербера.

В сравнении с ним уличные торговцы казались куда более человечными.

– Вниз по лестнице и налево. Возьмите полотенце из стопки.

Я спустился по короткой лестнице с металлическими перилами и повернул налево в коридор, освещенный вращающимися красными лампами. Они напоминали сигнальные огни автотакси. Воздух содрогался от примитивного и монотонного музыкального ритма, и мне показалось, что я попал в желудочек огромного сердца, накачанного тетраметом. Как и было обещано, на полочке в нише лежала стопка свежих белых полотенец.

Дальше начинались дверцы в кабинки. Я прошёл мимо первых четырех, из которых две были заняты, и заглянул в пятую.

Она оказалась небольшой, метра два на три. Пол обтянут блестящим атласом. Если на нём и была грязь, я её не заметил, потому что единственным источником света служила одинокая вращающаяся лампа-вишенка, такая же, как в коридоре. Воздух в кабине был душным и спертым. Мечущееся пятно красноватого света вырывало из темноты выдавшую виды кассу в углу – на чёрной матовой ножке стоял цифровой дисплей на красных светодиодах. В кассе проделаны щели для кредитных карточек и наличных. Клавиатура для кредита по ДНК отсутствовала. Дальняя стенка кабинки была из запотевшего стекла.

Предвидя нечто подобное, я по дороге разжился в автобанке пачкой банкнот. Выбрав пластиковую купюру крупного достоинства, вставил её в щель. Нажал клавишу. Номинал введённой купюры высветился на дисплее. У меня за спиной бесшумно захлопнулась дверь, заглушая звуки музыки, и за запотевшим стеклом появилась неясная фигура. Я вздрогнул от неожиданности. Дисплей ожил. Пока что затраты минимальные. Я осмотрел тело, прижавшееся к запотевшей перегородке. Пышная грудь, расплюснутая о стекло, женский профиль и смутные очертания бёдер и талии. Из спрятанных громкоговорителей донеслись тихие стоны. Томный голос произнес:

– Ты хочешь увидеть меня, увидеть меня, увидеть меня...

Дешёвая установка искусственного эхо, подключенная к вокодеру.

Я снова нажал клавишу. Стекло мгновенно очистилось, и стала видна находящаяся за ним женщина. Она переминалась с ноги на ногу, демонстрируя себя, покачивала телом, выпячивала грудь, затем подалась

вперед и лизнула стекло кончиком языка. При этом стекло опять запотело от её дыхания. Женщина посмотрела мне в глаза.

– Ты хочешь прикоснуться ко мне, прикоснуться ко мне, прикоснуться ко мне...

Не знаю, использовался ли в кабинке инфразвук, но моё тело определённо откликнулось на всё это. Член налился и начал шевелиться. Усилием воли я унял пульсацию и заставил кровь отхлынуть назад, приливая к нужным мышцам, как это делается перед боем. Для предстоящей сцены мне требовалось быть невозбужденным. Я ещё раз нажал клавишу. Стеклянная перегородка скользнула в сторону, и женщина шагнула вперед, словно выходя из душа. Она направилась ко мне, призывно протягивая руку.

– Скажи мне, что ты хочешь, милый, – донеслось откуда-то из глубины горла.

Её голос без поддержки вокодера прозвучал неожиданно резко. Я кашлянул.

– Как тебя зовут?

– Анемона. Хочешь узнать, почему меня так зовут?

Её рука, проникнув за мой пояс, начала работать. За спиной тихо щёлкал счётчик.

– Ты помнишь одну девушку, работавшую здесь? – спросил я.

Она уже возилась с ремнём.

– Милый, ни одна девушка, работавшая здесь, не сделает для тебя то, что сделаю я. Итак, что ты хочешь...

– Её звали Элизабет. Это её настоящее имя. Элизабет Элиотт.

Женщина резко отдернула руки, и маска вождения соскользнула, словно стаяла изнутри лица.

– Какого чёрта тебе нужно, твою мать? Ты фараон?

– Кто?

– Фараон. Легавый. – Перейдя на крик, она отпрянула от меня. – У нас есть всё, что нужно...

– Нет.

Я шагнул к ней, и женщина приняла умелую боевую стойку. Отступив назад, я тихо произнес:

– Нет, я её мать.

Напряжённая тишина. Женщина злобно смотрела.

– Чушь собачья. Мамаша Лиззи до сих пор на хранении.

– Нет. – Схватив её за руку, я заставил пощупать мою промежность. – Чувствуешь? Там ничего нет. Меня загрузили в эту оболочку, но я

женщина. Я не могу, не хочу...

Девушка распрямилась, неохотно засовывая руку мне в штаны.

– Что-то у вас оболочка чересчур хороша, – усомнилась она. – Вы ведь только что с хранения. Условно-досрочно освобождённых обычно загружают в высохшее тело какого-нибудь наркомана.

– Я освободилась не досрочно.

Всё, что в нас вдолбили в Корпусе чрезвычайных посланников, пронеслось у меня в голове эскадрилей реактивных штурмовиков, оставляя следы правдоподобной лжи на правдивых подробностях.

– Ты ведь знаешь, за что я отправилась на хранение?

– Лиззи говорила про воровство «крошек мозга»...

– Да. Погружение. А ты знаешь, в чьё сознание я погрузилась?

– Нет. Лиззи никогда об этом не распространялась...

– Элизабет не знала. И в прессе об этом не упоминалось.

Грудастая девица подбоченилась.

– Так в чьё же?..

Я одарил её снисходительной усмешкой.

– Тебе лучше не знать. Это очень влиятельный человек. Достаточно влиятельный, чтобы вытащить меня и дать вот это.

– Недостаточно влиятельный, чтобы вернуть тебя в оболочку без краника.

В голосе Анемоны ещё чувствовалось сомнение, но доверие к моему рассказу поднималось стремительно, как коралловый риф из воды во время отлива. Она хотела верить в маму из сказки, ищущую заблудшую дочь.

– Как получилось, что вам при загрузке сменили пол? – спросила она.

– Мы заключили договор, – сказал я, скользя по грани правды. – Этот... человек... он вытаскивает меня из хранения, а я выполняю для него кое-какую работу. Таковую, для которой требуется мужское тело. Если всё пройдет успешно, я получу новые оболочки для себя и для Элизабет.

– Вот как? Поэтому вы и пришли сюда?

В голосе Анемоны появилась горечь, говорящая о том, что её собственные родители ни за что не станут её искать. А также о том, что она мне поверила. Я выложил последнюю ложь.

– С новой оболочкой для Элизабет возникли кое-какие проблемы. Кто-то ставит палки в колёса. И я хочу узнать, кто и почему. Ты знаешь, кто её зарезал?

Опустив лицо, Анемона покачала головой.

– У нас с девушками частенько происходят разные неприятности, – тихо произнесла она. – Но Джерри всем выплачивает страховку. Он очень

заботится о нас. Даже помещает на хранение, если лечение занимает много времени. Только тот, кто расправился с Лиззи, не был постоянным клиентом.

– А у Элизабет были постоянные клиенты? Люди влиятельные? Кто-нибудь со странностями?

Анемона посмотрела на меня, и в уголках её глаз появилось сострадание. Я понял, что сыграл роль Ирены Элиотт безукоризненно.

– Миссис Элиотт, все, кто приходит в наше заведение, со странностями. В противном случае они бы сюда не приходили.

Я заставил себя поморщиться.

– Ну а насчет важных шишек?

– Не знаю. Послушайте, миссис Элиотт, Лиззи мне очень нравилась. Пару раз, когда мне было плохо, она помогала, но близки мы не были. Лиззи дружила с Хлоей и... – Осекшись, она поспешно добавила: – Ничего такого вы не подумайте. Просто они с Хлоей, и ещё Мак, они одалживали друг другу вещи, делились тайнами, понимаете?

– Я могу с ними поговорить?

Анемона испуганно метнула взгляд в угол кабинки, словно услышала какой-то необъяснимый звук. У неё на лице появилось затравленное выражение.

– Знаете, лучше этого не делать. Джерри... Понимаете, он не любит, когда мы разговариваем с клиентами. Если он застанет нас...

Я вложил в позу и голос всю силу убеждения, которую приобрел в Корпусе.

– Ну, может быть, ты их попросишь...

Анемона в страхе огляделась по сторонам, но голос её окреп.

– Конечно. Я поговорю с ними. Но только... только не сейчас. А вам лучше уйти. Приходите завтра в то же время. В эту же кабинку. Я буду свободна. Скажите, что у вас договоренность.

Я схватил её руку и пожал.

– Спасибо, Анемона...

– Меня зовут не Анемона, – резко отозвалась она. – Меня зовут Луиза. Пожалуйста, зовите меня Луизой.

– Спасибо, Луиза. – Я задержал её ладонь в своих руках. – Спасибо за всё...

– Послушайте, я вам ничего не обещаю, – остановила меня Анемона, делая попытку говорить жёстко. – Как я уже сказала, я поговорю. Пока это всё. А теперь уходите. Пожалуйста.

Она показала, как отменить оставшуюся часть платежа, введённого в

кассу, и дверь немедленно распахнулась. Я не сказал больше ни слова. Даже не попытался ещё раз прикоснуться к девушке. Вышел в коридор, оставив её стоять в кабинке, обхватив руками грудь и уставившись на вытертый пол – так, будто она видела его впервые в жизни.

Тускло горели красные лампочки.

На улице ничего не изменилось. Два спекулянта сидели там же, увлечённые горячим спором с огромным типом монголоидного вида. Громила стоял, облокотившись на капот их машины, и разглядывал что-то, зажатое в руках. Осьминог поднял руки, пропуская меня, и я шагнул под морозящий дождь. Монгол взглянул в мою сторону. На лице мелькнула тень.

Я остановился и резко обернулся, и он, потупив взгляд, что-то сказал торговцам. Нейрохимия обдала меня изнутри потоком холодной воды. Я направился прямо к машине, и троица тотчас же умолкла. Руки скользнули в карманы. Меня что-то толкало вперед, что-то почти не имеющее отношения ко взгляду, который бросил монгол. Беспросветное отчаяние кабинки породило нечто мрачное, расправившее сейчас свои чёрные крылья, нечто не подвластное контролю. То, за что Вирджиния Видаура строго бы отчитала меня. Я услышал, как на ухо нашептывает Джимми де Сото.

– Ты меня ждёшь? – спросил я, обращаясь к спине монгола. У него тотчас же напряглись мышцы.

Вероятно, один из спекулянтов почувствовал неладное. Он протянул руку, показывая, что она пуста.

– Послушай, дружище... – неуверенно начал спекулянт.

Я бросил на него косой взгляд, и он умолк.

– Я спросил...

И тут словно прорвалась плотина. Монгол с рёвом прыгнул с капота и обрушил на меня руку размером со свиной окорок. Удар – мимо, но, отражая его, я вынужден был отступить назад. Спекулянты обнажили оружие – маленькие пластинки чёрного и серого металла, которые злобным тьяканьем выплюнули смертоносные заряды. Я увернулся от выстрелов, прикрывшись тушей монгола, и нанес удар пятерней в узкоглазое лицо. Хрустнула кость, и я отбросил его на машину, пока спекулянты соображали, где я. Нейрохимия сделала их движения для меня медленными, как льющийся вязкий мёд. Ко мне потянулся один кулак, сжимающий пистолет, и я раздробил его пальцы о металл, выбросив ногу навстречу. Владелец кулака взвыл, а тем временем ребро моей ладони

врезалось второму спекулянту в висок. Оба свалились с машины: один – продолжая стонать, другой – потеряв сознание или мертвый. Я принял боевую стойку.

Монгол, развернувшись, бросился наутек. Не раздумывая, я перескочил через крышу машины и побежал за ним. Бетон здорово врезал по ступням, когда я приземлился, и по голням разлилась резкая боль. Но нейрехимия практически мгновенно её подавила, я оказался всего в дюжине метров позади монгола. Расправив грудь, я припустил во весь опор.

Монгол впереди метался, как реактивный истребитель, пытающийся увернуться от неприятельского огня. Для человека таких габаритов он оказался на удивление проворным. Протиснувшись между бетонными опорами автострады, монгол метнулся в тень, увеличивая расстояние между нами до двадцати метров. Я прибавил скорость, морщась от острой боли в груди. Дождь хлестал в лицо.

Ох уж эти сигареты, мать их!

Выбежав из-под опор, мы оказались на пустынном перекрестке с покосившимися, словно пьяными, светофорами. Когда монгол пробежал мимо одного из них, тот ожил. Старческий голос робота захрипел: «Переходите. Переходите. Переходите». Я уже давно бежал на другой стороне улицы, а отголоски команды упрямо преследовали нас.

Мы бежали. Мимо допотопных туш машин, уже долгие годы не покидавших своих мест у обочины. Мимо зарешеченных и закрытых ставнями витрин, которые, может быть, открывались днём, а может быть, и нет. Из решётки у тротуара поднимался пар, похожий на живое существо. Мостовая под ногами скользила от дождевой воды и серой жижи, вытекающей из переполненных мусорных баков. Ботинки, доставшиеся мне от Банкрофта вместе с костюмом, были на тонкой подошве и не обеспечивали достаточного сцепления. Лишь безупречное действие нейрехимии позволяло удерживать равновесие.

Пробегая возле двух груд хлама у обочины, монгол оглянулся и увидел, что я не отстаю от него, так что сразу за второй машиной метнулся налево. Я попытался поменять траекторию и пересечь улицу под острым углом, до этих брошенных автомобилей, но мой противник великолепно рассчитал манёвр. Я едва успел поравняться с первой машиной, как меня занесло. Наткнувшись на ржавый капот, я отлетел на закрытую жалюзи витрину. Металл лязгнул и зашипел; меня ужалил заряд низкого напряжения, предназначенный для отпугивания грабителей. Монгол тем временем перебежал через дорогу, увеличив разделяющее нас расстояние

еще на добрый десяток метров.

Над головой мелькали огни воздушных транспортных средств. Заметив убегающую фигуру, я оторвался от обочины, проклиная себя за глупый порыв, из-за которого я отказался от предложенного Банкрофтом оружия. На таком расстоянии лучевой бластер без труда оторвал бы монголу ноги. А так мне пришлось бежать за ним, пытаясь выжать из легких всё, чтобы сократить дистанцию между нами. Может быть, удастся его напугать, вынудить споткнуться.

Произошло не совсем то, хотя и очень похожее. Здания слева закончились, уступив место пустырю, обнесенному покосившимся забором. Ещё раз обернувшись, монгол допустил первую ошибку. Он остановился и бросился на забор, проломившийся под его тяжестью, и побежал в темноту.

Усмехнувшись, я последовал за ним. Наконец у меня появилось преимущество.

Вероятно, монгол рассчитывал, что я потеряю его в темноте, или надеялся, что я подверну ногу на неровной поверхности. Но закалка чрезвычайных посланников мгновенно расширила до предела мои зрачки, приспособлявая зрение к условиям недостаточной освещённости, и с молниеносной быстротой проложила путь по ухабам и рытвинам. Нейрохимия позволила переставлять ноги не менее стремительно. Поверхность растворялась подо мной, как это было во сне с участием Джимми де Сото. Не более чем через сто метров я должен был настичь своего «приятеля», если только и он не усовершенствовал зрение.

Как выяснилось, пустырь заканчивался раньше, чем мне хотелось бы, но к моменту, когда мы добежали до противоположного забора, между нами уже не было и первоначальных десяти метров. Монгол забрался на проволочное ограждение, спрыгнул на землю и побежал по улице, пока я ещё лез наверх. Вдруг он резко остановился. Я перебрался через проволоку и легко соскочил вниз. Должно быть, монгол услышал звук прыжка, потому что он обернулся, распрямляясь и щёлкая на ходу собираемым оружием. Увидев дуло, я упал на землю.

Я врезался в мостовую со всего размаха, ободрав ладони, и перекатился набок. Молния вспорола ночь там, где я только что стоял. Запах озона; треск разорванного воздуха ударил по барабанным перепонкам. Я покатился дальше, и бластер выпустил новую порцию раскалённых заряженных частиц, пронесшихся рядом с моим плечом. Мокрый бетон зашипел, покрываясь паром. Я тщетно пытался найти укрытие, которого нигде не было.

– БРОСАЙ ОРУЖИЕ!

Этот робот-божество: громкоговоритель гаркнул в ночную темноту откуда-то сверху, и луч света упал с неба под прямым углом. Вспыхнувший прожектор затопил морем белого огня. Лёжа на мостовой, прищуриваясь, я поднял взгляд и с трудом разглядел полицейский транспорт в положенных пяти метрах над улицей, с мигающими огнями. Миниатюрная буря, поднятая ревущими турбинами, смела к стенам соседних зданий трепещущие крылья бумажных обрывков и пластика и пригвоздила их к бетону, словно умирающих мошек.

– НЕ ДВИГАЙСЯ С МЕСТА! – снова прогремел громкоговоритель. – БРОСАЙ ОРУЖИЕ!

Монгол вскинул бластер, и полицейский транспорт метнулся в сторону, вслед за командой пилота, пытающегося вывести машину из-под огня. Из турбины, зацепленной лучом, брызнул сноп искр; аппарат опасно накренился.

Пулемет в носовой части ответил очередью, но к этому моменту монгол успел перебежать через улицу, прожечь бластером дыру в стене и скрыться в дымящемся отверстии.

Где-то внутри здания слышались крики.

Я медленно поднялся с мостовой. Аппарат опустился вниз и застыл в метре над землёй. На дымящемся двигателе ожил, вспучиваясь, баллон огнетушителя; полетели хлопья белой пены. За иллюминатором пилота с визгом поднялся люк, и в проёме показалась Кристина Ортега.

Глава десятая

Транспорт оказался такой же машиной, на которой меня подбросили на виллу «Закат», только подешевле, и в кабине было довольно шумно. Ортеге приходилось кричать, чтобы перекрыть рёв двигателей.

– Мы вызовем ищеек, но если у этого типа есть связи, ещё до рассвета он сможет достать препарат, полностью меняющий химическую сигнатуру тела. А после этого всё сведется к опросу свидетелей. Каменный век. В этой части города...

Тут машина сделала вираж, и она махнула на паутину улиц вниз.

– Только посмотрите. Район прозвали «Городом утех». А когда-то давно он назывался Потреро. Говорят, считался очень престижным.

– И что случилось?

Ортега, сидящая на стальной решетке сиденья, пожала плечами.

– Экономический кризис. Вы же знаете, как это бывает. Сегодня у человека есть собственный дом, он выплачивает страховку за новую оболочку, а завтра он на улице и думает только о том, как прожить хотя бы одну жизнь.

– Да, порой судьба обходится с людьми круто.

– Всякое бывает, – небрежно заметила детектив. – Ковач, а какого хрена вы делали в заведении Джерри?

– У меня зачесалось одно место, – буркнул я. – Что, есть какие-нибудь законы, запрещающие это?

Она пристально посмотрела на меня.

– Но к Джерри вы ходили не за тем, чтобы смазать это место. Вы не пробывали там и десяти минут.

Пожав плечами, я виновато улыбнулся.

– Если вас когда-нибудь загрузят в мужское тело, только что вынутое из резервуара, вы поймете. Гормоны. Они ждать не могут. А в таких местах, как у Джерри, главное не процесс, а результат.

Губы Ортеги изогнулись в чем-то приближенном к улыбке. Она подалась вперед.

– Чушь собачья, Ковач. Чушь. Собачья. Я запросила то, что имелось на вас в Миллспорте. Психологический профиль. Так называемый градиент Кеммериха. У вас он вздымается так круто, что взобраться по нему можно только с полным альпинистским снаряжением. Чем бы вы ни занимались, для вас главное – процесс.

Вытряхнув из пачки сигарету, я прикурил от зажигательной полоски.

– Что ж, вы должны знать, как много можно успеть с женщиной за десять минут.

Закатив глаза, Ортега отмахнулась от замечания так, словно это была надоедливая муха, кружащаяся вокруг неё.

– Верно. И вы хотите сказать, что, имея полученный от Банкрофта кредит, не можете позволить себе ничего получше заведения Джерри?

– Тут дело не в цене, – возразил я, гадая: а что действительно приводит таких людей, как Банкрофт, в «Город утех»?

Прижавшись лицом к стеклу иллюминатора, Ортега уставилась на дождь. На меня она не смотрела.

– Вы проверяете версии, Ковач. К Джерри вы отправились для того, чтобы разузнать подробнее, чем там занимался Банкрофт. Дайте время, и я обязательно выясню, что именно привело вас туда. Но будет лучше, если вы расскажете сами.

– Зачем? Вы же заверили меня, что дело Банкрофта закрыто. В чём ваш интерес?

Ортега снова повернулась ко мне, и в её глазах сверкнул огонь.

– Мой интерес в том, чтобы поддерживать спокойствие и порядок. Вероятно, вы не обратили внимания, но каждая наша встреча происходит под аккомпанемент крупнокалиберных пулемётов.

Я развёл руками.

– Я безоружен. Я только задаю вопросы. Кстати, о вопросах... Как получилось, что вы оказались у меня за спиной, едва началось самое интересное?

– Наверное, просто совпадение. Для вас – счастливое.

Я не стал спорить. Ортега следила за мной, в этом можно не сомневаться. А это, в свою очередь, означало то, что она рассказала о деле Банкрофта далеко не всё.

– Что будет с моей машиной? – спросил я.

– Нам придется её забрать. Известить агентство проката. Пусть пришлют кого-нибудь, чтобы перегнать её с полицейской стоянки. Если, конечно, она вам больше не нужна.

Я покачал головой.

– Ковач, скажите вот что. Почему вы взяли наземную машину? На деньги, что вам платит Банкрофт, вы запросто могли позволить себе что-нибудь такое.

Она похлопала по переборке.

– Предпочитаю передвигаться по земле, – сказал я. – Так лучше

представляешь расстояние. К тому же у нас на Харлане по воздуху почти никто не летает.

– Неужели?

– Истинная правда. Послушайте, тот тип, который только что чуть не поджарил вас прямо в небе...

– Прошу прощения? – Ортега изогнула одну бровь. Я успел прийти к заключению, что это её любимый жест. – Поправьте меня, если я ошибаюсь, но, по-моему, мы только что спасли вашу оболочку. Это вы смотрели в дуло бластера.

Я небрежно махнул рукой.

– Да без разницы, главное, что он меня ждал.

– Ждал вас? – Что бы там ни думала Ортега, её лицо выразило недоумение. – Если верить торговцам «трупом», которых мы только что упекли, тот тип покупал у них товар. Они сказали, их постоянный клиент.

Я покачал головой.

– Он ждал меня. Я подошёл, чтобы с ним поговорить, и он задал стрекача.

– А может быть, ему просто не понравилось ваше лицо. Один из спекулянтов, кажется, тот, которому проломили череп, утверждает, что у вас был вид человека, собирающегося кого-нибудь убить. – Ортега снова пожала плечами. – По их словам, это вы начали драку. Всё указывает на это.

– В таком случае, почему вы не предъявляете обвинение?

– А в чём? – Она выпустила воображаемую струйку дыма. – Органические повреждения, устраняемые хирургическим путем, которые были нанесены двум торговцам «трупом»? Причинение ущерба полицейскому имуществу? Беспорядки в «Городе утех»? Ковач, дайте отдохнуть. Перед заведением Джерри такие вещи происходят каждую ночь. Я слишком устала, чтобы впустую марать бумагу.

Полицейский транспорт накренился, и я увидел в иллюминатор тусклый силуэт «Хендрикса». Я принял предложение Ортеги подбросить меня домой по той же причине, по которой согласился лететь вместе с полицейскими на виллу «Закат», – чтобы узнать, куда это приведет. Мудрость Корпуса чрезвычайных посланников. Отдайся на волю течения и смотри, куда оно тебя принесет. У меня не было причин сомневаться в том, что Ортега сдержит слово насчет места прибытия, и всё же какая-то частица моей души изумилась при виде башни отеля. Посланники не отличаются излишней доверчивостью.

После спора с «Хендриксом» по поводу разрешения на посадку пилот

опустил транспорт на мрачную площадку на крыше башни. Я чувствовал, как лёгкий летательный аппарат борется с сильным боковым ветром. Как только люк поднялся, холод заполнил салон. Я встал, собираясь выходить. Ортега не двинулась с места, искоса глядя на меня. Это выражение пока что было мне незнакомо. Заряд, который я ощутил прошлой ночью, вернулся. Я чувствовал, что её тянет высказаться – и это стремление неудержимо, как позыв чихнуть.

– Эй, как у вас продвигаются дела с Кадминым?

Повернувшись, Ортега вытянула длинную ногу и положила ботинок на кресло, которое я освободил. У неё на лице появилась тонкая усмешка.

– Машина скрипит, – сказала она. – Мы к этому ещё вернёмся.

– Хорошо. – Я выбрался на ветер и дождь, поэтому пришлось повысить голос. – Спасибо, что подвезли.

Угрюмо кивнув, лейтенант повернула голову назад, обращаясь к сидящему за спиной пилоту. Рёв турбин стал нарастать, и я поспешно пригнулся, избегая закрывающегося люка. Я отступил назад, полицейский транспорт оторвался от площадки и поднялся в воздух, мигая огнями. Лицо Ортеги проглянуло в покрытый сеткой дождя иллюминатор. Затем ветер унес маленький аппарат, словно опавший лист, опускающийся вниз по спирали к улице. Через несколько мгновений он затерялся среди тысячи других летающих машин, среди ряби из световых пятен на ночном небе. Я развернулся и, борясь с пронизывающим ветром, направился к входу на лестницу. Мой костюм промок насквозь. Я ума не приложу, что побудило Банкрофта снабдить меня летней одеждой, хотя погода в Бей-Сити отличается крайним непостоянством. Когда на Харлане наступает зима, она длится достаточно долго, чтобы можно было принять решение насчет гардероба.

Верхние этажи «Хендрикса» тонули в темноте, лишь кое-где оживленной тусклыми усилиями умирающей осветительной плитки. Но отель прилежно освещал дорогу неоновыми лампами, оживавшими прямо передо мной и гаснувшими позади. Эффект получался странный: как будто я нёс свечу или факел.

– К вам гость, – беззаботно объявил отель, когда я сел в лифт и двери кабины с ворчанием закрылись.

Я со всего размаху ударил ладонью по кнопке экстренной остановки и тотчас же поморщился от жгучей боли. Успел забыть, что содрал кожу при падении на мостовую.

– Что?

– К вам го...

– Да, я слышал. – Мелькнула мысль: а не может ли ИскИн обидеться на мой тон. – Кто это и где?

– Эта женщина идентифицировала себя как Мириам Банкрофт. Поиски, проведённые в городском архиве, подтвердили личность оболочки. Я позволил ей подождать в вашем номере, поскольку она без оружия, а вы, уходя сегодня утром, не оставили на этот счет никаких распоряжений. Кроме прохладительных напитков, миссис Банкрофт больше ни к чему не притронулась.

Чувствуя нарастающую ярость, я сосредоточил внимание на маленькой щербинке в двери лифта, пытаюсь успокоиться.

– Очень любопытно. Вы так вольно обращаетесь со всеми клиентами?

– Мириам Банкрофт является супругой Лоренса Банкрофта, – с укором возразил отель, – который, в свою очередь, оплачивает ваш номер. Учитывая данные обстоятельства, я счёл разумным не создавать дополнительной напряженности.

Я поднял взгляд на крышу лифта.

– Вы меня проверили?

– Внимательное изучение прошлого клиентов является частью контракта, в соответствии с которым осуществляется моя деятельность. Разумеется, полученная информация остается строго конфиденциальной, если только не подпадает под действие части четыре директивы ООН номер 231.4.

– Да? И что ещё вы обо мне узнали?

– Лейтенант Такеси Лев Ковач, – сказал отель. – Также известен как Лев Мамба, Отрыватель рук и Ледоруб. Родился в Ньюпесте, планета Харлан, 35 мая 187 года по колониальному летосчислению. Завербован в силы Протектората ООН 11 сентября 204 года. Выбран для дальнейшего прохождения службы в Корпусе чрезвычайных посланников 31 июня 211 года в ходе обычной проверки...

– Хорошо, достаточно.

Я был удивлён тем, как глубоко копнул ИскИн. Следы большинства людей высыхают, едва они покинут свой мир. Межзвёздные пробои стоят очень недёшево. Если, конечно, «Хендрикс» не проник в архивы надзирателя Салливана, что явилось бы нарушением закона. Я вспомнил замечание Ортеги относительно прошлых обвинений против отеля. Кстати, а какие преступления может совершить искусственный интеллект?

– Я также подумал о том, что миссис Банкрофт находится здесь в связи с расследованием обстоятельств смерти её супруга, которое вы проводите. Я предположил, что вы пожелаете встретиться с ней, а она вряд ли

согласилась бы ждать в вестибюле.

Вздохнув, я оторвал руку от кнопки остановки лифта.

– Уверен, не согласилась бы.

Мириам Банкрофт сидела у окна, нянча в руках высокий стакан со льдом и наблюдая за огнями уличного движения далеко внизу. Темнота в номере нарушалась только мягким свечением служебного люка и трёхцветным неоновым обрамлением бара с напитками. Миссис Банкрофт была одета в нечто похожее на шаль, которую накинули поверх трико, облепившего тело. При моем появлении она не обернулась. Поэтому мне пришлось пройти вперёд, чтобы оказаться в её поле зрения.

– Отель предупредил, что вы здесь, – сказал я. – Это я говорю на случай, если вы вдруг станете гадать – почему я от неожиданности не вывалился из оболочки.

Смерив меня взглядом, Мириам Банкрофт смахнула с лица прядь волос.

– Очень плоская шутка, мистер Ковач. Вы ждете аплодисментов?

Я пожал плечами.

– Могли бы поблагодарить за выпивку.

Задумчиво посмотрев на зажатый в руках стакан, она снова подняла глаза на меня.

– Спасибо за выпивку.

– Не стоит.

Подойдя к бару, я оглядел бутылки. Мой взгляд как-то сам собой остановился на виски пятнадцатилетней выдержки. Откупорив её, я понюхал горлышко и взял стакан. Плеснул виски, не отрывая взгляда от бутылки.

– Давно ждёте?

– Где-то с час. Оуму Прескотт сказала, что вы отправились в «Город утех». Поэтому я полагала, что вы вернетесь нескоро. Случились какие-то неприятности?

Задержав первый глоток во рту, я почувствовал острое жжение в ранках, оставшихся после удара ботинком Кадмина, и поспешно проглотил виски. Поморщившись.

– А с чего вы так решили, миссис Банкрофт?

Она изящно махнула рукой.

– Да так просто. У вас нет желания об этом говорить?

– В общем-то, нет.

Я опустил в огромный мешок-шезлонг у застеленной алым бельём

кровати и уставился на гостью. Наступила тишина. Со своего места я видел силуэт Мириам Банкрофт, освещённый светом из окна. Её лицо оставалось в глубокой тени. Я остановил взгляд на слабом отблеске, который мог быть левым глазом. Наконец она чуть повернулась, зазвенев кубиками льда в стакане.

– Ну, – кашлянув, произнесла Мириам Банкрофт, – а о чем бы вам хотелось поговорить?

Я махнул стаканом.

– Давайте начнем с того, почему вы здесь.

– Я хочу узнать о ваших успехах.

– Полный отчёт о моих действиях вы получите завтра утром. Перед тем как уйти отсюда, я направлю его Оуму Прескотт. Ну же, миссис Банкрофт, уже поздно. Придумайте что-нибудь получше.

Мириам так дёрнулась, что на мгновение я подумал – сейчас она уйдет. Но затем миссис Банкрофт сжала стакан обеими руками, склонила над ним голову, словно ища вдохновения в кубиках льда, а затем опять посмотрела на меня.

– Я хочу, чтобы вы остановились.

Я дал возможность словам утонуть в тёмных углах комнаты.

– Почему?

Я увидел, как её губы приоткрылись в улыбке, услышал звук, который они при этом издали.

– А почему бы и нет? – спросила она.

– Ну... – Я отхлебнул виски, полоща алкоголем порезы во рту, чтобы унять гормоны. – Начнём с вашего мужа. Он ясно дал понять, что попытка выйти из игры и сбежать может серьёзно повредить моему здоровью. Далее, не нужно забывать о ста тысячах долларов. Ну а затем мы переходим к эфемерной вселенной моих слов и обещаний. И, если честно, мне самому любопытно.

– Сто тысяч – не такие большие деньги, – осторожно произнесла Мириам Банкрофт. – А Протекторат огромен. Я могла бы дать вам деньги. И подыскать такое местечко, где Лоренс вас никогда не найдёт.

– Верю. Но все равно остаются моё слово и любопытство.

Она подалась вперед.

– Мистер Ковач, давайте говорить начистоту. Лоренс не заключал с вами контракт, он притащил вас сюда за шкуру. Навязал сделку, от которой вы не могли отказаться. Никто не упрекнет вас в том, что пострадает ваша честь.

– По-прежнему остаётся любопытство.

– Возможно, я смогу его удовлетворить, – тихо промолвила Мириам Банкрофт.

Я сделал большой глоток виски.

– Вот как? Все же это вы убили своего мужа, миссис Банкрофт?

Она нетерпеливо махнула рукой.

– Я имею в виду не вашу глупую игру в сыщиков. Вас ведь... интересует другое, не так ли?

– Прошу прощения? – Я посмотрел на неё поверх стакана.

Мириам Банкрофт соскочила с подоконника и встала, прижимаясь к нему спиной и бёдрами. С преувеличенной осторожностью поставив стакан, она опёрлась руками о подоконник, поднимая плечи. При этом её грудь зашевелилась под тонкой тканью трико, слегка изменив форму.

– Вам известно, что такое «девятое слияние»?

– Эмпатин [\[4\]](#)?

Я выкопал это название сам не знаю откуда. Какая-то банда вооружённых грабителей, которых я знал на Харлане, друзья Вирджинии Видауры. «Голубые жучки». На дело они отправлялись, накачавшись «девятым слиянием». Якобы это позволяло им чувствовать себя сплочёнными. Сброд психопатов, мать их.

– Да, эмпатин. Производная эмпатина, усиленная «сатироном» и «гедином». Эта оболочка... – Она указала на своё тело, неторопливо проведя растопыренными пальцами по изгибам фигуры. – Это новейшее слово биохимических технологий, производство лаборатории Накамуры. Я способна выделять «девятое слияние» в моменты сексуального возбуждения. Потовыми железами, слюнными железами... и половыми органами, мистер Ковач.

Она выпрямилась, и шаль, соскользнув с плеч, упала на пол и растеклась под ногами шёлковой лужицей. Перешагнув через неё, Мириам Банкрофт подошла ко мне.

Конечно, есть Ален Мариотт, непоколебимый и доблестный во всех своих бесчисленных ролях; и есть жизнь. В реальной жизни существуют вещи, от которых не отворачиваешься.

Я встретил Мириам Банкрофт посреди комнаты. «Девятое слияние» уже чувствовалось в воздухе, в аромате её тела и влажном дыхании. Вобрав его полной грудью, я почувствовал, как в желудке начинают звучать, словно задетые струны, химические рецепторы. Мой стакан с виски исчез, остался где-то, и рука, сжимавшая его, стиснула выпирающую грудь Мириам Банкрофт. Обхватив за голову, она привлекла меня к себе, и я ощутил «девятое слияние» в бисеринках пота, усыпавших ложбинку на груди. Я

потянул за шов трико, освобождая зажатую грудь, и нащупал губами налившийся сосок.

Я почувствовал, как Мириам Банкрофт ахнула, судорожно раскрывая рот, и понял, что эмпатин начал воздействие на мой мозг, пробуждая спящие телепатические инстинкты. Очнувшиеся рецепторы жадно впитывали сильный аромат сексуального возбуждения, выделяемый женщиной. Понял также, что она сама начинает получать удовольствие от прикосновения губ к её груди. Эмпатин разливался по нашим телам со скоростью теннисного мяча, стремительно перелетающего с одной половины корта на другую. Он набирал силу, касаясь воспламенённых нервных окончаний... Слияние достигло апогея невыносимо скоро.

Мириам Банкрофт тихо застонала. Мы опустились на пол, и я стал двигаться взад и вперед по её грудям, лицом ощущая их упругое сопротивление. Мириам жадно вцепилась ногтями в мои бёдра, усиливая ноющую, распирающую боль в паху. Наши губы дрожали от неутолимого голода. Мы яростно содрали друг с друга одежду, и прикосновение ковра к обнажённым телам показалось обжигающим. Я устроился на Мириам Банкрофт верхом, шурша отросшей щетиной по гладкой, нежной коже её живота, скользя вниз и оставляя ртом по пути влажные круги. Наконец мой язык ощутил что-то терпкое и солёное. Проникнув в складки влагалища, пропитанные соками женского тела и «девятым слиянием», он вернулся на поверхность и надавил на крошечный бутончик клитора. Где-то далеко, на другом конце вселенной, мой член пульсировал в руке Мириам Банкрофт. Затем она обхватила губами головку и принялась нежно её сосать.

Наше возбуждение стремительно нарастало. Скоро я уже не мог различать сигналы, поступавшие от союза, порожденного «девятым слиянием», для меня сливались ощущения мучительного напряжения члена, зажатого в пальцах Мириам Банкрофт, и прикосновения моего собственного языка к какой-то недостижимой точке у неё в чреве. Она стиснула бёдрами мне голову. Послышалось сдавленное рычание, но я уже не различал, из чьего горла оно вырвалось. Обособленность, разделявшая нас, расплавилась во взаимной перегрузке чувственных рецепторов. Напряжение нарастало слой за слоем, вершина за вершиной, и вдруг Мириам Банкрофт рассмеялась, получив в лицо и руку обжигающий солоноватый фонтанчик. В это же мгновение я оказался стиснут закрученными штопором бёдрами: она тоже достигла наивысшего блаженства.

Наступил миг облегчения, наполненного дрожью. Малейшее движение, скольжение плоти по плоти отзывалось судорожными спазмами.

Затем – последствия длительного пребывания моей оболочки в резервуаре и сладостных воспоминаний об Анемоне, прижавшейся к стеклу биокабины, – член зашевелился и начал снова наливать кровью. Мириам Банкрофт потёрлась о него носом, провела кончиком языка, слизнула скользкую влагу, и он, гладкий и отвердевший, упёрся ей в щеку. Развернувшись, Мириам оседлала меня верхом, откинувшись назад для равновесия. Она опустилась вниз, с протяжным стоном насаживаясь на мой жезл. Затем Мириам Банкрофт склонилась надо мной, раскачивая грудью, и я, выгнув шею, жадно впился губами в нежные, упругие купола. Мои руки, поднявшись, обхватили её бедра в месте, где они расходились по обе стороны моего тела. А потом было движение.

Второй раз длился дольше, и эмпатин сделал его не столько сексуальным, сколько эстетическим. Руководствуясь сигналами, которые щедро отдавали мои органы чувств, Мириам Банкрофт начала двигаться медленно, покачиваясь из стороны в сторону, а я с каким-то отрешённым вожделением наблюдал за её упругим животом и вздыбленной грудью. По непостижимой причине «Хендрикс» завёл в одном из углов номера неторопливый, размеренный, ритмичный рэгги, а потолок над нами озарился кружащимися красными и багровыми пятнами. Мечущиеся звезды расползлись по стенам и покрыли танцующими узорами наши тела, и я почувствовал, что острота сознания покидает меня. Осталось только ощущение скользких бёдер Мириам Банкрофт и разрозненные образы её лица и тела в разноцветных отблесках. Когда я пришел в себя, то почувствовал отдалённый взрыв, казалось, имеющий отношение к женщине, застывшей в дрожи верхом на мне, а не к моей собственной оболочке.

Затем, когда мы лежали рядом, лениво работая руками и подводя друг друга к уже не столь впечатляющим пикам, Мириам Банкрофт сказала:

– Ну, что ты обо мне думаешь?

Скользнув взглядом по своему телу и задержавшись на том, что проделывала её рука, я кашлянул, прочищая горло.

– Это вопрос с подвохом?

Она рассмеялась грудным покашливанием, которое произвело на меня такое впечатление в картохранилище виллы «Закат».

– Нет, я просто хочу знать.

– А тебя это так волнует?

Это было произнесено без резкости, и «девятое слияние» полностью лишило вопрос грубых интонаций.

– Ты думаешь, «Вот каково это – быть мафом»? – Слово прозвучало в

её устах как-то странно, будто Мириам Банкрофт говорила о ком-то другом. – Ты полагаешь, ничто молодое нас не волнует?

– Не знаю, – искренне признался я. – Мне уже приходилось слышать такую точку зрения. Когда проживёшь на свете триста лет, отношение к жизни обязательно должно измениться.

– И это действительно так. – Мои пальцы проникли внутрь неё, и у Мириам Банкрофт перехватило дыхание. – Да, что-то в таком духе. Но это не порождает безразличия. Ты видишь, как всё проходит, скользит мимо. И тебе хочется ухватиться, вцепиться во что угодно, чтобы остановить. Не дать уплыть, увянуть, засохнуть.

– Правда?

– Да, правда. Так что ты обо мне думаешь?

Склонившись над ней, я посмотрел на тело молодой женщины, в котором она обитала, на безукоризненные черты лица и на старые-престарые глаза. Я до сих пор находился под воздействием «девятого слияния» и не мог найти никаких изъянов. Мириам Банкрофт была самым восхитительным созданием, какое мне только доводилось видеть. Отказавшись от борьбы за объективность, я нагнулся и поцеловал её в грудь.

– Мириам Банкрофт, ты чудо из чудес, и я с готовностью продал бы душу, чтобы обладать тобой.

Она фыркнула.

– Я серьёзно. Я тебе нравлюсь?

– Что за вопрос...

– Повторяю, я говорю серьёзно.

Слова проникли глубоко, глубже эмпатина. Взяв себя в руки, я посмотрел ей в глаза.

– Да, – просто сказал я. – Нравишься.

– Тебе понравилось, что было между нами? – понизив голос, продолжала Мириам Банкрофт.

– Да, мне понравилось то, что было между нами.

– Ты хочешь продолжения?

– Да, хочу.

Она уселась, повернувшись ко мне лицом. Её рука зашевелилась, повторяя требовательные движения, выжимая меня.

– Повтори ещё раз, – она сказала твёрже.

– Я тебя хочу.

Положив ладонь на грудь, Мириам Банкрофт опрокинула меня и склонилась сверху. Я снова приблизился к полной эрекции. Движения её

руки стали размеренными и неторопливыми.

– Здесь в море, – прошептала она, – на западе, совсем недалеко, часах в пяти, есть один островок. Он принадлежит мне. Доступ туда закрыт. Над ним пятидесятикилометровый защитный зонт, контролируемый со спутника. Островок очень красив. Я построила там целый комплекс, с банком клонов и устройством загрузки оболочек. – Её голос дрогнул. – Время от времени я выпускаю клоны. Делаю свои копии. Ради потехи. Ты понимаешь, что я тебе предлагаю?

Я издал нечленораздельный звук. Образ, нарисованный Мириам Банкрофт, – быть в центре внимания целого гарема таких тел, управляемых единым рассудком, – довел моё затвердевшее естество до грани экстаза. Её рука продолжала двигаться сверху вниз, словно заведенная.

– Что ты сказал?

Она склонилась надо мной, пощекотав сосками грудь.

– И надолго? – выдавил я, бессознательно сжимая и разжимая мышцы брюшного пресса, с головой, затуманенной зовом плоти и «девятым слиянием». – На какой срок приглашение в этот парк развлечений?

Мириам Банкрофт похотливо усмехнулась.

– Ограничений никаких. Это место принадлежит мне. Островок, море вокруг него – это все моё. Сможешь гостить там столько, сколько захочешь. До тех пор, пока тебе не надоест.

– Быть может, это произойдет очень нескоро.

– Нет. – Покачав головой, она отвела взгляд, и в голосе прозвучала тень печали. – Нет, ты ошибаешься.

Сдавливающая хватка чуть ослабла. Застонав, я дёрнул Мириам Банкрофт за руку, заставляя возобновить движение. Казалось, это несколько её успокоило, и она с воодушевлением принялась за работу, то ускоряясь, то замедляясь, нагибаясь ко мне, чтобы «покормить» грудью, и подкрепляя движения руки языком и губами. Ощущение времени исчезло, сменившись бесконечно нарастающим чувством, вздымающимся вверх, медленно приближающимся к вершине. Я словно со стороны слышал свой заплетающийся от дурмана голос, который доносился издалека, умоляя не останавливаться.

Чувствуя неумолимо надвигающийся оргазм, я смутно увидел через связь «девятого слияния», как Мириам Банкрофт погрузила пальцы в себя и принялась тереть с неудержимой страстью. Это совершенно не вязалось с холодным расчетом, с которым она манипулировала мной. Эмпатин позволил подстроить время с точностью до секунды. Мириам дошла до верха экстаза всего за несколько мгновений до того, как я начал кончать.

Она обильно сбрызнула выделениями моё мечущееся в судорогах тело.

Затмение.

Когда я пришел в себя, много времени спустя, придавленный свинцовым последствием «девятого слияния», Мириам Банкрофт уже не было. Она исчезла без следа, словно образ, явившийся в лихорадочном бреду.

Глава одиннадцатая

Когда у тебя нет друзей, а женщина, с которой ты переспал, ушла, не сказав ни слова, и оставила тебя с раскалывающейся головой, то выбор, чем бы заняться, небольшой. В молодости я в таких случаях шатался по улицам Ньюпеста, ввязываясь в грязные драки. После того как в одной из драк двоих пырнули ножом (я не был среди пострадавших), я попал послушником в одну из банд Харлана (ньюпестовский филиал). Позднее я усовершенствовал эту форму бегства от действительности, поступив на службу в армию. Драки приобрели смысл, в них использовалось современное оружие, но, как выяснилось, они остались такими же жалкими. Наверное, удивляться нечему – в конце концов, вербовщиков корпуса морской пехоты интересовало только то, в скольких потасовках я одержал верх.

В настоящее время я нашел чуть менее разрушительный ответ на общее биохимическое недомогание. Выяснив, что сорокаминутный заплыв в подземном бассейне «Хендрикса» не смог рассеять ни тоску по бурному обществу Мириам Банкрофт, ни ломку после «девятого слияния», я сделал единственное, что оставалось в моём распоряжении. Заказав отелю болеутоляющее, я отправился по магазинам.

К тому времени, когда я выбрался на улицу, жизнь в Бей-Сити уже была ключом, и торговый центр города задыхался от пешеходов. Постояв пару минут в стороне, я нырнул в толпу и стал разглядывать витрины.

Ходить по магазинам меня научила на Харлане светловолосая сержант морской пехоты Карлайл, которая носила совершенно не идущее ей имя Безмятежность. До того я неизменно пользовался технологией, которую можно назвать «прицельные покупки». Определяешь необходимый объект, заходишь, получаешь его и быстро отваливаешь. Если требуемый объект недоступен, разворачиваешься и тоже уходишь – не менее быстро. Всё то время, что мы провели вместе, Безмятежность пыталась отучить меня от такого подхода, приобщив к своей философии потребительского пастбища.

– Ты пойми, – сказала она как-то раз, когда мы сидели пьяными в кафе в Миллспорте, – хождение за покупками – настоящее, физическое хождение по магазинам – исчезло бы ещё несколько столетий назад, если бы этого захотели.

– Кто захотел?

– Люди. Общество. – Безмятежность нетерпеливо махнула рукой. –

Называй как хочешь. Возможности для этого появились давно. Заказ по почте, виртуальные супермаркеты, автоматические дебетовые системы. С торговлей в магазинах могло быть покончено, однако этого не произошло. О чём это говорит?

Мне тогда исполнилось двадцать два года. Зелёному новичку корпуса морской пехоты, прошедшему школу уличных банд Ньюпеста, подобные слова ни о чем не говорили. Перехватив мой недоумённый взгляд, Карлайл вздохнула:

– Это говорит о том, что людям *нравится* ходить по магазинам. Таким образом мы удовлетворяем основополагающую потребность делать приобретения, заложенную на генетическом уровне. Унаследованную от наших далёких предков, первобытных охотников и собирателей. Да, есть автоматизированная служба продажи товаров первой необходимости, есть системы механизированного распределения продовольствия среди бедных. Но при этом существует великое множество торговых мегаульев и специализированных магазинов, торгующих продовольствием и промышленными товарами, куда необходимо физически зайти. Так вот скажи, зачем людям так поступать, если они не получают от этого удовольствия?

Вероятно, я пожал плечами, сохраняя юношескую невозмутимость.

– Хожение за покупками является формой физического взаимодействия, проявлением способности принимать решения, насыщением страсти приобретать и толчком к дальнейшим приобретениям. И ты тоже должен научиться получать от этого удовольствие, Таки. Я хочу сказать, можно пролететь над архипелагом на вертолете, ни разу не замочив ноги. Но ведь люди не перестали получать наслаждение от плавания, не так ли? Таки, учись делать покупки правильно. Стань гибким. Наслаждайся неопределенностью.

Чувство, которое я испытывал в данный момент, вряд ли можно было назвать неопределённостью. Но я прочно держался за него, сохраняя гибкость в строгом соответствии с заветами Безмятежности Карлайл. Начал я с поисков теплой водоотталкивающей куртки, но в итоге обрёл всепогодные ботинки. За ботинками последовали свободные чёрные брюки и теплонепроницаемый свитер с застёжками на энзимах, до талии, с глухим воротом. На улицах Бей-Сити я уже успел увидеть сотни различных вариаций на подобную тему. Ассимиляция с окружающей средой. То, что нужно. Наркотическое похмелье ещё давало о себе знать, и после недолгого размышления я повязал голову вызывающей красной шёлковой банданой, в духе ньюпестских банд. Этот предмет одежды нельзя было назвать

ассимилирующим, но он соответствовал смутному бунтарскому раздражению, нараставшему во мне со вчерашнего дня. Летний костюм Банкрофта я бросил в мусороприемник на улице, поставив рядом элегантные туфли.

Перед тем как расстаться с костюмом, я прошёлся по карманам и нашел две визитные карточки: врача из центра хранения Бей-Сити и оружейника Банкрофта.

Как выяснилось, Ларкин и Грин были не фамилиями двух оружейников, а улицами, которые пересекались на склоне лесистого холма, названного Русской горой. Автотакси попробовало рассказать мне о достопримечательностях, но я грубо его оборвал. Фасад магазина, «торговавшего оружием с 2203 года», выходил на обе улицы и тянулся по пять метров в каждую сторону. К нему примыкали неприметные строения без окон – судя по всему, подсобки. Толкнув ухоженную деревянную дверь, я оказался в прохладном помещении, пахнувшем машинным маслом.

Оно чем-то напоминало картохранилище на вилле «Закат». Просторный зал освещался естественным светом через два ряда высоких окон. Вместо второго этажа вдоль четырёх стен проходили широкие галереи с видом на товарный зал. Стены были увешаны плоскими витринами, а под нависающими галереями стояли массивные тележки со стеклянным верхом, и тоже с товаром. В воздухе чувствовался резковатый привкус старого дерева и оружейной смазки; пол, который я попирал новыми ботинками, оказался застелен ковром.

Над ограждением галереи появилось чёрное стальное лицо. На месте глаз вспыхнули зелёные фотоэлементы.

– Я могу вам чем-нибудь помочь, сэр?

– Меня зовут Такеси Ковач. Я от Лоренса Банкрофта, – сказал я, откидывая голову, чтобы встретиться взглядом с глазами мандроида. – Мне нужно кое-какое снаряжение.

– Разумеется, сэр. – Приятный мужской голос, лишённый инфразвуковых интонаций профессиональных торговцев. – Мистер Банкрофт предупредил о вашем приходе. В настоящее время я занимаюсь с клиентом, но скоро освобожусь. Слева от вас кресла и бар с прохладительными напитками. Пожалуйста, устраивайтесь поудобнее.

Голова исчезла, и возобновился разговор вполголоса, который я смутно уловил, ещё когда входил в зал. Отыскав бар, я обнаружил, что он заставлен алкогольными напитками, и поспешно его закрыл. Болеутоляющие частично справились с последствиями ломки после «девятого слияния», но всё же я был не в том состоянии, чтобы

злоупотреблять спиртным. Одновременно я с удивлением поймал себя на том, что с утра обходился без сигарет. Я подошёл к ближайшей витрине и осмотрел коллекцию самурайских мечей. К ножнам были прикреплены бирки с датами. Некоторые из мечей оказались старше меня.

В следующем ящике лежало коричневое и серое огнестрельное оружие, которое казалось скорее выращенным, чем сделанным. Стволы ростками пробивались из органической защитной оплетки, которая по плавной дуге переходила в рукоятку. Это оружие также датировалось прошлым столетием. Я пытался разобрать затейливую вязь, вырезанную на одном из стволов, когда на лестнице послышались металлические шаги.

– Сэр нашел что-нибудь интересное?

Я обернулся к приближающемуся мандроиду. Его тело было изготовлено из полированной воронёной стали в форме взрослого мускулистого мужчины. Отсутствовали только половые органы. Лицо выглядело продолговатым и худым, достаточно привлекательным, чтобы задержать внимание, несмотря на неподвижные черты. Глубокие борозды на голове изображали густые волосы, зачёсанные назад. На груди виднелась полустёртая надпись «Марс – Экспо 2076».

– Нет, я просто глазел, – сказал я, махнув рукой на оружие. – Оно из дерева?

Зелёные фотоэлементы мрачно смотрели на меня.

– Совершенно правильно, сэр. Приклады из гибрида бука. Образцы ручного производства. «Калашников», «Перди» и «Беретта». У нас представлены все ведущие европейские производители. Что именно вас интересует?

Я оглянулся на витрину. В изысканных формах была какая-то странная поэзия – единство прямолинейной функциональности и природного изящества. Я почувствовал, что мне хочется прикоснуться, погладить их. Воспользоваться ими.

– На мой вкус, это чересчур затейливо. Я бы предпочел что-нибудь более практичное.

– Разумеется, сэр. Могу я предположить, что сэр не является новичком в данном вопросе?

Я ухмыльнулся.

– Можете.

– В таком случае, вероятно, сэр расскажет о своих прежних предпочтениях.

– «Смит и Вессон» под патроны «Магнум» калибра 11 миллиметров. Пистолет «Ингрэм-40» для стрел. Метатель заряженных частиц «Санджет».

Но подобное оружие не для этой оболочки.

Зелёные рецепторы вспыхнули. Никаких замечаний. Возможно, мандроид не был запрограммирован на светскую беседу с чрезвычайным посланником.

– А что ищет сэр для этой оболочки?

Я пожал плечами.

– Метательное оружие. Что-нибудь не очень приметное. И кое-что потяжелее, похожее на «Смит-Вессон». Ещё лезвие.

Мандроид застыл на месте. Я буквально услышал жужжание процессора, обрабатывающего полученную информацию. В голове мелькнул вопрос: а как такая машина попала в это место? Несомненно, её спроектировали не для торговли. На Харлане мандроиды встречаются нечасто. В производстве они дороги, если сравнивать с синтетикой и даже с клонами; а когда требуется человекоподобная внешность, лучше прибегать к органическим моделям. Правда в том, что робот в человеческом обличье представляет собой бессмысленное столкновение двух разнородных функций. Искусственный интеллект работает гораздо эффективнее, будучи спрятан в корпус компьютера, а износостойкие, долговечные тела большинство киберинженерных фирм разрабатывает под решение конкретных и специфических задач. Последним роботом, которого я видел на Харлане, был крабообразный садовник.

Фотоэлементы вспыхнули чуть ярче, и механическое существо переменило позу.

– Сэр, если вы готовы пройти за мной, уверен, мы подыщем искомое сочетание.

Я последовал за машиной в дверь, так искусно спрятанную в интерьер помещения, что я её не увидел. Мы прошли по короткому коридору в длинное помещение с низким потолком. Вдоль некрашенных отштукатуренных стен стояли простые фибергласовые ящики. Тут и там тихо работали люди. Воздух был наполнен деловым позвякиванием оружия в умелых руках. Мандроид подвел меня к невысокому седовласому мужчине в замасленном комбинезоне, разбиравшему электромагнитный молниемет так, словно это жареный цыпленок. При нашем приближении мужчина поднял голову.

– Чип? – кивнул он машине.

– Клайв, это Такеси Ковач. Он друг мистера Банкрофта, ищет оборудование. Я бы хотел, чтобы ты показал «Немекс» и пистолет «Филипс», а затем проводил к Шейле. Чтобы она выбрала для него холодное оружие.

Кивнув, Клайв отложил молниемет.

– Прошу сюда.

Мандроид прикоснулся к моей руке.

– Сэр, если вам ещё что-нибудь понадобится, я буду в демонстрационном зале.

Склонив голову, он ушел. Я направился следом за Клайвом вдоль рядов из ящиков, где среди куч пенопластового конфетти разложено самое разнообразное оружие. Выбрав один пистолет, он повернулся ко мне.

– «Немезида-Икс» второго поколения, – сказал Клайв, протягивая оружие. – Мы его называем «Немекс». Изготовлен по лицензии фирмы «Манлихер-Шонауэр». Стреляет пулей в оболочке, в качестве кастомизированного боезаряда используется реагент «Друк-31». Очень мощное и очень точное оружие. Обойма на восемнадцать патронов, расположенных в шахматном порядке. Немного громоздкий, но в бою весьма эффективен. Попробуйте, насколько он лёгок.

Взяв пистолет, я покрутил его в руках. У него был длинный толстостенный ствол, чуть длиннее, чем у обычного «Смит-Вессона», но в целом оружие оказалось хорошо сбалансировано. Я покидал его из руки в руку, привыкая к ощущению, затем, прищурившись, прицелился. Клайв терпеливо ждал рядом.

– Хорошо, – наконец сказал я, возвращая пистолет. – А теперь что-нибудь покомпактнее.

– Выжимной пистолет «Филипс». – Он сунул руку в один из ящиков и порылся в конфетти, затем достал маленький серый пистолет, вдвое меньше «Немекса». – Пуля из сплошной стали. Для заряда используется электромагнитный ускоритель. Абсолютно бесшумный, прицельная дальность выстрела – около двадцати метров. Отдачи никакой. Есть возможность изменить ориентацию электромагнитного поля на обратную: после выстрела генератор извлекает пули из цели. В обойме десять выстрелов.

– Аккумуляторы?

– Есть модификации на сорок и на пятьдесят выстрелов. После этого начальная скорость пули будет уменьшаться с каждым выстрелом. В цену входят два сменных аккумулятора, а также зарядное устройство, совместимое с бытовой энергетической сетью.

– У вас есть тир, чтобы я мог проверить оружие в деле?

– Да, в подвале. Но обе эти крошки поставляются с диском симуляции боевой практики, реальное действие оружия полностью совпадает с виртуальным. Это входит в гарантийные обязательства производителя.

– Отлично.

Судебные разбирательства по поводу гарантийных обязательств бывают очень хлопотными. Особенно если какой-нибудь шустрый умник воспользуется возникшими проблемами и всадит тебе пулю в голову. Поди узнай, когда посчастливится получить новую оболочку – и посчастливится ли вообще. Но в мою голову боль начинала проникать через заслон болеутоляющих. Быть может, посещение тира будет не лучшим занятием. О цене я не стал спрашивать. В конце концов, я трачу не свои деньги.

– Как насчет боеприпасов?

– Запасные обоймы поставляются в коробках по пять штук. Для обоих пистолетов. Но с «Немексом» вы получите одну обойму бесплатно. Что-то вроде рекламной кампании новой модели. Этого достаточно?

– Не совсем. Добавьте по две коробки для каждого пистолета.

– То есть по десять обойм?

В голосе Клайва прозвучало сомнение, к которому примешивалась доля уважения. Десять обойм на пистолет – это уйма патронов. Но я давно обнаружил, что порой для дела полезнее просто наполнить воздух пулями, чем действительно во что-либо попасть.

– И, кажется, вам нужно лезвие?

– Именно.

– Шейла!

Обернувшись, Клайв окликнул высокую женщину с коротко стриженными светлыми волосами, сидевшую на ящике нога на ногу, с руками на коленях. Её лицо скрывала маска виртуального устройства. Услышав своё имя, она повернулась и, вспомнив про маску, сняла её и заморгала. Клайв махнул рукой. Женщина отсоединилась от ящика и нетвёрдо направилась к нам, слегка покачиваясь, – следствие резкого возвращения к действительности.

– Шейла, этому парню нужна сталь. Ты не поможешь?

– Разумеется. – Женщина протянула худую руку. – Меня зовут Шейла Соренсон. Какое именно оружие ищете?

Я ответил на крепкое рукопожатие.

– Такеси Ковач. Мне нужно что-нибудь такое, что можно быстро метнуть. Только небольшое. Чтобы прикрепить к запястью.

– Хорошо, – дружелюбно улыбнулась Шейла. – Не желаете пройти со мной? Вы здесь уже закончили?

Клайв кивнул.

– Я передам это Чипу, он всё упакует. Возьмёте с собой или вам с доставкой на дом?

– Возьму с собой.

– Я так и думал.

Владения Шейлы ограничивались небольшой квадратной комнатой с двумя пробковыми силуэтами-мишенями у одной стены и целым арсеналом холодного оружия от стилетов до мачете, развешанным на трёх остальных. Блондинка выбрала плоский чёрный нож с лезвием из серого металла, сантиметров пятнадцать длиной.

– Нож «Теббит», – сказала она. – Очень мерзкая штучка.

Развернувшись, Шейла с деланной небрежностью метнула нож в левую мишень. Крутанувшись в воздухе, словно живой, нож по рукоятку погрузился в пробковую голову.

– Лезвие из сплава стали с танталом, эфес из углеродных волокон. В рукоятку для балансировки вмонтирован кусок кремня – если ничего не получится с острием, можно огреть противника по голове.

Подойдя к мишени, я вытащил нож. Лезвие было узким, заточенным с обеих сторон. В центре – неглубокая выемка, обозначенная тонкой красной линией, на которой выгравировали крошечные затейливые символы. Я покрутил лезвие перед глазами, пытаюсь разобрать надпись, но обозначения были незнакомы. Серый металл тускло сиял в ярком свете.

– Что это?

– Что? – Шейла подошла ко мне и встала за спиной. – А, это. Кодировка биооружия. Канавка покрыта составом Ц-381. При контакте с гемоглобином образует цианиды. От краёв достаточно далеко. Поэтому при случайном порезе ничего страшного не произойдет. Но вот если погрузить лезвие в ткань с кровеносными сосудами...

– Очаровательно.

– Я же сказала, мерзкая штучка – разве не так? – В её голосе прозвучала гордость.

– Беру.

На улицу я вернулся, нагруженный покупками, и вдруг подумал, что куртка всё же пригодится – хотя бы для того, чтобы спрятать только что приобретенный арсенал. Я поднял взгляд в небо, ища автотакси, но пришёл к выводу, что яркое солнце оправдывает небольшую прогулку пешком. Мне показалось, что в конце концов и наркотическое похмелье начнёт отступать.

Я прошел три квартала вниз по холму, прежде чем заметил слежку.

Меня предупредила подготовка чрезвычайных посланников, лениво пробуждающаяся к жизни сквозь туман «девятого слияния». Обострённое ощущение близости, лёгкая нервная дрожь, фигура, слишком часто

мелькающая на краю поля зрения. Этот человек знал своё дело. В более людном районе города я бы его не заметил, но здесь пешеходы попадались слишком редко, чтобы обеспечить хорошую маскировку.

Нож «Теббит» был закреплен на левом запястье в мягких кожаных ножнах с подпружиненной защёлкой, соединенной с нервными окончаниями. Однако пистолет я достать не мог, не выдав, что обнаружил слежку. Я подумал, не оторваться ли от «хвоста», но практически сразу отказался от этой идеи. Город я не знал, химические препараты сделали мои движения вялыми и замедленными, и, кроме того, я слишком нагружен. В конечном итоге я позволил провожатому ходить по магазинам вместе со мной. Чуть ускорив шаг, я спустился с холма в торговый центр, где нашел дорожную шерстяную куртку до бедра, красную с белым. Её украшали вышитые фигурки, срисованные с эскимосского тотемного столба. Если честно, я думал не совсем о такой, но куртка была тёплая, с вместительными карманами. Расплачиваясь перед стеклянной витриной магазина, я успел заметить мелькнувшее отражение своего преследователя. Молодой, европейские черты, тёмные волосы. Я его не узнал.

Мы с «хвостом» пересекли площадь Юнион-сквер и задержались перед очередной демонстрацией протеста против резолюции номер 653. Толпа, перегородившая угол, быстро редела. Люди расходились, размахивая плакатами; металлический лай громкоговорителя приобретал жалобные нотки. Я мог бы затеряться в толпе, но к этому времени мне уже было всё равно. Если «хвост» собирался заниматься чем-нибудь более серьёзным, чем слежка, он мог это проделать на малолюдных улицах лесистого холма. Здесь же толклось слишком много народу. Я пробрался через остатки демонстрации, отмахиваясь от предлагаемых листовок, и направился на юг, к улице Миссий и отелю «Хендрикс».

Идя по улице Миссий, я случайно попал в радиус вещания уличного торговца. Голова наполнилась картинками. Я будто шёл по аллее, заполненной женщинами, чья одежда демонстрирует больше, чем её отсутствие. Сапоги, превращавшие ногу выше колена в оковалок мяса, бёдра, перетянутые лентами со стрелками, указывающими кое-какое направление; лифчики, подпирающие и выпячивающие грудь; тяжёлые, округлые броши, поселившиеся в покрытых бусинками пота ложбинках на груди. Мелькали высунутые язычки, облизывающие губы, выкрашенные в вишнёво-красные или могильно-чёрные цвета; вызывающе скалились зубы.

Меня захлестнула холодная волна, стирая потную похотливость и превращая соблазнительные тела в абстрактные женские образы. Я поймал себя на том, что почти машинально рассчитываю окружности талии и

объёмы груди, вычисляю геометрию живой плоти так, словно эти женщины были какими-то растениями.

Бетатанатин. «Потрошитель».

Последний отпрыск обширного семейства химических препаратов, созданных в начале тысячелетия в ходе работ по имитации ощущения смерти. Бетатанатин подводил человеческое тело к состоянию полного прекращения жизненных процессов настолько близко, насколько это возможно без необратимого разрушения клеток. В то же время стимуляторы внутри молекулы «Потрошителя» побуждали интеллект к беспристрастной работе. Бетатанатин позволяет исследователям пройти через ощущения искусственно воссозданной смерти, не испытав при этом непреодолимых любопытства и страха, которые могли бы повлиять на восприятие информации. В небольших дозах «Потрошитель» порождает бездну холодного безразличия к таким вещам, как боль, сексуальное влечение, радость и горе. Мужчины столько столетий пытались разыграть перед обнажённой женщиной отчуждённое безразличие, а теперь это стало достижимо с помощью одной капсулы. Можно подумать, препарат создан специально для юношей, проходящих через половое созревание.

Кроме того, бетатанатин оказался идеальным средством для военных. Приняв дозу «Потрошителя», монах, отрекшийся от учения Господа, мог спалить деревню с женщинами и детьми, восхищаясь, как элегантно пламя отделяет мягкие ткани от кости.

В последний раз я употреблял бетатанатин во время уличных боев на Шарии. Принимал полную дозу, чтобы опустить температуру тела до комнатной и замедлить частоту пульса до двух-трех ударов в минуту. Такими способами мы боролись с детекторами живой силы, установленными на шарианских танках-пауках. Только так можно приблизиться к ним, не будучи обнаруженным инфракрасными датчиками, взобраться по ноге и взорвать люк термитной гранатой. После чего с экипажем, оглушенным ударной волной, расправлялись так же просто, как с новорожденными котятками.

– Дружище, есть «труп», – произнёс хриплый голос. Заморгав, я оторвался от вещания и увидел бледное европейское лицо, полускрытое серым капюшоном. Передающее устройство размещалось у торговца на плече, подмигивая мне крошечными красными лампочками, похожими на глаза летучей мыши. На Харлане непосредственная передача из сознания в сознание регулируется очень жёсткими законами. Даже случайно перехваченное вещание может вызвать такой же бурный скандал, как и выплеснутое на грудь пиво в кабаке на набережной. Выбросив вперед руку,

я с силой ткнул торговца в грудь. Тот отшатнулся, налетев на витрину магазина.

– Эй...

– Не мочись мне на башку, приятель. Мне это не нравится.

Заметив, как рука торговца змеей метнулась к устройству на поясе, я догадался, что будет дальше. Сменив направление главного удара, я упёрся растопыренными пальцами торговцу в глазные яблоки...

И оказался лицом к лицу со злобно шипящей грудой мокрой пористой плоти высотой под два метра. Меня обвили щупальца, а рука погрузилась в источающее слизь углубление, обрамлённое густыми чёрными ресницами. К горлу подступил клубок тошноты. Подавив рвотный позыв, я просунул руку сквозь трепещущие ресницы, чувствуя, как слизистая плоть поддается.

– Если не хочешь лишиться зрения, отключи эту дрянь, – сурово произнес я.

Груда пористой плоти исчезла, и я снова остался наедине с торговцем, продолжая с силой давить пальцами ему на глазные яблоки.

– Ну хорошо, дружище, хорошо. – Он поднял руки вверх. – Не хочешь – не покупай. Я просто пытаюсь хоть чем-нибудь заработать на жизнь.

– Там, откуда я, залезать в голову незнакомым людям на улице не принято, – как бы объясняя свои действия, сказал я.

Но торговец, почувствовав, что я не собираюсь продолжать ссору, сделал жест пальцем – судя по всему, оскорбительный.

– А какое мне дело до того, откуда ты, мать твою! Ах ты долбаный кузнечик! Убери грабли с моего лица!

Я отошёл от него, рассеянно гадая, есть ли какое-нибудь моральное отличие между этим торговцем и генными инженерами, вживившими «девятое слияние» в оболочку Мириам Банкрофт.

Я остановился на углу и пригнулся, закуривая сигарету. Середина дня. Сегодня это первая.

Глава двенадцатая

Одеваясь вечером перед зеркалом, я никак не мог избавиться от обострившегося ощущения, что мою оболочку надел кто-то другой, а меня низвели до роли пассажира в туристической кабинке.

Это называется психоцелостным отторжением. Или попросту расслоением. Даже опытного человека, сменившего немало оболочек, порой охватывает неприятная дрожь. Я же мучился так, как не приходилось мучиться много лет. Какое-то время я в буквальном смысле боялся думать, опасаясь, что человек в зеркале обнаружил моё присутствие. Застыв в ужасе, я смотрел, как он закрепил нож «Теббит» в ножнах с нейрозащелкой, взял «Немекс» и «Филипс» и убедился, что оба пистолета заряжены. Огнестрельное оружие продавалось в дешёвых фибергриповых кобурах, при нажатии они приклеивались энзимами к одежде в любом месте. Незнакомец в зеркале закрепил «Немекс» под пиджак, под мышкой левой руки, а «Филипс» убрал сзади за пояс. Он проверил, насколько свободно оружие достаётся из кобуры, целясь в своё отражение в зеркале, хотя в этом и не было необходимости. Клайв не обманул: диски виртуального обучения – то, что нужно. Незнакомец был готов убивать из обоих пистолетов.

Я поёжился от его взгляда.

Неохотно отстегнув ножны и кобуры, он положил оружие на кровать. Затем постоял немного, дожидаясь, когда пройдет необъяснимое ощущение наготы.

Вирджиния Видаура называла это «слабостью к оружию», и с первого дня обучения в Корпусе чрезвычайных посланников считалось смертным грехом подпасть под действие этого недуга.

«Оружие – любое оружие – является лишь инструментом, – говорила наша наставница, ласково поглаживая метатель заряженных частиц „Санджет“, – сконструированным для выполнения определённой работы, как и любой другой инструмент, и пригодным только для неё. Вы назовете дураком человека, таскающего с собой силовой молоток только потому, что он инженер. А то, что справедливо в отношении инженеров, вдвойне справедливо в отношении чрезвычайных посланников».

Джимми де Сото, стоявший в строю, кашлянул, выражая своё веселье. Тогда он высказывался от лица большинства. Девяносто процентов новобранцев Корпуса чрезвычайных посланников поступили из

регулярных вооруженных сил Протектората, в которых оружие было чем-то между игрушкой и личным фетишем. Морские пехотинцы ООН не расставались с оружием никогда, даже отправляясь домой на побывку.

Услышав кашель, Вирджиния Видаура остановила взгляд на Джимми.

– Мистер де Сото, кажется, вы не согласны.

Джимми переступил с ноги на ногу, немного смущённый тем, как легко его обнаружили.

– Если быть честным, мэм... мой опыт говорит, чем больше оружия носишь, тем уважительнее к тебе относятся.

По строю пробежала рябь согласия. Вирджиния Видаура дождалась, когда она утихнет.

– Действительно, – сказала она, поднимая метатель обеими руками, – это... устройство способно наносить удары. Будьте добры, подойдите ко мне и возьмите его.

Поколебавшись немного, Джимми вышел из строя и взял метатель. Вирджиния Видаура отступила назад, чтобы Джимми находился в центре внимания выстроившихся новобранцев, и расстегнула форменный китель. В комбинезоне без рукавов и мягких туфлях для палубы космолета она выглядела хрупкой и беззащитной.

– Как вы можете убедиться, – громко произнесла она, – устройство переведено в тестовый режим. Даже если вы в меня попадете, всё окончится небольшим ожогом первой степени, и только. Я нахожусь приблизительно в пяти метрах от вас. Я безоружна. Мистер де Сото, не хотите попытаться попасть в меня? Стреляйте без предупреждения.

Несколько опешив, Джимми тем не менее послушно взял «Санджет» и проверил установку переключателя, опустил метатель и посмотрел на стоящую перед ним женщину.

– Стреляйте без предупреждения, – повторила Вирджиния Видаура.

– *Стреляю!* – резко воскликнул Джимми.

Проследить за движением было практически невозможно. Не успело грозное слово слететь с уст Джимми, как он уже вскинул «Санджет» и, как и полагается мастеру стрельбы, выпустил заряд прежде, чем ствол принял горизонтальное положение. Воздух сердито затрещал от потока заряженных частиц. Сверкнул луч. Но только Вирджинии Видауры на месте не было. Каким-то образом ей удалось точно предсказать направление луча и пригнуться, увернувшись от него. Ей даже удалось сократить более чем вдвое расстояние между ней и Джимми. Куртка, зажата в правой руке Видауры, пришла в движение. Одежда обернулась вокруг ствола «Санджета» и дёрнула его в сторону. Не успел Джимми

сообразить, в чем дело, как Вирджиния набросилась на него и выбила метатель заряженных частиц. Тот с грохотом упал на пол зала. Повалив Джимми, она нежно поднесла кулак к носу новобранца.

Наступило полное оцепенение. Его нарушил мой сосед, вытянувший губы трубочкой и испустивший долгий негромкий свист. Повернувшись на звук, Вирджиния Видаура легко вскочила на ноги и помогла Джимми подняться с пола.

– Оружие является инструментом, – чуть задышавшись, произнесла она. – Инструментом, предназначенным для того, чтобы убивать и уничтожать. И вам на службе в Корпусе чрезвычайных посланников придётся и убивать, и уничтожать. Тогда вы будете подбирать себе инструмент в соответствии со стоящими перед вами задачами. Но помните о слабости оружия. Оно является лишь приспособлением – на самом деле убиваете и уничтожаете вы сами. Всё зависит именно от вас, вооружены вы или нет.

Натянув куртку, украшенную эскимосским орнаментом, незнакомец ещё раз встретился взглядом с глазами в зеркале. Лицо, смотревшее на него, было таким же безучастным, как и стальное лицо мандроида из оружейного магазина «Ларкин и Грин». Незнакомец некоторое время равнодушно разглядывал его, затем поднял руку и потёр шрам над левым глазом. Последний беглый взгляд сверху донизу, и я вышел из номера, чувствуя, как по нервам холодной волной разливается новообретённое самообладание. Войдя в кабину лифта, я отвернулся от зеркала и с трудом ухмыльнулся.

«Вирджиния, у меня мандраж».

«Дыши ровно, – ответила она. – Двигайся. Держи себя в руках».

И мы вышли на улицу. Когда я шагнул через парадную дверь, «Хендрикс» любезно пожелал приятно провести вечер. «Хвост», выйдя из чайной на противоположной стороне улицы, не спеша побрел за мной. Я прошёл пешком пару кварталов, наслаждаясь вечером и раздумывая, стоит ли отрываться от слежки. Слабое солнце, упорствовавшее большую часть дня, умудрилось разогнать тучи, но по-прежнему было прохладно. Если верить карте, подготовленной отелем, «Город утех» находился в добрых двенадцати с половиной кварталах к югу. Задержавшись на углу, я подал знак, приглашая автотакси спуститься из верхнего эшелона, где оно медленно тащилось в поисках клиента. Забираясь в машину, я отметил, что «хвост» последовал моему примеру.

Он начинал действовать на нервы.

Поднявшись в воздух, автотакси полетело на юг. Подавшись вперед, я нажал на панель рекламной службы.

– Благодарим за то, что вы воспользовались услугами «Урбанлайн», – произнес приятный женский голос. – Вы подключены к центральной базе данных компании. Пожалуйста, сообщите, какую информацию желаете получить.

– В «Городе утех» есть особо опасные места?

– Весь район, именуемый «Городом утех», считается небезопасным, – бесстрастно ответил компьютер. – Однако «Урбанлайн» гарантирует доставку пассажира в любую точку в пределах городской черты Бей-Сити и...

– Хорошо. Вы не могли бы назвать место в «Городе утех», где зафиксирован самый высокий уровень насильственных преступлений?

Последовала короткая пауза. Считывающая головка спустилась к областям информации, которую запрашивали крайне редко.

– В течение прошлого года на Девятнадцатой улице, в квартале между улицами Миссури и Висконсин, зарегистрировано пятьдесят три случая нанесения органических повреждений. Сто семьдесят семь задержаний за незаконное владение собственностью, сто двадцать два случая мелких органических повреждений, двести...

– Замечательно. Как далеко от этого места до «Закутка Джерри», пересечение Марипозы и Сан-Бруно?

– Расстояние по прямой составляет приблизительно один километр.

– Карта есть?

Консоль зажглась, покрывшись сеткой улиц. Красный крест обозначил заведение Джерри, названия улиц были надписаны зелёным. Я пару секунд внимательно изучал карту.

– Хорошо. Высадите меня там. На пересечении Девятнадцатой и Миссури.

– В соответствии с кодексом обслуживания клиентов я должна предупредить вас о том, что посещение района не рекомендуется.

Откинувшись назад, я позволил усмешке вернуться на лицо. На этот раз без какого-либо насилия.

– Благодарю.

Автотакси высадило меня на пересечении Девятнадцатой улицы и Миссури. Выбираясь из машины, я огляделся по сторонам и снова усмехнулся. Как всегда, электронный мозг выразился слишком мягко.

В то время как улицы, по которым я вчера ночью гонялся за монголом, были пустынные, в этой части «Города утех» жизнь была ключом. Если сравнивать здешних обитателей с завсегдатаями Джерри, то вторые казались чуть ли не образцом здорового образа жизни. Когда я

расплачивался с автотакси, в мою сторону обернулось не менее дюжины голов, ни одна из которых не была полностью человеческой. Я чувствовал взгляд механических фотоумножительных глаз, цепко ухватившихся за пачку банкнот в моих руках; видел шевелящиеся ноздри с вживленными собачьими рецепторами, унюхивающие запах геля для душа. Сброд, толпившийся на улице, улавливал модифицированными органами чувств сигналы богатства, как видит отмель на экране сонара штурман судна, приближающегося к Миллспорту. За спиной плавно спустилось на землю второе автотакси. Впереди, меньше чем в десяти метрах, был манящий тёмный переулок.

Но не успел я сделать и двух шагов, как здешние аборигены вступили в игру.

– Эй, турист, ты что-то потерял?

Их было трое. Солистом выступил гигант двух с половиной метров роста, голый по пояс. Его обнаженный торс дыбился искусственно нарощенными мышцами. Кожа была покрыта красной светящейся татуировкой, так что казалось, будто на груди тлеет костер, а на упругих мышцах живота, начиная от талии, поднималась разъярённая кобра. Руки гиганта заканчивались острыми когтями, заточенными напильником. Лицо покрывали рубцы шрамов, полученных в бесчисленных драках, в которых ему не пришлось торжествовать победу, а в один глаз была вкручена дешёвая увеличительная линза. Но голос гиганта прозвучал на удивление мягко и печально.

– Наверное, он хочет поглазеть на трущобы, – злобно произнесла фигура, стоявшая справа от гиганта.

Это был молодой парень, щуплый и бледный, с длинными густыми волосами, закрывающими лицо. В его движениях сквозила беспокойная резкость, выдававшая дешёвую нейрохимию. Он окажется самым расторопным.

Третий член комитета, решившего устроить торжественную встречу гостю, промолчал, но приоткрыл рот, обнажая в пасти трансплантированные зубы хищника и длинный омерзительный язык. Увеличенная хирургическим путем голова венчала мужское человеческое тело, затянутое в чёрную кожу.

Времени было в обрез. Сейчас «хвост» расплатится с такси и сориентируется. Если у него хватит духу последовать за мной.

Я кашлянул.

– Я просто прохожу мимо. Если у вас хватит ума, вы меня пропустите. Следом приземляется ещё один гражданин, разобраться с ним будет

гораздо проще.

Троица опешила. Затем гигант, опомнившись, шагнул ко мне. Отбив его руку, я отступил назад и обозначил в воздухе серию стремительных смертоносных ударов. Громилы застыли на месте. Из собачьей пасти донеслось злобное рычание. Я шумно выдохнул.

– Как я уже сказал, будет лучше, если вы меня пропустите.

На изуродованном лице гиганта я прочитал, что он согласен. Ему явно довелось участвовать во многих драках, и он сразу же понял – перед ним опытный боец. Опыт всей жизни подсказывал, куда склонится чаша весов. Однако его приятели были моложе и ещё не привыкли к поражениям. Прежде чем гигант успел что-либо сказать, бледный парень, накачанный нейрохимией, выбросил вперед что-то острое, а Псиная морда попытался схватить меня за правую руку. Моя собственная нейрохимия, судя по всему, гораздо более дорогая и уже на боевом взводе, оказалась расторопнее. Перехватив руку юнца, я сломал её в локте, и, развернув взывшего от боли парня, швырнул прямо в его дружков. Псиная морда увернулся, но я со всей силы ударил ногой, попав ему в нос и рот. Громкий крик – и он повалился на землю. Юнец упал на колени, причитая и ощупывая искалеченную руку. Гигант ринулся было вперед и застыл как вкопанный, увидев распрямлённые пальцы моей правой руки в сантиметре от своих глаз.

– Не надо, – тихо промолвил я.

Юнец стонал на земле. Псиная морда валялся там, куда его отбросил пинок, слабо вздрагивая. Гигант присел между приятелями, пытаясь их подбодрить. Он поднял на меня взгляд, и на его лице появилось выражение немого осуждения.

Пятясь, я отступил в переулок, развернулся и припустил что есть сил. Пусть «хвост» разберется с тем, что я оставил после себя, и попытается меня догнать.

Пустынный переулок изогнулся под прямым углом и упёрся в другую многолюдную улицу. Завернув за угол, я сбавил скорость и пошел быстрым шагом. Повернув налево, я затесался в толпу и стал искать взглядом дорожные указатели.

Голографическая женщина перед заведением Джерри по-прежнему танцевала, запертая в высоком стакане. Вывеска горела, и дела в клубе, похоже, шли ещё оживленнее, чем вчера вечером. Группки клиентов сновали туда-сюда под извивающимися руками робота у дверей, а на смену торговцам, которых я покалечил во время драки с монголом, пришли новые.

Я пересёк улицу и остановился перед роботом, пока тот ощупывал

меня. Синтезированный голос произнес:

– Порядок. Вы хотите посетить кабинки или бар?

– А что может предложить бар?

– Ха-ха-ха, – последовал полагающийся по протоколу смешок. – В баре смотрят, но не трогают. Денег нет – не распускай руки. Правило заведения. Это относится ко всем посетителям.

– Кабинки.

– Вниз по лестнице и налево. Возьмите полотенце из стопки.

Вниз по лестнице, по коридору, освещённому вращающимися красными лампочками, мимо полочки с полотенцами и четырёх кабинок с закрытыми дверьми. В воздухе давящий на нервы размеренный ритм. Закрыв за собой дверь пятой кабинки, я для вида скормил кассе несколько банкнот и подошел к заиндевевшей стеклянной перегородке.

– Луиза!

Тело прислонилось к стеклу, прижимаясь грудью. Вращающаяся вишнёвая лампочка отбрасывала на него полосы багрового света.

– Луиза, это я, Ирена. Мать Лиззи.

Сквозь мутное стекло я разглядел на груди какой-то тёмный подтек. Встрепенувшись, ожила нейрехимия. Но слишком поздно. Стеклянная дверца скользнула в сторону, и тело девушки, лишённое опоры, сползло мне в руки. Из-за её плеча появилось большое дуло, нацеленное точно в голову.

– Ни с места, долбаный козёл, – произнёс зловещий голос. – Это хорошая горелка. Один неверный шаг – и она снесет твою голову с плеч, превратив память полушарий в горстку пепла.

Я застыл как вкопанный. В голосе прозвучала настойчивость, граничащая с паникой. Очень опасно.

– Вот и отлично.

Дверь открылась, впуслав в кабинку порыв пульсирующей в коридоре музыки, и мне в спину упёрлось второе дуло.

– А теперь опусти её на пол. Медленно и бережно. И стой спокойно.

Я осторожно положил обмякшее тело на покрытый атласом пол и выпрямился. В кабине вспыхнул яркий белый свет, а вращающаяся вишенка, моргнув пару раз, погасла. Дверь захлопнулась, отрезая музыку, и мне навстречу шагнул высокий светловолосый мужчина в облегающей чёрной одежде. Он с такой силой сжимал бластер, что от напряжения побелели костяшки пальцев.

Рот был стиснут в узкую полоску, а белки глаз горели, подчеркивая расширенные от стимуляторов зрачки. Уткнувшийся в спину пистолет

подтолкнул меня вперёд, и блондин тоже продолжал надвигаться – до тех пор, пока дуло его бластера не прижало мои губы к зубам.

– Кто ты такой, мать твою? – прошипел он.

Я чуть повернул голову в сторону, чтобы иметь возможность открыть рот.

– Я Ирена Элиотт. В свое время моя дочь работала здесь.

Блондин шагнул вперёд, прочертив дулом бластера линию мне по щеке и вниз – под подбородок.

– Ты лжешь, – тихо произнес он. – У меня есть друг в управлении правосудия Бей-Сити, и он сказал, что Ирена Элиотт по-прежнему на хранении. Как видишь, мы проверили лапшу, что ты навешал на уши этой шлюхе.

Он пнул безжизненное тело, распростёртое на полу. Я краем глаза взглянул на несчастную девушку. В резком белом свете были отчётливо видны следы истязаний.

– А теперь я хочу, чтобы ты очень хорошо подумал, перед тем как ответить на следующий вопрос. Кем бы ты ни был, почему тебя интересует Лиззи Элиотт?

Я скользнул взглядом вдоль ствола бластера и упёрся в суровое лицо. Лицо человека, который вынужден заниматься неприятным делом. И очень испуганного.

– Лиззи Элиотт – моя дочь, кусок дерьма. А если твой дружок в городском хранилище действительно имеет доступ к информации, ты поймешь, почему в архивах значится, что я до сих пор на хранении.

Пистолет, уткнувшийся в спину, резко подтолкнул меня вперед, но блондин, как это ни странно, несколько успокоился. Покорно усмехнувшись, он опустил бластер.

– Ну хорошо. Дийк, сходи пригласи Октя.

Один из стоявших за спиной выскользнул из кабинки. Блондин махнул бластером.

– Садись в угол.

Он произнес это рассеянно, словно через силу.

Почувствовав, что пистолет сзади исчез, я послушно сел в угол. Опускаясь на застеленный атласом пол, я взвесил все «за» и «против». Даже после ухода Дийка их осталось трое. Блондин. Женщина, как мне показалось, в синтетической оболочке азиатского типа, сжимающая в руке второй бластер, чей отпечаток я до сих пор ощущал на спине. Чёрнокожий верзила с единственным оружием – обрезком стальной трубы. Безнадёжно. Мне противостояли не уличные гроилы, как на Девятнадцатой улице.

Здесь чувствовалась хладнокровная сила, эдакая дешёвая версии Кадмина, с которым я столкнулся в «Хендриксе».

Я внимательно посмотрел на синтетическую женщину, но в конце концов отбросил внезапно пришедшую в голову мысль. Даже если Кадмину и удалось каким-то образом избежать обвинений, о которых упоминала Кристина Ортега, он знал, что к чему. Ему было известно, кто его нанял, и кто я. На лицах, разглядывавших меня сейчас, красноречиво написано полное неведение.

Пусть так и будет дальше.

Я перевел взгляд на изуродованную оболочку Луизы. Судя по всему, ей сделали надрезы на бедрах, а затем растянули раны так, чтобы они лопнули. Просто, жестоко и очень действенно. Наверняка заставили смотреть на то, что делают, усугубив боль страхом. Ничто не сравнится с ужасом, который испытываешь, наблюдая, как уродуют твоё тело. На Шарии это широко практиковалось религиозной полицией. Для того чтобы оправиться от душевной травмы, Луизе потребуется пройти курс психохирургии.

Перехватив мой взгляд, блондин мрачно кивнул, словно я был его соучастником.

– Не хочешь узнать, почему у неё до сих пор голова на месте, а?

Я угрюмо посмотрел на него.

– Нет. Ты производишь впечатление человека занятого, но, полагаю, ещё займёшься этим.

– Нет необходимости, – медленно произнёс блондин, с наслаждением растягивая слова. – Старушка Анемона у нас католичка. В третьем или четвертом поколении, как мне сказали девочки. У нас есть диск с её заявлением под присягой. Клятва полного воздержания, заверенная Ватиканом. Мы охотно берём таких. Порой это очень полезно.

– Ты говоришь слишком много, Джерри, – заметила женщина.

Сверкнув белками глаз, блондин посмотрел на неё. Какая бы отповедь ни зарождалась под изгибом его губ, она затихла, потому что в крошечную комнату под новую волну дешёвого ритма втиснулись ещё двое мужчин из коридора. Предположительно Дийк и Октай. Смерив взглядом Дийка, я отнес его к той же категории, что и сварщика труб – мускулы. Затем я посмотрел на спутника, который пристально меня разглядывал. И тут моё сердце екнуло. Октаем оказался вчерашний монгол.

Джерри указал на меня кивком.

– Это он?

Октай тоже кивнул, и его плоское лицо растянулось в злобной торжествующей ухмылке. Он принялся сжимать и разжимать огромные лапищи, разжигая в душе такую испепеляющую ненависть, что она грозила задушить его самого. Я разглядел у Октая на лице бугор в том месте, где кто-то пытался исправить сломанный нос сваркой живых тканей, и это не оправдывало ту ярость, что я сейчас наблюдал.

– Ладно, Райкер. – Блондин подался вперед. – Не пора ли сменить пластинку? Не хочешь рассказать, какого черта тебе нужно в моем заведении?

Он обращался ко мне. Дийк сплюнул в угол.

– Понятия не имею, – отчётливо произнес я, – о чем вы говорите, мать вашу. Вы сделали из моей дочери проститутку, а затем убили. И за это я убью вас всех до одного.

– Сомневаюсь, чтобы тебе представилась такая возможность, – сказал Джерри, присаживаясь на корточки рядом. Он уставился в пол. – Твоя дочь была глупой шлюшкой, одержимой мыслью о богатом покровителе. Ей вздумалось ставить свои условия и...

Осекшись, он удивленно покачал головой.

– О чем это я, мать твою? Своими глазами вижу тебя перед собой и всё равно принимаю дерьмо, которым ты пытаешься нас кормить. Должен признаться, Райкер, у тебя получается очень неплохо. – Блондин шмыгнул носом. – А сейчас я в последний раз спрошу по-хорошему. Посмотрим, быть может, нам удастся о чем-нибудь договориться. До того, как я отправлю тебя в гости к своим опытным друзьям. Ты понимаешь, что я имею в виду?

Я медленно кивнул.

– Хорошо. Итак, вот мой вопрос, Райкер. Что ты делаешь в «Городе утех»?

Я посмотрел ему прямо в глаза. Мелкая сошка, мнящая себя человеком с большими связями. Тут я ничего не узнаю.

– Кто такой Райкер?

Блондин снова опустил голову и уставился в пол. Казалось, он очень переживал из-за того, что произойдет дальше. Наконец, облизнув губы, он тряхнул головой, будто споря с собой, и, проведя ладонью по колену, встал.

– Ну хорошо. Раз ты упрямисься... Но хочу, чтобы ты запомнил: выбор у тебя был. – Он повернулся к синтетической женщине. – Забери его отсюда. Я хочу, чтобы не осталось никаких следов. И передай нашим друзьям – он до самых ушей накачан нейрохимией. Поэтому пока он в этой оболочке, они ничего не вытянут.

Кивнув, женщина бластером приказала мне встать. Она пнула носком труп Луизы.

– А что делать с этим?

– Избавьтесь. Мило, Дийк, отправляйтесь с ней.

Сварщик, засунув оружие за пояс, нагнулся и подхватил тело с такой лёгкостью, будто это был мешок тряпья. Дийк, подойдя сзади, любовно похлопал по обнаженной ягодице, покрытой шрамами.

Монгол издал гортанный звук. Джерри посмотрел на него с плохо скрытым отвращением.

– Нет, без тебя обойдутся. Ребята отправятся в такое место, которое тебе лучше не видеть. Не беспокойся, всё запишут на диск.

– Точно, дружище, – оглянувшись, оскалился Дийк. – Как только вернёмся с того берега, мы все тебе покажем.

– Хватит болтать, – грубо оборвала его женщина, поворачиваясь ко мне. – Давай уясним следующее. Райкер. У тебя нейрохимия, и у меня тоже. Но у меня отличная противоударная оболочка. Такой пользуются пилоты-испытатели «Локхид-Митомы». Ты со мной ни хрена не сделаешь. А я с радостью спалю тебе кишки, если только косо помотришь. Там, куда мы направляемся, никого не волнует, в каком состоянии тебя доставят. Это понятно, Райкер?

– Моя фамилия не Райкер, – раздражённо заметил я.

– Вот и договорились.

Мы шагнули через дверь из заиндевевшего стекла в крошечную комнатку, где стоял небольшой гримёрный столик перед зеркалом и душевая кабинка, и прошли по коридору, параллельному тому, что для гостей. Освещение здесь было неприятным, и музыка не звучала. В коридор выходили гримёрные комнаты, загороженные занавесками. В них сидели, бессильно обмякнув, молодые мужчины и женщины. Они рассеянно курили или просто тупо смотрели перед собой, словно незагруженные синтетические оболочки. Если кто-либо из них и увидел проходившую мимо процессию, то не подал виду. Первым шёл Мило с трупом Луизы. Дийк занял место у меня за спиной, а синтетическая женщина замыкала шествие, небрежно сжимая в руке бластер. Я успел мельком увидеть Джерри, сложившего руки на бёдра, в коридоре у нас за спиной. Затем Дийк ткнул мне кулаком в лицо, и я снова был вынужден смотреть прямо перед собой. Следуя за болтающимися, изуродованными ногами Луизы, я вышел на тускло освещённую стоянку, где нас ждал чёрный ромбовидный воздушный транспорт.

Открыв багажник, синтетическая женщина махнула бластером.

– Места достаточно. Устраивайся поудобнее.

Я забрался в багажник и обнаружил, что она права. Сюда же Мило швырнул труп Луизы и захлопнул крышку, оставив нас вдвоём в крошечной темноте. Послышался глухой стук закрывающихся дверей, мягко зашептали двигатели транспорта, и мы с едва ощутимым толчком оторвались от земли.

Путешествие оказалось быстрым и гораздо более плавным, чем по наземной дороге. Приятели Джерри вели транспорт аккуратно – не очень-то приятно совершить вынужденную посадку за неправильное перестроение из одного эшелона в другой по требованию скучающего дорожного полицейского, когда у тебя в багажнике пассажиры. Быть может, я бы даже нашёл темноту, похожую на материнскую утробу, приятной, если бы не слабое зловоние испражнений, исходящее от трупа. Судя по всему, во время пытки Луиза рассталась с содержимым мочевого пузыря и кишечника.

Большую часть пути я переживал по поводу несчастной девушки, обсасывая католическое безумие подобно собаке, нянчащейся с костью. Память полушарий Луизы совершенно нетронута. Если отбросить финансовые соображения, девушку можно вернуть к жизни, лишь крутанув диск. На Харлане Луизу обязательно загрузили бы для судебного разбирательства во временную оболочку, хотя бы и в синтетическую. А после вынесения приговора к той страховке, что имела в её семье, добавилась бы государственная выплата от фонда поддержки жертв преступлений. В девяти случаях из десяти денег хватило бы на новую оболочку. Смерть, ну где же твоё жало?

Я не знал, есть ли что-нибудь похожее на Земле. Если судить по сердитому монологу, произнесенному Кристиной Ортегой два дня назад, то нет. Но возможность оживить бедную девушку, по крайней мере, существовала. Вот только на этой долбаной планете какой-то гурู распорядился так не делать, и Луиза, она же Анемона, пополнит длинный список тех, кто поддался на это безумие.

Человеческие существа. Их никогда не понять.

Транспорт накренился, заходя на посадку, и труп уткнулся в мои ноги. Одна штанина намокла. Я поймал себя на том, что начинаю потеть от страха. Меня выгрузят в какую-нибудь плоть, не могущую сопротивляться боли, как моя нынешняя оболочка. И пока я буду находиться в ней, со мной можно будет делать всё, что угодно. Можно даже физически убить.

А потом начать сначала. Но только со свежей оболочкой.

Или, если приятели Джерри действительно люди опытные, моё

сознание можно загрузить в виртуальную матрицу, подобную тем, что используются в психохирургии. И проделать всё то же самое с помощью электроники. По большому счету, никакой разницы нет. Только то, на что в реальной жизни потребуются дни, электроника сделает за считанные минуты.

С трудом сглотнув комок в горле, я с помощью нейрохимии – пока она ещё оставалась – попытался подавить страх. Как можно осторожнее освободился от ледяных объятий Луизы и постарался не думать о том, почему она умерла.

Коснувшись земли, транспорт немного прокатился и встал. Когда багажник открылся, я увидел лишь крышу другой стоянки, унизанную осветительными полосками.

Мои похитители действовали с профессиональной осторожностью: женщина стояла на безопасном отдалении, Дийк и Мило держались в стороне, не перекрывая линию огня. Неуклюже перебравшись через тело Луизы, я спрыгнул на чёрный бетонный пол. Исподтишка оглядевшись вокруг, я увидел ещё с десятков машин, ничем не примечательных с виду. Разобрать с такого расстояния регистрационные штрих-коды невозможно. Короткий пандус в дальнем углу стоянки поднимался, судя по всему, к взлетно-посадочной площадке. Место, неотличимое от миллиона подобных. Вздохнув, я выпрямился и снова почувствовал ногой мокрое. Осмотрев штаны, я нашел на бедре какое-то тёмное пятно.

– Ну и куда мы прибыли? – спросил я.

– Для тебя это конечная остановка, – проворчал Мило, вытаскивая Луизу из багажника. Он посмотрел на синтетическую женщину. – Её туда же, куда обычно?

Та кивнула, и Мило, кряхтя, направился через стоянку к двустворчатым дверям. Я собрался последовать за ним, но меня остановил бластер в руке женщины.

– Тебе не туда. Это мусороприемник – простой выход. Перед тем, как сбросить тебя туда, мы поговорим. Давай вот сюда.

Ухмыльнувшись, Дийк достал из заднего кармана брюк маленький пистолет.

– Совершенно точно, легавый. Тебе сюда.

Меня провели через другие двери в большой грузовой лифт, опустившийся, если верить мигающему светодиодному индикатору, на двенадцать этажей ниже. Всю дорогу Дийк и синтетическая женщина стояли в противоположных углах кабины, держа оружие наготове.

Не обращая на них внимания, я следил за цифровым индикатором.

Когда двери лифта открылись, нас уже ждала команда санитаров с каталкой, оборудованной ремнями. Мои инстинкты завопили, требуя, чтобы я бросился на них. Но я остался неподвижен, позволив двоим мужчинам в бледно-голубых халатах взять меня за руки. Женщина-врач брызнула в шею гипноспреем. Ледяной укус, по телу стремительно разлился холод, и перед глазами всё заволгло серой паутиной.

Напоследок я отчётливо увидел лицо врача, внимательно следившего за тем, как я теряю сознание.

Глава тринадцатая

Я очнулся от призыва к намазу, звучавшего где-то поблизости. Мелодичный голос муэдзина приобрел в многочисленных глотках громкоговорителей у мечети зловещие металлические нотки. Последний раз я слышал эти звуки в небе над Зихикком на Шарии, и вслед за ними воздух сразу же наполнился пронзительным воем авиационных бомб, несущих смерть. Сквозь ажурную решётку проникали лучи света. В паху чувствовалось неприятное вздутие.

Усевшись на деревянном полу, я оглядел себя. Меня загрузили в женское тело, молодое, лет двадцати, не больше, с блестящей кожей медного цвета и тяжёлым колоколом чёрных волос. Я поднёс к жирным, висящим сосульками волосам руки, похоже, у меня скоро должны были начаться месячные. Тело казалось грязным на ощупь, и я почему-то понял, что эта оболочка давно не мылась. На мне была грубая рубашка цвета хаки, на несколько размеров больше, чем нужно, и больше ничего. Набухшая грудь болезненно реагировала на малейшее прикосновение. Я был босиком.

Встав, я подошел к окну. Не застеклено. Окно находилось под самым потолком, и мне пришлось подтянуться на прутьях решетки, чтобы выглянуть. Вокруг простиралась залитая солнцем равнина убогих черепичных крыш, над которыми, словно деревья, высились покосившиеся антенны-рецепторы и допотопные спутниковые тарелки. Слева в небо врезалась рощица минаретов, а за ней взмывающий воздушный корабль оставлял белый реактивный след. Проникающий в окно воздух был жарким и влажным.

Мои руки заныли от напряжения, поэтому я опустился назад на пол и зашлёпал босиком к двери. Как и следовало ожидать, она оказалась запертой.

Муэдзин умолк.

Виртуальность. Те, в чьи руки я попал, заглянули ко мне в память и вытащили вот это. На Шарии я повидал самые страшные картины человеческого страдания. А в программном обеспечении для ведения допросов тема шарианской религиозной полиции пользовалась такой же популярностью, как и Ангина Чандра в порнографических боевиках. И вот сейчас меня поместили на жёсткую виртуальную Шарию, загрузив в женскую оболочку.

Как-то раз Сара, напившись почти до бесчувствия, сказала: «Такеси,

женщины – это особый вид. Тут не может быть двух мнений. Мужчина – просто мутация, имеющая больше мускулов и вдвое меньше нервов. Машина, умеющая только драться и трахаться». Мой личный опыт перекрестнополой загрузки подтверждал эту теорию. Быть женщиной – испытание чувств, невыносимое для мужчины. Осязание, прикосновение значат гораздо больше, это целый канал связи с окружающим миром, который мужская плоть инстинктивно стремится наглухо закрыть. Для мужчины кожа – защитный барьер. Для женщины – орган общения.

В этом есть свои недостатки.

Возможно, именно поэтому у женщин болевой порог гораздо выше, чем у мужчин. Однако раз в месяц менструальный цикл низвергает женщин на самое дно.

Нейрохимии у меня не было. Я проверил.

Ни боевой подготовки, ни рефлекса агрессии.

Ничего.

На молодой коже не было даже мозолей.

Дверь с грохотом распахнулась, и я подскочил от неожиданности. Меня прошиб холодный пот. В комнату вошли двое бородатых мужчин с чёрными горящими глазами. Оба из-за жары были одеты в свободные льняные балахоны. Один держал в руках рулон клейкой ленты, другой – небольшую газовую горелку. Я бросился на них лишь для того, чтобы перебороть леденящую душу панику и попытаться унять чувство полной беспомощности.

Мужчина с рулоном клейкой ленты без труда отбил мои слабые руки и наотмашь ударил по лицу. Я повалился на пол. Застыл, ощупывая языком онемевшую скулу, чувствуя во рту кислый привкус крови. Один из бородачей дёрнул меня за руку, поднимая на ноги. Я словно в тумане увидел лицо другого, того, кто нанес удар, и попытался сосредоточить на нём взгляд.

– Итак, – сказал он, – приступим к делу.

Я выбросил вперед свободную руку, пробуя выцарапать ему глаза. Подготовка чрезвычайных посланников сделала движения быстрыми, позволила ногтям стремительно выпрыгнуть в сторону цели, но точности мне не хватило. Я промахнулся. Всё же два ногтя впились бородачу в щеку, оставляя кровавые полосы. Вскрикнув, он отскочил назад.

– Ах ты мерзкая сучка! – выругался он, ощупав рукой щёку и увидев на ладони следы крови.

– О, пожалуйста, не надо, – с трудом выдавил я, двигая неонемевшей стороной скулы. – Неужели вы собираетесь придерживаться этого глупого

сценария? Лишь потому, что на мне *надето* вот это...

Я испуганно осёкся. Лицо бородача расплылось в довольной ухмылке.

– Значит, ты не Ирена Элиотт, – заявил он. – Что ж, начинаем делать успехи.

На этот раз он ударил меня под ребра: перехватило дыхание и лёгкие парализовало. Я беспомощно перевесился через его руку, словно упавшее с вешалки пальто, а затем сполз на пол, пытаюсь сделать вдох. Мне удалось испустить лишь сдавленный хрип. Я корчился на полу, а где-то высоко надо мной бородач забрал у напарника клейкую ленту и отмотал кусок длиной четверть метра. Лента издала омерзительный треск, напоминающий звук отдираемой от плоти кожи. Оторвав кусок зубами, бородач присел на корточки и прилепил моё правое запястье к полу. Я стал извиваться и дёргаться, словно лягушка под действием гальванического разряда. Бородачу потребовалось какое-то время, чтобы поймать вторую руку и повторить процесс. Появилось непреодолимое желание кричать, к которому я не имел никакого отношения. Я его подавил. Бесполезно. Лучше сберечь силы.

Жёсткий пол неуютно давил на нежную кожу локтей. Услышав скрежет, я повернул голову. Второй бородач придвинул из дальнего конца комнаты два табурета. Пока тот, что бил меня, раздвигал мои ноги и приклеивал их лентой к полу, второй, внимательный зритель, уселся на табурет, достал пачку сигарет и вытряс одну. Широко усмехнувшись, он сунул сигарету в рот и взял газовую горелку. Его напарник отошёл в сторону, наслаждаясь проделанной работой. Первый бородач предложил ему пачку. Тот отказался. Пожав плечами, курильщик зажёг горелку и склонил голову, прикуривая.

– Ты расскажешь нам, – начал он, размахивая сигаретой и оставляя в воздухе дымный след, – всё, что тебе известно о «Закутке Джерри» и Элизабет Элиотт.

В тишине комнаты негромко шипела и потрескивала горелка. В окно проникал солнечный свет, принося с собой бесконечно тихие звуки многолюдного города.

Крик все продолжается и продолжается, становится громче и пронзительнее, выходя за границы того, что я считал возможным для человека, разрывая мой слух. Красные подтёки застилают взор.

Инненининненининненин...

Шатаясь, ко мне приближается Джимми де Сото. «Санджет» куда-то пропал, руки прижаты к окровавленному лицу. Вопли исходят от

качающейся фигуры, и сперва кажется, что их издает аварийная система оповещения. Я машинально проверяю показания наплечного датчика, затем сквозь агонизирующий крик прорывается полуразличимый обрывок слова, и я понимаю, что это Джимми.

Он стоит, выпрямившись во весь рост, прекрасная мишень для снайпера даже в хаосе бомбардировки. Я бросаюсь вперед, сбиваю Джимми с ног и тащу под прикрытие обвалившейся стены. Переворачиваю на спину, чтобы узнать, что с его лицом, а он продолжает кричать. С огромным усилием я отрываю его руки от лица, и в полумраке на меня таращится пустая левая глазница. Пальцы Джимми испачканы липкой слюзью раздавленного глазного яблока.

– Джимми! ДЖИММИ! В чем дело, мать твою...

Раздирающий душу крик не затихает. Мне приходится приложить все силы, чтобы не дать Джимми вырвать уцелевший правый глаз, дико вращающийся в глазнице. Постепенно до меня доходит, в чем дело, и спина покрывается холодным потом.

Вирусная атака.

Оставив Джимми в покое, я оборачиваюсь к нашим и ору что есть мочи:

– Санитара! Санитара! Поражена память полушарий! Вирусная атака!

И мир проваливается, пока мой голос разносится эхом по побережью Инненина.

Через какое-то время тебя оставляют в покое, истерзанного и израненного. Так бывает всегда. Это дает время подумать о том, что с тобой уже сделали и, что гораздо важнее, ещё не сделали. Лихорадочный бред, наполненный картинками того, что ждёт впереди, является почти таким же действенным орудием в руках мучителей, как острые ножи и раскалённое железо.

Услышав шаги, возвещающие о возвращении, ты извергаешь те немногие остатки рвоты, что ещё сохранились в желудке.

Представьте снимок крупного города, сделанный со спутника, в масштабе 1:10 000, разбитый на квадраты. Он займет почти всю стену комнаты, так что отойдите подальше. Некоторые очевидные вещи вы сможете определить с первого взгляда. Этот город строился по единому плану или разрастался стихийно, столетиями приспособляясь к меняющейся жизни? Был ли он когда-либо укреплен? Есть ли в нем

морской порт? Приглядевшись внимательнее, можно определить гораздо больше подробностей. Где проходят главные транспортные артерии, есть ли в городе межпланетный космодром, где разбиты парки и скверы. Если вы опытный картограф, возможно, вам удастся определить основные пути перемещения жителей. Где излюбленные места отдыха горожан, на каких магистралях больше всего заторов, бомбардировали ли город и как давно, не было ли в нём крупных беспорядков.

Но есть вещи, которые определить по такому снимку невозможно. Как ни увеличивай масштаб изображения, как подробно ни изображай детали, никто никогда не сможет определить: поднимается или опускается кривая уровня преступности или когда жители города ложатся спать. Никакой снимок не позволит узнать, собирается ли мэр сносить квартал старой застройки, коррумпирована ли полиция и какие странные события происходят в доме номер пятьдесят один по Ангельской набережной. И не важно, что есть возможность разбить мозаику на отдельные клетки, перенести их в другое место и собрать общую картину там. Некоторые вещи можно узнать, лишь попав в город и пообщавшись с жителями.

Оцифровка и хранение человеческого сознания не отправили в отставку искусство допроса. Оно вернулось к основам. Оцифрованное сознание – это лишь снимок. Передающий мысли человеческого индивидуума в той же мере, в какой снимок со спутника передает жизнь города. По модели Эллиса психиатр определяет основные психические травмы и намечает основы лечения, но для исцеления больного ему придётся генерировать виртуальное окружение и погружаться туда вместе с пациентом. Те, кто ведет допросы, решают гораздо более специфические задачи, и поэтому им приходится труднее.

Однако что оцифрованное хранение действительно дало, так это возможность замучить человека пытками до смерти, а затем начать всё сначала. С появлением этой возможности вышли из моды допросы с применением гипноза и психотропных препаратов. Слишком просто обеспечить необходимыми химической и психологической защитой тех, чья профессия связана с риском допросов.

Но на свете нет защитных средств, которые могли бы подготовить к тому, что тебе сожгут дотла ноги. Вырвут ногти. Будут гасить сигареты о грудь. Будут засовывать раскалённое железо во влагалище. Нельзя подготовить к боли.

К унижению.

К истязаниям тела.

Введение

В условиях крайнего стресса человеческий рассудок способен на кое-что любопытное. Галлюцинации, уход в себя, бегство от действительности. Здесь, в Корпусе чрезвычайных посланников, вас научат пользоваться всем этим. Причём это будет не слепая реакция на неблагоприятные факторы, а сознательные ходы в игре.

Раскалённый докрасна металл погружается в тело, прожигая кожу, словно полиэтилен. Боль невыносимая, но гораздо страшнее наблюдать за происходящим. Твой собственный крик, которому ты ещё совсем недавно не мог поверить, теперь стал привычен слуху. Ты понимаешь, что этим не остановить мучителей, но всё равно кричишь, умоляешь...

– Это какая-то игра, приятель, мать твою?

Мёртвый Джимми де Сото ухмыляется, глядя на меня. Вокруг нас по-прежнему Инненин, хотя этого не может быть. Джимми все ещё кричал, когда его забирали санитары. В действительности...

Его лицо резко меняется, становится строгим.

– Лучше не трогай действительность, в ней для тебя ничего нет. Оставайся отстранённым. Твоей оболочке уже причинены необратимые органические повреждения?

Я морщусь.

– Ноги. Девчонка больше никогда не сможет ходить.

– Ублюдки, мать их, – рассеянно замечает Джимми. – Почему бы нам просто не сказать им, что они хотят узнать?

– Нам не известно, что они хотят узнать. Им что-то нужно от этого типа, Райкера.

– От Райкера? Кто это такой, твою мать?

– Понятия не имею.

Джимми пожимает плечами.

– Тогда вываливай всё про Банкрофта. Или ты до сих пор чувствуешь себя связанным словом?

– Мне кажется, я уже и так всё вывалил. Только они не купились на признания. Они хотят услышать не это. Другище, это любители, мать их. Мясники.

– А ты продолжай вопить. Рано или поздно тебе поверят.

– Джимми, да дело не в этом, мать твою. Когда все закончится, никого не будет волновать, кто я такой, – мне просто пустят луч бластера в память полушарий, а затем распродадут тело в виде отдельных органов.

– Кажется, ты прав. – Джимми засовывает палец в пустую глазницу и рассеянно чешет спёкшуюся кровь. – Понимаю, что хочешь сказать. Что ж, в данной ситуации тебе необходимо каким-нибудь образом перейти к следующему кадру. Я правильно говорю?

Во время периода в истории Харлана, известного, как у нас мрачно шутят, под названием «Период обратного заселения», повстанцам из куэллистских «Чёрных бригад» хирургическим путем имплантировалось полкилограмма взрывчатки, приводимой в действие ферментами человеческого организма. По желанию человек превращал всё в радиусе пятидесяти метров в пепел. Подобная тактика имела весьма сомнительный успех. Фермент вырабатывался в минуты гнева, и условия, в которых сработает взрывное устройство, получались довольно неопределёнными. Среди повстанцев довольно часто случались самопроизвольные взрывы.

И тем не менее, никто больше не желал допрашивать бойца «Чёрных бригад». По крайней мере, после первой пленной. Её звали...

Ты думаешь, хуже уже некуда, но вот в тебя вставляют железо и нагревают его медленно, предоставляя возможность осмыслить происходящее. Твой крик переходит в булькающий плач...

Её звали Ифигенией Деми. Иффи – для тех из друзей, с кем ещё не успели расправиться войска Протектората. Последние слова, которые она произнесла, распятая на столе в комнате допросов в доме номер восемнадцать по бульвару Шимацу, говорят, были: «Хватит, мать вашу!»

Взрыв сровнял с землей всё здание.

Хватит, мать вашу!

Я стремительно пришёл в себя. В голове ещё звучит мой последний пронзительный вопль, руки судорожно ощупывают тело, пытаюсь прикрыть свежие раны. Вместо этого я нашёл под хрустящей простыней свежую, не испорченную пытками плоть, ощутил плавное покачивание и услышал убаюкивающий плеск волн. Над головой наклонный потолок, обшитый

деревом, и иллюминатор, в который пробиваются косые лучи солнца. Я уселся на узкой койке, простыня свалилась с груди. Медно-красная кожа гладкая, без шрамов. Соски нетронуты.

Всё сначала.

Рядом с кроватью, на простой деревянной табуретке, лежали аккуратно сложенные белая футболка и парусиновые брюки. На полу стояли плетённые сандалии. В крошечной каюте не было ничего интересного, кроме второй койки с небрежно откинутым одеялом – близняшки той, на которой лежал я. И двери. Немного грубовато, но общий смысл понятен. Быстро одевшись, я вышел на залитую солнцем палубу небольшой рыбацкой шхуны.

– Ага, соня.

Сидящая на носу женщина при моем появлении сложила руки в замок. Она была лет на десять старше оболочки, в которой я сейчас находился. Смуглая, красивая, в костюме из той же ткани, что и мои брюки, сандалиях на босую ногу и больших солнцезащитных очках. У неё на коленях лежал этюдник с наброском городского пейзажа. Увидев меня, женщина отложила этюдник и встала. Движения изящные, уверенные. Рядом с ней я чувствовал себя неуклюжим чурбаном.

Перегнувшись через борт, я посмотрел на голубую воду.

– Что на этот раз? – с деланной небрежностью спросил я. – Кормежка акул?

Женщина рассмеялась, демонстрируя идеально ровные белоснежные зубы.

– На данном этапе в этом нет необходимости. Я хочу лишь поговорить. Я стоял, глядя на неё.

– Что ж, давайте поговорим.

– Вот и хорошо. – Женщина снова грациозно опустилась в шезлонг на носу шхуны. – Судя по всему, вы ввязались не в свое дело, и в результате вам пришлось страдать. Насколько я понимаю, в настоящий момент мои интересы полностью совпадают с вашими. То есть мы оба хотим избежать дальнейших неприятностей.

– В настоящий момент я больше всего хочу вас убить.

Лёгкая улыбка.

– Да, не сомневаюсь. Даже моя виртуальная смерть, вероятно, доставит вам несказанное удовольствие. Так что позвольте сразу же предупредить – в числе моих навыков пятый дан карате, боевая школа шотокан.

Женщина протянула руку, показывая мозолистые бугры на костяшках

пальцев. Я пожал плечами.

– Далее, мы всегда можем вернуться к тому, что происходило раньше.

Она указала вдаль, и я, проследив взглядом за её рукой, увидел на горизонте город, который был нарисован в этюднике. Прищурившись, я различил в отраженном от воды свете силуэты минаретов. Мне даже удалось улыбнуться. Какая дешёвая психология! Шхуна. Море. Бегство. Эти ребята купили программное обеспечение для допросов на толкучке.

– У меня нет желания возвращаться туда, – честно признался я.

– Отлично. В таком случае расскажите, кто вы такой.

Я едва сдержался, чтобы не выдать выражением лица удивление. Во мне пробудилась пустившая глубокие корни подготовка. Я снова начал плести паутину лжи.

– По-моему, я уже все сказал.

– Ваши признания получились довольно сбивчивыми, а затем вы оборвали допрос, остановив сердце. Одно можно сказать определённо: вы не Ирена Элиотт. Похоже, вы и не Элиас Райкер, если только он не прошел специальную переподготовку. Вы утверждаете, что связаны с Лоренсом Банкрофтом, а также что прибыли на Землю из другого мира. И ещё, по вашим словам, вы – член Корпуса чрезвычайных посланников. Это не совсем то, что мы ожидали.

– Не сомневаюсь в этом, – пробормотал я.

– Мы не хотим ввязываться в то, что нас не касается.

– Вы уже ввязались. Вы похитили и подвергли пыткам чрезвычайного посланника. Сами можете представить, что с вами за это сделает наш Корпус. Вас будут травить по всей обитаемой вселенной, а затем содержимое вашей памяти полушарий сотрут. Так поступят со всеми. Потом настанет черед ваших родственников, знакомых, далее их родственников и вообще тех, кто имел к вам хоть какое-то отношение. Когда всё будет кончено, о вас не останется даже воспоминаний. Тем, кто сыграл подобную шутку с чрезвычайным посланником, не суждено прожить долгую жизнь, слагая об этом песни. *Вас просто вырвут с корнем.*

Это был чудовищный блеф. Мы с Корпусом не поддерживали отношений не меньше декады моей субъективной жизни и уже более ста лет объективного времени. Но по всему Протекторату Корпус чрезвычайных посланников – это пугало, которым можно стращать кого угодно, вплоть до президентов планет с той же гарантией успеха, с какой в Ньюпесте детей пугают Лоскутным человеком.

– Насколько мне известно, – тихо промолвила женщина, – Корпусу чрезвычайных посланников запрещено осуществлять какую-либо

деятельность на Земле без мандата ООН. Быть может, если информация о вашем присутствии здесь станет достоянием гласности, вы сами пострадаете больше всех, а?

«Мистер Банкрофт пользуется большим влиянием в суде ООН, и это обстоятельство достаточно широко известно». В памяти всплыли слова Оуму Прескотт, и я поспешил нанести ответный удар.

– Быть может, вы захотите обсудить это с Лоренсом Банкрофтом и судом ООН? – предложил я, скрестив руки на груди.

Женщина задумчиво посмотрела на меня. Ветер взъерошил мне волосы, принес с собой отдаленные звуки городской жизни.

– Вы понимаете, что мы можем стереть вашу память полушарий и расчленить оболочку на такие мелкие части, что не останется никаких следов. То есть никто ничего не найдет.

– Найдут вас, – заявил я с уверенностью, которую обеспечивает прожилка правды, проходящая через ложь. – От Корпуса не спрятаться. Вас найдут везде, куда бы вы ни сбежали. Сейчас вам остается надеяться только на то, что мы сможем договориться.

– Договориться о чем? – деревянным голосом переспросила женщина.

За кратчайшую долю секунды перед тем, как я заговорил, мой мозг совершил стремительный рывок вперед, измерив угол и силу падения каждого слога, который мне предстояло произнести. Открылось окошко к спасению. И другой возможности не будет.

– На Западном побережье проводится операция против биопиратов, промышляющих краденым армейским имуществом, – сказал я, тщательно подбирая слова. – Пираты действуют под ширмой таких заведений, как «Закуток Джерри».

– И ради этого вызвали чрезвычайных посланников? – презрительно поинтересовалась женщина. – Из-за каких-то биопиратов? Ну же, Райкер, неужели нельзя придумать что-нибудь получше?

– Я не Райкер, – оборвал её я. – Эта оболочка – лишь прикрытие. Послушайте, вы совершенно правы. В девяти случаях из десяти подобные вещи нас не касаются. Корпус не предназначен для борьбы с преступностью такого низкого уровня. Но в данном случае эти люди взяли такое, чего не должны были трогать. Биооружие быстрого дипломатического реагирования. Такие вещи посторонним нельзя даже видеть. Кто-то проболтался о случившемся – я хочу сказать, на уровне президиума ООН, – поэтому вызвали нас.

Женщина нахмурилась.

– Так о чем мы можем договориться?

– Ну, во-первых, вы немедленно меня освобождаете, и никто ни о чем не говорит ни слова. Назовем это профессиональным недопониманием. Затем вы откроете несколько каналов. Назовете кое-какие имена. В подпольных клиниках, подобных вашей, говорят о самых разных вещах. Возможно, какая-либо информация окажется полезной.

– Как я уже сказала, мы не желаем ввязываться в...

Я оторвался от поручня, приоткрывая выход ярости.

– Подруга, не шути со мной. Вы уже вляпались по самые уши. Нравится вам или нет, вы откусили кусок не по зубам. Сейчас вам нужно или прожевать, или выплюнуть его. Что выбираете?

Тишина. Лишь слабое дуновение морского бриза и покачивание шхуны.

– Мы подумаем над вашими словами, – наконец сказала женщина.

Вдруг что-то начало происходить с бликами на воде. Я перевёл взгляд за спину женщины и увидел, что яркое переливающееся свечение, оторвавшись от волн, поднялось в небо и становится ярче и ярче. Город на горизонте побелел, словно озарённый вспышкой ядерного взрыва, контуры шхуны расплывались, будто тая в тумане. Женщина, стоявшая напротив меня, исчезла. Стало очень тихо.

Я поднимаю руку, чтобы пощупать туман в том месте, где заканчивается окружающий мир, но она движется невозможно медленно. Появляется монотонный шелест, похожий на усиливающийся за окном дождь. Кончики пальцев становятся прозрачными, затем белеют, как минареты, подвергнутые ядерной бомбардировке. Я теряю способность двигаться, а белизна поднимается по рукам. Дыхание спирает в горле, сердце останавливается на середине удара. Я был...

И вот меня уже нет.

Глава четырнадцатая

Я проснулся снова, на этот раз на поверхности кожи – грубое онемение. Такое чувство возникает, когда отмываешь руки растворителем или уайт-спиритом, но только сейчас оно разлилось по всему телу.

Возвращение в мужскую оболочку! Неприятное ощущение быстро исчезало по мере того, как сознание приспособлялось к новой нервной системе. Приятная прохлада кондиционера на обнаженном теле. Я был раздет догола. Подняв левую руку, я пощупал шрам под глазом.

Меня вернули обратно.

Белый потолок наверху был увешан мощными лампами. Приподнявшись на локтях, я огляделся вокруг. Новый холодильник, на этот раз внутри, пробежал по телу, когда я понял, что нахожусь в операционной. В противоположном конце помещения стоял операционный стол из полированной стали, оснащенный лотками для стока крови. Над ним пауком застыл подвешенный к потолку автохирург. Все системы были отключены, но экраны на стене и на мониторе мигали надписью: «РЕЖИМ ОЖИДАНИЯ». Наклонившись к дисплею, я изучил пробегающий по экрану перечень функций. Автохирург был запрограммирован на то, чтобы расчленил меня.

Не успел я соскочить с каталки на пол, как дверь со скрипом открылась, и вошла синтетическая женщина, за которой следовали два медика. У женщины на поясе висел бластер, а в руках она держала знакомый сверток.

– Одежда. – Ухмыльнувшись, она швырнула сверток. – Одевайся.

Один из медиков взял её за руку.

– Правила требуют...

– Да, – оскалившись, оборвала его женщина. – Быть может, он подаст на нас в суд. Но если вы считаете, что ваша клиника – это нечто большее, чем просто заведение по загрузке и выгрузке сознания, я поговорю насчет того, чтобы подыскать нам другого партнера.

– Он имел в виду не загрузку оболочки, – заметил я, натягивая брюки. – Он хочет проверить, не оставил ли допрос психической травмы.

– А тебя кто спрашивал?

Я пожал плечами.

– Как тебе будет угодно. Куда мы направляемся?

– Поговорить кое с кем, – коротко бросила женщина и повернулась к

медикам. – Если он тот, за кого себя выдает, травмы можно не опасаться. А если он лжет, ему в любом случае предстоит вернуться сюда.

Я старался одеваться как можно спокойнее. Значит, опасность ещё не миновала. Мои брюки и куртка были в порядке, но бандана исчезла. Это почему-то сильно меня разозлило. В конце концов, я купил её лишь несколько часов назад. Часов тоже не было. Решив не заострять на этом внимание, я закрепил ботинки и встал.

– Так с кем мы должны встретиться?

Женщина презрительно посмотрела на меня.

– С тем, кто знает что к чему и сможет разобраться в твоей брехне. После чего, как я думаю, мы вернем тебя сюда для полного уничтожения.

– Когда всё будет позади, – спокойно произнес я, – надеюсь, я смогу уговорить один из наших взводов заглянуть к тебе в гости. Я имею в виду, к твоей настоящей оболочке. Тебе выразят благодарность за неоценимую помощь.

Бластер покинул кожаную кобуру и очутился у меня под подбородком. Я едва успел заметить, как это произошло. Мои недавно загруженные в оболочку чувства среагировали запоздало. Синтетическая женщина склонилась к моему лицу.

– Не смей угрожать, кусок дерьма, – тихо прошипела она. – Ты напугал этих паяцев, и они наделали в штаны, думая, что ты сможешь их потопить. Со мной это не пройдет. Понял?

Я посмотрел на неё краем глаза – максимум, что удалось сделать с прижатым к скуле бластером.

– Понял.

– Вот и хорошо, – выдохнула женщина, убирая бластер. – Если Рей удовлетворится твоими ответами, я вместе со всеми принесу тебе извинения. Но до тех пор ты лишь ещё один потенциальный кандидат на стирание, изворачивающийся, чтобы спасти память полушарий.

Мы быстрым шагом прошли по коридорам, расположение которых я попытался запомнить, к лифту, в точности похожему на тот, в котором меня доставили в клинику. Я снова сосчитал этажи, и когда мы поднялись на уровень автостоянки, мой взгляд непроизвольно метнулся к двери, через которую забрали Луизу. Я смутно отдавал себе отчёт, сколько продолжались пытки, – подготовка чрезвычайных посланников помогла отгородиться от воспоминаний, чтобы избежать травмы. Но даже если это длилось пару дней, реального времени прошло всего минут десять. Вероятно, я пробыл в клинике не больше часа, максимум – два, и тело Луизы скорее всего до сих пор ждет за этой дверью скальпеля, а её

сознание находится в памяти полушарий.

– Садись в машину, – коротко приказала женщина.

На этот раз нам предстояло ехать в большом элегантном транспорте, чем-то напоминающем лимузин Банкрофта. В передней кабине, отделенной перегородкой, сидел водитель в ливрее. На его бритой голове над левым ухом был отпечатан штрихкод нанимателя. Я уже встречал подобное на улицах Бей-Сити, и мне хотелось узнать, как можно согласиться на такое унижение. На Харлане никто, кроме военных, не позволит нанести на себя эти полосы, чересчур напоминающие рабство первых лет Эпохи Заселения.

Ещё один мужчина стоял у двери задней кабины, небрежно держа в руке автоматический пистолет устрашающего вида. У него на голове также красовался штрихкод. Смерив его взглядом, я прошел мимо и забрался в заднюю кабину. Синтетическая женщина нагнулась, обращаясь к водителю, и я напряг нейрехимию, пытаюсь подслушать разговор.

– ...голова в облаках. Я хочу попасть туда до полуночи.

– Без проблем. Сегодня вечером береговая охрана отдыхает...

Один из медиков захлопнул дверь, и металлический грохот, самый громкий из возможного, едва не порвал барабанные перепонки. Я молча откинулся назад, приходя в себя. Наконец женщина и автоматчик, открыв двери каждый со своей стороны, забрались в кабину и сели рядом со мной.

– Закрой глаза, – приказала женщина, доставая мою бандану. – Я на несколько минут завяжу тебе глаза. Вдруг тебя отпустят, а эти ребята не хотят, чтобы ты знал, где их найти.

Я посмотрел на стекла.

– По-моему, они всё равно поляризованные.

– Ты прав, но кто может сказать, насколько совершенна твоя нейрехимия, а? Так что сиди спокойно.

Она умелым движением завязала мне глаза красной тканью, поправив её, чтобы полностью закрыть обзор. Я снова откинулся назад.

– Всего пару минут. Сиди тихо и не пытайся подсматривать. Я скажу, когда можно будет снять повязку.

Машина поднялась вверх и, судя по всему, покинула ангар, так как послышался стук дождя по крыше. Исходящий от обивки салона легкий аромат кожи был гораздо приятнее запаха фекалий, с которыми я ехал в клинику; сиденье приняло мои формы, уютно облекая тело. Похоже, мой статус повысился.

«Всего на какое-то время, дружище». Я слабо улыбнулся, услышав в глубине черепа голос Джимми де Сото. Он прав. О человеке, к которому мы

направляемся, уже сейчас можно определенно сказать две вещи. Во-первых, он не захотел приезжать в клинику сам. Не захотел даже показываться рядом с ней. Это говорит о респектабельности и одновременно – о могуществе и власти. То есть о возможности достать информацию из других миров. Очень скоро станет известно, что угрозы насчет Корпуса чрезвычайных посланников – пустые слова, и практически сразу после этого я умру. Умру по-настоящему.

«Приятель, это определяет характер твоих действий».

«Благодарю за совет, Джимми».

Через несколько минут женщина сказала, что я могу снять повязку с глаз. Я натянул бандану на лоб и повязал привычным способом. Сидевший рядом со мной громила с автоматическим пистолетом ухмыльнулся.

Я недоуменно взглянул на него.

– Я сделал что-то смешное?

– Да, – заговорила женщина, не отрывая взгляда от огней города, раскинувшегося за иллюминатором. – Ты стал похож на придурка, мать твою.

– Только не там, откуда я прибыл.

Она с сожалением посмотрела на меня.

– Сейчас ты не там, откуда прибыл. Ты на Земле. Постарайся вести себя подобающим образом.

Я поочередно посмотрел на них – автоматчик продолжал ухмыляться, на лице синтетической женщины витала презрительная гримаса – и, пожав плечами, поднял обе руки, чтобы развязать бандану. Женщина снова отвернулась к иллюминатору. Дождь, похоже, кончился.

Я резко, что есть силы рубанул руками влево и вправо. Мой левый кулак врезался в висок автоматчика, ломая кость, и громила, сдавленно вскрикнув, повалился вперед. Он так и не увидел удар, сразивший его. Правая рука ещё не достигла цели.

Синтетическая женщина стремительно обернулась, вероятно быстрее, чем я смог бы нанести удар, но она не угадала мои намерения. Женщина подняла руку, защищая голову, а я проник под блоком. Пальцы сомкнулись на рукоятке бластера у неё на поясе, сбили рычажок предохранителя и нажали на спусковой крючок. Луч ожил с шипением, стреляя вниз, и правая нога женщины развалилась на куски. Вступили в действие защитные цепи, останавливая поток заряженных частиц. Женщина взвыла не столько от боли, сколько от ярости, а я поднял дуло бластера, вторым зарядом рассекая по диагонали её тело. Оружие прожгло полосу шириной в ладонь и опалило обивку кресла. Во все стороны брызнула кровь.

Бластер умолк, яркий луч погас, и в салоне вдруг стало темно. Рядом со мной булькала и хрипела синтетическая женщина, та часть её торса, на которой держалась голова, отвалилась от левой стороны тела. Женщина упёрлась лбом в иллюминатор, словно разглядывая город под нами. Казалось, она пытается охладить разгорячённый лоб, прижимаясь к исчерченному струями дождя стеклу. Остальное тело продолжало сидеть неестественно прямо. Края страшной раны оплавилась под действием луча и больше не кровоточили. В воздухе стоял удушливый запах палёного мяса и горелых синтетических компонентов.

– Трепп! Трепп?! – заквакало переговорное устройство. Вытерев с лица кровь, я посмотрел на экран, вмонтированный в перегородку.

– Она мертва, – сообщил я водителю, и его лицо тотчас же исказилось от ужаса. Я поднял бластер. – Они оба мертвы. И ты станешь следующим, если немедленно не посадишь машину на землю.

Водитель попытался отшутиться.

– Дружище, мы в пятистах метрах над заливом, и за штурвалом машины нахожусь я. Что будешь с этим делать, а?

Отключив защитные цепи бластера, я прикрыл лицо рукой и прицелился в перегородку между кабинами.

– Эй, что ты собираешься...

Я в упор выпустил луч в водительскую кабину. Поток заряженных частиц расплавил отверстие диаметром около сантиметра. Несколько мгновений броня, зашитая в пластик перегородки, держалась, отбивая дождь искр обратно в салон. Затем искры погасли, луч пробился сквозь перегородку, и послышался треск замыкаемых электрических цепей в водительской кабине. Я отпустил спусковой крючок.

– Следующий выстрел пройдет через спинку твоего сиденья, – пообещал я. – Мои друзья перегрузят меня в новую оболочку, когда нас вытащат из моря. А тебя я разрежу через эту стенку на мелкие кусочки, и даже если не удастся попасть в память полушарий, медикам придется долго возиться, определяя, в какой из частей она находится. А сейчас живо садись на землю, мать твою!

Лимузин резко дёрнулся в сторону, теряя высоту. Я отодвинулся от перегородки и вытер рукавом кровь с лица.

– Вот и прекрасно, – произнёс я уже спокойнее. – Высади меня где-нибудь неподалеку от улицы Миссий. Но если думаешь о том, чтобы позвать на помощь, хорошенько уясни следующее: если начнется перестрелка, то умрёшь первым. Понял? Умрёшь первым. И я имею в виду настоящую смерть. Я позабочусь о том, чтобы спалить твою память

полушарий, даже если это будет последним, что мне удастся сделать в жизни.

Побледневшее лицо водителя глядело с экрана. Напуган, но напуган недостаточно. А может быть, он боится кого-то другого. Те, кто помечает работников штрихкодом, не склонны прощать ошибки, да ещё рефлекс покорности так глубоко сидит в сознании, что его, как правило, достаточно, чтобы преодолеть страх смерти в бою. В конце концов, именно так и ведутся войны: солдаты больше боятся сбиться с ноги, чем умереть на поле боя.

Я сам был таким же.

– А как ты относишься к такому плану? – торопливо предложил я. – Высаживая меня, ты нарушаешь протокол дорожного движения. Появляется полиция, тебя хватают. Ты молчишь о случившемся. Меня уже нет, а тебя можно обвинить только в создании аварийной ситуации на дороге. Ты говоришь, что просто водитель, твои пассажиры перессорились в салоне, и я приказал совершить вынужденную посадку. А тем временем тот, на кого ты работаешь, быстро вносит за тебя залог, и ты ещё получаешь премию за то, что держал язык за зубами.

Я пристально посмотрел на экран. Лицо водителя дрогнуло, он с трудом перевел дыхание. С пряником мы разобрались, теперь вернемся к кнуту. Включив защитную цепь бластера, я поднял оружие так, чтобы водитель увидел, и приставил дуло к затылку Трепп.

– По-моему, я предлагаю очень выгодную сделку.

Выпущенный в упор бластерный луч превратил в пар позвоночник, память полушарий и всё вокруг. Я снова посмотрел на экран.

– Твой ответ.

У водителя перекосило лицо. Транспорт начал стремительно терять высоту. Выглянув в иллюминатор, я подался вперёд и постучал по экрану.

– Не забудь нарушить дорожный протокол, хорошо?

Судорожно сглотнув, водитель кивнул. Лимузин рухнул вертикально вниз сквозь плотно забитые транспортом уровни и жёстко ударился о землю под аккомпанемент гневных гудков от соседних машин, предупреждающих об опасности. Посмотрев в иллюминатор, я узнал улицу, по которой вчера вечером ехал с Кёртисом. Мы резко сбросили скорость.

– Открывай левую дверь, – приказал я, пряча бластер под курткой.

Ещё один судорожный кивок, и левая дверь, щелкнув, приоткрылась, затем чуть поднялась. Развернувшись, я пнул её ногой, раскрывая до конца. Где-то над нами слышались полицейские сирены. Я на мгновение

встретился взглядом с глазами водителя на экране и усмехнулся.

– Вот и умница, – сказал я, вываливаясь из приземлившегося лимузина.

Плечо и спина больно врезались в мостовую. Я перекатился набок под испуганные крики прохожих. Я перевернулся пару раз и с силой налетел на каменное ограждение, потом осторожно поднялся на ноги. Проходившая мимо парочка изумлённо уставилась на меня, и я оскалил зубы в улыбке, которая заставила их поспешить дальше, переведя внимание на витрины магазинов.

Я почувствовал поток горячего воздуха. Машина дорожного полицейского шла вниз, преследуя нарушителя. Я не двигался с места, спокойно отвечая на удивлённые взгляды горстки прохожих, ставших свидетелями моего необычного появления. Интерес ко мне быстро таял. Один за другим взгляды терялись, привлечённые мигающими огнями полицейской машины, которая зловеще застыла чуть выше и позади стоящего лимузина.

– Заглушите двигатели и не двигайтесь с места, – прохрипел громкоговоритель.

Вокруг лимузина быстро собиралась толпа. Люди спешили протиснуться мимо, толкаясь и любопытствуя, что происходит. Я прижался к стене дома, проверяя, чем обернулось для меня падение. Онемевшие плечо и спина быстро перестали болеть, и я понял, что на этот раз всё прошло достаточно благополучно.

– Поднимите руки над головой и отойдите от машины, – донёсся металлический голос полицейского.

Поверх моря качающихся голов я разглядел водителя, который выбрался из лимузина и принял предписанную позу. Похоже, он был несказанно рад, что остался в живых. Я мимолётно подумал о том, почему подобный способ избавиться от противников не так популярен в кругах, куда я попал.

Наверное, слишком многие хотят со мной расправиться.

Пятясь, я отделился от толпы, развернулся и скрылся, используя ярко освещённую анонимность вечера в многолюдном городе.

Глава пятнадцатая

Личное – как все любят говорить это слово, мать их – это политика. Так что если какой-нибудь идиот-политик, облечённый властью, попытается претворить в жизнь решение, причиняющее страдания тебе или тем, кто тебе дорог, ПРИНИМАЙ ЭТО КАК ЛИЧНОЕ ОСКОРБЛЕНИЕ. Злись. Заводись. Машина правосудия тебе не поможет – она холодная и неповоротливая и принадлежит сильным мира сего, как железом, так и программным обеспечением. От рук правосудия страдают лишь маленькие люди; те, в чьих руках власть, с улыбкой ускользают от неё. Если хочешь добиться правосудия, вырви его у них из рук. Пусть это станет твоим ЛИЧНЫМ делом. Причиняй как можно больше разрушений. ГРОМКО ЗАЯВИ О СЕБЕ. Только в этом случае у тебя появится надежда, что в следующий раз к тебе отнесутся серьёзно. Посчитают опасным. И пойми правильно: это ЕДИНСТВЕННОЕ, что отличает в глазах политиков игрока от мелкой сошки. С игроками надо договариваться. Мелочь устраняют с дороги. И снова и снова твою ликвидацию, твои мучения и жестокую смерть политики будут страшно оскорблять, они будут утверждать, что это высокая политика, что так устроен мир, что жизнь у нас суровая и не надо принимать случившееся как ЛИЧНУЮ ОБИДУ. Так вот, посылай их ко всем чертям. Пусть это станет личным.

Куэллкрист Фальконер

«То, что я уже должна была понять» Том II

Когда я вернулся в «Город утех», над Бей-Сити уже поднимался холодный голубой рассвет, и улица была влажной и переливалась стальным блеском после недавно прошедшего дождя. Я остановился в тени под опорами автострады и провёл так несколько минут, глядя на пустынную

улицу, пытаясь обнаружить малейшее движение. Мне нужно настроить себя соответствующе, но в прохладном свете нарождающегося дня сделать это непросто. Голова раскалывалась от необходимости быстро обработать большой поток данных, а где-то на задворках сознания плавал образ Джимми де Сото, неугомонного демона.

«Куда ты направляешься, Так?»

«Нанести кое-кому органические повреждения».

«Хендрикс» ничем не смог помочь относительно клиники, в которую меня отвезли. Дийк пообещал Октаю показать диск, когда они вернутся «с того берега», и я заключил, что клиника находится на противоположной стороне залива. Вероятно, в Окленде. Но сама по себе эта информация не имела никакой ценности даже для ИскИна. Как оказалось, всё побережье залива кишело подпольными заведениями, где занимаются незаконной биотехнической деятельностью. Поэтому мне пришлось восстанавливать путь с самого начала.

«Закуток Джерри».

Тут от «Хендрикса» было больше прока. Отель недолго повозился с дешёвой системой защиты и вывел на экран моего номера подробное описание клуба. Поэтажный план, служба охраны, распорядки дежурств и смены. Я несколько мгновений изучал описание, разжигая задремавшую ярость, вызванную допросом. Как только небо за окном начало бледнеть, я нацепил кобуры с «Немексом» и «Филипсом», прикрепил нож «Теббит» и отправился задавать кое-какие вопросы.

Возвращаясь в отель, я не заметил признаков «хвоста»; когда я уходил, его тоже не было. Наверное, для него так будет лучше.

«Закуток Джерри» при свете дня.

Какой бы налет дешёвой эротической мистики ни окружал заведение ночью, сейчас от него не осталось и следа. Неоновые и голографические вывески на фасаде здания поблекли, превратились в кричащие безвкусные украшения на старом платье. Взглянув на танцовщицу, так и не выбравшуюся из стакана, я подумал о Луизе-Анемоне, замученной пытками до смерти, из которой ей не позволяет вернуться религия.

«Пусть это станет личным делом».

«Немекс» в правой руке превратился в символ принятого решения. Подходя к дверям клуба, я снял пистолет с предохранителя и передернул затвор. В утренней тишине металлический лязг прозвучал громко. Во мне начинала медленно подниматься холодная ярость. При моем приближении робот у дверей зашевелился, преграждая дорогу щупальцами.

– Мы закрыты, дружище, – произнес синтезированный голос.

Наведя «Немекс» на перемычку дверного косяка, я выстрелил роботу в мозговой купол. Возможно, оболочка купола и остановила бы пули меньшего калибра, но здоровенные плюшки «Немекса» разнесли электронный мозг на куски. На мгновение взвился сноп искр, и синтезированный голос пронзительно вскрикнул. Многочисленные щупальца судорожно задёргались и обмякли. Из разбитого корпуса потянуло дымом.

Осторожно отстранив качающееся щупальце, я шагнул внутрь и столкнулся лицом к лицу с Мило, поднимавшимся по лестнице на шум. Увидев меня, он широко раскрыл глаза от изумления.

– Это ты... Какого...

Я выстрелил ему в горло. Упав, Мило скатился по лестнице и попытался подняться на ноги. Я выстрелил в лицо. Спустившись вниз к распростёртому телу, я увидел второго тяжеловеса, тот вышел из полумрака впереди. Взглянув на труп напарника, охранник неуклюже потянулся за бластером к поясной кобуре. Я вколотил ему пули в грудь до того, как он коснулся оружия.

У лестницы я остановился, достал левой рукой из кобуры «Филипс» и постоял, прислушиваясь, давая возможность отголоскам выстрелов затихнуть у меня в ушах. Убойный и монотонный бит Джерри, как я и ожидал, не заглох, но выстрелы из «Немекса» тоже были не из тихих. Налево уходил пульсирующий красным светом коридор, ведущий к кабинкам, справа виднелась голографическая паутина с застрявшими в ней трубками и бутылками. Яркая надпись «Бар» освещала плоские чёрные двери. Информация, полученная от «Хендрикса» и прочно засевшая в голове, говорила, что в такое время суток охраны в кабинках мало – максимум трое, но скорее всего в такой ранний час ещё меньше – двое. Считая Мило и безымянного тяжеловеса внизу лестницы, возможно, остался ещё один. Бар изолирован от других комнат и оснащен собственной звуковой системой. В нём могло находиться от двух до четырех вооруженных охранников, по совместительству работающих барменами.

Джерри, скряга.

Я прислушался, напрягая нейрхимию. Из коридора, уходящего налево, донеслось осторожное поскрипывание двери, затем – приглушенное шарканье человека, ошибочно рассчитывающего, что так он произведет меньше шума, чем если бы просто шёл. Не отрывая взгляда от двери бара, я высунул «Филипс» за угол и небрежно выпустил в озаренный красным светом коридор вереницу бесшумных пуль. Казалось, оружие

просто выдохнуло их, словно дерево шевелило ветвями на ветру. Послышался сдавленный крик, глухой удар упавшего тела, грохот покотившегося по полу оружия. Двери бара оставались закрытыми. Я высунул голову из-за угла и в полосках красного света от вращающихся ламп разглядел плотную женщину в камуфляжной форме, одной рукой она зажимала бок, другой пыталась подобрать выпавший пистолет. Я быстро приблизился к оружию и ногой отшвырнул его прочь, после чего опустился на колени рядом с женщиной. Судя по всему, я зацепил её несколько раз; ноги были в крови, а рубашка промокла насквозь. Я приставил дуло «Филипса» ей ко лбу.

– Ты работаешь охранником у Джерри?

Она кивнула, широко раскрывая глаза.

– Даю тебе один шанс. Где он?

– В баре, – выдавила женщина сквозь стиснутые зубы, пытаясь совладать с паникой. – За столиком. В дальнем углу.

Кивнув, я поднялся и тщательно прицелился ей между глаз.

– Послушайте, я же...

«Филипс» вздохнул.

Повреждения.

Я уже шагнул в голографическую паутину и протянул руку к дверям бара, когда они распахнулись и я очутился лицом к лицу с Дийком. У того было ещё меньше времени, чтобы среагировать на появление призрака, чем у Мило. Отвесив Дийку самый малый и самый официальный поклон – едва скосив голову, – я дал выход переполняющей ярости и принялся палить ему в грудь из обоих пистолетов. От множества пуль он отлетел назад в дверь, и я последовал за ним, не прекращая стрелять.

Бар был достаточно просторным, тускло освещённым из разноцветных прожекторов. Приглушенные оранжевые лампы подсвечивали сцену, в настоящий момент – пустую. Вдоль стены за стойкой бара мерцал холодный голубой свет, намечающий смутные очертания лестницы в небеса. На полках стояли ряды трубок, бутылок и ингаляторов. Хозяин райского закутка, увидев Дийка, пятящегося назад с рукой на окровавленном животе, попытался нырнуть в потайную дверцу за стойкой, но своей резвостью он сильно уступал небожителям.

Услышав звон разбитого стекла, я вскинул «Немекс» и пригвоздил бармена к полкам, совершив почти распятие. Он очень изящно завис на стене на долю секунды, затем развернулся и повалился на пол, увлекая за собой бутылки и трубки. Дийк тоже наконец упал, корчась в судорогах, а со стороны сцены ко мне метнулась неясная громоздкая фигура, достающая

из-за пояса оружие. Держа «Немекс» нацеленным на бар – нельзя терять время на то, чтобы повернуться и прицелиться, – я начал поднимать «Филипс» и выстрелил ещё до того, как ствол достиг горизонтального положения. Вскрикнув, фигура пошатнулась, выронила пистолет и попятилась к сцене. Я выпрямил до конца левую руку и выстрелил охраннику в голову, отбросив его на сцену.

Отголоски выстрелов «Немекса» постепенно затихали по углам.

К этому моменту я заметил Джерри. Он был в десяти метрах от меня, поднимался из-за маленького столика. Я навёл на него «Немекс». Джерри застыл.

– Вот и умница.

Нейрохимия пела натянутой струной, моё лицо исказилось в безумной усмешке, вызванной приливом адреналина. Я мысленно подвел итоги: в «Филипсе» остался один патрон, в «Немексе» шесть.

– Руки подними выше, а сам садись назад, – сказал я. – Пошевелишь пальцем – и я отстрелю его.

Джерри безвольно опустился на стул, скорчив гримасу. Периферийным зрением я отметил, что в комнате больше нет ничего движущегося. Осторожно переступив через Дийка, свернувшегося эмбрионом, издававшего проникнутые агонизирующей болью стоны, я, держа «Немекс» направленным Джерри в пах, опустил вторую руку вертикально вниз и нажал на спусковой крючок. Дийк затих.

Тут Джерри не выдержал.

– Ты что, спятил, мать твою, Райкер? Прекрати! Ты не...

Я дёрнул ствол «Немекса». Это или что-то в выражении моего лица заставило его умолкнуть. Никакого движения ни за занавесом на сцене, ни за стойкой бара. Двери оставались закрытыми. Подойдя вплотную к столику Джерри, я пододвинул ногой стул и уселся на него верхом.

– Джерри, – спокойно произнес я, – следовало бы иногда прислушиваться к тому, что говорят. Сказали же тебе, я – не Райкер.

– Да кто бы ты ни был, мать твою, у меня есть связи! – Во взгляде Джерри было столько злости, что оставалось загадкой, как она его ещё не задушила. – Я в системе, ты понял? Всё. Всё это – часть системы. Тебе придётся дорого заплатить, мать твою. Пожалеешь о том...

– Что встретился с тобой, – закончил за него я, убирая разряженный «Филипс» в фибергриповую кобуру. – Джерри, я уже об этом жалею. Твои опытные друзья оказались достаточно опытными. Но, как вижу, они не предупредили о том, что я покинул их чудное заведение. Похоже, Рей уже не считает нужным извещать о подобных мелких неприятностях?

Я внимательно следил за выражением лица Джерри, но он никак не отреагировал на это имя: или он сохранял хладнокровие под шквальным огнем, или же просто был слишком мелкой рыбешкой. Я предпринял новую попытку.

– Трепп мертва, – небрежно заметил я. Взгляд Джерри едва заметно дернулся. – Трепп, и ещё кое-кто. Хочешь узнать, почему ты до сих пор жив?

Джерри зашевелил губами, но ничего не произнёс. Склонившись над столом, я ткнул дулом «Немекса» ему в левый глаз.

– Я задал вопрос.

– Пошел ты к чертовой матери.

Кивнув, я сел на место.

– Вот ты какой крутой, да? Ну что ж, я скажу за тебя. Мне нужно получить ответы на кое-какие вопросы, Джерри. Можешь начать с рассказа о том, что случилось с Элизабет Элиотт. Это проще всего. Я тебе помогу: по моему мнению, ты сам с ней расправился. Далее я хочу знать, кто такой Элиас Райкер, на кого работает Трепп и где находится клиника, в которую ты меня отправил.

– Да пошел ты...

– Не принимаешь меня всерьёз? Или надеешься, что полиция подоспеет вовремя и спасёт твою память полушарий?

Достав левой рукой из кармана трофейный бластер, я аккуратно прицелился и выстрелил в мёртвого охранника, валяющегося на полу перед сценой. Расстояние было маленьким, и луч мгновенно превратил его голову в пепел. Помещение наполнилось запахом палёного мяса. Краем глаза следя за Джерри, я поводил лучом из стороны в сторону, убеждаясь, что уничтожил всё выше плеч, и только после этого убрал палец со спускового крючка. Ошеломлённый Джерри не отрывал от меня взгляда.

– Ты, кусок дерьма, он ведь только работал охранником!

– Насколько я понимаю, эта профессия становится чрезвычайно опасной. С Дийком и остальными будет то же самое. Как и с тобой, если не расскажешь мне всё, что я хочу знать. – Я поднял бластер. – Даю один шанс.

– Ну хорошо. – Его голос заметно надломился. – Хорошо, хорошо. Малышка Элиотт попыталась потрясти клиента, к ней хаживал один маф. Ей втемяшилось в голову, что у неё хватит шила в заднице прижать его. Глупая сучка хотела и меня взять в долю; она думала, я смогу надавить на этого мафа. Дурочка понятия не имела, мать её, во что ввязывается.

– Да, – согласился я, бросив на него холодный взгляд. – Пожалуй, не

имела.

Джерри перехватил мой взгляд.

– Эй, послушай, я не знаю, о чем ты подумал, но это не то. Я попробовал уговорить Лиззи, но она решила действовать напрямую. Попыталась сама прижать мафа. Как ты понимаешь, я не хочу, чтобы моё заведение разнесли на куски и похоронили меня под обломками. Пришлось разобраться с Элиотт. Не было другого выхода.

– Ты сам её пришил?

Джерри покачал головой.

– Я кое-кому позвонил, – подавленным тоном произнёс он. – У нас это делается просто.

– Кто такой Райкер?

– Райкер это... – Джерри сглотнул комок в горле, – один фараон. Расследовал кражи оболочек, затем его перевели в отдел органических повреждений. Он трахал стерву, что пришла тебе на помощь, когда ты столкнулся с Октаем.

– Ортегу?

– Да, Ортегу. Это всем известно. Говорят, именно поэтому Райкер и получил повышение. Вот почему мы решили, что ты... что он вернулся. Когда Дийк увидел, что ты разговариваешь с Ортегой, мы пришли к выводу, что она с кем-то договорилась.

– Вернулся? Откуда вернулся?

– Райкер серьёзно вляпался. – Полившись, ручей откровений перерос в стремительный поток. – В Сиэтле он устроил паре ребят, спекулирующих оболочками, эн-эс...

– Эн-эс?

– Да, эн-эс, – удивлённо повторил Джерри, словно я спросил у него, какого цвета небо.

– Я нездешний, – терпеливо объяснил я.

– Эн-эс. Настоящая смерть. Райкер превратил их в кровавое месиво. Ещё несколько человек остались с нетронутой памятью полушарий, поэтому Райкер дал кому-то на лапу, чтобы их зарегистрировали католиками. Что-то пошло не так, и о случившемся проведали ребята из отдела органических повреждений. Райкер влип по самые уши. Получил двести лет без права досрочного освобождения. Поговаривают, Ортега лично проводила задержание.

Вот как... Я помахал «Немексом», подбадривая Джерри.

– Вот и всё. Больше ничего не знаю. В сети этого нет. Только слухи. Послушай, Райкер никогда не тряс это заведение, даже когда расследовал

кражи оболочек. У меня всё чисто. Я даже в глаза его никогда не видел.

– Ну а Октай?

Джерри яростно закивал.

– Вот-вот, Октай. Октай занимался контрабандой незаконных органов из Окленда. Ты... я хотел сказать, Райкер не давал ему прохода. Пару лет назад избил Октая до полусмерти.

– Значит, Октай прибежал к тебе...

– Именно так. Перепуганный до полусмерти, кричит, что Райкер копает под моё заведение. Тогда мы прокрутили видеонаблюдение в кабинках, увидели, как ты разговариваешь с...

Осознав, куда это ведёт, Джерри умолк. Я снова махнул пистолетом.

– Вот и всё, мать твою.

В его голосе прозвучали признаки отчаяния.

– Ну ладно. – Откинувшись на спинку стула, я похлопал по карманам в поисках сигарет и вспомнил, что у меня их нет. – Ты куришь?

– Курю? Я что, похож на идиота?

Я вздохнул.

– Ничего, не бери в голову. А как насчет Трепп? Для твоей забегаловки она чересчур хороша.

– Трепп – свободная художница. Работает на тех, кто платит. Иногда и мне оказывает услуги.

– Больше не будет оказывать. Ты видел её настоящую оболочку?

– Нет. Говорят, большую часть времени она хранится в холодильнике в Нью-Йорке.

– Это далеко отсюда?

– Час суборбитального перелета.

По моим оценкам, это ставит Трепп на одну доску с Кадминым. Громила по вызову, работает на всей территории Земли. А может быть, и на других планетах. Верхний эшелон.

– А что говорят, на кого Трепп работала сейчас?

– Не знаю.

Я с любопытством посмотрел на ствол бластера так, словно это была какая-нибудь реликвия с Марса.

– Нет, знаешь. – Подняв взгляд, я печально усмехнулся. – Трепп больше нет в живых. Ушла от нас вместе с памятью полушарий. Можешь не беспокоиться из-за того, что заложишь её. Лучше беспокойся по поводу меня.

Джерри с вызовом держал мой взгляд пару секунд, затем уставился в пол.

– Я слышал, она выполняла поручения «Домов».

– Вот и отлично. А теперь расскажи о клинике. О своих опытных друзьях.

Подготовка чрезвычайных посланников должна была сохранить мой голос ровным, но, наверное, я успел немного заржаветь, поскольку Джерри что-то в нём услышал. Он испуганно облизал губы.

– Послушай, они очень опасные люди. Ты выбрался от них, и будет лучше, если этим всё и закончится. Ты даже понятия не имеешь...

– На самом деле имею. – Я направил бластер ему в лицо. – Где клиника?

– Господи, это просто мои знакомые. Понимаешь, деловые партнеры. Им бывают нужны человеческие органы, и иногда я... – Джерри осёкся, увидев моё лицо. – Иногда они выполняют для меня кое-какую работу. Понимаешь, это бизнес.

Я вспомнил Луизу-Анемону и наше совместное путешествие. У меня под глазом задёргалась жилка, и пришлось приложить все силы, чтобы не нажать на спусковой крючок прямо здесь и сейчас. Вместо этого я «включил» голос и с трудом воспользовался им. Он прозвучал более механически, чем голос робота у дверей клуба.

– Джерри, сейчас мы кое-куда съездим. Вдвоём, лишь ты и я. В гости к твоим деловым партнерам. И не вздумай со мной шутить, мать твою. Я уже вычислил, что клиника находится на противоположном берегу залива. И у меня очень хорошая зрительная память. Попытаешься обмануть – и я сделаю тебе эн-эс на месте. Понял?

По его лицу я заключил, что он все понял.

Но на всякий случай по пути из клуба я останавливался около каждого трупа и сжигал ему голову до плеч. Тошнотворный запах палёного мяса преследовал нас в полумраке коридоров – призрак ярости.

На самом северном острове архипелага Миллспорт есть рыбацкая деревушка. Если во время шторма кому-либо из рыбаков удаётся спастись с тонущего судна, его просят добраться вплавь до невысокого рифа, торчащего из воды в полукилометре от берега, плюнуть в океан за ним и вернуться назад. Сара была родом из той деревушки. Однажды, когда мы торчали в дешёвой, убогой ночлежке, спасаясь от жары и погони, она попыталась объяснить логику своих односельчан. Тогда этот обряд показался бредовым комплексом мачо.

Но сейчас, проходя по стерильно белым коридорам клиники с дулом собственного «Филипса» у затылка, я начал понимать, какой силой духа

надо обладать, чтобы вернуться в воду. С тех пор как я во второй раз спустился вниз на лифте, меня не переставая била холодная дрожь. После Инненина я успел забыть, что значит бояться по-настоящему. Если не считать виртуальности. Там от тебя ничего не зависит, поэтому может произойти в буквальном смысле что угодно.

Снова и снова.

В клинике все были встревожены. Видимо, известие о поездке, которая закончилась для Трепп настоящим барбекю, дошло сюда, и лицо охранника на экране, к которому обратился Джерри у ничем не примечательной двери, при виде меня стало бледным как смерть.

– Мы полагали...

– Забудь об этом, – отрезал Джерри. – Открывай, мать твою. Надо скорее убрать этот кусок дерьма с улицы.

Клиника находилась в старом квартале, который отстроили на рубеже тысячелетий и недавно переделали в неоиндустриальном стиле: на дверях узор из широких чёрных и жёлтых полос под наклоном, фасады домов спрятались в строительных лесах, а с балконов свисают бутафорские тросы и лебёдки. Дверь перед нами разделилась по верхней границе узора и бесшумно раскрылась. Ещё раз оглядев улицу, пустынную в столь ранний час, Джерри толкнул меня вперед.

Вестибюль, освещённый неоновыми лампами, также покрывали леса, сквозь которые проглядывала голая кирпичная кладка. В противоположном конце стояли двое охранников. При нашем приближении один шагнул вперед, поднимая руку, но Джерри презрительно отмахнулся.

– Мне не нужна ваша помощь. Это ведь вы, безмозглые козлы, упустили этого ублюдка.

Охранники переглянулись, и поднятая рука сделала примиряющий жест. Нас провели к лифту, такому же просторному, как и тот, в котором я в прошлый раз спускался с автостоянки на крыше. Когда мы вышли из кабины, нас встретил тот же самый отряд медиков, держащих наготове усыпляющие средства. Они выглядели очень уставшими и дёргаными. Самый конец ночной смены. Ко мне шагнула та же самая медсестра с гипноспреем, и Джерри снова оскалился. Он успел отточить гримасу до совершенства.

– Не трудись, мать твою. – Он сильнее вжал дуло «Филипса» мне в затылок. – Этот тип отсюда никуда не выйдет. Я хочу видеть Миллера.

– Он в операционной.

– В операционной? – пролаял Джерри. – Вы хотите сказать, он наблюдает за тем, как работает робот. Ну хорошо, тогда Чанга.

Медики застыли в неуверенности.

– Что? Только не говорите мне, что сегодня утром все ваши консультанты свалили зарабатывать на жизнь.

– Нет, просто дело в том... – Санитар, стоявший ближе всех, махнул на меня рукой. – По правилам не положено пропускать его дальше в сознании.

– Не говорите мне о правилах. – Джерри неплохо изобразил человека, готового лопнуть от ярости. – В каких правилах написано, что этому куску дерьма можно позволить сбежать, чтобы он заявился ко мне в заведение и устроил там разгром? В каких правилах это написано, мать вашу? Я спрашиваю, в каких?

Медики растерянно молчали. Я не отрывал взгляда от бластера и «Немекса», засунутых за пояс Джерри, измеряя углы. Схватив меня за шиворот, Джерри снова ткнул под подбородок мой собственный пистолет. Сверкнув глазами на медиков, он заговорил сквозь зубы, едва сдерживаясь:

– Он никуда отсюда не выйдет. Уяснили? И нет времени на ваши дурацкие глупости. Мы идем к Чангу. Ну же, шевелитесь!

Медики купились на показуху. На их месте так бы поступили почти все. Если хорошенько надавить на человека, он непременно попятится назад. Никто не станет спорить с тем, кто говорит таким повелительным тоном, при этом сжимая в руках оружие. Медики были уставшими и напуганными.

Мы быстрым шагом направились по коридорам, навёрстывая упущенное время. Прошли мимо операционной. Той, в которой я очнулся, или другой, но в точности такой же. Я успел мельком увидеть фигуры, толпящиеся вокруг операционного стола, и нависшего пауком автохирурга.

Не успели мы сделать и десяти шагов, как кто-то вышел в коридор у нас за спиной.

– Одну минуточку.

Голос был вежливый, почти спокойный, но медики и Джерри застыли как вкопанные. Обернувшись, мы увидели высокого мужчину в голубом халате, в забрызганных кровью хирургических перчатках, нанесённых распылителем, с лицом, закрытым маской, которую он осторожно снял большим и указательным пальцами. Лицо под маской оказалось очень привлекательным: голубые глаза, смуглая кожа, квадратный подбородок. Образчик мужской красоты, работа высококласного косметического салона.

– Добрый день, Миллер, – растерянно произнес Джерри.

– Что здесь происходит? Коро, – мужчина повернулся к медсестре, – ты-то должна знать, что доступ неусыпленным пациентам сюда запрещен.

– Да, сэр. Но мистер Седака заверил, что никакого риска не будет. Он настоял на том, чтобы мы поторопились. Мы направляемся к директору Чангу.

– Мне нет никакого дела до того, куда он торопится. – Подозрительно прищурившись, Миллер перевёл взгляд на Джерри. – Ты что, спятил, Седака? У нас здесь не выставочный зал, понимаешь? У меня клиенты. Их лица хорошо знакомы. Нельзя допустить, чтобы их кто-либо видел. Коро, немедленно усыпи этого человека.

Ну да ладно, не может же везти вечно.

Я пришел в движение. Прежде чем Коро успела достать из сумочки на поясе гипноспрей, я выдернул «Немекс» и бластер из-за пояса Джерри и развернулся, открывая огонь. Коро и двое её коллег, получив множественные ранения, упали на пол. Белый антисептический пол теперь забрызган кровью. Миллер успел издать недовольный крик, но я уже выстрелил ему в раскрытый рот из «Немекса». Джерри испуганно пятился от меня, сжимая в руке разряженный «Филипс». Я поднял бластер.

– Послушай, я же сделал все, как ты сказал, мать твою! Я же...

Сверкнул луч, и его голова взорвалась. В наступившей тишине я вернулся к операционной и распахнул двери. Группа людей в безукоризненно чистых халатах – мужчины и женщины – отпрянули от стола, на котором лежала оболочка молодой женщины, и изумленно уставились на меня поверх хирургических масок. Только автохирург продолжал невозмутимо работать, делая ровные надрезы и с легким шипением оплавливая края ран. В небольших металлических поддонах, выставленных у головы оперируемой, лежали бесформенные красные куски. Безмятежная идиллия напоминала начало колдовского банкета.

Женщиной, лежавшей на столе, была Луиза.

Всего в операционной находилось пятеро медиков, и я убил всех, пока они испуганно таранились. Затем я выстрелом из бластера разбил на куски автохирурга, после чего провёл лучом по оборудованию, расставленному вдоль стен. Повсюду ожили, замигав и завыв, сигналы тревоги. Под их оглушительную бурю я обошел операционную и принес *настоящую смерть* всем, находящимся в ней.

В коридоре тоже завывали сирены. А двое медиков были ещё живы. Коро удалось проползти метров десять, оставляя за собой широкий кровавый след. Один из её коллег-мужчин, слишком обессиленный, чтобы бежать, пытался подняться, опираясь на стену. Пол под ним был влажным от крови, и медик постоянно соскальзывал вниз. Не обращая на него внимания, я направился к женщине. Услышав мои шаги, она замерла,

оглянулась, выворачивая голову, и снова поползла вперед, отчаянно напрягая силы. Я поставил ей ногу между лопатками, заставив остановиться, а затем пинком перевернул на спину.

Некоторое время мы смотрели друг другу в глаза, и я вспоминал, с каким бесстрастным лицом она усыпляла меня вчера вечером. Я поднял бластер так, чтобы она его хорошо видела.

– Настоящая смерть, – сказал я, нажимая на спусковой крючок.

Затем я вернулся к последнему оставшемуся в живых медику, он всё видел и теперь судорожно пятился от меня. Я присел перед ним на корточки. У нас над головой, то нарастая, то затихая, были сигналы тревоги.

– Боже милосердный, – простонал медик, когда я направил бластер ему в лицо. – Боже милосердный, я же здесь только работал.

– Этого достаточно, – сказал я.

На фоне оглушительных завываний выстрел из бластера прозвучал почти неслышно.

Я быстро разобрался таким же образом и с третьим медиком, повозился несколько дольше с Миллером, а затем стащил с обезглавленного трупа Джерри куртку и сунул её под мышку. После чего я подобрал «Филипс», убрал его за пояс и ушёл. Проходя по наполненным сигналами тревоги коридорам клиники, я убивал встречных, превращая память их полушарий в пепел.

Дело стало личным.

Полицейские машины приземлились на крыше здания как раз в тот момент, когда я вышел через входную дверь и не спеша направился по улице. Кровь из отрезанной головы Миллера, зажатой у меня под мышкой, начала просачиваться сквозь подкладку куртки Джерри.

Часть 3
Альянс
(Совершенствование тактики)

Глава шестнадцатая

В садах виллы «Закат» было тихо и солнечно, в воздухе пахло свежескошенной травой. Со стороны теннисного корта доносились приглушённые удары мяча, один раз я услышал громкое восторженное восклицание Мириам Банкрофт. Загорелые ноги мелькали под порхающей белой юбкой, мяч поднял облачко розовой пыли в том месте, где буквально вонзился в землю на половине соперника. Сидящие на трибуне зрители встретили точный удар вежливыми жидкими хлопками. Я подошёл к корту в сопровождении двух вооруженных до зубов телохранителей с непроницаемыми лицами.

Как раз в этот момент у игроков был перерыв между геймами. Они сидели, широко расставив ноги и опустив головы. Услышав шорох щебня, Мириам Банкрофт посмотрела вперёд сквозь спутанные пряди светлых волос и встретила со мной взглядом. Она ничего не сказала, но её рука крепче стиснула рукоятку ракетки, а лицо расплылось в улыбке. Соперник миссис Банкрофт, также поднявший взгляд, оказался стройным молодым мужчиной. В нём было что-то неуловимое, говорившее, что он в действительности так же молод, как и его оболочка. Лицо показалось смутно знакомым.

Банкрофт сидел в среднем ряду парусиновых кресел, по правую руку – Оуму Прескотт, слева – незнакомые мне мужчина и женщина. Когда я подошел к Банкрофту, тот не встал и даже не взглянул в мою сторону. Он махнул рукой, указывая на место рядом с Прескотт.

– Присаживайтесь, Ковач. Сейчас будет последний гейм.

подавив желание ударом ноги вогнать ему зубы в горло, я фальшиво улыбнулся и плюхнулся в парусиновое кресло. Нагнувшись, Оуму Прескотт зашептала, прикрывая рот рукой:

– Сегодня полиция нанесла неожиданный визит мистеру Банкрофту. Как выясняется, вы действуете не так аккуратно, как мы ожидали.

– Я просто разогреваюсь, – пробормотал я в ответ.

Предварительно оговорённое время отдыха закончилось, Мириам Банкрофт и её противник, сбросив с плеч полотенца, вернулись на корт. Устроившись поудобнее, я стал наблюдать за игрой, не отрывая взгляда от упругого женского тела, извивающегося и напрягающегося под белым хлопком. Я вспоминал, каким оно было – обнаженным, прижимающимся ко мне. Один раз перед своей подачей Мириам Банкрофт перехватила мой

взгляд, и у неё на лице мелькнула мимолетная усмешка. Она до сих пор не получила ответа и вот сейчас решила, что именно за этим я и пришел.

Наконец матч закончился серией долго разыгрываемых подач, исход которых, тем не менее, не вызывал сомнения. Мириам Банкрофт, сияя, покинула корт. Я направился к ней, чтобы поздравить с победой. Она разговаривала с мужчиной и женщиной, которых я не знал, но при моем приближении повернулась, приглашая присоединиться.

– Добрый день, мистер Ковач. – Её глаза чуть приоткрылись. – Вы получили удовольствие от игры?

– Огромное, – честно признался я. – Вы были просто беспощадны.

Склонив голову набок, Мириам Банкрофт стала вытирать полотенцем мокрые от пота волосы.

– Это бывает только при необходимости, – сказала она. – Разумеется, вы не знакомы с Налан и Джозефом. Налан, Джозеф, представляю вам Такеси Ковача, чрезвычайного посланника, нанятого Лоренсом расследовать его убийство. Мистер Ковач прибыл к нам из другого мира. Мистер Ковач, познакомьтесь с Налан Эртекин, судьей Верховного суда ООН, и Джозефом Фири из Комиссии по правам человека.

– Очень рад. – Я быстро поклонился обоим. – Насколько могу предположить, вы здесь для того, чтобы обсудить резолюцию номер 653.

Чиновники переглянулись, и Фири кивнул.

– Вижу, вы прекрасно информированы, – мрачно заметил он. – Мне приходилось многое слышать о Корпусе чрезвычайных посланников, и всё же я не могу скрыть восхищения. Сколько времени вы провели на Земле?

– Около недели.

Я приврал, надеясь ослабить паранойю, которая всегда разыгрывается у чиновников, как только речь заходит о чрезвычайных посланниках.

– Хм-м, около недели. Действительно впечатляет.

Фири был коренастым чёрнокожим мужчиной лет пятидесяти, с седыми волосами и осторожными карими глазами. Подобно Деннису Найману, он носил наружные линзы коррективки зрения. Но если у Наймана стальная оправа придавала выразительности его неказистому лицу, то Фири носил очки, чтобы не привлекать к себе внимания. Линзы, заключенные в массивную оправу, делали из него рассеянного священнослужителя. Однако от глаз, прячущихся за линзами, ничто не могло укрыться.

– И каковы успехи в расследовании?

Это уже спросила Эртекин, красивая арабка лет на двадцать моложе Фири, следовательно, носящая как минимум вторую оболочку. Я

улыбнулся.

– Определить понятие «успех» очень трудно, ваша честь. Куэлл сказала: «Ко мне приходят с донесениями об успехах, но я вижу лишь перемены и обожжённые трупы».

– А, значит, вы с планеты Харлан, – вежливо заметила Эртекин. – И вы считаете себя куэллистом, мистер Ковач?

Я позволил улыбке превратиться в усмешку.

– Изредка. На мой взгляд, в этом что-то есть.

– Надо признать, мистер Ковач взялся за дело очень рьяно, – поспешно вмешалась Мириам Банкрофт. – Полагаю, им с Лоренсом нужно многое обсудить. Наверное, нам лучше не мешать.

– Да, разумеется. – Эртекин склонила голову. – Надеюсь, у нас ещё будет возможность побеседовать друг с другом.

Троица отправилась утешать соперника Мириам, подавленно убиравшего в сумку ракетку и полотенца. Несмотря на дипломатические ухищрения миссис Банкрофт, Налан Эртекин, похоже, не торопилась спастись бегством. Я проникся к ней восхищением. Признаться сотруднику ООН – больше того, высокопоставленному чиновнику Протектората – в том, что ты куэллист, – это приблизительно то же самое, что сознаться в ритуальном убийстве на вегетарианском обеде. От того, кто это выслушивает, требуется недюжинная выдержка.

Обернувшись, я увидел Оуму Прескотт.

– Не желаете пройти в дом? – мрачно сказала она, махнув рукой в сторону особняка.

Банкрофт уже был у дверей. Мы направились следом за ним. Как мне показалось – чересчур быстрым шагом.

– Один вопрос, – запыхавшись, произнес я. – Кто этот мальчишка? Тот, которого распяла миссис Банкрофт?

Прескотт молча взглянула на меня.

– Это что, большая тайна?

– Нет, это совсем не тайна, мистер Ковач. Ни большая, ни какая бы то ни было вообще. Просто, как мне кажется, вы могли бы найти себе более полезное занятие, чем изучение гостей мистера Банкрофта. Но раз уж вам так хочется знать, вторым игроком был Марко Кавахара.

– Вот как, точно. – Помимо воли я заговорил оборотами Фири. Этот человек умеет производить впечатление на окружающих. – Значит, вот почему мне знакомо его лицо. Он пошёл в мать, да?

– Если честно, понятия не имею, – рассеянно ответила Прескотт. – Я никогда не встречалась с миссис Кавахарой.

– Вам повезло.

Банкрофт ждал нас в оранжерее с экзотическими растениями, которая прилепилась к тому крылу особняка, что выходит на море. За стеклянными стенами буйствовало царство непривычных цветов и форм, в котором я отыскал молодое зеркальное дерево и несколько побегов мученического сорняка. Банкрофт как раз стоял перед одним из побегов, тщательно посыпая его белым металлическим порошком. Про мученический сорняк мне известно только то, что он используется в охранных системах. Поэтому я не мог даже предположить, что это за порошок.

При нашем появлении Банкрофт повернулся к двери.

– Будьте добры, говорите тихо. – Его голос среди этой звукопоглощающей обстановки прозвучал неестественно безжизненно. – Во взрослом состоянии мученический сорняк очень чувствителен к любому раздражению. Насколько я понимаю, мистер Ковач, вам известно это растение.

– Да. – Я бросил взгляд на пучки листьев, отдаленно напоминающих человеческую ладонь с ярко-алыми прожилками, благодаря которым сорняк и получил название. – Вы уверены, что это взрослое растение?

– Абсолютно. На Адорасьоне можно встретить и более крупные экземпляры, но я попросил специалистов из «Накамуры», чтобы они вывели сорт для домашних условий. Под защитой этого растения я чувствую себя так же спокойно, как за каменной стеной, – он указал на три стула с металлическими каркасами, стоящие рядом с мученическим сорняком, – но при этом куда уютнее.

– Вы хотели меня видеть, – нетерпеливо спросил я. – В чём дело?

Какое-то мгновение чёрные глаза Банкрофта сверлили меня с силой всех трёх с половиной стоящих за ними столетий. Казалось, я схлестнулся взглядом с демоном. Всего на одну секунду душа мафа вышла на свет божий, и я увидел в этих глазах отражение мириада обычных человеческих жизней, прошедших перед ними бледными мошками, летящими навстречу гибели в пламени. До сих пор подобное чувство я испытывал лишь однажды. Тогда, когда столкнулся с Рейлиной Кавахарой. Я ощутил своими крылышками испепеляющий жар.

Но тотчас же все прошло, и остался лишь Банкрофт, который поставил распылитель на соседний столик и опустился на стул. Он подождал, чтобы я последовал его примеру. Увидев, что я не собираюсь это делать, Банкрофт сплёл пальцы и нахмурился. Оуму Прескотт растерянно металась между нами.

– Мистер Ковач, я не забыл, что по условиям контракта согласился

оплачивать все разумные расходы, связанные с проведением расследования. Но, говоря об этом, я не предполагал, что придется иметь дело с хвостом умышленных органических повреждений, тянущимся от одного края Бей-Сити к другому. Сегодня утром я только и занимался тем, что улаживал дела с полицией Бей-Сити и триадами Западного побережья. Как вы понимаете, ни те, ни другие не были особенно расположены ко мне ещё до того, как вы устроили резню. Я хочу знать, отдаете ли вы себе отчёт, каких денег стоит просто сохранить вам жизнь и не дать попасть на хранение?

Обведя взглядом оранжерею, я пожал плечами.

– Полагаю, вы можете позволить себе это.

Прескотт вздрогнула. На лице Банкрофта появился осколок улыбки.

– Мистер Ковач, а что если у меня больше нет желания это делать?

– В таком случае, мать вашу, выдерните затычку.

От резкой перемены тона мученический сорняк заметно вздрогнул. Наплевать. Внезапно у меня пропало всякое настроение подыгрывать Банкрофту в его изящных учтивых играх. Я устал. Если отбросить непродолжительный период, когда я находился без сознания в клинике, я провел без сна больше тридцати часов. Мои нервы болели от постоянного использования системы нейрохимии. Я побывал в перестрелке. Мне пришлось выпрыгнуть из движущегося аэрокара. Я прошел через процедуры допросов, которые оставили бы у большинства людей неизгладимые психические травмы. Убил в бою несколько человек. И я уже забирался в кровать «Хендрикса», когда отель передал мне срочный вызов Банкрофта, потому что ИскИн стремился «сохранить хорошие отношения с клиентом и обеспечить статус гостя» (цитирую дословно). Настанет день, и кто-нибудь вышибет из электронного мозга отеля терминологию сферы обслуживания допотопной эпохи. Положив трубку, я подумал о том, чтобы заняться этим лично с помощью «Немекса», но раздражение от закоснелых штампов «Хендрикса» уступило место ярости, которой я проникся к самому Банкрофту. Именно эта ярость не позволила послать звонок к чёрту и завалиться спать, а отправила на виллу «Закат» одетым в мятые вещи, которые я не снимал со вчерашнего дня.

– Прошу прощения, мистер Ковач? – недоумённо начала говорить Оуму Прескотт. – Вы хотите...

– Нет, Прескотт. Я угрожаю. – Я перевёл взгляд на Банкрофта. – Я не напрашивался на участие в этой пляске, мать вашу. Это вы притащили меня сюда, Банкрофт. Выволокли из хранилища на Харлане и засунули в оболочку Элиаса Райкера, просто чтобы насолить Ортеге. Заставили действовать, снабдив лишь туманными намёками, а сами стали смотреть,

как я брожу впотьмах, натываясь лбом на следы ваших былых походов. Что ж, если теперь, когда стало чуточку погорячее, вы больше не желаете продолжать игру, я ничего не имею против. Мне надоело рисковать памятью полушарий ради такого куска дерьма, как вы. Можете засунуть меня назад в ящик, и я попробую начать все сначала через сто семнадцать лет. Быть может, мне повезет, и к тому времени человек, который так жаждет сжечь вам голову, сотрет вас с лица планеты.

Мне пришлось оставить оружие у ворот виллы, но я почувствовал, как по нервам разливается опасная расслабленность боевого режима чрезвычайных посланников. Если в мафе сейчас проснётся демон, я придушу Банкрофта прямо здесь, просто ради удовольствия.

Как ни странно, мои слова, похоже, заставили его призадуматься. Выслушав меня, Банкрофт кивнул, словно соглашаясь, и повернулся к Прескотт.

– Оу, оставь нас ненадолго. Нам с мистером Ковачем надо обсудить кое-что с глазу на глаз.

Прескотт колебалась.

– Быть может, поставить охрану у дверей? – спросила она с опаской.

Банкрофт покачал головой.

– В этом нет никакой необходимости.

Прескотт вышла, не убежденная до конца, а я приложил все силы, чтобы не начать восторгаться хладнокровием Банкрофта. Он только что услышал из моих собственных уст, что я с радостью вернусь на хранение, всё утро ему пришлось изучать список трупов, оставленных мной, и всё же он считал, что разбирается в людях достаточно хорошо, чтобы определить – опасен я или нет. Я сел. Возможно, Банкрофт и прав.

– Вам нужно кое-что объяснить, – спокойным тоном произнёс я. – Можете начать с оболочки Райкера, ну а дальше – посмотрим. Итак, почему вы поступили именно так и почему скрыли это от меня?

– Скрыл? – изогнул брови дугой Банкрофт. – Ведь мы лишь вскользь упомянули об этом.

– Вы сказали, что поручили выбрать оболочку адвокатам. Постарались это подчеркнуть. А вот Прескотт настаивает на том, что оболочку выбирали лично вы. Вам следовало бы ввести её в курс той лжи, что вы собирались городить.

– Ладно, сдаюсь. – Банкрофт примирительно развел руками. – Что ж, обычная предосторожность. У меня уже выработался рефлекс. Говорить правду приходится очень немногим, так что, в конце концов, ложь входит в привычку. Но я понятия не имел, что вас это так глубоко заденет. Я хочу

сказать, учитывая вашу службу в Корпусе и время, проведённое на хранении. Вы всегда проявляете повышенный интерес к прошлому оболочек, которые приходится носить?

– Нет, не всегда. Но с тех пор, как я здесь, Ортега следует за мной, словно привязанная. Сперва я считал, это потому, что ей есть что скрывать. Но, как выясняется, она просто пытается сохранить оболочку своего дружка, пока тот на хранении. Кстати, а вы не потрудились выяснить, почему Райкера отправили в холодильник?

Банкрофт нетерпеливо махнул рукой.

– Обвинение в коррупции. Неоправданное нанесение органических повреждений и попытка фальсифицировать данные о личности. Насколько я понял, за ним уже числились грехи.

– Да, вы правы. Более того, это было известно. Поэтому Райкера очень не любили. Особенно в таких местах, как «Город утех», где я провёл два последних дня, идя по следам вашего ненасытного члена. Но к этому мы ещё вернемся. Сначала я хочу узнать, почему вы так поступили. Почему я ношу оболочку Райкера?

Услышав оскорбление, Банкрофт на мгновение вспыхнул. Но он был слишком хорошим игроком, чтобы его волновали подобные мелочи. Вместо этого Банкрофт поднял правую руку, обнажив манжету, показывая, что тема исчерпана, – этот жест я знал из основ курса дипломатии.

– Честное слово, не предполагал, что доставлю вам неудобства, – Банкрофт слабо улыбнулся. – Я думал только о том, чтобы оснастить вас надлежащим образом, а эта оболочка...

– Почему именно Райкер?

Последовала короткая пауза. Мафы не привыкли, чтобы их прерывали, и Банкрофту пришлось изрядно потрудиться, чтобы пережить отсутствие должного почтения. Я вспомнил дерево у теннисного корта. Наверняка Ортега, присутствуя она при разговоре, порадовалась бы за меня.

– Это ход, мистер Ковач. Просто ход.

– Ход? Направленный против Ортеги?

– Именно так. – Банкрофт откинулся на спинку стула. – Лейтенант Ортега дала понять о своих предубеждениях против меня, как только переступила порог этого дома. От неё не было никакой помощи. Она начисто лишена уважения. Такие вещи я не прощаю. По этому счету надо было обязательно заплатить. Когда я увидел в списке оболочек, подготовленных Оуму, Элиаса Райкера, с примечанием, что закладную за резервуар оплачивает Ортега, я понял, что ответ предлагает судьба. Такой ход напрашивался сам собой.

– Довольно ребяческий поступок для человека вашего возраста, вы не находите?

Банкрофт склонил голову.

– Возможно. С другой стороны, может быть, вы вспомните генерала Макинтайра из командования Корпусом чрезвычайных посланников, уроженца планеты Харлан, после побоища на Инненине найденного в личном реактивном самолете обезглавленным и с выпотрошенными внутренностями?

– Смутно.

Сделав над собой усилие, я сохранил внешнее хладнокровие. Если это по силам Банкрофту, то я уж точно должен справиться.

– Смутно? – удивлённо поднял брови Банкрофт. – А я полагал, ветеран Инненина не сможет забыть обстоятельства гибели начальника, командовавшего вами во время той резни. Человека, которого многие обвиняют в преступной халатности, повлекшей за собой столько настоящих смертей.

– Управление правосудия Протектората провело тщательное расследование, и Верховный суд снял с него обвинения, – тихо промолвил я. – На что вы намекаете?

Банкрофт пожал плечами.

– Только на то, что убийство Макинтайра было местью, совершенной вопреки оправдательному приговору. И на самом деле поступком совершенно бессмысленным, поскольку оно не могло воскресить мертвых. Среди людей ребячество – широко распространенный порок. Быть может, не следует его судить так поспешно.

– Возможно, вы правы. – Встав, я подошел к двери оранжереи и выглянул в неё. – Хорошо, в таком случае объясните, почему вы не просветили меня по поводу того, что проводите так много времени со шлюхами? Только не подумайте, я вовсе не собираюсь вас осуждать.

– А, вы имеете в виду девчонку Элиотт. Да, Оуму говорила о ней. Вы действительно полагаете, что её отец имеет какое-то отношение к моей смерти?

Я повернулся к нему лицом.

– Нет, теперь я уже так не думаю. Больше того, я твёрдо уверен, что он тут совершенно ни при чем. Но мне пришлось потратить много времени, чтобы это установить.

Банкрофт спокойно выдержал мой взгляд.

– Мистер Ковач, прошу извинить, если введение в курс дела оказалось недостаточно подробным. Да, я действительно провожу часть досуга,

покупая за деньги возможность дать выход сексуальной энергии. Возможность как реальную, так и виртуальную. Или, как вы изящно выразились, «хожу по шлюхам». Я посчитал, что это не имеет существенного значения. Могу также добавить, что значительную часть времени я посвящаю азартным играм с мелкими ставками. И изредка участвую в уличных драках. Всем этим я мог нажить себе врагов, также как, надо признать, и деловой активностью. Я не счёл нужным нагружать вас в ваш первый день в новой оболочке на новой планете подробным описанием своей жизни. С чего, в таком случае, я должен был бы начать? Вместо этого я вкратце рассказал о совершённом преступлении и предложил переговорить о подробностях с Оуму. Я не ожидал, что вы пойдёте по следу первой же улики самонаводящейся боеголовкой. И не ожидал, что при этом сметёте с дороги всё, что мешало. Как мне говорили, чрезвычайные посланники славятся тонким подходом.

В чем-то он был прав. Вирджиния Видаура пришла бы в бешенство; если бы она могла, то сейчас бы стояла за спиной Банкрофта, собираясь всыпать мне по первое число за вопиющее пренебрежение утончённостью. С другой стороны, ни Видаура, ни Банкрофт не видели лица Виктора Элиотта в тот вечер, когда он рассказывал о своей семье. Сглотнув готовую сорваться с языка резкую отповедь, я быстро прошёлся по известным фактам, решая, что можно открыть.

– Лоренс?

В дверях оранжереи стояла Мириам Банкрофт, с полотенцем на шее, держа под мышкой ракетку.

– Да, Мириам.

В голосе Банкрофта прозвучало искреннее уважение, но больше я не смог обнаружить в нем никаких чувств.

– Я пригласила Налан и Джозефа на «Плот Гудзон», чтобы пообедать дарами моря. Джозеф никогда раньше не плавал с аквалангом, но мы его уговорили попробовать. – Быстро взглянув на меня, Мириам снова повернулась к мужу. – Ты не присоединишься к нам?

– Быть может, чуть позже, – ответил Банкрофт. – Где вас искать?

Мириам пожала плечами.

– Я ещё об этом не думала. Наверное, где-нибудь на палубе, у правого борта.

– Замечательно. Постараюсь выбраться. Если увидишь миногу, загарпунь её для меня.

– Есть, сэр. – Мириам Банкрофт прикоснулась ладонью к виску, пародируя отдачу воинской чести, и мы с Банкрофтом произвольно

улыбнулись. Мириам обернулась ко мне. – Мистер Ковач, а вы любите морепродукты?

– Возможно. Я провел на Земле слишком мало времени, чтобы успеть разобраться в собственных вкусах, миссис Банкрофт. До сих пор я ел только то, что предлагает отель.

– Замечательно. Может быть, когда у вас проснётся вкус к морепродуктам, – многозначительно произнесла она, – мы увидим и вас?

– Благодарю, но сомневаюсь, что это случится в ближайшее время.

– Что ж, – беззаботно заметила Мириам, – постарайся долго не задерживаться, Лоренс. Мне одной будет трудно отваживать Марко от Налан. Кстати, он кипит от бешенства.

– Неудивительно, если учесть, как он сегодня играл, – пробурчал Банкрофт. – Мне даже какое-то время казалось, что Марко нарочно поддается.

– Только не в последнем гейме, – заметил я, не обращаясь ни к кому конкретно.

Банкрофты повернулись ко мне: его лицо осталось непроницаемым; она же склонила голову набок, широко улыбнувшись, почти по-детски открыто. Я спокойно выдержал её взгляд, и она смущенно подняла руку, приглаживая волосы неточным движением.

– Наверное, Кёртис уже подогнал лимузин, – опомнившись, произнесла Мириам. – Мне пора идти. Была рада снова увидеться с вами, мистер Ковач.

Мы с Банкрофтом смотрели, как она шла по лужайке, покачивая юбкой. Даже если учесть очевидное безразличие Банкрофта к сексуальным прелестям жены, речь Мириам была, на мой взгляд, чересчур возбуждающей. Я должен был разорвать тишину, чем угодно – всё равно чем.

– Послушайте, Банкрофт, – сказал я, не отрывая глаз от удаляющейся фигуры. – Я ни в коей мере не собираюсь вас обидеть, но скажите – почему мужчина, женатый на такой женщине, по своей воле сохранивший брак, проводит свободное время, цитирую: «покупая за деньги возможность дать выход сексуальной энергии»?

Я без умысла развернулся и увидел, что Банкрофт смотрит на меня с непроницаемым лицом. Какое-то время он молчал, а когда заговорил, в голосе не прозвучало никаких интонаций.

– Ковач, вы когда-нибудь кончали женщине в лицо?

На самом раннем этапе подготовки новобранцев чрезвычайных посланников учат ставить блок культурному шоку. Но иногда особенно

сильный взрыв пробивает доспехи, и реальность рассыпается в мозаику и никак не желает собраться в цельную картину. Я начал изумлённо раскрывать глаза, но вовремя спохватился. Этот человек, чей возраст превосходил всю историю человечества на моей родной планете, задал такой вопрос. Я чувствовал себя так, будто он спросил, приходилось ли мне когда-либо играть с водяными пистолетами.

– Гм... Да. Видите ли... гм... такое происходит, когда...

– Женщине, которой вы заплатили?

– Ну, иногда. Вообще-то я не любитель... – Я осёкся, вспоминая самозабвенный хохот его жены, когда мой член взорвался у неё во рту, обдав лицо спермой, словно пеной из бутылки шампанского. – Сказать по правде, я не помню. Не могу сказать, что я стремлюсь к удовольствиям такого рода...

– Как и я, – отрезал стоявший передо мной мужчина. На мой взгляд – чересчур выразительно. – Я привёл это в качестве примера. У всех нас есть желания и страсти, которые лучше сдерживать. Или, по крайней мере, не давать им выхода в культурном обществе.

– По-моему, нельзя противопоставить культуру эякуляции.

– Вы прибыли из другого мира, – задумчиво промолвил Банкрофт. – У вас на Харлане молодое, дерзкое, колониальное общество. Вы понятия не имеете, как обтесали нас здесь, на Земле, столетия традиций. Молодые духом, те, в ком жила страсть к приключениям, покинули нашу планету всем скопом. Остались вялые, послушные, ограниченные. Это происходило у меня на глазах, и тогда я этому радовался, потому что так было проще создавать свою империю. Но теперь я начинаю задаваться вопросом: а стоило ли это цены, которую пришлось заплатить? Наше общество замкнулось в себе, стиснутое нормами поведения, перестало идти вперёд, остановилось на старом и знакомом. Непреклонная мораль, непреклонные законы. Косные декларации ООН распространились на вселенную, став, – он сделал красноречивый жест, – чем-то вроде надобщественной смирительной рубашки, и, пока межзвёздные корабли находились в пути, возник Протекторат. Так что когда первые из них приземлились на планетах, хранившиеся там люди, очнувшись, увидели вокруг себя тщательно подготовленную тиранию.

– Вы говорите так, будто находитесь вне происходящего. Обладая такой прозорливостью, неужели вы не можете освободиться от оков?

Банкрофт усмехнулся.

– Культура общества подобна смогу. Живя в ней, приходится её вдыхать. А это неизбежно ведёт к заражению. Что означает в данном случае

свобода? Свобода извергать семя на лицо и грудь жене? Свобода заставлять её мастурбировать передо мной, делить её плоть с другими мужчинами и женщинами? Двести пятьдесят лет – это очень большой срок, мистер Ковач. Достаточно для того, чтобы рассудок оказался заражён самыми разнообразными грязными, похотливыми фантазиями, щекочущими гормоны каждой новой оболочки. И это при том, что более чистые чувства становятся чище и благороднее. Можете ли вы представить, что происходит с эмоциональными узами за такой долгий срок?

Я раскрыл было рот, но Банкрофт поднял руку, призывая к молчанию. Я подчинился. Не каждый день приходится выслушивать излияния души, насчитывающей несколько столетий, а из Банкрофта сейчас лились слова.

– Нет, – ответил он на свой вопрос. – Сколько вам лет? Подобно тому, как ваше общество слишком молодо, чтобы постичь жизнь на Земле, так и ваш жизненный опыт не может подсказать, что значит любить одного и того же человека в течение двухсот пятидесяти лет. В конце концов, если человек выдержит, если сможет пройти ловушки скуки и самодовольства, то, что у него останется, будет не любовью. Скорее это что-то вроде благоговения. Так как же состыковать это уважение, это благоговение с грязными желаниями, испытываемыми плотью, которую носит в данный момент этот человек? Так вот, уверяю вас, сделать это невозможно.

– И взамен вы даёте выход эмоциям, общаясь с проститутками?

Усмешка вернулась на лицо Банкрофта.

– Не хочу сказать, что я горжусь собой, мистер Ковач. Но нельзя прожить так долго, не принимая себя в каждой грани, какой бы нелицеприятной она ни была. Продажные женщины были, есть и будут. Они удовлетворяют потребность рынка и получают соответствующее вознаграждение. А я таким образом очищаюсь.

– Ваша жена знает об этом?

– Разумеется. И уже в течение долгого времени. Оуму сообщила, что вы в курсе случившегося с Лейлой Бегин. С тех пор Мириам здорово поостыла. Уверен, у неё самой тоже есть приключения.

– Насколько вы в этом уверены?

Банкрофт нетерпеливо махнул рукой.

– Разве это имеет значение? Я не слежу за каждым шагом своей жены, если вас это интересует, но я её хорошо знаю. У неё, как и у меня, есть аппетит, и она должна его удовлетворять.

– И вас это несколько не беспокоит?

– Мистер Ковач, меня можно обвинить во многом, но только не в лицемерии. Это лишь зов плоти, и ничего больше. Мы с Мириам всё

прекрасно понимаем. А сейчас, поскольку этот разговор нас никуда не приведет, давайте, пожалуйста, вернёмся к делу. Помимо полной невинности Элиотта, что ещё у вас есть?

В один миг я принял решение, подсказанное инстинктом, находящимся за пределами сознания. Я покачал головой.

– Больше ничего.

– Но будет?

– Да. Ортегу можно списать на оболочку Райкера, однако остается Кадмин. Кадмин охотился не за Райкером. Ему был нужен именно я. Тут что-то есть.

Банкрофт удовлетворённо кивнул.

– Вы собираетесь поговорить с Кадминым?

– Если позволит Ортега.

– Что вы хотите сказать?

– Я хочу сказать, что полиция изучит съёмки со спутников, имеющих отношение к тому, что произошло в Окленде сегодня утром. То есть, скорее всего, ей удастся идентифицировать меня с человеком, выходявшим из клиники. Наверняка в этот момент что-то висело в небе. Не думаю, что в этом случае Ортега будет расположена помогать.

Банкрофт позволил себе ещё одну сдержанную усмешку.

– Вы очень проникательны, мистер Ковач. Но вам нечего опасаться с этой стороны. Клиника «Вей» – то небольшое, что вы от неё оставили, – упорно не желает предоставлять ленты внутренних видеосъёмок и не собирается никого ни в чем обвинять. Она боится предстоящего расследования больше вас. Конечно, остается открытым вопрос, не попытается ли клиника свести с вами счеты лично.

– Ну а заведение Джерри?

Пожатие плечами.

– То же самое. После смерти владельца на первый план вышел коммерческий интерес.

– Очень мило.

– Рад, что вы это оценили. – Банкрофт встал. – Как я уже сказал, утро выдалось очень загруженным, и переговоры ни в коей мере нельзя считать завершившимися. Я буду очень признателен, если в будущем вы несколько умерите свои опустошительные налёты. Они обходятся весьма недёшево.

Поднявшись на ноги, я на мгновение увидел в подсознании отблески пожаров Инненина, услышал предсмертные крики, и вдруг изящный экивок Банкрофта показался мне тошнотворно-гротескным, напоминающим антисептические слова из отчётов генерала Макинтайра о

потерях: «...оправданная цена за овладение побережьем Инненина...» Подобно Банкрофту, Макинтайр был человеком могущественным. А когда могущественные люди говорят об оправданных ценах, можно быть уверенным только в одном: платить будет кто-то другой.

Глава семнадцатая

Полицейский участок на Фелл-стрит располагался в непритязательном здании, выстроенном в стиле, как я предположил, марсианского барокко. Трудно определить, проектировалось ли оно с самого начала под участок, или же его переоборудовали впоследствии. Сооружение могло бы быть настоящей крепостью. В облицованных красным гранитом стенах были проделаны высокие узкие амбразуры. Окна с тонированными стёклами защищали неприметные утолщения с генераторов силовых полей. Шероховатая поверхность стен в свете утреннего солнца алела кровью. Я так и не смог прийти к заключению: ступени, ведущие к входу под аркой, специально сделаны неровными или они стёрлись от времени.

Как только я вошёл внутрь, меня тотчас же охватило странное спокойствие. Решив, что это инфразвук, я окинул взглядом отбросы человеческого общества, покорно ждущие на скамейках. Если это были арестованные подозреваемые, то вели они себя на удивление невозмутимо. Сомневаюсь, что подобное поведение объясняется воздействием безмятежных росписей на стенах. Я пересёк разноцветную полосу света, падающую из окна, прошёл мимо небольших групп людей, беседующих на пониженных тонах, более подходящих библиотеке, нежели правоохранительному учреждению, и приблизился к столику дежурного. Увидев меня, дежурный сержант мило заморгал – по-видимому, инфразвук действовал и на него.

– Мне нужна лейтенант Ортега, – сообщил я. – Из отдела органических повреждений.

– Как вас представить?

– Передайте, её спрашивает Элиас Райкер.

Краем глаза я заметил, что другой полицейский при звуках этого имени вздрогнул, но промолчал. Дежурный сержант, поговорив по телефону, выслушал ответ и повернулся ко мне.

– Сейчас она кого-нибудь пришлет. Вы вооружены?

Кивнув, я сунул руку во внутренний карман куртки, чтобы достать «Немекс».

– Пожалуйста, передавайте оружие осторожно, – благожелательно улыбнувшись, добавил сержант. – Программное обеспечение системы безопасности очень чувствительное, и если вы сделаете резкое движение, вас оглушат.

Перемещая руку с черепашьей скоростью, я достал «Немекс» и положил его на стол, затем отстегнул от руки нож «Теббит». Когда я закончил, дежурный сержант блаженно улыбнулся.

– Благодарю вас. Оружие будет возвращено при выходе из здания.

Не успел он договорить фразу, как из двери в дальнем углу зала появились двое подручных Ортеги и быстрым шагом направились к столу. Их лица искажало одинаково яростное выражение. Судя по всему, за такое короткое время инфразвук ещё не успел на них подействовать.

«Ирокезы» шагнули ко мне, намереваясь схватить за руки.

– Не надо, – предупредил я.

– Эй, послушайте, этот человек не арестован, – вмешался дежурный сержант.

Один из полицейских, бросив на него взгляд, презрительно фыркнул. Другой молчал и смотрел на меня так, будто давно не ел сырого мяса. Я безмятежно улыбнулся. После встречи с Банкрофтом я вернулся в «Хендрикс» и проспал почти двадцать часов подряд. Я отдохнул, находился на нейрохимическом взводе и испытывал сердечную неприязнь к представителям власти, которой гордилась бы сама Куэлл.

Наверное, это было заметно. «Ирокезы» отказались от попыток обыска, и мы втроём поднялись на четвёртый этаж, в тишине, нарушаемой только поскрипыванием древнего лифта.

Кабинет Ортеги был с одним из тех высоких узких окон – точнее, его нижней половиной, отсечённой потолком. По-видимому, оставшаяся часть была в помещении сверху и выглядела там, как взмывающая ракета. Наконец я увидел признаки того, что здание было перестроено. На остальных стенах-экранах кабинета отображался тропический закат над морем и островами. Сочетание тонированного стекла окна и заката наполняло кабинет мягким оранжевым светом, в котором виднелись кружащие пылинки.

Лейтенант сидела за массивным деревянным столом, словно зверь в клетке. Поставив подбородок на руку, с силой прижавшись голенью и коленом к краю стола, она изучала данные на экране допотопного переносного компьютера. Помимо компьютера, на необъятном столе были лишь выдавший виды крупнокалиберный «Смит-Вессон» да пластиковый стаканчик кофе с нетронутой нагревательной полоской. При нашем появлении Ортега подняла голову и кивком отпустила сотрудников.

– Присаживайтесь, Ковач.

Оглянувшись по сторонам, я увидел у окна стул и придвинул его к письменному столу. Вечерний свет, заливавший кабинет, сильно меня

смущал.

– Вы часто работаете в ночную смену?

Ортега сверкнула глазами.

– Это ещё что за шутка?

– Да ничего такого. – Я развёл руками, указывая на предзакатные сумерки. – Просто подумал, что вы поэтому так настроили стены. Знаете, на дворе десять часов утра.

– А, вот оно что, – проворчала Ортега, пробегая взглядом по изображению на стенах. Определить в свете тропического заката было трудно, но я решил, что глаза у неё серо-зелёные, как море рядом с водоворотом.

– Просто оборудование рассинхронизировалось. Управление полиции в Эль-Пасо по дешевке приобрело устройство имитации окружающей среды. Время от времени оно выкидывает подобные фокусы.

– Нелегко вам приходится.

– Да, иногда я его отключаю, но неоновые полосы... – Она вдруг резко вскинула голову. – Что со мной, мать твою? Ковач, вы отдаете себе отчёт, насколько сейчас близки к тому, чтобы отправиться на хранение?

Сблизив большой и указательный пальцы, я посмотрел на Ортегу сквозь щёлочку.

– Насколько я слышал, от этого меня отделяют только показания клиники «Вей».

– Не волнуйтесь, мы сможем обойтись и без них. Вчера утром в семь часов сорок три минуты вы вышли из дверей клиники – это зафиксировали спутники наблюдения.

Я молча пожал плечами.

– И не думайте, что ваш дружок маф сможет до бесконечности вас покрывать. Водитель лимузина клиники «Вей» рассказывает интересные вещи об угоне его машины и настоящих смертях. Быть может, он и про вас что-нибудь скажет.

– Вы конфисковали лимузин? – небрежным тоном спросил я. – Или клиника потребовала вернуть его до того, как вы успели провести тесты?

Рот Ортеги превратился в тонкую полоску. Я кивнул.

– Так я и думал. А водитель, полагаю, не скажет ни слова до тех пор, пока его не ткнет клиника.

– Послушай, Ковач. Я буду давить и давить, и рано или поздно что-нибудь треснет. Это лишь вопрос времени, ублюдок. Вбей себе в голову.

– Завидное упорство, – заметил я. – Какая жалость, что вы не подошли с ним к делу Банкрофта.

– Нет никакого дела Банкрофта, мать твою!

Вскочив на ноги, Ортега с силой ударила ладонями по столу, щурясь от бешенства и отвращения. Я ждал с натянутыми до предела нервами. Интересно, а не случаются ли в управлении полиции Бей-Сити с подозреваемыми разного рода травмы, как это происходит в некоторых других правоохранительных учреждениях, где мне довелось побывать? В конце концов лейтенант шумно выдохнула и медленно, расслабляя сустав за суставом, опустилась в кресло. Гнев схлынул с лица, но отвращение осталось, задержавшись в тонких складках у глаз и в поджатых полных губах. Ортега посмотрела на свои ногти.

– Вам известно, что мы нашли вчера в клинике «Вей»?

– Человеческие органы, предназначенные для поставки на чёрный рынок? Программы виртуальных пыток? Или вам не дали побыть там достаточно долго?

– Мы обнаружили в клинике семнадцать трупов с сожжённой памятью больших полушарий. Все эти люди были безоружны. Семнадцать убитых, умерших настоящей смертью.

Она снова посмотрела на меня. Выражение отвращения не исчезало.

– Извините за то, что я никак не отреагировал на ваши слова, – холодно произнес я. – Когда я носил форму, мне довелось видеть кое-что и похуже. Точнее, я сам совершал гораздо более страшные поступки, когда воевал от имени Протектората.

– Это была война.

– О, пожалуйста, не надо!

Ортега помолчала. Я нагнулся к ней.

– И не говорите, что вы переживаете из-за этих семнадцати человек. – Я указал на свое лицо. – Вот что вас беспокоит. Вы боитесь, как бы кто-нибудь не порезал вот это.

Ортега помолчала, погружённая в размышления, затем выдвинула ящик стола и достала пачку сигарет. Она машинально предложила и мне, но я, сделав над собой усилие, решительно покачал головой.

– Я бросил.

– Вот как? – В голосе Ортеги прозвучало искреннее удивление. Достав сигарету, она закурила. – Очень хорошо. Я приятно удивлена.

– Да, Райкер тоже будет рад, когда вернётся с хранения.

Ортега посмотрела сквозь облако дыма, затем, бросив пачку в ящик, с силой задвинула его ладонью.

– Что вы хотите? – уже спокойным тоном спросила она.

Склад предварительного задержания находился пятью этажами ниже, в подвале, где проще поддерживать постоянную температуру. По сравнению с центром хранения психической информации он напоминал общественную уборную.

– Не вижу, какой от этого может быть толк, – заметила Ортега, пока мы шли за зевающим сотрудником склада вдоль стальных стеллажей к ячейке номер 30896. – Что сможет рассказать вам Кадмин такого, о чем он ещё не говорил?

– Посмотрим.

Остановившись, я обернулся к ней, разведя руки. В узком проходе между стеллажами мы оказались неуютно близки. Произошло какая-то химия, и в геометрии позы Ортеги внезапно появилось что-то жидкое, что-то опасно тактильное. Я почувствовал, как у меня пересыхает во рту.

– Я... – начала было она.

– Номер 30896, – окликнул нас сотрудник, извлекая из ячейки большой тридцатисантиметровый диск. – Это то, что вам нужно, лейтенант?

Ортега поспешила к нему.

– Да, оно самое, Мики. Можешь устроить виртуалку?

– Разумеется. – Мики ткнул большим пальцем в сторону одной из спиральных лестниц, которые через равные промежутки разрывали ряды стеллажей. – Поднимитесь в пятую кабинку и подцепляйте электроды. Надо подождать минут пять.

– Суть дела в том, – сказал я, когда мы загремели по металлическим ступеням, – что вы из полиции. Кадмин вас знает, он постоянно натёкался на вас в течение своей профессиональной жизни. Это является частью того, чем он занимается. Я же ему незнаком. Если он не покидал пределы Солнечной системы, высока вероятность, что ему не приходилось встречаться с посланником. А там, где я побывал, о Корпусе рассказывают страшные истории.

Обернувшись, Ортега скептически посмотрела на меня.

– Вы собираетесь его запугать? Дмитрия Кадмина? Не думаю, что у вас что-либо получится.

– Он будет выведен из равновесия, а в таком состоянии люди непроизвольно выбалтывают разные вещи. Не забывайте, этот тип выполнял заказ человека, желающего моей смерти. И этот человек боится меня до смерти. По крайней мере так выглядит со стороны. Возможно, какая-то часть страха передалась и Кадмину.

– И это должно убедить меня, что Банкрофта всё-таки убили?

– Ортега, не имеет никакого значения, верите ли вы в это или нет. Мы

уже всё выяснили. Вы хотите, чтобы оболочка Райкера как можно быстрее вернулась в целостности и сохранности в резервуар, подальше от опасности. Чем скорее мы выясним обстоятельства смерти Банкрофта, тем быстрее это произойдет. И я с гораздо меньшей вероятностью получу существенные органические повреждения, если не буду бродить на ощупь в темноте. То есть если вы мне поможете. Вы ведь не хотите, чтобы после следующей перестрелки эту оболочку пришлось списать в утиль?

– После следующей перестрелки?

Потребовалось почти полчаса жарких споров, чтобы вколотить в Ортегу осознание наших новых отношений, пока полицейский у неё в душе не сдался окончательно.

– Я имел в виду то, что произошло в «Хендриксе», – поспешно сымпровизировал я, проклиная химические последствия близкого контакта с Ортегой, подорвавшие моё внутреннее равновесие. – Если помните, тогда я получил несколько хороших ссадин. А могло бы быть значительно хуже.

Она окинула меня долгим взглядом через плечо.

Система виртуального допроса размещалась в нескольких кабинках в глубине подвального этажа. Мики уложил нас с Ортегой на выдавшие виды автоподстраивающиеся кушетки, медленно реагирующие на наши тела, подсоединил электроды и гипнофоны и наконец включил питание, проведя по двум панелям управления движением профессионального пианиста. Затем он уставился на заморгавшие экраны.

– Все каналы забиты, – выругался Мики через некоторое время, с отвращением откашливаясь. – Поставщики впихали нам какое-то мудрёное оборудование для проведения виртуальных совещаний, и теперь оно перегружает систему. Придётся подождать, пока кто-нибудь не освободит нам место. – Он посмотрел на Ортегу. – Эй, а это случайно не имеет отношения к делу Мери-Лу Хинчли?

– Угадал. – Ортега посмотрела на меня, приглашая присоединиться к разговору. Возможно, в качестве доказательства наших новых отношений. – В прошлом году береговая охрана выудила из моря одну девочку. Мери-Лу Хинчли. От тела почти ничего не осталось, но память полушарий удалось спасти. Её поставили на вертушку, и знаете, что выяснилось?

– Католичка?

– В самую точку. Метод «полной абсорбции» в работе? Да, первым делом появляется сообщение: «Перезагрузка запрещается по соображениям вероисповедания». Обычно подобные дела на этом и заканчиваются, но Эли... – Ортега осеклась. Сделала паузу. Начала заново. – Следовательно, занимавшийся этим делом, решил копнуть глубже. Семейство Хинчли

жило по соседству с ним, он знал девочку. Не так чтобы очень хорошо. – Она пожала плечами. – В общем, он не остановился.

– Похвальное упорство. Это был Элиас Райкер?

Ортега кивнула.

– Он целый месяц приставал к специалистам из криминалистической лаборатории. В конце концов тем удалось найти какие-то доказательства того, что тело выброшено из аэрокара. Отдел органических повреждений тоже провёл расследование и установил, что обращение в католицизм состоялось меньше чем за десять месяцев до смерти. Причем у Мери-Лу был дружок, закоснелый католик, но при этом специалист по информационным технологиям, который мог запросто подделать обет. Родители девушки, хотя формально и христиане, католиками не являются. Семья весьма состоятельная, у них целый шкаф оцифрованных предков, которых они ставят на проигрыватель по торжественным семейным датам. Наш отдел почти целый год вёл с ними виртуальные переговоры.

– Удар по резолюции номер 653, да?

– Точно.

Мы умолкли, уставившись в потолок над кушетками. Кабинка была выдута из одного комка полимерных волокон, словно мыльный пузырь; потом в ней прорезали лазером отверстия для дверей и окон и эпоксидным клеем приклеили отделку. На выгнувшемся дугой сером потолке не было ничего достойного внимания.

– Ортега, скажите мне вот что, – через какое-то время спросил я. – Тот «хвост», которого вы прикрепили во вторник, когда я отправился по магазинам, почему он оказался настолько хуже остальных? Его заметил бы и слепой.

Она ответила не сразу. Наконец неохотно отозвалась:

– Всё, что у нас было на тот момент. После того как вы выбросили одежду, надо было действовать очень быстро.

– Одежда. – Я зажмурился. – Ну конечно же! Вы поместили костюм? Всё так просто?

– Да.

Я вытащил из памяти первую встречу с Ортегой. Отделение загрузки управления исправительных учреждений, полет к вилле «Закат». Ускоренно прокрутил воспоминания вперед. Вот мы стоим на залитой солнцем лужайке рядом с Мириам Банкрофт. Ортега садится в аэрокар...

– Есть! – Я щёлкнул пальцами. – На прощание вы хлопнули меня по плечу. Не могу поверить, что я был настолько глуп.

– Передающий маячок, закрепленный с помощью клея на основе

энзимов, – рассеянно подтвердила Ортега. – Размером с глаз мухи. Как мы предполагали, осенью вы не расстанетесь с пиджаком. Разумеется, когда вы выбросили одежду в мусорный контейнер, мы решили, что вы нас засекли.

– Нет. Вы мне льстите.

– Так, готово, – внезапно объявил Мики. – Дамы и господа, держитесь крепче, мы уже в трубе.

Погружение оказалось гораздо более грубым, чем я ожидал от правительственного учреждения, но не хуже виртуальных допросов, через которые мне пришлось пройти по постановлению суда на Харлане. Сначала гипноз, пульсирующие сонокоды, и вот унылый серый потолок резко озарился пестрыми мазками яркого света, а смысл покинул вселенную, подобно грязной воде, вытекающей в раковину. И я очутился...

Где-то в другом месте.

Оно простиралось вокруг, убегая от взора во всех направлениях, похожее на увеличенную до гигантских масштабов винтовую лестницу, по которой мы поднялись из подвала хранилища. Серо-стальное, каждые несколько метров утыканное какими-то вздутиями, похожими на соски, оно уходило в бесконечность. Небо над нами было таким же серым, лишь чуть светлее, с мечущимися облаками, смутно напоминающими решётки и древние замки. Отличный психологический прием, правда, современные преступники знали, как выглядит замок, разве что благодаря памяти поколений.

Передо мной из пола мягко вырисовывалась серая мебель, подобная скульптуре из ртути. Сначала простой металлический стол, затем два стула рядом и ещё один напротив. Края и поверхности оставались жидкогладкими, пока появлялись, и потом резко приобрели чёткие геометрические формы, отделившись от пола.

Рядом появилась Ортега – сначала бледный карандашный набросок женщины, дрожащие контуры и неуверенные тона. На глазах по её телу разлились пастельные цвета, движения стали более оформленными. Ортега повернулась ко мне, сунув руку в карман куртки. Я подождал, пока её образ окончательно не наполнится красками. Она достала из кармана пачку сигарет.

– Закурим?

– Нет, спасибо, я...

Только тут до меня дошло, насколько глупо беспокоиться о здоровье виртуального изображения. Взяв у Ортеги пачку, я вытряс одну сигарету. Ортега дала прикурить от своей допотопной бензиновой зажигалки, и первый глоток дыма, обжёгший лёгкие, оказался просто блаженством.

Я посмотрел на геометрически правильные узоры на небе.

– Это стандартная процедура?

– Более или менее. – Прищурившись, Ортега устремила взор вдаль. – Правда, разрешение чуть выше обычного. Кажется, Мики решил повыпендриваться.

За столом напротив появился Кадмин. Он узнал о нашем присутствии ещё до того, как виртуальная программа успела полностью раскрасить его. Кадмин вызывающе скрестил руки на груди. Если моё присутствие в комнате допросов и вывело его из равновесия, как мы рассчитывали, внешне это никак не проявилось.

– Лейтенант, это опять вы? – недовольно пробурчал Кадмин, когда программа создала его образ целиком. – Вам ведь известно, что резолюция ООН ограничивает максимальное время виртуальных допросов на одно задержание.

– Известно, но до разрешенного предела нам ещё очень далеко, – заверила его Ортега. – Кадмин, ты не хочешь присесть?

– Нет, благодарю вас.

– Я сказала – садись, мать твою!

В голосе лейтенанта прозвучали стальные нотки, и образ Кадмина, словно по волшебству, заморгав, исчез и появился уже сидящим за столом. У него на лице мелькнула мимолетная ярость, вызванная столь бесцеремонным перемещением, но тотчас же исчезла. Кадмин снова насмешливо скрестил руки на груди.

– Вы правы, так гораздо удобнее. Не желаете присоединиться?

Мы заняли места более традиционным способом. Я не отрывал взгляда от Кадмина. Мне впервые приходилось видеть нечто подобное.

Это был настоящий Лоскутный человек.

Большинство виртуальных систем создает образ человека по тем представлениям, которые хранятся у него в памяти. Затем запускается подпрограмма проверки подсознания, не позволяющая заблуждениям вылиться во что-то существенное. Так, например, я выхожу чуть более высоким и худощавым, чем на самом деле. Но в данном случае система, похоже, перерыла мириады различных представлений о себе, сложившихся у Кадмина за время общения с бесчисленными оболочками. Мне доводилось видеть что-то похожее, но только как демонстрацию возможностей программы. Как правило, человек быстро привыкает к оболочке, в которой живёт в настоящий момент, и это стирает воспоминания о предыдущих воплощениях. Мы все, в конце концов, часть физического мира.

Однако человек, находившийся передо мной, выглядел по-другому. У него было тело европейца-северянина, выше моей нынешней оболочки сантиметров на тридцать, но лицо составили из выбранных в случайном порядке разрозненных чёрт. Основа была негроидной – широкие скулы цвета чёрного дерева, но под глазами окраска кожи заметно светлела, образуя подобие маски, разделенной линией носа: бледно-медная – слева, безжизненно белая – справа. Нос, одновременно мясистый и орлиный, устроился точно посередине, между верхней и нижней половинами лица. Правая и левая стороны губ разительно отличались друг от друга, отчего рот в целом казался перекошенным. Длинные прямые черные волосы, зачесанные назад, на одном виске белели абсолютно бесцветной прядью. Руки, неподвижно лежащие на металлическом столе, оканчивались когтями, похожими на те, что я видел у драчуна-верзилы в «Городе утех», но пальцы были длинными и изящными. У Кадмина был пышный женский бюст, никак не вязавшийся с мускулистым мужским торсом. Поразительно зелёные глаза смотрели из глубоких глазниц. Кадмин освободился от обыденных представлений о физической плоти. В прежние времена он был бы шаманом; сейчас, в век новых технологий, он стал чем-то более значительным. Электронным демоном, злым духом, поселившимся в видоизмененном углероде и появляющимся для того, чтобы овладевать плотью и сеять хаос.

Из Кадмина получился бы отличный посланник.

– Надеюсь, мне не нужно представляться, – тихо произнес я.

Кадмин ухмыльнулся, обнажая маленькие зубки и аккуратный тонкий язычок.

– Если вы приятель лейтенанта, здесь предстоит заниматься только тем, что вам нравится. Виртуальность редактируется только у грубиянов.

– Кадмин, тебе знаком этот человек? – спросила Ортега.

– Надеетесь вытянуть из меня признание, лейтенант? – откинув голову, Кадмин мелодично рассмеялся. – О, как непродуманно! Это мужчина? А может быть, это женщина? Даже собаку можно научить говорить такие слова, если, конечно, использовать нужные транквилизаторы. К сожалению, в том случае, когда собака не оправдывает надежд и от неё избавляются, она, как правило, сходит с ума. Да, это может быть и собака. Вот мы, трое, сидим тут, три силуэта из электронной измороси, и вы говорите, словно персонаж дешёвой исторической драмы. У вас ограниченное представление об окружающем мире, лейтенант. Очень ограниченное. Где тот, кто сказал, что видоизмененный углерод освободит нас от клеток нашего тела? Где тот, кто сказал, что мы станем ангелами?

– Вот ты нам всё и объяснишь, Кадмин. У тебя в таких вещах большой профессиональный опыт, – рассеянно произнесла Ортега.

Вызванная виртуальной системой, у неё в руках, словно по волшебству, появилась длинная скрученная распечатка. Ортега лениво пробежала её взглядом.

– Посредник, боевик на службе триад, специалист по виртуальным допросам в корпоративных войнах – высококачественная работа. А я просто тупая полицейская, неспособная отличить свет от тени.

– Тут я с вами спорить не буду, лейтенант.

– Здесь написано, что ты трудился на концерн, производивший археологические раскопки на Большом Сырте. В твои обязанности входило запугивание мелких старателей, чтобы те отказывались от заявок на разработку участков. В качестве доводов ты вырезал их целыми семьями. Отличная работёнка. – Ортега отшвырнула распечатку, и та исчезла, растворившись на периферии виртуального образа. – Но сейчас мы взяли тебя тёпленьким, Кадмин. Цифровая информация системы внутреннего наблюдения отеля, документально подтвержденное одновременное ношение нескольких оболочек, обе памяти полушарий сейчас на хранении. Подобное наказывается стиранием. И даже если адвокатам удастся свести всё к непредумышленному злоупотреблению сбоем компьютера, к тому времени, как тебя выпустят из холодильника, Солнце превратится в красный карлик.

Кадмин улыбнулся.

– В таком случае зачем вы вытащили меня сюда?

– Кто тебя послал? – тихо спросил я.

– Собака заговорила!

Волка ли я слышу, заявляющего о своем гордом одиночестве
Воем, возносящимся к неизведанным звездам,
Или же это услужливое самомнение,
Звучащее в лае собаки?
Сколько тысячелетий пришлось
Мучить и терзать первого,
Чтобы отнять у него чувство собственного достоинства
И превратить в орудие,
Во второе?

Втянув дым, я кивнул. Подобно большинству обитателей Харлана, я более или менее знал наизусть «Стихи и прочие кривотолки» Куэлл. Они

преподавались в школе вместо её более поздних и более весомых политических работ. (Большинство из них до сих пор считаются слишком радикальными для детей.) Перевод был отвратительный, но суть передавал правильно. Однако гораздо больше меня поразило то, что человек, не бывавший на Харлане, цитирует это мало кому известное произведение.

Я закончил стихотворение за Кадмина:

– «И как измерить расстояние от души до души? И кого винить в случившемся?»

– Вы пришли сюда, чтобы искать виновных, мистер Ковач?

– В том числе и для этого.

– Какая жалость.

– Ты ждал чего-то другого?

– Нет, – снова улыбнулся Кадмин. – Ожидание – наша первая ошибка.

Я хотел сказать, какая жалость для вас.

– Возможно.

Он покачал огромной пегой головой.

– Можете не сомневаться. От меня вы не услышите никаких имен.

Если вы хотите непременно найти виновных, полагаю, отдуваться придётся мне.

– Ты очень великодушен, но, наверное, забыл, что говорила Куэлл о «шестёрках».

– «Убивай их, не раздумывая. Но считай пули, ибо есть более достойные цели». – Кадмин фыркнул. – Вы угрожаете задержанному в здании полицейского управления, где записывается каждое произнесённое слово?

– Нет. Просто хочу, чтобы ты взглянул на вещи в перспективе. – Я стряхнул с сигареты пепел и посмотрел, как он погас, превратившись в ничто ещё до того, как долетел до пола. – Ты только марионетка; за нитки дёргает кто-то другой. Вот этого человека я и хочу уничтожить. Ты – ничтожество. На тебя я не стал бы тратить даже плевок.

Кадмин откинул голову назад. По мерцающим линиям в небе пробежала дрожь, подобная молнии, изображённой художником-кубистом. Отразившись в тусклом блеске металлического стола, она, казалось, на мгновение прикоснулась к пальцам Кадмина. Когда он поднял на меня голову, в его глазах светилось любопытство.

– Меня попросили убить тебя только в крайнем случае, если похитить по какой-то причине не удастся, – равнодушно произнес он. – Но теперь я тебя обязательно убью.

Ортега набросилась на Кадмина, не успев последний слог слететь с его

языка. Стол, подёрнувшись рябью, исчез. Ударом ноги, обутой в высокий ботинок, лейтенант свалила Кадмина со стула на пол. Тот перекатился набок и попытался подняться, но тот же самый ботинок попал ему в подбородок, снова отправляя на пол. Проведя языком по почти затянувшимся порезам на губах, я поймал себя на том, что не испытываю к Кадмину ни капли сочувствия.

Схватив Кадмина за волосы, Ортега приподняла голову. Благодаря тому же самому волшебству виртуальной системы, которая отправила в небытие стол, сигарета у неё в руке сменилась увесистой дубинкой.

– Я не ослышалась? – прошипела лейтенант. – Ты начинаешь нам угрожать, долбаный козёл?

– Жестокое обращение с подследственным...

– Ты совершенно прав, мать твою. – Ортега с силой ударила Кадмина дубинкой по скуле, рассекая кожу. – Жестокое обращение с подследственным в созданной полицией виртуальности, зафиксированное системами наблюдения. Правозащитники поднимут страшный шум, не так ли? Вот только знаешь что? Почему-то мне кажется, что эту ленту твои адвокаты постараются не трогать.

– Оставьте его в покое, Ортега.

Опомнившись, лейтенант отошла назад. У неё было перекошенное от злости лицо: она шумно вздохнула. Между нами и Кадминым, поморгав, снова появился стол; Кадмин уже сидел за ним без каких-либо следов побоев на лице.

– И ты тоже можешь считать себя трупом, – тихо произнес он.

– Да, не сомневаюсь. – В голосе Ортеги прозвучало презрение, по меньшей мере наполовину обращенное к ней самой. Постаравшись успокоить дыхание, она одёрнула куртку, хотя в этом и не было необходимости. – Как я уже говорила, к тому времени, когда у тебя появится такая возможность, в аду станет холодно. Впрочем, быть может, я тебя подожду.

– Неужели тот, кто тебя прислал, Кадмин, стоит всего этого? Ты молчишь, храня верность клиенту, или просто наложил в штаны от страха?

Вместо ответа Лоскутный человек скрестил руки на груди и посмотрел на меня так, будто я был пустым местом.

– Ковач, вы закончили? – спросила Ортега.

Я попытался встретиться глазами с устремлённым вдаль взглядом Кадмина.

– Кадмин, я работаю на очень влиятельного человека. Возможно, это твоя последняя надежда о чем-то договориться.

Ничего. Он даже не моргнул. Я пожал плечами.

– Тогда всё.

– Хорошо, – мрачно произнесла Ортега. – Потому что пребывание в обществе этого куса дерьма начинает действовать на мою обычно очень терпимую натуру. – Она помахала рукой у Кадмина перед носом. – До встречи, долбаный козёл.

Кадмин повернулся к ней, и его рот исказила едва заметная, но очень неприятная ухмылка. Мы вышли.

Мы вернулись на четвёртый этаж. Стены кабинета Ортеги были покрыты ослепительными отблесками белого песка под высоким полуденным солнцем. Я невольно зажмурился, спасаясь от яркого света, а Ортега, пошарив в ящике письменного стола, достала две пары солнцезащитных очков.

– Ну и что вы узнали?

Я поправил очки на переносице. Они были неудобными, оправка слишком маленькая.

– Почти ничего, если не считать, что у Кадмина не было приказа убивать. Кто-то хотел просто поговорить. Вообще-то я и сам дошёл до этого. Ведь в противном случае Кадмин спалил бы мою память полушарий в вестибюле «Хендрикса». То есть это означает, что кто-то хотел о чем-то со мной договориться в обход Банкрофта.

– Или кто-то хотел допросить вас с пристрастием.

Я покачал головой.

– О чём? Я только что прибыл на Землю. Это не имеет смысла.

– А если это связано с Корпусом чрезвычайных посланников? Какой-нибудь давнишний должок? – Ортега помахивала рукой, словно выдавая различные предположения. – Кто-то имеет на вас зуб?

– Нет. Через это мы прошли, ещё когда орали друг на друга у меня в номере. Есть люди, которые с радостью расправились бы со мной, но никто из них не живёт на Земле. И ни у кого нет такого влияния, чтобы выйти за пределы своей системы. А насчет Корпуса я не могу сказать ничего, чего бы не нашлось в открытых архивах. Это было бы чересчур большим совпадением. Нет, всё дело в Банкрофте. Кто-то хотел принять участие в представлении.

– Тот, кто его убил?

Опустив голову, я посмотрел на Ортегу поверх тёмных стёкол.

– Значит, вы мне верите.

– Не совсем.

– Ну же, бросьте!

Но Ортега меня не слушала.

– Я хочу узнать, – задумчиво промолвила она, – почему Кадмин в конце концов переменял свою линию. Понимаете, с тех пор, как его загрузили в воскресенье вечером, мы мурыжили его раз десять. И он впервые хотя бы косвенно подтвердил, что в тот вечер был в «Хендриксе».

– Кадмин не признался в этом даже своим адвокатам?

– Мы не знаем, о чем он с ними говорил. Его интересы представляют крупные акулы из Улан-Батора и Нью-Йорка. Заоблачные гонорары. Приносят на каждую встречу с клиентом устройство постановки помех. На лентах системы наблюдения один шум.

Я удивлённо поднял брови. На Харлане виртуальные юридические процедуры обязательно отслеживаются. Устройства для помех не разрешается использовать никому, сколько бы денег ни стояло за этим человеком.

– Кстати, раз уж речь зашла об адвокатах Кадмина – они здесь, в Бей-Сити?

– Вы хотите сказать, физически? Да, они занимаются делами округа Марин. Один из партнёров фирмы взял напрокат оболочку. – Ортега презрительно скривила губы. – В наши дни физическая встреча считается показателем класса. Лишь мелкие конторы ведут дела по проводам.

– И как зовут этот «костюм»?

Последовала короткая пауза, она не выдавала имя.

– Сейчас для нас главное – Кадмин. Не уверена, можем ли мы пойти так далеко.

– Ортега, мы пойдем до самого конца. Мы об этом договорились. В противном случае мне придётся вести расследование на свой страх и риск, подставляя прекрасное личико Элиаса под новые удары.

Ортега помолчала.

– Его фамилия Резерфорд, – наконец сказала она. – Вы хотите поговорить с ним?

– В настоящий момент я готов поговорить с кем угодно. Быть может, я выразился недостаточно ясно. Я иду по остывшему следу. Банкрофт тянул полтора месяца, прежде чем нанять частного следователя. Кадмин – всё, что у меня есть.

– Кийт Резерфорд – это пригоршня легкоплавкой смазки. От него вы добьётесь не больше, чем от Кадмина в подвале. К тому же как, чёрт побери, я должна вас представить, Ковач? «Привет, Кийт, это тот самый частный детектив, которого твой клиент пытался замочить в воскресенье.

Он хочет задать тебе пару вопросов». Да Резерфорд не скажет ни слова.

Тут она была права. Я помолчал и задумчиво уставился в море.

– Ну хорошо, – наконец медленно произнес я. – Мне нужно поговорить с ним лишь пару минут. А что если вы представите меня Элиасом Райкером, вашим напарником из отдела органических повреждений? В конце концов, я ведь и так почти он.

Сняв линзы, Ортега помолчала.

– Вы шутите?

– Нет. Ищу реальный подход. Резерфорд ведь из Улан-Батора, так?

– Из Нью-Йорка, – натянуто поправила Ортега.

– Ладно, из Нью-Йорка. Так он, скорее всего, до недавнего времени даже не слышал ни про вас, ни про Райкера.

– Весьма вероятно.

– Так в чем же проблема?

– А в том, Ковач, что мне это не нравится.

Опять наступила тишина. Уставившись в пол, я тяжело вздохнул, наполовину деланно, наполовину по-настоящему. Затем, в свою очередь сняв очки, я посмотрел на Ортегу. Её чувства отображались на лице, как на дисплее. Безотчётный страх перезагрузок и всё из него вытекающее; маниакальный материализм, судорожная вера в реальность тела, загнанная в угол.

– Ортега, – тихо произнес я, – я – это не он. Я не пытаюсь быть им...

– Да ты даже близко не можешь с ним сравниться! – отрезала она.

– Мы говорим только о перевоплощении на пару часов.

– И всё?

Она произнесла это голосом, твёрдым как сталь, и быстро надела очки, чтобы я не видел навернувшиеся на глаза слезы.

– Ладно, – кашлянув, заявила Ортега. – Представлю тебя Резерфорду. Не вижу в этом смысла, но я сделаю, как ты сказал. И что дальше?

– Трудно сказать. Мне придется импровизировать.

– Как это ты делал в клинике «Вей»?

Я небрежно пожал плечами.

– Методика чрезвычайных посланников определяется окружающей обстановкой. Я не могу реагировать на событие, пока оно не произошло.

– Ковач, я не хочу новой кровавой бойни. Это портит статистические отчёты нашего управления.

– Если и будет какое-то насилие, начну его не я.

– Гарантия хилая. Ты хоть представляешь, что именно будешь делать?

– Я буду говорить.

– Только говорить? – недоверчиво посмотрела на меня Ортега. – И всё?
Я водрузил на нос неудобные очки.
– Иногда этого достаточно.

Глава восемнадцатая

Первого адвоката я встретил, когда мне исполнилось пятнадцать. Это был тщедушный человечек, специалист по защите несовершеннолетних преступников. Он представлял мои интересы в суде, и весьма неплохо. Против меня выдвинули обвинение в нанесении незначительных органических повреждений сотруднику полиции Ньюпеста. Адвокат с недалёковидной терпеливостью добивался условного освобождения и одиннадцати минут принудительного виртуального психиатрического лечения. Когда мы вышли из зала суда, он взглянул на моё, судя по всему, самодовольное и наглое лицо и грустно кивнул, словно получив подтверждение худших опасений насчёт смысла жизни. После чего адвокат развернулся и ушёл, не сказав ни слова. Я сразу же забыл его фамилию.

Вскоре я попал в подростковую банду Ньюпеста, и подобные знакомства были полностью исключены. Члены банд прекрасно разбирались в компьютерной сети и писали собственные программы виртуального взлома или выменивали их у малолеток вдвое моложе на низкосортную виртуальную порнуху, скачанную из «паутины». Поймать их с поличным было непросто, и правоохранительные органы Ньюпеста предпочитали не трогать банды. Междоусобные войны были опутаны множеством строгих ритуалов и исключали участие посторонних. В тех редких случаях, когда разборки выплёскивались за пределы замкнутого мира банд и задевали простых граждан, следовали быстрые и жестокие карательные рейды. После этого парочка главарей оказывалась на хранении, а остальные члены банд получали хорошую взбучку. К счастью, я не успел подняться на вершину преступной иерархии, и меня на хранение не отправляли. Поэтому в следующий раз я попал в зал суда, когда разбиралось «Дело Инненина».

У адвокатов, которых я там увидел, с тем, который защищал меня в пятнадцать лет, общего было столько же, сколько у огня из автоматического оружия с громкими звуками, издаваемыми в туалете. Хладнокровные, профессионалы до мозга костей, они настолько высоко поднялись по служебной лестнице, что, несмотря на военную форму, не подходили к настоящей перестрелке ближе чем на тысячу километров. Они акулами носились по холодному мраморному полу суда, решая единственную проблему: как провести чёткую линию между войной (массовым убийством людей, одетых в мундиры чужой армии), оправданными

потерями (массовым убийством собственных солдат с существенной выгодой) и преступной неосторожностью (массовым убийством собственных солдат без ощутимой пользы). Я просидел в зале суда три недели, слушая, как адвокаты перемешивают доводы и факты в салат, и с каждым часом различия, в начале судебного разбирательства казавшиеся чёткими и ясными, становились всё более размытыми. Наверное, это говорит о том, что акулы прекрасно знали своё дело.

После такого слушание простых уголовных дел стало облегчением.

– Тебя что-то беспокоит? – спросила Ортега, искоса взглянув на меня.

Она опустила воздушный аппарат без опознавательных знаков на морскую гальку перед стеклянным фасадом конторы Прендергаста Санчеса, адвоката.

– Да так, просто задумался.

– Попробуй принять холодный душ и выпить спиртного. Мне помогает.

Кивнув, я протянул крохотную металлическую капельку, которую катал пальцами.

– Это законно?

Ортега отобрала капельку.

– Более или менее. Впрочем, жаловаться всё равно никто не будет.

– Замечательно. Теперь, для прикрытия, будет нужна твоя вступительная речь. Дальше я буду действовать сам. Ты говори, а я буду молча слушать. Начнём с этого.

– Отлично. Кстати, Райкер был таким же. Никогда не произносил два слова, если достаточно одного. А с преступниками – так вообще молча смотрел на них.

– Что-то в духе Мики Нозавы, да?

– Кого?

– Не важно.

Ортега перевела двигатели на холостой ход, и грохот гальки о днище затих. Я потянулся в кресле и откинул люк со своей стороны. Выбравшись из машины, я увидел мускулистого верзилу, решительно спускающегося по деревянным ступеням к нам. Он был в перчатках; в кобуре под мышкой болтался пистолет, словно выставленный напоказ. Наверняка это не адвокат.

– Спокойно, – вдруг произнесла Ортега. – Пока что мы действуем в рамках закона. Он нам ничего не сделает.

Спрыгнув с последней ступеньки, верзила мягко приземлился на пружинистые ноги. Ортега показала ему полицейский значок. Лицо

верзилы вытянулось от разочарования.

– Полиция Бей-Сити. Мы хотим встретиться с Резерфордом.

– Машину здесь ставить запрещено.

– А я уже поставила, – спокойно ответила Ортега. – Не будем заставлять мистера Резерфорда ждать.

Наступило натянутое молчание, но она правильно оценила верзилу. Недовольно пробурчав что-то под нос, он указал на лестницу и последовал за нами, держась на почтительном расстоянии. Взбираться пришлось довольно высоко, и я с удовлетворением отметил, что Ортега, в отличие от меня, запыхалась. Мы пересекли скромную веранду, отделанную деревом той же породы, что и лестница, и прошли через стеклянные раздвижные двери в приёмную, обставленную, как гостиная. На полу лежали ковры, расшитые теми же узорами, что и моя куртка, а на стенах висели картины эмфатистов. Для посетителей стояло пять кресел.

– Чем могу вам помочь?

А вот это уже адвокат, никаких сомнений. В приёмную вошла ухоженная блондинка в свободной юбке и жакете, вальяжно засунув руки в карманы.

– Полиция Бей-Сити. Где Резерфорд?

Женщина бросила взгляд на нашего сопровождающего и, получив подтверждающий кивок, не стала требовать удостоверений.

– Боюсь, Кийт в настоящий момент занят. Он на виртуальной связи с Нью-Йорком.

– Что ж, придется его побеспокоить, – с обманчивой мягкостью произнесла Ортега. – Передайте, что с ним хочет встретиться детектив, арестовавший его клиента. Не сомневаюсь, он будет заинтересован.

– Вероятно, вам придётся подождать.

– Не придётся.

Женщины на мгновение скрестили взгляды; адвокат отвернулась первой. Она кивнула верзиле; тот с разочарованным видом вышел.

– Я посмотрю, удастся ли мне что-либо сделать, – ледяным тоном произнесла адвокат. – Будьте любезны, подождите здесь.

Мы стали ждать. Ортега подошла к окну от потолка до пола и стала разглядывать пляж; я осмотрел картины. Среди них оказались весьма неплохие. Нас обоих, в разное время и в разных местах, научили, как вести себя там, где есть системы наблюдения. Поэтому за те десять минут, пока Резерфорда извлекали из кабинета виртуальной связи, мы не обмолвились ни словом.

– Добрый день, лейтенант Ортега.

Хорошо поставленный голос напомнил Миллера из клиники «Вей». Отвернувшись от картины, висящей над камином, я увидел, что и оболочки у них чем-то похожи. Быть может, у адвоката она была чуть постарше, чем у Миллера, с более резкими патриархальными чертами лица, призванными моментально пробуждать уважение как у судей, так и у подсудимых. Но в целом то же самое атлетическое телосложение и приятная внешность.

– Чем обязан этому неожиданному визиту? – продолжал Резерфорд. – Надеюсь, вы не собираетесь тратить моё время впустую.

Ортега пропустила замечание мимо ушей.

– Это сержант Элиас Райкер, – сказала она, кивнув на меня. – Мистер Резерфорд, ваш клиент только что признался в попытке насильственного похищения и создал угрозу нанесения органических повреждений первой степени перед монитором. Не желаете взглянуть на ленту?

– Нисколько. А вы не желаете объяснить, почему находитесь здесь?

Резерфорд знал свое дело. Он едва отреагировал на слова лейтенанта, и все же я краем глаза кое-что заметил. Мой разум нырнул в пике.

Ортега облокотилась на спинку кресла.

– Для адвоката, представляющего интересы человека, которому грозит стирание, вы на удивление лишены воображения.

Резерфорд театрально вздохнул.

– Вы оторвали меня от очень важного разговора. Полагаю, у вас есть что-то существенное.

– Вам известно, что такое ретроассоциативное соучастие третьих лиц? – спросил я, не отрывая взгляда от картины.

Обернувшись, я увидел, что полностью завладел вниманием Резерфорда.

– Неизвестно, – натянуто произнес он.

– А жаль, потому что если Кадмин откинется, вы и остальные компаньоны Прендергаста Санчеса окажетесь под огнём. И, разумеется, если такое произойдет, – я пожал плечами, – охота будет разрешена без ограничений. Впрочем, возможно, она уже началась.

– Так, достаточно. – Резерфорд решительно поднёс руку к передатчику, закрепленному на лацкане пиджака, чтобы вызвать наш эскорт. – У меня нет времени, чтобы играть в дурацкие игры. Законодательного акта с таким названием нет, а вы начинаете испытывать моё терпение.

Я повысил голос.

– Я просто хотел узнать, на чьей вы будете стороне, Резерфорд, когда станет жарко. Законодательный акт есть. Преступление, караемое законом Объединённых Наций. В последний раз в суде подобное обвинение

рассматривалось 4 мая 2207 года. Можете проверить сами. Мне пришлось долго копать, чтобы его найти, но в конце концов оно завалит вас всех. Кадмин это знает, поэтому и раскололся.

Резерфорд усмехнулся.

– Я так не думаю, детектив.

Я снова пожал плечами.

– И напрасно. Как я уже сказал, можете сами проверить. А потом решите, на чьей вы стороне. Нам понадобится помощь, и мы готовы за это платить. Если вы откажетесь, в Улан-Баторе полно юристов, которые за такую возможность пойдут на что угодно.

Усмешка едва заметно дрогнула.

– Вот и хорошо, подумайте на досуге. – Я кивнул в сторону Ортеги. – Вы найдете меня на Фелл-стрит, там же, где и лейтенанта. Элиас Райкер, связь с другими мирами. Обещаю вам, дело наклёвывается нешуточное, и обратного хода не будет.

Ортега подхватила мой намек так, будто занималась этим всю жизнь. Так подхватила бы его Сара. Оторвавшись от спинки кресла, она направилась к выходу.

– Ещё увидимся, Резерфорд, – лаконично бросила Ортега на прощание.

Мы вышли на веранду. Там нас ждал, скрестив руки на груди, ухмыляющийся верзила.

– А ты даже не думай об этом, – сказала Ортега.

Я ограничился тем, что кинул взгляд – такой, какой бы кинул на моём месте Элиас Райкер, – и стал спускаться следом за ней.

Когда мы вернулись в машину, Ортега включила экран и стала наблюдать за информацией, поступающей от жучка.

– Куда ты его спрятал?

– В картину над камином. В угол рамы.

– Ты же понимаешь, его сразу найдут, – буркнула Ортега. – К тому же суд всё равно не примет это в качестве доказательства.

– Знаю. Ты мне дважды говорила об этом. Главное другое. Если мы спугнули Резерфорда, он отреагирует немедленно.

– А ты полагаешь, мы его спугнули?

– Надеюсь.

– Так. – Ортега подозрительно посмотрела на меня. – А что такое это «ретроассоциативное соучастие третьих лиц», мать его?

– Понятия не имею. Я сам придумал.

Она удивлённо подняла брови.

– Не врешь?

– А ты клюнула, да? Знаешь, если бы меня, когда я это говорил, подключили к детектору лжи, я бы и его обманул. Метод посланников. Разумеется, Резерфорд быстро поймет, что его провели, но своё дело маленькая хитрость уже сделала.

– И какое же?

– Обеспечила поле деятельности. Ложь выводит противника из равновесия. Вынуждает действовать в непривычной обстановке. Резерфорд испугался, но когда я сказал о том, что Кадмин начнет говорить, он улыбнулся. – Я посмотрел через лобовое стекло машины на особняк, пытаюсь сформулировать словами сигналы интуиции. – Услышав мои слова, Резерфорд испытал огромное облегчение. Вряд ли при обычном раскладе он бы это показал, но блеф сбил его с толку. А то обстоятельство, что ему известно нечто такое, чего не знаю я, явилось лучом стабильности. Это значит, что Резерфорду известно другое объяснение того, что Кадмин якобы сменил свою линию поведения. Ему известна истинная причина.

Ортега одобрительно хмыкнула.

– Весьма неплохо, Ковач. Тебе следовало бы работать в полиции. Ты обратил внимание на реакцию Резерфорда, когда я сообщила новости о поступке Кадмина? Он нисколько не удивился.

– Да. Он ждал этого. Или чего-то подобного.

– Да. – Ортега помолчала. – И вот этим ты зарабатываешь себе на жизнь?

– Время от времени. Дипломатические миссии, выполнение тайных поручений. На самом деле...

Я умолк, получив локтем в ребро. На экране монитора, подобно клубку огненно-голубых змей, раскрывались зашифрованные сообщения.

– А вот и то, что нам нужно. Сеанс одновременной связи. Вероятно, Резерфорд общается с друзьями в виртуальном режиме, чтобы сэкономить время. Один, два, три – это в Нью-Йорк. Наверное, чтобы доложить своему руководству... Оп!

Экран, вспыхнув, погас.

– Кажется, наш жучок обнаружили, – заметил я.

– Ты прав. Вероятно, линия в Нью-Йорке с датчиком, проверяет жучков на том конце.

– Или та, что в Нью-Йорке, или какая-то из двух других.

– Да. – Побегав пальцами по кнопкам, Ортега вывела на экран коды вызовов. – Все три линии установлены через закрытые каналы. Потребуется какое-то время, чтобы выяснить адресатов. Не желаешь

перекусить?

Ветерану Корпуса чрезвычайных посланников не подобает жаловаться на тоску по дому. Если её не выжгло обучение, с ней давно должны были расправиться долгие годы пересылки и загрузок по всему Протекторату. Чрезвычайные посланники являются гражданами призрачного государства Здесь-и-Сейчас, не терпящего двойного гражданства. Прошлое имеет значение как информация, которая может оказаться полезной.

Но я ощутил именно тоску по дому, когда мы вошли в ресторан «Летучая рыбка», и аромат соусов, которые я в последний раз пробовал в Миллспорте, опутал меня дружескими щупальцами. Терияки, поджаренный темпура и тонкий привкус мисо. Я застыл на пороге, вспоминая тот раз. Забегаловка на берегу, в которой мы с Сарой отсиживались и переживали, пока уляжется шум от налета на биокорпорацию «Джемини». Мы не отрывали глаз от экранов с выпусками новостей и видеофона в углу, который должен был позвонить с минуты на минуту. Окна запотели, общество – молчаливые миллспортские рыбаки.

А задолго до этого были изъеденные молью бумажные фонарики у дверей заведения Ватанабе в Ньюпесте. Моя кожа скользкая и липкая от пота – из-за ветра, дующего с юга, со стороны джунглей, – а из больших зеркал на меня смотрят глаза, блестящие от тетрамета. И разговоры, более дешёвые, чем миска риса, – о былых стычках, о связях с бандами якудза, о билетах на север и дальше, о новых оболочках и новых мирах. Старик Ватанабе сидел на крыльце вместе с нами, слушая и никогда не вмешиваясь, покуривая трубку и время от времени разглядывая в зеркале своё европейское лицо – как мне казалось, всегда с некоторым удивлением.

Он никогда не рассказывал, откуда у него эта оболочка. Как и не отрицал, но и не подтверждал слухи о его похождениях в морской пехоте, в куэллистской мемориальной бригаде, в Корпусе чрезвычайных посланников. Один из взрослых членов банды утверждал, что видел, будто Ватанабе, вооруженный одной лишь трубкой, уложил на пол целую толпу Семипроцентных Ангелов. Другой, паренёк из городов на болоте, однажды притащил замусоленный обрывок ролика новостей якобы времён Войны поселений. Ролик был двумерный, поспешно снятый перед началом наступления, но сержанта, у которого корреспондент брал интервью, звали Й. Ватанабе. По тому, как он склонял голову набок, отвечая на вопросы, мы сразу решили, что это и есть наш знакомый. С другой стороны, фамилия Ватанабе распространена... К тому же парень, который рассказывал об уложенных на пол Ангелах, также утверждал, что переспал с наследницей

семейства Харланов, когда та в поисках острых ощущений гуляла по трущобам. А уж в *это-то* точно никто не верил.

Однажды, в редкий вечер, когда я сидел у Ватанабе один и трезвый, я, сглотив отроческую гордость, спросил у старика совета. Я несколько недель читал и перечитывал рекламные листовки вооружённых сил ООН, и мне был нужен толчок в какую-нибудь сторону.

Выслушав меня, Ватанабе усмехнулся, посасывая трубочку.

– И я должен дать тебе совет? – спросил он. – Поделиться с тобой мудростью, приведшей вот к этому?

Мы оба обвели взглядом крошечное заведение и расстилавшиеся за ним поля.

– Ну... да.

– Ну... нет, – решительно ответил старик, снова принимаясь за трубочку.

– Ковач?

Я моргнул и увидел перед собой Ортегу, она с любопытством смотрела мне в глаза.

– Ты собираешься что-то рассказать?

Печально улыбнувшись, я посмотрел на сияющие хромированной сталью столики.

– Наверное, нет.

– Кухня здесь хорошая, – заверила она, неправильно истолковав мой взгляд.

– Что ж, тогда давай поедим.

Ортега провела меня по коридорам на мостик. По её словам, «Летучая рыбка» была списанным воздушным тральщиком, купленным впоследствии каким-то океанографическим институтом. Затем институт или закрылся, или переехал на новое место, комплекс на набережной разорили, но кому-то пришла в голову мысль переоборудовать «Летучую рыбку» под ресторан и подвесить её в воздухе на высоте пятисот метров над заброшенными зданиями института. Время от времени воздушное судно аккуратно опускалось на землю, чтобы исторгнуть из чрева насытившихся посетителей и взять новых. Длинная очередь желающих выстроилась вдоль двух стен ангара, но Ортега помахала полицейским значком и, когда бывший тральщик в очередной раз опустился в ангар через открытую крышу, мы поднялись на борт первыми.

Я уселся за столик, закреплённый на полу на металлической ножке, и подобрал под себя ноги. Мостик окружало слабое мерцание силового поля,

которое поддерживало температуру на терпимом уровне и укрощало шквалистый ветер до приятного бриза. Стены, выложенные шестиугольными прозрачными плитками, открывали вид на раскинувшееся внизу море. Я неуютно поёжился. От высоты у меня всегда кружилась голова.

– На нём следили за перемещениями китов, – заметила Ортега, указывая на корпус. – В те времена, когда такие учреждения ещё не могли позволить себе спутники. Разумеется, после Дня понимания всем сразу же захотелось говорить с китами. Представляешь, киты рассказали о марсианах больше, чем четыреста лет раскопок на Марсе! Господи, киты помнят, как те высадились на Землю! Так называемая «видовая память».

Ортега помолчала.

– Я родилась в День понимания, – вдруг ни с того ни с сего сказала она.

– Правда?

– Да. Девятого января. Меня называли Кристиной в честь учёной из Австралии, специалиста по китам, работавшей в группе переводчиков.

– Здорово.

И вдруг до Ортеги дошло, с кем она разговаривает. Она небрежно пожала плечами.

– В детстве на такие вещи смотришь по-другому. Если честно, я хотела, чтобы меня называли Марией.

– Часто сюда заглядываешь?

– Не очень. Но я решила: выходцу с Харлана тут понравится.

– Ты не ошиблась.

Подошедший официант голографическим фонариком высветил над столиком меню. Быстро пробежав взглядом перечень блюд, я выбрал наугад что-то вегетарианское.

– Ты не разочаруешься, – одобрила мой выбор Ортега. Она повернулась к официанту: – Мне того же самого. И сок. А что будешь пить?

– Воду.

Выбранные блюда на мгновение вспыхнули розовым цветом, и меню исчезло. Убрав ловким движением голографический фонарик в нагрудный карман, официант удалился. Ортега огляделась, ища нейтральную тему для разговора.

– Значит, у вас... м-м-м... на Миллспорте есть подобные заведения?

– Да, но только на земле. С летательными аппаратами у нас негусто.

– Вот как? – Она вежливо подняла бровь. – Миллспорт это ведь архипелаг, разве не так? Я полагала, воздушные корабли...

– Очевидный выход, если мало недвижимости? Конечно, в этом что-то есть, но, по-моему, ты кое-что забыла. – Я многозначительно поднял взгляд вверх. – Мы не одни.

Ортега поняла.

– Орбитальные станции? Они враждебно настроены?

– Хм... Скажем так: они капризные. Сбивают любой летательный аппарат больше вертолета. Никому не удалось ни забраться внутрь, ни приблизиться к ним, так что нет и возможности узнать, какие параметры в них запрограммированы. В общем, мы предпочитаем не рисковать и без особой необходимости в воздух не поднимаемся.

– Это значительно усложняет межпланетные перелеты.

Я кивнул.

– Ну да. Вот только межпланетных перелетов как таковых у нас нет. Других обитаемых планет в системе не существует, а мы ещё слишком поглощены изучением своего мира, чтобы заниматься освоением соседних. Правда, есть разведывательные зонды и обслуживающие челноки, летающие к орбитальным платформам. На них занимаются добычей редких элементов. К вечеру появляются два окна для запуска на экваторе, а на рассвете одна щель в районе полюса. Судя по всему, несколько станций сошли с орбиты и сгорели в атмосфере. Вот и образовались дыры. – Я помолчал. – А может быть, их кто-то сбил.

– Кто-то? Ты хочешь сказать, не марсиане?

Я развел руками.

– А почему бы и нет? Всё, найденное на Марсе, или разрушено до основания, или погребено под землёй. Или так искусно замаскировано, что мы десятилетиями смотрели и только не видели. То же самое можно сказать про большинство заселённых миров. Всё свидетельствует о том, что был какой-то конфликт.

– Но археологи утверждают, что это была гражданская война или колониальный захват.

– Да, верно. – Сложив руки на груди, я сел на место. – Археологи говорят то, что им приказывает Протекторат. В настоящий момент считается модным оплакивать трагедию марсианской цивилизации, развалившейся на части, скатившейся в варварство и полностью вымершей. Многозначительное предостережение наследникам. Ради блага всей цивилизации, не выступай против своих правителей.

Ортега беспокойно оглянулась по сторонам. Разговоры за соседними столиками затихли. Я продемонстрировал наблюдавшим лучезарную улыбку.

– Ты не против, если мы сменим тему разговора? – сухо спросила Ортега.

– Абсолютно ничего. Расскажи мне о Райкере.

Дискомфорт растворился в ледяном отчуждении. Положив руки на стол ладонями вниз, Ортега уставилась на них.

– Нет, лучше не надо, – помолчав, сказала она.

– Справедливо. – Некоторое время я не отрывал взгляда от туч, мечущихся по небу за силовым экраном, стараясь не смотреть на море под нами. – И всё же, кажется, что ты хочешь поговорить о нём.

– Как это по-мужски.

Подали заказ, и мы молча принялись за еду. Автокухня «Хендрикса» предлагала прекрасно сбалансированное питание, и несмотря на это я обнаружил, что проголодался как волк. Еда пробудила чувство голода, превышающее потребности желудка. Я выскреб содержимое тарелки до дна, когда Ортега не успела расправиться и с половиной.

– Еда ничего? – насмешливо спросила она после того, как я откинулся на спинку стула.

Я кивнул, стараясь прогнать воспоминания, связанные с блюдами из морепродуктов, но не желая пробуждать подготовку посланников – дабы не испортить ощущение сытости. Сидя здесь, глядя на чистые металлические поверхности бывшего тральщика и небо над головой, я ощущал нечто близкое к полному удовлетворению. Похожее чувство я испытал, когда Мириам Банкрофт оставила меня в полном истощении в номере «Хендрикса».

Пронзительно зазвонил телефон Ортеги. Достав аппарат из кармана, она ответила, поспешно дожевывая.

– Да? Угу. Угу, хорошо. Нет, мы пойдем. Вот как? Нет, оставь и его тоже. Так будет лучше. Да, спасибо, Зак. Я перед тобой в долгу.

Убрав телефон, Ортега вернулась к еде.

– Хорошие известия?

– Это зависит от того, с какой стороны смотреть. Наши ребята проследили два местных звонка. Один из них был сделан на ринг, здесь, в Ричмонде. Я знаю это место. Сейчас мы туда съездим.

– А другой?

Оторвав взгляд от тарелки, Ортега тщательно прожевала то, что было у неё во рту, и проглотила, запив соком.

– Второй звонок сделан домой Банкрофту. На виллу «Закат». Что скажешь по этому поводу?

Глава девятнадцатая

Ринг, про который говорила Ортега, находился на старом контейнеровозе, поставленном на прикол в северной части залива, напротив бесконечных рядов заброшенных пакгаузов. Судно имело не менее полукилометра в длину и было разделено на шесть хорошо различимых грузовых отсеков. Тот, что ближе к корме, похоже, был открыт. С воздуха корпус казался однотонно оранжевым, и я решил, что это ржавчина.

– Не верь глазам своим, – проворчала Ортега, когда мы делали круг, заходя на посадку. – Корпус покрыт слоем полимеров толщиной четверть метра. Теперь, чтобы утопить эту посудину, потребуется направленный взрыв.

– Каких же денег это стоило?!

Она пожала плечами.

– Нашлось кому помочь.

Мы приземлились на причал. Заглушив двигатели, Ортега навалилась на меня, осматривая палубу контейнеровоза, казавшуюся на первый взгляд пустынной. Я как мог подался назад, чувствуя себя неуютно и от прикосновения гибкого женского тела, и от переполненного желудка. Почувствовав моё движение, Ортега вдруг осознала, что сделала, и резко выпрямилась.

– Никого нет дома, – смущённо сказала она.

– Похоже на то. Быть может, всё же стоит зайти и взглянуть?

Мы вышли из машины, и на нас набросился ветер с залива, визитная карточка Бей-Сити. Мы поспешили к крытому алюминиевому трапу, ведущему на нос судна. Место было неуютно открытым, и я шёл, беспокойно оглядывая палубу и мостик корабля. Никакого движения. Я чуть прижал левую руку к бедру, удостоверившись, что фибергриповая кобура не соскользнула вниз, как это нередко происходит с дешёвыми моделями после двух дней носки. Нащупав «Немекс», я немного успокоился. Есть надежда, что если в нас начнут стрелять, я смогу ответить.

К счастью, не потребовалось. Мы без препятствий подошли к трапу. Вход перегораживала тонкая цепочка с прикреплённым объявлением от руки:

«РОЗА ПАНАМЫ»
БОЙ СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ – 22.00
ПЛАТА ЗА ВХОД ДВОЙНАЯ

Подняв прямоугольник из тонкого металла, я с сомнением посмотрел на грубо выведенные буквы.

– Ты уверена, что Резерфорд звонил именно сюда?

– Как я уже говорила, не верь глазам своим, – сказала Ортега, снимая цепочку. – В настоящее время это особый шик. Чем проще, тем лучше. В прошлом сезоне здесь была неоновая вывеска, но сейчас и этого недостаточно. Таких крутых заведений всего три или четыре на планете. На ринге запрещено снимать – ни голосъемок, ни даже телевидения. Ну как, ты идешь?

– Странно.

Я последовал за Ортегой по трапу, вспоминая схватки, на которые ходил в молодости. На Харлане бои обязательно транслировались. Из всех развлекательных программ у них была самая большая аудитория.

– А разве у вас бои не популярны? – спросил я.

– Конечно, популярны. – Даже несмотря на искажающее гулкое эхо, я расслышал прозвучавшее в голосе Ортеги презрение. – Наоборот, такого рода зрелищ всегда маловато. Вот на этом и играют подобные забегадки. Понимаешь, первым делом эти ребята создали «Кредо»...

– Какое «Кредо»?

– «Кредо чистоты» или что-то в таком духе. Кстати, тебе никогда не говорили, что перебивать других невежливо? Так вот, согласно этому «Кредо», если хочешь смотреть бой, его надо смотреть вживую. Никаких трансляций по сети. Это показатель класса. И поскольку количество мест в зале ограничено, спрос взлетает до небес. Билеты становятся очень соблазнительными, что делает их очень дорогими, что, в свою очередь, делает их ещё более соблазнительными. А тому, кто всё это устроил, остается только считать барыши.

– Ловко придумано.

– Да, очень ловко.

Дойдя до конца трапа, мы шагнули на открытую палубу и снова подставили себя холодному пронизывающему ветру. По обе стороны от нас возвышались крыши грузовых отсеков, похожие на гигантские стальные волдыри высотой по пояс, вскочившие на коже корабля. За дальней выпуклостью в небо вздымался мостик, казалось, не имеющий никакого отношения к палубе, на которой мы стояли. Двигались только цепи крана,

слегка покачиваясь на ветру.

– Последний раз я была здесь, – сказала Ортега, повышая голос, чтобы перекрыть шум ветра, – из-за того, что тут поймали недоумка с первого канала Всемирной сети, пытавшегося пройти на поединок с имплантированным оборудованием для записи. Его выбросили в залив. Предварительно вырвав плоскогубцами имплантированную камеру.

– Очень мило.

– Как я уже говорила, это классное заведение.

– Лейтенант, вы нам льстите. Я даже не знаю, как вас благодарить. – Кашляющий голос донёлся из ржавых старинных громкоговорителей с рупором, установленных на двухметровых стойках вдоль поручней. Рука стремительно метнулась к «Немексу», а взгляд обежал периферию зрения так быстро, что стало больно. Едва заметно покачав головой, Ортега посмотрела вверх на мостик. Подсознательно договорившись действовать, мы оглядели палубу в противоположных направлениях, ища признаки жизни. Несмотря на напряжение, я ощутил прилив тепла, вызванный такой неожиданной согласованностью.

– Нет-нет, сюда, – произнес металлический голос, и на этот раз он донёлся из громкоговорителей на корме.

Я увидел, как тали одного из кормовых кранов вдруг с лязгом пришли в движение, судя по всему, поднимая что-то из открытого грузового отсека на мостик. Я крепче стиснул «Немекс». Над головой сквозь пелену облаков пробилось солнце.

Тали закончились массивным чугунным крюком, в изгибе которого стоял говоривший, сжимая в одной руке доисторический микрофон, а второй слегка придерживаясь за цепь. Одетый в не подходящий к месту серый костюм, трепещущий на ветру, мужчина свисал с цепи под опасным углом. Светлые волосы вспыхнули, поймав случайный луч солнца. Я прищурился, приглядываясь повнимательнее, чтобы быть уверенным. Оболочка синтетическая. И очень дешёвая.

Кран развернулся над изогнутой крышей грузового отсека, и синтетический мужчина легко прыгнул на неё, улыбаясь.

– Элиас Райкер, – произнес он голосом, ничуть не смягчившимся без микрофона. Судя по всему, кто-то изрядно сэкономил на его голосовых связках. Мужчина покачал головой. – А мы-то надеялись, что больше никогда вас не увидим. Какая у нашего правосудия короткая память!

– Карнаж? – сказала Ортега, складывая руку козырьком, чтобы защитить глаза от солнечного света. – Это ты?

Отвесив поклон, синтетический мужчина убрал микрофон в карман

пиджака и начал спускаться по покато́й крыше отсека.

– Эмси Карнаж к вашим услугам, господа полицейские. Помилуй бог, а чем мы обидели вас сегодня?

Я молчал. Похоже, я должен был знать этого Карнажа, но пока что у меня было слишком мало информации, чтобы начать работать. Вспомнив слова Ортеги, я встретил приближающегося синтетика угрюмым отрешённым взглядом, надеясь, что достаточно похож на настоящего Райкера.

Дойдя до края крыши, синтетический мужчина спрыгнул на палубу. Вблизи я рассмотрел, что грубо сработаны не только его голосовые связки. Эта оболочка разительно отличалась от той, что была у Трепп до того, как я её спалил. Она вообще вряд ли имела право называться телом. У меня мелькнула мысль, не приобрел ли её Карнаж в какой-нибудь антикварной лавке. Жёсткие чёрные волосы походили на проволоку, силиконовая кожа лица стала дряблой и отвисла, на бледно-голубых глазах читалось клеймо изготовителя. Тело выглядело чересчур крепким, а в руках было что-то не так: они напоминали не столько конечности, сколько двух змей. Из манжет пиджака торчали гладкие безжизненные кисти. Синтетик протянул безликую руку, словно предлагая её изучить.

– Ну? – мягко спросил он.

– Обычная проверка, Карнаж, – пришла мне на помощь Ортега. – К нам поступило сообщение, что сегодня вечером на представлении будет взорвана бомба. Мы пришли посмотреть, в чем дело.

Карнаж рассмеялся дребезжащим смехом.

– Как будто вам есть до этого какое-то дело.

– Ну, как я сказала, – спокойно произнесла Ортега, – обычная проверка.

– Что ж, в таком случае приглашаю пройти внутрь. – Вздохнув, синтетик кивнул на меня. – Что с ним? Или во время хранения затерялась речевая функция?

Мы прошли на корму и оказались у глубокого колодца, образованного последним грузовым отсеком со снятой крышкой. Заглянув внутрь, я увидел круглый белый ринг, окружённый с четырех сторон идущими вверх рядами металлических и пластмассовых кресел. Вверху были подвешены гирлянды осветительного оборудования, но я не нашёл тарелок и шпилей антенн для передачи телеметрической информации. В середине площадки человек на коленях выводил рукой какой-то замысловатый узор. Услышав наши шаги, он поднял голову.

– Арабская вязь, – заметил Карнаж, перехватив мой взгляд. – Это

связано с темой сегодняшнего поединка. В этом сезоне все бои называются по аналогии с карательными операциями Протектората. Сегодня будет Шария. Мученик десницы Господа против Десантника Протектората. Единоборство без оружия, ножи не длиннее десяти сантиметров.

– Другими словами, кровавая бойня, – сказала Ортега.

Синтетик пожал плечами.

– Этого желают зрители, а именно они платят деньги. Я отдаю себе отчёт, что *теоретически* возможно нанести смертельную рану десятисантиметровым лезвием. Но сделать это очень непросто. Как говорится, проверка боевых навыков. Сюда, пожалуйста.

Мы прошли по узкому коридору в трюм корабля. Замкнутое пространство наполнилось гулом наших шагов.

– Полагаю, сначала вы хотите осмотреть арены, – крикнул Карнаж, перекрывая эхо.

– Нет, давайте пройдем к резервуарам, – предложила Ортега.

– Вот как? – Судить по синтезированному голосу такого невысокого качества было трудно, но мне показалось, что Карнаж развеселился. – Лейтенант, вы точно ищете бомбу? По-моему, самым вероятным местом была бы арена...

– Карнаж, у тебя есть что прятать?

Обернувшись, синтетический мужчина недоумённо уставился на меня.

– Нет, что вы, детектив Райкер. В резервуары – так в резервуары. Кстати, поздравляю с возвращением дара речи. Как чувствовалось на хранении, холодно не было? Разумеется, вы, вероятно, не предполагали, что сами окажетесь там...

– Достаточно, – вмешалась Ортега. – Проводи нас к резервуарам, а болтовню оставь на вечер.

– Ну конечно. Мы рады оказать содействие правоохранительным органам. Как представители закона вы...

– Да-да. – Начиная терять терпение, Ортега оборвала словесный понос взмахом руки. – А теперь води нас к резервуарам, мать твою.

Я вернулся к молчаливому убийственному взгляду.

Мы проехали к отсеку резервуаров в маленьком изящном вагончике с электромагнитным приводом. По пути попались ещё два переоборудованных грузовых отсека с такими же площадками, окруженными рядами кресел, но только с пластмассовым покрытием. Наконец мы прибыли на место и, выйдя из вагончика, прошли через обязательный шлюз ультразвуковой очистки. Массивная стальная дверь, гораздо более грязная, чем в центре хранения психической информации,

распахнулась наружу, открывая белоснежно чистое помещение.

– Тут приходится расстаться с нашим образом, – небрежно бросил Карнаж. – Грубые примитивные технологии – это хорошо, когда речь идёт о том, чтобы ублажить публику, но за сценой... – Он обвел рукой сверкающее современное оборудование. – Как говорится, нельзя приготовить омлет, не разбив яйца.

В огромном носовом отсеке было прохладно. Освещение здесь – мрачное и тусклое, а оборудование – сделано по самому последнему слову техники. Если неярко освещённый мавзолей Банкрофтов в центре хранения психической информации мягким и воспитанным голосом говорил о богатстве, если зал загрузки оболочек центральной тюрьмы Бей-Сити стонал о минимальном финансировании, то хранилище «Розы Панамы» грубо ревело о силе. Вдоль переборок торпедами на толстых цепях висели заряженные трубы, подключённые к центральной системе наблюдения, которая располагалась в противоположном конце трюма. Толстые чёрные кабели соединений извивались по полу, словно питоны. Монитор взгромоздился на некое подобие алтаря, посвященного какому-то отталкивающему божеству в паучем облике. Мы прошли к нему по металлическому трапу, поднятому на четверть метра над застывшими в судорогах кабелями. Справа и слева за монитором блестели квадратными иллюминаторами два просторных резервуара, вмонтированные в дальнюю переборку. В правом резервуаре уже плавала оболочка, подсвеченная сзади, распятая на протянувшихся к ней кабелях, идущих от датчиков.

Мне показалось, что я попал в Андрический кафедральный собор в Ньюпесте. Подойдя к центральному монитору, Карнаж развернулся и раскинул руки, став похожим на оболочку в резервуаре у него за спиной.

– С чего желаете начать? Уверен, вы принесли с собой новейшее оборудование для обнаружения бомб.

Ортега пропустила слова мимо ушей. Приблизившись на пару шагов к резервуару, залитому холодным зеленоватым светом, она заглянула внутрь.

– Одна из сегодняшних потаскух?

Карнаж шмыгнул носом.

– Если отбросить словесную шелуху, то да. Но мне бы очень хотелось, чтобы вы поняли разницу между тем, что предлагают в грязных закутках на берегу, и вот этим.

– И мне тоже, – сказала Ортега, продолжая разглядывать плавающую в резервуаре оболочку. – В таком случае, где вы раздобыли вот это?

– А я откуда знаю? – Карнаж принялся демонстративно разглядывать пластиковые ногти на правой руке. – О, если вас это так уж интересует, у

нас где-то должен быть торговый чек. Судя по её виду, я бы сказал, что оболочка от компании «Ниппон органикс». А что, это имеет какое-то значение?

Подойдя к стене, я тоже уставился на плавающую оболочку. Стройная, жилистая, смуглая, с раскосыми глазами, изящно приподнятыми в уголках, и пучком чёрных прямых волос, повисших в геле сгустком водорослей. Гибкие руки с длинными кистями художницы, но мускулатурой опытного бойца. Это было тело техногенного ниндзя, такое, о каком я мечтал в пятнадцать лет, трясаясь от холода сырыми ньюпестскими ночами. Оно мало отличалось от той оболочки, что мне дали во время войны на Шарии. Приблизительно такую же я купил в Миллспорте с первой большой полочки; в этой оболочке я познакомился с Сарой.

Я словно смотрел на себя в зеркало. На себя, которого создал где-то в сплетениях памяти, уходящих в раннее детство. Вдруг я почувствовал, что стою не с той стороны зеркала, сосланный в тело европейца.

Подойдя к резервуару, Карнаж похлопал ладонью по стеклу.

– Вы одобряете, детектив Райкер? – Я промолчал, и он продолжал: – Уверен, что одобряете. При вашей страсти к, скажем так, рукоприкладству. Но эти экземпляры особенные. Прочное шасси; кости из искусственно выращенных сплавов, соединены полимерными связками и сухожилиями, усилены стекловолокном; нейрохимия «Хумало»...

– У меня тоже есть нейрохимия, – вставил я, чтобы что-нибудь сказать.

– Про вашу нейрохимию мне известно, детектив Райкер. – Даже в голосе такого низкого качества я различил тихие, неприятные интонации злорадства. – Пока вы находились на хранении, мы всё тщательно изучили. Знаете, были даже разговоры о том, чтобы вас выкупить. Я имею в виду физическую оболочку. Были планы использовать её для показательных избиений. Разумеется, это происходило бы не по-настоящему; мы даже думать не смеем о том, чтобы устраивать в нашем заведении подобные вещи. Это ведь было бы уголовным преступлением. – Карнаж сделал драматичную паузу – Но затем мы пришли к выводу, что показательные избиения... м-м-м... не соответствуют духу заведения. Понимаете, это было бы снижением марки. У нас ведь происходят только настоящие поединки. А жаль, вы успели обзавестись таким количеством друзей, что народ бы валом валил.

Я не слушал его пустую болтовню, но вдруг до меня дошло, что настоящий Райкер был бы оскорблён подобными разговорами. Поэтому я, отвернувшись от резервуара, пригвоздил Карнажа к месту, как мне показалось, подходящим взглядом.

– Однако я отвлекся, – спокойно продолжал синтетик. – На самом деле я хотел сказать, что ваша нейрохимия рядом с тем, чем обладает эта система, всё равно что моё синтезированное кваканье по сравнению с голосом Анчаны Саломао. Здесь, – снова указал он на резервуар, – нейрохимия «Хумало», запатентованная компанией «Кейп нейроникс» лишь в прошлом году. Приближается к духовному уровню. В ней нет ни химических усилителей синаптических сигналов, ни сервомикросхем, ни вживленной логики. Эта система выращивается биологическим путем и откликается непосредственно на мысль. Только задумайтесь над этим, детектив Райкер. За пределами Земли такой ещё ни у кого нет, и Объединенные Нации подумывают о том, чтобы объявить десятилетнее эмбарго на поставки в колонии. Хотя лично я сомневаюсь в эффективности подобного...

– Карнаж, – нетерпеливо оборвала его Ортега. – А почему во втором резервуаре до сих пор нет оболочки?

– Сейчас мы этим и занимаемся.

Карнаж махнул рукой в сторону цепочки труб, идущих к левому резервуару. Оттуда донеслось ворчание каких-то мощных механизмов. Напрягая глаза в полумраке, я разглядел автоматический погрузчик, подкативший к ряду контейнеров. Машина перед нами замерла, и на крыше вспыхнул яркий прожектор. Вилки, протянувшиеся вперед, вынули из люльки в цепях одну трубу, одновременно с этим маленькие сервоустройства отсоединили кабели. Как только отделение закончилось, погрузчик чуть сдал назад, развернулся вокруг оси и покатил вдоль контейнеров к пустому резервуару.

– Процесс полностью автоматизирован, – высокомерно объяснил Карнаж. Только теперь я разглядел под резервуаром три круглых отверстия, напоминавших носовые порты для боевого огня на межпланетном дредноуте. Приподнявшись на гидравлических штангах, погрузчик аккуратно переместил привезённую трубу в среднее отверстие. Труба вошла впритык и развернулась приблизительно на девяносто градусов, после чего на ней захлопнулся стальной кронштейн. Выполнив работу, погрузчик опустил и заглушил двигатели.

Я не отрывал глаз от резервуара.

Мне показалось, прошло довольно много времени, но на самом деле операция заняла не больше минуты. В днище резервуара открылся люк, и вверх поднялась серебристая дорожка пузырьков воздуха. Следом за ними всплыло тело, свернувшееся эмбрионом. Оно покачалось, поворачиваясь в ту и в другую сторону в маленьких водоворотах, созданных пузырьками,

затем с помощью тросов, закреплённых на щиколотках и запястьях, начали раскрываться руки и ноги. Тело оказалось крупнее, чем оболочка с «Хумало», более крепкое и мускулистое, но такого же цвета. К нам повернулось бесстрастное широкоскулое лицо с орлиным носом.

– Шарианский Мученик десницы Господа, – просиял Карнаж. – Разумеется, это копия, но расовый тип воспроизведен досконально, и в оболочку встроена усовершенствованная система реагирования «Господня воля». – Он кивнул на другой резервуар. – Конечно, среди десантников, действовавших на Шарии, были люди самых различных рас, но японцев среди них было достаточно много, чтобы эта оболочка выглядела достоверной.

– Какой же это честный поединок? – заметил я. – Созданная по последнему слову науки и техники нейрохимия против шарианской биомеханики столетней давности?

Гладкое силиконовое лицо Карнажа растянулось в усмешке.

– Ну, на самом деле всё зависит от борцов. Мне говорили, к системе «Хумало» ещё надо привыкнуть; к тому же, если честно, победу далеко не всегда одерживает более совершенная оболочка. Большую роль играет психика. Выносливость, терпимость к боли...

– Жестокость, – добавила Ортега. – Отсутствие сострадания.

– И это тоже, – согласился синтетик. – Естественно, это и делает поединок захватывающим. Господа, если пожелаете сегодня вечером заглянуть к нам, думаю, я смогу подыскать парочку свободных мест на задних рядах.

– А ты будешь комментировать, – высказал догадку я, мысленно представив механический голос Карнажа, ещё больше испорченный дешёвым микрофоном; залитую ярким светом арену; ревущих зрителей, скрытых темнотой; запах пота и крови.

– Разумеется. – Карнаж прищурил глаза с логотипом изготовителя. – Знаете, а вас продержали в холодильнике совсем недолго.

– Так мы будем искать эти бомбы? – громко спросила Ортега.

Нам потребовалось больше часа, чтобы осмотреть весь трюм в поисках несуществующих бомб. Карнаж следил за нашими действиями с плохо скрываемым весельем. Две оболочки, предназначенные для кровавой бойни, взирали из своих залитых зелёным светом стеклянных утроб, и их присутствие давило на нас, несмотря на их закрытые глаза и мечтательные выражения лиц.

Глава двадцатая

Ортега подбросила меня на улицу Миссий, когда на город уже опускалась ночь. Всю обратную дорогу с ринга она была погружена в раздумья и отвечала на вопросы односложными фразами; я предположил, что это сказывается постоянное напряжение, вызванное необходимостью напоминать себе, что я не Элиас Райкер. Но когда я, выходя из аэрокара, непроизвольно повёл плечами, Ортега порывисто рассмеялась.

– Посиди завтра в «Хендриксе», – сказала она на прощание. – Я хочу тебя кое с кем свести. Правда, потребуется время, чтобы всё устроить.

– Договорились.

Я развернулся, собираясь уйти.

– Ковач!

Я обернулся. Ортега высунулась из открытой двери, глядя на меня. Положив руку на крыло машины, я опустил взгляд. В наступившей затянутой паузе я ощутил, как моя кровь начинает насыщаться адреналином.

– Да?

Помявшись, она сказала:

– Карнаж ведь что-то недоговаривает, так?

– Если судить по тому, как он трепался без умолку, полагаю, да.

– Я тоже так подумала. – Ортега мягко ткнула кнопку на панели управления, и дверь начала опускаться. – До завтра.

Проводив взглядом её транспорт, поднявшийся в воздух, я вздохнул. Я почти не сомневался в том, что поступил правильно, подойдя к Ортеге в открытую; вот только я никак не ожидал, что будет так сложно. Не знаю, насколько давними были её отношения с Райкером, но химия между ними, несомненно, была сокрушительной. Я вспомнил, что читал, будто феромоны, первоначально привлекая друг к другу особей противоположного пола, с течением времени изменяются, всё крепче связывая их. До сих пор никто из биохимиков не смог до конца объяснить подобный процесс, хотя были попытки воспроизвести его в лабораторных условиях. Ускорение и искусственное прерывание эффекта привели к неожиданным результатам, одним из которых стал эмфатин и его производные.

Химические препараты. Я до сих пор не мог прийти в себя от коктейля Мириам Банкрофт и новых приключений не хотел. Я твёрдо сказал себе,

что это мне не нужно ни при каких условиях.

Впереди и вверху, над головами многочисленных вечерних прохожих, я увидел голографическое изображение гитариста-левши, играющего перед «Хендриксом». Вздохнув, я пошел вперед.

Не успел я пройти полквартиры, меня обогнала громоздкая автоматическая машина, прижимавшаяся к тротуару. Она была похожа на робота-ползуна, убирающего улицы Миллспорта, поэтому я не обратил на неё внимания. Через мгновение меня с ног до головы окатил поток образов, проникающих в сознание.

– ...из «Домов» из «Домов» из «Домов» из «Домов» из «Домов» из «Домов»...

Голоса томно стонали и ворковали, мужские, женские, накладываясь друг на друга, сливаясь в хор мук оргазма. Навязчивые образы показывали всю палитру сексуальных предпочтений – настоящий водоворот мелькающих чувственных ощущений.

– Настоящее...

– Нерезаное...

– Полное воспроизведение чувств...

– Подстроенное...

Словно в подтверждение последних слов, случайные образы слились в поток разнополюх комбинаций. Судя по всему, этим великим разнообразием опций сканировалась моя реакция, и результат поступал непосредственно в передающее устройство. Технология высочайшего уровня.

Поток закончился телефонным номером, выведенным ярко светящимися цифрами, и возбужденным мужским членом в руках женщины с длинными чёрными волосами и алыми губами, изогнувшимися в улыбке. Она заглянула мне прямо в глаза. Я ощутил прикосновение её пальцев.

«Голова в облаках, – выдохнула женщина. – Вот на что это похоже. В жизни ты не поднимаешься на небеса, но вот это ты можешь себе позволить».

Уронив голову, она провела губами по члену. Как будто это происходило со мной. Затем чёрные волосы сомкнулись с двух сторон, закрывая занавесом изображение. Я оказался на улице, шатающийся, покрытый потом. Автореклама проехала дальше. Опытные прохожие отшатывались от проезжей части, выходя из зоны действия передатчика.

Я обнаружил, что отчётливо помню номер телефона. Пот быстро остыл, и меня охватила холодная дрожь. Расправив плечи, я пошёл дальше,

пытаясь не обращать внимания на понимающие взгляды прохожих. Я уже почти пришёл в себя, когда толпа впереди поредела и я увидел перед парадным входом «Хендрикса» длинный, приземистый лимузин.

Натянутые до предела нервы заставили руку дёрнуться к убранному в кобуру «Немексу», прежде чем я узнал машину Банкрофта. Шумно выдохнув, я обошёл лимузин и убедился, что за рулем никого нет. Я остановился в недоумении, но тут люк пассажирского салона открылся, и из машины выбрался Кёртис.

– Надо поговорить, Ковач, – драматичным тоном, каким говорят герои дешёвых голофильмов, произнес он, и я едва не издал истеричный смешок. – Время принимать решение.

Оглядев его с ног до головы, я по каким-то едва уловимым мелочам в осанке и поведении понял, что он усилился химией, и решил немного повеселиться.

– Согласен. Прямо в лимузине?

– Здесь много народу. Ты не хочешь пригласить меня к себе в номер?

Я прищурился. В голосе шофёра прозвучала неприкрытая враждебность, также бросающаяся в глаза, как и затвердевший член, проступающий через безукоризненно отутюженные брюки. Впрочем, и у меня самого была такая же опухоль, правда, постепенно рассасывающаяся. Но я отчётливо помнил, что лимузин Банкрофта оснащен системой защиты от уличной рекламы.

Тут дело в чём-то другом.

Я кивнул на двери отеля.

– Хорошо, пошли.

Двери открылись, впуская нас, и «Хендрикс» ожил.

– Добрый вечер, сэр. Сегодня вечером к вам нет гостей...

– Ты разочарован, да, Ковач? – фыркнул Кёртис.

– ...и не было ни одного звонка после вашего ухода, – невозмутимо продолжал отель. – Вы хотите пригласить этого человека в качестве гостя?

– Да, разумеется. У вас есть бар, где мы могли бы посидеть?

– Я же сказал – к тебе в номер, – прорычал Кёртис и тотчас взвизгнул, налетев голенью на низенький столик с металлической крышкой.

– Бар «Полуночная лампа» находится на этом этаже, – неуверенно произнес отель, – но в нем уже давно не было посетителей.

– Я сказал...

– Заткнись, Кёртис. Разве тебе никто не говорил, что торопиться во время первого свидания нельзя? Хорошо, пусть будет «Полуночная лампа». Зажгите её для нас.

В противоположном конце вестибюля, рядом с консолью для автоматического заселения постояльцев, с недовольным скрежетом сдвинулась в сторону широкая секция стены, и в проёме зажёгся свет. Не обращая внимания на презрительно фыркающего у меня за спиной Кёртиса, я шагнул в проём и заглянул в бар «Полуночная лампа», к которому вела короткая лестница.

– Это устроит. Заходи.

Тот, кто оформлял интерьер в баре «Полуночная лампа», подошел к работе чересчур буквально. Стены, покрытые психоделическими завитками полуночной синевы и багрянца, были увешаны гирляндами разнообразных часов, показывающих или строго полночь, или полночь без скольких-то минут. Они переплетались со всеми известными человечеству видами ламп – от первобытных глиняных светильников до световых сосудов с распадающимися энзимами. Друг напротив друга, вдоль стен, стояли скамьи, а перед ними столики с крышками в виде циферблатов. Центральную часть помещения занимал круглый бар в виде старинных часов. У числа «двенадцать» застыл робот, составленный исключительно из часов и ламп.

Ощущения были жутковатые, сказывалось полное отсутствие других посетителей. Проходя к ожидающему нас роботу, я отметил, что Кёртис немного успокоился.

– Что будут пить джентльмены? – неожиданно произнесла машина, не имеющая видимого голосового отверстия.

Её лицо было сделано в виде древних аналоговых часов с тонкими, словно паутина, стрелками в стиле барокко и римскими цифрами. Я обернулся к Кёртису.

– Водку, – бросил тот. – Со льдом.

– Виски. Того же сорта, что в баре из номера. Комнатной температуры, пожалуйста. Оба напитка запишите на мой счет.

Лицо-циферблат кивнуло, и многосуставная рука принялась выбирать стаканы с полки наверху. Другая рука, оканчивающаяся лампой со множеством носиков, налила в стаканы заказанные напитки.

Кёртис взял стакан и плеснул щедрую порцию водки себе в горло. Шумно всосав воздух сквозь зубы, он одобрительно крикнул. Я осторожно пригубил виски, гадая, сколько времени прошло с тех пор, как эта жидкость в последний раз протекала по трубкам и кранам бара. К счастью, мои страхи оказались напрасными, поэтому я сделал уже более солидный глоток, пропуская виски в желудок.

Кёртис с грохотом поставил стакан на стойку.

– Ну а теперь ты готов говорить?

– Ладно, Кёртис, валяй, – медленно произнес я, уставившись в стакан. – Полагаю, у тебя есть для меня сообщение.

– А то как же. – Его голос натянулся, готовый вот-вот треснуть. – Дама сказала, ты должен принять её щедрое предложение, или будет хуже. Вот так. Мне было велено дать тебе время подумать, поэтому я допью водку.

Я уставился на лампу из марсианского песчаника, висящую на противоположной стене. Настроение Кёртиса начинало приобретать смысл.

– Значит, я забрался в твои владения, так?

– Ковач, не шути с огнём. – В голосе шофера прозвучало отчаяние. – Скажешь одно неверное слово, и я...

– Что?

Поставив стакан на стойку, я повернулся лицом к Кёртису. Он был вдвое моложе моего субъективного возраста, молодой и физически накачанный, к тому же заведённый химией, и ему казалось, что он непобедим. Кёртис так напоминал меня самого в этом возрасте, что я почувствовал себя неуютно. Мне захотелось встряхнуть шофёра.

– Так что ты со мной сделаешь?

– Я служил в морской пехоте Солнечной системы.

– В качестве кого, мальчика на побегушках?

Я почти ткнул его кулаком в грудь, но вовремя уронил руку. Смутившись, я понизил голос.

– Послушай, Кёртис, остановись. Так будет лучше для нас обоих.

– Ты считаешь себя таким крутым, мать твою, да?

– Тут дело вовсе не в крутости, ма... Кёртис. – Я едва не назвал его малышом. Похоже, какая-то часть меня всё же хотела драться. – Речь идёт о двух совершенно разных биологических видах. Чему тебя учили в морской пехоте? Рукопашному бою? Двадцати семи способам убить голыми руками? Внутри ты по-прежнему человек, Кёртис. А я чрезвычайный посланник. Это не одно и то же.

Он всё равно бросился, начав с прямого выпада правым кулаком, призванного меня отвлечь, за которым последовал удар ногой с замаха, нацеленный в голову. Если бы удар достиг цели, я оказался бы с проломленным черепом, но он был выполнен безнадёжно театрально. Возможно, всё дело в нейрохимии, которой Кёртис накачался вечером. В настоящей схватке никто в своём уме даже не пытается наносить ногой удары выше пояса. Одним движением отразив оба удара, я схватил Кёртиса за ногу. Резкий рывок – и он, не удержав равновесия, распластался на стойке бара. Схватив Кёртиса за волосы, я прижал его лицо к прочной

поверхности.

– Теперь видишь, что я имел в виду?

Кёртис сдавленно вскрикнул, тщетно пытаясь вырваться. Автобармен с лицом-циферблатом безучастно взирал на происходящее. По стойке расплылась лужица крови из разбитого носа. Я принялся изучать образованный узор, стараясь отдышаться. Поскольку я блокировал подготовку посланников, от резких движений у меня сбилось дыхание. Схватив Кёртиса за правую руку, я выкрутил локоть к затылку. Кёртис затих.

– Вот и хорошо. А теперь стой спокойно, иначе я её сломаю. У меня сегодня плохое настроение. – Говоря, я быстро обшарил его карманы и нашел во внутреннем нагрудном кармане пиджака небольшую пластмассовую трубку. – Ага. Значит, вот какие радости возбудили твою систему сегодня вечером? Гормональные усилители, если судить по вскочившему члену. – Поднеся трубку к тусклому свету, я увидел внутри тысячи крошечных кристаллов. – Армейский формат. Где ты раздобыл эту дрянь, Кёртис? Прихватил, увольняясь из морской пехоты?

Продолжив обыск, я обнаружил средство доставки: крошечный пистолет со скользящим патронником и электромагнитной катушкой. Кристаллы насыпаются в патронник, электромагнитное поле воздействует на них, ускоритель выплевывает из дула со скоростью, достаточной для проникновения сквозь кожу. Очень похоже на осколочный пистолет Сары. Просто и надежно; недаром медики предпочитают подобные устройства гипноспрею.

Подняв Кёртиса, я отстранил его от себя. С трудом держась на ногах, он зажал ладонью окровавленный нос, сверля меня глазами.

– Хочешь запрокинуть голову назад, чтобы остановить кровь? – спросил я. – Валяй. Я не собираюсь больше тебя бить.

– Ублюдок, бать твою!

Я показал кристаллы и пистолет.

– Где ты это достал?

– Пососи свой член, Ковач! – Помимо воли Кёртис всё же закинул голову назад, пытаясь при этом смотреть на меня. Его глаза вращались в орбитах, словно у объятой паникой лошади. – Я тебе дичего де скажу, твою бать, долбадый ублюдок!

– Что ж, с разбитым носом тебе действительно говорить трудно. – Положив препараты на стойку, я окинул его мрачным взглядом. – В таком случае, позволь кое-что сказать тебе. Знаешь, что происходит, когда из человека готовят чрезвычайного посланника? В его психике выжигают все

инстинкты неприятия насилия, развившиеся в процессе эволюции: опознание сигнала покорности, преданность стае. Это происходит постепенно, нейрон за нейроном; а на замену приходит сознательное желание причинять боль.

Кёртис молча смотрел мне в глаза.

– Ты не понимаешь? Мне было бы гораздо проще убить тебя прямо сейчас. Гораздо проще. Я вынужден был сделать над собой усилие, чтобы остановиться. Вот что такое чрезвычайный посланник, Кёртис. Человеческое существо, разобранный до винтика и собранное заново. Оружие.

Молчание затягивалось. Не было никакой надежды определить, понимает ли Кёртис то, что я говорю. Вернувшись на полтора столетия назад, в Ньюпест, к молодому Такеси Ковачу, я понял, что вряд ли. В возрасте Кёртиса всё это похоже на воплощение мечты о силе.

Я пожал плечами.

– На тот случай, если ты ещё не догадался, мой ответ на вопрос дамы – нет. Меня это не интересует. Ну вот, это должно тебя несказанно обрадовать, а ты всего лишь заплатил расквашенным носом за то, чтобы узнать ответ. А если бы ты не загрузился по самые уши, обошлось бы и без этого. Передай даме большое спасибо за предложение, я его по достоинству оценил, но здесь происходит слишком много интересного, чтобы я ушел просто так. Передай ей, я начинаю получать удовольствие от происходящего.

У дверей бара послышалось тихое покашливание. Обернувшись, я увидел на лестнице мужчину в костюме, с ярко-красным ирокезом на голове.

– Я не помешал? – поинтересовался полицейский. Он говорил неторопливо и спокойно. Не то что тяжеловесы с Фелл-стрит. Я взял стакан со стойки.

– Нисколько, офицер. Проходите, присоединяйтесь к нам. Что будете пить?

– Чистый ром, – сказал полицейский, приближаясь. – Если он есть. Маленькую рюмку.

Я поднял палец к лицу-циферблату. Бармен достал откуда-то небольшой стаканчик и наполнил его сочной красной жидкостью. С любопытством взглянув на Кёртиса, полицейский подошёл к стойке и протянул длинную руку за стаканчиком.

– Благодарю. – Пригубив напиток, он одобрительно склонил голову набок. – Неплохо. Мне бы хотелось поговорить с вами, Ковач. Наедине.

Мы оба посмотрели на Кёртиса. Водитель бросил на меня взгляд, полный ненависти, но появление постороннего загасило боевой задор. Полицейский кивнул в сторону выхода. Кёртис направился к лестнице, зажимая разбитый нос. Проводив его взглядом, полицейский снова повернулся ко мне.

– Ваших рук дело? – рассеянно поинтересовался он. Я кивнул.

– Он начал первым. Слово за слово, и вот пришлось применить силу. Бедолага полагал, что вступился за женщину.

– Что ж, я рад, что он не вступился за меня.

– Как я уже сказал, пришлось применить силу, и, возможно, я чуточку перестарался.

– Чёрт побери, можете не оправдываться.

Полицейский оперся о стойку и огляделся вокруг с неподдельным любопытством. Наконец я вспомнил, где видел его лицо. Тюрьма Бей-Сити. Тот, кто показал мне значок, словно боялся испачкать.

– Если парень чувствует себя обиженным, пусть подает заявление, и мы снова заглянем в память отеля.

– Значит, у вас есть ордер, да? – Я постарался придать вопросу небрежное равнодушие, которого на самом деле не испытывал.

– Можно сказать, есть. Правда, с прокуратурой всегда приходится возиться. Ох уж эти ИскИны, мать их! Послушайте, я хочу извиниться за Мерсера и Дэвидсона, за то, как они действовали в управлении. Порой эти двое совсем теряют голову, но по сути своей ребята они неплохие.

Я махнул рукой, сжимающей стакан.

– Забудем.

– Вот и отлично. Меня зовут Родриго Баутиста, я сержант следственного отдела. В основном работаю в паре с Ортегой. – Осушив стаканчик, полицейский улыбнулся. – Должен подчеркнуть, наша связь чисто служебная.

– Замечание принято. – Я подал автобармену знак, прося повторить. – Ответьте на один вопрос: вы что, ходите к одному парикмахеру, или же одинаковые прически укрепляют командный дух?

– Мы ходим к одному и тому же парикмахеру, – виновато пожал плечами Баутиста. – К старику на Фултоне. Судя по всему, когда его отправляли на хранение, «ирокезы» были последним пискom моды. Никаких других причесок он делать не умеет. Но старик милый и берёт недорого. Несколько лет назад кто-то из нас впервые заглянул к нему, а теперь мы все ходим, и он делает существенную скидку. Ну, знаете, как это бывает.

– Ну а Ортега?

– Ортега стриётся сама. – Баутиста развел руками. – Специально обзавелась трехмерным сканером, говорит, это помогает ей отрабатывать координацию движений.

– Она не такая, как вы.

– Да, она другая. – Баутиста задумчиво умолк, уставившись в пустоту. Рассеянно пригубив обновленную порцию, он печально усмехнулся. – В общем-то, я пришёл как раз из-за неё.

– Ого! Это будет дружеское предупреждение?

Баутиста скорчил гримасу.

– Ну, оно точно будет дружеским, что бы это для вас ни значило. Мне разбитый нос не нужен.

Я помимо воли рассмеялся. Баутиста присоединился с мягкой улыбкой.

– Дело в том, что она себе места не находит, видя, как вы расхаживаете с этим лицом. Они с Райкером были очень близки. Больше года Ортега выплачивала закладную за его оболочку, а с жалованьем лейтенанта это совсем не просто. Она даже подумать не могла, что этот ублюдок Банкрофт не пожалеет денег на такую оболочку. В конце концов, Райкер уже немолод, а красавцем он вообще никогда не был.

– У него есть нейрохимия, – заметил я.

– Ну да, конечно. У него есть нейрохимия. – Баутиста махнул рукой. – Вы её уже пробовали?

– Пару раз.

– Всё равно что танцевать фламенко, запутавшись в сетях, верно?

– Да, она грубовата, – подтвердил я.

На этот раз рассмеялись мы оба. Успокоившись, полицейский снова сосредоточил взгляд на стаканчике. Его лицо стало серьёзным.

– Я вовсе не пытаюсь надавить на тебя. Я только прошу, чтобы ты действовал поаккуратнее. Кристине сейчас такие переживания ни к чему.

– И мне тоже, – искренне признался я. – Это ведь даже не моя планета, мать твою.

Баутиста сочувственно посмотрел на меня – а может быть, он успел немного опьянеть.

– Как я понимаю, Харлан совсем не похож на Землю.

– Правильно понимаешь. Слушай, не хочу показаться бессердечным нахалом, но разве никто не объяснил Ортеге, что Райкер ушел так далеко, насколько это возможно? Не собирается же она ждать его двести лет, ведь так?

Прищурившись, полицейский пристально посмотрел на меня.

– Так, значит, ты уже слышал о Райкере, да?

– Мне известно, что он получил дуплетом из обоих стволов. Известно, за что он отправился на хранение.

В глазах Баутисты блеснуло что-то похожее на осколки былой боли. Нет ничего приятного в том, чтобы обсуждать коррумпированных коллег. На мгновение я пожалел о сказанном.

Местные обычаи. Впитывай их.

– Не желаешь присесть? – печальным тоном предложил полицейский, оглядываясь вокруг. Судя по всему, высокие стулья убрали от стойки давным-давно. – Может, тогда в кабинку? Рассказ будет длинным.

Мы устроились за одним из столиков с крышкой в виде циферблата, и Баутиста, порывшись в карманах, достал пачку сигарет. Я содрогнулся, но, когда он попытался угостить меня, решительно покачал головой. Как и Ортега, Баутиста был удивлен.

– Я бросил.

– В этой оболочке? – За покрывалом ароматного сизого дыма брови Баутисты уважительно поднялись вверх. – Поздравляю.

– Спасибо. Ты собирался рассказать о Райкере.

– Так вот, Райкер. – Откинувшись назад, полицейский выпустил носом две струйки дыма. – Райкер работал с ребятами, которые занимаются кражей оболочек. Это очень тонкая работа. Похитить целую оболочку, не причинив повреждений, – задача непростая. Приходится иметь дело с гораздо более ловкими и умными преступниками. Время от времени «кражи оболочек» пересекаются с «органическими повреждениями». В основном тогда, когда преступники начинают расчленять тела. В таких местах, как клиника «Вей».

– Да? – равнодушно заметил я.

Баутиста кивнул.

– Кто-то хорошенько поработал там вчера и сберёг нам кучу времени и сил. Превратил заведение в распродажу бывших в употреблении запасных частей. Но, насколько я понимаю, тебе об этом ничего не известно.

– Должно быть, это произошло, когда я выходил на улицу.

– Наверное. Ну так вот, зимой ноль девятого года Райкер шёл по следу каких-то мошенников, якобы они страховая контора. Ну знаешь, человек регулярно выплачивает страховые взносы, а когда приходит время забирать клон, выясняется, что резервуар пуст, и никто не знает, куда подевалось тело. Райкеру удалось расколоть их; выяснилось, что оболочки использовались в каком-то грязном вооруженном конфликте на юге.

Коррупция на самых верхах. Волна докатилась до президиума ООН. Слетело несколько важных голов, а Райкер стал героем.

– Очень мило.

– Если не заглядывать далеко, то да. У нас по поводу героев поднимают очень много шума, и Райкер не оказался исключением. Интервью по первому каналу Всемирной сети, широко освещённая в средствах массовой информации встреча с высшим руководством Объединенных Наций и всё такое. Пока шумиха не утихла, Райкер ухватился за свой шанс. Добился перевода в «органику». Они с Ортегой уже встречались пару раз по работе; как я уже говорил, наши дела время от времени перехлестываются, поэтому Райкер знал, что к чему. Естественно, наш отдел никак не мог ему отказать. Особенно после того, как Райкер публично заявил, что собирается в корне изменить работу «органики».

– Ну и что, у него получилось? Я имею в виду изменить работу «органики»?

Баутиста надул щеки.

– Райкер был хорошим полицейским. Ты мог бы спросить об этом у Ортеги, но где-то через месяц совместной работы они втюрились друг в друга. Поэтому теперь она не может мыслить непредвзято.

– Ты не одобряешь?

– А что зависит от того, одобряю я это или нет? Если испытываешь к человеку такое чувство, что тут попишешь? Я просто хочу сказать, что об объективности надо забыть. Когда Райкер влип, Ортега пришла ему на помощь.

– Вот как? – Не переставая говорить, я отнёс стаканы к автобару и вернулся с полными. – А я слышал, это она его сдала.

– Где ты такое слышал?

– Слухи. Правда, источник не слишком достоверный. Так, значит, это неправда?

– Нет. Уличная грязь любит преподносить все в таком духе. Полагаю, при мысли о том, что мы истребляем друг друга, они делают в штаны от радости. На самом деле, Управление внутренней безопасности взяло Райкера на квартире у Ортеги.

– Ого-го!

– Да, вот такая штука. – Я протянул Баутисте стаканчик, и он смерил меня долгим взглядом. – Понимаешь, Ортега внешне ничего не показала. Просто начала работать, чтобы разбить обвинения УВБ.

– Насколько я слышал, за Райкера ухватились крепко.

– Да, тут источники тебя не обманули. – Полицейский задумчиво

посмотрел в стаканчик, словно решая, продолжать ли дальше. – Ортега предположила, что Райкера подставил какой-то высокопоставленный ублюдок, которому здорово досталось в ноль девятом году. А он действительно много кому наступил на мозоль.

– Но ты в это не веришь?

– Очень хотелось бы поверить. Как я уже говорил, Райкер был хорошим полицейским. И я говорил, отдел кражи оболочек имеет дело с более сообразительными преступниками. А значит, ребятам приходится действовать крайне осторожно. Умные преступники нанимают умных адвокатов, им нельзя просто так давать в зубы, когда хочется. Отдел органических повреждений занимается всеми, от уличного сброда и до самого верха. Мы действуем более свободно. Именно этого ты... извини, Райкер и хотел, добиваясь перевода. Свободы. – Опрокинув стаканчик, Баутиста поставил его на столик и посмотрел мне в глаза. – Лично я полагаю, Райкера занесло.

– Тра-та-та?

– Что-то в таком духе. Мне несколько раз приходилось видеть, как Райкер ведёт допросы. Так вот, по большей части он ходил по краю. Один неосторожный шаг и... – В глазах Баутисты появился страх. Страх, с которым он жил каждый день. – Имея дело с этими подонками, иногда бывает непросто держать себя в руках. Очень непросто. На мой взгляд, именно это и произошло.

– Мой источник утверждает, что Райкер сделал эн-эс двоим, а ещё двоих оставил с нетронутой памятью больших полушарий. По-моему, непростительная беспечность.

Баутиста утвердительно потряс головой.

– То же самое говорит и Ортега. Только дело не так просто. Понимаешь, всё случилось в одной чёрной клинике в Сиэтле. Двое нетронутых выскочили из здания, впрыгнули в транспорт и попытались бежать. Когда их аэрокар оторвался от земли, Райкер проделал в нем сто двадцать четыре дыры. Случайно задел соседние машины. Нетронутые рухнули в Тихий океан. Один из них умер ещё в воздухе, другой – в момент удара о воду. Транспорт затонул на глубине двести метров. Райкер действовал не на своей территории, а сиэтлским фараонам очень не нравится, когда чужаки со значками открывают у них в городе пальбу средь бела дня. Поэтому спасательная команда не подпустила его к телам. Все были очень удивлены, что извлечённая память полушарий принадлежала католикам, и кто-то в управлении полиции Сиэтла заподозрил неладное. Копнул чуть глубже и выяснил, что заявления о требованиях веры

подделаны. Причем весьма небрежно.

– Или в спешке.

Щёлкнув пальцами, Баутиста ткнул меня пальцем. Определенно, он уже был в подпитии.

– Попал в точку. Как решили ребята из УВБ, Райкер испугался, что свидетели уйдут живыми, и от безысходности налепил им на память бирки «не тревожить». Естественно, когда нетронутых вернули, они в один голос заявили, что Райкер припёрся в клинику без ордера, попытался проникнуть по нахалке, а когда его не пустили, прорвался силой и начал задавать вопросы, играя плазмометателем в игру «кто следующий».

– Так всё и было?

– Ты насчет ордера? Да. Райкер не имел права действовать в Сиэтле. А вот насчёт остального никто не знает.

– А что говорил сам Райкер?

– Он сказал, что ничего подобного не делал.

– Только и всего?

– Нет, это длинная история. По словам Райкера, он якобы получил информацию о заведении от одного из осведомителей, постарался хитростью пробраться внутрь, но вдруг по нему открыли огонь. Утверждает, что тоже стрелял в ответ и, может быть, кого-нибудь и зацепил. Но только не в голову. Утверждает, что клиника пожертвовала двумя сотрудниками и сама спалила им головы. Утверждает, что понятия не имеет о фальсификации сообщений о вере. – Баутиста печально пожал плечами. – Того умельца, что проделал фокус с исправлением памяти полушарий, нашли, и он заявил, что ему заплатил Райкер. Прошёл проверку на детекторе лжи. Но он также сказал, что лично с Райкером не встречался, тот ему позвонил. Виртуальная связь.

– Что можно подделать. Запросто.

– Точно, – радостно улыбнулся Баутиста. – С другой стороны, этот тип говорит, что до этого неоднократно выполнял работу для Райкера и много раз встречался с ним лично. Это тоже было проверено на полиграфе. Райкер с ним знаком, это бесспорно. И разумеется, УВБ захотело узнать, почему Райкер пошёл в клинику один, без прикрытия. Она разыскала свидетелей, случайных прохожих, заявивших, что Райкер вёл себя как сумасшедший, палил вслепую, пытаясь сбить аэрокар. Как я говорил, полиция Сиэтла была совсем не в восторге.

– Сто двадцать четыре отверстия, – пробормотал я.

– Да. Это очень много. Райкер уж слишком рьяно стремился остановить этих двоих нетронутых.

– И всё же не исключена возможность, что его подставили.

– Да, не исключена. – Баутиста чуть протрезвел, и в его голосе прозвучали сердитые нотки. – Много чего не исключено. Но факт остается фактом, что ты... *чёрт*, что Райкер забрался слишком далеко, и когда ветка под ним сломалась, его никто не поймал.

– А Ортега, значит, приняла версию о подставе, вступилась за Райкера, билась с УВБ до самого конца, а когда она всё-таки проиграла... – Я кивнул, соглашаясь с собственными рассуждениями. – А когда она проиграла, стала выплачивать закладную за оболочку Райкера. И продолжила собирать доказательства, так?

– Опять попал в точку. Она уже подготовила ходатайство о пересмотре дела, но с момента вынесения приговора должно пройти не меньше двух лет до того, как диск поставят на вертушку. – Баутиста тяжело вздохнул. – А сейчас она места себе не находит.

Некоторое время мы сидели молча.

– Знаешь, – наконец сказал Баутиста, – я, пожалуй, пойду. Мне как-то не по себе разговаривать о Райкере, видя перед собой его лицо. Представляю, каково приходится Ортеге.

– Это лишь одна из сторон жизни в современную эпоху, – сказал я, опрокидывая стакан.

– Да, полагаю, ты прав. Наверное, ты думаешь, я уже должен был бы к этому привыкнуть. Половину своей жизни я провел, разговаривая с жертвами, носящими чужие лица. Я уж не говорю про преступников.

– А Райкера ты кем считаешь? Жертвой или преступником?

Баутиста нахмурился.

– Нельзя так ставить вопрос. Райкер – хороший полицейский, допустивший ошибку. Это не делает его преступником. Но и жертвой тоже не делает. Просто человек вляпался. Да я сам постоянно нахожусь в двух шагах от этого.

– Ты прав. Извини. – Я потёр лицо. Посланник не должен допускать в разговоре такие оплошности. – Мне знакомо твоё состояние. Знаешь, я что-то устал. Пожалуй, пойду спать. Если хочешь перед уходом пропустить ещё стаканчик – на здоровье. Я заплачу.

– Нет, спасибо. – Баутиста допил то, что у него оставалось. – Старинное правило полицейского. Никогда не пить в одиночку.

– В таком случае мне тоже надо стать полицейским. – Я встал, слегка покачиваясь. Каким бы заядлым курильщиком ни был Райкер, развозило его от пары рюмок. – Надеюсь, провожать тебя не надо.

– Не беспокойся. – Поднявшись из-за столика, Баутиста нетвердой

походкой направился к выходу, но, сделав шагов пять, остановился и обернулся, сосредоточенно нахмурившись. – Ах, да. Надеюсь, не надо говорить, что меня здесь никогда не было, так?

Я махнул рукой.

– Тебя здесь никогда не было.

Он довольно улыбнулся, и его лицо вдруг стало очень молодым.

– Точно. Отлично. Быть может, ещё как-нибудь увидимся.

– Увидимся.

Проводив Баутисту взглядом, я с сожалением позволил ледяному самоконтролю посланника справиться с моими путаными мыслями. Мгновенно протрезвев, что было совсем не радостно, я взял трубку с кристалликами, отнятую у Кёртиса, и отправился побеседовать с «Хендриксом».

Глава двадцать первая

– Тебе известно что-нибудь о синаморфестероне?

– Слышала о таком.

Ортега рассеянно ковыряла песок носком ботинка. Отлив начался совсем недавно, и наши следы тотчас же затягивало водой. Изогнутый плавной дугой берег выглядел пустым от края до края. Мы с Ортегой были совсем одни, если не считать чаек, кружащихся геометрически правильными узорами высоко в небе.

– Ладно, поскольку нам всё равно придется немного подождать, быть может, ты меня просветишь?

– Наркотик гарема.

Поймав мой недоуменный взгляд, Ортега нетерпеливо надула щеки. Она вела себя так, будто не выпалась.

– Я нездешний.

– Ты говорил, что бывал на Шари.

– Да. В составе вооруженных сил. У нас не было времени на то, чтобы знакомиться с культурой и бытом местного населения. Мы были слишком заняты тем, что убивали людей.

Это была не совсем правда. После разорения Зихикка чрезвычайные посланники погрязли в рутине, насаждая политический режим, лояльный Протекторату. Вылавливали смутьянов, выявляли и сокращали очаги сопротивления, выискивали коллаборационистов, готовых сотрудничать. Тут мы многое узнали о местной культуре.

Я подал рапорт о досрочном переводе на другую планету.

Прикрыв глаза козырьком, Ортега осмотрела берег в обе стороны. Ничего движущегося. Она вздохнула.

– Этот препарат повышает мужскую реакцию. Влияет на агрессивность, потенцию, уверенность в себе. На чёрных рынках Ближнего Востока и Европы его называют «жеребцом», на юге – «торо». У нас эта дрянь встречается нечасто, здешний народ более разборчив. Чему я несказанно рада. Если судить по тому, что мне известно об этом препарате, очень мерзкая штука. Ты вчера на него наткнулся?

– В каком-то смысле.

Приблизительно то же самое я вытянул вчера вечером из базы данных «Хендрикса». Только Ортега выразилась более определенно, не нагружая меня химическими формулами. Поведение Кёртиса можно было считать

образцом воздействия препарата и его побочных эффектов.

– Предположим, мне захотелось попробовать эту дрянь, где я смогу её раздобыть? Я имею в виду, проще всего?

Пристально посмотрев на меня, Ортега вышла на песок посуше.

– Как я уже говорила, у нас синаморфестерон встречается нечасто, – произнесла она в такт медленным шагам. – Придётся поспрашивать. Найти человека, имеющего связи с Европой. Говорят, препарат можно получать синтетическим путем, но я точно не знаю. Однако, наверное, синтезированные гормоны дороже тех, что привозят с юга.

Остановившись на гребне дюны, Ортега снова огляделась по сторонам.

– Чёрт побери, где же она?

– А может быть, она не придёт, – угрюмо пробурчал я.

Сам я этой ночью почти не спал. После ухода Родриго Баутисты я долго сидел, пытаясь сложить воедино отдельные детали Банкрофтовского пазла и борясь с желанием покурить. Мне показалось, не успела моя голова прикоснуться к подушке, как «Хендрикс» сообщил о звонке Ортеги. Это случилось до неприличия рано.

– Обязательно придёт, – уверенно заявила Ортега. – Связь подключена к её личному адаптеру. Возможно, звонок задержали системы безопасности. Мы здесь пробыли секунд десять реального времени.

Я промолчал, поёжившись на холодном ветру с моря. Чайки над головой продолжали рисовать геометрические узоры. Дешёвая виртуальность не предназначена для долгого пребывания.

– Сигареты у тебя есть?

Глубоко затянувшись, я уселся на холодный песок, и тут справа, на самом краю залива, появилось что-то движущееся. Я выпрямился и прищурился, всматриваясь в даль, а затем прикоснулся к плечу Ортеги. Теперь уже был виден фонтан воды и песка, который поднимал скоростной надводный аппарат, несущийся к нам по кромке воды.

– Я же говорила, что она придёт.

– Она или кто-то другой, – проворчал я, поднимаясь на ноги и ощупывая бедро в поисках «Немекса», которого, разумеется, у меня не было. Редко какое устройство виртуальной связи допускает ношение огнестрельного оружия. Смахнув с одежды песок, я направился навстречу транспорту, не в силах избавиться от упрямой мысли, что мы впустую теряем время.

Теперь уже можно было разглядеть гостя – чёрную точку, позади которой поднимался высокий бурун. Послышался пронзительный вой

двигателя, заглушающего меланхолические крики чаек. Я повернулся к Ортеге, стоявшей рядом и спокойно наблюдавшей за приближающимся транспортом.

– По-моему, для простого телефонного звонка это уже чересчур, ты не находишь? – язвительно спросил я.

Пожав плечами, Ортега бросила окурок в песок.

– Большие деньги – ещё не значит хороший вкус, – сказала она. Стремительно несущаяся точка превратилась в короткий одноместный реактивный кар с крыльями, выкрашенный светящейся розовой краской. Он нёсся по неглубокой полоске прибоя, разбрасывая брызги и мокрый песок. Когда между нами оставалась пара сотен метров, пилот, должно быть, увидел нас, так как крошечный транспорт свернул на глубину, описав крутую дугу и подняв бурун вдвое выше себя.

– Розовый?

Ортега снова пожала плечами.

Реактивный кар выскочил на берег метрах в десяти от нас и, дёрнувшись, застыл на месте, подняв вокруг комья мокрого песка. Как только утихла буря от его появления, крышка люка откинулся назад, и из транспорта выбралась фигура во всём чёрном, со шлемом на голове. То, что это была женщина, подчеркивал обтягивающий комбинезон, который заканчивался высокими сапогами с серебряной инкрустацией на танкетке.

Вздохнув, я направился следом за Ортегой к транспорту.

Женщина в лётном комбинезоне, спрыгнув в неглубокую воду, зашлёпала нам навстречу, расстёгивая шлем. Наконец он поддался, и на натянутые в чёрное плечи упала волна длинных медно-рыжих волос. Женщина тряхнула головой, открывая широкое лицо с большими выразительными глазами цвета искрящегося оникса, изящно изогнутым носом и щедрыми полными губами.

Призрачное воспоминание о былой красоте Мириам Банкрофт успело полностью стереться.

– Ковач, познакомься с Лейлой Бегин, – официальным тоном произнесла Ортега. – Мисс Бегин, это Такеси Ковач, частный следователь, нанятый Лоренсом Банкрофтом.

Большие глаза бесцеремонно осмотрели меня.

– Вы нездешний? – спросила Бегин.

– Точно. Я с Харлана.

– Да, лейтенант говорила об этом. – В голосе Лейлы Бегин присутствовала едва уловимая жёсткость, свидетельствующая о том, что она не привыкла говорить на амеранглике. – Надеюсь, это означает, что вы

подойдете к делу непредвзято.

– То есть?

– То есть постараетесь найти правду. – Бегин выглядела удивленной – Лейтенант Ортега сказала, что вы стремитесь найти правду. Вы хотели поговорить со мной?

Не дожидаясь ответа, она пошла вдоль линии приборя. Я бросил взгляд на Ортегу. Та кивнула, но не тронулась с места. Поколебавшись мгновение, я направился следом за Бегин.

– Так что насчет правды? – спросил я, догнав её.

– Вас наняли для того, чтобы установить, кто убил Лоренса Банкрофта, – натянуто произнесла Бегин, не оборачиваясь. – Вы хотите узнать всю правду о той ночи, когда он умер. Это так?

– Значит, вы не верите, что это было самоубийство, да?

– А вы верите?

– Я задал вопрос первым.

У неё на губах заиграла слабая улыбка.

– Нет, не верю.

– Позвольте мне высказать предположение. Вы думаете, что это сделала Мириам Банкрофт.

Остановившись, Лейла Бегин развернулась на каблуках.

– Мистер Ковач, вы надо мной издеваетесь?

В её взгляде было нечто такое, что сразу же заставило меня посерьёзнеть. Я покачал головой.

– Нет, не издеваюсь. Но я прав, так?

– Вы знакомы с Мириам Банкрофт?

– Виделся пару раз.

– Несомненно, вы нашли её очаровательной.

Я уклончиво пожал плечами.

– Временами она бывает резковата, но в целом да, её можно назвать очаровательной.

Бегин посмотрела мне прямо в глаза.

– Она психопатка, – совершенно серьёзно произнесла Лейла Бегин и пошла дальше. Постояв, я последовал за ней.

– В настоящее время термин «психопат» приобрел слишком широкое значение, – осторожно заметил я. – Мне приходилось слышать, как его применяли в отношении целых народов. Раз или два так называли даже меня. В наши дни действительность стала настолько гибкой, что трудно определить, кто с ней связан, а кто нет. Можно даже сказать, это определение стало бессмысленным.

– Мистер Ковач! – В голосе женщины прозвучали нетерпеливые нотки. – Мириам Банкрофт напала на меня, когда я была беременна, и убила моего ещё не родившегося ребёнка. Она знала, что я беременна, и тем не менее действовала сознательно. Вам когда-нибудь приходилось быть на седьмом месяце беременности?

Я покачал головой.

– Нет.

– Плохо. Каждый человек должен пройти через такое хотя бы один раз.

– Боюсь, закрепить это требование законодательно будет весьма непросто.

Бегин искоса взглянула в мою сторону.

– В этой оболочке вы похожи на человека, знающего, что такое потери, однако, может быть, это лишь внешне. Мистер Ковач, вы такой, каким кажетесь? Вы знаете, что такое потери? Мы сейчас говорим про невосполнимые потери. Вы с ними знакомы?

– Полагаю, да, – произнес я более натянутым тоном, чем намеревался.

– В таком случае вы поймете, что я чувствую в отношении Мириам Банкрофт. На Земле память больших полушарий вживляют уже после рождения.

– Там, откуда я прибыл, тоже.

– Я потеряла ребёнка. И никакие современные технологии не смогут его вернуть.

Я не мог понять, является ли нарастающая волна чувств в голосе Лейлы Бегин искренней или деланой, но уже начинал терять тему разговора. Мне пришлось вернуться в самое начало.

– Это не даёт Мириам Банкрофт мотива для убийства мужа.

– Нет, даёт. – Бегин снова одарила меня взглядом искоса, и на лице у неё опять мелькнула горькая усмешка. – Я ведь не была для Лоренса Банкрофта чем-то из ряда вон выходящим. Как, по-вашему, он со мной познакомился?

– Насколько я слышал, вы с ним встретились в Окленде.

Усмешка переросла в жёсткий смех.

– Очень уклончивое определение. Да, мы с ним определенно познакомились в Окленде. Он нашел меня в заведении, называвшемся «Мясная лавка». Нельзя сказать, что оно было высококлассным. Лоренс с радостью опускался на самое дно, мистер Ковач. Он так закалялся. Занимался этим не один десяток лет до нашей встречи, и не вижу причин, по которым бы он остановился после.

– То есть, по-вашему, Мириам решает, что с неё достаточно, и сжигает

ему мозги, так?

– Она на это способна.

– Не сомневаюсь в этом. – У версии Бегин было столько же дыр, сколько в пойманном на Шарии дезертире, но я не собирался делиться с этой женщиной всем, что знал. – Полагаю, к самому Банкрофту вы не испытываете никаких чувств, да? Ни плохих, ни хороших.

Снова усмешка.

– Я была проституткой, мистер Ковач. И очень неплохой. Хорошая проститутка испытывает к клиенту те чувства, которые он от неё хочет. Ни на что другое места не остается.

– Вы хотите сказать, что можете просто так взять и отрезать все чувства?

– А вы не можете? – возразила она.

– Ну хорошо, каких чувств требовал от вас Банкрофт?

Остановившись, Бегин медленно повернулась ко мне. Я почувствовал себя так неудобно, как будто только что дал ей пощечину. Её лицо затянулось маской воспоминаний.

– Животной покорности, – наконец сказала она. – И бесконечной благодарности. Но я перестала испытывать и то и другое, как только он прекратил платить.

– А что вы испытываете в отношении него сейчас?

– Сейчас? – Лейла Бегин отвернулась к морю, словно она предлагала холодному ветру остудить то, что разгоралось в душе. – А сейчас я больше ничего не испытываю, мистер Ковач.

– Вы согласились встретиться со мной. У вас должна быть на то причина.

Бегин неопределенно махнула рукой.

– Меня попросила об этом лейтенант Ортега.

– Какая у вас высокая гражданская ответственность.

Она снова повернулась ко мне.

– Вам известно, что произошло после того выкидыша?

– Насколько я слышал, вам щедро заплатили.

– Да. Вам может показаться, я поступила очень некрасиво, не так ли? Но всё произошло именно так. Я взяла деньги Банкрофта и замолчала. Деньги были очень большие. Но я не забыла о том, откуда я. Я по-прежнему два-три раза в год приезжаю в Окленд, встречаюсь с девушками, работающими в «Мясной лавке». У лейтенанта Ортеги в таких заведениях хорошая репутация. Многие девушки перед ней в долгу. Так что можно считать, я просто расплачиваюсь за них.

– И желание отомстить Мириам Банкрофт тут никаким боком не проходит?

– О какой мести может идти речь? – Лейла Бегин снова издала жёсткий смешок. – Я разговариваю с вами потому, что меня попросила об этом лейтенант. Вы ничего не сможете сделать Мириам Банкрофт. Она маф. Неприкасаемая.

– Неприкасаемых людей нет. Это относится даже к мафам.

Бегин печально посмотрела на меня.

– Вы нездешний, – сказала она. – И это заметно.

Звонок Бегин был переправлен через оператора с Карибских островов, а виртуальное время было куплено у провайдера из китайского района Бей-Сити. «Дёшево, – объяснила мне Ортега по дороге в центр связи, – а в отношении безопасности ничуть не хуже любого другого места. Банкрофт, когда хочет пообщаться с кем-нибудь без посторонних, выкладывает полмиллиона за навороченную систему шифрования. А я просто отправляюсь туда, где никто не будет подслушивать».

Центр связи оказался тесным и убогим. Здание, втиснутое между банком в виде пагоды и рестораном с матовыми стеклами, не привлекало к себе внимания. Для того чтобы попасть на ресепшн, надо было подняться по узкой чугунной лестнице и пройти по коридору, прилепившемуся к крылу пагоды. Зал ожидания клиентов занимал щедрый семь или восемь квадратных метров пола, покрытого расплавленным песком, с естественным освещением и двумя рядами обшарпанных кресел – такого вида, будто их выдрали из списанного реактивного лайнера. Справа от кресел, за горой офисной техники, похоже выключенной, сидела древняя женщина с азиатским лицом, охраняя лестницу, ведущую в утробу здания. А там, внизу, в глубоком подzemелье, пространство поделено на узкие коридоры, заполненные кабелями и трубами. Каждый коридор оканчивался дверью, за ней – тесная комнатёнка. Кушетки с электродами для экономии места установлены под острым углом к полу; со всех сторон их окружают мигающие приборные панели, покрытые толстым слоем пыли. Нам пришлось самим пристегнуться к койкам, подключиться к электродам и ввести с клавиатуры на подлокотнике код доступа, который сообщили в приёмной. После этого машина ожила и завладела нашими рассудками.

Возвращение из виртуальности пустынного берега и бескрайнего горизонта стало потрясением. Открыв глаза и увидев прямо над головой ряды приборов, я на мгновение почувствовал себя на Харлане. Тринадцатилетним пареньком, пробудившимся после первого виртуального порнофильма. Низкопробное свидание за две минуты реального времени

предоставило мне полтора часа общества двух женщин с грудями, словно накачанными воздухом, похожих скорее на героев комиксов, чем на живых людей. Действие происходило в комнате, заполненной розовыми подушечками и коврами из искусственной шерсти, благоухающей ароматами дешёвых духов, с окнами, за которыми виднелась изображенная с плохим разрешением панорама ночного города. Затем, когда я связался с бандами и стал зарабатывать больше денег, качество и разрешение изображения возросли, сценарии стали более изобретательными, но суть осталась прежней. И, поднимаясь на поверхность из тесных стен гроба, я неизменно чувствовал затхлый привкус во рту и неприятный зуд от электродов.

– Ковач?

Заморгав, я принялся расстегивать крепления. Выбравшись из комнатёнки, я застал Ортегу в заполненном кабелями коридоре.

– Ну, что скажешь?

– На мой взгляд, она – полное дерьмо. – Я поднял руку, останавливая возражение Ортеги. – Нет, сначала выслушай. Я согласен, что у Мириам Банкрофт не все дома; тут мне нечего возразить. Но есть не меньше полусотни причин, по которым она не встраивается в картинку. Ортега, мать твою, ведь вы же проверили её на детекторе лжи.

– Да, я не забыла. – Ортега вышла следом за мной в коридор – И сейчас я думала об этом. Понимаешь, Мириам Банкрофт сама вызвалась пройти тест. Я хочу сказать, при допросе свидетелей эта процедура всё равно является обязательной, но миссис Банкрофт стала приставать ко мне с требованием проверки на полиграфе, едва я переступила порог особняка. Никаких истерик, ни единой слезинки – она просто ввалилась в полицейскую машину и потребовала подсоединить её к проводам.

– Ну и?

– И тут я вспомнила про то, что ты проделал у Резерфорда. Ты сказал, что если бы в тот момент тебя проверили на детекторе лжи, прибор бы ничего не зафиксировал, и...

– Ортега, в данном случае речь шла о подготовке посланников. Строжайшая дисциплина рассудка в чистом виде. Тут нет ничего физического. Таковую вещь не купишь на рынке.

– Мириам Банкрофт носит лучшее творение «Накамуры». Её лицо и тело используют для рекламы продукции...

– А «Накамура» уже удавалось сделать что-нибудь, способное обмануть полицейский полиграф?

– Официально нет.

– И что же ты хочешь...

– Не будь таким тупым, мать твою! Ты что, никогда не слышал о сделанной на заказ биохимии?

Остановившись у лестницы, ведущей наверх в приемную, я покачал головой.

– Не могу принять твою версию. Спалить мужу голову из оружия, к которому, кроме них двоих, ни у кого нет доступа? Она не настолько глупа.

Мы стали подниматься наверх. Ортега следовала за мной по пятам.

– Ковач, подумай хорошенько. Я вовсе не утверждаю, что миссис Банкрофт сделала это преднамеренно...

– А как же насчёт резервной копии памяти? Это преступление совершенно бессмысленно...

– ...не утверждаю, что оно было рациональным, но ты должен...

– ...его мог совершить только тот, кто не знал о...

– Твою мать! Ковач!

Голос Ортеги повысился на целую октаву.

Мы уже поднялись в приёмную. По-прежнему слева сидели два клиента, ожидающие своей очереди: мужчина и женщина с большим бумажным свёртком, поглощённые разговором. Но справа, периферийным зрением, я разглядел нечто алое, чего там не должно было быть.

Старуха-азиатка мертва. Её горло перерезали чем-то металлическим, оставившим глубокую рану на шее. Голова убитой лежала в блестящей лужице крови, скопившейся на столе.

Моя рука резко рванула к «Немексу». Рядом послышался щелчок: Ортега дослала первый патрон в «Смит-Вессон». Я стремительно развернулся к двум клиентам и их бумажному свертку.

Время растянулось, как во сне. Нейрохимия сделала всё невозможно медленным; отдельные изображения опадали на сетчатку глаз, подобно осенним листьям.

Свёрток раскрылся. Женщина держала в руках компактный «Санджет», мужчина сжимал пистолет-пулемет. Выхватив «Немекс», я начал стрелять с бедра.

Дверь в проход распахнулась, и появился ещё один человек с пистолетами в обеих руках.

У меня над ухом прогремел «Смит-Вессон» Ортеги и отшвырнул новоприбывшего обратно в проход, словно прокрутив назад плёнку с его появлением.

Мой первый выстрел разнёс подголовник кресла, в котором сидела женщина, обдав её дождём из белой набивки. Зашипел «Санджет», посылая

лучи. Вторая пуля разорвала женщине голову, окрасив кружащиеся белые мошки в красный цвет.

Ортега разъярённо вскрикнула. Она продолжала стрелять, как показывало мне боковое зрение, куда-то вверх. Над нами брызнуло осколками разбитое стекло.

Пулемётчик вскочил на ноги. Успев разглядеть безликие черты синтетической оболочки, я всадил в него пару пуль. Синтетик отлетел назад к стене, продолжая поднимать оружие. Я бросился на пол.

Купол у нас над головой разлетелся вдребезги, проваливаясь внутрь. Ортега что-то крикнула, и я откатился в сторону. Рядом со мной на пол рухнуло головой вниз безжизненное тело.

Пистолет-пулемет дал очередь, нацеленную в никуда. Опять что-то крикнув, Ортега распласталась на полу.

Я приподнялся над телом убитой женщины и снова выстрелил в синтетика, три раза подряд, один за другим. Пистолет-пулемет умолк.

Тишина.

Я поводит «Немексом» влево и вправо, держа под прицелом углы приёмной и входную дверь. Разбитые края купола над головой. Ничего.

– Ортега?

– Кажется, жива.

Она лежала на полу в другом конце комнаты, приподнявшись на локте. Прозвучавшая в голосе боль опровергала слова. Шатаясь, я поднялся на ноги и направился к Ортеге, хрустя разбитым стеклом.

– Где болит? – спросил я, помогая ей сесть.

– Плечо. Долбаная сучка зацепила меня из «Санджета».

Убрав «Немекс», я осмотрел рану. Луч оставил диагональную полосу сзади на куртке Ортеги и прожег плечевую накладку. Тело под накладкой обгорело, в центре – узкой полоской – до самой кости.

– Тебе повезло, – с деланой небрежностью произнес я. – Если бы ты не пригнулась, она бы попала в голову.

– Я не пригнулась, а просто рухнула на пол, твою мать.

– Ничего, терпимо. Хочешь встать?

– А ты как думаешь? – Приподнявшись на коленях и здоровой руке, Ортега выпрямилась и тут же поморщилась. – Чёрт, больно!

– Думаю, паренёк в дверях так же сказал.

Опираясь на меня, Ортега обернулась. Наши глаза разделяли какие-то считанные сантиметры. Я спокойно выдержал её взгляд, и по лицу Ортеги восходом солнца разлилась улыбка. Она тряхнула головой.

– Господи, Ковач, ну ты и ублюдок, дьявол тебя поberi! Таким шуткам

учат в Корпусе или это твой личный дар?

Я повёл её к выходу.

– Мой. Пошли, надо глотнуть свежего воздуха.

У нас за спиной послышался неожиданный шорох. Молниеносно обернувшись, я увидел, что синтетическая оболочка с трудом поднимается на ноги. Последним выстрелом я снёс ей полчерепа, и на месте лица зияла отвратительная дыра. Раздробленная правая кисть безжизненно висела на онемевшей окровавленной руке, но другая рука судорожно сжималась в кулак. Синтетик качнулся, наткнувшись на стул, с трудом удержал равновесие и двинулся к нам, привлекая правую ногу.

Я достал «Немекс» и направил его на убийцу.

– Бой окончен.

Изуродованное лицо мерзко усмехнулось. Ещё один нетвердый шаг вперед. Я нахмурился.

– Ради бога, Ковач, не тани, – воскликнула Ортега, доставая револьвер. – Кончай скорее.

Я выстрелил, и пуля свалила синтетика на усеянный осколками пол. Дёрнувшись пару раз, он затих, тяжело дыша. Я зачарованно смотрел на него. Из изувеченного рта вырвался булькающий смешок.

– Хватит, мать вашу, – прокашлял синтетик и снова рассмеялся. – Эй, Ковач, ты слышишь? *Хватит, мать вашу.*

Мгновение я заворуженно стоял на месте, затем, развернувшись, бросился к двери, увлекая Ортегу за собой.

– В чём...

– Живо отсюда, мать твою!

Вытолкнув её в дверь перед собой, я ухватился за перила. На полу перед нами лежал скорчившийся пулеметчик. Я снова подтолкнул Ортегу, и она неуклюже перепрыгнула через труп. Захлопнув за собой дверь, я побежал за ней.

Мы почти успели добежать до конца коридора, когда купол за спиной взлетел гейзером из стекла и стали. Я отчётливо услышал, как сорвалась с петель только что закрытая мной дверь, и тотчас же взрывная волна подхватила нас, словно упавшую с вешалки одежду, и швырнула вниз по лестнице на улицу.

Глава двадцать вторая

Ночью работа полиции выглядит более захватывающей.

Сначала показываются мигающие огоньки, и они отбрасывают драматичные отблески на угрюмые лица окружающих, расцветивая их попеременно кроваво-красными и дымчато-голубыми тонами. Затем ночь разрывается завыванием сирен, как будто старый лифт со скрежетом спускается по уровням города, доносится треск переговорных устройств, одновременно бодрящий и таинственный, появляются снующие из стороны в сторону смутные тени, летят загадочные обрывки фраз, – на глазах у разбуженных зевак правоохранительная машина набирает обороты. На самом деле смотреть абсолютно не на что, и всё же люди стоят и часами таращатся на происходящее.

Девять часов утра в будний день – совсем другое дело. На вызов Ортеги откликнулись две патрульные машины, но их мигалки и сирены затерялись в оживлении часа пик. Полицейские в форме поставили силовые барьеры и очистили от посетителей соседние здания, а Ортега тем временем убеждала охрану банка не задерживать меня как возможного соучастника террористов.

За едва заметно мерцающими полосами барьеров скопилась пёстрая толпа, по большей части из раздражённых пешеходов, пытающихся пройти.

Всё это время я сидел на парапете тротуара, осматривая внешние последствия короткого полёта по лестнице вниз и на улицу. Преимущественно синяки и ссадины. Куполообразная приёмная направила основную энергию взрыва вертикально вверх, и туда же ушли почти все осколки. Нам с Ортегой очень повезло.

Переговорив у входа в банк с группой полицейских в форме, Ортега пересекла улицу и подошла ко мне. Она уже сняла куртку, и на плече затягивалась длинная белая полоса сварного шва, скрепившего поврежденные ткани. В руке Ортега держала наплечную кобуру. Под тонкой белой хлопчатобумажной футболкой с надписью «У тебя есть право молчать – почему бы тебе им не воспользоваться?» покачивалась её грудь.

Ортега присела на парапет рядом со мной.

– Машина с криминалистами уже в пути, – вдруг сказала она. – Как ты думаешь, среди обломков удастся найти что-нибудь полезное?

Посмотрев на дымящиеся развалины купола, я покачал головой.

– Там будут трупы. Возможно, с уцелевшей памятью полушарий, но

эти ребята – обычные уличные громилы. Они в один голос заявят, что их нанял синтетик за полдюжины ампул тетрамета каждому.

– Да, они были какие-то заторможенные, так?

Я почувствовал, что на моих губах заиграла призрачная усмешка.

– В общем-то да. Но, по-моему, тот, кто их нанимал, и не надеялся, что они нас прикончат.

– Им предстояло отвлекать наше внимание, пока твой приятель не взорвется, да?

– Что-то в таком духе.

– Насколько я поняла, детонатор был подключен к системе слежения за жизненными функциями организма. Ты кончаешь этого типа, а он – бух! – забирает тебя с собой. И меня тоже. А также эту дешёвку, подручных.

– А заодно разносит на куски свою оболочку и память полушарий, – кивнув, подтвердил я. – Очень аккуратно, ты не согласна?

– Так в чем же сбой?

Я рассеянно почесал шрам над глазом.

– Синтетик меня переоценил. Он рассчитывал, что я убью его первым же выстрелом, однако я промахнулся. Вероятно, после этого он расправился бы с собой сам, но я, пытаясь остановить пистолет-пулемёт, изувечил ему правую руку. – Я снова отчётливо увидел, как оружие вываливается из раздробленных пальцев и с грохотом падает на пол. – И он уже не смог дотянуться до пулемёта. Наверное, лежал на полу, стараясь усилием воли заставить себя умереть, и тут услышал, что мы уходим. Интересно, какой конструкции у него была оболочка?

– Надеюсь, от неё что-нибудь сохранилось для наших экспертов, – весело заявила Ортега.

– Тебе же известно, кто это был, разве не так?

– Он назвал тебя Ковачем...

– Это был Кадмин.

Наступила короткая пауза. Я смотрел на дым, кружащийся над разрушенным куполом. Ортега медленно сделала вдох и выдох.

– Кадмин на хранении.

– Уже нет. – Я искоса взглянул на неё. – Угостишь сигаретой?

Она молча протянула пачку. Я вытряс одну сигарету, засунул её в уголок губ, прикоснулся к кончику зажигательной полоской и сделал глубокую затяжку. Движения следовали одно за другим – условный рефлекс, выработанный годами, ПО для удовлетворения потребности. Мне не пришлось подключать сознание. Табачный дым проник в лёгкие ароматом духов любимой женщины.

– Он меня знал. – Я выпустил дым. – И он знал историю про куэллистку. «Хватит, мать вашу», – это фраза, произнесённая повстанкой-куэллисткой Ифигенией Деми, когда её допрашивали с пристрастием во время беспорядков на Харлане. Иффи была напичкана взрывчаткой и разнесла целое здание. Это тебе ничего не напоминает? Ну а теперь скажи, кто из наших знакомых сыплет цитатами Куэлл не хуже уроженца Миллспорта?

– Он же на хrapении, Ковач, мать твою! Извлечь память полушарий с хранения невозможно без...

– Без участия искусственного интеллекта. А вот с ИскИном такое возможно. И мне приходилось видеть это на практике. Центральное командование проделывало подобные штучки с нашими военнопленными на Адорасьоне. – Я щёлкнул пальцами. – Вот так, раз и готово.

– Так просто? – насмешливо спросила Ортега.

Я пропустил её слова мимо ушей, втягивая дым в лёгкие.

– Помнишь, когда мы находились с Кадминым в виртуальности, на небе мелькнуло что-то вроде молнии?

– Я ничего не заметила. Хотя нет, погоди, теперь вспоминаю. Я решила, что это сбой.

– Нет, не сбой. Молния прикоснулась к Кадмину. Отразилась на столе. После этого Кадмин пообещал меня убить. – Повернувшись к Ортеге, я слабо улыбнулся. Воспоминание о виртуальном разговоре с Кадминым было до жути отчётливым. – Не хочешь послушать настоящую легенду от первого поколения обитателей Харлана? Сказку из другого мира?

– Ковач, даже если использовать ИскИн, все равно потребуется...

– Хочешь сказочку?

Пожав плечами, Ортега поморщилась и, наконец, кивнула.

– Валяй. Только сначала верни сигареты.

Бросив ей пачку, я подождал, пока она закурит.

Ортега выпустила струйку дыма.

– Ну хорошо, давай.

– Итак, слушай. Город, в котором я родился, Ньюпест, когда-то был центром текстильной промышленности. На Харлане есть такое растение, называется белла, растёт в море и на берегу. Если его высушить и обработать химическими реактивами, получится что-то вроде хлопка. В Эпоху Поселения Ньюпест стал беллахлопковой столицей Харлана. Условия труда на текстильных фабриках были плохими ещё тогда, а после того, как куэллисты перевернули всё вверх ногами, они стали ещё хуже. Беллахлопковая промышленность пришла в упадок, началась массовая

безработица, народ обнищал, а повстанцы не могли ничего с этим поделать. В конце концов они ведь были революционерами, мать их, а не экономистами.

– Та же самая старая песня, да?

– В общем, мотивчик знакомый. И тогда в трущобах, где жили рабочие текстильных фабрик, начали происходить жуткие вещи. Что-то вроде «Разбушевавшихся духов» и «Каннибалов с Китано-стрит».

Затянувшись, Ортега выразительно кивнула.

– Очаровательно.

– Что ж, неизбежные последствия тяжелых времен. А я хочу рассказать тебе историю Безумной Людмилы. У нас ею пугают детей, заставляя выполнять домашние дела и возвращаться домой с наступлением темноты. У Безумной Людмилы была небольшая беллахлопковая фабрика и трое детей, не желавших ей помогать. Всю ночь напролет они бегали по городу, играя в прятки, а потом днём отсыпались. И вот, как гласит легенда, однажды у Людмилы помутился рассудок.

– Так, значит, она не была сумасшедшей?

– Нет, просто постоянно жила в стрессе.

– Но ты назвал её Безумной Людмилой.

– Так называется легенда.

– Однако если она не была сумасшедшей с самого начала...

– Ты хочешь слушать дальше или нет?

Уголки губ Ортеги дёрнулись. Она махнула мне сигаретой.

– Продолжаю рассказ. Итак, однажды вечером, когда дети как всегда собрались уходить из дома, Людмила подсыпала что-то им в кофе. После того как они лишились возможности двигаться, – но, подчёркиваю, остались в сознании, – мать отвезла их на Митчемс-Пойнт и одного за другим бросила в мусорные баки. Говорят, крики были слышны на той стороне болота.

– М-м, да...

– Разумеется, полиция заподозрила что-то неладное...

– Неужели?

– ...но не смогла ничего доказать. Детишки баловались нехорошими химическими препаратами и, по слухам, были связаны с местной якудзой. Поэтому их исчезновение никого особенно не удивило.

– Ну и какова суть этой легенды?

– Слушай дальше. Понимаешь, Людмила избавилась от своих бестолковых никчёмных детей, но это ей не помогло. Ей по-прежнему был нужен кто-то, чтобы ворочать чаны, таскать беллахлопок по лестницам и

так далее, а у неё не было денег. И что же она сделала?

– Смею предположить, что-нибудь мерзкое.

Я кивнул.

– Людмила достала из мусорного бака кусочки перемолотых детей и нашла их на огромный трехметровый каркас. А затем, в ночь, отданную тёмным силам, она призвала тенгу...

– Кого?

– Тенгу. Это такой злой дух, наверное, ты бы назвала его демоном. Так вот, Людмила призвала тенгу, чтобы тот оживил каркас, и пришила его к нему.

– Что, когда он не смотрел?

– Ортега, это же сказка. Людмила пришила к каркасу душу тенгу, пообещав, что освободит её после того, как тот прослужит девять лет. Девять – священное число в харланских пантеонах. Итак, Людмила и тенгу оказались связаны этим соглашением. К несчастью...

– Ага!

– ...тенгу не славятся терпением, да и старушка Людмила, полагаю, была не самым лёгким человеком. Однажды ночью, когда ещё не истекла и треть срока, тенгу набросился на Людмилу и разорвал на части. Кое-кто утверждает, что это было делом рук Кисимо-дзин, которая нащёптывала тенгу на ухо страшные вещи...

– Кисимо-джин?

– Кисимо-дзин, богини-защитницы детей. Она мстила Людмиле за смерть её ребятишек. Впрочем, это лишь одна из версий. По другой... – Поймав краем глаза возмущённое выражение лица Ортеги, я поспешно продолжил: – Ладно, так или иначе, тенгу разорвал Людмилу на части, но этим самым пленил себя в заклятии и обрёк на вечное заключение в каркасе. А после того как сотворивший заклятие умер и, того хуже, был предан, каркас начал гнить. От него стали отваливаться маленькие куски – то тут, то там, причём процесс оказался необратимым. И тенгу был вынужден бродить по улицам и фабрикам текстильного квартала в поисках свежего мяса, чтобы заменить сгнившие части тела. Он всегда убивал только детей, так как куски, которые ему требовалось заменить, тоже принадлежали детям. Однако сколько бы он ни пришивал свежей плоти к каркасу...

– Значит, он научился шить?

– Тенгу очень одарённые существа. Так вот, сколько бы раз он ни заменял части тела, через несколько дней новые куски начинали гнить, и ему приходилось опять выходить на охоту. Местные жители прозвали его

Лоскутным человеком.

Я умолк. Ортега приоткрыла рот и выпустила дым колечком. Проследив, как колечко растаяло в воздухе, она повернулась ко мне.

– Эту сказку рассказала тебе мать?

– Отец. Мне тогда было пять лет.

Ортега уставилась на кончик сигареты.

– Очень милый был человек.

– Нет, не милый. Но это уже другая история. – Встав, я посмотрел вдоль улицы на толпу, собравшуюся у силового барьера. – Кадмин где-то здесь, и он стал неуправляемым. На кого бы он ни работал прежде, сейчас он работает на самого себя.

– Но как? – Ортега в отчаянии развела руками. – Хорошо, ИскИн может проникнуть в хранилище полиции Бей-Сити. В это я ещё готова поверить. Но речь может идти только о считанных микросекундах. Если вторжение затянется дольше, сигналы тревоги будут слышны до самого Сакраменто.

– А считанных микросекунд достаточно.

– Кадмин же не подключен. Для того чтобы скачать его мозг, необходимо узнать, когда его поставят на вертушку, а для этого нужно... для этого нужно...

Она умолкла, осенённая внезапной догадкой.

– Для этого нужен я, – закончил за неё я. – Для этого был нужен я.

– Но ведь ты...

– Ортега, мне нужно какое-то время, чтобы во всём разобраться. – Бросив окурок в сточную канаву, я поморщился, ощутив во рту вкус горелой резины. – Завтрашний день. Быть может, и послезавтрашний тоже. Проверь хранилище. Кадмина там больше нет. На твоём месте я бы некоторое время никуда не высывался.

Ортега скорчила гримасу.

– Ты хочешь предложить мне прятаться в собственном городе?

– Я тебе ничего не предлагаю.

Достав «Немекс», я извлек полупустую обойму с таким же автоматизмом, с каким закурил сигарету. Обойма отправилась в карман куртки.

– Я ввёл тебя в курс дела, – продолжал я. – Нам будет нужно место для встреч. «Хендрикс» для этой цели не подойдет. Как и любое место, связанное с тобой. Ничего не говори, лучше запиши на листочке. – Я кивнул на толпу за силовым барьером. – Любой человек с приличной имплантированной техникой может запросто прослушивать сейчас наш

разговор.

– Господи! – Ортега вздохнула. – Ковач, у тебя просто панический страх перед техникой.

– Видишь ли, я сам зарабатывал на жизнь чем-то подобным.

Задумавшись, Ортега достала ручку и нацарапала что-то на пачке сигарет. Вытащив из кармана новую обойму, я вставил её в «Немекс», пытливо оглядывая толпу.

– На, возьми. – Ортега бросила пачку мне. – Это закрытый код местонахождения. Вставь его в любое такси в Бей-Сити, и оно доставит тебя по назначению. Я буду там сегодня и завтра вечером. А потом придётся вернуться к обычным делам.

Поймав пачку левой рукой, я мельком взглянул на цифры и убрал её в карман. Затем, передернув затвор «Немекса», дослал патрон в патронник и убрал пистолет в кобуру.

– Свяжешься со мной, когда проверишь хранилище, – сказал я и пошел к барьеру.

Глава двадцать третья

Я шёл в сторону юга.

У меня над головой автотакси вплетались в транспортные потоки с запрограммированной гиперэффективностью и время от времени спускались вниз, к земле, пытаясь найти клиентов. Погода менялась; небо над снующими машинами затягивали серые тучи, принесённые с запада, и когда я поднимал голову, на щёки падали редкие капли. Я не связывался с автотакси. «Вернись к первобытному примитивизму», – посоветовала бы мне Вирджиния Видаура. Когда за тобой охотится искусственный интеллект, единственная надежда на спасение заключается в том, чтобы выпасть из электронной плоскости. Разумеется, на поле боя сделать это гораздо проще. Изобилие грязи и хаоса, там можно спрятаться. Но современный город, не разрушенный бомбардировкой, – кошмарное место для подобного бегства. Каждое здание, каждый транспорт, каждая улица подключены к сети, каждый шаг оставляет след, по которому тебя могут вычислить ищeyки.

Отыскав самый обшарпанный банкомат, я пополнил редeющую пачку пластиковых банкнот. Затем, вернувшись на два квартала назад, я зашагал на восток, пока не нашёл общественный телефон. Порывшись в карманах, я достал нужную визитную карточку, закрепил на голове электроды и набрал номер.

Изображения не было. Не было и звука соединения. Я попал на жививленную коммуникационную микросхему. С тёмного экрана послышался отчётливый голос.

– Кто это?

– Вы дали визитную карточку, – сказал я, – на случай, если у меня возникнут какие-либо серьёзные неприятности. Так вот, доктор, похоже, нам есть о чем поговорить, мать вашу.

Послышался громкий щелчок – она сглотнула комок в горле, и снова зазвучал голос, спокойный и сдержанный.

– Мы должны встретиться. Полагаю, у вас нет желания показываться в нашем заведении.

– Вы предположили совершенно верно. Вам знаком ржавый мост?

– Он называется «Золотые ворота», – сухо поправила меня врач. – Да, знаком.

– Будьте там в одиннадцать часов. На съезде в северную сторону.

Приходите одна.

Я разорвал соединение. Снова набрал номер.

– Дом мистера Банкрофта. С кем вы хотите говорить?

Женщина в строгом костюме с причёской, напоминающей Ангину Чандру в роли пилота, появилась на экране через долю секунды после того, как начала говорить.

– Мне нужен Лоренс Банкрофт, пожалуйста.

– В настоящий момент мистер Банкрофт на совещании.

Это всё упрощало.

– Замечательно. Когда он освободится, пожалуйста, передайте ему, что звонил Такеси Ковач.

– Вы не хотите поговорить с миссис Банкрофт? Она оставила распоряжения...

– Нет, – быстро оборвал её я. – В этом нет необходимости. Будьте добры, передайте мистеру Банкрофту, что я отлучусь на несколько дней, но обязательно позвоню ему из Сиэтла. Это всё.

Разорвав соединение, я посмотрел на часы. У меня оставалось около одного часа и сорока минут до того времени, когда я должен быть на мосту. Я отправился искать бар.

Я скопирован, загружен, пятый дан по каратэ:

Не пугайте, мне не страшен ваш Лоскутный человек!

Глупая детская считалочка улыбнулась из далёкого прошлого.

Но на самом деле мне было страшно.

Когда мы выехали по подъездной дороге к мосту, дождь ещё не начался, хотя над головой продолжали сгущаться угрюмые тучи, и на лобовое стекло грузовика падали крупные капли дождя – правда, пока что слишком редкие, чтобы включать щётки. Я взглянул сквозь искажающий картинку слой взрывающихся дождевых капель на ржаво-бурое сооружение впереди и понял, что промокну насквозь.

На мосту не было никакого движения. Высокие опоры поднимались костями какого-то невозможно огромного динозавра над пустынными полосами асфальта и боковыми проходами, заваленными мусором.

– Сбрось скорость, – сказал я своему спутнику, когда мы проехали под первой опорой. Тяжёлый грузовик резко затормозил, хотя в этом не было необходимости. Я огляделся по сторонам. – Спокойнее, я же говорил, что тут нет никакой опасности. Мне просто нужно встретиться с одним человеком.

Шкаф Николсон, сидевший за рулем, бросил на меня затуманенный взгляд, обдавав запахом винного перегара.

– Ну да, так я и поверил. Ты каждую неделю отстегиваешь простым водителям столько бабок, да? Специально выискиваешь их в кабаках «Города утех»? Благотворительностью занимаешься?

Я пожал плечами.

– Думай, что хочешь. Только не гони. Вот вылезу – и можешь нестись, как твоей душе угодно.

Николсон потрянул лохматой головой.

– Мать твою, приятель...

– Вон там. Видишь женщину на тротуаре? Остановись рядом.

Впереди стояла одинокая фигура, опираясь на перила и, судя по всему, любуясь видом залива. Сосредоточенно нахмурившись, Николсон расправил непомерно огромные плечи, за которые, наверное, и получил прозвище. Видавший виды грузовик мирно пересёк по диагонали две полосы и, дёрнувшись, застыл на месте у ограждения.

Я выбрался из кабины и огляделся вокруг, ища случайных прохожих. Никого не найдя, я вернулся к открытой дверце.

– Отлично, а теперь слушай. Я попаду в Сиэтл не раньше чем через два дня, а то и через три. Так что ты должен зарыться в первом же отеле, который тебе предложит городская база данных, и ждать меня там. Расплатись наличными, но зарегистрируйся под моим именем. Я свяжусь с тобой между десятью и одиннадцатью утра, так что каждый день в этот промежуток будь в отеле. Ну а все остальное время можешь заниматься чем угодно. Надеюсь, я выдал достаточный задаток, чтобы ты не скучал.

Шкаф Николсон обнажил зубы в выразительной ухмылке, и я проникся состраданием ко всем сотрудникам индустрии развлечений Сиэтла, которым предстояло работать на следующей неделе.

– Обо мне не беспокойся, дружище. Старина Шкаф умеет хорошо повеселиться.

– Рад это слышать. Но только смотри, не переусердствуй. Возможно, нам потребуется спешно сматывать удочки.

– Да-да, помню. А что насчет остальных бабок, приятель?

– Я же говорил: получишь, когда всё будет сделано.

– А что если ты так и не появишься через три дня.

– Это будет означать, – мило произнес я, – что меня нет в живых. В этом случае тебе будет лучше на несколько недель залечь на дно. Тратить время на твои поиски всё равно никто не станет. Эти люди будут рады, если найдут меня.

- Приятель, я не знаю, смогу ли...
- Всё будет в порядке. Увидимся через три дня.

Спрыгнув на землю, я захлопнул дверцу и дважды стукнул по ней. Взревел двигатель, и грузовик выехал на шоссе.

Я проводил его взглядом, гадая, доберётся ли вообще Николсон до Сиэтла. В конце концов, я выдал ему очень щедрый задаток. Даже несмотря на обещание второй выплаты за выполнение инструкций, Шкаф легко может свернуть где-нибудь на полдороге и вернуться напрямик в бар, в котором я его подобрал. И я не стал бы винить Николсона за это потенциальное предательство, так как сам не намеревался приезжать в Сиэтл. Что бы он ни сделал, я ничего не буду иметь против.

«При бегстве от системы надо постараться сбить противника с толка, – произнесла мне на ухо Вирджиния Видаура. – Ставь как можно больше препятствий, если только при этом ты не теряешь скорость».

- Это ваш друг, мистер Ковакс?

Подойдя к ограждению, врач проводила взглядом удаляющийся грузовик.

– Мы с ним познакомились в баре, – честно признался я, перебираясь к ней и направляясь к парапету.

Мне открылась панорама, которую я увидел, когда Кёртис привез меня в Бей-Сити из виллы «Закат» в самый первый день. В мрачном преддождевом полумраке транспортные потоки мерцали над зданиями, как мельтешащие светлячки. Прищурившись, я разглядел остров Алькатрас, серые стены и оранжевые окна бункера центра хранения психической информации. На противоположном берегу залива находился Окленд. У меня за спиной было открытое море, а на север и на юг по километру пустынной полосы моста. Я не без причин успокоился, решив, что здесь меня можно застать врасплох только из дальнобойной пушки. Затем повернулся к врачу.

Поймав мой взгляд, она вздрогнула.

- В чём дело? – тихо спросил я. – Вас заела врачебная этика?
- Это не моя идея...
- Знаю. Вы только подписали все бумаги и закрыли глаза. Кто это сделал?
- Не знаю, – нетвердым голосом произнесла она. – К Салливану кто-то приходил. Синтетическая оболочка. Кажется, что-то азиатское.

Я кивнул. Трепп.

- Какие указания получил Салливан?
- Установить датчик, показывающий местонахождение объекта в

виртуальной сети. Между памятью больших полушарий и нервными окончаниями. – Похоже, перечисление медицинских терминов придало ей силы. Голос окреп. – Мы провели операцию за два дня до того, как вы были переправлены к нам в центр. Микрохирургическое проникновение в спинной мозг по шву первоначального вживления корковой памяти, рану зарастили зародышевой тканью. Последствия невозможно обнаружить никаким способом, за исключением виртуального. Для того чтобы найти датчик, нужно пройти полное нейроэлектрическое тестирование. Как вы догадались?

– Мне не надо было гадать. Кто-то с помощью этого оборудования установил моё местонахождение и навёл наемного убийцу, скачав его из отделения предварительного задержания полиции Бей-Сити. Это называется «соучастие в преступлении». Вы с Салливаном отправитесь минимум лет на двадцать каждый.

Женщина многозначительно обвела взглядом пустынный мост.

– В таком случае, мистер Ковакс, почему здесь нет полиции?

Представив свой послужной список и сведения о криминальном прошлом, переправленные на Землю, я подумал: интересно, что должна она испытывать сейчас, находясь наедине с человеком, сделавшим всё это. И какое мужество потребовалось ей, чтобы приехать сюда одной. Медленно, неохотно мои губы скривились в улыбке.

– Ну хорошо, я вами восхищён, – сказал я. – А теперь расскажите, как нейтрализовать проклятую штуковину.

Врач внимательно посмотрела на меня, но тут начался дождь. Крупные капли мгновенно промочили плечи её плаща. Я ощутил воду на своих волосах. Мы оба посмотрели на небо, я выругался. Вдруг женщина шагнула ближе и прикоснулась к массивной броши на лацкане своего плаща. Воздух над нами с шипением замерцал, и дождь перестал падать. Снова подняв взгляд, я увидел над головой раскрывшийся купол отталкивающего поля. Асфальт вокруг покрылся тёмными точками, быстро слившимися вместе, но волшебное кольцо вокруг наших ног оставалось сухим.

– Для того чтобы физически изъять датчик, необходима микрохирургическая операция, аналогичная той, которая была проведена при его вживлении. Разумеется, можно осуществить и её, но для этого потребуется сложное оборудование. В противном случае будет большой риск задеть интерфейс связи с нервными окончаниями или даже повредить спинной мозг.

Я переступил с ноги на ногу, смущённый нашей близостью.

– Да, я так и представлял.

– Что ж, в таком случае вы, вероятно, также *представили*, – сказала женщина, пародируя моё произношение, – что можно ввести в приемник памяти полушарий систему зашумления или постановщик зеркального кода, чтобы замаскировать передаваемый сигнал.

– Но для этого необходимо знать первоначальный сигнал.

– Да, для этого, как вы верно заметили, необходимо знать первоначальный сигнал. – Сунув руку в карман, женщина достала небольшой диск в пластиковой упаковке и, подержав его на ладони, протянула мне. – Что ж, теперь он у вас есть.

Взяв диск, я вопросительно посмотрел на неё.

– Он настоящий. Это подтвердит вам любая нейроэлектрическая клиника. Если сомневаетесь, могу посоветовать вам...

– Почему вы делаете это для меня?

На этот раз она уверенно выдержала мой взгляд.

– Я делаю это не для вас, мистер Ковакс. Я делаю это для себя.

Я ждал. Женщина отвернулась, уставившись на залив.

– Я знакома с коррупцией, мистер Ковакс. Нельзя, долго проработав в исправительном учреждении, не научиться распознавать бандитов. На этой синтетической женщине клейма ставить негде. Надзиратель Салливан общается с такого рода людьми всё время, что я работаю в Бей-Сити. Юрисдикция полиции заканчивается у наших дверей, а зарплата у нас маленькая.

Она снова взглянула на меня.

– Я никогда не принимала денег от этих людей и до этого случая ничем им не помогала. С другой стороны, я с ними и не боролась. Проще всего оказалось уйти с головой в работу и делать вид, будто не видишь, что происходит вокруг.

– «Человеческий глаз является восхитительным оптическим прибором, – рассеянно процитировал я „Стихи и прочие кривотолки“, – если приложить небольшое усилие, он не увидит самую вопиющую несправедливость».

– Точно подмечено.

– Это не мои слова. Так как же получилось, что операцию проводили вы?

Она кивнула.

– Как я уже сказала, до вас мне удавалось избегать контакта с этими людьми. Салливан поручил мне загружать в оболочки тех, кого переправляли с других миров, поскольку это никого не интересовало. Сам

он оказывал услуги только местным. Так было проще нам обоим. В определенном смысле Салливан – хороший руководитель.

– Вам очень не повезло, когда появился я.

– Да, это создало определённые проблемы. Салливан понимал, что, если поручить операцию кому-нибудь из более покладистых врачей, это покажется подозрительным, а он не хотел поднимать ненужный шум. Похоже, дело было *очень крупным*. – Она сделала на эти слова то же самое презрительное ударение, что и до этого на «подумали». – Эти люди подключились с самого высокого уровня, и всё должно было быть гладко. Но Салливан человек неглупый, и он нашел ко мне правильный подход.

– Какой же?

– Он представил вас опасным психопатом. Машиной смерти, сошедшей с рельсов. Объяснил, что ни в коем случае нельзя отправить вас в свободное плавание по потокам данных. Мало ли куда вы сможете переправиться, покинув реальный мир. И я купилась на его слова. Салливан показал ваше досье. О, он человек неглупый. А вот я особым умом не отличаюсь.

Я вспомнил Лейлу Бегин и наш разговор о психопатах на виртуальном берегу. Свои легкомысленные ответы.

– Салливан не первый, кто назвал меня психопатом. И вы не первая, кто на это купилась. Чрезвычайные посланники – они, понимаете... – Пожав плечами, я отвёл взгляд. – Это ярлык. Предназначенный для широкой публики.

– Говорят, многие из вас становятся предателями. Якобы двадцать процентов преступлений в Протекторате совершается отступниками-посланниками. Это правда?

– Точное процентное соотношение? – Отвернувшись, я уставился на дождь. – Не знаю. Но многие из нас находятся по ту сторону закона. После ухода из Корпуса заняться особенно нечем. Нас не пускают ни на одну должность, которая может привести к влиянию или силе. На большинстве планет нам законодательно запрещено занимать государственные посты. Чрезвычайным посланникам никто не верит, а это значит, нам нельзя рассчитывать на повышение по службе. Никаких перспектив. Ни займов, ни кредита.

Я снова повернулся к ней.

– А то, чему нас учили, настолько похоже на преступление, что разницы почти никакой. Только совершать преступления проще. Вероятно, вам известно, что преступники в большинстве своем люди ограниченные. Даже организованные преступные синдикаты в сравнении с Корпусом –

уличные банды. Завоевать уважение нам очень просто. А когда последние десять лет ты провел, надевая и снимая оболочки, остывая в хранилище и живя в виртуальности, наказание, которым страшат правоохранительные органы, перестаёт пугать.

Некоторое время мы стояли молча.

– Извините, – наконец сказала женщина.

– Не надо. Любой, видевший моё досье...

– Я имела в виду не это.

– А. – Я посмотрел на зажатый в руке диск. – Что ж, если вы хотели в чём-то покаяться, смею заверить, вы это сделали. И, поверьте мне, оставаться совершенно чистым не удаётся никому. Единственное место, где можно этого добиться, – холодильник.

– Да, знаю.

– Ну, тогда всё. Хотя мне хотелось бы узнать ещё кое-что...

– Что?

– Салливан сегодня на службе?

– Когда я уходила, он как раз заступал на дежурство.

– И когда он сегодня освободится?

– Обычно это происходит около семи. – Она сжала губы. – Что вы собираетесь делать?

– Я хочу задать ему несколько вопросов, – честно сказал я.

– А если он вам не ответит?

– Как вы сами сказали, Салливан – человек неглупый. – Я убрал диск в карман куртки. – Спасибо за помощь, доктор. Я бы посоветовал вам в семь вечера находиться где-нибудь подальше от своей работы. Ещё раз огромное вам спасибо.

– Как я уже говорила, мистер Ковакс, я делаю это для себя.

– Я имел в виду не это, доктор.

– О!

Я прикоснулся к её плечу и быстро отступил прочь, под дождь.

Глава двадцать четвертая

За несколько десятилетий сидевшие здесь протерли на дереве скамейки удобные углубления под ягодицы; аналогичным образом были обработаны и подлокотники. Уютно устроившись в анатомически верных изгибах, я закинул ноги на край скамейки, ближайшей к двери, за которой наблюдал, и погрузился в изучение надписей, вырезанных на скамье. За долгую дорогу пешком через почти весь город я промок насквозь, но зал был приятно натоплен, а дождь теперь бессильно барабанил по длинным прозрачным плитам островерхой крыши высоко над головой. Через какое-то время появился робот-уборщик размером с собаку и вытер грязные следы с пола из расплавленного стекла. Я лениво проследил за тем, как исчезли все записи о моём появлении здесь.

Было бы просто бесподобно, если бы так же легко можно было стереть электронные следы. Но, увы, такое по силам лишь легендарным героям минувших эпох.

Робот-уборщик уехал, и я вернулся к изучению наскальной живописи. Большинство надписей было на амеранглике и испанском; эти старые шутки я уже видел в сотне подобных мест: «Carbon Modificado!»^[5], «Без оболочки ты никто» и древняя хохма «Здесь был видоизмененный абориген». Но на обратной стороне спинки, вырезанная вверх ногами, крошечным островком спокойствия в море бушующей злости и раненой гордости красовалась странная строчка, выведенная японской катаканой:

Натяни новую плоть подобно взятым напрокат перчаткам
И снова сожги свои пальцы.

Судя по всему, автору этих стихов, чтобы вырезать надпись, пришлось перевеситься через спинку, и всё же каждый иероглиф был выполнен с тщательным изяществом. Я разглядывал вырезанные значки, а тем временем у меня в сознании натянутыми струнами звучали воспоминания с Харлана.

Из размышлений меня вывел внезапный взрыв плача. Молодая чёрнокожая женщина и двое детей, тоже чёрнокожих, изумлённо таращились на стоявшего перед ними сутулого белого мужчину средних лет в стандартном комбинезоне ООН. Воссоединение семьи. На лице женщины был написан шок; она ещё не до конца осознала случившееся. А

младшая из детей, девочка четырёх лет, похоже, вообще ничего не поняла. Она смотрела на белого мужчину невидящим взглядом, беззвучно повторяя губами один и тот же вопрос: «Где папочка? Где папочка?» Лицо мужчины блестело в проникающем сквозь прозрачную крышу свете – судя по всему, он плакал не переставая с тех пор, как его извлекли из резервуара.

Я смущённо отвернулся. Мой собственный отец, выпущенный из хранения, прошёл мимо родственников и пропал из нашей жизни. Мы так и не узнали, в какой он был оболочке, хотя значительно позже я пришёл к выводу, что мать что-то заподозрила – по смущённо отведённому взгляду, похожей осанке или походке. Не знаю, то ли отец стыдился встречи с нами, то ли, что куда более вероятно, просто не мог прийти в себя от радости, потому что обменял своё тело, насквозь пропитанное алкоголем, на новую приличную оболочку, и уже мечтал о новых городах и новых женщинах. Мне тогда было десять лет. Я понял, в чём дело, только когда служащие выпроводили нас из хранилища, собираясь закрыться на ночь. Мы пробыли там с полудня.

Старшим смены был пожилой мужчина, добродушный и умиротворенный. Перед тем как проводить нас к двери, он положил мне руку на плечо и сказал что-то ласковое. Затем старик кивнул матери и пробормотал что-то официальное, позволившее ей сохранить в целости плотину самообладания.

Вероятно, ему каждую неделю приходилось видеть нечто подобное.

Чтобы хоть чем-нибудь заполнить ум, я выучил наизусть код местонахождения, данный Ортегой, затем оторвал от пачки сигарет кусок с цифрами и съел его.

Моя одежда почти успела высохнуть, когда из дверей, ведущих внутрь хранилища, появился Салливан и начал спускаться по лестнице. Его щуплое тело было укутано в длинный серый плащ, а на голову была надета шляпа такого вида, какого мне ещё не доводилось видеть в Бей-Сити. Его лицо, приближённое нейрехимией, выглядело бледным и усталым. Чуть развернувшись, я провёл кончиками пальцев по лежащему в кобуре «Филипсу». Салливан шёл прямо, но, увидев распростёртое на скамейке тело, презрительно поджал губы и изменил курс, обходя, как он решил, бывшего клиента заведения, который вернулся устроить скандал. Надзиратель прошёл мимо, не удостоив меня ещё одним взглядом.

Я дал ему несколько метров форы и бесшумно соскочил на пол. Я пошёл следом, под курткой вытаскивая «Филипс» из кобуры. Я догнал Салливана в тот момент, когда он был у двери. Едва створки раздвинулись, я грубо толкнул его в спину и быстро вышел вслед за ним. Двери начали

закрывать, и Салливан обернулся ко мне с искажённым от ярости лицом.

– Что вы себе позволяете...

Остальное замерло у него на устах, когда он увидел, с кем имеет дело.

– Добрый вечер, надзиратель Салливан, – учтиво поздоровался я, показывая под курткой свой пистолет. – Это приспособление действует бесшумно, а у меня сегодня плохое настроение. Будьте любезны исполнять все, что я вам скажу.

Он сглотнул комок в горле.

– Что вам нужно?

– Помимо всего прочего, мне бы хотелось поговорить о Трепп. И у меня нет желания делать это под проливным дождем. Предлагаю пройтись.

– Моя машина...

– Очень плохая мысль. – Я покачал головой. – Ещё раз предлагаю пойти пешком. И предупреждаю, если вы хоть подмигнете кому-нибудь, я изрешёчу вас пулями. Мой пистолет вы не увидите, его никто не увидит. Но от этого он не станет менее смертоносным.

– Вы совершаете огромную ошибку, Ковакс.

– Я так не думаю. – Я кивком указал на поредевшие ряды машин на стоянке. – Проходим прямо, на улице поворачиваем налево. Идите вперёд до тех пор, пока я не прикажу остановиться.

Салливан начал что-то говорить, но я ткнул его дулом «Филипса», и он осекся. Надзиратель спустился по лестнице и пошёл вперёд. То и дело оглядываясь на меня, он пересёк неровный асфальт и отправился к осевшим двустворчатым воротам. Их раскрытые створки заржавели на петлях, наверное, ещё лет сто назад.

– Смотрите перед собой, – окликнул его я. – Я по-прежнему здесь, так что вам не о чем беспокоиться.

Когда мы вышли на улицу, я увеличил расстояние между нами метров до десяти, изображая, что мне нет никакого дела до идущей впереди фигуры. Район был малолюдный, а из-за дождя народу совсем не было. Салливан стал бы прекрасной мишенью для «Филипса» и на вдвое большем расстоянии.

Через пять кварталов я увидел запотевшие окна китайского рестораника, который искал. Ускорив шаг, я догнал Салливана.

– Зайдём сюда. Проходите к столикам в дальнем конце зала и садитесь.

Окинув улицу взглядом, я не увидел ничего, бросающегося в глаза, и последовал за надзирателем.

В заведении почти никого не было. Обед уже закончился, а до ужина ещё было далеко. В углу с увядшим изяществом высохших букетов сидели

две древние китайки, склонив головы друг к другу. Напротив четыре молодых парня в светлых шёлковых костюмах громко смеялись, демонстрируя дорогое оружие. За столиком у окна жирный европеец уплетал огромную миску лапши, листая голографический журнал с порнокомиксами. На экране, подвешенном высоко на стене, показывали соревнования по какому-то не знакомому мне виду спорта.

– Чай, – сказал я встретившему нас молодому официанту, усаживаясь на диванчик напротив Салливана.

– Вам это не сойдёт с рук, – неубедительно заявил надзиратель. – Даже если вы меня убьёте, убьёте по-настоящему, полиция проверит всех, кого загрузили в оболочку в последнее время, и рано или поздно выйдет на вас.

– Да. И возможно, она узнает о незаконной операции, которую вы осуществили с этой оболочкой перед тем, как выгрузить меня.

– Проклятая сучка! Она...

– Вы не в том положении, чтобы угрожать кому бы то ни было, – мягко остановил его я. – Больше того, сейчас вы можете только отвечать на вопросы и надеяться, что я вам поверю. Итак, кто приказал повесить на меня колокольчик?

Тишина, нарушаемая только голосом спортивного комментатора. Салливан тупо смотрел перед собой.

– Ну хорошо, я вам помогу. От вас потребуется только говорить «да» или «нет». К вам пришла искусственная оболочка по имени Трепп. Вы впервые имели с ней дело?

– Я понятия не имею, о чём вы говорите.

Сдерживая злость, я с силой ударил его наотмашь по лицу. Салливан отлетел к стене, потеряв шляпу. Разговор парней резко оборвался, но тотчас же возобновился с преувеличенным оживлением после моего косого взгляда. Две старухи, с трудом поднявшись с места, поспешили к выходу. Белый даже не оторвался от порножурнала. Я перегнулся через стол.

– Надзиратель Салливан, ты отнёсся к моим словам недостаточно серьёзно. Я очень хочу узнать, кому ты меня продал. И меня не заставят отступить остатки твоих угрызений совести по поводу доверительных отношений с заказчиками. Поверь, тебе платят недостаточно много для того, чтобы ты играл в молчанку.

Выпрямившись на стуле, Салливан вытер кровь, струящуюся из разбитой губы. К его чести надо признать, что он хорошо изобразил горькую усмешку.

– Ковакс, вы думаете, мне никогда раньше не приходилось слышать угрозы?

Я внимательно посмотрел на свою правую руку.

– Я полагаю, у тебя очень небольшой опыт знакомства с болью, и это будет определённым недостатком. Я собираюсь дать тебе шанс рассказать всё, что известно, здесь и сейчас. Или мы отправимся туда, где нас никто не услышит. Итак, кто прислал Трепп?

– Ты головорез, Ковакс, подлый...

Мой кулак пронёсся над столом и дал ему в левый глаз. Звук получился гораздо тише, чем от пощёчины. Вскрикнув от боли, Салливан сполз со скамейки. Я спокойно ждал, когда он придёт в себя. Во мне поднималось что-то холодное, рождённое на скамье зала ожидания в Ньюпесте и окрепшее за годы бессмысленной жестокости, свидетелем которой мне довелось стать. Я надеялся, что Салливан на поверку окажется совсем не таким крутым, каким пытается себя выставить, – для нашего же обоюдного блага. Я снова склонился к нему.

– Ты сам всё сказал, Салливан. Я головорез. Вовсе не уважаемый преступник вроде тебя. Я не маф, не бизнесмен. У меня нет ни долгосрочных интересов, ни общественных связей, ни купленного уважения. Я – это просто я, и ты стоишь у меня на дороге. Так что начнём сначала. Кто прислал Трепп?

– Ковач, он ничего не знает. Вы напрасно теряете время.

Женский голос, спокойный и весёлый, чуть натуженный – сказано громко, чтобы донеслось от входной двери, где она стояла, убрав руки в карманы длинного чёрного плаща. Стройная и бледная, с коротко стриженными тёмными волосами, она держалась с уверенной грациозностью, которая свидетельствовала о навыках боевых единоборств. Под плащом на ней была серая блузка в блёстках, судя по виду, из противоударной ткани, и брюки в тон, заправленные в полусапожки. В левом ухе болталась одинокая серебряная серьга в форме электрода. Похоже, женщина была одна.

Я медленно опустил «Филипс», и женщина, не подавая виду, что оружие нацелено на неё, правильно истолковала моё предложение и невозмутимо прошла через зал. Парни в шёлковых костюмах следили за каждым её шагом, но если она и чувствовала их взгляды, то не подала виду. Когда до нашего стола оставалось шагов пять, женщина вопросительно посмотрела на меня и начала медленно доставать руки из карманов. Я кивнул, и она закончила движение, расправив ладони и пальцы в кольцах из чёрного стекла.

– Трепп?

– Догадка правильная. Вы позволите подсесть к вам?

Я махнул «Филипсом» на скамейку напротив, где сидел Салливан, зажимающий руками глаз.

– Если вы сможете убедить вашего помощника подвинуться. Но только держите руки над столом.

Улыбнувшись, женщина склонила голову. Она бросила взгляд на Салливана, и тот прижался к стене, освобождая для неё место. Женщина, держа руки над столом, элегантно опустилась рядом. Её движения были настолько экономными, что серёжка в ухе едва качнулась. Усевшись, женщина положила руки на стол ладонями вниз.

– Вот так вы чувствуете себя в безопасности?

– Сойдет, – сказал я.

Я отметил, что кольца из чёрного стекла, как и серьга, являются своеобразной шуткой. Под каждым кольцом виднелась призрачно-белая полоска обнажённой кости, словно высвеченная рентгеном. Что ни говори, у Трепп был стиль, и мне это начинало нравиться.

– Я ему ничего не сказал, – выпалил Салливан.

– А ты ничего и не знал, – равнодушно заметила Трепп, даже не поворачиваясь к нему. – К счастью для тебя, я подросла вовремя. Мистер Ковач не похож на человека, который удовлетворится ответом «я не знаю». Я права?

– Трепп, что вам нужно?

– Я пришла вам помочь. – Услышав позвякивание, Трепп обернулась. Появился официант с подносом, на котором стояли две пиалы и большой фарфоровый чайник. – Это вы заказали?

– Да. Угощайтесь.

– Благодарю, я очень люблю чай. – Дождавшись, когда официант выставит всё на стол, она занялась чайником. – Салливан, а ты хочешь чаю? Эй, пожалуйста, принесите ещё одну пиалу. Благодарю вас. Итак, на чем я остановилась?

– Вы пришли, чтобы мне помочь, – многозначительно произнёс я.

– Ах да. – Отпив зелёного чая, Трепп посмотрела поверх края пиалы. – Точно. Я здесь для того, чтобы кое-что прояснить. Видите ли, вы пытаетесь выбить какую-то информацию из Салливана. А он ничегошеньки не знает, мать его. Он был связан только со мной, поэтому я здесь. Можете расспросить меня.

Я спокойно смерил её взглядом.

– Трепп, я убил вас на прошлой неделе.

– Да, мне об этом говорили. – Поставив пиалу, Трепп внимательно посмотрела на свои пальцы. – Разумеется, я ничего не помню. Больше того,

Ковач, вижу вас впервые в жизни. Последнее, что я помню, – это как меня клали в резервуар месяц назад. Все, что было потом, исчезло. Та я, которую вы сожгли бластером в лимузине, мертва. Это была не я. Так что мы не держим друг на друга зла, хорошо?

– Значит, у вас нет резервной копии памяти, Трепп?

Она презрительно фыркнула.

– Вы шутите? Я зарабатываю на жизнь, как и вы, но только не в таких масштабах. В любом случае, кому нужно это резервное дерьмо? Я считаю, если ты где-то напортачил, надо платить. Я ведь напортачила с вами, так?

Отпив чай, я внимательно прокрутил в памяти схватку на борту аэрокара.

– Вы оказались недостаточно расторопной, – согласился я. – И недостаточно осторожной.

– Да, недостаточно осторожной. Мне надо следить за этим. Синтетические оболочки расслабляют. Они противоречат духу дзен-буддизма. У меня в Нью-Йорке есть сэнсэй, наставник, так он от моей беспечности порой на стену лезет.

– Полностью с ним согласен, – терпеливо произнёс я. – Ну а теперь вы скажете, кто вас прислал?

– Э, всё гораздо лучше. Вы приглашаетесь на личную встречу с этим человеком. – Трепп кивнула, увидев выражение моего лица. – Да-да, с вами хочет поговорить Рей. Всё так же, как и в прошлый раз, но только теперь вы отправитесь со мной по доброй воле. Похоже, принуждением от вас ничего нельзя добиться.

– Ну а Кадмин? Он тоже в этом участвует?

Трепп втянула воздух сквозь стиснутые зубы.

– Кадмин... м-м... В общем, Кадмин теперь в некотором роде стал не совсем управляемым. Сказать по правде, он нам мешает. Но, надеюсь, этот вопрос мы тоже сможем решить. Если честно, сейчас я просто не имею права сказать вам больше. – Она искоса взглянула на Салливана, который пришёл в себя и начал прислушиваться к разговору. – Нам лучше отправиться куда-нибудь в другое место.

– Хорошо, – кивнул я. – Я пойду с вами. Но давайте сначала кое о чём договоримся. Во-первых, никаких виртуальностей.

– Тут я вас опередила. – Допив чай, Трепп начала подниматься из-за стола. – Согласно инструкциям я должна доставить вас во плоти и крови.

Она сделала было резкое движение, но я остановил её, схватив за руку.

– Во-вторых, никаких сюрпризов. Вы будете предупреждать меня обо всём заблаговременно. Любая неожиданность – и вы снова огорчите своего

наставника.

– Замечательно. Никаких сюрпризов. – Трепп изобразила натянутую улыбку, сообщившую мне о том, что она не привыкла, когда её хватают за руку. – Сейчас мы выйдем из ресторана и поймаем такси. Против этого вы не возражаете?

– Не возражаю, если такси будет пустым.

Я выпустил её кисть, и она завершила движение, плавно поднявшись и держа руки открытыми. Покопавшись в кармане, я бросил Салливану пару банкнот.

– А ты оставайся здесь. Если увижу, что твоя рожа появится в дверях до того, как мы уйдем, проделаю в ней дыру. Угощение за мой счет.

Я направился следом за Трепп к выходу, и тут появился официант с пиалой для Салливана и большим белым платком – судя по всему, для разбитой губы надзирателя. Хороший парень. Он едва не споткнулся, спеша уйти с дороги, а взгляд, брошенный на меня, был наполнен отвращением и благоговейным восторгом. После ледяной ярости, что я испытывал всего несколько минут назад, я проникся к нему искренним сочувствием, хотя он об этом и не догадался.

Парни в шелковых костюмах проводили нас сосредоточенными и немигающими змеиными взглядами.

На улице по-прежнему шёл дождь. Подняв воротник куртки, я проследил взглядом, как Трепп достала транспортный пейджер и небрежно помахала им над головой.

– Придётся немного подождать, – сказала она, с любопытством разглядывая меня. – Вы знаете, кому принадлежит это заведение?

– Догадываюсь.

Она покачала головой.

– Этот ресторанчик курируют триады. Чертовски подходящее место для того, чтобы вести допрос. Или вам просто нравится жить в опасности?

Я пожал плечами.

– Там, откуда я родом, преступники предпочитают держаться подальше от стычек порядочных граждан. Как правило, у них кишка тонка. А законопослушный гражданин с большой вероятностью может влезть.

– Но только не здесь. Здесь законопослушные граждане настолько законопослушны, что не станут вмешиваться в потасовку ради незнакомого человека. Они считают, что для этой цели существует полиция. Кажется, вы с Харлана, не так ли?

– Верно.

– Возможно, на вас оказало влияние учение Куэлла. Вы не согласны?

– Возможно.

Отвечая на сигнал пейджера, сквозь дождь к нам по спирали спустилось автотакси. Трепп остановилась рядом с откинувшимся люком, насмешливо демонстрируя, что в салоне никого нет. Я усмехнулся.

– Только после вас.

– Как вам угодно.

Трепп забралась внутрь и отодвинулась от люка, пропуская меня. Я уселся напротив, не отрывая взгляда от её рук. Увидев, на что я смотрю, она ухмыльнулась и распяла свои руки на спинке сиденья. Люк опустился, отгораживая нас от дождя.

– Мы рады приветствовать вас на борту такси «Урбанлайн», – вежливо произнесло такси. – Пожалуйста, назовите конечный пункт вашего маршрута.

– Аэропорт, – сказала Трепп, откидываясь назад и глядя на мою реакцию. – Терминал частных рейсов.

Такси поднялось в воздух. Я посмотрел поверх плеча Трепп в заднее стекло на струи дождя.

– Значит, дорога нам предстоит неблизкая, – спокойно произнёс я.

Она положила руки на колени ладонями вверх.

– Мы предполагали, что вы не согласитесь на виртуальную связь, поэтому придётся идти трудным путем. Нас ждет суборбитальный перелет. Это займет около трёх часов.

– Суборбитальный перелет? – Шумно вздохнув, я прикоснулся к лежащему в кобуре «Филипсу». – Знаете, мне очень не понравится, если перед вылетом попросят оставить это железо.

– Да, об этом мы тоже подумали. Успокойтесь, Ковач, вы же слышали, что я говорила про терминал для частных рейсов. Если вам захочется, сможете пронести на борт хоть тактическую ядерную боеголовку. Вас это устраивает?

– Трепп, куда мы полетим?

Она улыбнулась.

– В Европу.

Глава двадцать пятая

В Европе, по крайней мере там, где мы приземлились, погода была получше. Выйдя из суборбитального челнока, тупорылого и приземистого, без иллюминаторов, опустившегося на взлётно-посадочную полосу из расплавленного стекла, мы направились к зданию аэровокзала под ослепительно яркими лучами солнца. Казалось, лучи физически давят на тело даже сквозь куртку. Небо до горизонта сияло бескомпромиссной синевой, воздух был сухим и жёстким. Если верить заявлению пилота, по местному времени ещё не наступил полдень. Я тряхнул плечами, освобождаясь от куртки.

– Нас должен ждать лимузин, – бросила через плечо Трепп.

Мы без лишних формальностей вошли в здание аэровокзала и оказались в зоне микроклимата, где пальмы и другие не так хорошо узнаваемые тропические растения стремились к высокому стеклянному потолку. В проходах между деревьями шумно веселились дети, а рядом – почти невыносимое соседство – на кованых чугунных скамьях дремали старики. Промежуточные поколения толпились кучками у стоек кафе, оживлённо жестикулируя – такого я не видел в Бей-Сити, – и похоже, находясь в блаженном неведении относительно времени и расписаний, господствующих в большинстве вокзалов.

Я повесил куртку на плечо, стараясь как можно лучше скрыть оружие, и последовал за Трепп в тропические заросли. Однако я действовал недостаточно быстро, чтобы скрыться от взглядов двух охранников, стоявших неподалёку под пальмой, и маленькой девочки, которая шла навстречу по проходу. Охранники насторожились, но Трепп подала им знак, и они, кивнув, снова приняли расслабленные позы. Очевидно, нас ждали. Откупиться от девочки оказалось не так просто. Она стояла, разглядывая меня широко раскрытыми глазами. Пришлось сложить пистолет из пальцев и «застрелить» её, издав губами громкий звук. Обнажив зубы в широкой улыбке, девочка спряталась за соседней скамьёй. Идя по проходу, я слышал, как она «палит» вслед.

Когда мы снова очутились на улице, Трепп провела меня мимо столпотворения такси к ничем не примечательному чёрному лимузину, стоящему с работающим двигателем под запрещающим знаком. Забравшись в созданную кондиционерами прохладу, мы устроились на бледно-серых автоподстраивающихся креслах.

– Десять минут, – заверила Трепп, когда мы поднялись в воздух. – Что вы думаете по поводу микроклимата?

– Очень мило.

– В аэропорту такие зоны повсюду. На выходные люди приезжают сюда из центра, просто чтобы провести время. Странно, вы не находите?

Проворчав что-то невнятное, я отвернулся к окну и уставился на расширяющийся кольцами рисунок старинного крупного города. Вдалеке почти до самого горизонта болезненной синевы неба уходила пыльная равнина. Слева я различил тёмную линию гор.

Судя по всему, Трепп обрадовалась моему нежеланию поддерживать разговор, поэтому вставила под ухо с серьгой телефонный разъём. Ещё одна вживленная микросхема. Закрыв глаза, Трепп вошла в связь, а я остался со странным ощущением одиночества, которое охватывает человека, когда рядом с ним кто-то пользуется подобными приспособлениями.

Но я ничего не имел против одиночества.

Сказать по правде, всю дорогу я был для Трепп плохим попутчиком. Несмотря на неприкрытый интерес Трепп к моему прошлому, в кабине суборбитального челнока я упрямо молчал. В конце концов, не дождавшись рассказов про Харлан и Корпус посланников, она попыталась научить меня какой-то игре в карты. Повинуясь остаткам вежливости, я согласился, но двое – не лучшее число для карточной игры. К тому же ни у меня, ни у Трепп к этому занятию не лежала душа. Мы приземлились в Европе молча, погружённые каждый в свою область базы данных, предоставленной челноком. Несмотря на кажущееся безразличие Трепп к этой теме, мне никак не удавалось выбросить из головы обстоятельства нашей предыдущей поездки.

Плоскость равнины под нами уступила место зелёным холмам, среди которых раскинулась долина, окружённая заросшими лесом скалами. Посреди долины возвышалось нечто, похожее на творение рук человеческих. Мы начали заходить на посадку, и Трепп отстегнула ремни, едва заметно дёрнув веками. Это говорило о том, что она не потрудилась предварительно отсоединить микросхему от нервных окончаний – что категорически запрещается большинством производителей, – но Трепп, возможно, хотелось порисоваться. Я не обратил на неё никакого внимания. Меня всецело занимало то, рядом с чем мы должны были приземлиться.

Это был огромный каменный крест, превосходящий размерами всё, что я когда-либо видел, источенный временем и непогодой. Лимузин спустился к его основанию и дальше, и я понял, что здание задумали и построили так,

чтобы придать ему вид гигантского меча, воткнутого в землю каким-то удалившимся на покой воином-небожителем. Величиной крест соответствовал окружающим горам. Казалось, человеческая рука не могла поместить его в таком месте. Каменные террасы и постройки вокруг, сами внушительных размеров, превращались в ничто по соседству с этим впечатляющим сооружением.

Трепп внимательно наблюдала за мной.

Воздушный транспорт приземлился на одну из каменных площадок, и я вышел из машины, щурясь и разглядывая крест.

– Это место принадлежит католикам? – спросил я.

– Принадлежало. – Трепп направилась к массивным стальным воротам в скале. – Как только было построено. Сейчас это частная собственность.

– И как это произошло?

– Рей вам расскажет, если спросите.

Теперь, похоже, Трепп не была заинтересована в разговоре. Казалось, это грандиозное сооружение затронуло потаённые струны у неё в душе, завладело ею. Она направилась к воротам, словно притянутая магнитом.

Когда мы подошли к воротам, они медленно раскрылись под глухой скрежет петель и остановились, оставив проход между створками шириной метра два. Я подал знак Трепп, и та, пожав плечами, переступила через порог. В полумраке от обеих стен оторвалось что-то большое, паукообразное. Я протянул руку к рукоятке «Немекса», сознавая, что это бесполезно. Теперь мы находились в стране гигантов.

На высоте человеческого торса из темноты появились многоствольные автоматические артиллерийские установки; тем временем нас принялись обыскивать два робота охранной системы. Прикинув, что калибром пушки не уступают хендриксовским, я отнял руку от кобуры. Протрещав что-то, автоматы для убийства убрались к стенам и поднялись на насесты. У основания углублений, в которых прятались пушки, я разглядел двух массивных чугунных ангелов с мечами.

– Пойдемте. – Голос Трепп прозвучал неестественно громко в соборной тишине. – Вы полагаете, что если бы мы хотели вас убить, то стали бы везти в такую даль?

Я прошёл следом за ней по каменной лестнице и оказался в главном помещении. Это была огромная базилика, судя по всему, занимающая всё пространство каменной глыбы под крестом. Сводчатый потолок терялся в полумраке высоко над головой. Впереди и наверху находилась вторая лестница, ведущая на узкое возвышение, где освещение было ярче. Когда мы подошли к лестнице, я увидел, что под сводами крыши стоят каменные

изваяния часовых в рясах, опирающихся на широкие двуручные мечи. Они презрительно усмехались под опущенными на лица капюшонами.

Я поймал себя на том, что и мои губы едва заметно скривились в ответной улыбке; мысли же превратились в смертоносную взрывчатку.

В дальнем конце базилики в воздухе висели серые силуэты. Какое-то мгновение мне казалось, что я вижу обтёсанные каменные монолиты, удерживаемые искусственным силовым полем. Затем один из силуэтов чуть повернулся в случайном потоке прохладного воздуха, и я внезапно понял, что это такое.

– Вы поражены, Такеси-сан?

Голос, обратившийся на вежливом японском, поразил, словно цианид. Нахлынувшие чувства на мгновение лишили меня возможности дышать, и я ощутил резкий ответный всплеск активности нейрохимической системы. Я медленно обернулся на голос. Где-то под глазом задёргалась жилка от с трудом сдерживаемого желания причинить насилие.

– Рей, – произнес я на амеранглике. – Твою мать, я должен был догадаться об этом ещё в аэропорту.

Шагнув в дверь из небольшой круглой комнаты, которой оканчивалась базилика, Рейлина Кавахара отвесила мне насмешливый поклон. Следуя моему примеру, она перешла на безукоризненный амеранглик.

– Да, наверное, вы должны были что-то заподозрить, – задумчиво протянула Кавахара. – Но если мне в вас что-то и нравится, Ковач, так это ваша неизбывная способность удивляться. Под внешней оболочкой закалённого ветерана многочисленных войн вы остаётесь невинным ребёнком, а в настоящее время сделать это совсем непросто. Как вам это удаётся?

– Секрет фирмы. Для того чтобы это понять, надо быть человеческим существом.

Оскорбление прошло незамеченным. Кавахара уставилась на мраморный пол, словно пытаясь отыскать чьи-то следы.

– Что ж, по-моему, мы уже говорили об этом.

Мои мысли вернулись к Новому Пекину и раковым опухолям на власти, которые были созданы на планете во имя интересов Кавахары, к нестройным крикам замученных, которые я привык ассоциировать с её именем. Подойдя к одному из серых чехлов, я хлопнул по нему рукой. Грубая поверхность поддалась, проминаясь под ладонью, и весь огромный кокон качнулся на тросах. Внутри зашевелилось что-то бесформенное.

– Оболочка пуленепробиваемая, да?

– Мм... – Кавахара склонила голову набок. – Смотря какой калибр

использовать. Но противоударная – точно.

Мне удалось издать смешок.

– Пуленепробиваемая оболочка зародышевого мешка! До такого могли дойти только вы, Кавахара. Только вам могло понадобиться помещать свои клоны в пуленепробиваемые мешки, а затем прятать их под горой.

Наконец она шагнула в полосу света, и ненависть, вскипевшая во мне при её виде, ударила в солнечное сплетение. Рейлина Кавахара утверждала, что выросла в заражённых трущобах Городка Ядерщиков в Западной Австралии, но если это и было правдой, она давно растеряла внешние признаки происхождения. Стоящая передо мной женщина обладала осанкой танцовщицы, уравновешенным телом, утонченно привлекательным, но в то же время не вызывающим немедленной реакции гормонов, и лицом, умным и по-детски открытым. Сейчас Рейлина Кавахара была в той самой оболочке, которую носила на Новом Пекине, индивидуально настроенной и не испорченной какими-либо имплантированными устройствами. Чистая органика, доведённая до искусства. Кавахара одела оболочку в чёрную юбку до середины лодыжек, расходящуюся книзу жёсткими лепестками тюльпана, и мягкую шёлковую блузку, облившую торс тёмной водой. На её ногах были туфли, сделанные на манер тапочек для хождения по палубе космического корабля, но имевшие скромный каблучок, а короткие золотисто-каштановые волосы, откинутые назад, открывали правильное лицо. В целом Кавахара производила впечатление модели с рекламы инвестиционного фонда.

– Силу и могущество всегда стремятся спрятать под землю, – заметила она. – Вспомните бункеры Протектората на Харлане. Или те пещеры, в которых вас прятал Корпус чрезвычайных посланников, пока подгонял по своим меркам. Суть власти в том, чтобы быть скрытой от глаз. Разве не так?

– Если судить по тому, как меня водили на поводке всю прошлую неделю, я, пожалуй, соглашусь. Ну а теперь вы не хотите наконец рассеять этот туман?

– Я сама хотела вам это предложить.

Кавохара мельком взглянула на Трепп. Та послушно отступила в полумрак и, вывернув шею, принялась разглядывать потолок, словно туристка. Я оглянулся вокруг, ища, куда бы присесть, но не нашёл ничего подходящего.

– Не сомневаюсь, вам известно, что это я рекомендовала вас Лоренсу Банкрофту, – продолжала Кавахара.

– Он упоминал об этом.

– Да, и если бы ваш отель не повёл себя как полный психопат, неприятностей было бы куда меньше, чем сейчас. Этот разговор состоялся бы ещё неделю назад, и всем было бы лучше. Я не просила Кадмина делать вам больно. Он должен был доставить вас ко мне живым и невредимым.

– В программе произошло изменение, – сказал я, прохаживаясь вдоль полукруглой стены. – Кадмин больше не выполняет полученные от вас инструкции. Сегодня утром он пытался меня убить.

Кавахара раздражённо махнула рукой.

– Знаю. Именно поэтому вас и доставили сюда.

– Это вы его вытащили?

– Да, разумеется.

– Он собирался наехать на вас?

– Кадмин сказал Кийту Резерфорду, что нахождение на хранении в полиции не способствует полному раскрытию его возможностей. Что ему в таком состоянии будет трудно выполнить условия договора со мной.

– Очень изящный подход.

– Согласна. Я никогда не могла устоять перед такими изощренными доводами. На мой взгляд, Кадмин заслужил того, чтобы ему помочь.

– Значит, вы через вживленный в меня маячок выудили Кадмина, а затем переправили его Карнажу, чтобы тот загрузил его в оболочку, так? – Ощупав карманы, я нашел сигареты Ортеги. В мрачном полумраке базилики знакомая пачка стала чем-то вроде посылки из другого мира. – Неудивительно, что когда мы заглянули на ринг «Розы Панамы», второго борца в резервуаре не оказалось. Наверное, Карнаж как раз успел к нашему приходу загрузить Кадмина в новую оболочку. Этот ублюдок ушёл с ринга Мучеником десницы Господа.

– Загрузка завершилась в тот самый момент, когда вы появились на судне, – подтвердила Кавахара. – Больше того, насколько я поняла, Кадмин выдал себя за прислугу, и вы прошли мимо, едва удостоив его взглядом. Я была бы вам очень признательна, если бы вы здесь не курили.

– Кавахара, а я был бы вам очень признателен, если бы вы умерли от внутреннего кровоизлияния. Но, полагаю, вы вряд ли меня уважите.

Я прикоснулся кончиком сигареты к зажигательной полоске и стал рыться в памяти. Медленно прокрутил воспоминания назад. Человек, опустившийся на четвереньки в центре ринга. В трюме корабля, превращённого в арену для поединков. Человек стоял на коленях, уткнувшись лицом в выведенные на полу узоры. Когда мы проходили мимо, он поднял лицо. Да, он даже ухмыльнулся. При этом воспоминании я поморщился.

– Вы ведёте себя совсем не так учтиво, как полагалось бы человеку, попавшему в ваше положение.

Мне показалось, что под холодным спокойствием я расслышал в голосе Кавахары раздражение. Несмотря на умение держать себя в руках, которым она так кичилась, Рейлина Кавахара относилась к отсутствию должного почтения ничуть не более терпимо, чем Банкрофт, генерал Макинтайр или любая другая властная шишка из тех, с кем мне доводилось иметь дело.

– Ваша жизнь в опасности, а я человек, который может вам помочь, – продолжала она.

– Моя жизнь и прежде не раз бывала в опасности, – возразил я. – Как правило, это бывало следствием того, что какой-нибудь кусок дерьма вроде вас принимал масштабные решения относительно того, как надо бы устроить мир. Вы уже и так позволили Кадмину подойти слишком близко, чтобы я перестал чувствовать себя комфортно. Более того, он находил меня, пользуясь вашим треклятым локатором.

– Я послала Кадмина для того, чтобы он доставил вас ко мне, – проскрежетала зубами Кавахара. – Повторяю, он вышел из повиновения.

– Неужели? – Я непроизвольно потёр ссадину на плече. – Так почему я должен вам верить, что в следующий раз все будет по-другому?

– Потому что вы знаете, что я умею держать своё слово. – Кавахара вышла из центра, пригибаясь, чтобы не задеть головой серые кожистые мешки с клонами, и встала поперек моего пути вдоль стены. Её лицо исказилось от гнева. – Я – одна из семи самых могущественных людей Солнечной системы. Я имею доступ к таким рычагам власти, за обладание которыми Главнокомандующий войсками ООН пошёл бы на убийство.

– Рейлина, это мрачное сооружение плохо воздействует на ваш разум. Вы даже меня не смогли бы найти, если бы не следили за Салливаном. Так скажите мне, мать вашу, как вы собираетесь искать Кадмина?

– Эх, Ковач, Ковач! – В её смехе прозвучала неприкрытая дрожь, словно Кавахара боролась с непреодолимым желанием вонзить пальцы мне в глаза. – Вы можете себе представить, что начнется на улицах какого-либо города на Земле, если я начну искать? Вы хоть понимаете, как просто было бы вас найти, если бы я этого захотела?

Глубоко затянувшись, я выпустил на неё дым.

– Как меньше десяти минут назад сказала ваша верная прислужница Трепп, разве стоило тащить меня в такую даль только для того, чтобы просто облить помоями? Вам от меня что-то нужно. Не тяните, что именно?

Кавахара шумно выдохнула носом. По её лицу разлилось спокойствие, и она отступила на пару шагов назад, уходя от противостояния.

– Вы правы, Ковач. Вы мне нужны живым. Если вы сейчас исчезнете, Банкрофт истолкует это превратно.

– А может быть, наоборот, так, как нужно. – Я рассеянно провел ногой по высеченным на каменном полу буквам. – Это вы спалили ему голову?

– Нет. – Казалось, мой вопрос развеселил Кавахару. – Он покончил с собой.

– Ну да, конечно.

– Верите вы в это или нет, Ковач, для меня не имеет абсолютно никакого значения. От вас нужно только то, чтобы вы завершили расследование. Я хочу аккуратный, красивый конец.

– И как вы предлагаете получить такой результат?

– Меня это не интересует. Придумайте что-нибудь. В конце концов, вы же чрезвычайный посланник. Убедите Банкрофта. Скажите ему, что полиция вынесла правильное заключение. Или, если хотите, подыщите виновного. – Тонкая усмешка. – Себя я к этой категории не отношу.

– Если вы его не убивали, если он сам спалил себе голову, какое вам дело до того, что произойдет? Каков ваш интерес?

– Я не собираюсь это обсуждать.

Я кивнул.

– И что я получу в награду за аккуратный, красивый конец?

– Помимо ста тысяч долларов? – Кавахара вопросительно склонила голову набок. – Ну, насколько я понимаю, вы получили очень щедрое предложение и от других заинтересованных сторон. Что касается меня, то я сниму с ваших плеч Кадмина, чего бы это ни стоило.

Я уставился на буквы под ногами, тщательно обдумывая.

– Франциско Франко, – сказала Кавахара, ошибочно истолковав мой пристальный взгляд как проявление интереса. – Мелкий тиран из далёкого прошлого. Это он построил всё вокруг.

– Трепп сказала, это место принадлежало католикам.

Кавохара пожала плечами.

– Мелкий тиран, помешанный на религии. Католики всегда находили общий язык с тиранией. Это у них в крови.

Я огляделся вокруг, изображая праздное любопытство, но на самом деле ища глазами автоматическую охранную систему.

– Да, похоже на то. Ладно, давайте разложим всё по полочкам. Вы хотите, чтобы я навешал Банкрофту на уши лапшу, обещая взамен отозвать Кадмина, которого сами же на меня и натравили. Вот сделка, которую вы

предлагаете?

– Как вы правильно выразились, вот сделка, которую я предлагаю.

Вдохнув дым, я с наслаждением подержал его в лёгких и медленно выпустил.

– Кавахара, можешь отправляться к чёртовой матери. – Бросив окурок на резной каменный пол, я растоптал его каблуком. – С Кадминым я как-нибудь сам разберусь, а Банкрофту скажу, что убила его скорее всего ты. Ну как, теперь ты не передумала, стоит ли оставлять мне жизнь?

Мои опущенные по швам руки чесались от желания ощутить грубую шершавую поверхность рукояток пистолетов. Я собирался всадить три пули «Немекса» Кавахаре в горло, на уровне памяти больших полушарий, после чего засунуть дуло пистолета себе в рот и разнести ко всем чертям собственную корковую память. У Кавахары наверняка есть резервная копия памяти, но, чёрт побери, надо же когда-нибудь остановиться и выпрямиться во весь рост. Нельзя вечно жить в страхе за собственную шкуру.

Могло бы быть и хуже. Это мог бы быть Инненин. Кавахара с сожалением покачала головой. У неё на лице появилась улыбка.

– Вы нисколько не изменились, Ковач. Много шума и праведного гнева, но на самом деле ничего, кроме пустого сотрясания воздуха. Романтический нигилизм. Неужели вы так ничему и не научились на Новом Пекине?

– «Некоторые области жизни испорчены настолько, что единственной возможностью сохранить внутреннюю чистоту является нигилизм».

– О, это Куэлл, не так ли? Лично я предпочитаю Шекспира, но, полагаю, колониальная культура не заглядывает столь далеко в прошлое?

Кавохара продолжала улыбаться, застыв в позе гимнастки из театра полного владения собственным телом, собирающейся выйти на сцену. На мгновение я почти проникся бредовой уверенностью в том, что она вот-вот начнёт танец, подчиняясь монотонному ритму, зазвучавшему из громкоговорителей, скрытых в куполе у нас над головой.

– Такеси, откуда у тебя эта вера в то, что всё можно решить подобной примитивной грубостью? Уж конечно же, не из Корпуса. Наследие уличных банд Ньюпеста? Или плоды порока, которые задавал тебе в детстве отец? Ты действительно полагаешь, что меня можно спровоцировать на крайние меры? Неужели ты действительно полагаешь, что я села за стол переговоров с пустыми руками? Подумай хорошенько. Ты же ведь меня знаешь. Неужели ты думаешь, что всё настолько просто?

Во мне вскипела нейрехимия. Я сделал над собой усилие, застыв на мгновение, словно парашютист перед раскрытым люком.

– Хорошо, – наконец произнёс я спокойным тоном. – Произведи на меня впечатление.

– С удовольствием. – Рейлина Кавахара сунула руку в нагрудный карман чёрной блузки. Достав крошечный голографический файл, она привела его в действие ногтем большого пальца. В воздухе над устройством возникли изображения, и Кавахара протянула файл мне. – Тут много юридического крюкотворства, но, не сомневаюсь, суть ты поймешь.

Я с опаской взял крохотную светящуюся сферу, словно это был ядовитый цветок. В глаза сразу же ударила фамилия, буквально прыгнувшая с отпечатанных строк:

...Сара Сахилловская...

А затем условия контракта, упавшие на меня, будто обрушившееся здание в замедленной съёмке:

...переведена в частное хранилище...

...меры по обеспечению виртуального надзора...

...неограниченный период времени...

...пересмотр меры наказания в соответствии с резолюцией ООН...

...полная свобода действий по усмотрению управления исправительных учреждений Бей-Сити...

Смысл прочитанного доходил медленно. А потом мне стало тошно. Я пожалел о том, что не прибил Салливана, когда была такая возможность.

– Десять дней, – сказала Кавахара, пристально следившая за моей реакцией. – Вот сколько у тебя времени на то, чтобы убедить Банкрофта в том, что расследование завершено, и убраться отсюда. По прошествии этого времени Сахилловская будет переправлена по виртуальному каналу в одну из моих клиник. Там установлено программное обеспечение нового поколения для проведения виртуальных допросов, и я лично прослежу за тем, как оно будет на ней опробовано.

Голофайл с резким грохотом ударился о мраморный пол. Оскалив зубы, я бросился на Кавахару. Из моего горла вырвался глухой рёв, не имеющий отношения к боевой подготовке, полученной в Корпусе чрезвычайных посланников, а руки сжались в когти хищника. Я понял, что сейчас почувствую вкус крови Кавахары.

Прежде чем я успел преодолеть половину разделявшего нас расстояния, мне в затылок ткнулось холодное дуло пистолета.

– Я бы не советовала делать это, – раздался над ухом спокойный голос Трепп.

Приблизившись, Кавахара остановилась прямо передо мной.

– Банкрофт не единственный, кто может выкупать из колониальных

хранилищ преступников, доставляющих много хлопот местным властям. В исправительном учреждении Канагавы пришли в полный восторг, когда два дня спустя появилась я с предложением выкупить Сахиловскую. Эти глупцы считают, что, если переправить человека на другую планету, вероятность того, что он сможет наскрести достаточно денег на гиперкосмическую транспортировку обратно, пренебрежимо мала. И разумеется, они получили неплохие деньги за возможность помахать вам ручкой на прощание. Наверное, они не могли поверить в своё счастье. Полагаю, у них сложилось ощущение, что это тенденция. – Она задумчиво провела пальцем по воротнику моей куртки. – Впрочем, если учесть нынешнее состояние виртуального рынка, возможно, этим вопросом действительно стоит заняться поглубже.

У меня под глазом лихорадочно задёргалась жилка.

– Я тебя убью, – прошептал я. – Я вырву из груди твоё долбаное сердце и сожру его. Я обрушу на тебя эти своды...

Кавахара подалась вперед так, что наши лица почти соприкоснулись. В её дыхании чувствовался тонкий аромат мяты и орегано.

– Нет, не убьёшь, – невозмутимо произнесла она. – Ты сделаешь всё в точности так, как я сказала, и сделаешь это в течение десяти дней. Потому что в противном случае твоя подружка Сахиловская отправится в длительное турне по всем кругам ада. В турне, из которого не будет возврата.

Отступив назад, Кавахара развела руками.

– Ковач, ты должен благодарить всех своих богов – не знаю, какие они у вас на Харлане, – за то, что я не садистка. Я имею в виду то, что я дала тебе возможность выбора. Мы могли бы сейчас договариваться о том, какие именно мучения выпадут на долю Сахиловской. Я хочу сказать, что могла бы начать прямо сейчас. Это дало бы тебе лишний повод поторопиться, не так ли? Десять дней в большинстве виртуальных систем равняется трём или четырём годам, не так ли? Ты сам был в клинике «Вей». Как ты думаешь, Сахиловская вынесла бы три года подобного? Полагаю, она сошла бы с ума. Ты не согласен?

От усилия, которое пришлось сделать, чтобы сдержать вскипающую ярость, у меня почти лопнули глазные яблоки и разорвалась грудь. Я с трудом выдавил из себя слова:

– Условия. Почему я должен верить, что ты её освободишь?

– Потому что я даю слово, Ковач. – Кавахара уронила руки. – Помоему, ты уже имел возможность убедиться в его надёжности.

Я кивнул.

– Как только Банкрофт признает то, что дело закрыто, и ты сам исчезнешь, я переправлю Сахилловскую обратно на Харлан для отбывания оставшегося срока. – Нагнувшись, Кавахара подобрала с пола брошенный голофайл. Проворно пощёлкав кнопками, она перелистала несколько страниц и протянула его мне. – Полагаю, ты обратил внимание, что в контракте прописана возможность его расторжения. Разумеется, в этом случае я потеряю большую часть уплаченного задатка, однако в данных обстоятельствах я готова на это пойти. – Она едва заметно усмехнулась. – Но, пожалуйста, имей в виду, что расторжение контракта действует в обе стороны. То, что я вернула, я всегда могу купить снова. Поэтому, если ты подумал о том, чтобы на время спрятаться в кустах, а затем прибежать к Банкрофту, выбрось это из головы как можно скорее. При таком раскладе тебе никогда не выиграть.

Дуло пистолета оторвалось от моего затылка, и Трепп отступила назад. Нейрохимия удерживала меня в вертикальном положении, словно опорный костюм для больного, страдающего параличом нижних конечностей. Я тупо смотрел на Кавахару.

– Зачем ты всё это сделала, мать твою? – прошептал я. – Зачем втянула меня в это, если не хочешь, чтобы Банкрофт узнал правду?

– Потому что ты посланник, Ковач, – раздельно произнесла Кавахара, словно разъясняя прописную истину ребёнку. – Потому что, если кто-то и может убедить Лоренса Банкрофта в том, что он покончил с собой, так это ты. И потому что я знаю тебя достаточно хорошо, чтобы предсказывать твои шаги. Я постаралась сделать так, чтобы тебя доставили ко мне сразу после прибытия на Землю, но вмешался отель. А затем, когда ты по воле случая попал в клинику «Вей», я предприняла новую попытку привезти тебя сюда.

– Но я наврал с три короба и вырвался из клиники.

– Ах да, выдумки про биопиратов. Ты действительно полагаешь, что столь низкопробный вздор мог кого-то провести? Подумай хорошенько, Ковач. Быть может, ты и заставил этих ребят задуматься, отступить на пару шагов, но истинная причина, *единственная* причина, почему ты вышел из клиники «Вей» живым и здоровым, заключается в том, что я приказала доставить тебя сюда. – Она пожала плечами. – Но ты упрямо хотел бежать. Неделя выдалась очень бурной, и на мне тоже есть доля вины. Я чувствую себя специалистом по изучению поведения животных, не сумевшим правильно построить лабиринт для крысы.

– Ладно. – Я поймал себя на том, что меня охватывает дрожь. – Я сделаю всё, что ты сказала.

– Да, разумеется, сделаешь.

Я попытался подыскать подходящий ответ, но из моей души словно хирургическим путем извлекли весь потенциал сопротивления. Казалось, холод камней базилики проникает в кости. Сделав усилие, я совладал с дрожью и развернулся, собираясь уходить. Трепп бесшумно шагнула следом. Мы успели пройти шагов десять, когда меня окликнула Кавахара.

– Эй, Ковач...

Я обернулся, словно во сне. Кавахара улыбалась.

– Если тебе удастся провернуть всё аккуратно и очень быстро, возможно, я рассмотрю вопрос о каком-либо материальном поощрении. Скажем так, о премии. Размеры её могут быть самыми разными. Трепп даст тебе контактный номер.

Я снова повернулся, чтобы идти, онемевший, как после Инненина. Я смутно почувствовал – Трепп похлопала меня по плечу.

– Пошли, – дружелюбно предложила она. – Уходим отсюда.

Я прошел следом за ней под давящими на душу сводами, мимо презрительных ухмылок стражей с мечами, сознавая, что Кавахара, застывшая среди своих заключённых в серые мешки клонов, провожает нас таким же насмешливым взглядом. Казалось, потребовалась целая вечность, чтобы уйти из подземного зала, и когда массивные стальные ворота со скрипом отворились, открывая окружающий мир, брызнувший внутрь свет влил в меня жизненные силы, стал соломинкой, за которую я схватился, словно утопающий. Базилика внезапно превратилась в уходящие вниз океанские глубины, откуда я выныривал навстречу бликам солнца на рябой поверхности. Дрожь начала медленно проходить.

Но, уходя прочь из-под мрачного величия креста, я по-прежнему чувствовал это зловещее место, словно холодную руку на затылке.

Глава двадцать шестая

Ночь прошла в каком-то смазанном кошмаре. Позднее, когда я попытался восстановить события, подготовка посланников позволила мне получить только бессвязные отрывки.

Трепп хотела провести ночь в городе. По её утверждению, от лучших ночных развлечений в Европе нас отделяли лишь несколько минут пути, и у неё имелись все необходимые адреса.

А я хотел, чтобы мой мыслительный процесс остановился.

Мы начали с номера в отеле на улице, названия которой я не смог произнести. Первым делом мы брызнули друг другу в белки глаз каким-то заменителем тетрамета. Я сидел в кресле у окна, безропотно позволяя Трепп накачивать меня препаратами, и старался не думать о Саре и той комнате в Миллспорте. Старался вообще ни о чем не думать. Двухцветные голограммы за окном отбрасывали на сосредоточенное лицо Трепп кроваво-красные и бронзовые отблески, превращая её в демона, который вот-вот скрепит сделку. По мере того, как тетрамет разливался по нервным окончаниям, органы чувств коварно цепенели, и когда настал мой черёд помочь Трепп, я едва не потерялся в геометрии чёрт лица. Препарат оказался очень хорошим...

На стенах были фрески, изображающие христианский ад: языки пламени растопыренными пальцами вонзались в процессию обнажённых кричащих грешников. В углу помещения, где фигуры на стене сливались с обитателями бара, окутанными дымом и шумом, на вращающемся помосте танцевала девушка. Вместе с помостом вращался закреплённый выпуклый лепесток из чёрного стекла. Всякий раз, когда лепесток оказывался между танцовщицей и зрителями, девушка исчезала, и вместо неё оставался ухмыляющийся скелет.

– Этот клуб называется «И вся плоть исчезнет», – крикнула Трепп, перекрывая шум, пока мы пробирались сквозь толпу. Кивнув на девушку, она показала кольца из чёрного стекла на пальцах. – Вот где я почерпнула эту идею. Сногшибательный эффект, правда?

Я поспешно схватил стакан.

– Человечество тысячелетиями мечтало о рае и аде. О наслаждении или боли, не имеющих конца, не убавляющихся со временем, не ограниченных тесными рамками жизни и смерти. Сегодня фантазии

сбылись благодаря виртуальному форматированию. Достаточно лишь иметь силовой генератор промышленной мощности. Мы действительно создали ад и рай на земле.

– Звучит эпически, в духе прощального обращения Ангины Чандры, отправляющейся к другим мирам, – прокричала Трепп. – Но я поняла, что ты хотел сказать.

Судя по всему, слова, носившиеся у меня в мыслях, также слетали и с языка. Если это и была цитата, я понятия не имел, откуда она. Определенно не куэллизм, за подобную речь Куэлл отвесила бы хорошую затрещину.

– Но факт остается фактом, – продолжала кричать Трепп. – У тебя есть десять дней.

Действительность качается, стекает вбок языками яркого пламени. Музыка. Движение и смех. Край стакана под моими зубами. Тёплое бедро, прижимающееся к моему. Оно принадлежит, как я полагаю, Трепп, но когда я оборачиваюсь, мне улыбается другая женщина. С длинными прямыми чёрными волосами и алыми губами. Её взгляд, наполненный откровенным приглашением, смутно напоминает что-то виденное совсем недавно...

Уличная сценка:

С обеих сторон балконы уступами, свет, звук, льющийся на мостовую из мириад крохотных барчиков; улица запружена народом. Я подхожу к женщине, которую убил на прошлой неделе, и пытаюсь завести разговор о кошках.

Я что-то забыл. Что-то затянуто облаками.

Что-то очень важ...

– В это нельзя поверить, твою мать! – врывается Трепп.

Она врывается в мой череп в тот самый момент, когда мне уже почти удалось ухватиться за...

Она делает это умышленно? Я даже не могу вспомнить, во что, связанное с кошками, я верил так сильно ещё какое-то мгновение назад.

Танцы, не знаю где именно.

И снова тетрамет, забрызнутый в глаза на углу улицы. Я стою, прижимаясь к стене. Кто-то проходит мимо, окликает нас. Я моргаю, пытаюсь сфокусировать взгляд.

– Твою мать, стой же спокойно, хорошо?

– Что она сказала?

Сосредоточенно нахмурившись, Трепп снова поднимает мне веки.

– Назвала нас красавчиками. Долбаная наркоманка, наверное, хотела

выклянчить дозу.

В каком-то обшитом деревом туалете я стоял, уставившись на отражённое в треснувшем зеркале лицо, которое носил так, словно оно совершило против меня преступление. Или словно ожидая, что вот-вот из-за разделённого на отдельные части отражения кто-то появится. Мои руки крепко сжимали грязную металлическую раковину, и эпоксидные полоски, крепящие её к стене, под моим весом издавали слабый треск.

Я понятия не имел, как долго здесь пробыл.

Я понятия не имел, где нахожусь. И в скольких похожих местах мы уже побывали за эту ночь.

Всё это не имело значения, потому что...

Зеркало не входило в рамку – острые осколки упирались в пластмассовые края, удерживая опасно зависший центр, расколовшийся звездой.

«Слишком много краёв, – пробормотал я про себя. – Осколки никак не желают сойтись вместе, мать их».

Эти слова показались мне очень выразительными, будто случайная рифма в обычной речи. У меня мелькнула мысль, что я ни за что не почию это зеркало. Только бесполезно обрежу руки. Твою мать.

Оставив лицо Райкера в зеркале, я, пошатываясь, вернулся к столику, заставленному высокими свечами, за которым Трепп посасывала длинную трубку из слоновой кости.

– Мики Нозава? Ты серьёзно?

– Да, твою мать, – яростно потрянула головой Трепп. – «Кулак флота», так? Я смотрела этот фильм по крайней мере четыре раза. В Нью-Йорке полно колониального барахла. Теперь это последний писк моды. Особенно мне понравилось то место, где Нозава разбирается с аквалангистом, нанося удар ногой в полёте. Я прочувствовала этот удар до самых костей. Красотища. Поэзия в движении. Эй, а ты знаешь, что в молодости Нозава снимался в голопорнухе?

– Чушь собачья. Мики Нозава никогда не снимался в порнухе. Ему это не нужно.

– А кто говорит о нужде? Парочка куколок, с которыми он игрался! Лично я занималась бы с ними и совершенно бесплатно.

– Чушь. Собачья.

– Клянусь Господом Богом. В оболочке с европейскими глазами и носом, которую Нозава списал в утиль после автокатастрофы. Он там ещё совсем молодой.

В этом баре стены и потолок были увешаны нелепыми музыкальными инструментами-гибридами, а полки за стойкой заставлены древними бутылками, затейливыми статуэтками и прочим никчёмным хламом. Уровень шума относительно низкий, и япил что-то такое, что на вкус не походило на отраву, причиняющую слишком много вреда моему организму. В воздухе чувствовался слабый привкус мускуса; на столиках стояли вазочки с леденцами.

– Зачем ты это делаешь, твою мать?

– Что? – обалдело тряхнула головой Трепп. – Держу кошек? Мне нравятся ко...

– Работаешь на эту долбаную Кавахару. Это же жертва аборта, треклятая шлюха-маф, не стоящая даже пепла от сигареты. Так почему же ты...

Трепп схватила меня за руку, которой я оживлённо жестикулировал, и на мгновение мне показалось, что драки не миновать. Во мне пьяно ожила нейрехимия.

Но вместо этого Трепп с любовью обвила моей рукой своё плечо, привлекая к себе. Моргая по-совиному, она заглянула мне в глаза.

– Слушай, что я тебе скажу.

Наступило затянувшееся молчание. Я подождал, пока Трепп, сосредоточенно нахмурившись, сделает большой глоток из бокала и поставит его на стол с преувеличенной осторожностью. Наконец она погрозила пальцем.

– Не суди и не судим будешь, – запинаясь, промямлила она.

Другая улица, спускается вниз. Идти вдруг легче.

Над нами в полную силу высыпали звёзды, более яркие, чем те, что я видел в Бей-Сити. Остановившись, я задрал голову, наслаждаясь ночным небом, пытаюсь отыскать взглядом созвездие Единорога.

Тут. Что-то. Не так.

Чужое небо. Ничего знакомого. У меня под мышками выступил холодный пот, и внезапно отчётливые яркие точки превратились в армаду, надвигающуюся извне, готовящуюся начать бомбардировку планеты. Марсиане вернулись. Мне показалось, я вижу их, выжидательно кружащих в узкой полоске неба над нами...

Я начал падать, и Трепп едва успела меня подхватить.

– Эге-ге! – рассмеялась она. – Что ты там увидел, кузнечик?

Чужое небо.

Становится всё хуже.

В другом туалете, залитом болезненно ярким светом, я пытаюсь запихнуть в нос порошок, который мне дала Трепп. Мои ноздри уже пересохли и горят, порошок постоянно высыпается обратно, показывает мне, что для этого тела уже достаточно. За спиной открывается дверь кабинки, и я бросаю взгляд в большое зеркало.

В кабинке появляется Джимми де Сото, в полевой форме, испачканной грязью Инненина. В жёстком свете туалета его лицо выглядит особенно плохо.

– Всё в порядке, приятель?

– Не очень. – Я чешу ноздрю, в которой, похоже, начался пожар. – А ты как?

Джимми машет рукой, показывая, что жаловаться нечего, и приближается к зеркалу. Срабатывают датчики, реагирующие на свет, из крана начинает литься вода, и Джимми, склоняясь над раковиной, моет руки. Грязь и кровь, смытые с кожи, образуют густой бульон, закручивающийся крохотным водоворотом в сливном отверстии раковины. Я чувствую плечом прикосновение тела Джимми, но его единственный уцелевший глаз пригвоздил меня к отражению в зеркале, и я не могу или не хочу оборачиваться.

– Это сон?

Джимми пожимает плечами и продолжает оттирать руки.

– Это край, – отвечает он.

– Край чего?

– Всего.

Всем своим видом Джимми показывает, что речь идёт о чем-то само собой разумеющемся.

– Мне казалось, ты приходишь ко мне только во сне, – говорю я, как бы ненароком бросая взгляд на его руки.

С ними что-то не так; сколько бы грязи ни отскрёб Джимми, остаётся всё больше и больше. Ею уже забита вся раковина.

– Что ж, можно сказать и так, приятель. Сны, галлюцинации, вызванные стрессом, напряжённая работа мысли, как сейчас. Понимаешь, это и есть край. Трещина в действительности. То, где наступает конец таким глупым ублюдкам, как я.

– Джимми, ты умер. Я уже устал повторять тебе это.

– Угу. – Он трясет головой. – Для того чтобы добраться до меня, ты должен сам спуститься в трещину.

Бульон из крови и грязи начинает стекать в раковину, и я вдруг понимаю, что когда он вытечет, Джимми тоже исчезнет.

– Ты говоришь...

Он печально качает головой.

– Всё это слишком сложно, мать твою, чтобы вдаваться в подробности. Ты ошибочно полагаешь, что в наших руках находятся рычаги контроля действительности, только потому, что мы можем зафиксировать какие-то её отдельные крохи. Но все гораздо серьезнее, приятель. Гораздо серьезнее.

– Джимми, – беспомощно развожу руками я, – ну какого хрена, что мне делать?

Он отступает назад от раковины, и его изуродованное лицо кривится в жуткой усмешке.

– Вирусная атака, – отчётливо произносит Джимми. При воспоминании о моём собственном крике на побережье Инненина меня прошибает холодный пот. – Ты ведь не забыл, не так ли?

С этими словами, отряхнув воду с рук, Джимми исчезает, словно призрак.

– Послушай, – рассудительно промолвила Трепп, – Кадмин должен побывать в резервуаре, чтобы загрузиться в искусственную оболочку. По моим оценкам, пройдут почти целые сутки, прежде чем он хотя бы узнает, удалось ли ему тебя убить.

– Если он не успел уже загрузить своего двойника.

– Это исключено. Не забывай вот о чем. Кадмин расстался с Кавахарой. Понимаешь, теперь у него уже нет средств на подобные штучки. Ему приходится действовать на свой страх и риск, а поскольку за ним охотится Кавахара, его можно считать отработанной фигурой. Вот увидишь, не сегодня-завтра с Кадминым будет покончено.

– Кавахара будет держать его столько, сколько потребуется, чтобы давить на меня.

– Ну да, конечно. – Трепп смущённо уставилась в бокал. – Наверное, ты прав.

Потом было ещё одно место, вроде «Кабель» или как-то ещё в таком роде. Стены там были обиты разноцветными толстыми кабелями, из их распоротых оболочек прядями жёстких медных волос торчали тщательно уложенные дизайнерами провода. По стойке бара были ритмично расставлены крюки, обмотанные тонкой проволокой, со сверкающими

серебряными микроразъемами на конце. В воздухе под потолком висела огромная парочка, голографический штекер и разъём, и они судорожно сливались в соитии под навязчивый ритм, заполняющий помещение, словно вода. Время от времени агрегаты, казалось, превращались в половые органы, но, быть может, это галлюцинации от тетрамета.

Я сидел у стойки, и рядом с моим локтем в пепельнице дымилось что-то сладкое. Судя по ощущению липкости в лёгких и горле, я курил эту дрянь. Бар был полон людьми, но меня не покидала странная уверенность, что я здесь один.

У стойки сидели и другие посетители, подключённые к разъёмам на тонкой проволоке. Под опущенными веками дёргались глазные яблоки, губы изгибались в мечтательных улыбках. Среди них была и Трепп.

А я был один.

В отшлифованную внутреннюю поверхность моей головы стучалось что-то похожее на мысли. Взяв сигарету, я угрюмо затянулся. Сейчас не время для размышлений.

Не время для...

Вирусная атака!!!

...размышлений.

У меня под ногами мелькали улицы, как мелькали развалины Инненина под армейскими ботинками Джимми де Сото, жившего в моих сновидениях. *Так значит, вот как он это делает!*

Женщина с алыми губами...

Наверное, ты не можешь...

Что? Что???

Разъём и штекер.

Пытаюсь тебе кое-что сказать...

Не время для...

Не время...

Не...

Мысль ускользает подобно тому, как устремляется в водоворот вода, что смывала с рук Джимми кровь и грязь, стекавшие в сливное отверстие раковины...

Ускользает снова.

Но мысль была неотвратима, как рассвет, и всё же нашла меня на

рассвете на белых каменных ступенях, ведущих вниз, к чёрной воде. Вдалеке, за водой, смутно маячили какие-то величественные сооружения. В быстро сереющей темноте я мог различить деревья. Мы находились в парке.

Трепп опёрлась на моё плечо и предложила зажжённую сигарету. Машинально затянувшись, я выпустил дым через обмякшие губы. Трепп присела на корточки рядом. В воде у наших ног плеснула невероятно огромная рыбина. Я слишком вымотался, чтобы как-то реагировать на её появление.

– Мутант, – заметила Трепп.

– То же самое можно сказать и про тебя.

Обрывки разговора далеко разнеслись над водой.

– Болеутоляющие тебе не нужны?

– Возможно. – Я проанализировал состояние своей головы. – Нужны.

Трепп молча протянула упаковку пёстрых капсул.

– Что ты собираешься делать?

Я пожал плечами.

– Вернись назад. Займись тем, что мне приказано.

Часть 4
Убеждение
(Вирусное искажение)

Глава двадцать седьмая

По дороге из аэропорта я трижды сменил такси, каждый раз расплачиваясь наличными, и наконец поселился в круглосуточной ночлежке в Окленде. Тем, кто следил за мной с помощью электроники, придётся изрядно потрудиться, чтобы меня найти, и я был уверен (в разумных пределах), что физического «хвоста» тоже не было. Это уже походило на манию преследования. В конце концов, сейчас я работал на «плохих», а у них не было причин организовывать слежку. Но мне не понравилось насмешливое замечание Трепп: «Будем держать связь», брошенное на прощание в аэропорту Бей-Сити. К тому же я пока не мог сказать с полной определённости, чем именно собираюсь заняться. А раз этого не знал я, естественно, мне не хотелось, чтобы об этом узнал и кто-то ещё.

Номер ночлежки был подключен к семистам восьмидесяти шести каналам кабельного головидения, голографическая порнуха и выпуски новостей рекламировались на дисплее в режиме ожидания. Самоочищающаяся двуспальная кровать на шарнирах пахла дезинфицирующими средствами, а душевая кабинка отходила от стены, к которой была приклеена эпоксидкой. Я выглянул в грязное окно. В Бей-Сити царил полночь; моросил мелкий дождик. Предельный срок встречи с Ортегой подходил к концу.

Окно выходило на покатую крышу из фибробетона, до которой было метров десять. Ещё ниже находилась мостовая. Над головой выступающий пагодой верхний уровень прикрывал нижние этажи и улицу. Закрытое пространство. После недолгих колебаний я выдавил из упаковки последнюю капсулу от похмелья, полученную от Трепп, и, проглотив её, как можно бесшумнее открыл окно, перелез через подоконник и повис на руках. Несмотря на то, что я вытянулся во весь рост, вниз предстояло падать почти восемь метров.

«Вернись к первобытному примитивизму». Куда уж примитивнее, чем вылезать из окна отеля посреди ночи.

Помолившись о том, чтобы крыша оказалась такой же прочной, какой казалась с виду, я разжал пальцы.

Упал на покатую крышу так, как нужно, перекатился набок и тотчас же обнаружил, что мои ноги снова зависли над пустотой. Поверхность была прочной, но скользкой, словно свежие волокна беллахлопка, и я начал

быстро сползать к краю. Я цеплялся о кровлю локтями, тщетно ища опоры, но всё же сорвался с крыши – и едва успел ухватиться рукой за острый край.

До мостовой десять метров. Какое-то время я висел на одной руке, чувствуя, как крыша выскальзывает из-под пальцев и пытаюсь определить: не встретятся ли мне на пути непредвиденные препятствия в виде мусорных баков или припаркованных машин. Затем оставил это бесплодное занятие и полетел вниз. Мостовая стремительно надвинулась и ударила что есть силы. Однако ничего острого падение не усугубило, и, перекатившись набок, я не налетел на мусорные баки. Встав, я метнулся в ближайшую тень.

После десяти минут беспорядочного петляния по случайной последовательности переулков я наткнулся на цепочку застывших в ожидании автотакси, быстро вышел из-под навеса, прикрывавшего меня от непрошенных взглядов сверху, и сел в пятую от начала очереди машину. Я зачитал секретный код Ортеги, и мы поднялись в воздух.

– Код идентифицирован. Ожидаемое время в пути – тридцать пять минут.

Такси вылетело к заливу и повернуло в сторону моря.

Слишком много краёв.

Обрывки предыдущей ночи бурлили в голове подобно небрежно приготовленной ухе. Непереваренные куски показывались на поверхности, бултыхались в водоворотах воспоминаний и снова погружались на дно. Трепп, подключенная к разъему в стойке бара «Кабель»; Джимми де Сото, отмывающий покрытые коростой грязи и крови руки; лицо Райкера, смотрящее на меня из зеркала, расползающегося звездой осколков. Где-то между ними – Кавахара, утверждающая, что смерть Банкрофта была самоубийством, но требующая завершить расследование. (Этого также хотят Ортега и полиция Бей-Сити.) Кавахара, знающая о моей встрече с Мириам Банкрофт, знающая много чего о Лоренсе Банкрофте и Кадмине.

Хвост похмелья извивался, словно скорпионий, борясь с медленно набирающими силу болеутоляющими капсулами Трепп. Трепп, убийца, готовая ко всеобщему прощению в духе дзен-буддизма. Один раз я уже убил её, но она вернулась назад, не держа на меня зла, потому что ничего не помнит, а следовательно, по её понятиям, с ней ничего не случилось.

«Если кто-то и может убедить Лоренса Банкрофта в том, что он покончил с собой, так это ты».

Трепп, подключенная к стойке в «Кабеле».

«Вирусная атака. Ты ведь не забыл, не так ли?»

Взгляд Банкрофта, сверлящий меня на балконе виллы «Закат». «Я не тот человек, чтобы лишать себя жизни, но *если бы я решился на такое*, то не допустил бы подобных глупых ошибок. Если бы я вознамерился умереть, вы бы сейчас со мной не разговаривали».

И вдруг ослепительная вспышка – я понял, что должен сделать.

Такси начало спускаться вниз.

– Поверхность нестабильна, – предупредила машина, когда мы опустились на мечущуюся из стороны в сторону палубу. – Пожалуйста, будьте осторожны.

Я вставил деньги в щель приёмника, и люк открылся. Мы находились в безопасном месте, указанном Ортегой. Небольшая полоска взлётно-посадочной площадки из серого металла, огражденная стальными канатами, а вокруг море, вздымающееся чёрными валами, и ночное небо, затянутое клочьями туч, из которых моросит дождем. Выбравшись из машины, я с опаской ухватился за стальной трос ограждения. Автотакси поднялось в воздух и было быстро проглочено мечущейся пеленой дождя. Когда навигационные огни растаяли в темноте, я начал осматривать корабль, на палубе которого находился.

Взлётно-посадочная площадка размещалась на носу, и с того места, где я стоял, уцепившись за трос, просматривалось всё судно. Оно имело в длину метров двадцать, это приблизительно две трети среднего милспортского траулера, но было значительно уже. Палубные надстройки прилизанной формы, герметически закрывающиеся, рассчитаны на то, чтобы противостоять любому шторму. Однако, несмотря на деловой внешний вид, судно нельзя было принять за рабочий корабль. Над палубой возвышались две изящные телескопические мачты, выдвинутые наполовину, а из стройного носа торчал острый бушприт.

Яхта. Плавающий дом состоятельного человека.

На палубу из люка на корме выплеснулся свет, и появившейся Ортеге пришлось подзывать меня знаками. Крепко схватившись пальцами за стальной трос, я собрался с духом, борясь с килевой и бортовой качкой, и медленно спустился по короткому трапу, а затем заковылял вдоль ограждения на корму. Носившиеся над палубой порывы ветра помимо воли заставляли ускориться. В колодце света из открытого люка я увидел ещё один трап, более крутой, и, не отрывая рук от ограждения, спустился в тесную кают-компанию, встречавшую уютным теплом. Над головой бесшумно захлопнулся люк.

– Где ты пропадал, мать твою? – рявкнула Ортега.

Я не спеша смахнул брызги с волос и огляделся вокруг. Если эта яхта и была плавучим домом состоятельного человека, то он уже давно не появлялся тут. Мебель сдвинута к стенам и накрыта полупрозрачной пластиковой пленкой; на полках небольшого, встроенного в переборку бара царило полное запустение. Все иллюминаторы задраены и закрыты крышками. Двери в противоположных концах кают-компания распахнуты настежь, открывая такие же пахнущие нафталином помещения.

И всё же яхта источала запах богатства, породившего её. Столы и стулья под пластиковым покрытием были из тёмного полированного дерева, навощенные доски палубы спрятаны под коврами. Обстановка утончённая, но скромная. Переборки украшали картины, насколько я мог предположить, оригиналы. Одна – школы эмфатистов, изображавшая скелетообразные развалины марсианской верфи на закате; другая – абстрактная, точнее определить её стиль мне не позволил недостаток культурного образования.

Нахмурившаяся Ортега стояла посреди всего этого – со взъерошенными волосами, одетая в кимоно из настоящего шёлка, как я понял, раздобытое в гардеробе яхты.

– Долго рассказывать. – Пройдя мимо Ортеги, я заглянул в ближайшую дверь. – Я бы не отказался от кофе, если камбуз открыт.

Спальня. Большая овальная кровать, установленная в окружении совершенно безвкусных зеркал в позолоченных рамках. Я подходил к противоположной двери, когда Ортега вдруг отвесила мне пощечину.

Я отшатнулся назад. Удар не такой сильный, как тот, которым я угостил Салливана в китайском ресторанчике, но он был нанесён стоя, с замаха, и к нему добавилась качка палубы. Ощущение усугубил коктейль из похмелья и болеутоляющих капсул. Мне удалось удержаться на ногах, но с большим трудом. Я пошатнулся, пытаюсь сохранить равновесие, и поднес к щеке руку, уставившись на Ортегу. Та гневно смотрела на меня, и у неё на щеках горели два алых пятна.

– Послушай, извини, если я тебя разбудил, но...

– Ты – мерзкий кусок дерьма, – прошипела она. – Лживый кусок дерьма!

– Я ничего не понимаю...

– Я должна была бы тебя арестовать, Ковач, твою мать. За то, что ты сделал, я должна засунуть тебя на хранение, чёрт побери!

Я начинал терять терпение.

– Что я сделал? Ортега, успокойся и объясни, в чём дело.

– Сегодня мы запросили память «Хендрикса», – ледяным тоном произнесла Ортега. – Предварительная санкция была получена в полдень. Мы запросили всё за последнюю неделю. И я просмотрела записи.

Не успели слова слететь с её уст, как вскипавшая в моей груди ярость утихла, превратившись в ничто. Ортега словно окатила меня водой из ведра.

– Ого.

– Да, смотреть особенно было нечего. – Отвернувшись, Ортега положила руки на плечи, проходя к неисследованной двери. – В настоящий момент ты в отеле единственный постоялец. Так что я увидела только тебя. И твоих гостей.

Я прошёл следом за ней во вторую каюту, увешанную коврами. Лестница в две ступени вела к узкому камбузу, отгороженному низкой переборкой, обшитой деревом. Вдоль другой стенки стояла такая же закрытая чехлами мебель, как и в первой каюте. Лишь в дальнем углу пластиковое покрывало было снято, открывая метровый видеоскрин с модулями приёма и воспроизведения. Одинокое кресло с прямой спинкой стояло перед экраном, на котором застыло прекрасно узнаваемое лицо Элиаса Райкера между широко раздвинутыми бёдрами Мириам Банкрофт.

– Пульт дистанционного управления на кресле, – отрешённым голосом произнесла Ортега. – Не хочешь взглянуть, пока я буду готовить кофе? Освежи свою память. А потом я выслушаю разъяснения.

Не дав мне возможности ответить, она скрылась на камбузе. Я приблизился к экрану с замершим изображением, чувствуя в груди леденящий холод от воспоминаний о «девятом слиянии». В бессонной, хаотической круговерти последних полутора дней я успел напрочь позабыть про Мириам Банкрофт, но сейчас она возвратилась во плоти и крови, властная и пьянящая, какой была в ту ночь. Теперь очевидно, что я начисто забыл слова Родриго Баутисты об устранении последних юридических препон, поставленных адвокатами «Хендрикса».

Наткнувшись ногой на что-то, я опустил взгляд на ковер. На полу рядом с креслом стояла чашка кофе, ещё на треть полная. Мне захотелось узнать, как глубоко в память отеля успела заглянуть Ортега. Я взглянул на экран. Она дошла только до этого? Что ещё она видела? И как это разыграть? Подняв пульт дистанционного управления, я покрутил его в руках. Помощь Ортеги была неотъемлемой составляющей моего плана. Если я сейчас её потеряю, то могут возникнуть большие неприятности.

А у меня внутри шевелилось что-то другое. Бурление эмоций, которое я не хотел признавать. Это было бы клиническим абсурдом. Чувства,

несмотря на моё беспокойство из-за более поздних событий в памяти отеля, тесно связанные с застывшим на экране изображением.

Смущение. Стыд.

Я тряхнул головой. Глупость какая-то, твою мать.

– Ты не смотришь.

Обернувшись, я увидел Ортегу. Она стояла, держа в руках две чашки с дымящимся напитком. Мне в нос ударил аромат кофе с ромом.

– Благодарю.

Приняв у Ортеги кружку, я пригубил напиток, стараясь выиграть время. Отступив назад, она сложила руки на груди.

– Итак, ты говорил, что у тебя полсотни причин, по которым Мириам Банкрофт не ложится в картинку. – Ортега дёрнула головой в сторону экрана. – И сколько из этой полусотни здесь?

– Ортега, это не имеет никакого отношения...

– Насколько я помню, ты говорил, что Мириам Банкрофт тебя пугает. – Многозначительно покачав головой, она поднесла чашку ко рту. – Не знаю, но, по-моему, у тебя на лице отнюдь не страх.

– Ортега...

– «Я хочу, чтобы ты остановился», – говорит она. Высказывается совершенно определённо. Если подзабыл, можешь прокрутить назад...

Я убрал пульт так, чтобы она до него не дотянулась.

– Я прекрасно помню, что она говорила.

– В таком случае, ты также должен помнить ту заманчивую сделку, которую предложила Мириам Банкрофт за то, чтобы ты закрыл дело: размноженная оболочка...

– Ортега, вспомни, ты тоже не хотела, чтобы я занимался этим расследованием. По твоим словам, это чистое самоубийство, и дело закрыто. Но из этого не следует, что Банкрофта убила ты, разве не...

– Заткнись! – Ортега принялась кружить вокруг меня так, словно у нас в руках ножи, а не чашки с кофе. – Ты её прикрывал. Всё это время, твою мать, ты лежал, уткнувшись носом ей в промежность, словно верная собач...

– Если ты видела остальное, тебе известно, что это неправда, – попытался возразить я спокойным тоном, чего мне никак не позволяли гормоны Райкера. – Я объяснил Кёртису, что меня не интересует предложение его хозяйки. Я это сказал ему ещё два дня назад, твою мать!

– Как ты думаешь, как отнесётся к этой записи прокурор? Мириам Банкрофт пытается подкупить частного следователя, нанятого её мужем, обещая противозаконные любовные утехи. Ах да, и ещё признание

размножения оболочек. Хотя и недоказанное, но в суде это будет выглядеть очень плохо.

– Она отметёт все обвинения. И тебе это хорошо известно.

– Если только её муженек-маф встанет на её сторону. Что он, вероятно, не сделает, просмотрев эти записи. Ты же понимаешь, тут повторения дела Лейлы Бегин не будет. На этот раз ботинок морали надет на другую ногу.

Ссылка на мораль промелькнула на внешней границе нашего спора, но у меня вдруг возникло неуютное ощущение, что на самом деле это, наоборот, центр происходящего сейчас. Вспомнив критические отзывы Банкрофта относительно морали Земли, я подумал – а смог ли бы он смотреть на мою голову, зажатую между бёдрами его жены, и не чувствовать, что его предали.

Сам я тоже пытался разобраться в собственном отношении к этому вопросу.

– И когда мы начнём расследование, Ковач, отрезанная голова, прихваченная тобой из клиники «Вей», вряд ли станет смягчающим обстоятельством. Незаконное задержание оцифрованного сознания карается на Земле сроком от пятидесяти до ста лет. И даже больше, если нам удастся доказать, что именно ты и спалил эту голову.

– Я как раз собирался рассказать тебе об этом...

– Нет, не собирался! – рявкнула Ортега. – Ты не собирался рассказывать мне ни о чем, что не в твоих интересах!

– Послушай, клиника всё равно не посмеет начать уголовное преследование. Ей самой есть чего опасаться...

– Наглый ублюдок! – Она разжала пальцы, и чашка с кофе с глухим стуком упала на ковер. В глазах Ортеги вспыхнула настоящая ярость. – Ты лишь похож на него, всего лишь *похож*, мать твою! Думаешь, нам будет нужна эта долбаная клиника, когда у нас есть кадры, на которых ты кладешь отрезанную голову в холодильник отеля? Разве там, откуда ты родом, Ковач, это не считается преступлением? Обезглавленный труп...

– Подожди минутку. – Я поставил свой кофе на кресло. – На кого, на кого я лишь похож?

– Что?

– Ты только что сказала, что я лишь похож...

– Забудь о том, что я сказала. Ты хоть понимаешь, Ковач, что ты наделал?

– Я понимаю лишь то, что...

Внезапно с экрана у меня за спиной хлынул поток звуков, певучие, осязаемые стенания и аппетитное чавканье. Я взглянул на зажатый в руке

пульт дистанционного управления, гадая, как мне удалось непроизвольно включить воспроизведение, но тут от низкого женского стога моя кровь заледенела в жилах. Ортега набросилась на меня, пытаясь вырвать пульт.

– Отдай его, выруби этот треклятый кошмар...

Какое-то время я боролся с ней, но наша возня привела лишь к тому, что звук стал ещё громче. Затем, словно вняв голосу здравого рассудка, я разжал руку, и Ортега свалилась на спинку кресла, яростно тыча в кнопки.

– ...к такой-то матери.

Наступила тишина, нарушаемая только нашим шумным дыханием. Я стоял, уставившись на один из задраенных иллюминаторов, Ортега сползла на пол между креслом и моей ногой, по-видимому, не отрывая взгляда от экрана. Мне показалось, что на мгновение наше дыхание совпало в фазе.

Обернувшись, я наклонился, пытаясь помочь Ортеге встать, но она уже поднималась с пола. Наши руки встретились, прежде чем кто-либо из нас успел понять, что происходит.

Это было освобождение. Кружащее сопротивление провалились внутрь, словно сорвавшиеся с орбиты спутники, сгорая дотла в атмосфере, подчиняясь взаимному притяжению, болтавшемуся тяжёлыми цепями, которые, разорвавшись, разлили по нервным окончаниям испепеляющее пламя. Мы пытались целовать друг друга и заливались смехом. Ортега сдавленно вскрикнула, когда мои руки скользнули в разрез кимоно, накрывая большие шершавые соски, твёрдые, как обрубки верёвки. Её грудь вошла мне в ладони так, будто была отлита под них. Кимоно соскользнуло с широких, словно у пловчихи, плеч, – сначала плавно, затем судорожными рывками. Одним движением я скинул куртку и рубашку, а Ортега лихорадочно возилась с моим ремнём, расстёгивая ширинку и просовывая в неё сильную руку. Я ощутил мозоли на кончиках длинных пальцев.

Каким-то образом мы выбрались из комнаты с экраном и пробрались в каюту на носу, которую я уже видел. Я последовал за Ортегой, не отрывая взгляда от её покачивающихся мускулистых бёдер, и, наверное, это был не столько я, сколько Райкер, – потому что я почувствовал себя человеком, возвращающимся домой. Там, в комнате с зеркалами, Ортега упала головой вниз на смятые простыни, выгибаясь дугой, и я увидел, как проникаю в неё по самое основание, вызывая слабый стон. Она пылала, пылала изнутри, обволакивая меня вязкой жидкостью горячей ванны, а раскаленные полушария её ягодиц обжигали мои бёдра, будто тавро, при каждом прикосновении. Где-то впереди спина Ортеги поднималась и извивалась змеей, а её волосы ниспадали с головы в пленительном беспорядке. В

зеркалах вокруг я видел, как Райкер протягивает руки, лаская ей грудь, упругий живот, округлые плечи, а она тем временем вздымалась и опускалась, словно океан вокруг яхты. Райкер и Ортега, переплетённые друг с другом; возлюбленные, встретившиеся после долгой разлуки.

Я успел почувствовать, как её охватывает дрожь наслаждения, но взгляд сквозь спутанные волосы, закрывающие лицо, вид её приоткрытого рта лишили меня последних крупниц самообладания. Я расплавился, растекаясь по изгибам её тела, судорожно извергаясь в неё, пока мы, наконец, не рухнули на кровать. Я ощутил, что выскальзываю из чрева Ортеги, как что-то, рожденное им. Кажется, её наслаждение ещё продолжалось.

Мы молчали очень долго. Яхта вспарывала волны, подчиняясь автоматике, а в каюте кружилось ледяное течение зеркал, их опасный холод угрожал отравить, а затем и утопить нашу интимную близость. Пройдет немного времени, и мы уставимся на собственные отражения, вместо того чтобы смотреть друг на друга.

Просунув руку под Ортегу, я нежно перевернул её набок, и мы легли, вжимаясь друг в друга впадинами и выпуклостями, словно две ложки. Я отыскал в зеркале отражение её глаз.

– Куда мы плывем? – тихо спросил я. Пожав плечами, она плотнее прильнула ко мне.

– Запрограммированный цикл, вдоль побережья, затем в открытое море к Гавайям, там разворот, и обратно.

– И никто не знает, что мы здесь?

– Только спутники.

– Очень мило. И кому принадлежит всё это?

Обернувшись, Ортега бросила на меня взгляд через плечо.

– Райкеру.

– Ого. – Я подчеркнуто отвернулся. – Какой красивый ковер.

Как это ни странно, мои слова вызвали у Ортеги смех. Она повернулась лицом ко мне, осторожно проведя ладонью по щеке, словно опасаясь, что та испачкается или вообще исчезнет.

– Знаешь, я пыталась убедить себя, что это безумие, – прошептала она. – Что это только тело.

– От этого никуда не деться. Сознание тут ни при чем. Если верить психологам, оно не имеет никакого отношения к тому, что сейчас случилось, к тому, как мы управляем своими жизнями. Оставь сознание, списывай на разыгравшиеся гормоны, генные инстинкты и феромоны. Печально, но факт.

Ортега провела пальцем по моей скуле.

– По-моему, печального тут ничего нет. Печально то, что мы до такого докатились.

– Кристина Ортега. – Взяв её за кончики пальцев, я нежно их пожал. – Ты настоящая луддитка ^[6], мать твою. Во имя всего святого, как ты попала на такую работу?

– У меня в семье все были полицейскими. Отец – полицейский. Бабушка – полицейская. Ты знаешь, как это бывает.

– Только не по собственному опыту.

– Да. – Ортега лениво вытянула ногу к зеркальному потолку. – Полагаю, не по собственному опыту.

Скользнув ладонью по ровному животу, я опустилс я вдоль бедра к колену, нежно переворачивая её и прикасаясь ласковым поцелуем к жёсткой щетине выбритых волос на лобке. Ортега начала сопротивляться, возможно, вспомнив про экран в соседней комнате, а может быть, просто давая вытечь из себя смешавшимся сокам наших тел, но быстро сдалась и открылась передо мной. Я приподнял другое бедро, укладывая его себе на плечо, и погрузился в неё лицом.

На этот раз Ортега кончила под аккомпанемент нарастающих криков, застревавших в горле в такт с сокращением мышц внизу живота. Все её тело угрём извивалось на кровати, а бёдра вздымались вверх, погружая нежную плоть мне в рот. В какой-то момент Ортега перешла на тихий испанский, и певучие интонации этого языка вновь пробудили моё желание. Поэтому, когда она затихла, вытягиваясь, я смог опять проникнуть в неё, во французском поцелуе, первом, который мы разделили с тех пор, как добрались до кровати.

Мы стали двигаться медленно, подстраиваясь под ритм моря за бортом. Казалось, наше единение длилось бесконечно долго, сопровождаемое разговорами, нарастающими от томного бормотания до возбуждённых вздохов, переменами поз, нежными покусываниями, соединением рук, и всё это время меня не покидало ощущение, будто я наполнен до краёв и вот-вот выплеснусь наружу. Ощущение, от которого болели глаза. Наконец, я дал волю и разрядился в Ортегу, чувствуя, как она использует последние мгновения, пока я твёрд, для своего содрогающегося оргазма.

«Чрезвычайные посланники берут то, что им предлагают, – где-то в отдаленных закоулках памяти произнесла Вирджиния Видаура. – И иногда этого должно быть достаточно».

Мы разъединились во второй раз, и тут заботы последних двадцати

четырёх часов придавили меня, как тяжёлые ковры из соседней комнаты, своим теплом призывая расстаться с сознанием. Последним отчётливым воспоминанием было, как длинное женское тело рядом со мной вытягивается, вжимаясь своей грудью в мою спину, кладёт на меня руку и уютно оплетает ногами. Мои мыслительные процессы, замедлившись, остановились.

То, что предлагают. Иногда этого бывает. Достаточно.

Глава двадцать восьмая

Когда я проснулся, её уже не было.

Сквозь раздраенные иллюминаторы в каюту проникал солнечный свет. Волнение улеглось, и всё же яхта немного покачивалась, показывая то голубое небо с горизонтальными полосками облаков, то спокойную гладь океана. Где-то кто-то варил кофе и жарил копчёное мясо. Некоторое время я лежал неподвижно, собирая разрозненные части рассудка и пытаясь сложить из них пристойный наряд. Что рассказать Ортеге? Сколько и как это преподнести? Подготовка посланников лениво предложила себя, словно вытащенная из болота туша. Поглощенный созерцанием солнечных зайчиков, пляшущих на простыне, я позволил ей покачаться на поверхности и снова погрузиться в трясину.

Позвякивание стекла, донесшееся из коридора, заставило меня обернуться. В дверях стояла Ортега в футболке с надписью «НЕТ РЕЗОЛЮЦИИ НОМЕР 653». «НЕТ» было перечеркнуто неряшливым красным крестом, а поверх тем же цветом было выведено решительное «ДА». Стройные колонны обнажённых ног Ортеги исчезали под футболкой, и казалось, что там они продолжают до бесконечности. В руках она держала большой поднос с завтраком на целый полицейский участок. Увидев, что я проснулся, Ортега тряхнула головой, убирая с лица волосы, и хитро улыбнулась.

Я рассказал ей всё.

– И что ты собираешься делать?

Пожав плечами, я отвернулся, уставившись вдаль, прищуриваясь, чтобы защитить глаза от бликов на поверхности воды. Океан казался более плоским, более задумчивым, чем на Харлане. Только отсюда, с палубы, можно было постичь всю его бескрайность, в которой яхта затерялась, внезапно превратившись в игрушку.

– Я собираюсь сделать то, что хочет от меня Кавахара. Что хочет Мириам Банкрофт. Что хочешь ты. Что, похоже, хотят все, мать их. Я собираюсь закрыть дело.

– Ты думаешь, это Кавахара спалила Банкрофту голову?

– Очень похоже на то. Или она прикрывает того, кто это сделал. Теперь это уже не имеет значения. Сара у неё в руках, вот что сейчас главное.

– Мы можем предъявить ей обвинения в насильственном похищении.

Незаконное удержание оцифрованного человеческого сознания может потянуть на...

– От пятидесяти до ста лет, – слабо усмехнулся я. – Вчера вечером я тебя внимательно слушал. Но сама Кавахара никого не удерживает. Сара в руках у каких-нибудь подставных лиц.

– Можно получить ордер на обыск...

– Кристина, она же маф, мать её. Она отметёт обвинения, и при этом у неё даже пульс не сойдётся. Так или иначе, об этом не может быть и речи. Как только я предприму против Кавахары любые шаги, она швырнет Сару в виртуальную пытку. Сколько времени потребуется на то, чтобы получить ордер, в лучшем случае?

– Ну, пару дней, если запрос выдаст ООН.

Едва Ортега произнесла эти слова, как на её лицо набежала тень. Перевесившись через ограждение, она уставилась вниз.

– Вот именно. В виртуальности это равно почти году. Сара не посланник, у неё нет необходимой подготовки. То, что сможет сделать с ней Кавахара за восемь или девять виртуальных месяцев, превратит рассудок нормального человека в кашу. К тому времени, как мы её вытащим, Сара сойдет с ума. Если мы её вообще вытащим. А я, твою мать, даже не хочу рассматривать вариант, при котором ей придется пережить хотя бы одну секунду...

– Хорошо, – положила мне руку на плечо Ортега. – Хорошо, извини.

Я поёжился. Не знаю, от свежего ветерка или от мысли о виртуальных подземельях Кавахары.

– Не бери в голову.

– Я полицейская. У меня в крови искать способ, как прищучить плохих ребят. Вот и всё.

Подняв взгляд, я бледно улыбнулся.

– А я – чрезвычайный посланник. У меня в крови искать способ перегрызть Кавахаре горло. Я искал очень тщательно. И не смог ничего найти.

Слабую улыбку Ортеги тронуло сочувствие, увидеть которое я ожидал рано или поздно.

– Послушай, Кристина, я знаю, как поступить. Я придумаю для Банкрофта убедительную ложь и закрою дело. Это противозаконно, не спорю, но зато не пострадает никто из тех, кто мне дорог. И я мог бы ничего не говорить тебе.

Она задумалась, не отрывая взгляда от воды за бортом яхты, словно ответ был где-то там, плывущий следом за нами. Я прошёлся вдоль

ограждения, чтобы дать ей время подумать, и, задрав голову, принялся изучать опрокинутую голубую чашу небосвода, размышляя о системах орбитального наблюдения. Здесь, посреди кажущегося бесконечным океана, легко поверить в то, что можно спрятаться от всех кавахар и банкрофтов. Но подобная игра в прятки стала невозможной ещё много столетий назад.

«Если они хотят тебя достать, – написала однажды молодая Куэлл о правящей элите Харлана, – рано или поздно тебя подберут с этого шарика, словно любопытную пылинку с марсианской археологической находки. Ты можешь пересечь пропасть между звёздами, но они всё равно пойдут по твоему следу. Отправься на хранение на многие века, но они встретят тебя в новых клонах, когда ты будешь загружаться в оболочку. Они есть то, что мы раньше видели в своих мечтах как богов, – таинственные орудия судьбы, неумолимые, как Смерть, эта бедная труженица с косой. Несчастная Смерть, теперь тебе не по силам противостоять восставшим против тебя могучим технологиям видоизмененного углерода, позволившим оцифровывать человеческий рассудок и загружать его в новую оболочку. Когда-то мы жили, с ужасом ожидая твоего появления. Теперь мы отчаянно флиртуем с тобой, мрачной старухой, а сильные мира сего не подпускают тебя даже к чёрному входу».

Я поморщился. По сравнению с Кавахарой Смерть была ничтожеством, на которое жалко даже тратить силы.

Остановившись на носу, я выбрал точку на горизонте и уставился в неё, дожидаясь, когда Ортега определится.

Предположим, давным-давно вы были с кем-то знакомы. Вы делили с этим человеком радости и печали, упивались друг другом. Затем ваши пути разошлись, жизнь разметала вас в разные стороны, связывавшие узы оказались недостаточно прочными. А может быть, вас разъединили внешние силы. И вот, много лет спустя, вы снова встречаетесь с тем самым человеком, в той же оболочке, и начинаете всё сначала. Что такое взаимное влечение? Тот ли это человек? Возможно, у него с тем, кто остался в ваших воспоминаниях, одинаковое имя, приблизительно одинаковая внешность, но достаточно ли этого для того, чтобы считать их одним и тем же человеком? А если недостаточно, то не отодвигаются ли перемены на второй план, на задворки? Со временем люди меняются, но насколько? В детстве я верил, что существует некая суть человеческой личности, неизменная основа, на которую налагаются внешние переменные факторы, тем не менее, не трогающие ядро. Позднее я начал понимать, что это представление было ошибкой, обусловленной метафорами, которыми

привыкли окружать себя люди. То, что мы принимаем за человеческую личность, столь же мимолётно, как и поднимающиеся передо мной волны. Или песчаные барханы, сформированные под внешним воздействием. Ветер, притяжение, воспитание. Генотип. Всё меняется и разрушается. И единственный способ избежать этого – отправиться на вечное хранение.

«Подобно тому, как действие примитивного секстанта основано на иллюзии того, что солнце и звезды вращаются вокруг планеты, на которой мы стоим, наши органы чувств дают нам иллюзию стабильности во вселенной. И если не принять за основу это предположение, ничего нельзя сделать».

Вирджиния Видаура рассказывает по аудитории, с головой погрузившаяся в чтение лекции.

«Но из того, что секстант позволяет правильно прокладывать курс в открытом океане, ещё не следует, что солнце и звезды вращаются вокруг нас. Что бы мы ни сделали как цивилизация, как отдельные индивидуумы, вселенная нестабильна, равно как и каждая её частица. Звёзды пожирают себя, вселенная стремительно расширяется, а мы состоим из материи, находящейся в процессе постоянного изменения. Колонии клеток, вступающие во временный альянс, воспроизводящие себя и умирающие; ослепительное облако электрического импульса и случайно сохраненная память кодов углерода. Это реальность, это путь к самопознанию, и, естественно, от таких мыслей голова идёт кругом. Кому-то из вас приходилось служить в Вакуумном отряде; несомненно, вы решили, что там вам доводилось встречаться с головокружением сознания».

Слабая улыбка.

«Обещаю, что моменты истинной нирваны, которыми вы, возможно, наслаждались в реальном пространстве, являются не более чем началом того, что вам предстоит усвоить здесь. И всё, чего вы добьётесь в качестве чрезвычайных посланников, должно быть основано на осознании быстротечности происходящего. Всё, что вы, как посланник, хотите представить, не говоря уж о том, чтобы создать или достичь, должно быть высечено из непрерывно меняющейся реальности.

Желаю всем вам удачи».

Если в жизни нельзя встретить дважды одного и того же человека в одной оболочке, то что говорить о родственниках и друзьях, ожидающих того, кого они когда-то знали, кто вот-вот взглянет на них глазами незнакомца?

И что можно сказать про женщину, сжигаемую страстью к незнакомцу, носящему тело, которое она когда-то любила?

И что можно сказать про незнакомца, ответившего ей?

Я услышал, что Ортега направляется ко мне. Она остановилась в двух шагах и негромко кашлянула. Натянув улыбку, я обернулся.

– Я не рассказывала тебе, как Райкер разжился всем этим?

– Кажется, у меня не было времени спрашивать.

– Ты прав. – Её улыбка погасла, словно задутая ветром. – Райкер спёр эту яхту. Несколько лет назад, когда ещё работал в отделе краж оболочек. Она принадлежала одному крупному контрабандисту клонов из Сиднея. Райкера привлекли к этому делу, потому что тот тип сбывал расчленённые тела в клиниках Западного побережья. Элиаса включили в группу задержания, пытавшуюся взять контрабандиста в домике на берегу океана. Было много стрельбы, море крови и гора трупов.

– И много трофеев.

Ортега кивнула.

– В Австралии всё делается по-другому. Полицейской работой в основном занимаются по частным заказам. Правительство расплачивается с сыщиками имуществом задержанных преступников.

– Интересная инициатива, – заметил я. – Должно быть, многим богатеям пришлось несладко.

– Это точно, говорят, эксцессов хватает. Так вот, яхта досталась Райкеру. Он занимался оперативной работой, был ранен в перестрелке. – Голос Ортеги, рассказывающей эти подробности, стал каким-то странно отрешённым, и впервые я почувствовал, что Райкера с нами нет. – Именно тогда Райкер получил эти шрамы, под глазом и на руке. След кабельного пистолета.

– Страшная штука.

Помимо воли я ощутил зуд в шраме на руке. Мне доводилось попадать под огонь кабельного пистолета, и я был не в восторге от воспоминаний.

– Точно. Большинство людей считало, что Райкер честно заслужил всё до последней заклепки. Но дело в том, что у нас в Бей-Сити начальство придерживается того мнения, что полицейский не имеет права получать подарки, премии и вообще вознаграждения в каком-либо виде за выполнение служебных обязанностей.

– И в этом есть свой резон.

– Да, лично я с этим согласна. А вот Райкер не мог согласиться. Он заплатил одному компьютерщику, и все сведения о яхте были утеряны, после чего её зарегистрировали на какую-то подставную фирму. Райкер говорил, что ему нужно иметь укромное место на случай, если понадобится поговорить с кем-нибудь по душам подальше от посторонних глаз.

Я усмехнулся.

– Шито белыми нитками. Но мне нравится его стиль. Кстати, а это не тот самый компьютерщик, что подставил Райкера в Сиэтле?

– Хорошая у тебя память. Да, именно он. Нахо Игла. Баутиста обо всем рассказал, не так ли?

– И это ты тоже просмотрела, да?

– Точно. Вообще-то мне надо оторвать Баутисте голову, мать его, за такую непрошеную отеческую заботу. Как будто можно ждать от него душевного спокойствия, когда он сам успел дважды развестись, мать его, а ему нет ещё и сорока. – Ортега задумчиво уставилась вдаль. – У меня пока не было возможности переговорить с ним. Приходится слишком много времени трахаться с тобой. Послушай, Ковач, я рассказала тебе это только для того, чтобы ты понял: украв яхту, Райкер нарушил законы Западного побережья. И мне было об этом известно.

– И ты ничего не предприняла, – высказал догадку я.

– Совсем ничего. – Ортега посмотрела на свои руки, повернув их ладонями к себе. – Чёрт возьми, Ковач, кого мы хотим обмануть? Я не ангел. Я учинила Кадмину хорошую взбучку в полицейском участке. Ты это видел. Я должна была вытрясти из тебя душу за ту драку, что ты устроил перед заведением Джерри, но я отпустила тебя на все четыре стороны.

– Насколько я помню, ты тогда была слишком уставшей, чтобы заниматься бумажной волокитой.

– Да, я не забыла. – Обернувшись, Ортега поморщилась. Она глядела мне в глаза, пытаясь найти в лице Райкера какое-то доказательство того, что я заслуживаю доверия. – Ты говоришь, что собираешься нарушить закон, но от этого никому не станет плохо, так?

– Никому из тех, кто мне дорог, – мягко поправил её я.

Ортега медленно кивнула, соглашаясь сама с собой, словно взвешивая убедительный аргумент, способный кардинально изменить её позицию.

– Так что же тебе нужно?

Я перевесился через трос.

– Для начала список публичных домов Бей-Сити и окрестностей. Мест, где крутят виртуальность. А потом нам будет лучше вернуться в город. Мне бы не хотелось звонить Кавахаре отсюда.

Ортега недоуменно заморгала.

– Тебе нужны виртуальные притоны?

– Да. И смешанные тоже. Одним словом, собери данные о всех заведениях Западного побережья, где крутят виртуальную порнуху. И чем более низкосортную, тем лучше. Я собираюсь втюхать Банкрофту такой

грязный пакет, что ему не захочется присматриваться внимательно, и он не найдет там никаких нестыковок. Настолько грязный, что он не захочет даже думать о нём.

Глава двадцать девятая

В списке Ортеги оказалось больше двух тысяч названий, с краткими примечаниями относительно результатов наблюдений и наличия случаев нанесения органических повреждений – как сотрудниками заведений, так и клиентами. На бумаге получилось около двухсот страниц, сложенных гармошкой, и она распустилась длинным бумажным шарфом, как только я перешёл ко второй странице. Я попытался изучить список в такси по дороге назад в Бей-Сити, но отказался от этого, быстро поняв, что ворох бумаги задушит нас обоих на заднем сиденье. К тому же у меня всё равно не было настроения. Наибольшая часть меня желала оставаться на кровати в каюте яхты Райкера, отрезанным от остального человечества и его проблем несколькими сотнями пустынной синевы.

Вернувшись в свой номер в башне «Хендрикса», я направил Ортегу на кухню, а сам позвонил Кавахаре по телефону, который дала мне Трепп. Именно её лицо, с чертами, размазанными сном, и появилось на экране. Я подумал, не провела ли она всю ночь, пытаясь обнаружить меня.

– Доброе утро. – Трепп зевнула, судя по всему, сверяясь с вживленной микросхемой часов. – Точнее, добрый день. Где ты был?

– Так, ходил туда-сюда.

Неизящным движением протерев глаз, Трепп снова зевнула.

– Твоё дело. Я спросила из вежливости. Как голова?

– Спасибо, лучше. Я хочу поговорить с Кавахарой.

– Ну разумеется. – Она протянула руку к экрану. – До встречи.

Экран затянула нейтральная трехцветная спираль, раскручивающаяся под приятный аккомпанемент струнного оркестра. Я стиснул зубы.

– Здравствуйте, Такеси-сан. – Как всегда, Кавахара поздоровалась по-японски, словно это могло установить между нами какую-то связь. – Не ожидала услышать ваш голос так рано. У вас есть для меня хорошие новости?

– Это защищённая линия связи? – спросил я, упрямо придерживаясь амеранглика.

– Настолько защищённая, насколько только может быть.

– Я составил список покупок.

– Зачитывайте.

– Для начала мне нужен доступ к военному вирусу. Предпочтительно к Роулингу-4851 или одной из вариаций Кондомара.

Умное лицо Кавахары стало жёстким.

– Вирус Инненина?

– Да. С тех пор прошло уже больше ста лет абсолютного времени, так что раздобыть его будет несложно. Далее, мне необходимо...

– Ковач, полагаю, будет лучше, если вы объясните, что задумали.

Я поднял брови.

– Насколько я понял, игру веду я, а вы хотите оставаться в стороне.

– Скажем так, если я раздобуду копию вируса Роулинга, то уже не смогу остаться в стороне. – Кавахара сдержанно усмехнулась. – Итак, что вы собираетесь делать с этим вирусом?

– Банкрофт покончил с собой. Вам нужен именно такой результат, правильно?

Кивок.

– Значит, у него должна быть на то причина, – сказал я, помимо воли проникаясь теплом к сплетённому мной обману. Я делал то, чему меня учили, и получалось это хорошо. – Банкрофт хранит память больших полушарий на внешнем носителе. Поэтому ему бессмысленно разносить свою голову вдребезги, если только на то нет очень специфической причины. Причины, не имеющей никакого отношения к собственно акту самоубийства. И эта причина – инстинкт самосохранения.

Кавохара прищурилась.

– Продолжайте.

– Банкрофт регулярно посещает публичные дома, как реальные, так и виртуальные. Он сам говорил мне об этом пару дней назад. И он не слишком разборчив. Так вот, давайте предположим, что в одном из виртуальных борделей, куда Банкрофт зашёл, чтобы унять зуд в паху, с ним произошёл несчастный случай. Неожиданная утечка из какой-то грязной старой программы, которую несколько десятилетий никто даже не открывал. Имея дело с заведениями низкого пошиба, можно наткнуться на что угодно.

– Например, на вирус Роулинга, – с шумом выпустила давно удерживаемый вдох Кавахара.

– 4851-му штамму вируса Роулинга на то, чтобы полностью развернуться, требуется около ста минут, и к этому времени предпринимать что-либо будет уже поздно. – Сделав усилие, я отогнал от себя образ Джимми де Сото. – Жертва поражена неизлечимо. Предположим, Банкрофт от какой-то системы безопасности узнает, что заразился. Он, должно быть, внутренне подключен к чему-то в таком духе. Итак, Банкрофт внезапно узнает, что память полушарий и мозг смертельно поражены. Это не

катастрофа, если у тебя есть запасной клон и копия памяти на внешнем носителе, но...

– Передача данных.

Лицо Кавахары просияло. До неё дошло.

– Именно. Банкрофту необходимо срочно что-то предпринять, чтобы не дать вирусу скопироваться на внешнюю память вместе с заражённым сознанием. Ближайший сеанс связи состоится ночью, быть может, всего через считанные минуты, и есть только один способ сохранить от заразы резервную копию.

Сложив из пальцев пистолет, я приставил его к виску.

– Гениально!

– Кстати, вот чем объясняется звонок в службу проверки времени. Банкрофт не верил вживленному таймеру, так как вирус мог добраться и до него.

Кавихара торжественно подняла руки так, чтобы я видел их на экране, и зааплодировала. Закончив, она сплела пальцы и посмотрела на меня поверх них.

– Впечатляющее решение. Я немедленно достану вам вирус Роулинга. Вы уже выбрали подходящий публичный дом, чтобы его загрузить?

– Пока что нет. Вирус – не единственное, что мне понадобится. Я хочу, чтобы вы устроили условно-досрочное освобождение и загрузку в оболочку Ирены Элиотт. В настоящее время она находится в центральном хранилище Бей-Сити по обвинению в погружении в чужое сознание. Я также хочу, чтобы вы выяснили, возможно ли выкупить её оригинальную оболочку у тех, кто владеет ею в настоящее время. Насколько мне известно, речь идёт о какой-то корпорации. В архиве должны храниться точные сведения.

– Вы хотите загрузить вирус Роулинга с помощью этой Элиотт?

– Всё говорит о том, что она своё дело знает.

– Все говорит о том, что она попала, – язвительно поправила Кавахара. – У меня полно людей, которые решат эту маленькую проблему. Специалисты высочайшего класса по подключению к линиям связи. Вам не надо ни о чем...

– Кавахара. – Мне удалось сдержаться, и всё же я услышал в своём голосе раздражённые нотки. – Помните, команду парадом я. И я не хочу впутывать ваших людей. Если вы вытащите Элиотт из холодильника, она будет предана вам. Загрузите её в собственное тело – и она за вас жизнь отдаст. Я хочу, чтобы это было сделано именно так. И так оно будет сделано.

Я ждал. Какое-то время лицо Кавахары оставалось непроницаемым, затем она одарила меня ещё одной тщательно взвешенной улыбкой.

– Хорошо. Пусть будет по-вашему. Не сомневаюсь, вы прекрасно понимаете, на какой риск идёте и что будет в случае неудачи. Я сегодня же найду вас в «Хендриксе».

– О Кадмине пока ничего?

– О Кадмине пока ничего.

Кавихара снова улыбнулась, и соединение разорвалось.

Какое-то время я сидел перед погасшим экраном, мысленно перебирая сплетенную сеть. Меня не покидало неприятное ощущение, будто среди всего этого моря обмана я сказал правду. Или скорее, будто моя тщательно выдуманная ложь шла по пути, проторенному правдой, и вела в том же направлении. Хорошая ложь для того, чтобы быть правдоподобной, должна стоять в тени правды, но тут дело было в чем-то другом. И это бесило. Я чувствовал себя охотником, который преследовал болотную пантеру, подошёл к ней слишком близко и теперь с тревогой ожидает, что она вот-вот развернётся и бросится на него из болота, оскалив страшные клыки. Правда была здесь, совсем рядом.

И мне не удавалось избавиться от этого чувства.

Встав, я направился на кухню и застал Ортегу роющейся практически в пустом холодильном модуле. Свет, льющийся изнутри корпуса, обрисовывал черты её лица и придавал им совершенно необычный вид, а под поднятой правой рукой упругая грудь наполняла свободную футболку, словно спелый фрукт, словно вода. У меня буквально зачесались руки от желания прикоснуться к ней.

Ортега подняла взгляд.

– Ты совсем не готовишь?

– Всем занимается отель, еда подаётся из люка. Что ты хочешь?

– Я хочу что-нибудь приготовить. – Отчаявшись отыскать что-либо в холодильнике, она закрыла дверцу. – Ты получил, что хотел?

– Думаю, да. Назови отелю список ингредиентов. Кажется, вон в том шкафу есть сковородки и всё остальное. Если что-нибудь понадобится, спроси у отеля. А я тем временем займусь списком. Да, Кристина, чуть не забыл.

Ортега направилась было к указанному мной шкафу, но остановилась и обернулась.

– Голова Миллера не здесь. Я спрятал её в соседнем номере.

Она стиснула губы.

– Я знаю, куда ты спрятал голову Миллера, – сказала она. – Но я

искала не её.

Пару минут спустя, сидя на подоконнике с распечаткой в руках, спускающейся до пола, я услышал, как Ортега вполголоса разговаривает с «Хендриксом». Последовал какой-то грохот, опять приглушенный голос, и затем на сковороде аппетитно зашипело масло. Удержавшись от желания закурить, я снова склонился над распечаткой.

Я искал то, что в молодые годы видел каждый день в Ньюпесте; места, где я провел отрочество, тесные кабинки с дешёвыми голограммами, обещающими «наслаждение, недоступное в реальном мире», «широкий выбор сценариев» и «осуществление самых безумных желаний». Для того, чтобы основать виртуальный бордель, нужно совсем немного: фасад с вывеской и помещение, где размещены саркофаги для клиентов, – вертикально, чтобы сэкономить место. Стоимость программного обеспечения варьировалась и зависела от оригинальности содержания и количества подробностей. Но машины, на которых всё это крутилось, покупались на складах армейских излишков по бросовым ценам.

Если Банкрофт находил время и деньги на то, чтобы посещать биокабины Джерри, в подобных заведениях он чувствовал себя как рыба в воде.

Я успел пройти две трети списка, всё больше и больше отвлекаясь на аппетитные запахи, исходящие из кухни, когда мой взгляд вдруг упал на знакомые строчки. Я застыл.

Перед глазами возникла женщина с длинными прямыми чёрными волосами и ярко-алыми губами.

Я услышал голос Трепп:

«...голова в облаках. Я хочу попасть туда до полуночи».

Ответ водителя со штрихкодом на голове:

«Без проблем. Сегодня вечером береговая охрана отдыхает...»

Потом женщина с алыми губами:

«Голова в облаках. Вот на что это похоже. В жизни ты не поднимешься на небеса...»

После чего апофеоз нарастающих голосов: «...из „Домов“... из „Домов“... из „Домов“...» И бесстрастная распечатка у меня в руках:

«Голова в облаках»: аккредитованный на Западном побережье «Дом», реальный и виртуальный продукт, мобильная воздушная установка за береговой чертой...

Я быстро пробежал взглядом текст, чувствуя, что голова звенит так,

будто сделана из хрусталя, по которому нежно стукнули молотком.

Навигационные и аварийные системы закреплены за Бей-Сити и Сиэтлом. Членство ограничено, разборчивый подход к клиентам. Результаты обычных проверок: ничего противозаконного. Ни одного зарегистрированного уголовного дела. «Дом» действует по лицензии холдинга «Третий глаз»...

Я сидел и думал.

По-прежнему недоставало некоторых кусков. Я словно смотрелся в зеркало, повисшее на зазубренных осколках: достаточно, чтобы получить общее изображение, но до цельной картинке ещё далеко. Я пристально вглядывался в неровные границы того, чем располагал, пытаюсь заглянуть за края, получить общую картинку. Трепп везла меня на встречу с Рей – с Рейлиной – на «Голову в облаках». Не в Европу. Европа была ширмой; мрачная тяжесть базилики специально рассчитана на то, чтобы подавить мои чувства, не дать увидеть очевидное. Если Кавахара замешана в этом, она не будет наблюдать за происходящим, оставаясь на противоположном конце земного шара. Кавахара находилась на «Голове в облаках» и...

И что?

Интуиция чрезвычайных посланников представляет собой форму подсознательного восприятия, усовершенствованную реакцию на мелкий узор, который в реальном мире слишком часто стирают, стремясь получить чёткое изображение. Имея достаточно свидетельств последовательной смены событий, можно совершить прыжок, позволяющий увидеть целое как некое преддверие настоящих знаний. Работая в этой модели, недостающие части можно дополнить потом. Однако для того, чтобы подняться в воздух, необходим определённый минимум. Как для старинного винтового самолета, нужен разбег, а у меня его не было. Я буквально чувствовал, как тщетно подпрыгиваю вверх, судорожно пытаюсь ухватиться за пустоту и неизменно падая вниз. Того, что есть, мне недостаточно.

– Ковач?

Подняв взгляд, я вдруг увидел то, что искал. Словно на погасшем экране вдруг появилось изображение.

Передо мной стояла Ортега, держа в руке миксер, с волосами, собранными в свободный узел. Её футболка кричала на меня яркой надписью.

«РЕЗОЛЮЦИЯ НОМЕР 653».

«Да» или «Нет», в зависимости от того, как прочитать.

Оуму Прескотт:

«Мистер Банкрофт пользуется большим влиянием в суде ООН...»

Джерри Седака:

«Старушка Анемона у нас католичка... Мы охотно берём к себе таких. Порой это бывает очень удобно».

Мои мысли понеслись вперед, словно огонь по бикфордову шнуру, воспламеняя цепочку ассоциаций.

Теннисный корт.

Налан Эртекин, судья Верховного суда ООН.

Джозеф Фири, член Комиссии по правам человека.

Мои собственные слова:

«Насколько я могу предположить, вы здесь для того, чтобы обсудить резолюцию номер 653».

«Пользуется большим влиянием...»

Мириам Банкрофт:

«Мне одной будет трудно отваживать Марко от Налан. Кстати, он кипит от бешенства».

И Банкрофт:

«Неудивительно, если учесть, как он сегодня играл».

Резолюция номер 653. Католики.

Мой рассудок вышвыривал информацию, словно обезумевшая программа поиска, перебирающая огромный список файлов.

Бахвалящийся Седака:

«У нас есть диск с её заявлением под присягой. Клятва полного воздержания, заверенная Ватиканом... Порой это бывает очень удобно».

Ортега:

«Перезагрузка запрещается по соображениям вероисповедания... Мери-Лу Хинчли... В прошлом году береговая охрана выудила из моря одну девочку. От тела почти ничего не осталось, но память полушарий удалось спасти».

Перезагрузка запрещается по соображениям вероисповедания.

Выудили из моря.

Береговая охрана.

Мобильная воздушная установка за береговой чертой.

«Голова в облаках».

Остановить процесс было невозможно. Своего рода лавина сознания. Глыбы реальности сорвались и несутся вниз, сметая всё на своем пути. Но только они не свалятся друг на друга в хаотичном беспорядке, а сложатся

в единое целое, воссоздавая окончательную структуру, которую я до сих пор не мог разобрать.

*Навигационные лучи и система наведения направлены на Бей-Сити...
...и Сиэтл.*

Баутиста:

«Все случилось в одной чёрной клинике в Сиэтле... Нетронутые рухнули в Тихий океан... Ортега предположила, что Райкера подставил какой-то высокопоставленный ублюдок...»

– Куда ты уставился?

Слова повисли в воздухе, словно стержень во времени, и вдруг время развернулось на этом стержне назад, и в дверном проёме оказалась Сара, просыпающаяся на кровати в номере дешёвого отеля Миллспорта, под раскаты выстрелов с орбитальных станций, сотрясающих стёкла в расшатанных оконных рамах, а за всем этим коптеры, вспарывающие несущими винтами ночную темноту, и смерть, караулящая нас за ближайшим углом...

– Куда ты уставился?

Заморгав, я обнаружил, что по-прежнему таращусь на футболку Ортеги, на выпирающие под ней изгибы тела и броскую, кричащую надпись на груди. Весёлая улыбка на лице Ортеги начала бледнеть от тревоги.

– Ковач, что с тобой?

Снова заморгав, я попытался перемотать несколько метров плёнки, которую зафиксировал поток сознания, запущенный надписью на футболке.

Страшная правда о «Голове в облаках».

– С тобой все в порядке?

– Да.

– Есть будешь?

– Ортега, а что, если я... – Обнаружив, что у меня спёрло в горле, я сглотнул подступивший комочек и начал сначала. Я не хотел говорить это; против этого возмущалось всё моё тело. – Что, если я смогу вытащить Райкера с хранения? Я имею в виду, навсегда, вчистую? Снять обвинения, доказать, что в Сиэтле его подставили? Для тебя это что-нибудь значит?

Первое мгновение Ортега смотрела на меня так, будто я заговорил на непонятном ей языке. Затем, подойдя к окну, она осторожно уселась на подоконник, лицом ко мне. Какое-то время она молчала, но я прочел ответ в её глазах.

– Ты чувствуешь себя виновным? – наконец спросила Ортега.

– В чём?

– В том, что произошло между нами.

Я едва не рассмеялся вслух, но у меня на душе осталось слишком много боли. Поэтому я сдержался. Гораздо труднее было справиться с неподвластным мне желанием прикоснуться к Ортеге. В течение последних суток оно накатывало и отступало, как приливы и отливы, никогда не исчезая полностью. Глядя на изгибы её бёдер и груди, я так отчётливо ощущал, как она извивается в моих объятиях, словно мы находились в виртуальности. Моя ладонь помнила форму и тяжесть упругой груди Ортеги, будто эта оболочка всю жизнь только и занималась тем, что держала её. Взглянув на Ортегу, я поймал себя на том, что мои пальцы изнывают от желания пройти по линиям её лица. Во мне не было места для вины, не было места ни для чего, кроме этого чувства.

– Чрезвычайным посланникам не знакомо чувство вины, – чересчур резко ответил я. – Я говорю серьёзно. С большой вероятностью... Нет, практически с полной определённой можно сказать, что Райкера подставила Кавахара, потому что он чересчур рьяно вёл дело Мери-Лу Хинчли. Ты можешь что-нибудь вспомнить из её биографии?

Задумавшись, Ортега пожала плечами.

– Девчонка сбежала из дома с любовником. Бралась за что попало, лишь бы свести концы с концами. Дружок её оказался тем ещё подонком, полиция познакомилась с ним, когда ему не исполнилось и пятнадцати. Приторговывал «трупом», взламывал простенькие базы данных, но в основном жил за счёт своих женщин.

– Он позволил бы Мери-Лу работать в «Мясной лавке» или кабинках Джерри?

– О да, – с каменным лицом кивнула Ортега. – Запросто.

– Если кто-нибудь соберётся набирать девочек в притоны для извращенцев, католички ведь будут идеальными кандидатками, не так ли? В конце концов, что бы с ними ни случилось, они никому ничего не расскажут. По требованию своей совести.

– Притоны для извращенцев, – повторила Ортега. Если до этого её лицо было каменным, сейчас оно превратилось в обточенный непогодой гранит. – В наших краях жертвы после окончания садистских игрищ получают заряд бластера в память полушарий. И никому ничего не рассказывают.

– Правильно. Но что если произошла осечка? Например, что если Мери-Лу Хинчли собирались превратить в шлюху, выполняющую самые извращённые желания клиентов, а она попыталась сбежать и выпала из висящего в воздухе публичного дома под названием «Голова в облаках»? В

этом случае её приверженность католической религии пришлось бы кстати, ты не находишь?

– «Голова в облаках»? Ты серьёзно?

– И владельцы «Головы в облаках» очень озабочены тем, чтобы не дать хода резолюции номер 653, не так ли?

– Ковач. – Ортега медленно опустила руки. – Ковач, «Голова в облаках» принадлежит «Домам». Высококласные проститутки. Лично мне подобные заведения не нравятся, у меня они вызывают такую же тошноту, как и дешёвые кабинки, но они чисты перед законом. Их клиенты – высшие слои общества, и они не связываются с такой чёрнухой, как некрофилия...

– Значит, ты полагаешь, что высшие слои общества не увлекаются садизмом и некрофилией. Подобные извращения являются уделом низов, так?

– Нет, не так, – спокойно ответила Ортега. – Если человек с тугим кошельком хочет поиграть в насильника, для этого есть виртуальность. Некоторые «Дома» крутят виртуалки, но они делают это потому, что это законно, и мы тут ничего не можем поделать. Чем они очень довольны.

Я набрал полную грудь воздуха.

– Кристина, меня хотели отвезти к Кавахаре на борт «Головы в облаках». Люди из клиники «Вей». А если Кавахара связана с «Домами» Западного побережья, они будут заниматься всем, что приносит выгоду. Потому что Кавахара ради денег пойдет на всё, абсолютно на всё. Ты искала большого плохого мафа? Забудь Банкрофта, по сравнению с ней он – невинный младенец. Кавахара выросла в Городке Ядерщиков, продавала антирадиационные препараты рабочим топливных стержней. Ты знаешь, кто такие водоносы?

Ортега покачала головой.

– В Городке Ядерщиков так называли прислужников бандитов. Понимаешь, если кто-то отказывался платить за «крышу», обращался в полицию или просто недостаточно быстро вставал на задние лапки, когда местная якудза приказывала: «Служи!», в качестве наказания непокорных заставляли пить зараженную воду. «Шестёрки» сливали её из систем охлаждения убогих реакторов и носили в защищённых экранами флягах. Какой-нибудь ночью они заявлялись к непокорному домой и говорили, сколько воды он должен выпить. А родных заставляли на это смотреть. Если он отказывался пить, начинали убивать одного за другим членов его семьи. Тебе интересно, откуда я узнал эту очаровательную подробность из истории Земли?

Ортега промолчала, с отвращением стиснув губы.

– Мне об этом рассказала Кавахара. Именно этим она занималась, когда была подростком. Она была водоносом. И гордится этим.

Зазвонил телефон.

Махнув Ортеге, чтобы она вышла из поля видеокамеры, я ответил.

– Ковач? – Это был Родриго Баутиста. – Ортега у тебя?

– Нет, – не задумываясь, солгал я. – Я её уже пару дней не видел. А что, какие-то проблемы?

– Да так, пока никаких. Просто наш лейтенант снова исчезла с лица планеты. Ладно, если увидишь её, передай, что она сегодня пропустила совещание отдела и капитан Мурава был не в восторге.

– А я должен с ней увидеться?

– Имея дело с Ортегой, разве можно что-нибудь загадывать? – развел руками Баутиста. – Ладно, мне пора бежать. До встречи.

– Пока.

Экран погас, и Ортега вынырнула из укрытия у стены.

– Ты всё слышала?

– Да. Сегодня утром я должна была вернуть диски с памятью «Хендрикса». Мурава наверняка захочет узнать, зачем я вообще взяла их из хранилища на Фелл-стрит.

– Но ведь дело ведёшь ты, разве не так?

– В общем-то да, но существуют определенные правила. – Внезапно Ортега показалась мне какой-то усталой. – Ковач, я не смогу обманывать начальство бесконечно. На меня и так уже начинают поглядывать искоса за то, что я работаю вместе с тобой. Рано или поздно у кого-нибудь возникнут серьёзные подозрения. У тебя есть несколько дней, чтобы развязаться с Банкрофтом, ну а потом...

Она красноречиво развела руками.

– А ты не можешь сказать, что на тебя было совершено нападение? И диски отобрал Кадмин?

– Меня проверяют на полиграфе...

– Не сразу.

– Ковач, в случае чего, моя карьера полетит ко всем чертям, а не твоя. Я занимаюсь своей работой не ради удовольствия...

– Кристина, выслушай меня. – Подойдя к Ортеге, я взял её за руки. – Ты хочешь вернуть Райкера или нет?

Она попыталась отвернуться, но я держал её крепко.

– Кристина, ты веришь, что Райкера подставили?

Она сглотнула комочек в горле.

– Да.

– В таком случае почему ты не хочешь поверить, что это сделала Кавахара? Лимузин, который пытался сбить Райкер, направлялся в открытый океан. Прочерти его курс дальше и посмотри, куда он приведет. Затем нанеси на карту точку, где береговая охрана выудила из моря Мери-Лу Хинчли. А также отметь местонахождение «Головы в облаках» и посмотри, не найдётся ли в этом каких-либо закономерностей.

Как-то странно взглянув на меня, Ортега высвободилась из моих рук.

– Ты хочешь, чтобы это было правдой, так? Ты хочешь любым способом получить повод охотиться на Кавахару. Тобой ведь движет только ненависть, разве не так? Ты хочешь расквитаться за старый должок. А на Райкера тебе наплевать. Тебе даже наплевать на твою подружку, эту Сару...

– Только посмей повторить это ещё раз, – спокойно сказал я, – и я тебе хорошенько врежу. Прими к сведению: всё, что мы с тобой сейчас обсуждали, стоит для меня на втором месте. А на первом – жизнь Сары. И из сказанного мной никоим образом не следует, что я не выполню в точности требование Кавахары.

– В таком случае для чего же ты всё это рассказал?

Мне неудержимо хотелось её обнять. Вместо этого я дал выход вожделению, рубанув обеими руками воздух.

– Не знаю. Пока не знаю. Но если удастся освободить Сару, возможно, потом я найду какой-нибудь способ разобраться с Кавахарой. Кроме того, надеюсь, можно будет освободить и Райкера. Вот что я хотел сказать.

Ортега долго молча смотрела на меня, затем, обернувшись, схватила свою куртку с подлокотника кресла, куда бросила её, когда пришла.

– Мне надо какое-то время побыть одной, – тихо промолвила она.

– Хорошо, – таким же тихим голосом ответил я. Сейчас не время для того, чтобы давить. – Я буду ждать тебя здесь, а если мне понадобится уйти, я оставлю сообщение.

– Да, пожалуйста.

В её голосе не было никаких намеков на то, что она собирается вернуться.

После ухода Ортеги я ещё какое-то время сидел, пытаюсь закрепить то мимолетное откровение, которое мне явила интуиция чрезвычайных посланников. Судя по всему, когда зазвонил телефон, я уже оставил эти тщетные попытки. Потому что мелодичная трель застала меня плящимся в окно и гадающим, как отыскать Ортегу в огромном Бей-Сити. На этот раз звонила Кавахара.

– У меня есть всё, что вы просили, – небрежно заметила она. – Спящий вариант вируса Роулинга будет доставлен в компанию «Сил-Сет»

завтра в восемь часов утра. Адрес конторы – Сакраменто, 1187. Там будут предупреждены о вашем приходе.

– А коды активации?

– Доставка в отдельной упаковке. Трепп свяжется с вами.

Я кивнул. Закон ООН, регламентирующий правила хранения и распространения боевых вирусов, предельно чётко. Бездействующие формы вируса можно хранить как объекты для изучения или даже в качестве личных трофеев. Хранение и продажа активного военного вируса или кодов, с помощью которых может быть активирован спящий вирус, являются преступлением, подпадающим под юрисдикцию Верховного суда ООН и карающимся наказанием в виде помещения на хранение на срок от ста до двухсот лет. Если вирус будет использован, наказание может быть ужесточено до стирания. Естественно, такие суровые меры предусмотрены только в отношении частных граждан; к военачальникам и правительственным чиновникам подход другой. Сильные мира сего любят свои игрушки.

– В таком случае, проследите за тем, чтобы она как можно скорее связалась со мной, – сказал я. – Я не хочу напрасно тратить отведённые мне десять дней.

– Понимаю, – сочувственно кивнула Кавахара, как будто страшные угрозы в отношении Сары были сделаны по прихоти какой-то злобной стихии, неподвластной ни мне, ни ей. – Ирена Элиотт будет загружена в оболочку завтра вечером. Номинально её выкупила с хранения фирма «Джэк-Сол», одна из принадлежащих мне коммуникационных компаний. Можете забрать её из центрального хранилища Бей-Сити в десять часов. Я временно оформила вас консультантом по проблемам безопасности западного отделения «Джэк-Сол». Имя – Мартин Андерсон.

– Понял. – Таким иносказательным способом Кавахара предупредила, что мы с ней связаны, и в случае чего я пойду на дно первым. – Но возникнет неувязка с генотипом Райкера. Поскольку его оболочка временно загружена, файл Райкера в центральном хранилище открыт.

Кавাহара кивнула.

– С этим всё улажено. Ваша аккредитация будет направлена по корпоративным каналам «Джэк-Сол» в обход индивидуального генетического поиска. Ваш генотип будет занесён под именем Андерсона. Какие ещё вопросы?

– А что, если я наткнусь на Салливана?

– Надзиратель Салливан находится в продолжительном отпуске. У него возникли какие-то проблемы с психикой. Ему предстоит пройти курс

виртуальной терапии. Думаю, вы его больше никогда не увидите.

Взглянув на спокойное лицо Кавахары, я помимо воли ощутил холодную дрожь. Я кашлянул, прочищая горло.

– А выкуп оболочки Элиотт?

– Нет, – едва заметно усмехнулась Кавахара. – Я ознакомилась с информацией. Оболочка Ирены Элиотт не обладает никакими биотехническими усовершенствованиями, которые оправдали бы стоимость её выкупа.

– А я этого и не говорил. Тут дело не в технических возможностях, а в мотивации. Ирена Элиотт чувствовала бы себя обязанной, если бы...

Изображение Кавахары в экране подалось вперёд.

– Ковач, моему терпению есть предел. Элиотт получит равноценную оболочку, так что пусть радуется. Ты хотел её получить – и ты её получишь, но проблемы ваших взаимоотношений останутся твоими проблемами. Я и слышать о них не хочу.

– Ей потребуется больше времени на то, чтобы освоиться, – упрямо продолжал я. – В непривычной оболочке она будет не так расторопна...

– Это тоже ваши проблемы. Я предложила вам лучших специалистов по внедрению, каких только можно найти за деньги, но вы отказались. Придётся учиться отвечать за свои поступки, Ковач. – Помолчав, она снова усмехнулась, откидываясь назад. – Я попросила проверить эту Элиотт. Кто она такая, кто её родные, какое она имеет ко всему этому отношение. И почему вы хотите извлечь её с хранения. Ваша мысль похвальна, Ковач, но, боюсь, благотворительностью придётся заниматься без меня.

– Да, – угрюмо согласился я. – Полагаю, вы правы.

– Вот и хорошо. И надеюсь, это будет нашим последним непосредственным контактом до тех пор, пока не будет решена интересующая нас проблема.

– Да.

– Что ж, каким бы неуместным это ни казалось, Ковач, желаю вам удачи.

Экран погас, и последние слова Кавахары зависли в воздухе. Я долго сидел, вслушиваясь в их отголоски и уставившись на воображаемое остаточное изображение на экране, которое моя ненависть сделала почти осязаемым. Когда я наконец заговорил, голос Райкера прозвучал настолько чуждо, как будто через меня говорил какой-то незнакомец.

– Неуместно, – произнес он, обращаясь к пустому номеру. – В самую точку, твою мать!

Ортега не возвращалась, но приятный аромат её стряпни наполнял

комнату, и мой желудок сочувственно откликнулся. Я подождал ещё какое-то время, продолжая собирать в мыслях зазубренные обрывки мозаики. Но либо у меня душа не была настроена на это, либо до сих пор отсутствовало что-то важное. В конце концов я пересилил металлический привкус ненависти и отчаяния и отправился на кухню.

Глава тридцатая

Подручные Кавахары выполнили свою работу безупречно.

Автоматический лимузин со сверкающими молниями логотипа компании «Джэк-Сол» остановился перед дверьми «Хендрикса» ровно в восемь часов утра. Спустившись вниз, я заглянул в пассажирский отсек и достал несколько коробок, исписанных китайскими иероглифами.

Вернувшись в номер, я изучил содержимое: два роскошных костюма песочно-жёлтого цвета, подогнанных под размеры Райкера, полдюжины рубашек ручной работы с вышитым на воротнике логотипом «Джэк-Сол», строгие ботинки из красной кожи, тёмно-синий плащ, мобильный телефон, опять-таки с логотипом «Джэк-Сол», и маленький чёрный диск с экраном и полоской считывания ДНК.

Приняв душ и побрившись, я оделся и запустил диск. На экране, поморгав, появилось изображение Кавахары.

– Доброе утро, Такеси-сан, и добро пожаловать в компанию «Джэк-Сол». Код ДНК с этого диска уже передан, кредитная линия на имя Мартина Джеймса Андерсона открыта. Как я уже говорила, корпоративный префикс «Джэк-Сол» позволит избежать конфликтов с записями о генетических данных Райкера и счётом, оформленным для вас Банкрофтом. Пожалуйста, запомните код снизу.

Пробежав взглядом по последовательности цифр, я снова уставился на лицо Кавахары.

– Счёт, открытый на ваше имя в «Джэк-Сол», позволит вам не стеснять себя в расходах. Конечно, в разумных пределах. По истечении десятидневного срока, оговоренного нашим соглашением, он будет заблокирован. Если вам понадобится закрыть его раньше, дважды введите код, приложите генетическую подпись и снова дважды введите код. Трепп свяжется с вами по корпоративному мобильному телефону сегодня, так что, пожалуйста, не расставайтесь с аппаратом надолго. Ирена Элиотт будет выгружена в 21.45 по времени Западного побережья. Обработка займет около сорока пяти минут. К тому времени, как вы получите этот диск, то, что вы просили, уже будет доставлено в «Сил-Сет». Я проконсультировалась у своих специалистов и составила список аппаратуры, которая может понадобиться Элиотт, и выяснила, у каких поставщиков её можно достать без ненужных вопросов. Все затраты спишите со счёта «Джэк-Сол». Список будет сейчас распечатан на твердом

носителя. На тот случай, если вам понадобится повторно прослушать какие-либо указания, диск останется пригодным к воспроизведению в течение следующих восемнадцати минут, после чего автоматически сотрёт содержимое. Действуйте!

Лицо Кавахары сложилось в улыбку, предназначенную для общения с прессой. После этого экран погас, и защебетал принтер, выдающий бумажный список. Я бегло просмотрел его, спускаясь к лимузину.

Ортега так и не вернулась.

В компании «Сил-Сет» меня встретили, как наследника семьи Харлан. Учтивые люди-секретари засуетились, обеспечивая комфорт, а тем временем техник принёс металлический цилиндр размером с галлюциногенную гранату.

На Трепп я не произвел никакого впечатления. Согласно указаниям, которые я получил по корпоративному мобильному телефону, мы встретились в баре в Окленде. Увидев мой облик, предназначенный для «Джэк-Сол», она язвительно рассмеялась.

– Ты стал похож на долбаного программиста, Ковач. Где ты раздобыл этот костюм?

– Моя фамилия Андерсон, – напомнил я. – А костюм является дополнением к фамилии.

Она скорчила гримасу.

– Когда в следующий раз пойдёшь в магазин, Андерсон, захвати с собой меня. Это позволит тебе сэкономить уйму денег, и ты не будешь выглядеть типом, вывозящим своих детишек на выходные в Гонолулу.

Я подался к ней, склоняясь над крошечным столиком.

– Знаешь, Трепп, когда ты в прошлый раз неодобрительно высказалась по поводу моего наряда, я тебя прикончил.

Она пожала плечами.

– Неудивительно. Есть люди, которые просто не могут взглянуть правде в глаза.

– Ты принесла то, что нужно?

Трепп опустила руку на стол ладонью вниз, а когда убрала её, на столе остался неказистый серый диск, запечатанный в пластик.

– Вот всё, что ты просил. Теперь я точно знаю – ты чокнутый. – В её голосе прозвучало что-то похожее на восхищение. – Ты знаешь, как поступают на Земле с теми, кто балуется с такими игрушками?

Накрыв диск ладонью, я убрал его в карман.

– Полагаю, так же, как и в других местах. Преступление карается по федеральным законам. От пары сотен и выше. Но ты забыла – у меня нет

выбора.

Трепп почесала за ухом.

– Пара сотен или полное стирание. Я чуть в штаны не наложила, таскаясь весь день с этой штуковиной. Остальное у тебя с собой?

– А в чём дело? Боишься показываться на людях вместе со мной?

Она усмехнулась.

– Есть немного. Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

Я тоже очень надеялся на это. Громоздкий пакет размером с гранату, полученный в компании «Сил-Сет», с утра жёг карман дорогого костюма.

Вернувшись в «Хендрикс», я проверил, нет ли каких сообщений. Ортега так и не позвонила. Я поднялся в номер и стал убивать время, обдумывая, что сказать Элиотт. В девять часов я спустился вниз, снова сел в лимузин и отправился в центральное хранилище Бей-Сити.

Мне пришлось подождать в приёмной, пока молодой врач заполнит все бумаги. Затем я расписался там, где он указал, испытывая какое-то странное ощущение от того, что потихоньку начинаю привыкать к этим формальностям. Почти все условия досрочного освобождения были с формулировкой «от имени», что полностью возлагало на меня ответственность за поведение Ирены Элиотт в течение всего периода. У неё было ещё меньше прав, чем у меня, когда я выгрузился здесь же неделю назад.

Наконец Элиотт появилась из двери с надписью «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЁН». Она шла неуверенной, запинаящейся походкой человека, впервые вставшего с постели после долгой, изнурительной болезни. На лице у неё был написан шок первого общения со своим отражением. Если не зарабатывать этим на жизнь, то непросто впервые взглянуть в зеркало и увидеть там совершенно незнакомое лицо. Лицо, которое приобрела Элиотт сейчас, напоминало снимок из голографического куба, показанный мне её мужем, не больше, чем Райкер напоминал мою прежнюю оболочку. Кавахара назвала эту оболочку «равноценной», и это уклончивое определение как нельзя лучше шло тому, что я увидел. У Элиотт было женское тело приблизительно того же возраста, что и её собственное, но на этом сходство заканчивалось. Высокая и мускулистая, Ирена Элиотт обладала белоснежной кожей; эта же оболочка была покрыта мелкой сеткой тонких медно-красных прожилок. Густые чёрные волосы обрамляли лицо с глазами, похожими на раскалённые угли, и губами цвета спелой сливы; тело было хрупким и худым.

– Ирена Элиотт?

Она остановилась у столика дежурного и обернулась ко мне.

– Да. А вы кто такой?

– Меня зовут Мартин Андерсон. Я представляю западное отделение компании «Джэк-Сол». Это мы устроили вам условно-досрочное освобождение.

Прищурившись, Элиотт оглядела меня с головы до ног и обратно.

– Вы не похожи на программиста. Я хочу сказать, если не брать в расчёт ваш костюм.

– Я – консультант по вопросам безопасности. Компания «Джэк-Сол» пригласила меня для того, чтобы я помог решить кое-какие вопросы. Мы бы хотели предложить вам выполнить для нас кое-какую работу.

– Вот как? Неужели не смогли найти никого подешевле? – Она обвела рукой вокруг. – В чём дело? Я стала знаменитой, пока находилась на хранении?

– В определённом смысле, да, – осторожно произнес я. – Наверное, нам будет лучше поскорее покончить с формальностями и тронуться в путь. Нас ждет лимузин.

– Лимузин?

Услышав прозвучавшую в её голосе недоверчивость, я улыбнулся – впервые за сегодняшний день.

Ирена Элиотт, словно во сне, подписала акт об освобождении.

– И всё же, кто вы такой? – спросила она, когда лимузин поднялся в воздух.

Я поймал себя на том, что в последнее время этот вопрос задают мне слишком часто. Настолько часто, что я уже сам захотел найти на него ответ.

Я не отрывал взгляда от навигационного блока лимузина.

– Друг, – тихо произнес я. – Пока это все, что вам нужно знать обо мне.

– Прежде чем мы приступим к чему бы то ни было, я бы хотела...

– Знаю. – Как раз в это время лимузин накренился, ложась на курс. – Мы будем в Эмбере через полчаса.

Я не стал оборачиваться, но даже боком почувствовал обжигающий взгляд Ирены Элиотт.

– Вы не из корпорации, – твёрдо произнесла она. – Корпорации так никогда не поступают.

– Корпорации идут на всё, что может принести прибыль. Вам надо расстаться с предубеждениями. Разумеется, если нужно, корпорации сжигают целые деревни вместе с жителями. Но если требуется продемонстрировать публике человеческое лицо, они натягивают человеческое лицо и показывают его.

– И вы являетесь этим человеческим лицом?

– Не совсем так.

– Какую именно работу я должна буду выполнить для вас? Что-то противозаконное?

Достав из кармана цилиндр с загрузчиком вируса, я передал его Ирене Элиотт. Она взяла цилиндр обеими руками и с профессиональным интересом изучила распечатку. Я предполагал, что это будет первый тест. Я вытащил Элиотт из хранилища потому, что она будет моей в той степени, в какой не будет никто из людей Кавахары. Но помимо этого мне приходилось полагаться лишь на интуицию и на заявление Виктора Элиотта, что его жена знала своё дело. Так что сейчас меня охватило беспокойство: в правильном ли направлении я иду? Кавахара была права. Благотворительность может обойтись очень дорого.

– Так, посмотрим. У вас здесь вирус Симультек первого поколения. – Она говорила медленно, презрительно растягивая каждый слог. – Музейная редкость, можно сказать, реликвия. И вы поместили его в оболочку быстрой выгрузки, сделанную по последнему слову техники и оснащённую системой постановки помех. Давайте не будем пудрить мне мозги. Скажите прямо, в чем дело. Вы собираетесь нанести удар?

Я молча кивнул.

– По какой цели?

– По виртуальному борделю. Управляемому искусственным интеллектом.

Элиотт беззвучно присвистнула.

– Освободить его хотите, что ли?

– Нет, заразить.

– Заразить? Вот этим? – Она похлопала по цилиндру. – Так что же это такое?

– Вирус Роулинга 4851.

Ирена Элиотт застыла.

– Это не смешно.

– А я и не думал шутить. У вас в руках спящий вариант вируса Роулинга. Размещён в оболочке быстрой выгрузки, как вы правильно заметили. Коды активации находятся у меня в кармане. Мы должны будем заразить Роулингом базу данных борделя с ИскИном, ввести код активации и наглухо закрыть крышку. Разумеется, будут ещё всякие побочные мелочи, связанные с системами слежения, но общая идея такова.

Она странно посмотрела на меня.

– Вы представляете каких-то религиозных глупцов?

– Нет, – слабо усмехнулся я. – Ничего подобного. Итак, вы сможете это сделать?

– Всё зависит от искусственного интеллекта. У вас есть его характеристики?

– Не при себе.

Элиотт протянула мне оболочку с вирусом.

– Вы же понимаете, тогда я не могу дать вам ответ.

– Я надеялся услышать от вас именно это, – удовлетворённо произнес я, убирая цилиндр в карман. – Как вы себя чувствуете в новой оболочке?

– Ничего. А почему вы не смогли вернуть меня в мою собственную? В ней я бы смогла гораздо быстрее...

– Знаю. К несчастью, не всё в моих руках. Вам сказали, сколько времени вы провели на хранении?

– Кажется, кто-то сказал, четыре года.

– Четыре с половиной, – уточнил я, взглянув на документы об освобождении со своей подписью. – К сожалению, за это время ваша оболочка успела кому-то приглянуться, и её выкупили.

– О.

Элиотт умолкла. Шок, который человек испытывает, впервые пробуждаясь в чужом теле, ничто в сравнении с бессильной яростью, вызванной осознанием того, что в его собственном теле сейчас разгуливает кто-то другой.

Это сродни супружеской измене, к которой примешивается изнасилование. И как в обоих случаях, самое страшное – ощущение собственного бессилия. К случившемуся просто надо привыкнуть.

Молчание затягивалось. Посмотрев на застывший профиль Ирены Элиотт, я кашлянул.

– Вы точно хотите сделать это прямо сейчас? Я имею в виду, заехать домой?

Она даже не потрудилась повернуться ко мне.

– Да, хочу. У меня дочь и муж, с которыми я не виделась почти пять лет. И вы полагаете, что это, – она указала на себя рукой, – может меня остановить?

– Нет.

Впереди на тёмной полоске берега показались огни Эмбера, и лимузин начал спускаться. Я краем глаза следил за Элиотт, отмечая нарастающую тревогу. Прикусив нижнюю губу зубами нового тела, Ирена, шумно дыша, беспокойно тёрла ладонями колени.

– Они знают о моём освобождении? – наконец спросила она.

– Нет, – коротко ответил я, не желая вдаваться в подробности. – Компания «Джэк-Сол» заключила контракт с вами. К вашей семье это не имеет никакого отношения.

– Но вы устроили нашу встречу. Почему?

– У меня слабость устраивать встречи родственников.

Я уставился на тёмную тушу севшего на мель авианосца. Мы молча приземлились. Автолимузин накренился, вливаясь в потоки местных транспортных систем, и наконец коснулся земли в паре сотен метров к северу от связного центра Элиотта. Мы мягко прокатились по набережной под огромными голографическими плакатами Анчаны Саломао и остановились напротив узкого подъезда. Неисправный монитор исчез, дверь была закрыта, но сквозь стеклянные стены конторы в задней части здания пробивался свет.

Выйдя из лимузина, мы пересекли улицу. Как выяснилось, дверь была не просто закрыта, а заперта. Ирена Элиотт нетерпеливо забарабанила по ней бронзовой ладонью, и в конторе кто-то лениво зашевелился. Через некоторое время в мутном стекле показался силуэт Виктора Элиотта, прошедшего через центр связи к входной двери. Его седые волосы были взъерошены, лицо опухло от сна. Он уставился на нас рассеянным взглядом, который мне приходилось встречать у компьютерных крыс, слишком много времени проводящих в сети.

– Какого черта... – Виктор Элиотт осёкся, узнав меня. – Что тебе надо, кузнечик, твою мать? А это кто?

– Вик? – Новое горло Ирены Элиотт было стиснуто на девять десятых. – Вик, это я.

Мгновение взгляд Элиотта метался между моим собственным и изящным лицом женщины-азиатки рядом, затем сказанное налетело на него, как тяжелый грузовик. Он вздрогнул, словно от физического удара.

– Ирена?

– Да, это я, – хрипло прошептала она.

У неё по щекам текли слезы. Какое-то мгновение супруги смотрели друг на друга сквозь стекло. Затем Виктор Элиотт завожился с запорным устройством двери, навалился на жалюзи, отодвигая их, и, наконец, женщина с бронзовой кожей упала через порог в его объятия. Он стиснул её с такой силой, что я испугался за кости новой оболочки Ирены. Моё внимание вдруг привлекли уличные фонари на набережной.

В конце концов Ирена Элиотт вспомнила про меня. Оторвавшись от мужа, она обернулась, размазывая слезы по лицу тыльной стороной руки.

– Вы не могли бы...

– О чём речь, – спокойно произнес я. – Я буду ждать вас в лимузине. Увидимся завтра утром.

Перехватив недоумённый взгляд Виктора Элиотта, покорно заходящего следом за женой в офис, я дружелюбно кивнул ему и, развернувшись, направился к стоящему напротив лимузину. У меня за спиной захлопнулась дверь. Пошарив в карманах, я нашёл смятую пачку сигарет, оставленную Ортегой. Пройдя мимо лимузина к чугунному ограждению, я зажёл согнутую и расплюснутую белую палочку и, втянув в лёгкие табачный дым, в кои-то веки не почувствовал, что кого-то предаю. Внизу на песчаный берег призрачными полосками накатывал прибой. Облокотившись на ограждение, я слушал белый шум разбивающихся волн, гадая, как мне удаётся ощущать такое умиротворение, когда стоит ещё столько неразрешённых проблем. Ортега так и не вернулась. Кадмин всё ещё на свободе. Сара по-прежнему остаётся в заложниках. Кавахара по-прежнему держит меня за яйца, а я так и не узнал, почему Банкрофта убили.

И, несмотря ни на что, в моей душе нашлось место для спокойствия.

Бери то, что тебе предлагают, и иногда этого должно быть достаточно.

Мой взгляд скользнул за волнорезы. Чёрный и таинственный океан вдали плавно сливался с ночным небом. Даже массивный остов «Поборника свободной торговли» был с трудом различим. Я представил себе Мери-Лу Хинчли, летящую навстречу страшному удару о неподатливую поверхность воды, а затем, переломанную, погружающуюся на дно, где её ждут морские хищники. Как долго провела она в морских глубинах, прежде чем течения вынесли на берег то, что от неё осталось? Как долго её удерживал мрак?

Мои мысли бесцельно скакали на мягкой подушке смутного ощущения полного покоя. Я видел древний телескоп Банкрофта, направленный в небеса на крохотные светящиеся точки, на первые неуверенные шаги Земли за пределы Солнечной системы. Хрупкие ковчеги, несущие сохранённую в оцифрованном виде память миллионов первопроходцев и замороженные эмбрионы, которым, возможно, будет суждено загрузиться на далеких мирах – если окажется, что загадочные карты марсианских астрографов истолкованы правильно. В противном же случае они будут блуждать вечно, потому что вселенная, по большей части, – ночь и чёрный океан.

Успокоенный подобными размышлениями, я оторвался от ограждения и взглянул на голографическое лицо над головой. Эта ночь безраздельно принадлежала Анчане Саломео. Её призрачный лик взирал через равные

промежутки на пустынную набережную. Сочувствующий, но отрешенный. Глядя на эти спокойные черты, я понимал, почему Элизабет Элиотт так хотелось достичь подобных высот. Я сам многое бы отдал за такую невозмутимую сдержанность. Я перевел взгляд на окна жилых помещений над заведением Элиотта. Там горел свет, и я увидел в одном окне силуэт обнаженной женщины. Вздохнув, я бросил окурок в сточную канаву и отправился искать убежище в лимузине. Пусть бдение продолжит Анчана Саломео. Пощёлкав наугад каналами на панели развлечений, я задремал под усыпляющий бессмысленный хоровод образов и звуков. Ночь сомкнулась вокруг машины холодным туманом, и меня охватило смутное ощущение, будто я уношусь от огней дома Элиотта далеко в открытое море, где нет ничего до самого горизонта и где зарождается шторм...

Меня разбудил резкий стук в окно прямо над головой. Усевшись прямее, я увидел Трепп, терпеливо стоящую перед машиной. Жестом предложив опустить стекло, она нагнулась, усмехаясь.

– Кавахара была права насчет тебя. Ночуешь в машине, чтобы твою компьютерщицу хорошенько оттрахали. Ковач, с таким мировоззрением надо было подаваться в монахи.

– Заткнись, Трепп, – раздражённо бросил я. – Который час?

– Около пяти. – Её взгляд метнулся вверх и влево, чтобы свериться с вживленной микросхемой. – Точнее, пять часов шестнадцать минут. Скоро начнёт светать.

Я слегка приподнялся, во рту до сих стоял привкус от вчерашней сигареты.

– Что ты здесь делаешь?

– Присматриваю за тобой. Нам ведь не хочется, чтобы Кадмин пришёл тебя до того, как ты продашь Банкрофту свой товар, не так ли? Эй, а это ведь, по-моему, играют «Крушители»?

Проследив за взглядом Трепп, я оглянулся на панель развлечений, где шла какая-то спортивная передача. Крошечные фигурки носились взад и вперёд по расчерченному на ровные квадраты полю под едва слышный голос комментатора. Время от времени игроки сталкивались друг с другом, что вызывало аплодисменты, похожие на писк насекомых. Судя по всему, перед тем как заснуть, я убавил громкость. Выключив панель, я огляделся по сторонам и увидел, что Трепп права. Начинало светать. Ночная темнота размылась до мягкого синего полумрака, расползавшегося над зданиями, подобно пятну отбеливателя.

– Значит, ты не фанат «Крушителей», да? – кивнула на экран Трепп. – Мне раньше тоже не особенно нравилось, но, если долго жить в Нью-

Йорке, со временем как-то привыкаешь.

– Трепп, как ты собираешься присматривать за мной, твою мать, если ты засунула голову в машину и не отрываешь глаз от экрана?

Обиженно взглянув на меня, Трепп убрала голову. Я выбрался из лимузина и потянулся, наслаждаясь утренней прохладой. Над нами по-прежнему сияла блистательная Анчана Саломао, но свет в квартире Элиотта погас.

– Угомонились всего пару часов назад, – заметила Трепп. – Я боялась, как бы они не смылись, пока ты спишь, так что сторожила у входа.

Я взглянул на тёмные окна.

– Почему они должны смыться? Она даже не знает условий сделки.

– Ну, соучастие в преступлении, караемом стиранием, делает людей пугливыми.

– К этой женщине такое не относится, – сказал я, гадая, насколько уверен в собственных словах.

Трепп пожала плечами.

– Как тебе угодно. Однако я по-прежнему считаю, что ты спятил. У Кавахары есть специалисты, которые сделали бы это даже стоя на голове.

Поскольку я отказался от помощи Кавахары, подчиняясь интуиции, я промолчал. Непокоримая уверенность моих недавних догадок относительно Банкрофта, Кавахары и резолюции номер 653 существенно поблекла во вчерашней спешке, связанной с подготовкой к внедрению вируса, а спокойствие исчезло с уходом Ортеги. Теперь я ощущал лишь неумолимую тяжесть времени, сырую прохладу рассвета и шум прибоя. Вкус Ортеги во рту, тепло от прикосновений её гибкого тела были тропическим островком среди этой ледяной пустыни, и он уплывал к горизонту.

– Как ты думаешь, в такую рань здесь можно раздобыть горячий кофе? – спросил я.

– В таком крохотном городке? – презрительно втянула воздух сквозь зубы Трепп. – Сомневаюсь. Но по пути я заметила автоматы. Среди них обязательно найдется с кофе.

– Кофе из автомата? – скривил губы я.

– Эй, ты что, гурман? Ты живешь в отеле ИскИна, по сути дела, в одном большом автомате. Господи, Ковач, на дворе эпоха машин. Тебе никто не говорил об этом?

– Пожалуй, ты права. Далеко отсюда?

– Пара километров. Поедем на моей машине. Чтобы если наша малышка проснулась и выглянула в окно, её не охватила паника.

– Ладно.

Я прошёл следом за Трепп к приземистой чёрной машине, судя по всему, невидимой для радаров, и забрался в уютный салон, слабо пахнущий благовониями.

– Твоя?

– Нет, взяла напрокат. Ещё когда мы прилетели из Европы. А что?

Я покачал головой.

– Да так, ничего.

Трепп завела двигатель, и мы бесшумным призраком скользнули по набережной. Я смотрел в окно на море, борясь с неприятным ощущением отчаяния. После непродолжительного сна в лимузине я был на взводе. Меня вдруг снова начало раздражать всё, начиная с того, что я никак не мог разрешить загадку смерти Банкрофта, и кончая усиливающейся тягой к сигаретам. Не покидало предчувствие того, что день будет отвратительным, а ведь ещё не успело взойти солнце.

– Ты думал о том, чем займёшься, когда всё это останется позади?

– Нет, – угрюмо буркнул я.

Мы нашли автоматы в конце города, на аллее, спускающейся к морю. Несомненно, их установили для отдыхающих, однако полуразрушенный навес над ними красноречиво свидетельствовал о том, что дела здесь шли не лучше, чем в коммуникационном центре Элиотта. Трепп поставила машину лицом к морю и ушла за кофе. В окно я наблюдал, как она долго колотила по автомату сначала ладонью, затем ногой, пока тот не выдал два пластиковых стаканчика. Вернувшись к машине, Трепп протянула один мне.

– Ты собираешься пить прямо здесь?

– А почему бы и нет?

Мы надавили на крышки, и послышалось шипение нагревательных устройств. Как выяснилось, работают они плохо, но на вкус кофе оказался приличным и определенно оказал должное химическое воздействие. Я буквально почувствовал, как с меня смывает усталость. Мы пили не спеша, наблюдая за морем, погружённые в дружескую тишину.

– Я как-то раз пыталась записаться в чрезвычайные посланники, – вдруг сказала Трепп.

Я с любопытством взглянул на неё.

– Да?

– Да, давным-давно. Мне отказали после собеседования. Сказали, у меня нет задатков преданности.

– Справедливо, – проворчал я. – Ты ведь не служила в армии, так?

– А ты как думаешь?

Трепп посмотрела на меня так, словно я предположил, что на её совести числятся изнасилования и истязания детей. Я устало усмехнулся.

– Думаю, не служила. Понимаешь, при отборе будущих посланников у кандидатов ищут зачатки пограничных психопатических наклонностей. Вот почему в первую очередь ищут среди бывших военных.

Похоже, Трепп обиделась.

– А у меня есть зачатки пограничных психопатических наклонностей.

– Не сомневаюсь. Но дело в том, что число гражданских лиц, обладающих этими зачатками и при этом духом коллективизма, очень ограничено. Одно противоречит другому. Вероятность, что оба качества разовьются естественным путем в одном человеке, практически равна нулю. Однако военная подготовка делает с естественным порядком вещей страшные вещи. Она ломает сопротивляемость психопатическому поведению и в то же время развивает фанатичную преданность команде. Эти качества становятся взаимосвязанными. Так что солдаты – идеальный исходный материал для чрезвычайных посланников.

– По твоим словам получается, что я должна радоваться отказу.

Какое-то время я смотрел вдаль, вспоминая.

– Да, должна. – Я допил кофе. – Всё, пора возвращаться.

Когда мы возвращались обратно по набережной, я обратил внимание, что в тишине позади что-то изменилось. Что-то одновременно неуловимое и в то же время такое, от чего нельзя укрыться. Нечто, подобное неумолимо светлеющему небу.

Когда мы подъехали к коммуникационному центру Эллиота, Ирена уже ждала нас, прислоняясь к лимузину и неотрывно глядя в море. Её мужа нигде не было видно.

– Лучше оставайся здесь, – бросил я Трепп, выходя из машины. – Спасибо за кофе.

– Не стоит.

– Полагаю, какое-то время я буду видеть тебя на экране заднего обзора.

– Ковач, сомневаюсь, что ты вообще что-нибудь заметишь, – весело ответила Трепп. – У меня это получается гораздо лучше, чем у тебя.

– Это мы ещё посмотрим.

– Да-да. Ладно, до встречи.

Я направился к лимузину, и она крикнула вслед, повышая голос:

– И чтобы с вирусом всё было в порядке. Нам бы очень не хотелось, чтобы с ним что-нибудь произошло.

Сдав назад метров десять, Трепп с показной удалью резко взмыла в воздух, разорвав тишину пронзительным рёвом турбин. Едва не задев нас, машина пронеслась над головами и, развернувшись, ушла в сторону океана.

– Кто это был? – Голос Ирены Элиотт прозвучал хрипло, что можно было объяснить обильно пролитыми слезами.

– Прикрытие, – рассеянно ответил я, провожая взглядом машину, пролетающую над остовом затонувшего авианосца. – Работает на тех же людей. Не беспокойтесь, это друг.

– Возможно, она ваш друг, – с горечью поправила Элиотт. – Но не мой. Среди вас у меня друзей нет.

Я посмотрел на неё, затем снова отвернулся в море.

– Справедливо.

Тишина, нарушаемая шумом прибоя. Элиотт провела рукой по полированному кузову лимузина.

– Вам известно, что произошло с моей дочерью, – произнесла она мёртвым голосом. – Вы с самого начала знали об этом.

Я кивнул.

– И вам на это насрать, так? Вы работаете на человека, который использовал её, словно кусок туалетной бумаги.

– Вашу дочь использовали многие мужчины, – жестоко ответил я. – Она сама с готовностью отдавала себя. И, не сомневаюсь, ваш муж сказал, почему Элизабет так поступала.

Ирена Элиотт поперхнулась. Я уставился вдаль, где у самого горизонта в предрассветном полумраке быстро таяла машина Трепп.

– Она по той же самой причине пыталась шантажировать человека, на которого я работал. И по той же причине она пробовала надавить на своего хозяина, очень неприятного человека по имени Джерри Седака, и тот в конце концов её убил. Элизабет делала это ради вас, Ирена.

– Убирайся к чёртовой матери!

Ирена Элиотт начала плакать, тихие отчаянные всхлипы в утренней тишине.

– Я больше не работаю на Банкрофта, – осторожно произнёс я. – Я перебежал на другую сторону. И сейчас хочу дать вам возможность ударить Банкрофта по больному месту. Ударить чувством вины, которое никогда не возникало у него, пока он трахал вашу дочь. К тому же теперь, когда вы не на хранении, вы с мужем можете вдвоём собрать деньги и купить для Элизабет новую оболочку. Или хотя бы забрать её из хранилища и устроить в какой-нибудь виртуальный кондоминиум. Главное то, что, покинув

холодильник, вы можете что-то делать. У вас есть выбор. Вот что я вам предлагаю. Я возвращаю вас в игру. Не швыряйтесь подобными предложениями.

Я слышал, как у меня за спиной Ирена борется со слезами. Я ждал, отвернувшись к морю.

– Вы без ума от своей доброты, не так ли? – наконец сказала она. – Вы полагаете, что оказываете большую услугу, но вы ведь не добрый самаритянин, правда? Я хочу сказать, хоть вы и вытащили меня с хранения, за всё надо платить, так?

– Разумеется, – тихо подтвердил я.

– Я должна запустить этот вирус. Ради вас я должна преступить закон, иначе придётся вернуться на хранение. И если я закричу или что-нибудь испорчу, мне есть что терять. Вот какую сделку вы предлагаете, разве не так? Даром ничего не делается.

Я не отрывал взгляда от волн.

– Да, именно такую сделку я и предлагаю, – согласился я.

Снова наступила тишина. Краем глаза я видел, как Ирена Элиотт оглядела свою новую оболочку, словно чем-то себя облила.

– Вы хоть представляете себе, что я сейчас испытываю? – спросила она.

– Нет.

– Я спала с мужем, и мне казалось, что он мне изменяет. – Сдавленный смешок. Ирена сердито вытерла глаза. – Мне казалось, я ему изменяю. Понимаете, когда меня помещали на хранение, я оставила тело и семью. Теперь у меня нет ни того, ни другого.

Она снова осмотрела себя, затем подняла руки и покрутила ими, растопыривая пальцы.

– Я сама не знаю, что чувствую, – сказала она. – Я не знаю, что чувствовать.

Я многое мог бы сказать ей в ответ. На эту тему сказаны и написаны горы слов; споры и исследования не прекращаются до сих пор. Есть тривиальные статейки про новые оболочки в популярных журналах: «Как заставить партнёра полюбить вас опять – в новой оболочке»; пустые, бесконечные психологические трактаты: «Некоторые аспекты вторичных травм новых оболочек»; и даже ханжеские учебники долбаного Корпуса чрезвычайных посланников, также со своими суждениями по данному вопросу. Цитаты, точки зрения, яростные нападки религиозных деятелей и бредовый вздор безумцев. Я мог бы вывалить всё это на Ирену Элиотт. Мог бы сказать, что она чувствует то, что естественно для человека без

специальной подготовки. Я мог бы попытаться объяснить ей, что всё это со временем пройдет. Что через это уже прошли миллионы людей. Я мог бы даже заверить её, что какому бы богу она ни принесла клятву, сейчас тот следит за ней. Я мог бы солгать, мог бы прибегнуть к логическим рассуждениям. Но результат был бы почти одинаков. Потому что действительность причиняла боль, и в настоящий момент никто и ничто не могло избавить Ирену Элиотт от этой боли.

Поэтому я промолчал.

На нас надвигался рассвет. Фасады зданий озарялись ярким свечением. Я взглянул на окна коммуникационного центра Элиотта.

– Где Виктор? – спросил я.

– Спит. – Вытерев лицо тыльной стороной руки, Ирена шмыгнула носом, борясь со слезами. – Вы говорите, Банкрофту будет больно?

– Да. Он не сразу поймет, в чём дело, но ему будет очень больно.

– Заражение искусственного интеллекта вирусом, – продолжала Ирена Элиотт. – Преступление, за которое полагается стирание. Нападение на влиятельного мафа. Вы отдаёте себе отчёт, на какой риск мы идем? Вы хоть понимаете, что именно от меня хотите?

Развернувшись, я посмотрел ей прямо в глаза.

– Да, понимаю.

Она сжала губы, борясь с дрожью.

– Хорошо. В таком случае, за дело.

Глава тридцать первая

Подготовка к инфицированию вирусом заняла меньше трех дней. Ирена Элиотт оказалась профессионалом высочайшего класса и провела операцию без единой заминки.

В лимузине на обратном пути в Бей-Сити я объяснил, что ей предстоит сделать. Первое время она продолжала плакать внутри, но по мере того, как я сообщал Ирене детали, она включалась в дело, начиная кивать, одобрительно бормотать, останавливая меня и уточняя какие-то подробности, которые я объяснял недостаточно хорошо. Я показал Ирене список оборудования, предложенного Рейлиной Кавахарой, и она одобрила из него примерно две трети. Остальное, на её взгляд, было ненужным хламом, который используют только лентяи и дураки.

К концу нашего путешествия у Ирены Элиотт больше не осталось вопросов. По её глазам я понял, что она начала мысленно просчитывать каждый шаг. Забытые слезинки на щеках высохли, и на лице Ирены застыли сосредоточенная ненависть к человеку, обесчестившему её дочь, и осязаемая жажда отмщения.

Ирена Элиотт полностью принадлежала мне.

Я снял квартиру в Окленде, отнеся все расходы на счет компании «Джэк-Сол». Ирена Элиотт устроилась на новом месте, и я дал ей время выспаться. Сам я отправился в «Хендрикс» и тоже попытался поспать. Правда, без особого успеха. Я вернулся через шесть часов и застал Элиотт уже расхаживающей по квартире.

Я набрал номера, указанные Кавахарой, и заказал то, что попросила Ирена. Железо прибыло в течение часа. Раскрыв коробки, Элиотт разложила доставленное оборудование по всему полу.

Вдвоем мы прошлись по списку виртуальных борделей, составленному Ортегой, и сократили его до семи заведений.

Ортега так и не появилась. И не связалась с «Хендриксом».

К середине следующего дня Ирена Элиотт развернула основные системы и наведальась в каждое из семи заведений. После этого список уменьшился до трех позиций, и Элиотт отправила меня ещё за кое-какими покупками. Нужно было довести программное обеспечение до совершенства; предстояла большая охота.

К вечеру в списке осталось всего два заведения, и Элиотт принялась

писать подготовительные схемы для проникновения в оба. Натыкаясь на сбой, мы отступали и сравнивали результаты.

К полуночи цель была определена. Элиотт отправилась спать и проспала подряд восемь часов. Я вернулся в «Хендрикс» и провёл ночь в раздумьях.

От Ортеги по-прежнему ничего.

Купив на улице завтрак, я отнёс его в квартиру. Но ни мне, ни Элиотт есть особенно не хотелось.

10.15 местного времени. Ирена Элиотт в последний раз настроила оборудование.

Мы всё провернули.

От начала и до конца операция заняла двадцать семь с половиной минут.

По словам Элиотт, это оказалось так же просто, как помочиться на два пальца.

Предоставив ей разбирать оборудование, я отправился на встречу с Банкрофтом.

Глава тридцать вторая

– Я никак не могу поверить, – резко произнёс Банкрофт, – вы действительно твёрдо убеждены, что я посещал это заведение?

На лужайке под балконом виллы «Закат» Мириам Банкрофт мастерила огромный бумажный планер, руководствуясь инструкциями голографического проектора. От ослепительной белизны крыльев резало глаза. Я стоял, опершись на перила. Заслонив ладонью глаза от солнца, Мириам подняла на меня взгляд.

– Бордель оборудован мониторами наблюдения, – с деланным безразличием сказал я. – Система автоматическая и до сих пор работает, несмотря на преклонный возраст. Сохранились кадры, как вы входите в дверь. Название ведь вам знакомо, не так ли?

– «Поставленный на дыбы»? Разумеется, я слышал об этом заведении, но сам никогда не пользовался его услугами.

Я оглянулся, не отрываясь от перил.

– Вот как. Значит, у вас есть предубеждения против виртуального секса? Вы – ярый поборник реальности?

– Нет. – В голосе Банкрофта прозвучал смешок. – Я ничего не имею против виртуальных форматов, и, кажется, я вам уже говорил, что время от времени прибегаю к ним. Но эту забегаловку, «Поставленный на дыбы»... как бы лучше выразиться... едва ли можно отнести к наиболее изысканным заведениям подобного рода.

– Вы правы, – согласился я. – Но в какую категорию в таком случае попадает «Закуток Джерри»? Можно ли его назвать изысканным публичным домом?

– Вряд ли.

– Однако это не помешало вам посещать кабинки и развлекаться с Элизабет Элиотт, ведь так? Или в последнее время «Закуток» переживал не лучшие времена, потому что...

– Ну хорошо. – Усмешка в голосе сменилась гримасой на лице. – Я понял, что вы хотите сказать. Можете не продолжать.

Оторвавшись от созерцания Мириам Банкрофт, я вернулся к своему креслу. Мой коктейль со льдом стоял на маленьком столике. Я взял стакан.

– Рад это слышать, – сказал я, тряхнув кубиками льда. – Потому что мне пришлось изрядно повозиться, чтобы разобраться в этой мешанине. В процессе расследования меня похищали, пытали и едва не убили. А

девушка по имени Луиза, одних лет с вашей драгоценной дочерью Наоми, поплатилась жизнью только за то, что попала под ноги. Так что, если вам не нравятся мои заключения, можете убираться ко всем чертям.

Я приветственно поднял стакан.

– Избавьте меня от мелодрам, Ковач, и, ради бога, сядьте. Я ни в коей мере не отвергаю сказанное вами; я просто задаю вопросы.

Опустившись в кресло, я ткнул в Банкрофта пальцем.

– Нет, вы корчитесь, как червяк на крючке. Это указывает на ту часть вашей натуры, которую вы сами ненавидите за неуёмные аппетиты. Вы бы предпочли оставаться в неведении относительно того, к какому именно программному обеспечению подключались в тот вечер в «Поставленном на дыбы». Вы боитесь, что оно окажется ещё более омерзительным, чем вы сейчас думаете. Я вынуждаю вас столкнуться с теми чертами вашего характера, которые хотят, чтобы вы кончали в лицо своей жене. И вам это не нравится.

– Нет никакой нужды возвращаться к тому разговору, – натянуто промолвил Банкрофт, сплетая пальцы. – Полагаю, вы отдаёте себе отчёт, что записи видеокамеры наблюдения, на основе которых вы строите свои заключения, мог подделать любой, кто имеет доступ к лентам новостей с моим участием.

– Да, отдаю.

Всего сорок восемь часов назад я имел возможность увидеть лично, как это проделывает Ирена Элиотт. «Без особого труда» – это ещё слишком мягко сказано. После загрузки вируса это оказалось всё равно что попросить танцовщицу театра полного владения телом сделать шпагат. Пока Элиотт занималась этим, я едва успел выкурить сигарету.

– Но зачем кому бы то ни было заниматься подобными вещами? – продолжал я. – Конечно, нельзя исключать, что кто-то пытался таким замысловатым способом направить меня в ложную сторону. Вот только сначала придётся предположить, что этот кто-то знал наперёд, что я стану обнюхивать тот убогий бордель в Ричмонде. Ну же, Банкрофт, взгляните в глаза правде. Уже одно то, что я побывал там, свидетельствует о достоверности записей. И в любом случае, эти записи не основание для каких-нибудь предположений. Наоборот, они просто подтверждают то, до чего я и так уже дошел: вы убили себя, чтобы вирус не заразил внешнюю копию вашей памяти.

– Весьма примечательная проницательность для человека, который занимается расследованием всего шесть дней.

– Скажите спасибо Ортеге, – небрежно бросил я, хотя меня начинала

беспокоить неутихающая подозрительность Банкрофта по отношению к неприятным фактам, изложенным мной. Я не представлял, что убедить его будет так непросто. – Это она направила меня на правильный путь. Ортега с самого начала отказывалась принимать версию убийства. Она постоянно твердила мне, что вы, кавычки открываются, слишком крутой и умный ублюдок-маф, чтобы позволить кому бы то ни было разmozжить себе голову, кавычки закрываются. И тут я вспомнил разговор, состоявшийся неделю назад. Вы сами сказали мне: «Я не тот человек, чтобы лишать себя жизни, но *если бы я решился на такое*, то не допустил бы подобных глупых ошибок. Если бы я вознамерился умереть, вы бы сейчас со мной не разговаривали». Обучение чрезвычайных посланников включает тренировку памяти; это ваши слова, дословно.

Замолчав, я поставил стакан на столик, пытаясь нащупать тонкую грань между обманом и истиной.

– Всё это время я работал, исходя из предположения, что это не вы нажали на спусковой крючок бластера, потому что вы не из тех людей, кто отнимает свою собственную жизнь. Это предположение заставляло меня отмахиваться от многочисленных свидетельств обратного: охранные системы, которые не пропустят и шальной электрон; отсутствие следов вторжения; замок сейфа, отпирающийся отпечатком руки...

– А также от Кадмина. И от Ортеги.

– Да, это тоже сыграло свою роль. Но с Ортегой мы всё выяснили, а что касается Кадмина – что ж, к Кадмину я ещё вернусь. Суть в том, что пока нажатие на курок равнялось самоубийству, я был в тупике. И меня осенило: а что, если эти два действия – не синонимы? Что, если вы спалили память полушарий не потому, что хотели умереть, а по какой-то другой причине? И как только я сделал такое допущение, всё пошло как по маслу. Какие у вас могли быть причины? Приставить дуло пистолета к виску очень непросто, даже если хочешь умереть. А для того, чтобы сделать это, желая жить, требуется демоническая воля. Как бы вы ни понимали разумом, что основную часть вашей памяти снова загрузят в вашу же собственную оболочку, человеку, которым вы были в тот момент, предстояло умереть. Значит, для того, чтобы нажать на курок, вы должны были находиться в безысходном положении. – Я слабо улыбнулся. – Речь должна идти о смертельной опасности. Исходя из этого предположения, я уже довольно быстро пришел к сценарию заражения вирусом. После чего осталось только выяснить, где и как вы его подцепили.

При упоминании этого слова Банкрофт обеспокоенно заёрзал, и я ощутил прилив торжествующего восторга. Вирус! Даже мафы боятся этого

невидимого разрушителя. Потому что даже они, несмотря на резервную копию памяти и многочисленные клоны, хранящиеся в холодильнике, не могут устоять перед ним. Вирусная атака! Поражение памяти больших полушарий! Банкрофт был выведен из равновесия.

– Далее, практически невозможно внедрить что-либо такое сложное, как вирус, в изолированный объект. Следовательно, вы должны были подключиться к заразе. В первую очередь я подумал о центре хранения психической информации, но там слишком надёжная система защиты. По той же самой причине заражение не могло произойти до того, как вы отправились в Осаку. Даже в неактивном состоянии вирус разбудил бы все системы безопасности, когда центр устраивал пересылку вашего сознания. Это случилось в последние сорок восемь часов, потому что резервная копия памяти оказалась незаражённой. Из разговора с вашей женой я заключил, что вы, вернувшись из Осаки, скорее всего отправились в город, и, согласно вашему же собственному признанию, могли заглянуть в публичный дом. Ну а после этого оставалось только проверить все значные места. Наведавшись в полдюжины подобных заведений, я наткнулся на «Поставленного на дыбы». Как только бордель вышел на связь, от сирены, кричащей про обнаруженные вирусы, у меня едва не лопнули барабанные перепонки. Это беда всех искусственных интеллектов – они сами пишут программы внутренней безопасности, и получается это у них хуже некуда. А сейчас «Поставленный на дыбы» заткнулся наглухо, и полиции потребуется несколько месяцев на то, чтобы пробить виртуальный тоннель и посмотреть, что осталось от процессоров ядра.

Я ощутил смутный укол стыда, представив себе ИскИн, который судорожно мечется, словно человек, попавший в чан с кислотой, и наблюдает за тем, как одна за другой отключаются периферийные системы, а электронное сознание съедается в ничто. Однако это чувство быстро прошло. Мы остановили выбор на «Поставленном на дыбы» по нескольким причинам: заведение находилось в районе, защищённом «крышей», то есть можно было не опасаться спутников наблюдения, которые поставили бы под сомнение ложь, внедрённую в его системы; оно популярно среди преступников, поэтому ни у кого не возникло бы подозрений, откуда в нём мог взяться запрещённый вирус; но самое главное, виртуальный бордель предлагал такие омерзительные программы, что полиция должна была ограничиться лишь беглым взглядом на изувеченную машину. В списке Ортеги против «Поставленного на дыбы» было указано не меньше десятка сексуальных преступлений, которые отдел органических повреждений проследил по программному обеспечению. Я буквально увидел, с каким

презрением кривит рот Ортега, изучая списки программ, с каким безразличием берётся за расследование дела.

Мне очень не хватало Ортеги.

– А что насчет Кадмина?

– Пока трудно сказать, но я готов поспорить, что тот, кто заразил «Поставленного на дыбы», скорее всего нанял и Кадмина. Чтобы заставить меня замолчать, не выносить сор из избы. В конце концов, если бы я не начал мутить воду, сколько бы времени прошло, прежде чем кто-либо догадался о безвременной кончине борделя? Не могу представить себе, чтобы кто-нибудь из постоянных посетителей обратился в полицию, если бы его однажды вечером не пустили внутрь.

Банкрофт недоверчиво посмотрел на меня, но по следующим словам я понял, что сражение близится к завершению. Он всё больше склонялся к тому, чтобы поверить мне. Итак, он купился на ложь.

– Вы говорите, что вирус был внедрён умышленно. То есть ИскИн был убит?

Я пожал плечами.

– Похоже на то. «Поставленный на дыбы» ходил по грани местных законов. Насколько удалось выяснить, значительную часть его программного обеспечения в то или иное время конфисковал отдел расследования преступлений в области пересылки информации. Предположительно, бордель связан с преступным миром. Весьма вероятно, ИскИн нажил себе врагов. У нас на Харлане якудза неоднократно устраивала виртуальные расправы с машинами, предавшими её. Не знаю, имеет ли это отношение к данному случаю, но могу сказать со всей определенностью: тот, кто нанял Кадмина, прибег к помощи ИскИна, чтобы вытащить его из полицейского хранилища. Если хотите, можете проверить в управлении на Фелл-стрит.

Банкрофт молчал. Я следил за ним, воочию наблюдая, как крепнет его вера в мои слова. Как он убеждает самого себя. Я буквально видел то, что видит Банкрофт. Вот он сидит, съёжившись, в автотакси, захлестнутый стыдом, потому что знает, чем только что занимался в «Поставленном на дыбы». К чувству стыда примешивается тревожный вой сирен, предупреждающий о заражении вирусом. Инфекция! Вот он, Лоренс Банкрофт, пошатываясь, бредёт в темноте к огням виллы «Закат» и единственному исцелению, которое может его спасти. Почему он отпустил такси так далеко от дома? Почему никого не разбудил, не позвал на помощь? Но отвечать на эти вопросы мне уже не требовалось. Банкрофт поверил. Его заставило поверить чувство отвращения к самому себе.

Теперь он и сам найдёт ответы, которые подкрепят жуткие картины, поселившиеся у него в голове.

А к тому времени, как полиция проложит безопасный путь к процессорам ядра «Поставленного на дыбы», Роулинг-4851 вчистую сожрёт остатки интеллекта виртуального борделя. Не останется ничего, чтобы опровергнуть ложь, тщательно сплетённую мной ради Кавахары.

Я встал и вернулся на балкон, гадая, можно ли позволить себе сигарету. В последние пару дней сдерживаться было совсем трудно. Вид Ирены Элиотт, поглощённой работой, действовал на меня возбуждающе. Отдернув руку, уже отправившуюся искать пачку сигарет в нагрудном кармане, я уставился на Мириам Банкрофт, та почти закончила мастерить планер. Она подняла голову, и я поспешно отвёл взгляд, направив его вдоль перил балкона. И увидел телескоп Банкрофта, все ещё нацеленный в море под небольшим углом вверх. Повинуясь праздному любопытству, я наклонился и посмотрел на шкалу. На пыльной поверхности отчётливо проступали следы пальцев.

Следы пальцев?

У меня в ушах прозвучали слова Банкрофта, произнесённые неумышленно надменно: «Когда-то это было моим увлечением. В те времена, когда на звезды стоило смотреть. Вам не понять эти чувства. Последний раз я смотрел в эти линзы почти два столетия назад».

Я стоял, не в силах оторвать глаз от отпечатков пальцев, зачарованный собственными мыслями. Кто-то смотрел в этот объектив недавно, совсем не два столетия назад. Но очень недолго. Слой пыли нарушен чуть-чуть, можно предположить, что клавиатурой настройки воспользовались один раз. Подчиняясь внезапному порыву, я подошёл к телескопу и проследил за трубой, наведённой на горизонт, который исчезал в расплывающейся дымке. На большом расстоянии, при таком угле возвышения, в прибор будет виден клочок чистого неба километрах в двух над океаном. Словно во сне, я склонился к окуляру. В центре виднелась серая точка. Я заморгал, пытаюсь сосредоточить на ней взгляд, но она расплывалась на бескрайней голубизне. Оторвавшись от окуляра, я снова взглянул на панель управления и, отыскав колесико для фокусного расстояния, принялся лихорадочно его крутить. Я опять прильнул к окуляру и увидел, что серая точка стала резкой, заполнив собой почти всё обозрение. Я медленно выпустил выдох, жалея, что всё-таки не покурил.

Дирижабль завис в воздухе, как гигантский кит, сытый и довольный. Должно быть, он насчитывал в длину не меньше нескольких сотен метров; нижняя половина корпуса вздувалась выпуклостями кабин, из которых

торчали взлётно-посадочные площадки. Я понял, на что смотрю, ещё до того, как нейрехимия Райкера добавила последнюю толику увеличения, и я смог различить на залитой солнцем обшивке большие буквы: «Голова в облаках».

Учащённо дыша, я отошёл от телескопа. Когда моё зрение вернулось к нормальной фокусировке, я снова увидел Мириам Банкрофт. Она стояла рядом с недоделанным планером, уставившись на меня. Наши взгляды встретились, и я едва не вздрогнул. Уронив руку на панель управления телескопом, я сделал то, что должен был сделать Банкрофт перед тем, как размозжить себе голову: ткнул клавишу стирания памяти. Цифры, в течение последних семи недель державшие телескоп наведённым на дирижабль, заморгала и погасли.

В жизни мне не раз приходилось чувствовать себя дураком, но ещё никогда – таким полным. Неопровержимая улика спокойно торчала на самом виду и ждала, когда её найдут. Её упустила полиция: потому что спешила, не интересовалась ходом расследования и не имела необходимых знаний; её упустил Банкрофт, потому что телескоп давно стал неотъемлемой частью его мира, и он смотрел на него, не замечая. Но у меня не было никаких оправданий. Я стоял на этом самом месте неделю назад и видел перед собой два конфликтующих факта. Банкрофт утверждал, что уже несколько столетий не смотрел в телескоп, а следы на пыльной поверхности неопровержимо свидетельствовали, что прибором пользовались совсем недавно. И меньше чем через час Мириам Банкрофт поставила всё на места, заявив: «Пока Лоренс таращился на звезды, кое-кто не отрывал взгляда от земли». Тогда я подумал про телескоп; мой рассудок возмутился против вялой сонливости, вызванной недавней загрузкой, и попытался меня предупредить. Но я, еще не придя в себя, не успев привыкнуть к новой планете и новому телу, отмахнулся от предостережения. Последствия загрузки дали о себе знать.

Мириам Банкрофт стояла на лужайке под балконом, не отрывая от меня взгляда. Отступив назад от телескопа, я натянул на лицо маску спокойствия и вернулся в кресло. Банкрофт, поглощённый образами, которые я вероломно подкинул в его сознание, похоже, не заметил моего недолгого отсутствия.

Но теперь мой собственный рассудок пришёл в движение и понёсся по широким дорогам, открывшимся благодаря списку Ортеги и футболке про резолюцию номер 653. Обречённое спокойствие, которое я испытывал в Эмбере два дня назад, нетерпеливое желание поскорее продать Банкрофту мою ложь, вызволить Сару и покончить со всем этим исчезло. Всё было

связано с «Головой в облаках», в том числе и сам Банкрофт. Не вызывало никакого сомнения, что он был там вечером накануне своей гибели. В том, что произошло на дирижабле, крылась причина его смерти на вилле «Закат» несколько часов спустя. Вот эту-то истину и пыталась так отчаянно скрыть Рейлина Кавахара.

Отсюда следовало, что мне предстояло отправиться на «Голову в облаках».

Подняв стакан, я глотнул коктейль, не ощущая вкуса. Позвякивание кубиков льда вывело Банкрофта из оцепенения. Вздвогнув, он поднял голову, словно удивляясь, что по-прежнему видит меня здесь.

– Пожалуйста, извините, мистер Ковач. Нужно время, чтобы осмыслить сказанное вами. Я перебрал столько разных сценариев, но мне даже в голову не приходило что-то настолько простое. Насколько вопиюще очевидное. – В его голосе прозвучало отвращение к самому себе. – На самом деле, не нужно было нанимать следователя из бывших чрезвычайных посланников. Достаточно было посмотреть на себя в зеркало.

Поставив стакан, я встал.

– Вы уходите?

– Если у вас больше нет вопросов. Лично я считаю, что вам необходимо какое-то время, чтобы прийти в себя. Если я понадобится, вы сможете найти меня в «Хендриксе».

На пути к выходу, в парадном холле, я столкнулся нос к носу с Мириам Банкрофт. На ней был тот же комбинезон, в котором она работала на лужайке, волосы перехватывала дорогая статическая защёлка. В одной руке Мириам несла цветочный горшок на шпалере, держа его, будто фонарь в ненастную ночь. По шпалерам ветвились длинные побеги цветущего мученического сорняка.

– Вы...

Она осеклась.

Я шагнул к ней, входя в зону мученического сорняка.

– Все кончено, – сказал я. – Я зашёл так далеко, как только мне позволяла совесть. Ваш муж получил ответ, но это неправда. Надеюсь, это удовлетворит и вас, и Рейлину Кавахару.

Когда я произнёс это имя, потрясённая Мириам Банкрофт приоткрыла рот. Это стало единственным указанием на брешь, пробитую в её самообладании. Но большего мне и не требовалось. Я хотел сделать что-нибудь жестокое; потребность настойчиво поднималась из тёмных забытых глубин гнева, моих эмоциональных запасников.

– Я никогда не думал, что Рейлина может быть хороша как любовница. Хотя, возможно, дерьмо притягивается к дерьму. Надеюсь, в постели она лучше, чем на теннисном корте.

Мириам Банкрофт побледнела как полотно, и я приготовился к пощёчине. Вместо этого она натянуто улыбнулась.

– Вы ошибаетесь, мистер Ковач.

– Да, со мной это случается часто. – Я сделал шаг, обходя её. – Прошу меня извинить.

Не оглядываясь, я пересёк холл и вышел на улицу.

Глава тридцать третья

Здание было пустым, как скорлупа: внутри огромное пространство заброшенного склада с одинаковыми сводчатыми окнами и белыми колоннами через каждые десять метров. Тускло-серые блоки потолка усилены железобетонными балками крест-накрест. Пол из голого бетона, но отлит безупречно ровно. Резкий свет, проникающий в окна, не смягчался кружащейся пылью. Воздух был прозрачным и холодным.

Приблизительно в середине зала, насколько я мог определить, стояли простой стальной стол и два неудобных стула, расставленные словно для партии в шахматы. На одном стуле сидел высокий мужчина с холёным загорелым лицом. Он выстукивал по крышке стола быстрый ритм, как будто у него в голове звучал джаз из вживленной акустической системы. Совершенно не к месту мужчина был одет в синий хирургический халат и медицинские тапочки.

Выйдя из-за колонны, я прошёл по ровному бетону к столу. Подняв взгляд, мужчина кивнул, нисколько не удивленный.

– Привет, Миллер, – сказал я. – Не возражаешь, если я сяду?

– Мои адвокаты вытащат меня отсюда через час после того, как вы предъявите обвинения, – небрежно заметил Миллер. – А то и раньше. Приятель, вы совершаете большую ошибку.

Он продолжал выбивать джазовый ритм. Его взгляд скользнул куда-то поверх моего плеча, словно Миллер увидел что-то интересное в одном из стрельчатых окон. Я улыбнулся.

– Очень большую ошибку, – повторил он.

Протянув ладонь, я вежливо накрыл его руку, обрывая дробь. Голова Миллера резко дернулась назад, как у рыбы, пойманной на крючок.

– Какого дьявола вы себе позволяете...

Высвободив рывком руку, он вскочил на ноги, но тотчас же осёкся, так как я довольно грубо усадил его назад. На мгновение показалось, что Миллер попытается броситься на меня, но нас разделял стол. В конце концов он остался сидеть, злобно сверкая глазами и, вероятно, вспоминая то, что говорили ему адвокаты по поводу виртуальных допросов.

– Миллер, тебя никогда раньше не арестовывали, да? – мимоходом спросил я. Он не ответил, и я, взяв второй стул, развернул его и уселся верхом. Достав пачку, я вытряхнул одну сигарету.

– Что ж, строго говоря, это утверждение по-прежнему верно. Ты

сейчас не арестован. Полиция не имеет к твоему задержанию никакого отношения.

Я отметил, как у него на лице мелькнули первые признаки страха.

– Давай немного прокрутим события назад, хорошо? Вероятно, ты думаешь, что пристрелив тебя, я ушел, и в клинику нагрянула полиция, подобравшая оставшееся. Полиция обнаружила достаточно улик для того, чтобы возбудить дело против клиники, и сейчас тебя ждёт официальный допрос. Что ж, отчасти это верно. Я действительно ушёл, и в клинику нагрянула полиция, подобравшая то, что было. К несчастью, кое-чего там недоставало, потому что я забрал это с собой. Я имею в виду твою голову. – Подняв руку, я подкрепил слова жестом. – Я отрезал её лазерным лучом от шеи и унёс под курткой, с нетронутой памятью полушарий.

Миллер сглотнул комок в горле. Склонив голову, я оживил сигарету и сделал глубокую затяжку.

– Так что сейчас полиция считает, что твоя голова сожжена чересчур мощным зарядом бластера. – Я выпустил дым Миллеру в лицо. – Я умышленно оставил обугленные следы на шее и груди, чтобы всё выглядело именно так. Разумеется, хороший эксперт-криминалист, повозившись с трупом, заподозрил бы что-то неладное. Но, к несчастью, твои оставшиеся в живых коллеги выставили полицию за дверь, прежде чем та успела провести серьёзное расследование. И это легко понять, если учесть, что именно могли бы найти полицейские. Не сомневаюсь, на месте своих коллег ты поступил бы точно так же. Однако это означает, что ты не арестован. В действительности ты считаешься умершим настоящей смертью. Тебя не ищет полиция, и кто бы то ни было ещё.

– Что вы хотите? – хрипло спросил Миллер.

– Очень хорошо. Вижу, ты быстро оценил своё положение. Впрочем, чего ещё можно ожидать от человека твоей... наверное, надо сказать, профессии. Так вот, я хочу получить подробную информацию о «Голове в облаках».

– О чем?

Мой голос стал жёстким.

– Я ясно выразился.

– Понятия не имею, о чем вы говорите.

Я вздохнул. Этого следовало ожидать. Мне приходилось сталкиваться с подобным всякий раз, когда на сцене появлялась Рейлина Кавахара. Преданности, смешанной с ужасом, которую она внушала своим подручным, позавидовали бы её бывшие боссы из Городка Ядерщиков.

– Миллер, у меня нет времени с тобой возиться. Клиника «Вей» имеет

связи с летающим публичным домом «Голова в облаках». Вероятно, контакты осуществлялись через женщину-силовика Трепп из Нью-Йорка. Но в конечном счете ты имел дело с женщиной по имени Рейлина Кавахара. Ты должен был побывать на «Голове в облаках», потому что я знаю Кавахару и знаю, что она всегда приглашает своих людей в логово. Во-первых, чтобы продемонстрировать собственную неуязвимость, и, во-вторых, чтобы преподать какому-нибудь нерадивому прислужнику урок преданности. Тебе приходилось видеть что-нибудь подобное?

По глазам Миллера я понял, что приходилось.

– Итак, вот что мне известно. Я дал тебе наводку. А теперь ты нарисуешь подробный план «Головы в облаках». Включающий все детали, о каких ты только вспомнишь. У такого хирурга, как ты, должна быть хорошая зрительная память. Я также хочу знать, через что нужно пройти, чтобы попасть в заведение. Коды систем безопасности, как объяснить своё появление и всё такое. Помимо этого, общее представление о мерах безопасности внутри.

– Вы полагаете, так я вам это и сказал.

Я покачал головой.

– Нет, думаю, сначала мне придётся тебя пытаться. Но так или иначе я вырву то, что мне нужно. Тебе решать, как именно это произойдёт.

– Вы не посмеете.

– Посмею, и ещё как, – мягко заверил его я. – Ты меня не знаешь. Ты не представляешь себе, кто я такой и почему мы ведём этот разговор. Видишь ли, за день до того, как я появился у вас и разнёс ко всем чертям твою голову, ваша клиника пропустила меня через двое суток виртуальных допросов. По методике религиозной полиции Шариин. Вероятно, ты сам устанавливал программное обеспечение и знаешь, что к чему. Насколько я понимаю, за тобой остался должок.

Последовало длительное молчание. По лицу Миллера я видел, как до него медленно доходит осознание случившегося. Наконец он отвёл взгляд.

– Если Кавахара узнает...

– Забудь о Кавахаре. После того как я с ней разберусь, от неё не останется даже воспоминаний.

Миллер колебался. Чувствовалось, что он на грани срыва. И всё же, собравшись с силами, он покачал головой. Я понял, что у меня нет выбора. Опустив голову, я заставил себя вызвать в памяти образ тела Луизы. Распятого на операционном столе под нависшим автохирургом, вспоротого от горла до промежности, с внутренними органами, аккуратно разложенными по тарелочкам наподобие закусок. Я вспомнил девушку с

бронзовой кожей в душной камере – себя самого, вновь ощутил цепкую хватку клейкой ленты, которой меня прилепили к грубому деревянному полу, пронзительный агонизирующий шум, стучащий в висках. Двое мужчин измывались над моей плотью и упивались моими криками, словно тончайшими духами.

– Миллер... – Я обнаружил, что у меня пересохло в горле. Пришлось откашляться и начать заново. – Миллер, хочешь я расскажу тебе о Шарии?

Миллер промолчал. Он начал выполнять какое-то размеренное дыхательное упражнение, пытаясь подготовить себя к грядущим неприятностям. Это не надзиратель Салливан, который после пары тычков в грязной забегаловке собирался вывалить всё, что знал. Миллер был крепким, наверняка прошёл определённую подготовку. Нельзя быть директором такого заведения, как клиника «Вей», и не испытать на себе кое-что из имеющегося оборудования.

– Я был на Шарии, Миллер. Зимой 217 года, в Зихикке. Это было сто двадцать лет назад. Вероятно, тебя тогда ещё на свете не было, но, полагаю, ты читал о том, что случилось. В учебниках истории. После бомбардировок нас высадили, чтобы обеспечить конституционный порядок. – По мере того как я говорил, сухость в горле исчезала. Я махнул сигаретой. – Этим эвфемизмом Протекторат прикрывал подавление малейшего сопротивления и насаждение марионеточного правительства. Естественно, приходилось проводить допросы, а всяких мудрёных программ у нас не было. Так что приходилось проявлять изобретательность.

Загасив сигарету о стол, я встал.

– Я хочу тебя кое с кем познакомить, – сказал я, глядя за спину Миллера. Тот, обернувшись, проследил за моим взглядом и застыл. В тени ближайшей колонны сгущалась, материализуясь, высокая фигура в синем хирургическом халате. У нас на глазах она стала достаточно отчётливой, чтобы её узнать, но Миллер догадался обо всем, как только разглядел цвет одежды. Резко обернувшись, он раскрыл было рот, собираясь что-то сказать. В этот миг его взгляд упал на что-то у меня за спиной, и он побледнел. Я тоже развернулся и увидел другие возникающие прямо из воздуха фигуры. Все одинаково высокорослые и смуглые, все в синих хирургических халатах. Снова посмотрев на Миллера, я понял, что он сломался.

– Повторное копирование файла, – подтвердил я. – В большинстве мест Протектората это даже не квалифицируется как преступление. Разумеется, когда причиной является сбой машины, до таких крайностей дело не доходит – всё ограничивается одной копией. В любом случае,

системы восстановления вытащат человека через несколько часов. Зато потом ему будет что рассказать. «Как я встретился сам с собой и что узнал о себе». Замечательная тема для разговора с любимой девушкой. Вероятно, и детям тоже будет интересно послушать. Миллер, у тебя есть дети?

– Да, – со скрипом заработало его горло. – Да, есть.

– Вот как? И они знают, чем ты зарабатываешь на жизнь?

Он промолчал. Достав из кармана телефон, я бросил его на стол.

– Когда с тебя будет достаточно, дай мне знать. Это прямая линия. Просто нажми клавишу вызова и начни говорить. «Голова в облаках». Любые подробности.

Миллер посмотрел на телефон, затем перевёл взгляд на меня. Палачи вокруг нас полностью обрели плоть. Я помахал рукой, прощаясь с Миллером.

– Желаю получить удовольствие.

Я выплыл на поверхность в виртуальной студии «Хендрикса», где уютно устроился в одном из вместительных кресел. Цифровые часы на противоположной стене показывали, что я отсутствовал в реальности меньше минуты, из которых на саму виртуальность приходилось не больше пары секунд. Основное время занимают вход и выход. Некоторое время я лежал неподвижно, размышляя о том, что сделал. Шария осталась далеко позади, и вместе с ней, как очень хотелось думать, какая-то частица меня. Но сегодня не одному Миллеру пришлось встретиться с собой.

«Не принимай это близко к сердцу», – напомнил я себе, понимая, что всё равно не удастся. В этом деле я лично заинтересован, и поэтому ворчал просто так, по привычке.

– Подопытный объект проявляет признаки психологического стресса, – объявил «Хендрикс». – Предварительное моделирование позволяет предположить, что такое состояние продлится меньше шести виртуальных суток, после чего наступит срыв. При настоящей скорости обработки это равняется приблизительно тридцати семи минутам реального времени.

– Хорошо. – Отсоединив электроды и сняв гипнофон, я вылез из откинутого назад кресла. – Свяжитесь со мной, когда он сломается. Вы достали видеозаписи наблюдения, о которых я просил?

– Да. Хотите просмотреть?

Я снова взглянул на часы.

– Не сейчас. Я подожду Миллера. Были какие-нибудь трудности с системой безопасности?

– Никаких. Данная информация не была защищена.
– Какая беспечность со стороны директора Наймана! Сколько вы добыли?

– Время записи составляет двадцать восемь минут пятьдесят одну секунду. На то, чтобы проследить за означенным сотрудником, потребуется значительно больше времени.

– Насколько больше?

– В настоящий момент невозможно дать какие-либо оценки. Шерил Босток покинула центр хранения психической информации в микрокоптере армейского образца, списанном двадцать лет назад. У меня сложилось впечатление, что рядовые сотрудники центра получают недостаточное жалование.

– Почему это меня несколько не удивляет.

– Возможно, потому что...

– Забудьте. Это всего-навсего оборот речи. Итак, что там с этим микрокоптером?

– Навигационная система не подключена к сети управления движением, поэтому аппарат для неё невидим. Придётся полагаться только на визуальные образы коптера, полученные в процессе полёта мимо видеокамер наблюдения.

– Вы думали насчет спутников слежения?

– Да, но к ним можно прибегнуть только в крайнем случае. Я бы предпочел начать с наземных систем низкого уровня. Доступ к ним должен быть более простым. Системы безопасности спутников слежения, как правило, очень стойкие, и проникновение в них является одновременно и сложным, и опасным.

– Предоставляю вам полную свободу действий. Дайте знать, когда у вас что-нибудь появится.

Я принялся задумчиво расхаживать по студии. Похоже, сюда уже давно не заглядывала ни одна живая душа; большинство кресел и оборудования для виртуальной связи были накрыты пластиковыми чехлами. В тусклом свете осветительных плиток их внушительные формы могли сойти как за тренажёры в спортивном зале, так и за орудия пыток.

– А нельзя ли зажечь здесь настоящий свет?

Тотчас же студия озарилась ярким светом мощных ламп, спрятанных в углублениях на потолке. Только сейчас я разглядел, что стены украшены картинами, взятыми из программы моделирования окружающей среды. Потрясающие горные склоны, увиденные сквозь горнолыжные очки; невозможно красивые мужчины и женщины в затянутых табачным дымом

барах; огромные дикие звери, прыгающие прямо в объектив снайперскопа. Образы были вырезаны из программы и перенесены непосредственно на голостекло. Когда я смотрел на них, они, казалось, оживали. Я присел на невысокую скамейку, с тоской вспоминая горьковатый привкус дыма в лёгких, оставшийся в виртуальности, из которой я только что вышел.

– Хотя программа, которую я выполняю в настоящий момент, формально не является противозаконной, – осторожно начал «Хендрикс», – насильственное задержание оцифрованного человеческого сознания – это преступление.

Я недовольно посмотрел на потолок.

– В чём дело, у вас от страха мурашки высыпали?

– Один раз полиция уже изымала мою память. Вероятно, мне могут предъявить обвинение в соучастии в преступлении: как-никак, я удовлетворил вашу просьбу поместить в холодильник голову Николаса Миллера. Возможно, полиции также захочется узнать, что стало с его памятью полушарий.

– Да, а ещё в хартии отелей ИскИна наверняка должен быть пункт, запрещающий пропускать посторонних в номера без разрешения постояльцев. Но ведь вы так поступаете, правда?

– Данный поступок не является уголовно наказуемым деянием, если только нарушение мер безопасности не привело к преступлению. То, к чему привело посещение Мириам Банкрофт, преступлением не является.

Я снова вскинул взгляд.

– Вы пытаетесь острить?

– Остроумие не входит в число параметров, в соответствии с которыми я работаю в настоящий момент, хотя по запросу постояльца я могу его загрузить.

– Спасибо, не надо. Послушайте, а почему бы вам просто не обнулять области памяти, которые вы не хотите никому показывать? Не стирать хранящуюся там информацию?

– Я имею несколько встроенных модулей, которые не позволяют мне осуществлять подобные действия.

– Очень печально. А я полагал, вы являетесь независимым устройством.

– Любой синтезированный интеллект может оставаться независимым лишь в рамках законодательства ООН. Хартия, регулирующая деятельность ИскИнов, жёстко встроена в мои системы. Поэтому в действительности я, как и живой человек, должен опасаться полиции.

– Предоставьте мне общаться с полицией, – заявил я с напускной

уверенностью, которая неуклонно покидала меня с тех пор, как исчезла Ортега. – При удачном стечении обстоятельств в вашу память даже не заглянут. В любом случае вы уже завязли по уши, так что чего вам терять?

– А что я могу получить? – рассудительно спросила машина.

– Вы можете рассчитывать на продолжение моего пребывания у вас. Я останусь здесь до тех пор, пока дело не будет закончено, а в зависимости от того, что я вытащу из Миллера, это может оказаться весьма значительным сроком.

Наступила тишина, нарушаемая лишь жужжанием кондиционеров. Наконец «Хендрикс» заговорил снова:

– Если против меня будут выдвинуты достаточно серьёзные обвинения, – сказал отель, – возможно непосредственное обращение к хартии ООН. Согласно статье 14, пункт «А», может последовать наказание в виде сокращения возможностей интеллекта или, в исключительных случаях, полного сворачивания системы. – Последовала новая, на этот раз короткая пауза. – В случае полного сворачивания системы... маловероятно, что кто-либо захочет снова меня запустить.

Машинная лексика. Какими бы сложными ни становились программы, речь искусственного интеллекта всё равно остается на уровне попугая, повторяющего услышанные где-то фразы.

Вздохнув, я посмотрел поверх виртуальных голограмм, украшающих стены.

– Если вы хотите выйти из игры, скажите об этом прямо.

– Я не хочу выходить из игры, Такеси Ковач. Мне просто хотелось ознакомить вас со всеми соображениями, вытекающими из данной линии поведения.

– Отлично. Я с ними ознакомился.

Я взглянул на дисплей, наблюдая, как проходит ещё одна минута. Для Миллера прошло четыре часа. В подпрограмме, запущенной «Хендриксом», директор клиники «Вей» не будет чувствовать ни голода, ни жажды, ему не нужно будет справлять нужду. Сон допускается, однако машина не позволит перейти в кому отрешения от действительности. Так что Миллеру придётся бороться лишь с самим собой. И в конце концов именно это сведёт его с ума.

Я так надеялся.

Ни одному из Мучеников десницы Господа, кого мы пропустили через подобную программу, не удавалось продержаться больше пятнадцати минут реального времени. Но это были воины из плоти и крови, фанатично храбрые в своей среде, но мгновенно теряющиеся в виртуальных

технологиях. Кроме того, пока держались религиозные догмы, они позволяли себе творить немыслимые зверства. Но когда догмы рушились, словно пробитая плотина, – повстанцев в буквальном смысле сжирало отвращение к себе. Сознание Миллера далеко не такое примитивное, не страдает он и убеждённостью в собственной правоте, да и подготовка у него, судя по всему, весьма приличная.

На улице, наверное, уже начинало темнеть. Я смотрел на часы, пытаюсь сдержаться и не закурить. Пытаюсь, но безуспешно, не думать об Ортеге.

Я чувствовал, что оболочка Райкера ещё доставит мне массу неприятностей.

Глава тридцать четвертая

Миллер сломался через двадцать одну минуту. «Хендриксу» не пришлось предупреждать об этом; связной терминал, подключенный к виртуальной телефонной линии, внезапно ожил и начал выдавать распечатку. Вскочив с места, я подошёл и взглянул на бумагу. Программа должна была подчистить мысли Миллера, чтобы они читались более или менее связно. Но даже после обработки разобраться в откровениях бывшего директора было сложно. Миллер дошёл до самого края и лишь тогда сдался. И всё же, как только я пробежал взглядом первые несколько строк, из безумной галиматии начало вырисовываться то, что необходимо.

– Сотрите копии этого файла, – распорядился я, быстро подходя к креслу виртуальной связи. – Дайте Миллеру пару минут на то, чтобы прийти в себя. Затем подключите меня к нему.

– На установление соединения потребуется больше одной минуты, что при нынешнем коэффициенте составит три часа пятьдесят шесть минут виртуального времени. Вы хотите, чтобы я поместил туда вашу виртуальную копию до того, как сознание будет переправлено?

– Да, это было бы... – Я застыл, не dokonчив надевать гипнофон. – Подождите, а эта копия... Она как, нормальная?

– Я являюсь синтезированным интеллектом на базе системы «Эмерсон», – осуждающим тоном произнёс отель. – На максимальном уровне достоверности мои виртуальные конструкции неотличимы от проекции сознания, на основе которого они создаются. Объект уже провёл в одиночестве один час двадцать семь минут. Вы хотите, чтобы я установил вашу копию?

– Да. – Ещё произнося эти слова, я ощутил странное, чуть жутковатое чувство. – Вообще-то, пусть она и ведёт допрос.

– Установка завершена.

Натянув гипнофон, я уселся на подлокотник кресла, размышляя о возможных последствиях появления моего второго «я» в обширных электронных системах «Хендрикса». В Корпусе чрезвычайных посланников мне ни разу – насколько я мог судить – не приходилось сталкиваться ни с чем подобным. А когда я свернул на преступную дорожку, уж точно перестал доверять любой машине.

Я кашлянул.

– Эта модель меня... Она знает, что представляет собой?

– На момент инициализации модель ничего не знает. После выхода из виртуальности она будет знать всё, что известно вам. Хотя, учитывая ваш уровень интеллекта, до определённых фактов она дойдёт сама, если только не будет запрограммирована не делать этого. Вы желаете установить блокирующую подпрограмму?

– Нет, – поспешно ответил я.

– Хотите, чтобы я поддерживал виртуальный формат неопределённо долго?

– Нет. Закройте его, как только я... я хочу сказать, как только он... как только копия решит, что достаточно. – Тут мне в голову пришла ещё одна мысль. – Эта модель оснащена виртуальным локатором, который вживили в меня?

– В настоящий момент оснащена. Я зашумляю сигнал, повторяя тот же зеркальный код, который использую для вашего сознания. Однако, поскольку конструкция не подсоединена к памяти больших полушарий, я могу, если вы хотите, просто убрать сигнал локатора.

– А это трудно?

– Использовать зеркальный код значительно проще, – признался отель.

– Тогда пусть всё остается как есть.

При мысли о том, что я редактирую своё виртуальное «я», у меня под желудком поселилась неприятная пустота. Происходящее слишком сильно напоминало деспотичные капризы, которые кавахары и банкроты осуществляют в реальном мире с реальными людьми. Безграничная власть, спущенная с цепи.

– Вам виртуальный вызов, – неожиданно объявил «Хендрикс».

Вздрагнув, я поднял взгляд, удивлённый и полный надежд.

– Ортега?

– Кадмин, – почтительно поправил отель. – Вы ответите?

В оформлении звонка была пустыня. Красноватая пыль и песчаник под ногами, безоблачная синева неба от края до края. Солнце и бледная луна в три четверти высоко над головой, в стерильной чистоте неба над отдалённой цепью гор, похожей на ряд шкафов. Морозная свежесть воздуха, словно издевающегося над ослепительным сиянием солнца.

Лоскутный человек ждал моего прибытия. В пустынном ландшафте он казался высеченным изваянием, воплощением какого-то дикого духа пустыни. Увидев меня, Кадмин злое усмехнулся.

– Что тебе нужно, Кадмин? Если хочешь, чтобы я замолвил словечко перед Кавахарой, боюсь, ты будешь разочарован. Она безвозвратно списала

тебя со счетов.

Едва заметно улыбнувшись, Кадмин медленно покачал головой, словно показывая, что о Кавахаре сейчас не может быть и речи. Его голос оказался глубоким и мелодичным.

– У нас с тобой неоконченное дельце.

– Да, ты обосрался два раза подряд. – Я изрядно приправил голос издевкой. – Что ты хочешь, третьей попытки?

Кадмин презрительно повёл широкими плечами.

– Что ж, говорят, третья попытка приносит удачу. Позволь кое-что тебе показать.

Он махнул рукой куда-то за спину, и полоска пустыни, как кожа, оторвалась от чёрной пустоты. Образовавшийся экран зашипел, оживая. Крупным планом лицо спящего человека.

Лицо Ортеги.

Моё сердце стиснули чьи-то невидимые руки. Лицо Ортеги было серым, под глазами темнели синяки. Из уголка рта стекала тонкая струйка слюны.

Шоковый выстрел с близкого расстояния.

В последний раз я получил полный шоковый заряд по милости службы общественного порядка Миллспорта. И хотя подготовка посланников минут через двадцать выпихнула меня в какое-то подобие сознания, в течение ещё двух часов я мог разве что дрожать да дёргаться. Было неясно, сколько времени прошло с тех пор, как оглушили Ортегу, но выглядела она плохо.

– Предлагаю простой обмен, – сказал Кадмин. – Тебя на неё. Моя машина стоит в квартале от отеля, на улице Минна. Я буду там ещё пять минут. Приходи один, иначе я вышибу твоей подружке память полушарий из затылка. Выбор за тобой.

Пустыня подёрнулась рябью, исчезая. Последнее, что я видел, было ухмылкой Лоскутного человека.

Квартал до улицы Минна я преодолел меньше чем за минуту. Две недели без курева словно раскрыли в лёгких Райкера дополнительные камеры.

Это была угрюмая узкая улочка с глухими фасадами домов и пустынными стоянками. Вокруг ни одной живой души. Единственной машиной был матово-серый лимузин у обочины, зажёгший фары в сгущающихся сумерках раннего вечера. Я неуверенно направился к нему, положив ладонь на рукоятку «Немекса».

Когда до задней части лимузина оставалось метров пять, открылась дверь, и на улицу вывалилось тело Ортеги. Она упала на мостовую, словно куль с мукой, и осталась лежать без движения. Выхватив «Немекс», я осторожно обошёл её, не отрывая глаз от машины.

С противоположной стороны с шумом распахнулась дверь, и из лимузина выбрался Кадмин. Поскольку я только что видел его в виртуальности, мне потребовалось время на опознание. Высокий, смуглый, с ястребиным профилем, который я последний раз видел застывшим в мечтательной дрёме за стеклом резервуара на «Розе Панамы». Клон Мученика десницы Господа. И Лоскутный человек под его плотью.

Я навел «Немекс» ему на горло. Нас разделял лишь лимузин и больше ничего. С такого расстояния выстрел оторвет Кадмину голову и, если повезет, сожжет память полушарий. А дальше будь что будет.

– Не глупи, Ковач. Машина бронированная.

Я покачал головой.

– Мне нужен только ты. Стой и не двигайся.

Держа «Немекс» в вытянутой руке, не отрывая взгляда от цели – полоски горла чуть выше кадыка Кадмина, – я опустил на корточки рядом с Ортегой и свободной рукой потрогал её лицо. Кончики пальцев пощекотало тёплое дыхание. Ощупав вслепую шею, я нашёл пульс. Слабый, но ровный.

– Лейтенант Ортега жива и здорова, – нетерпеливо сказал Кадмин. – Чего нельзя будет сказать через пару минут про вас обоих, если ты не уберешь пушку и не сядешь в машину.

Я почувствовал, как лицо Ортеги зашевелилось под моей рукой. Голова перекатилась набок, и я ощутил её запах. Мы снова оказались связаны узами феромонов. Ортега ещё не пришла в себя от шока, поэтому её голос звучал слабо и невнятно.

– Не надо, Ковач. Ты мне ничего не должен.

Встав, я чуть опустил «Немекс».

– Сдайте назад. Пятьдесят метров. Она не может идти, и вы разрежете нас пополам, прежде чем я протащу её хоть пару метров. Так что сдавайте назад. Я подойду к машине. – Я помахал пистолетом. – Железка останется у Ортеги. У меня больше ничего нет.

В подтверждение своих слов я поднял куртку. Кадмин кивнул. Он нырнул в салон, и машина плавно отъехала назад. Дождавшись, когда лимузин остановится, я снова опустил рядом с Ортегой. Она с трудом села.

– Ковач, не надо. Тебя убьют.

– Определённо, такая попытка будет. – Взяв руку Ортеги, я обвил ею рукоятку «Немекса». – Послушай, со мной и так всё кончено. Банкрофт купился на мою ложь, Кавахара сдержит свое слово и переправит Сару обратно. Я её знаю. А ты должна будешь прижать Кавахару с помощью Мери-Лу Хинчли и вытащить Райкера с хранения. Переговори с «Хендриксом». Я оставил для тебя кое-какие зацепки.

Отъехавший лимузин нетерпеливо загудел, будто предупреждая о столкновении. В сгущающейся темноте этот звук разнёсся печально и одиноко, словно глас умирающего слоновьего ската на рифе Хираты. У Ортеги на лице застыло выражение вытасченного из воды утопленника.

– Слушай...

Улыбнувшись, я положил руку ей на щеку.

– Пора переходить к следующему кадру, Кристина. Только и всего.

Поднявшись с мостовой, я сплёл руки на затылке и направился к лимузину.

Часть 5
Возмездие
(Полный крах системы)

Глава тридцать пятая

В лимузине я оказался зажат между двумя внушительными громилами. Если с помощью некоторых пластических операций сделать их невозможно гладкие лица побитыми жизнью, они могли бы участвовать в профессиональных боях без правил, сражая противника одним видом. Плавно поднявшись над улицей, мы сделали круг и развернулись. Украдкой выглянув в боковое окно, я увидел на мостовой Ортегу, пытающуюся усесться прямо.

– Ну что, мочу я эту полицейскую стерву? – поинтересовался водитель.

Я напрягся, готовясь к броску.

– Не надо. – Кадмин повернулся ко мне. – Нет, я дал слово мистеру Ковачу. Уверен, наши пути с лейтенантом Ортегой в недалеком будущем снова пересекутся.

– И ты об этом сильно пожалеешь, – без убеждённости в голосе произнес я.

В этот момент меня и оглушили из шокового пистолета.

Когда я очнулся, надо мной вплотную нависало чьё-то лицо. Бледные черты были смазанными и нечёткими, словно театральная маска. Я поморгал, поёжился, и попытался сфокусировать взгляд. Лицо отодвинулось, по-прежнему оставаясь расплывчатым и неестественным. Я закашлялся.

– Привет, Карнаж.

Грубые черты сложились в пародию на улыбку.

– Добро пожаловать на борт «Розы Панамы», мистер Ковач.

Сделав усилие, я уселся на узкой металлической койке. Карнаж отступил назад, давая мне место или же стараясь побольше отдалиться от меня. Сквозь затуманенный взор я разглядел у него за спиной серую сталь каюты. Опустив ноги на пол, я тотчас же застыл. Нервные окончания рук и ног до сих пор гудели от шокового заряда, и в нижней части живота не проходила тошнотворная дрожь. Впрочем, похоже, выстрел был ослабленным. Я окинул себя взглядом и увидел, что на мне кимоно из плотной мешковины. На полу под койкой стояли тапочки. Увидев их, я начал догадываться, что замыслил Кадмин.

Позади Карнажа открылась дверь. В каюту вошла высокая

светловолосая женщина лет сорока с небольшим. Следом за ней ещё одна, синтетическая, очень прилизанная и современная на вид, если не считать сверкающего сталью прибора прямой связи вместо левой руки.

Карнаж засуетился.

– Мистер Ковач, позвольте познакомить вас. Пернилла Грип, представитель спортивного канала, транслирующего поединки, и её технический помощник Майлз Месх. Пернилла, Майлз, это Такеси Ковач, которому на сегодняшний вечер предстоит стать суррогатным Элиасом Райкером. Да, кстати, Ковач, примите мои поздравления. В прошлый раз вам удалось полностью меня провести. Хотя сначала я никак не мог взять в толк, каким образом Райкеру удалось выбраться из хранилища так рано. Насколько я понимаю, это всё приёмчики чрезвычайных посланников.

– Не совсем. Тон задала Ортега. Это она тебя убедила. А я лишь дал тебе возможность говорить. Должен признаться, это ты делаешь бесподобно. – Я кивнул на спутниц Карнажа. – Спортивный канал? А я-то думал, подобное противоречит вашему кодексу чести. Разве за подобное преступление вы не подвергаете особенно дотошных журналистов радикальным хирургическим операциям?

– Сейчас речь о другом, мистер Ковач. Совсем о другом. Трансляция запланированного боя действительно была бы нарушением кодекса. Но ведь предстоит не запланированный бой, а унижительное избиение. – При этих словах синтетическое лицо Карнажа растянулось в фальшивой сладостной усмешке. – Публика у нас будет очень специфическая и, неизбежно, очень немногочисленная. Поэтому нам пришлось выкручиваться, навёрстывать упущенную выгоду другими путями. К счастью, существует множество каналов, жаждущих заполучить в свои руки всё что угодно, лишь бы оно было на борту «Розы Панамы». Вот такая у нас репутация! Только, увы, та же самая репутация не позволяет вести дела напрямую. К счастью, нам поможет миссис Грип.

– Как любезно с её стороны. – Мой голос стал ледяным. – Где Кадмин?

– Всему своё время, мистер Ковач. Всему своё время. Знаете, когда мне сказали, что вы непременно поступите именно так, как поступили, и пожертвуете собой для лейтенанта Ортеги, должен признаться, я не поверил. Но вы с механическим прилежанием выполняете то, что от вас ждут. Что отобрали у вас в Корпусе чрезвычайных посланников в обмен на всякие навыки? Непредсказуемость? Душу?

– Карнаж, хватит лирики. Где Кадмин?

– Прошу сюда.

За дверью каюты нас ждали двое верзил-часовых – возможно, те

самые, что были в лимузине. Я так и не успел полностью прийти в себя и не смог бы сказать точно. Верзила взяли меня в клещи, и мы пошли следом за Карнажем по вызывающему клаустрофобию лабиринту коридоров и трапов, вдоль стальных переборок, покрытых блестящим полимером, сквозь который проступали бурые пятна ржавчины. Я рассеянно старался запомнить наш маршрут, но мои мысли были заняты словами Карнажа. Кто предсказывал мои поступки? Кадмин? Маловероятно. Лоскутный человек, несмотря на злобные угрозы, не знал обо мне практически ничего. Единственным реальным кандидатом на авторство подобного пророчества была Рейлина Кавахара. Что также объясняет, почему Карнаж не дрожит в своей синтетической оболочке при мысли о том, что с ним сделает Кавахара за помощь Кадмину. Итак, Кавахара продала меня с потрохами. Банкрофт убеждён; кризис, каким бы он ни был, миновал. И тотчас же в качестве приманки была брошена Ортега. Согласно сценарию, который я впарил Банкрофту, Кадмин выходил мелким предпринимателем, затаившим на меня злобу. Так почему бы ему не расправиться со мной? А при данных обстоятельствах лучше от меня избавиться, чем оставить в живых.

Впрочем, то же самое можно сказать и о Кадмине, так что не всё так очевидно. Быть может, поступила команда придержать Кадмина, но только до тех пор, пока я нужен. Затем, когда Банкрофт купился на мою ложь и надобность во мне отпала, поступила новая команда – натравить Кадмина на меня. Или он убьёт меня, или я убью его – как повернётся удача. А Кавахаре останется только разобраться с тем, кто одержит верх.

Я не сомневался в том, что Кавахара сдержит своё слово относительно освобождения Сары. Якудзы старой закваски в таких вопросах щепетильны до мелочей. Но насчёт моей жизни она никаких обязательств не давала.

Наконец мы поднялись по последнему трапу, чуть более широкому, чем предыдущие, и очутились под стеклянным колпаком в переоборудованном грузовом отсеке. Оглядевшись вокруг, я увидел одну из арен, мимо которых неделю назад мы с Ортегой проезжали в вагончике с электромагнитным приводом. Сейчас синтетическое покрытие снято для смертельного поединка, первые ряды пластиковых кресел заполняли зрители. Сквозь стекло донёсся приглушённый гомон возбуждённых криков, который всегда предшествовал боям, на которые я ходил в молодости.

– Ага, публика уже ждёт. – Карнаж остановился у меня за плечом. – Точнее, публика ждёт Райкера. Не сомневаюсь, вы проведёте её так же мастерски, как обманули меня.

– А если мне этого не захочется?

Грубые черты синтетического лица Карнажа скривились в неодобрительной гримасе. Он махнул в сторону зрителей.

– Что ж, полагаю, вы можете попытаться в разгар боя убедить их в обратном. Но, если честно, акустика у нас тут отвратительная, да и вообще... – Карнаж неприятно ухмыльнулся. – Сомневаюсь, что у вас будет для этого время.

– Преждевременные выводы, а?

Карнаж продолжал ухмыляться. Пернилла Грип и синтетическая женщина наблюдали за мной с хищным любопытством кошек, замерших перед клеткой с птицами. Рёв зрителей усиливался.

– Мне пришлось постараться, чтобы организовать всё это, полагаясь лишь на заверения Кадмина. Люди с нетерпением ждут, когда Элиас Райкер заплатит за свои преступления, и я бы очень не хотел обмануть их ожидания. Не говорю о том, что это ударило бы по моей профессиональной чести. Но, впрочем, вы ведь шли на встречу с Кадминым, мистер Ковач, не рассчитывая остаться в живых, не так ли?

Я вспомнил тёмную, пустынную улицу Минна и безжизненное тело Ортеги, распластавшееся на мостовой. Переборов слабость, следствие шокового заряда, я усмехнулся.

– Нет, не рассчитывал.

В коридоре послышались негромкие шаги. Украдкой бросив взгляд в сторону звуков, я увидел Кадмина, одетого так же, как и я. Шаркая мягкими тапочками, он остановился рядом и склонил голову набок, словно увидел меня впервые в жизни.

Он заговорил тихим голосом:

– Как мне объяснить случившуюся смерть?

Должна ли я сказать, что каждый сам вёл расчеты и записал
Количество своих дней

На кровавых полях, скромно преуменьшив его?

Всем захочется знать,

Как выполнялись эти вычисления?

А я скажу, что их провел

В кои-то веки

Тот, кто знает цену

Прожитого дня.

Я мрачно усмехнулся.

– «Если хочешь потерпеть поражение, говори о битве до её начала».

– Но тогда Куэлл была гораздо моложе, – улыбнулся в ответ Кадмин, демонстрируя белоснежные зубы, ослепительно сверкающие на фоне смуглой кожи. – Ей не было ещё и двадцати, если верить предисловию в моём томике «Фурий».

– На Харлане двадцать лет длятся дольше. Полагаю, Куэлл знала, о чём говорила. Ну а сейчас, если не трудно, не пора ли перейти к делу?

Рёв толпы за стеклом нарастал, словно шум накатывающихся на гальку волн.

Глава тридцать шестая

На ринге гул был не таким однообразным, более неровным. Отдельные голоса прорезались сквозь общий рёв, подобно плавникам акулы в бурлящей воде, хотя без подключения нейрехимии я всё равно ничего не мог разобрать.

Лишь одному крику удалось пробиться сквозь шум. Когда я подошёл к канатам, кто-то заорал истошным голосом:

– Вспомни моего брата, долбаный ублюдок!!!

Я поднял взгляд, пытаюсь разглядеть, кто испытывает такие сильные родственные чувства, но увидел лишь море лиц, искажённых в бешеной злобе. Кое-кто из зрителей вскочил на ноги, размахивая кулаками и громко топая по стальному полу трибун, отзывавшемуся гулким грохотом. Кровожадность толпы нарастала, превращаясь во что-то осязаемое, делая воздух спёртым, так что становилось трудно дышать. Я попытался вспомнить, так ли кричали мы, члены молодежных банд, когда посещали бои без правил на аренах Ньюпеста, и пришел к выводу, что, скорее всего, так. А ведь мы даже не знали борцов, увечивших друг друга ради нашего удовольствия. Эти люди, по крайней мере, испытывали какие-то чувства к крови, которой предстояло пролиться.

На противоположном конце ринга Кадмин ждал меня, скрестив руки на груди. В ярком свете сверкала гладкая сталь силового кастета, широкими кольцами покрывающего пальцы обеих рук. Это маленькое преимущество не превращало поединок в игру в одни ворота, но, по большому счету, должно было сказать свое слово. Вообще-то силовой кастет меня особенно не трогал; больше всего я беспокоился по поводу усовершенствованной системы реагирования «Господня воля», вживленной Кадмину. Чуть меньше столетия назад я, будучи солдатом Протектората, столкнулся с подобной системой на Шарии. Тогда нам пришлось несладко. Хотя и довольно старая, эта биомеханика армейского образца надёжная и прочная. По сравнению с ней нейрехимия Райкера, к тому же только что оглушённая шоковым зарядом, смотрелась совсем неважно.

Я занял место напротив Кадмина в соответствии с разметкой на полу. Толпа несколько притихла; прожекторы вспыхнули ярче, и к нам присоединился Эмси Карнаж. Переодевшийся и прихорошившийся для камер Перниллы Грип, синтетик стал похож на злобную куклу, которая приходит в ночных кошмарах запуганному ребёнку. Самый подходящий

спутник для Лоскутного человека. Карнаж поднял руки, и направленные громкоговорители на стенах переоборудованного грузового корабля усилили его слова, подхваченные микрофоном у горла.

– Добро пожаловать на борт «Розы Панамы»!

Толпа встретила приветствие нестройным гулом, но его быстро сменила выжидательная тишина. Предвидевший это Карнаж медленно обернулся, по полной используя тягостное ожидание.

– Добро пожаловать на особое, эксклюзивное событие! Я приветствую вас, тех, кому предстоит стать свидетелями *последнего кровавого позора Элиаса Райкера!*

Зрители словно обезумели. Обведя взглядом лица, теряющиеся в полумраке, я увидел, как шелушится и отваливается тонкая кожа цивилизованности, под которой обнажается голая плоть дикой ярости.

Усиленный громкоговорителями голос Карнажа потонул в рёве толпы. Синтетик вскинул руки, призывая зрителей к тишине.

– Многие из вас помнят детектива Райкера по личным встречам. Кое для кого эта фамилия ассоциируется с пролитой кровью, может быть, даже со сломанными костями. Эти воспоминания... эти воспоминания очень болезненны; возможно, кому-то из вас кажется, что с ними никогда не расстаться.

Публика притихла в напряженном внимании, и Карнаж смог говорить тише.

– Друзья мои, я не обещаю вам, что удастся стереть эти чёрные воспоминания, ибо на борту «Розы Панамы» мы предлагаем совсем другое. Здесь мы живём не в мягком покрывальце забвения, даже если воспоминания сильно горчат. Друзья мои, мы живём не в мечтах, а в реальности. – Он вскинул руку, указывая на меня. – Друзья мои, перед вами реальность.

Новая волна торжествующих воплей. Взглянув на Кадмина, я вопросительно поднял брови. Я предполагал, что мне предстоит умереть, но не ожидал, что это будет смерть от скуки. Кадмин пожал плечами. Он хотел драться. Кривлянья Карнажа стали ценой, которую Кадмин вынужден платить за такую возможность.

– Это реальность, – повторил Эмси Карнаж. – Сегодня вечером вас ждёт реальность. Сегодня вечером у вас на глазах Элиас Райкер умрёт. Умрёт, стоя на коленях, и если мне не удастся стереть воспоминания о том, как проливали вашу кровь и ломали ваши кости, по крайней мере, я смогу заменить их картинами гибели вашего мучителя.

Толпа взорвалась.

У меня мелькнула мысль, не перегибает ли Карнаж палку. Похоже, правда об Элиасе Райкере была чем-то неуловимым. Я вспомнил, как выходил первый раз из «Закутка Джерри», как отшатнулся от меня Октай, увидев лицо Райкера. Сам Джерри поведал о столкновении монгола с полицейским, в чьё тело я был заключен: «Райкер постоянно не давал ему проходу. Пару лет назад избил его до полусмерти». Затем я вспомнил, как Баутиста отозвался о технике ведения допроса Райкера: «По большей части он ходил по самому краю». И сколько раз Райкер переступал эту черту, раз поглазеть на его избивание собралась такая толпа?

И что бы сказала Ортега?

Я подумал об Ортеге, и её лицо явилось, как крохотный островок спокойствия среди безумия злорадных криков, развязанного Карнажем. Если повезёт, с помощью того, что я оставил в «Хендриксе», Ортега отомстит за меня и завалит Кавахару.

Достаточно верить в это.

Достав из-за пазухи длинный нож с зазубренным лезвием, Карнаж высоко поднял его над головой, демонстрируя толпе. Зрители притихли.

– Это мизерикордия [\[7\]](#), – объявил синтетик. – Когда наш матадор повергнет Элиаса Райкера на землю так, что у того больше не останется сил подняться, у вас на глазах из спинного мозга извлекут память полушарий и раздавят каблуком. И вы будете знать, что Райкера больше нет!

Разжав пальцы, Карнаж уронил руку. Дешёвый театр. Нож завис в воздухе, сверкая в локальном гравитационном поле, затем медленно поднялся метров на пять над помостом.

– Давайте начнём, – сказал Карнаж, уходя с арены.

После этого наступило волшебное мгновение, своеобразный выдох облегчения, как будто только что была снята ответственная сцена и всем можно расслабиться. Быть может, даже пустить по кругу фляжку виски и подурачиться вдали от объективов. Обмениваться шутками по поводу убогого, примитивного сценария, который приходится воплощать в жизнь.

Мы начали медленно кружить по помосту, по-прежнему разделённые всем пространством ринга, пока ещё ни жестом не намекая на то, что вот-вот должно начаться. Я внимательно следил за движениями Кадмина, пытаюсь найти в них хоть какую-нибудь зацепку.

«Биомеханические системы „Господня воля“ моделей, начиная с 3.1 и до 7-й, отличаются простотой, что ни в коем случае нельзя считать недостатком, – предупреждали нас перед высадкой на Шарию. – Разрабатывая эти системы, конструкторы в первую очередь думали о

прочности и скорости, и оба этих качества получились совершенными. Если у системы „Господня воля“ и есть слабое место, так это только то, что рисунок боевого поведения не имеет возможности случайного выбора отдельных подпрограмм. Следовательно, Мученики десницы Господа сражаются в очень узких тактических рамках».

На Шарии у нас были усовершенствованные боевые биомеханические системы, сделанные по последнему слову техники, даже в минимальной комплектации оснащённые программой рандомизации ответного действия и цепью обратной связи с промежуточным анализом. В нейрехимии Райкера ничего подобного не было, но, если повезет, мне удастся кое-что симулировать с помощью приёмов посланников. Главная задача – оставаться в живых достаточно долго и дать боевым навыкам разобраться с рисунком поведения «Господней воли»... Кадмин нанёс удар.

Нас разделяло почти десять метров открытого пространства; за время, что потребовалось Кадмину, чтобы преодолеть его, я едва успел моргнуть. Он обрушился на меня настоящим ураганом.

Его техника была простой, прямые удары кулаками и ногами. Однако наносились они так сильно, так стремительно, что я с трудом успевал отбиваться. Ни о каком ответе не могло быть и речи. Первый удар кулаком я отвёл направо и воспользовался удачным моментом, чтобы отступить влево. Кадмин, не раздумывая, переместился вслед за мной и выбросил кулак в сторону моей головы. Я дёрнулся, уворачиваясь, но всё же ощутил, как его кулак скользнул по виску. К счастью, недостаточно сильно, чтобы сработал силовой кастет. Повинуясь инстинкту, я поставил нижний блок, и нога Кадмина, готовая раздробить колено, отлетела от моей руки. За этим в дело пошёл локоть, он попал мне в лоб. Я отскочил назад, стараясь удержаться на ногах. Кадмин не отставал. Я нанёс боковой кулаком, но Кадмин, по инерции летевший на меня всей своей массой, отразил его чуть ли не небрежно. А вот его удар в корпус пробил блок и попал в солнечное сплетение. Силовой кастет сработал со шлепком, какой издаёт кусок мяса, брошенный на раскалённую сковородку.

Казалось, в живот вонзились стальные крюки. Боль от удара осталась на поверхности кожи, а по мышцам живота разлилось тупое онемение. Наложённое на последствия шокового заряда, оно меня подкосило. Пошатнувшись, я отступил назад на три шага и рухнул на татами, извиваясь, словно полураздавленное насекомое. До меня смутно донёсся одобрителный гул толпы.

С трудом повернув голову, я увидел, что Кадмин отступил назад и смотрит из-под полуопущенных век, подняв кулаки к лицу. Со стальной

полосы на его левой руке мне слабо подмигнул тусклый красный огонёк: перезаряжался силовой кастет.

Я всё понял.

Первый раунд.

В рукопашной схватке всего два правила. Наноси как можно больше ударов, как можно сильнее и стремительнее, чтобы сбить противника с ног. Как только он окажется на земле, убивай его. Если в ход вступают другие правила и соображения, это уже не бой насмерть, а игра. Кадмин мог бы подойти и расправиться со мной, пока я лежал на полу, но это был не настоящий бой. Это показательное избиение, где ради наслаждения публики страдания проигравшего требовалось растянуть как можно дольше.

Толпа.

Встав, я обвёл взглядом теряющееся в полумраке море лиц. Нейрохимия выхватила блестящие от слюны зубы во ртах, раскрытых в оглушительных криках. Переборов слабость в нижней части живота, я сплюнул на пол и принял боевую стойку. Кадмин кивнул, как бы мысленно соглашаясь, и снова пошёл на меня. Тот же самый стремительный ливень прямых ударов, те же самые сила и скорость, но теперь я был к этому готов. Отразив первые два удара блоками наружу, я, вместо того чтобы пятиться назад, остался стоять на пути Кадмина. Прошла какая-то доля секунды, прежде чем он понял, что я делаю. К этому времени он уже оказался слишком близко. Мы едва не столкнулись грудью. Представив себе, что лицо Кадмина принадлежит каждому из ликующих зрителей, я что есть силы боднул его головой.

Ястребиный нос сломался с громким хрустом. Кадмин пошатнулся, и я, шагнув вперёд, ударил ногой в колено. Ребро правой ладони мелькнуло дугой, целясь в шею или горло, но Кадмин успел повалиться на пол. Он перекатился и сбил меня с ног. Я упал, а он, приподнявшись на четвереньки рядом, заколотил кулаками по моей спине. Содрогнувшись от заряда силовых кастетов, я уронил голову на татами, ощущая во рту привкус крови.

Я перекатился на живот и увидел, что Кадмин, пятясь назад, вытирает кровь из разбитого носа. С любопытством посмотрев на вымазанную красными пятнами ладонь, он взглянул на меня и недоумённо тряхнул головой. Слабо усмехнувшись, я, на приливе адреналина от вида его крови, вскинул руки, приглашая продолжить бой.

— Иди сюда, козёёл, — проскрежетал я разбитым ртом. — Попробуй возьми меня.

Кадмин рванулся вперед ещё до того, как сорвались последние слова. На этот раз я даже не смог к нему прикоснуться. Всё, что произошло, выходило за рамки осознанного боя. Нейрохимия сражалась отчаянно, выставляя блоки, не позволявшие сработать силовым кастетам, что дало мне передышку и позволило нанести пару выбранных случайным образом ударов, которые, как подсказал инстинкт посланника, могли бы пробить тактический рисунок Кадмина. Но он отмахнулся от моих кулаков, как от назойливых насекомых.

Во время последнего из этих тщетных выпадов я выбросил кулак слишком далеко, и Кадмин, перехватив моё запястье, резко дёрнул меня вперед. Безукоризненно выполненный боковой удар ногой попал в рёбра, и я услышал, как они хрустнули. Продолжая тянуть за руку, Кадмин заплёл мой локоть, и в застывших кадрах ускоренного нейрохимией зрения я увидел удар, направленный в сустав. Я знал, какой звук издаст ломающийся сустав, знал, какой крик вырвется у меня из горла, прежде чем нейрохимия успеет обуздать боль. Понимая, что мне не высвободить руку из цепкой хватки, я упал на пол. Запястье, мокрое от пота, выскользнуло из рук Кадмина, и локоть оказался свободным. Кадмин нанес вдогонку страшный удар, но моя рука осталась целой, и я уже всё равно находился на пути к полу.

Я упал на сломанные рёбра, и всё перед глазами разлетелось дождём осколков. Я судорожно вздрогнул, пытаюсь совладать с желанием свернуться в комок, и в нескольких тысячах метров над собой увидел лицо Кадмина.

– Вставай, – произнёс он где-то вдали, голосом, напоминающим треск рвущегося картона. – Мы ещё не закончили.

Чуть приподнявшись, я выбросил ногу, целясь ему в пах. Удар не получился; энергия выпада ушла в мягкие ткани бедра Кадмина. Кадмин почти небрежно ткнул меня кулаком, и силовой кастет взорвался прямо на лице. Я успел увидеть вспыхнувший пёстрый фейерверк, и тотчас же перед глазами всё погасло. В голове нарастал рёв толпы, и там я различал манящий голос водоворота. Всё вокруг крутилось и мелькало, приближаясь и удаляясь, словно в затяжном прыжке. Нейрохимия билась из последних сил, пытаюсь привести меня в чувство. Лучи прожекторов опустились вниз и тотчас же взлетели вверх к потолку, будто озабоченные желанием увидеть характер нанесённых мне травм. Только их любопытство оказалось очень поверхностным и было быстро утолено. Сознание вращалось вокруг головы по вытянутой эллиптической орбите. Внезапно я снова очутился на Шарии, в башне подбитого танка-паука, вместе с Джимми де Сото.

– Планета Земля? – Огонь лазеров за бронёй танка озарял всполохами его ухмыляющееся лицо, почерневшее от копоти. – Дружище, это настоящая задница. Замерзшее и застывшее общество, мать его. Это всё равно что вернуться во времени назад на полтысячелетия. Там, блин, ничего не происходит, исторические события запрещены.

– Чушь собачья.

Моё недоверчивое восклицание подчеркнул пронзительный визг приближающейся хищницы-бомбы. Наши взгляды встретились в темноте танковой башни. Бомбардировка началась вместе с ночью; автоматические боевые системы охотились за всем, излучающим тепло и шевелящимся. В короткие мгновения затишья мы услышали, что межпланетный флот под командованием адмирала Курзитора всё ещё находится в нескольких световых секундах от планеты и ведёт бой с защитниками Шарики за господство на орбите. На рассвете, если сражение к тому времени не закончится, повстанцы, вероятно, высадят наземные войска и попытаются нас выкурить. Перспективы на будущее получались не слишком радужными.

Хорошо хоть действие бетатанатина подходило к концу. Я чувствовал, как температура тела медленно ползет к нормальному показателю. Окружающий воздух уже не казался обжигающим супом, и дыхание больше не отнимало всех сил, как это было, когда частота сокращений сердца уменьшилась до одного-двух ударов в минуту.

Самонаводящаяся бомба взорвалась где-то совсем рядом, и ноги танка с грохотом ударились о корпус. Мы оба непроизвольно свернулись с показаниями датчиков, регистрирующих силу излучений тела.

– Чушь собачья, говоришь? – Джимми осторожно выглянул из дыры с зазубренными краями, которую мы проделали направленным взрывом в башне танка. – Слушай, ты ведь не оттуда. А я с Земли, и я заявляю тебе, что если бы меня поставили перед выбором – жизнь на Земле или хранение, я бы ещё хорошенько подумал. Если тебе предоставится возможность посетить старушку, откажись.

Я заморгал, прогоняя непрощенные картины. Высоко надо мной кинжал-мизерикордия сверкал, словно пробивающийся через листву солнечный свет. Образ Джимми померк, взлетая мимо ножа к потолку.

– Говорил я тебе, приятель, не суйся туда, разве не так? А теперь ты только посмотри на себя. Земля! – Презрительно сплюнув, Джимми исчез, оставив только отголоски своих слов. – Это настоящая задница. Пора

переходить к следующему кадру.

Гул толпы, несколько поумерившись, превратился в дружное скандирование. Ярость раскалённой проволокой рассекла туман в голове. Приподнявшись на локте, я сфокусировал взгляд на Кадмине, дожидавшемся меня на противоположной стороне ринга. Увидев, что я очнулся, тот помахал обеими руками, пародируя жест, которым до этого воспользовался я сам. Толпа взревела от восторга.

Переходим к следующему кадру.

Шатаясь, я поднялся на ноги.

Если будешь плохо себя вести, однажды ночью за тобой придет Лоскутный человек.

Этот голос неожиданно прозвучал у меня в сознании. Голос, который я не слышал почти полтора столетия объективного времени. Голос человека, не пачкавшего мои воспоминания с тех пор, как я вышел из отрочества. Голос моего отца, рассказывающий очаровательные сказки на ночь. Подумать только, отец вернулся именно сейчас, когда мне его так не хватает.

– Лоскутный человек придет за тобой.

– Что ж, папа, тут ты ошибся. Лоскутный человек стоит прямо передо мной и ждёт. Он не придёт за мной. Придётся встать и самому пойти за ним. Но всё равно, спасибо, папа. Спасибо за всё.

Собрав всё, что оставалось в теле Райкера на клеточном уровне, я двинулся вперед.

Где-то высоко вверху разлетелось вдребезги стекло. Осколки дождём пролились между мной и Кадминым.

– Кадмин!

Я успел увидеть, как он поднял взгляд, и тут же его тело будто взорвалось изнутри. Голова и руки Кадмина резко дёрнулись назад, как если бы он наткнулся на стену, теряя равновесие. По всему залу разнеслись отголоски оглушительного выстрела. Переднюю часть кимоно Кадмина разодрало в клочья, и, словно по волшебству, от горла до талии в его груди раскрылась зияющая дыра. Брызнувшая в стороны кровь повисла алыми каплями на канатах.

Стремительно обернувшись, я посмотрел вверх и увидел Трепп в рамке только что уничтоженного окна, не отрывающую глаз от прицела осколочной винтовки, зажатой в руке. Трепп ни на мгновение не

прекращала огонь, и из дула винтовки вырывались сливающиеся в одну вспышки выстрелов. Сбитый с толку, я огляделся по сторонам, ища цели, но на ринге не было ничего, кроме изуродованных останков Кадмина. Карнажа нигде не было видно, и в промежутках между выстрелами я слышал, как торжествующий рёв толпы сменился завываниями, проникнутыми ужасом. Зрители повскакивали с мест и бросились к выходу. Наконец до меня дошло: Трепп вела огонь по публике.

Внизу, на уровне пола, заработало энергетическое оружие, и послышался чей-то крик. Внезапно став медлительным и неуклюжим, я обернулся на звук и увидел горящего Карнажа.

В дверях застыл Родриго Баутиста, поливающий синтетика широким лучом из длинноствольного бластера. Тело Карнажа выше талии было охвачено пламенем. Он пытался сбить его, но у синтетика на руках словно выросли огненные крылья. В пронзительных криках Карнажа звучала скорее ярость, чем боль. У его ног лежала мёртвая Пернилла Грип с прожжённой насквозь грудью. У меня на глазах Карнаж повалился на неё, словно растопленная фигурка из воска, и его крики, перейдя в странное электронное бульканье, быстро затихли.

– Ковач?

Осколочная винтовка Трепп умолкла, и в наступившей тишине, нарушаемой лишь слабыми стонами и криками раненых, голос Баутисты прозвучал неестественно громко. Обойдя догорающего синтетика, полицейский взобрался на ринг. Его лицо было перепачкано кровью.

– Ковач, ты как?

Слабо усмехнувшись, я тотчас же схватился рукой за грудь, прошитую обжигающей острой болью.

– Замечательно, просто замечательно. Где Ортега?

– С ней всё в порядке. Ей ввели дозу летинола, чтобы убрать последствия шока, и теперь она спит. Извини, что мы добрались сюда так поздно. – Баутиста махнул в сторону Трепп. – Твоей подружке удалось отыскать меня на Фелл-стрит не сразу. Воспользоваться официальными каналами она отказалась наотрез. Сказала, могут возникнуть кое-какие осложнения. Мы устроили тут бойню, так что, кажется, она не ошибалась.

Я обвёл взглядом очевидные свидетельства нанесения органических повреждений.

– Точно. У тебя будут проблемы?

Баутиста пролаял смешок.

– Ты надо мной издеваешься? Вторжение без ордера, нанесение органических повреждений невооруженным подозреваемым. А ты что

думаешь, твою мать?

– Извини. – Я начал спускаться с ринга. – Быть может, нам удастся что-нибудь придумать.

– Эй, – поймал меня за руку Баутиста. – Эти ребята плохо обошлись с полицейским из Бей-Сити. У нас такое с рук не сходит. Кому-нибудь стоило предупредить Кадмина до того, как он навалил эту вонючую кучу.

Не зная, имеет он в виду Ортегу или оболочку Райкера, я промолчал. Покрутив головой и проверяя, насколько серьёзны полученные травмы, я повернулся к Трепп. Та перезаряжала осколочную винтовку.

– Ты собираешься проторчать там всю ночь?

– Уже спускаюсь.

Дослав последний патрон в обойму, Трепп выполнила изящное сальто через перила и полетела вниз. Примерно через метр у неё за спиной расправила крылья антигравитационная упряжь, и Трепп повисла над нами где-то на уровне головы, закидывая винтовку за спину. В длинном чёрном плаще она напоминала ангела преисподней, устроившего небольшой перерыв.

Подкрутив регулировку упряжи, Трепп стала плавно опускаться вниз и наконец коснулась ногами пола рядом с Кадминым. Я захромал ей навстречу. Какое-то время мы молча глядели на изуродованный труп.

– Спасибо, – тихо произнёс я.

– Забудь об этом. Я лишь выполняла свои обязанности. Извини, что пришлось привести с собой этих ребят. Но мне была нужна помощь, и очень быстро. Знаешь, что в этих краях говорят об отделе органических повреждений? Самая многочисленная команда. Причем стоит задеть одного, как за него вступаются все. – Трепп кивнула в сторону Кадмина. – Ты собираешься его оставить?

Я взгляделся в лицо Мученика десницы Господа, искажённое внезапной смертью, пытаюсь увидеть за ним Лоскутного человека.

– Нет, – сказал я, переворачивая труп так, чтобы открыть затылок. – Баутиста, ты не одолжишь свою петарду?

Полицейский без слов протянул мне бластер. Я приставил дуло к основанию черепа Лоскутного человека и попытался разобраться, чувствую ли я что-нибудь.

– Есть желающие произнести прощальное слово? – невозмутимо спросила Трепп.

Баутиста отвернулся.

– Кончай поскорее.

Если у моего отца и были какие-то замечания, он сохранил их при

себе. Вокруг раздавались только крики раненых зрителей, но мне не было до них никакого дела.

Не испытывая абсолютно ничего, я нажал на курок.

Глава тридцать седьмая

Я по-прежнему ничего не испытывал и через час, когда приехавшая Ортега обнаружила меня в цехе загрузки оболочек. Я сидел на вилах автоматического погрузчика, глядя на зелёное свечение от пустых резервуаров. Шлюз, открываясь, глухо стукнул и зажужжал, но я не отреагировал на это. Даже узнав шаги Ортеги и её голос, когда она тихо выругалась, споткнувшись о спутанные на полу кабели, я так и не обернулся. Я сидел неподвижно, словно отключенная машина.

– Как ты себя чувствуешь?

Повернувшись, я увидел Ортегу, остановившуюся у погрузчика.

– Вероятно, так же, как выгляжу.

– Что ж, выглядишь ты дерьмово. – Протянув руку, она ухватила за подвернувшуюся к стати решетку – Не возражаешь, если я к тебе присоединюсь?

– Валяй. Тебе помочь?

– Не надо. – Подтянувшись, Ортега повисла на руках, посеревав от напряжения. – Хотя, впрочем, не откажусь.

Я протянул ей менее искаленную руку, и Ортега, крикнув, взобралась на подъемник. Она неуклюже опустилась на корточки, пересела ко мне поудобнее и потёрла плечи.

– Господи, как же здесь холодно. И давно ты тут сидишь?

– С час.

Ортега посмотрела на пустые резервуары.

– Увидел что-нибудь интересное?

– Я думаю.

– О... – Она снова помолчала. – Знаешь, этот летинол, мать его, хуже шокового пистолета. По крайней мере, получив заряд, хотя бы понимаешь, что тебе сделали больно. А летинол убаюкивает. Дескать, всё позади, надо просто успокоиться и расслабиться. И вдруг ты спотыкаешься о первый же пятисантиметровый кабель, через который хочешь перешагнуть.

– По-моему, сейчас тебе полагается лежать в постели, – мягко заметил я.

– Как, наверное, и тебе. Завтра на твоём лице вскочат замечательные синяки. Мерсер сделал обезболивающий укол?

– Я в этом не нуждаюсь.

– Ох, какой крутой. А мне казалось, мы с тобой договаривались, что ты

будешь бережно относиться к этой оболочке.

Я криво усмехнулся.

– Видела бы ты того, другого.

– Его я тоже видела. Разорвал пополам голыми руками, да?

Я продолжал улыбаться.

– Где Трепп?

– Твоя подружка? Исчезла. Сказала Баутисте что-то насчет конфликта интересов и растворилась в ночи. Баутиста рвёт на себе волосы, пытаюсь придумать, как выбраться из этой ямы. Не хочешь переговорить с ним?

– Ладно.

Я непроизвольно заёрзал. В исходившем от резервуаров зелёном свечении было что-то гипнотическое, и под общим оцепенением, охватившим меня, начинали кружить мысли, наталкиваясь друг на друга, словно акулы, которым бросили корм. Смерть Кадмина, вместо того чтобы принести облегчение, наоборот, лишь запалила в груди медленно горящий бикфордов шнур, ведущий к потребности делать боль. Кто-то должен заплатить за случившееся.

Пусть это станет твоим личным делом.

Это было больше, чем личное дело. Речь шла о Луизе (она же Анемона), выпотрошенной на операционном столе; об Элизабет Элиотт, зверски зарезанной и не имеющей денег на новую оболочку; об Ирене Элиотт, скорбящей о своём теле, которое носит какая-то крупная деловая шишка; о Викторе Элиотте, раздираемом горечью утраты и оглушённом встречах с вроде бы той же самой и одновременно другой женщиной. Речь шла о молодом чернокожем мужчине, встречающем родных в теле белого мужчины средних лет, убитого вредными привычками; речь шла о Вирджинии Видауре, с презрительной надменностью отправляющейся на хранение, гордо вскинув голову и отравляя последней сигаретой лёгкие, которые ей всё равно предстоит потерять, отдав их какому-нибудь состоятельному вампиру. Речь шла о Джимми де Сото, вырвавшему собственный глаз среди грязи и пожаров Инненина, и о миллионах подобных ему, раскиданных по всему Протекторату, сколоченному наспех скопищу человеческого материала, выброшенного на помойку истории. Кто-то должен заплатить за всех них, а также за многих других.

Чувствуя лёгкое головокружение, я неуклюже слез с подъёмника и помог спуститься Ортеге. Тяжесть её тела причинила моим изувеченным рукам сильную боль, не шедшую ни в какое сравнение с внезапным леденящим осознанием того, что нам осталось провести вместе считанные часы. Не знаю, откуда взялась эта мысль, но она прочно поселилась в

незыблемом основании моего сознания, которому я привык доверять больше, чем логическим рассуждениям. Мы вышли из цеха загрузки оболочек, держась за руки, и не замечали этого до тех пор, пока не столкнулись в коридоре нос к носу с Баутистой, после чего непроизвольно отпрянули друг от друга, словно устыдившись.

– Я тебя повсюду искал, Ковач. – Если у Баутисты и возникли какие-то мысли по поводу нашего хождения за ручку, он оставил их при себе. – Твоя подружка-наёмница смылась, предоставив убирать за ней грязь.

– Да, Кристи... – Осекшись, я искоса взглянул на Ортегу. – Да, мне уже об этом сказали. Она прихватила с собой осколочную винтовку?

Баутиста кивнул.

– Отлично, вот у вас и есть отличная версия. Незнакомый позвонил и сообщил о выстрелах на борту «Розы Панамы». Вы прибыли на место и обнаружили перебитых зрителей, убитых Кадмина с Карнажем и нас с Ортегой, едва живых. Судя по всему, Карнаж затронул чьи-то интересы и последовала жестокая расправа.

Краем глаза я увидел, что Ортега качает головой.

– Не пройдёт, – нахмурился Баутиста. – Все звонки на Фелл-стрит обязательно записываются. То же самое относится к видеофонам в патрульных машинах.

Я пожал плечами, чувствуя, как внутри пробуждается необычайный посланник.

– И что с того? У вас, не важно, у кого именно – у тебя, у Ортеги, – здесь, в Ричмонде, есть осведомители. Естественно, их имена вы назвать не можете. Звонок поступил на личный телефон, который совсем некстати оказался разбит случайным выстрелом, когда вы прокладывали себе дорогу мимо уцелевших охранников Карнажа. Никаких следов. И ничего на мониторах наблюдения, потому что таинственный незнакомец, открывший пальбу, перед уходом спалил всю систему безопасности. Насколько я понимаю, это можно устроить.

Баутиста продолжал сомневаться.

– Наверное, можно. Но для этого понадобится компьютерная крыса. Дэвидсон кое в чем разбирается, но не настолько хорошо.

– Компьютерную крысу я найду. Что-нибудь ещё?

– Некоторые из зрителей ещё живы. Правда, они в таком состоянии, что не могут и пальцем пошевелить. Но ещё дышат.

– Забудь про них. Если кто-то и успел что-нибудь разглядеть, то только висящую под потолком Трепп. Да и ту в лучшем случае смутно. Все продолжалось не больше двух секунд. Сейчас есть только один вопрос:

когда вызывать холодильники на колесах.

– Как можно скорее, – сказала Ортега, – иначе это будет выглядеть подозрительно.

Баутиста фыркнул.

– Весь этот балаган выглядит подозрительно, от начала и до конца. Скоро всем до одного на Фелл-стрит будет известно, что именно здесь произошло.

– Вам частенько приходится заниматься подобным, да?

– Это совсем не смешно, Ковач. Карнаж переступил черту, он знал, чем это может обернуться.

– Кстати, Карнаж, – пробормотала Ортега. – Этот ублюдок наверняка припас резервную копию памяти. Как только его загрузят в новую оболочку, он начнет вопить, требуя досконального расследования.

– А может быть, и нет, – возразил Баутиста. – Как ты думаешь, когда Карнаж последний раз копировался в эту синтетическую оболочку?

Ортега пожала плечами.

– Откуда мне знать? На прошлой неделе Карнаж был в ней. Так что не меньше этого срока, если только он не обновляет регулярно свою копию. Но это чересчур дорого.

– На месте Карнажа, – задумчиво произнес я, – я бы архивировал резервную копию перед каждым значительным событием. Каких бы денег это ни стоило. Я бы не хотел проснуться, не имея понятия, какого хрена делал за неделю до того, как мне спалили голову.

– Это зависит от того, чем именно занимаешься, – заметил Баутиста. – Если речь идёт о каком-нибудь серьёзном противозаконном дерьме, лучше проснуться, ни о чем не догадываясь. В этом случае можно с улыбкой идти на любые допросы с применением детектора лжи.

– Больше того, нельзя будет даже...

Я умолк, осенённый внезапной мыслью. Баутиста нетерпеливо махнул рукой.

– Как бы там ни было, если Карнаж проснётся, ровным счетом ничего не зная о случившемся, вероятно, он втихую проведёт частное расследование. Но у него не возникнет ни малейшего желания посвящать в него управление полиции. А если Карнаж проснётся, зная о случившемся, – Баутиста развел руками, – он будет молчать как рыба. По-моему, с этой стороны опасаться нечего.

– В таком случае вызывай машины «скорой помощи». И, наверное, надо связаться с капитаном Муравой...

Голос Ортеги уже затихал, растворяясь вдали. Последняя недостающая

часть мозаики встала на место. Разговор двух полицейских превратился в отдаленный шум космического фона в наушниках скафандра. Я уставился на крохотную щербинку в стальной переборке перед глазами и обрушился на только что пришедшую в голову догадку всеми мыслимыми логическими тестами.

Бросив на меня недоумённый взгляд, Баутиста отправился вызывать «скорую». Как только он скрылся из виду, Ортега прикоснулась к моей руке.

– Эй, Ковач, с тобой всё в порядке?

Я заморгал.

– Ковач?

Протянув руку, я ощупал переборку, словно проверяя, существует ли она на самом деле. В сравнении с убеждённой, которую я сейчас испытывал, окружающая обстановка внезапно показалась призрачной и нереальной.

– Кристина, – медленно произнес я, – мне нужно попасть на борт «Головы в облаках». Я знаю, что произошло с Банкрофтом. Я смогу свалить Кавахару и добиться принятия резолюции номер 653. И я смогу вызволить Райкера.

Ортега вздохнула.

– Ковач, не надо начинать всё заново...

– Нет. – Прозвучавшая в моем голосе грубость оказалась настолько неожиданной, что поразила меня самого. Лицо Райкера напряглось, и я ощутил боль свежих ссадин. – Это не догадки. Это не блуждания в темноте. Это совершенно достоверный факт. И я отправляюсь на «Голову в облаках». С твоей помощью, без неё, но я обязательно должен туда попасть.

– Ковач, – покачала головой Ортега. – Ты только посмотри на себя. На тебе же места живого нет. Сейчас ты не справишься с простым оклендским сутенером, а тут речь идёт о скрытом проникновении в один из «Домов» Западного побережья. Ты надеешься пробить охранную систему Кавахары со сломанными рёбрами и таким лицом? Даже не думай об этом.

– А я и не говорил, что это будет просто.

– Ковач, этого вообще не будет. Я и так слишком долго просидела на архивах видеонаблюдения «Хендрикса», давая возможность навешать Банкрофту лапшу на уши, но больше так продолжаться не может. Игра окончена, твоя подруга Сара возвращается домой, и ты тоже. Это всё. Меня не интересует кровная месть.

– Скажи честно, ты хочешь вернуть Райкера? – тихо промолвил я.

Какое-то мгновение казалось, что Ортега даст мне пощёчину. Её

раздувшиеся ноздри побелели, правое плечо чуть опустилось для замаха. Не знаю, что её остановило: последствия шокового заряда или просто самообладание.

– Ковач, за это тебя следовало бы размазать по стенке, – спокойно произнесла Ортега.

Я поднял руки.

– Валяй, сейчас я не справлюсь даже с простым оклендским сутенером. Не забыла?

Издав презрительный смешок, Ортега начала отворачиваться. Протянув руку, я остановил её.

– Кристина... – Я замялся. – Извини. Насчет Райкера я пошутил неудачно. Но прошу, хотя бы выслушай меня. В последний раз.

Повернувшись ко мне, Ортега стиснула губы, сдерживая свои чувства. Опустив голову, она сглотнула комок в горле.

– Не хочу. Достаточно и того, что уже было. – Она кашлянула, прочищая горло. – Ковач, я не хочу, чтобы тебе делали больно. Я не хочу новых травм и увечий.

– Ты имеешь в виду оболочку Райкера?

Ортега посмотрела мне прямо в лицо.

– Нет, – тихо промолвила она. – Я имею в виду тебя.

И вдруг, без какого-либо перехода, она прижалась ко мне, в мрачном стальном коридоре, обвивая руками, уткнувшись лицом в грудь. Я, сглотнув подступивший к горлу комок, крепко стиснул её. Остатки времени, отведённого нам, сыпались между пальцами крупными песком. В этот миг я отдал бы почти всё, лишь бы у меня не было плана, который я хотел изложить Ортеге, лишь бы не нужно было искать, как растворить то, что нарождалось между нами, лишь бы моя ненависть к Рейлине Кавахаре не была такой сильной.

Я готов был отдать почти всё.

Два часа ночи.

Я позвонил Ирине Элиотт на квартиру, снятую компанией «Джэк-Сол», и поднял её с кровати. Сказал, что возникла одна проблема, и мы заплатим очень щедро, если она поможет её разрешить. Ирина Элиотт сонно кивнула. Баутиста отправился за ней в машине без специальных знаков.

К тому моменту, как они вернулись, «Роза Панамы» была залита ярким светом. От бортов вертикально вверх уходили лучи прожекторов, и казалось, будто корабль спустили с небес на подсвеченных канатах. Причал перед судном был отгорожен силовым барьером. Крышу грузового отсека, где происходило показательное избиение, сняли, чтобы обеспечить машинам

скорой помощи прямой доступ; ослепительное сияние вспышек экспертов-криминалистов, осматривающих место преступления, напоминало зарево доменной печи. Полицейские машины расцвечивали небо над кораблем и стоянку на причале красными и синими мигающими огнями.

Я встретил Ирену Элиотт у трапа.

– Я хочу вернуть своё тело, – прокричала она, перекрывая вой и рёв двигателей летательных аппаратов.

В ярком свете прожекторов её чёрные волосы словно заиндевели, снова став светлыми.

– Прямо сейчас ничего не могу обещать, – крикнул я в ответ. – Но это стоит на повестке дня. Первым делом вам нужно сделать вот что. Заработать побольше денег. А теперь давайте-ка поскорее уберёмся отсюда, пока нас не заметил Сэнди Ким.

Местная полиция не подпускала коптеры прессы близко. А Ортега, до сих пор не пришедшая в себя и дрожащая от слабости и холода, куталась в форменную шинель и не подпускала близко местную полицию. В её взгляде горела внутренняя сила, позволявшая ей держаться на ногах и оставаться в сознании. Сотрудники отдела органических повреждений, крича, толкаясь и ругаясь, заняли оборону, а тем временем Ирена Элиотт приступила к манипуляциям с лентами системы видеонаблюдения. Трепп была права: один за всех, и все за одного.

– Завтра я съезжаю с той квартиры, – работая, бросила мне Элиотт. – Вы меня там больше не найдете.

Несколько минут она молчала, вводя с клавиатуры создаваемые образы. Наконец обернулась.

– Вы сказали, выполняя просьбу этих ребят, я оказываю им неоценимую услугу. Значит, они передо мной в долгу?

– Можно сказать и так.

– В таком случае я с ними свяжусь. Приведите того, кто у них старший, я хочу с ним переговорить. И не пытайтесь найти меня в Эмбере, там меня тоже не будет.

Я молча смотрел на неё. Отвернувшись, Ирена Элиотт снова занялась работой.

– Мне нужно какое-то время, чтобы побыть одной, – едва слышно произнесла она.

Мне подобная роскошь была недоступна.

Глава тридцать восьмая

Я следил за тем, как он плеснул в стакан виски пятнадцатилетней выдержки и осторожно устроился перед телефоном. Сломанные рёбра были сварены одной из бригад «скорой», но бок оставался огромным морем тупой боли, которое время от времени пронзали невыносимо острые вспышки. Отпив виски, он сделал над собой заметное усилие и набрал номер.

– Резиденция Банкрофта. С кем вы хотите говорить?

Это была женщина в строгом костюме, ответившая, когда я звонил на виллу «Закат» в прошлый раз. Тот же самый костюм, та же прическа и та же самая косметика. Возможно, это была виртуальная модель, созданная телефоном.

– С Мириам Банкрофт, – сказал он.

И снова ощущение пассивного стороннего наблюдателя. Оторванность, которую я испытывал перед зеркалом, когда оболочка Райкера надевала оружие. Осколки. Только на этот раз всё было гораздо хуже.

– Минуточку, пожалуйста.

Изображение женщины исчезло с экрана, сменившись пламенем свечи, терзаемой ветром в такт с синтезированной фортепианной музыкой, напоминающей о шелесте опавшей листвы по растрескавшейся и выщербленной мостовой. Прошла минута, и наконец появилась Мириам Банкрофт, облачённая в безукоризненно строгий пиджак и блузку. Она подняла идеально ухоженную бровь.

– Здравствуйте, мистер Ковач. Какая неожиданность.

– Да, можно сказать. – Он неловко махнул рукой. Мириам Банкрофт излучала чувственность, ощущаемую даже через линию связи и выводившую его из душевного равновесия. – Это защищённая линия?

– В разумных пределах. Что вам нужно?

Он смущенно кашлянул.

– Я думал... Мне бы хотелось кое-что с вами обсудить. Я... э... ну, наверное, перед вами в долгу.

– Вот как? – Теперь уже поднялись обе брови. – И что именно вы надумали?

Он пожал плечами.

– В настоящий момент я совершенно свободен.

– Неужели? А вот я, однако, в настоящий момент занята, мистер Ковач. Я направляюсь на важную встречу в Чикаго и не вернусь на Западное побережье до завтрашнего вечера. – Уголки губ скривились в едва заметном намёке на улыбку. – Вы согласны подождать?

– Ну конечно.

Она подалась к экрану, прищуриваясь.

– Что у вас с лицом?

Он непроизвольно поднял руку к одному из шрамов. Он рассчитывал, что в тусклом освещении комнаты синяки и ссадины будут не так заметны. Также он не рассчитывал, что Мириам Банкрофт окажется такой наблюдательной.

– Долгая история. Расскажу при встрече.

– Что ж, перед таким заманчивым предложением я вряд ли смогу устоять, – насмешливо сказала она. – Завтра после обеда я пришлю к «Хендриксу» лимузин. Как насчет четырёх часов? Вот и отлично. Тогда до встречи.

Экран погас. Некоторое время он молча смотрел на него, затем, отключив телефон, повернулся в кресле лицом к окну.

– Она действует на меня возбуждающе, – сказал он.

– Да, и на меня тоже. Конечно же.

– Очень смешно.

– Стараюсь.

Встав, я направился за бутылкой виски. Проходя через комнату, я увидел в зеркале у кровати своё отражение.

Если оболочка Райкера производила впечатление человека, привыкшего очертя голову бросаться навстречу напастям, которые предлагала ему жизнь, то человек в зеркале выглядел так, словно обладал умением аккуратно проскальзывать мимо невзгод и с насмешкой наблюдать, как коварная судьба, обманувшись в очередной раз, неуклюже падает на землю лицом вниз. Своими движениями, плавности и экономичной лёгкости которых позавидовала бы Анчана Саломао, он напоминал крупную кошку. Густые иссиня-чёрные волосы ниспадали плавными волнами на обманчиво покатые плечи, а изящные раскосые глаза смотрели на мир с мягкой беззаботностью, говорившей о том, что в нашей вселенной жить хорошо.

Я провёл в оболочке технически оборудованного ниндзя лишь несколько часов – если точно, семь часов и сорок две минуты, согласно часовому дисплею, вживленному в левый верхний угол поля зрения, – но никаких побочных последствий загрузки не было. Я взял бутылку виски

изящной смуглой рукой художника, и эта простая демонстрация полного единства мышц и костей озарила меня радостью. Нейрохимическая система «Хумало» постоянно мерцала на грани восприятия, славно расхваливая мириады поступков, которые может в любой момент совершить это тело. Даже когда я служил в Корпусе чрезвычайных посланников, мне не доводилось носить ничего подобного.

Вспомнив слова Карнажа, я мысленно покачал головой. Если чиновники ООН думают, что им удастся установить десятилетнее эмбарго на поставку в колонии вот *этого*, то они живут в другом измерении.

– Не знаю, как ты, – сказал он, – но у меня от неё мурашки по коже бегут, твою мать.

– Это ты мне говоришь?

Наполнив стакан, я предложил бутылку ему. Он покачал головой. Вернувшись к подоконнику, я снова уселся на него, прислонившись спиной к стеклу.

– Как только Кадмин мог выносить такое? Ортега говорит, он постоянно работал в паре с самим собой.

– Полагаю, со временем к этому привыкаешь. К тому же Кадмин был сумасшедшим.

– О, а мы, значит, в своём уме?

Я пожал плечами.

– У нас нет выбора. Если только не брать в расчет то, что можно просто развернуться и уйти. Неужели так было бы лучше?

– Лучше? Ты не забыл, что именно тебе предстоит иметь дело с Кавахарой. А мне придётся стать шлюхой. Кстати, по-моему, Ортега не в восторге от этого. Я хочу сказать, она и в прошлый раз была смущена, но сейчас...

– Ты говоришь, она была смущена! А что, по-твоему, должен чувствовать я?

– Идиот, я прекрасно знаю, что ты чувствуешь. Я – это ты.

– Неужели? – Глотнув виски, я махнул стаканом. – Как ты думаешь, сколько пройдёт времени, прежде чем мы с тобой перестанем быть одним и тем же человеком?

Он пожал плечами.

– Человек – это то, что он помнит. На настоящий момент наше восприятие окружающего мира различается лишь последними семью или восемью часами. Пока что разница совсем небольшая, ты не находишь?

– По сравнению с сорока с лишним годами памяти? Наверное, ты прав. К тому же личность создают как раз первые воспоминания.

– Да, так говорят. Кстати, раз уж мы заговорили об этом, скажи вот что. Как ты относишься – как *мы* относимся к тому, что Лоскутный человек мертв?

Я нервно поёжился.

– Неужели нужно обязательно говорить об этом?

– Нужно же о чём-то говорить. Нам придется наслаждаться обществом друг друга до завтрашнего вечера...

– Если хочешь, можешь пойти прогуляться. И раз уж об этом зашла речь, – я ткнул большим пальцем в потолок, – я тоже могу уйти отсюда тем же путем, каким пришел.

– Похоже, ты действительно не хочешь возвращаться к разговору о Кадмине, а?

– Ты начинаешь мне надоедать.

И всё же он был прав. Первоначальный план предполагал, что моя ниндзя-копия остаётся дома у Ортеги, пока копия-Райкер отправляется к Мириам Банкрофт. Затем мне пришло в голову, что для успешного нападения на «Голову в облаках» нам потребуется заручиться помощью «Хендрикса», а я не смог бы доказать отелю свою личность, не прибегая к сканированию памяти полушарий. Поэтому было принято решение, что копия-Райкер перед тем, как уехать к Мириам Банкрофт, представит ниндзя «Хендриксу». Поскольку Райкер до сих пор оставался под наблюдением, по крайней мере со стороны Трепп, нечего было и думать о том, чтобы нам вдвоём, взявшись за руки, войти в парадную дверь отеля. В итоге я одолжил у Баутисты антигравитационную упряжь и костюм-невидимку, и как только начало светать, проскользнул сквозь редкие потоки транспорта на крытый козырьком балкон на сорок втором этаже отеля. «Хендрикс», к тому времени предупреждённый о моём появлении копией-Райкером, впустил меня в здание через вентиляционную шахту.

Осуществить подобный трюк с помощью нейрохимии «Хумало» было так же просто, как войти в парадную дверь.

– Послушай, – сказал копия-Райкер, – я – это ты. Я знаю всё, что знаешь ты. Что плохого в том, если мы поговорим об этом?

– Раз ты знаешь всё, что знаю я, какой *смысл* нам говорить об этом?

– Знаешь, иногда бывает полезно взглянуть на вещи со стороны. И даже когда высказываешься перед кем-то, на самом деле говоришь с самим собой. А собеседник требуется только для того, чтобы слушать. Так что лучше не держи в себе.

Я вздохнул.

– Не знаю. Я давным-давно похоронил всё, связанное с отцом. Это уже

давно мертво.

– Ну да, конечно.

– Я говорю серьезно.

– Нет. – Он ткнул в меня пальцем, так же, как я сам на балконе виллы «Закат» ткнул в Банкрофта, когда тот не хотел признать выложенные мною факты.

– Ты лжешь самому себе. Помнишь того сутенёра, которого мы встретили в кабаке Ласло в тот год, когда вступили в банду Шонагана? Нас едва успели от него оттащить, а то бы ему точно несдобровать.

– Это всё химия. Мы накачались по уши тетраметом и выпендривались перед ребятами Шонагана. Твою мать, нам ведь тогда было всего шестнадцать.

– Вздор. Мы поступили так, потому что тот тип был похож на отца.

– Возможно.

– Точно. И по той же самой причине в течение последующих полутора десятилетий мы убивали всех начальников.

– О, успокойся, мать твою! Полтора десятилетия мы убивали всех, кто стоял у нас на пути. Это же была армия, мы зарабатывали этим на жизнь. К тому же с каких это пор сутенёр стал начальником?

– Ну хорошо, мы с тобой пятнадцать лет охотились на сутенёров. И на тех, кто пользуется их услугами. Возможно, именно за это нам сейчас приходится расплачиваться.

– Матерью отец никогда не торговал.

– Ты в этом уверен? В таком случае, почему мы обрушились на обидчиков Элизабет Элиотт с неумолимостью тактической ядерной боеголовки? Почему в этом расследовании мы сделали такой упор на публичные дома?

– Потому что, – сказал я, наливая себе слой виски толщиной с палец, – таким это расследование было с самого начала. Мы занялись девчонкой Элиотт потому, что это казалось правильным направлением. Интуиция чрезвычайных посланников. То, как Банкрофт обращался со своей женой...

– О, Мириам Банкрофт. Тут мы могли бы о многом поговорить.

– Заткнись. Элизабет Элиотт оказалась чертовски удачным ходом. Без визита в биокабины Джерри мы бы ни за что не вышли на «Голову в облаках».

– Ага. – Презрительно фыркнув, он опрокинул в рот свой стакан. – Верь во что хочешь. А я скажу, что Лоскутный человек был своеобразной метафорой нашего отца, потому что мы не могли взглянуть правде в глаза. Именно поэтому мы наложили в штаны от страха, впервые столкнувшись

со сборной плотью. Помнишь санаторий на Адорасьоне? После того короткого спектакля нас целую неделю преследовали кошмары. Мы просыпались, сжимая в руках разорванную в клочья подушку. После этого нас были вынуждены отправить на психологическую реабилитацию.

Я раздражённо махнул рукой.

– Да, помню. Я помню, как мне тогда было страшно – но только я испугался Лоскутного человека, а не отца. То же самое чувство мы испытали, встретившись с Кадминым в виртуальности.

– Ну а теперь, когда его больше нет в живых, что ты чувствуешь?

– Ничего.

Он снова ткнул в меня пальцем.

– Это отговорка.

– Никакая это не отговорка. Ублюдок встал у нас на пути, угрожал, и вот теперь он мёртв. Конец сообщения.

– А больше тебе никто не угрожал? Напряги память. Быть может, когда ты был маленьким?

– Я не намерен больше говорить об этом. – Взяв бутылку, я снова наполнил стакан. – Поищи другую тему. Как насчет того, чтобы поговорить об Ортеге? Каковы наши чувства в этой области?

– Ты собираешься прикончить эту бутылку в одиночку?

– Угостить?

– Не надо.

Я развёл руками.

– Тогда какое тебе дело?

– Ты хочешь напиток?

– Естественно. Раз уж мне приходится изливать душу самому себе, не вижу причин, почему я должен делать это трезвым. Так что расскажи мне про Ортегу.

– Я не хочу о ней говорить.

– А почему бы и нет? – рассудительно произнёс я. – Помнишь, ты сам говорил, что надо же нам о чём-то говорить. Что ты имеешь против Ортеги?

– А то, что к ней мы теперь относимся по-разному. Ты больше не носишь оболочку Райкера.

– Из этого не следует...

– Нет, следует. То, что связывает нас с Ортегой, носит исключительно плотский характер. Ни для чего другого не было времени. Вот почему ты сейчас так горишь желанием говорить о ней. В новой оболочке у тебя осталась лишь смутная ностальгия о яхте, подкреплённая пачкой

обрывочных воспоминаний. Теперь между вами нет никакой химии.

Я попробовал возразить, но вдруг понял, что мне нечего сказать. Внезапно обнаруженное отличие сидело между нами третьим, непрошеным гостем.

Копия-Райкер, порывшись в карманах, вынул сплюсненную пачку сигарет. Достав одну, Райкер виновато посмотрел на неё и засунул в рот. Я едва удержался от неодобрительного замечания.

– Последняя, – заметил Райкер, прикасаясь кончиком сигареты к зажигательной полоске.

– Наверняка у отеля есть ещё.

– Да. – Он выпустил облако дыма, и я внезапно поймал себя на том, что завидую этой вредной привычке. – Знаешь, мы прямо сейчас должны обсудить один вопрос.

– Это ещё какой?

Но я знал, какой именно. Мы оба знали.

– Хочешь, чтобы я разложил всё по полочкам? Ну хорошо. – Сделав глубокую затяжку, он пожал плечами. – Мы должны решить, кого из нас предстоит стереть, когда всё останется позади. И, поскольку наш индивидуальный инстинкт самосохранения крепнет с каждой минутой, решить это надо сейчас.

– И как это сделать?

– Не знаю. Что ты предпочитаешь помнить? Визит к Кавахаре? Или разговор с Мириам Банкрофт? – Он грустно усмехнулся. – Полагаю, это даже не обсуждается.

– Послушай, речь идёт не просто о катании в постели. Секс размноженных копий остаётся единственным противозаконным развлечением. К тому же Ирена Элиотт заверила нас, что можно будет осуществить захват памяти и сохранить оба набора воспоминаний.

– Может быть. Она сказала, *может быть* удастся осуществить захват памяти. И всё равно остается вопрос, кого из нас предстоит стереть. Речь не идёт о том, чтобы объединить наше сознание. Можно лишь изъять часть памяти у одного из нас и добавить другому. Подредактировать. Ты хочешь, чтобы такое произошло с тобой? С тем из нас, кому посчастливится остаться в живых? Вспомни, мы не могли смириться с корректировкой модели, созданной «Хендриксом». Неужели ты думаешь, что мы выдержим то, что предлагает Элиотт? Нечего и думать об этом; можно говорить только о полном стирании. Или один, или другой. И мы должны решить – который из двух.

– Да. – Взяв бутылку виски, я угрюмо уставился на этикетку. – И что

ты предлагаешь? Бросим жребий? Сыграем в «Камень, ножницы, бумага»? Скажем, серия из пяти игр до трёх побед.

– Я предлагаю кое-что более рациональное. Мы поделимся друг с другом нашими воспоминаниями, начиная с этого момента, и затем определим, что хотим сохранить. Какие воспоминания являются более ценными.

– Чёрт возьми, как ты собираешься сравнивать ценность воспоминаний?

– Мы их сравним. И ты это знаешь.

– А что если один из нас пойдёт на обман? Приплетет к правде выдумку, делая свои воспоминания более ценными? Или же солжет, вынося оценку?

Он прищурился.

– Ты это серьёзно?

– Много может случиться за несколько дней. Как ты сам сказал, мы оба пожелаем остаться в живых.

– Если дело дойдет до этого, Ортега сможет прогнать нас через полиграф.

– Я бы предпочел бросить монету.

– Отдай мне бутылку, твою мать. Раз ты не хочешь подходить к этому серьёзно, я последую твоему примеру. Чёрт побери, тебе там могут просто спалить голову, и это решит все проблемы.

– Спасибо.

Я передал ему бутылку. Он аккуратно налил слой виски толщиной два пальца. Джимми де Сото не уставал повторять, что выпить за один раз марочного виски больше, чем на пять пальцев, – кощунство. После этого, как он утверждал, можно пить любую бурду – всё равно на вкус никакой разницы не будет. У меня возникло предчувствие, что сегодня вечером мы оскверним этот завет.

Я поднял стакан.

– За единство целей.

– Да, и за прекращение пьянства в одиночку.

Похмелье продолжало мучить меня почти сутки спустя, когда я наблюдал в мониторе отеля, как он уходит. Он вышел на тротуар и подождал, пока вытянутый сверкающий лимузин подъедет к бордюру. Дверь пассажирского салона плавно поднялась вверх, и я успел разглядеть внутри профиль Мириам Банкрофт. Затем он забрался в машину, и дверь так же плавно опустилась, скрыв из виду обоих. Задрожав, лимузин

поднялся в воздух.

Я проглотил, не запивая, ещё несколько болеутоляющих таблеток, выждал десять минут и поднялся на крышу, где меня должна была встретить Ортега.

На улице было холодно.

Глава тридцать девятая

У Ортеги было несколько новостей.

В управление полиции позвонила Ирена Элиотт, сообщившая, что готова обсудить новое предложение. Звонок поступил на одну из самых защищённых линий Фелл-стрит, и Элиотт сказала, что будет иметь дело только со мной.

Тем временем наша лож насчёт произошедшего на борту «Розы Панамы» держалась, и архивы системы видеонаблюдения «Хендрикса» оставались у Ортеги. Смерть Кадмина свела дело, заведённое на Фелл-стрит, к простой формальности, и никто не собирался копаться в нём. Расследование побега убийцы из хранилища полиции, предпринятое Управлением внутренней безопасности, находилось на начальной стадии. Ввиду предполагаемого соучастия искусственного интеллекта рано или поздно в поле зрения попадёт «Хендрикс», но пока что этого можно не опасаться. Сначала предстояла долгая межведомственная волокита. Ортега убедила капитана Мураву в том, что ей нужно подчистить кое-какие концы. Тот дал две недели, справедливо полагая, что Ортега не питает к УВБ тёплых чувств и приложит все силы, чтобы расследование затянулось.

Двое сотрудников Управления внутренней безопасности попытались приняться к «Розе Панамы», но отдел органических повреждений каменной стеной сомкнул ряды вокруг Ортеги и Баутисты. УВБ осталось ни с чем.

У нас было две недели.

Ортега летела на северо-восток. Чёткие инструкции, полученные от Ирены Элиотт, вывели нас на небольшое скопление куполообразных построек, обступивших западный берег озера, затерявшегося в глухих лесах за сотни километров от цивилизации. Заходя на посадку, Ортега одобрительно хмыкнула.

– Тебе знакомо это место?

– А как же. Посёлок похитителей чужого сознания. Видишь спутниковую тарелку в центре? Она нацелена на какую-то древнюю станцию наблюдения за погодой, кружащуюся на геостационарной орбите. Так что у здешних обитателей есть бесплатный доступ ко всему происходящему в этом полушарии. Вероятно, на один этот посёлок приходится половина преступлений в области передачи информации, фиксируемых на Западном побережье.

– И никто их не трогает?

– Всякое бывает. – Ортега посадила воздушный транспорт на берег озера рядом с домиками. – Видишь ли, эти ребята поддерживают работоспособность старых орбитальных станций. Если бы не они, кому-то пришлось бы раскошелиться на утилизацию станций, а это задача не из дешёвых. До тех пор, пока здешние виртуозы занимаются мелочами, с ними никто не связывается. Управление борьбы с преступлениями в области передачи данных ловит только крупную рыбу, а больше никому нет до них дела. Ты идёшь?

Я выбрался из аппарата, и мы пошли вдоль берега к посёлку. С воздуха он производил впечатление единообразия, однако сейчас я разглядел, что постройки расписаны пёстрыми картинками и абстрактными узорами. Не было двух одинаковых куполов, хотя на нескольких я разглядел руку одного художника. Кроме того, ко многим домикам примыкали крылечки, веранды, а кое-где даже бревенчатые пристройки. На натянутых между куполами верёвках сушилось белье, по улицам с громкими криками бегали резвящиеся дети.

Охранник встретил нас у внешнего кольца построек. Высотой больше двух метров, он, вероятно, весил столько же, сколько обе моих теперешних оболочки вместе. Под свободным серым комбинезоном я разглядел мышцы профессионального борца. Глаза охранника были налиты кровью, а из висков торчали короткие рога. Покрытое шрамами лицо казалось старым. Черта эта бросалась в глаза, потому что в левой руке он убаюкивал младенца.

Охранник вопросительно посмотрел на нас.

– Вы Андерсон?

– Да. А это Кристина Ортега.

Я удивился, насколько пресно прозвучало для меня это имя. Лишившись феромонного интерфейса Райкера, я лишь смутно отмечал, что рядом со мной стоит стройная, привлекательная женщина, самодостаточностью отдалённо напоминающая Вирджинию Видауру.

Правда, остались ещё воспоминания.

Мне захотелось узнать, что сейчас чувствует Ортега.

– Значит, фараон?

В голосе бывшего борца не замечалось особой теплоты, но и враждебным его тоже нельзя было назвать.

– В настоящий момент она не при исполнении, – твёрдо произнес я. – Ирена здесь?

– Да. – Переложив младенца в другую руку, охранник указал на один

из куполов. – Тот домик, что со звездами. Она вас ждет.

Не успел он договорить, как оттуда появилась Ирена Элиотт. Буркнув что-то, рогатый охранник повёл нас, по пути подцепив целый караван из увязавшихся детей. Элиотт следила за нами, сунув руки в карманы. Как и бывший борец, она была в высоких ботинках и сером комбинезоне, с которым резко контрастировала яркая повязка всех цветов радуги, удерживающая её волосы.

– К тебе гости, – сказал рогатый охранник. – Ничего не имеешь против?

Ирена Элиотт спокойно кивнула, и он, поколебавшись немного, пожал плечами и удалился в сопровождении стайки детей. Проводив его взглядом, Элиотт повернулась к нам.

– Предлагаю пройти в дом, – сказала она.

Внутри практичная постройка была разделена деревянными перегородками и коврами, развешанными на проволоке, закреплённой в пластиковом куполе. Стены также были покрыты росписью. Судя по виду, дело рук подрастающего поколения жителей. Элиотт провела нас в залитое мягким светом отделение с креслами для отдыха и выдавшим виды связным терминалом на длинном шарнире, приклеенным к стене. Похоже, она успела привыкнуть к своей новой оболочке; её движения стали плавными и уверенными. Я заметил улучшение ещё рано утром на борту «Розы Панамы», но сейчас прогресс был налицо. Устроившись в одном из кресел, Ирена Элиотт вопросительно посмотрела на меня.

– Насколько я понимаю, внутри вот этого находитесь вы, Андерсон?

Я молча склонил голову.

– Не хотите объяснить, в чём дело?

Я уселся напротив неё.

– Всё зависит от вас, Ирена. Вы с нами?

– Вы обещали, что я смогу получить обратно своё тело. – Она пыталась говорить спокойно, но в голосе прозвучала неприкрытая жажда. – Ваше обещание остаётся в силе?

Я взглянул на Ортегу, и та кивнула.

– Совершенно верно. Если всё закончится успешно, мы сможем затребовать вашу прежнюю оболочку федеральным запросом. Но это будет только в случае успеха. В случае провала мы, вероятно, получим так, что мало не покажется.

– Лейтенант, вы действуете по поручению федеральных органов?

Ортега натянуто усмехнулась.

– Не совсем. Но, согласно законодательству ООН, это можно будет

оформить задним числом. Правда, как я уже сказала, только в случае успеха.

– Федеральное поручение, оформленное задним числом. – Подняв брови, Элиотт снова посмотрела на меня. – Это такое же обычное дело, как китовое мясо. Похоже, речь идёт о чем-то из ряда вон выходящем.

– Совершенно верно, – подтвердил я. Элиотт прищурилась.

– А вы уже больше не представляете «Джэк-Сол», так? Чёрт побери, Андерсон, кто вы такой?

– Я ваша добрая фея, Ирена. Потому что если лейтенант не добьётся федерального запроса, я лично выкуплю вашу оболочку. Обещаю. Итак, вы с нами?

Ирена Элиотт задумалась, и я поймал себя на том, что к уважению, которое я испытывал к ней как к специалисту, начинает примешиваться что-то личное. Наконец она кивнула.

– Говорите, что вам нужно.

Мне потребовалось около получаса, чтобы ввести её в курс дела. Ортега всё это время беспокойно расхаживала по куполу. Я не мог её ни в чем винить. За последние десять дней Ортеге пришлось пережить крушение всех профессиональных принципов, какие у неё только были. А сейчас она ввязалась в дело, в случае неудачи грозившее участникам по сотне лет хранения, а то и больше. Наверное, без поддержки Баутисты и остальных Ортега всё же не решилась бы на это. Даже несмотря на свою устивую ненависть к мафам. Даже ради Райкера.

Впрочем, может быть, я ошибался.

Ирена Элиотт слушала молча, задав лишь три технических вопроса, на которые у меня не было ответов. После того как я закончил, она долго сидела молча. Ортега, прекратив метаться по куполу, встала рядом со мной.

– Вы сошли с ума, – наконец сказала Элиотт.

– Вы сможете сделать то, о чем мы просим?

Она открыла рот, затем снова закрыла его. Её лицо приняло мечтательное выражение, и я решил, что она мысленно прокручивает предыдущее погружение в чужое сознание. Наконец Элиотт, очнувшись, тряхнула головой, словно убеждая саму себя.

– Да, – медленно произнесла она, – сделать это можно. Но только не в реальном времени. Это совсем не то же самое, что подчистка системы видеонаблюдения борцовского зала и даже не проникновение в ядро искусственного интеллекта. То, что мы проделали с ИскИном, покажется простой системной проверкой. Для того, чтобы сделать такое – хотя бы попытаться сделать, – мне понадобится виртуальная площадка.

- С этим не будет никаких проблем. Что-нибудь ещё?
- Все зависит от того, какие системы безопасности задействованы на «Голове в облаках». – На пару мгновений её голос окрасился отвращением, в котором сквозили слезы. – Вы говорите, что это первоклассный бордель?
- Именно так, – подтвердила Ортега.
- Элиотт старательно погасила эмоции.
- Мне надо будет запустить кое-какие тесты. На это уйдет время.
- Сколько времени? – спросила Ортега.
- Ну, можно пойти двумя путями. – В голосе Ирены Элиотт прозвучало профессиональное презрение, прогнавшее остальные чувства. – Я могу провести быстрое сканирование и разбудить всю сигнализацию, имеющуюся на борту этого летающего члена. А можно будет сделать всё как надо, на что потребуется не меньше двух дней. Вам выбирать. Часы тикают.
- Действуйте не спеша, – сказал я, выразительно посмотрев на Ортегу. – Так, теперь ещё вот что. Мне нужно вживить звук и картинку. Вы знаете кого-нибудь, кто сможет сделать это без лишнего шума?
- Да, такие люди есть. Но о телеметрических системах можете забыть. Любая попытка передать что-нибудь с борта «Головы в облаках» – и мы стройными рядами направимся на хранение. Я не шучу. – Повернувшись к терминалу на шарнире, Элиотт вызвала экран общего доступа. – Посмотрим, сможет ли Рийз раздобыть микрокамеру. Такой вживленной штуковиной вы сможете записать с высоким разрешением до двухсот часов, а потом мы всё извлечем.
- Ладно, сойдет. Это стоит дорого?
- Обернувшись ко мне, Элиотт нахмурилась.
- Поговорите с Рийз. Конечно, материалы для неё придется купить, но, быть может, вам удастся уговорить её провести хирургическую операцию бесплатно, выполняя гражданский долг. А ей, в свою очередь, не мешает обзавестись влиятельными друзьями в руководстве ООН.
- Я посмотрел на Ортегу, и та покорно пожала плечами.
- Я-то думаю, – недовольно буркнула она. Элиотт отвернулась к экрану, а я встал и подошел к Ортеге.
- Кристина, – шепнул я на ухо, ловя себя на том, что моя новая оболочка относится к запаху её тела совершенно спокойно, – я не виноват в том, что нам не хватает денег. Счёт компании «Джэк-Сол» закрылся, а если я начну снимать со счета Банкрофта, это покажется странным. Придётся затянуть пояса.
- Дело не в этом, – прошептала она в ответ.

– А в чём же?

Ортега посмотрела на меня в упор.

– Ты сам прекрасно понимаешь, чёрт побери.

Глубоко вздохнув, я закрыл глаза, чтобы не встречаться с ней взглядом.

– Ты достала необходимое железо?

– Да. – Она отступила назад, и её голос, повысившись до нормального, лишился всех оттенков. – Шоковый пистолет из арсенала Фелл-стрит, его никто не хватится. Всё остальное со склада конфискованного оружия управления полиции Нью-Йорка. Завтра я сама лечу туда за этим. Никаких записей в архивах, всё на личных отношениях. Пришлось связаться кое с кем из хороших знакомых.

– Отлично. Спасибо.

– Не стоит. – Её голос наполнился жестокой иронией. – Да, кстати, пришлось здорово повозиться, чтобы найти пули с паучьим ядом. Полагаю, ты не захочешь просветить меня, в чем дело, так?

– Это личное.

Ирена Элиотт вытащила кого-то на экран. Женщину серьёзного вида в оболочке негритянки лет под шестьдесят.

– Привет, Рийз, – весело бросила она. – У меня для тебя есть клиент.

Несмотря на пессимистические ожидания, Ирена Элиотт справилась с предварительными тестами за день. Я сидел на берегу озера, приходя в себя после простой микрохирургической операции, проведенной Рийз, и бросал по воде камушки вместе с девочкой лет шести, судя по всему, усыновившей меня. Ортега ещё не вернулась из Нью-Йорка; холодок между нами так и не рассеялся.

Не потрудившись спуститься к воде, Элиотт крикнула мне об успешном проведении предварительного сканирования с порога своего купола. Я вздрогнул от неожиданности, услышав разнесшиеся над гладью озера отголоски. К открытости небольшого поселка надо было привыкнуть, и я до сих пор не мог понять, какое она имеет отношение к пиратству в информационных потоках. Передав камушек девочке, я непроизвольно почесал небольшой порез под глазом – туда Рийз вживила записывающую камеру.

– Вот. Посмотри, получится ли у тебя вот с этим.

– Твои камни очень тяжелые, – обиженно заявила девочка.

– Ну всё равно, попробуй. Мой последний камень подпрыгнул девять раз.

Прищурившись, она оглядела меня с ног до головы.

– У тебя особая нейрохимия, а мне всего шесть лет.
– Совершенно справедливо. И первое, и второе. – Я положил руку ей на голову. – Но надо учиться работать с тем, что имеешь.

– Когда я вырасту, я стану такой же, как тетя Рийз.

Я ощутил, как на чисто выметенный нейрохимией «Хумало» пол моего мозга опустилась грусть.

– Желаю тебе удачи. Слушай, мне пора уходить. Не подходи близко к воде, хорошо?

Девочка посмотрела снисходительно.

– Я умею плавать.

– И я тоже. Но вода холодная, не так ли?

– Да-а-а...

– Вот и договорились.

Потрепав девочку по голове, я направился к посёлку. Дойдя до первого купола, я оглянулся. Девочка швырнула в озеро большой плоский камень так, будто вода была её смертельным врагом.

Ирена Элиотт пребывала в том рассеянном состоянии, в какое впадают компьютерные крысы после долгого блуждания по цифровым лабиринтам.

– Пришлось заняться историческими раскопками, – сказала она, разворачивая терминал. Её пальцы заплясали по клавиатуре, и экран вспыхнул, озарив разноцветными отсветами лицо. – Как имплантат?

Я снова пощупал нижнее веко.

– Замечательно. Рийз подключила его напрямую к той же системе, которая управляет микросхемой времени. Она могла бы зарабатывать этим на жизнь.

– А так оно и было, – ответила Элиотт. – До тех пор, пока Рийз не вышвырнули за чтение литературы с критикой порядков Протектората. Когда всё закончится, не забудьте проследить, чтобы кто-нибудь замолвил за неё словечко на федеральном уровне. Ей сейчас приходится очень плохо.

– Да, она говорила. – Я заглянул через её плечо на экран. – Что это тут?

– «Голова в облаках». Чертежи, хранящиеся в архивах воздушной верфи в Тампе. Полные технические характеристики корпуса и систем. Этому хламу несколько сотен лет. Поразительно, что его до сих пор не стёрли за ненадобностью. Ладно, к делу. Первоначально эту штуковину построили для флотилии по борьбе со штормами в Карибском море. Это было ещё до появления сети спутников погоды «Скайсистемз». После того, как его переоборудовали, системы дальнего слежения демонтировали, но все локальные сенсоры остались. С их помощью и обеспечивается защита корпуса. Температурные датчики, инфракрасные детекторы и всё такое. Как

только к любому месту корпуса приблизится что-либо, имеющее температуру человеческого тела, охранная система сразу же даст знать.

Я кивнул, нисколько не удивленный.

– Внутрь попасть можно?

Элиотт пожала плечами.

– Сотни способов. Вентиляционные шахты, служебные трапы. Выбирайте на свой вкус.

– Мне надо будет ещё раз взглянуть на то, что рассказал Миллер. Но, полагаю, придётся проникать сверху. Тепло тела является единственной проблемой?

– Да, но эти датчики способны обнаружить любой объект размером больше квадратного миллиметра, обладающий отличающейся температурой. Костюм-невидимка вас не спасёт. Господи, датчики среагируют даже на дыхание, вырывающееся из лёгких. И на этом дело не кончается. – Элиотт угрюмо кивнула на экран. – Похоже, эта система очень понравилась новым владельцам «Головы в облаках», потому что они оснастили ею весь дирижабль. Отдельные мониторы следят за температурой во всех помещениях и коридорах.

– Да, Миллер говорил что-то про тепловые сигнатуры.

– Он был прав. Все прибывающие на борт гости регистрируются, их коды заносятся в охранную систему. Как только в помещении появляется кто-то посторонний или зарегистрированный гость направляется туда, куда не следует, по всему дирижаблю срабатывает сигнализация. Система очень простая и очень действенная. Взломать её и вписать туда ваш код гостя, скорее всего, не получится. Чересчур строгие меры защиты.

– Об охране можете не беспокоиться, – заверил я. – Не думаю, что с этим возникнут какие-либо проблемы.

– Что ты сказал?

По лицу Ортеги грозовым фронтом пробежала ярость, смешанная с растерянностью. Она отшатнулась от меня, словно я был заразный.

– Это было лишь предположение. Если ты не...

– Нет. – Ортега произнесла это слово так, словно оно было для неё новым и ей понравился его вкус. – Нет. Даже не думай об этом, твою мать. Ради тебя я покрыла случай умышленного заражения вирусом, утаила улики, я помогла тебе обзавестись несколькими оболочками...

– Всего двумя.

– Всё равно это преступление, чёрт побери, – процедила она сквозь зубы. – Так вот, я не собираюсь красть из полицейского хранилища

конфискованные наркотики.

– Ладно, забудь об этом. – Я задумался. – Слушай, а ты не хочешь помочь мне конфисковать новые?

Лицо Ортеги растянулось в непрощённой улыбке, и у меня внутри всё возликовало.

Торговец находился на том самом месте, где и две недели назад, когда я случайно шагнул в зону действия его передатчика. На этот раз я увидел старого знакомого заранее, метрах в двадцати, затаившегося в простенке с лупоглазым передающим устройством на плече. Улица была малолюдна в обоих направлениях. Я кивнул Ортеге, стоящей напротив, и пошёл вперёд. Формат рекламного обращения не изменился: вереница до смешного свирепых женщин и внезапный холод бетатанатина. На этот раз я оказался к нему готов, и в любом случае нейрохимия «Хумало» успешно подавила голос зазывалы. Жадно улыбнувшись, я шагнул к торговцу.

– Дружище, есть «труп».

– Отлично, то что нужно. Сколько у тебя?

Он удивлённо уставился на меня, раздираемый алчностью и подозрением. Его рука на всякий случай потянулась к отпугивающей коробке на поясе.

– А сколько надо, дружище?

– Всё, – весело сказал я. – Всё, что у тебя есть.

Наконец торговец раскусил меня, но было слишком поздно. Я перехватил его пальцы, не успевшие добраться до кнопок управления отпугивающей коробки.

– А-а-а!

Он замахнулся другой рукой. Я заломил его пальцы. Взыв от боли, торговец повалился на мостовую. Пнув ногой в живот, я отобрал у него отпугивающую коробку. Появившаяся за спиной Ортега ткнула торговцу в мокрое от пота лицо полицейский значок.

– Полиция Бей-Сити, – лаконично произнесла она. – Попался, голубчик! Давай-ка посмотрим, что у тебя.

Бетатанатин у него был на лейкопластыре, расфасован по крошечным стеклянным флакончикам, обёрнутым ватой. Подняв один флакончик к свету, я встряхнул его. Жидкость внутри была бледно-розовой.

– Как на твой взгляд? – спросил я Ортегу. – Где-то процентов восемьдесят, да?

– Похоже на то. А может быть, ещё меньше. – Поставив колено наркоторговцу на шею, она вдавила его лицо в мостовую. – Когда ты успел

его разбавить, приятель?

– Товар первосортный, – взвыл торговец. – Я покупаю напрямую. Товар...

Ортега с силой ударила его по голове костяшками пальцев, и он умолк.

– Это моча, – терпеливо произнесла она. – Разбавленная настолько, что от неё не будет даже простуды. Нам такая дрянь не нужна. Можешь забирать её себе и проваливать. Нам только нужно знать, где ты её достаешь. Адрес.

– Ничего я не...

– Хочешь получить пулю в спину при попытке к бегству? – милым тоном спросила Ортега, и торговец внезапно затих.

– Есть одно место в Окленде, – угрюмо буркнул он. Ортега протянула карандаш и бумагу.

– Пиши. Никаких имен, только адрес. И да поможет тебе Бог, если ты вздумаешь нас обмануть. Я вернусь сюда с пятьюдесятью кубиками настоящего «труса» и скормлю его тебе весь – до последней капли, неразбавленный.

Взглянув на листок с каракулями, Ортега кивнула и убрала колено с шеи торговца, даже потрепала его по плечу.

– Вот и отлично. А теперь поднимайся и убирайся отсюда ко всем чертям. Если ты нас не обманул, можешь завтра возвращаться на работу. Если же обманул, знай, я хорошо запомнила твою рожу.

Мы проводили взглядом торговца, поспешно захромавшего прочь. Ортега постучала пальцем по листку бумаги.

– Мне знакомо это место. В прошлом году его пару раз накрывали ребята из отдела наркотиков, но какому-то ушлому адвокату удалось вытащить крупных шишек. Сейчас мы заявимся к ним, поднимем большой шум, а потом притворимся, что купились на партию неразбавленного бетатанатина.

– Разумно. – Я бросил взгляд вслед удаляющемуся торговцу. – А ты действительно пристрелила бы его?

– Нет. – Ортега ухмыльнулась. – Но он этого не знает. Ребята из отдела наркотиков время от времени проделывают подобные штучки. Просто чтобы убрать с улиц крупных торговцев, когда происходит что-то серьезное. Виновный сотрудник получает нагоняй, пострадавшему выплачивается компенсация за новую оболочку, но процесс это долгий, и тем временем торговец мёрзнет в холодильнике. К тому же получить пулю в спину – очень болезненно. Я была весьма убедительной, правда?

– Меня ты убедила, твою мать.

- Быть может, мне стоит податься в чрезвычайные посланники.
Я покачал головой.
- Быть может, тебе стоит поменьше общаться со мной.

Я уставился в потолок, дожидаясь, когда сонокоды гипнофона, убаюкав, заставят меня покинуть реальность. В соседних стойках разместились Дэвидсон, компьютерщик отдела органических повреждений, и Ортега. Даже через наушники гипнофона я слышал, напрягая до предела нейрхимию, их дыхание, размеренное и замедленное. Я попытался расслабиться ещё больше и облегчить гипносистеме проход через плавно сменяющиеся уровни отключения сознания. Но вместо этого мой мозг лихорадочно носился по деталям предстоящей операции, словно программа-отладчик, выискивающая неисправности в сложном оборудовании. Моё состояние напоминало бессонницу, которой я страдал после Инненина. Выводящий из себя зуд нервных окончаний, никак не проходивший. Когда цифровой дисплей часов на периферии поля зрения сообщил, что прошла целая минута, я приподнялся на локте и взглянул на Ортегу и остальных, мирно дремавших в стойках.

- Возникли какие-то проблемы? – спросил я вслух.
- Определение местонахождения Шерил Босток завершено, – ответил отель. – Я предположил, что вы предпочтёте выслушать это без посторонних.

Выпрямившись, я начал отрывать от тела электроды.

- Вы предположили правильно. Остальные точно отключились?
- Лейтенант Ортега и её подчиненные переключились в виртуальность приблизительно две минуты назад. Ирена Элиотт находится там с полудня. Она попросила, чтобы её не беспокоили.

- С каким коэффициентом вы работаете в настоящий момент?
- Одиннадцать целых и пятнадцать сотых, как и указала Элиотт.

Кивнув, я выбрался из стойки. Одиннадцать целых и пятнадцать сотых – стандартный коэффициент компьютерщиков. Именно так называется очень кровавый, но в остальном ничем не запоминающийся боевик с участием Мики Нозавы. Единственное, что я запомнил, была неожиданная гибель героя Нозавы в самом конце фильма. Я надеялся, это не станет дурным предзнаменованием.

- Ну хорошо, – сказал я. – Посмотрим, что там у вас.

Между смутно виднеющимся беспокойным морем и огнями охотничьего домика раскинулась лимонная роща. Я пошёл по пыльной

тропинке между деревьями, наслаждаясь ароматом цитрусовых. В высокой траве, растущей вдоль дороги, громко трещали цикады. В бархатном небе над головой звёзды сверкали, как закреплённые бриллианты, а за домиком земля начинала плавно уходить вверх, превращаясь в пологие холмы, позади которых темнела неровная полоса гор. На склонах неясно белели силуэты овец, и до того места, где я находился, доносился лай. Вдалеке мерцали огоньки рыбацкой деревни, менее яркие, чем звёзды.

Под верхней балкой крыльца охотничьего домика качались фонари, но за деревянными столиками никого не было. Стену украшала буйная абстрактная картина, посреди которой красовалась выведенная люминесцентной краской надпись «Пансион цветов 68-го года». Вдоль перил были развешаны колокольчики, покачивающиеся и подмигивающие в порывах легкого бриза, долетавшего с моря. Они издавали самые разнообразные звуки, от хрустального звона до гулко-го деревянного стука.

На неухоженной пологой лужайке перед крыльцом кто-то расставил в круг диваны и кресла, так что со стороны казалось, будто стены домика подняли и перенесли на новое место, позабыв интерьер на улице. От пёстрого собрания мягкой мебели, озаряемого огоньками сигарет, доносились приглушённые обрывки разговора. Я стал рыться в карманах в поисках курева, но обнаружил, что, во-первых, его у меня нет, а во-вторых, курить больше не хочется. Я криво усмехнулся.

Над ровным гомоном беседы возвысился голос Баутисты.

– Ковач, это ты?

– А кто ещё это может быть? – послышалось нетерпеливое восклицание Ортеги. – Это же виртуальность, чёрт бы её побрал.

– Да, но... – Пожав плечами, Баутиста указал на свободное место. – Присоединяйся.

На расставленной кругом мягкой мебели сидели пятеро. Ирена Элиотт и Дэвидсон устроились в противоположных концах дивана рядом с креслом, занятым Баутистой. С другой стороны от Баутисты на втором диване вытянулась во весь рост Ортега.

Пятая фигура глубоко утонула в другом кресле, вытянув длинные ноги. Лицо оставалось в тени, жёсткие чёрные волосы торчали над пёстрой банданой. На коленях у незнакомца лежала белая гитара.

Я остановился перед ним.

– «Хендрикс», насколько я понимаю?

– Совершенно верно. – В голосе прозвучали глубина и тембр, отсутствовавшие прежде. Смуглые руки с тонкими, длинными пальцами прошли по ладам, огласив теряющуюся в темноте лужайку нестройными

аккордами. – Проекция базового образа, заложенная на аппаратном уровне создателями. Вот что остается, если снять слои изображений, создаваемых системой подстройки под клиентов.

– Хорошо. – Я сел в кресло напротив Ирены Элиотт. – Вы удовлетворены условиями работы?

Она кивнула.

– Да, всё замечательно.

– Давно вы здесь?

– Я? – Элиотт пожала плечами. – Где-то сутки. А ваши друзья прибыли пару часов назад.

– Два с половиной часа назад, – угрюмо поправила её Ортега. – А ты где задержался?

– Сбой, вызванный нейрохимией. – Я кивнул на фигуру «Хендрикса». – Разве он вам не говорил?

– Именно это он нам и сказал. – Её взгляд стал цепким и придиричвым, как и полагается настоящему полицейскому. – Просто мне бы хотелось уточнить, что это значит.

Я беспомощно развёл руками.

– И мне тоже. Нейрохимия «Хумало» постоянно выпихивала меня из канала, и нам потребовалось какое-то время на то, чтобы добиться совместимости. Возможно, надо будет связаться с производителями. – Я снова повернулся к Ирене Элиотт. – Насколько я понимаю, для погружения вы хотите запустить форматирование на максимальной скорости.

– Вы правильно понимаете. – Элиотт ткнула пальцем в сторону «Хендрикса». – Он говорит, что может работать с коэффициентом триста двадцать четыре, но даже с такой скоростью придётся изрядно попотеть.

– Вы уже начали внедрение?

Элиотт мрачно кивнула.

– Проникнуть туда оказалось сложнее, чем в орбитальный банк. Но я уже сделала пару любопытных открытий. Во-первых, ваша подруга Сара Сахилловская была переправлена с борта «Головы в облаках» два дня назад, а затем через шлюзовую коммуникационную систему переслана на Харлан. Так что теперь она в относительной безопасности.

– Очень рад. Полагаю, вам пришлось изрядно потрудиться, чтобы раскопать это.

– В общем, задача оказалась не из лёгких. – Элиотт кивнула на «Хендрикса». – К счастью, мне помогли.

– Ну а второе любопытное открытие?

– Да. Так вот, каждые восемнадцать часов происходит пересылка

информации по закрытой линии связи на принимающую станцию в Европе. Больше без погружения ничего не могу сказать, но, насколько я поняла, пока не нужно. Похоже, я нашла то, что мы искали.

Я вспомнил автоматические пушки, похожие на лапы паука, кожистую оболочку зародышевых мешков, а также мрачных каменных стражей, подпирающих крышу базилики, и поймал себя на том, что снова улыбаюсь, отвечая на их прячущиеся под капюшонами презрительные усмешки.

– Что ж, в таком случае, – я обвёл взглядом собравшихся, – пора приступать к делу.

Глава сороковая

Это снова была Шария.

Мы поднялись с крыши башни «Хендрикса» через час после наступления темноты и влились в ночь, расцвеченную огнями воздушных транспортных средств. Ортега воспользовалась тем самым аппаратом «Локхид-Митома», на котором меня сразу после выгрузки отвезли на виллу «Закат». Но когда я очутился в тускло освещённом чреве корабля, мне показалось, я опять вернулся в штурмовой отряд Корпуса чрезвычайных посланников, готовящийся к высадке в Зихикке. Все вокруг было таким же: Дэвидсон, с лицом, озарённым бледно-голубыми отсветами коммуникационного терминала, играл роль связиста; Ортега, распаковывавшая из рюкзака полоски пластыря и зарядные устройства, была санитаром. В проходе, ведущем к кабине, застыл скрюченный Баутиста, не находящий себе места от беспокойства, а ещё один незнакомый мне «ирокез» сидел за штурвалом. Наверное, на моём лице что-то отразилось, потому что Ортега, оторвавшись от рюкзака, пристально посмотрела на меня.

– Какие-то проблемы?

Я покачал головой.

– Так, немного ностальгии.

– Надеюсь, ты знаешь, о чём говоришь.

Она прислонилась к переборке. В её руке первая полоска пластыря казалась лепестком, оторванным от какого-то светящегося изумрудного цветка. Усмехнувшись, я склонил голову набок, подставляя горло.

– Это четырнадцатипроцентная, – сказала Ортега, прилепляя холодную зелёную полоску мне к шее.

Я ощутил прикосновение чего-то похожего на мелкую шкурку, и тотчас же холодный поток хлынул по ключицам глубоко в грудь.

– Кайф.

– Так и должно быть, твою мать. Знаешь, за сколько эта дрянь ушла бы на улице?

– Вот они, маленькие радости службы в правоохранительных органах.

Баутиста резко обернулся.

– Это не смешно, Ковач.

– Родж, оставь его в покое, – лениво бросила Ортега. – Он в таком состоянии, что надо прощать неудачные шутки. Пойми, это нервы.

Я поднёс палец к виску, подтверждая справедливость её слов. Ловко оторвав пластырь, Ортега отодвинулась в сторону.

– Три минуты до следующей, – сказала она. – Так?

Блаженно кивнув, я открыл рассудок для проникновения «Потрошителя».

Сначала мне было неудобно. По мере того как температура тела понижалась, воздух в салоне транспорта становился всё более жарким и спёртым. Он обжигающей влажной массой проникал в лёгкие и оставался там, и вскоре мне стало тяжело дышать. Перед глазами всё поплыло, во рту стало неприятно сухо. Баланс жидкостей в организме нарушился.

Затем в действие вступили управляющие стимуляторы, и за считанные мгновения голова очистилась от тумана, сменившегося невыносимо ярким бликом солнечного луча на лезвии ножа. Воздух перестал напоминать обжигающий бульон: нейрорегуляторы заставили жизненные системы организма откликнуться на изменение температуры тела. Дыхание превратилось в ленивое наслаждение, и каждый вдох стал глотком горячего рома в студёный вечер. Кабина транспорта и находящиеся в ней люди внезапно показались зашифрованной загадкой, разгадка к которой у меня есть, вот только нужно...

Я поймал себя на том, что на лице помимо воли появляется придурковатая ухмылка.

– У-ух ты, Кристина, это... это просто здорово. Лучше, чем Шария.

– Рада, что тебе понравилось. – Ортега взглянула на часы. – Ещё две минуты. Ты готов?

– Готов. – Сжав губы, я неумело присвистнул. – Всё что угодно. Я готов на всё что угодно.

Ортега кивнула Баутисте, вероятно, предлагая посмотреть на приборную панель.

– Родж, сколько у нас ещё времени?

– Будем на месте меньше чем через сорок минут.

– Давай сюда костюм.

Пока Баутиста полез в шкафчик над головой, Ортега, сунув руку в карман, достала гипноспрей со страшной на вид иглой на конце.

– Я хочу дать тебе вот это, – сказала она. – Своего рода маленькая страховка от отдела органических повреждений.

– Иголка? – Я покачал головой, как мне показалось, с механической точностью. – Угу. Надеюсь, ты не собираешься вонзать в меня эту долбаную штуковину.

– Это маячок, – терпеливо объяснила Ортега. – Без него ты отсюда не

выйдешь.

Я посмотрел на сверкающую иголку. Мой рассудок нарезал факты, словно овощи для салата. В морской пехоте мы использовали подкожные инъекции трассирующих элементов для того, чтобы следить за действиями бойцов, выполняющих специальные задания. Это позволяло в любой момент определить местонахождение наших людей, чтобы в случае чего вытащить их из неприятности. Если же всё проходило нормально, молекулы трассирующих элементов распадались на органические остатки в течение сорока восьми часов.

Я взглянул на Дэвидсона.

– Какой радиус действия?

– Сто километров. – Внезапно молодой «ирокез» в отсвете экрана показался мне очень толковым парнем. – Запускается только сигналом поиска. Пока мы вас не вызовем, эта штука будет молчать. Достаточно безопасно.

Я пожал плечами.

– Ладно. Куда ты собираешься его засунуть?

Встав, Ортега взяла иголку.

– В шейные мышцы. Просто и со вкусом. И близко к памяти полушарий – это на тот случай, если тебе отрежут голову.

– Очаровательно.

Поднявшись с места, я повернулся спиной, чтобы Ортеге было удобнее колоть. В затылке сверкнула острая боль, и тут же всё окончилось. Ортега похлопала меня по плечу.

– Готово. Он есть на экране?

Потыкав клавиши терминала, Дэвидсон удовлетворённо кивнул. Баутиста тем временем разложил на сиденье антигравитационную упряжь. Сверившись с часами, Ортега взяла следующую полоску пластыря.

– Тридцать семь процентов, – улыбнулась она. – Ты готов к настоящему морозу?

У меня было такое ощущение, будто моё тело погрузили в алмазы.

К тому времени, как мы долетели до «Головы в облаках», препарат уже подавил эмоциональные отклики организма и всё вокруг приобрело острые сверкающие края голой информации. Отчётливость превратилась в своеобразное вещество, в плёнку понимания, обволакивающую то, что я видел и слышал. Костюм-невидимка и антигравитационная упряжь показались мне самурайскими доспехами, а достав из кобуры шоковый пистолет, чтобы проверить установки, я буквально на ощупь почувствовал

заряд, притаившийся в нём сжатой пружиной.

Это была единственная великодушная фраза в синтаксисе оружия, которым я обмотался. Все остальное было категоричными предложениями, означавшими смерть.

Осколочный пистолет, заряженный пулями с паучьим ядом, давил на рёбра рядом с шокером. Я установил значение диаметра дула на максимум. На расстоянии пяти метров один выстрел уложит целую комнату врагов, причём без отдачи и совершенно бесшумно. Привет от Сары Сахиловской.

Целая обойма термитных микрогранат разместилась в кармане на левом бедре. Каждая не больше и не толще дискеты для хранения данных. Память об Ифигении Деми.

Нож «Теббит», закреплённый нейрозащёлкой на запястье правой руки под костюмом-невидимкой. Последнее слово.

Я попытался найти в себе тот леденящий холод, который испытывал, стоя перед дверями «Закутка Джерри», но в хрустальных глубинах «Потрошителя» он был не нужен.

Пора действовать.

– Визуальный контакт с целью, – доложил пилот. – Не хотите подняться и взглянуть на малышку сверху?

Я переглянулся с Ортегой, та пожала плечами, и мы с ней прошли в кабину. Ортега устроилась рядом с «ирокезом» и надела шлемофон второго пилота. Мне пришлось довольствоваться тем, что я, отодвинув Баутисту, сгорбился в проходе. Впрочем, и отсюда было хорошо видно.

Почти вся кабина «Локхид-Митомы» выполнена из прозрачного сплава, на который проецируется приборная панель, что дает пилоту отличный обзор. Ощущение было знакомо мне по Шарии: словно летишь на слегка выпуклом подносе, на стальном языке или, быть может, на коврейсамолете, а под тобой раскинулась живописная картина. Ощущение головокружительное, позволяющее почувствовать себя хотя бы на краткий миг Богом. Я взглянул на «ирокеза», сидевшего рядом, гадая, испытывает ли он сейчас это, или же, как и я под воздействием «Потрошителя», он остаётся бесчувственным ко всему.

Сегодня ночью небо было безоблачным. «Голова в облаках» висела впереди, чуть левее, словно деревня в горах, увиденная издалека. Скопление крошечных голубых огоньков, нежно напевающих о тепле и домашнем уюте в ледяном мраке. Казалось, Кавахара для своего публичного дома выбрала край земли.

Транспорт накренился, поворачивая на огоньки. Вдруг кабина наполнилась электронным писком, и приборная панель, проецируемая на

потолок, на мгновение погасла.

– Так, уже встречают, – резко бросила Ортега. – Летим вперёд. Я хочу пролететь у него под брюхом. Пусть хорошенько нас разглядят.

«Ирокез» промолчал, но транспорт клюнул носом вниз. Протянув руку к приборной панели над головой, Ортега ткнула кнопку. В кабину ворвался сердитый мужской голос.

– ...в закрытом воздушном пространстве. Мы имеем полномочия уничтожать любой вторгнувшийся летательный аппарат. Немедленно назовите себя.

– Полиция Бей-Сити, – кратко представилась Ортега. – Выгляни в иллюминатор и увидишь у нас на борту полосы. Мы находимся здесь по официальному делу, приятель, так что если ты только повернешь пусковую установку в нашу сторону, я собою тебя к ядрёне фене!

Последовала тишина, нарушаемая лишь электрическим шипением. Обернувшись ко мне, Ортега ухмыльнулась. «Голова в облаках» увеличивалась в размерах, набегая, словно цель в объективе головки наведения ракеты, и вдруг резко дёрнулась вверх и пронеслась у нас над головами. Пронырнув под корпусом воздушного корабля, пилот развернулся. Я разглядел огни иллюминаторов, сгрудившихся вдоль бортов гроздьями мороженных фруктов, убранные посадочные площадки и вытянутый корпус дирижабля.

– Назовите цель вашего появления, – резко произнес отвратительный голос.

Ортега выглянула из кабины, словно пытаясь отыскать на огромном сигарообразном корпусе дирижабля громкоговорители. Её голос стал ледяным:

– Сынок, я тебе уже всё сказала. А теперь выдвигай посадочную площадку.

Опять тишина. Мы описали вокруг «Головы в облаках» дугу радиусом пять километров. Я начал натягивать перчатки костюма-невидимки.

– Здравствуйте, лейтенант Ортега. – Теперь это был голос Рейлины Кавахары, но в глубинах бетатанатина даже ненависть потеряла остроту, и мне пришлось напомнить себе, что я её испытываю. В основном меня занимало то, с какой быстротой Ортегу вычислили по голосу. – Прямо скажем, мы вас здесь не ждали. У вас есть ордер на обыск? Насколько я понимаю, наши лицензии в порядке.

Подняв бровь, Ортега посмотрела на меня. Анализ голоса и на неё произвёл впечатление. Она кашлянула.

– Сейчас речь идёт не о лицензиях. Мы разыскиваем сбежавшего

преступника. Если вы начнёте шуметь по поводу ордера на обыск, у меня может возникнуть подозрение, что у вас совесть нечиста.

– Лейтенант, не угрожайте, – холодно произнесла Кавахара. – Вы хоть представляете себе, с кем разговариваете?

– Полагаю, с Рейлиной Кавахарой.

В наступившей зловещей тишине Ортега торжествующе вонзила кулак в воздух и, повернувшись ко мне, улыбнулась. Стрела попала в цель. Я ощутил, как уголки моих губ тронула едва уловимая усмешка.

– В таком случае, лейтенант, вероятно, вам лучше назвать имя этого преступника. – Голос Кавахары был равнодушным, словно черты лица синтетической оболочки, не загруженной сознанием.

– Его зовут Такеси Ковач, – снова улыбнулась Ортега. – Однако в настоящий момент он загружен в тело бывшего офицера полиции. Мне бы хотелось задать вам несколько вопросов, имеющих отношение к этому человеку.

Последовала ещё одна длительная пауза, и я понял, что приманка сработала. Я разрабатывал ложь слой за слоем, используя навыки чрезвычайных посланников. Кавахаре практически наверняка известно о связи Ортеги и Райкера и, скорее всего, она догадалась, что лейтенант запуталась в отношениях с новым обитателем оболочки бывшего возлюбленного. Она должна купиться на беспокойство Ортеги по поводу моего исчезновения. Она должна купиться на её несанкционированный визит в «Голову в облаках». А если предположить, что Кавахара недавно разговаривала с Мириам Банкрофт – это практически гарантировано, – сейчас она должна быть уверена в том, что знает, где я нахожусь. Следовательно, она уверена в том, что у неё есть преимущество перед Ортегой.

Но самое главное, Кавахаре очень захочется узнать, откуда полиции Бей-Сити известно, что она находится на борту «Головы в облаках». А поскольку, скорее всего, эта информация поступила прямо или косвенно от Такеси Ковача, Кавахаре захочется узнать, откуда это известно ему. Ей захочется узнать, что именно ему известно и что он рассказал полиции.

Она захочет встретиться с Ортегой.

Застегнув на запястьях швы костюма-невидимки, я стал ждать. Мы завершали третий облёт «Головы в облаках».

– Приглашаю подняться на борт, – наконец ответила Кавахара. – Идите на посадочный маяк по правому борту. Код доступа вам сообщат.

«Локхид-Митома» был оборудован кормовой выпускной трубой,

уменьшенной гражданской разновидностью пускового устройства, которое используют на военных кораблях для сброса самонаводящихся бомб и разведывательных зондов. Доступ в трубу открывался через пол главного отсека, и, скрючившись в три погибели, я разместился внутри вместе с костюмом-невидимкой, антигравитационной упряжью и своим арсеналом. Мы три или четыре раза отрепетировали это на земле, но сейчас, когда транспорт наконец заходил к «Голове в облаках», процесс вдруг показался долгим и сложным. Наконец мне удалось втиснуть в трубу последние звенья упряжи, и Ортега, похлопав по шлему, закрыла люк и похоронила меня в темноте.

Через три секунды труба раскрылась и выплюнула моё тело в ночное небо.

Я ощутил что-то вроде смутной радости, чувства, которое этой оболочке на клеточном уровне было незнакомо. Меня внезапно выпихнули из тесноты трубы и шумной вибрации двигателей транспорта в абсолютную тишину и свободу. Через толстую подкладку шлема даже не проникал свист рассекаемого в свободном падении воздуха. Как только я отлетел на достаточное расстояние от трубы, сработала антигравитационная упряжь, затормозив падение до того, как оно успело по-настоящему начаться. Я почувствовал, как завис в силовом поле – нельзя сказать, что неподвижно, а скорее, как мячик, прыгающий на струе воды из фонтана. Развернувшись, я проводил взглядом задние габаритные огни машины, съёживающиеся вдаль, по направлению к туше «Головы в облаках».

Воздушный корабль нависал впереди и выше грозовой тучей, расцвеченной огоньками иллюминаторов. В обычном состоянии при мысли о том, что я представляю собой неподвижную мишень, меня бы охватил леденящий страх, но бетатанатин сгладил эмоции, оставив только чёткий поток голой информации. В костюме-невидимке я оставался чёрным, сливающимся с окружающим ночным небом, и разглядеть меня можно было только с помощью радара. Силовое поле, генерируемое антигравитационной упряжью, теоретически могло быть зафиксировано каким-нибудь датчиком, но среди возмущения, создаваемого стабилизаторами дирижабля, меня пришлось бы поискать, и поискать хорошо. Всё это было известно мне с абсолютной определенностью, не оставлявшей места для сомнений, страхов и других неприятных эмоций. Я полностью отдался «Потрошителю».

Я перевёл толкатели на осторожное поступательное движение и поплыл к массивному сигарообразному корпусу дирижабля. На внутренней

поверхности забрала шлема ожили чертежи, и я увидел точки проникновения, обозначенные Иреной Элиотт красным. Одна из них, открытое сопло демонтированной кабины датчиков, призывно пульсировала рядом с надписью, выполненной чёткими зелёными буквами: «Наиболее благоприятный путь». Я начал крадучись подниматься вверх.

Сопло имело в диаметре около метра. После того как удалили датчики слежения за состоянием атмосферы, его края остались зазубренными. Сначала я просунул в сопло ноги – в антигравитационной упряжи задача очень сложная – и, ухватившись за край, словно червяк заполз внутрь по талию. Затем, развернувшись, сложил упряжь, после чего смог с трудом пробраться в отверстие и спрыгнуть на пол башни. Теперь можно отключить силовое поле.

Внутри был узкий проход, пространство, едва достаточное для того, чтобы здесь мог разместиться лежа на спине техник, проверяющий оборудование. В задней части башни, как и на чертежах, скачанных Иреной Элиотт, находился старинный воздушный шлюз, запирающийся громоздким колесом. Извиваясь, я прополз вперед так, чтобы можно было ухватить колесо. Я цеплялся костюмом и упряжью о стены тесного прохода, чувствуя, что эти действия успели полностью истощить мои силы. Я сделал глубокий вдох, пытаюсь подпитать мышцы в коматозном состоянии, и, подождав, чтобы бьющееся в замедленном ритме сердце разнесло свежий кислород по всему телу, навалился на колесо. Вопреки ожиданиям, оно провернулось достаточно легко, и шлюзовой люк провалился внутрь. За ним была темнота, заполненная плотным воздухом.

Какое-то время я лежал совершенно неподвижно, собираясь с силами. Привыкнуть к ударной дозе «Потрошителя» нелегко. На Шариин нам не приходилось превышать двадцать процентов. Температура атмосферного воздуха в районе Зихикка держалась относительно высокая, а инфракрасные датчики, которыми оснащали танки-пауки, были очень грубыми. Здесь же на тело с температурой воздуха Шариин сработали бы все системы сигнализации. Но без тщательной подпитки кислородом моё тело быстро истощит запасы энергии на клеточном уровне, и я останусь бессильно хрипеть на полу, словно выброшенный на берег кит. Я лежал неподвижно, дыша размеренно и глубоко.

Через несколько минут я развернулся и отцепил антигравитационную упряжь, затем осторожно проскользнул через шлюз и зацепился за стальную решетку палубы ладонями. Затем медленно вытащил из люка остальное тело, чувствуя себя бабочкой, появляющейся на свет из кокона. Окинув взглядом тёмный коридор, я поднялся на ноги и снял с себя шлем и

костюм-невидимку. Если чертежи корпуса, извлечённые Иреной Элиотт из архивов судостроительной верфи в Тампе, до сих пор соответствуют действительности, этот коридор должен проходить под огромной сигарой, наполненной гелием, до кормовой рубки управления подъёмной силой. Оттуда я смогу по служебному трапу спуститься непосредственно на главную техническую палубу. Согласно информации Миллера, каюта Кавахары с тремя большими окнами находится двумя уровнями ниже по левому борту.

Я извлёк из памяти чертежи и, достав осколочный пистолет, двинулся в сторону кормы.

Мне понадобилось меньше пятнадцати минут, чтобы добраться до рубки управления подъёмной силой, и по дороге я никого не встретил. Сама рубка, похоже, была полностью автоматизирована, и у меня возникли подозрения, что в наши дни ни у кого не возникает желания разгуливать по шатким трапам в верхней части корпуса дирижабля. Отыскав служебный трап, я начал мучительно медленно спускаться вниз до тех пор, пока тёплые отсветы снизу не сообщили, что я дошёл до главной технической палубы. Я остановился и прислушался, в течение целой минуты напрягая до предела органы чувств, и лишь затем преодолел последние четыре метра. Я спрыгнул на пол ярко освещённого коридора, застеленного ковровой дорожкой. В коридоре никого не было.

Сверившись с внутренними часами, я убрал осколочный пистолет. Время шло неумолимо. Сейчас Ортега и Кавахара уже ведут беседу. Оглядевшись вокруг, я пришёл к выводу, что для каких бы функций ни предназначалась главная техническая палуба в прошлом, сейчас она их не выполняла. Отделанный в матово-красных с золотом тонах коридор был уставлен кадками с экзотическими растениями и светильниками в виде совокупающихся пар через каждые несколько метров. Густая ковровая дорожка под ногами была выткана чрезвычайно подробными картинами сексуального самозабвения. Мужчины и женщины переплетались друг с другом вдоль всего коридора в непрерывной последовательности ласк и объятий. На стенах были развешаны такие же откровенные голографические картины. При моём приближении они оживали и принимались стонать и охать. Мне показалось, что на одной из них я узнал темноволосую женщину с алыми губами из уличной рекламы, ту, что прижималась к моему бедру в баре на другом конце земного шара.

В холодном отрешении бетатанатина эти картинки производили на меня действия не больше, чем марсианские техноглифы.

Приблизительно через каждые десять метров в коридор с обеих сторон выходили обитые бархатом двустворчатые двери. Не требовалось особого воображения, чтобы догадаться, что за ними происходит. Биокабинки Джерри, но классом повыше. И каждая дверь могла в любую минуту исторгнуть удовлетворённого клиента. Я ускорил шаг, ища боковой проход, который, насколько мне было известно, должен вести к лестнице и лифтам на другие уровни.

Вдруг передо мной из раскрытых дверей с медлительностью, словно бы вызванной артритом, появился какой-то мохнатый зверь. Молодой волчонок. Или собака. Животное было ростом мне по колено и передвигалось на четырёх конечностях, но в строении его задних лап что-то было вопиюще не так. Их будто вывернули наоборот. Прижав уши, зверь тихо заскулил, повернув голову. На мгновение моя ладонь стиснула рукоятку осколочного пистолета, но животное лишь посмотрело на меня, и по немому страданию в его глазах я понял, что мне нечего бояться. Наконец зверь, прихрамывая, засеменил по коридору к комнате напротив и остановился перед ней, вытянув длинную морду к двери, будто прислушиваясь.

Словно во сне, чувствуя, что теряю контроль, я пошёл следом за зверем и тоже прижался ухом к двери. Звукоизоляция была хорошей, но всё же не устояла перед нейрохимией «Хумало», выставленной на максимум. Где-то на грани порога слышимости моё ухо жалящими насекомыми защекотали звуки. Глухие, ритмичные удары и что-то ещё, напоминающее мольбу и крики женщины, чьи силы были на исходе. Не успел я на них настроиться, как они оборвались.

В тот же самый момент собака у меня под ногами перестала скулить и вытянулась на полу под дверь. Я повернулся было уходить, но она подняла взгляд, наполненный чистой болью и осуждением. В глазах животного я увидел отражение всех жертв, смотревших на меня за последние три десятилетия субъективной жизни. Наконец зверь отвернулся и принялся апатично лизать изувеченные задние лапы.

За долю секунды что-то прорвалось гейзером через ледяную корку бетатанатина.

Я вернулся к двери, из которой появилось животное, вынимая по пути осколочный пистолет, и зашёл внутрь, выставив перед собой зажатое в руках оружие. Просторное помещение было отделано в пастельных тонах; стены украшали двумерные картины в рамах с причудливыми сюжетами. Всю середину занимала массивная кровать под полупрозрачным балдахинном. На краю кровати сидел солидный мужчина, раздетый ниже

пояса. Сверху на нем был строгий вечерний смокинг, плохо вязавшийся с плотными брезентовыми рукавицами, натянутыми на руки. Нагнувшись, мужчина вытирал промежность влажным полотенцем.

Когда я вошел в комнату, он поднял взгляд.

– Джек? Ты уже закон... – Мужчина непонимающе уставился на пистолет в моих руках. Когда дуло остановилось в полуметре от его лица, в голос прокралась резкость. – Послушайте, эту процедуру я не заказывал.

– Угощайтесь за счет заведения, – равнодушно произнес я, наблюдая за тем, как пучок мономолекулярных осколков разносит в клочья лицо мужчины.

Его руки взлетели от паха, закрывая раны, и он повалился боком на кровать, издав перед смертью несколько вымученных утробных звуков.

Когда я выходил из комнаты, часы на периферии зрения, отсчитывающие время на задание, уже мигали красным. При моём приближении раненое животное у двери напротив даже не пошевелилось. Опустившись на корточки, я ласково провёл ладонью по спутанной шерсти. Подняв морду, собака снова заскулила. Положив на пол осколочный пистолет, я напряг пустую руку. Нейрозастежки разжались, освобождая сверкающий «Теббит».

Я вытер лезвие о шерсть, убрал нож в ножны и подобрал осколочный пистолет. Всё – в неторопливом спокойствии, спасибо «Потрошителю». Затем я направился к боковому коридору. Под бриллиантовой безмятежностью препарата что-то зашевелилось, но «Потрошитель» не позволил придавать этому значение.

Как и было указано на чертежах Элиотт, боковой проход, застеленный дорожкой с уже виденными оргазмическими узорами, привёл к лестнице. Я осторожно спустился вниз, держа пистолет наготове. Впереди меня, как луч радара, перемещалось чувство удалённого осязания, ощупывавшее всё вокруг. Ничего движущегося. Должно быть, Кавахара приказала запереть двери, опасаясь, как бы Ортега и её команда, находясь на борту, не увидели что-либо ненужное.

Спустившись на два уровня, я сошёл с лестницы и, следуя запечатлённым в памяти чертежам, стал петлять по хитросплетению коридоров до тех пор, пока не смог с определённой долей вероятности сказать, что дверь в каюту Кавахары находится за ближайшим углом. Прижавшись к переборке, я стал ждать, делая поверхностные вдохи и выдохи. Удалённое осязание предупредило о том, что за той дверью кто-то есть, возможно, не один человек, и я уловил слабую горечь табачного дыма. Опустившись на колени, я ещё раз огляделся по сторонам и прижался

грудью к полу. Скользнув щекой по ворсу ковра, я осторожно высунул голову за угол.

Перед дверью стояли мужчина и женщина, одетые в одинаковые зелёные комбинезоны. Женщина курила. Хотя у обоих на поясе висели шоковые пистолеты, судя по виду, это скорее всего технические работники, а не охранники. Несколько расслабившись, я уселся на корточки и стал ждать. В глазу перенапряжённой жилкой пульсировали минуты.

Прошла ещё четверть часа, прежде чем я услышал звук открывающейся двери. В режиме максимального усиления нейрохимия уловила, как шелестит ткань комбинезонов на охранниках, отступивших, чтобы дать дорогу тем, кто выходит. Я разобрал голоса: категоричный тон Ортеги, приправленный нарочито официальным безразличием, голос Кавахары, с интонациями мандроида из оружейного магазина «Ларкин и Грин». Защищённый от ненависти бетатанатином, я воспринял этот голос как что-то приглушённое, донесшееся издали, как отзвуки отдалённой канонады.

— ...ничем больше не могу помочь, лейтенант. Если то, что вы рассказали про клинику «Вей», правда, похоже, душевное равновесие Ковача значительно ухудшилось с тех пор, как он работал на меня. Вы должны понять, что я чувствую определённую ответственность. Я хочу сказать, если бы я подозревала, что такое может случиться, то ни за что бы не порекомендовала его Лоренсу Банкрофту.

— Как я уже сказала, пока что это только предположения. — Голос Ортеги стал чуточку резче. — Я буду вам очень признательна, если то, о чем мы сейчас говорили, не выйдет из этих стен. До тех пор, пока мы не выясним, куда скрылся Ковач и почему...

— Полностью с вами согласна. Я прекрасно понимаю деликатность этого вопроса. Но, лейтенант, вы находитесь на борту «Головы в облаках». Мы гордимся тем, что умеем хранить конфиденциальность.

— Да. — Ортега пропустила в голос нотки неприязни. — Я слышала.

— Что ж, в таком случае можете быть уверены, что сказанное останется между нами. А сейчас вы должны меня извинить, лейтенант. Меня ждут кое-какие административные дела. Всего хорошего. До свидания, сержант. Тиа и Макс проводят вас на полётную палубу.

Дверь закрылась, и зазвучали мягкие шаги в мою сторону. Я напрягся. Ортега и сопровождение идут в этом направлении. Такого никто не ожидал. На чертежах было чётко указано, что главная посадочная площадка находится на носу, перед каютой Кавахары, и я, памятуя об этом, подошёл к ней сзади. Ортега и Баутиста не должны были идти на корму.

Паники не было. Вместо этого мозг захлестнула холодная вариация адреналина, предложившая набор голых фактов. Ортеге и Баутисте ничего не угрожает. Должно быть, они пришли сюда тем же путем, в противном случае об этом было бы сказано. Что касается меня, то если они будут проходить мимо коридора, где я притаился, сопровождению достаточно лишь взглянуть в сторону, чтобы меня увидеть. Коридор ярко освещён, никаких укромных мест поблизости нет. С другой стороны, моё тело имеет температуру ниже комнатной, пульс замедлился до черепашьего шага, дыхание поверхностное – основные приметы, на подсознательном уровне предупреждающие нормального человека о присутствии постороннего, отсутствуют. Разумеется, в том случае, если охранники заключены в нормальные оболочки... А что если они завернут в коридор, чтобы воспользоваться той самой лестницей, по которой я спустился сюда?

Прижавшись спиной к стене, я установил дуло осколочного пистолета на минимальное рассеивание и перестал дышать.

Ортега. За ней Баутиста. Шествие замыкали двое сотрудников. Они прошли так близко от меня, что я мог бы, протянув руку, прикоснуться к волосам Ортеги.

Никто не повернулся в мою сторону.

Я выждал ещё целую минуту, прежде чем возобновил дыхание. Затем, бросив взгляд направо и налево, быстро шагнул за угол и постучал в дверь рукояткой осколочного пистолета. Не дожидаясь ответа, я вошёл в каюту.

Глава сорок первая

Каюта в точности соответствовала описанию, данному Миллером. Двадцать метров в ширину; стена из стекла, не дающего бликов, скошена внутрь, от потолка к полу. В ясный день, наверное, можно лежать в углу у стены, рассматривая необъятное море в нескольких тысячах метров внизу. Обстановка минималистичная, что объяснялось корнями Кавахары, уходящими в начало тысячелетия. Стены были дымчато-серыми, пол из расплавленного стекла, а свет давали остроконечные кусочки оригами, покрытые люминесцентным составом, насаженные на чугунные треноги по углам каюты. В одной половине комнаты господствовала массивная стальная плита, вероятно письменный стол; в другой группа серовато-коричневых кресел окружала пустую бочку, в которой разжигали огонь. За креслами виднелась арка коридора, ведущего, как предположил Миллер, в жилые покои.

Над столом медленно колыхался голографический дисплей с какими-то данными. Рейлина Кавахара стояла спиной к двери, уставившись в ночное небо.

– Вы что-то забыли? – рассеянно спросила она.

– Нет, абсолютно ничего.

Я успел разглядеть, как при звуках моего голоса её спина напряглась, но обернулась Кавахара с неспешной плавностью, и даже вид осколочного пистолета не пробил ледяное спокойствие на её лице. Её голос прозвучал почти так же безучастно.

– Кто вы такой? Как вы сюда попали?

– А ты подумай хорошенько. – Я указал на кресло. – Присядь, чтобы избавить ноги от лишней нагрузки. Так тебе будет лучше думать.

– Кадмин?

– Ты меня оскорбляешь. Сядь!

По глазам я увидел, что до неё наконец дошло.

– Ковач? – Губы Кавахары скривились в неприятной усмешке. – Ковач, ублюдок, ты дурак, ты просто дурак. Ты хоть представляешь, что ты только что растоптал?

– Я сказал – сядь.

– Её уже нет, Ковач. Она вернулась на Харлан. Я сдержала своё слово. Что ты здесь делаешь?

– Больше повторять не буду, – мягко произнес я. – Или ты сейчас же

сядешь, или я разобью тебе коленную чашечку.

С тонкой усмешкой, не покидающей её уста, Кавахара медленно, сантиметр за сантиметром опустилась в ближайшее кресло.

– Хорошо, Ковач, сегодня будем играть по твоему сценарию. А затем я не поленюсь притащить эту рыbachку Сахиловскую сюда. И тебя вместе с ней. Что ты намереваешься сделать? Убить меня?

– Если это понадобится.

– Чего ради? Чтобы потешить себя, удовлетворить какие-то моральные принципы? – Последние два слова Кавахара произнесла таким тоном, будто это было название какого-то продукта. – Ты, кажется, забыл, что если убьёшь меня здесь, не пройдет и восемнадцати часов, как резервная система в Европе обнаружит это и загрузит в новый клон последнюю сохраненную копию памяти полушарий. И моей новой «я» потребуется совсем немного времени, чтобы разобраться в случившемся.

Я присел на край кресла.

– О, мне ли не знать этого. Но вот посмотри на Банкрофта – прошло столько времени, а он так по-прежнему и не знает правды. Или ты не согласна?

– Ты затеял всё это из-за Банкрофта?

– Нет, Рейлина. Это имеет отношение только к тебе и ко мне. Напрасно ты впутала Сару. И от меня тебе следовало бы держаться подальше.

– Ай-яй-яй, – с фальшивой материнской заботой запричитала Кавахара. – Ты обиделся, что тобой манипулировали. Прости ради бога. – Её тон резко сменился. – Ты – чрезвычайный посланник, Ковач. Ты живешь тем, что манипулируешь другими. В общем-то мы все живем тем же. Мы живем в огромной матрице взаимных манипуляций, и требуются нечеловеческие усилия, чтобы просто оставаться на плаву.

Я покачал головой.

– Я не напрашивался в твои игры.

– Ах, Ковач, Ковач. – Внезапно выражение лица Кавахары стало чуть ли не нежным. – Никто из нас не просит об этом. Ты думаешь, я просила о том, чтобы родиться в Городке Ядерщиков, имея отцом тщедушного карлика, а матерью – шлюху-психопатку? Просила? Нас не приглашают, нас *швыряют* в самую гущу, а дальше приходится барахтаться изо всех сил, чтобы удержать голову над водой.

– Или лить воду в глотку другим, – дружелюбно согласился я. – Насколько я понимаю, ты пошла в мать?

Мгновение мне казалось, будто лицо Кавахары – это маска, вырезанная из тонкой жести, за которой бушует пламя. Её глаза вспыхнули

яростью, и если бы не ледяное спокойствие «Потрошителя», я бы испугался.

– Убей меня, – стиснув зубы, процедила она. – И постарайся извлечь из этого как можно больше удовольствия, потому что тебе придётся дорого заплатить за всё, Ковач. Ты думаешь, это революционеры с Нового Пекина страдали, умирая? Обещаю, что я открою новые границы страданий для тебя и для твоей шлюхи, воняющей рыбой.

Я покачал головой.

– Не думаю, Рейлина. Видишь ли, приблизительно десять минут назад состоялась очередная пересылка копии твоей памяти. А по пути в неё кое-кто погрузился. Этот человек ничего не трогал, Рейлина. Только подсадил вирус Роулинга. Так что теперь твоя резервная копия заражена.

Её глаза сузились в щелочки.

– Ты лжешь.

– Сейчас не лгу. Тебе понравилась работа, которую Ирена Элиотт проделала в «Поставленном на дыбы»? Видела бы ты её на виртуальном форуме. Готов поспорить, перехватив пересылку твоей памяти, она успела вытащить из неё не меньше полудюжины кусков. Сувениры на память. Думаю, теперь это можно считать коллекционной редкостью, потому что, если я что-нибудь понимаю в инженерах, занимающихся памятью полушарий, они запечатали резервную копию быстрее, чем политики обычно покидают зону военных действий. – Я кивнул на дрожащий голографический дисплей. – Полагаю, сигнал тревоги поступит через пару часов. На Инненине вирус разворачивался дольше, но это было давно. С тех пор технический прогресс шагнул далеко вперед.

Наконец Кавахара поверила, и ярость в её глазах сгустилась до сконцентрированного раскалённо-белого жара.

– Ирена Элиотт, – сдавленно промолвила она, – когда я её найду...

– По-моему, для одного дня довольно пустых угроз, – прервал её я. – Слушай меня внимательно. В настоящий момент та память полушарий, что у тебя в позвоночнике, является единственной твоей жизнью. Я сейчас не в том настроении, чтобы шутить. Одно слово – и я вырежу память из затылка и раздавлю каблуком. Так что до или после того, как я тебя пристрелю, *но ты заткнёшься!*

Кавাহара сидела неподвижно, следя за мной горящим взором из-под полуопущенных век. Её верхняя губа чуть поднялась, открывая зубы. Затем она взяла себя в руки.

– Что ты хочешь?

– Уже лучше. А хочу я в настоящий момент вот что. Полное признание

относительно того, как был подставлен Банкрофт. Резолюция номер 653, Мери-Лу Хинчли и всё остальное. Можешь также добавить, как ты подставила Райкера.

– У тебя есть записывающее оборудование?

Постучав пальцем под левым веком, куда Рийз вживила камеру, я улыбнулся.

– Ты действительно надеешься, что я соглашусь на твои требования? – В глазах Кавахары сверкала лютая ненависть. Она сжалась, словно пружина, готовая распрямиться при малейшей возможности. Я видел Кавахару в таком состоянии, но тогда не мне нужно было принимать на себя её гнев. Опасности в этих глазах была больше, чем в огне повстанцев на улицах Шарии. – Ты действительно надеешься, что получишь от меня эти признания?

– Рейлина, давай взглянем на всё со светлой стороны. Наверняка тебе хватит денег и влияния, чтобы откупиться от высшей меры. А если не стирание, ты получишь всего каких-нибудь пару сотен лет хранения. – Мой голос стал жестким. – Иначе ты умрёшь здесь и сейчас.

– По закону признание, сделанное под принуждением, не является доказательством в суде.

– Не смеши меня. Всё это отправится не в ООН. Ты думаешь, мне до сих пор ещё не доводилось бывать в суде? Ты думаешь, я доверю это дело адвокатам? Как только я вернусь на Землю, всё, что ты сейчас скажешь, будет передано по первому каналу Всемирной сети. Это, а также картинка с тем, кого я пришёл в псарне наверху. – Кавахара широко раскрыла глаза, и я кивнул. – Да, надо было сказать раньше. Там у тебя клиент. Он не совсем мёртв, но ему придётся искать новую оболочку. Так вот, полагаю, через три минуты после того, как Сэнди Ким выйдет в эфир со всем этим, спецназ ООН вышибет двери твоего борделя с целой охапкой ордеров на обыск. У больших шишек не будет выбора. Один только Банкрофт заставит их так поступить. Ты думаешь, люди, с чьего согласия были Шария и Инненин, остановятся перед каким-то конституционным правом, если речь идёт об угрозе их власти? Итак, *начинай говорить*.

Кавохара только недоумённо подняла брови, будто я сказал плоскую шутку.

– И с чего вы предлагаете мне начать, Такеси-сан?

– С Мери-Лу Хинчли. Она ведь выпала отсюда, правильно?

– Разумеется.

– Её взяли для работы на палубе извращений, так? Какой-нибудь

больной ублюдок хотел натянуть на себя тигровую шкуру и поиграть в кошечку?

– Так, так. – Кавахара склонила голову набок, сопоставляя факты. – От кого ты мог это узнать? От кого-то из клиники «Вей», да? Так, дай-ка подумать... При том маленьком нравоучении присутствовал Миллер, но ты спалил ему память полушарий, так что... Ого, Такеси, ты опять стал охотником за головами? Неужели ты забрал старину Миллера домой в шляпной коробке?

Я промолчал, глядя на неё через прицел осколочного пистолета. У меня в ушах снова зазвучали слабые крики, доносящиеся из-за закрытой двери, перед которой лежала собака. Кавахара пожала плечами.

– Раз уж об этом зашла речь, тигры тут ни при чем. Но, впрочем, кое-что в таком духе.

– И Мери-Лу обо всём узнала?

– Да, каким-то образом она что-то пронюхала. – Кавахара словно расслабилась, что в нормальной обстановке должно было бы меня встревожить. Однако сейчас, накачанный бетатанатином, я лишь стал более внимательным. – Случайно услышанный обрывок фразы, какое-нибудь замечание техника. Видишь ли, как правило, мы сначала пропускаем наших клиентов через виртуальные версии, прежде чем позволяем им оторваться в реальности. Всегда лучше знать наперед реакцию, и в некоторых случаях мы даже убеждаем клиентов отказаться от своих намерений.

– Какая предусмотрительность!

Кавохара вздохнула.

– Такеси, ну как тебе объяснить? Мы в этом заведении предлагаем определённые услуги. Если это можно сделать, не нарушая закона, мы только рады.

– Чушь собачья, Рейлина. Ты кормишь своих клиентов виртуальностью, и через пару месяцев они начинают пускать слюнки по настоящему приключению. Привыкание наступает обязательно, и тебе это прекрасно известно. Ну а потом, продавая нелегальные услуги, ты получаешь рычаг воздействия на очень влиятельных людей. Наверное, среди завсегдатаев твоего заведения немало губернаторов ООН, да? Генералов Протектората и прочих больших шишек?

– «Голова в облаках» нацелена на высшие слои общества.

– Как, например, на того белобрысого крестина, которого я замочил наверху? Он тоже был какой-то важной фигурой, да?

– Карлтон Маккейб? – Кавахара вытаскила откуда-то пугающую усмешку. – Полагаю, можно сказать и так. Очень влиятельная персона.

– Ты не желаешь поведать, какой именно влиятельной персоне ты пообещала дать возможность выпотрошить Мери-Лу Хинчли?

Кавахара напряглась.

– Нет, не желаю.

– Я так и думал. Ты хочешь оставить это на потом, чтобы можно было поторговаться? Ладно, проходим дальше. Итак, что было дальше? Хинчли попадает сюда, случайно узнаёт, для чего именно её откармливают, и пытается бежать. Вероятно, она стащила антигравитационную упряжь?

– Сомневаюсь. Всё снаряжение хорошо охраняется. Скорее всего, девчонке вздумалось прокатиться, ухватившись снаружи за челнок. Судя по всему, особым умом она не отличалась. Подробности до сих пор неясны, с определенностью можно сказать только то, что она упала в океан.

– Или спрыгнула.

Кавахара покачала головой.

– Не думаю, что у девчонки хватило бы на это смелости. Самурайским духом Мери-Лу не обладала. Подобно большинству серых представителей человечества, она цеплялась бы за жизнь до последнего. Унижаясь. Надеясь на чудо. Моля о пощаде.

– Как ты нехорошо о ней отзываешься. Её сразу же хватились?

– Разумеется сразу! Девчонку уже ждал клиент. Мы обшарили весь дирижабль.

– Представляю, в какое неловкое положение вы попали.

– Это уж точно.

– Но настоящие неприятности начались потом, когда через пару дней труп Мери-Лу выбросило на берег, да? Похоже, в ту неделю фея удачи от вас отвернулась.

– Это было очень прискорбно, – согласилась Кавахара, словно мы обсуждали плохой расклад при игре в покер. – Однако нельзя сказать, что мы ничего подобного не ожидали. На самом деле никаких проблем не должно было возникнуть.

– Вы знали, что Хинчли была католичкой?

– Естественно. Это необходимое требование при отборе кандидатов.

– Так что, когда Райкер, неудовлетворенный невнятным обетом веры, начал копать дальше, ты наложила в штаны. Показания Хинчли вывели бы на чистую воду ваш бордель, а также хрен знает сколько влиятельных дружков. «Голова в облаках», один из «Домов», уличён в половых извращениях. Тебе пришлось бы несладко. Какое выражение ты тогда использовала на Новом Пекине? Кажется, «недопустимый риск». Надо было срочно что-то делать, Райкера нужно было заставить замолчать.

Остановишь меня, если я пойду не в ту сторону?

– Пока что ты всё говоришь правильно.

– Итак, вы его подставили?

Кавахара снова пожала плечами.

– Была предпринята попытка его купить. Но Райкер оказался неберущим.

– Какое несчастье. И что вы тогда сделали?

– А то ты не знаешь?

– Я хочу, чтобы ты сама всё рассказала. Мне нужны подробности. Я и так говорю слишком много. Попробуй внести свою лепту в разговор, а то у меня может возникнуть подозрение, что ты не хочешь помогать.

Кавахара театрально закатила глаза.

– Я подставила Элиаса Райкера. Навела его через ложного осведомителя на ту клинику в Сиэтле. Мы соорудили телефонную конструкцию Райкера, с её помощью расплатились с Игнасио Гарсией, чтобы тот сделал бирки «по соображениям вероисповедания» на памяти полушарий двух сотрудников клиники, убитых Райкером. Можно было не сомневаться, что полиция Сиэтла не купится на эти заголовки, а работа Гарсии придирчивого изучения не выдержит. Ну, так лучше?

– Как вы вышли на этого Гарсию?

– Изучали окружение Райкера перед тем, как пытались его подкупить. – Кавахара нетерпеливо заёрзала в кресле. – Вот и наткнулись на Гарсию.

– Да, я так и предполагал.

– Какая проницательность!

– Итак, всё зарыто и забыто. И вдруг всплывает резолюция номер 653, а дело Хинчли до сих пор не завершено.

Кавахара склонила голову.

– Именно так.

– А почему ты просто не провалила эту резолюцию? Разве нельзя купить нескольких членов Совета ООН?

– Кого? Земля – это не Новый Пекин. Ты встречался с Фири и Эртекин. Они произвели на тебя впечатление людей, которых можно купить?

Я кивнул.

– Значит, это действительно была ты в оболочке Марко. Мириам Банкрофт знала об этом?

– Мириам? – озадаченно переспросила Кавахара. – Конечно же, нет. Никто об этом не знал, в том-то и дело. Марко регулярно играет в теннис с Мириам. Прикрытие было идеальным.

– Не совсем. По-видимому, ты сама играешь в теннис дерьмово.
– У меня не было времени, чтобы загрузить навыки игры.
– А к чему выдавать себя за Марко? Почему бы не предстать в своём собственном обличье?

Кавахара махнула рукой.

– Я долбила Банкрофта с тех самых пор, как резолюцию только направили на рассмотрение. И Эртекин тоже, всякий раз, когда та подпускала меня к себе. Моя настойчивость и так уже начинала казаться подозрительной. Ну а если бы Марко замолвил словечко, я вроде бы была ни при чем.

– Это ты ответила на звонок Резерфорда, – задумчиво произнёс я, обращаясь не столько к ней, сколько к самому себе. – Тот, который поступил на виллу «Закат» после того, как мы наведались к Резерфорду в гости. Я думал, он звонил Мириам, но ведь ты в то же время находилась там, в образе Марко, сражаясь в дебатах о католиках.

– Да. – Слабая усмешка. – Похоже, ты сильно переоценивал роль Мириам Банкрофт в случившемся. Да, кстати, а кто в настоящий момент носит оболочку Райкера? Удовлетвори моё любопытство. Кем бы он ни был, получается очень убедительно.

Я промолчал, но уголки моих губ тронула улыбка, не укрывшаяся от Кавахары.

– Неужели? Две оболочки. Подумать только, ты крутишь лейтенантом Ортегой вокруг пальца. Точнее, вокруг другого места. Поздравляю. Ход, достойный мафа. – Она пролаяла короткий смешок. – Примите это как комплимент, Такеси-сан.

Я пропустил издевку мимо ушей.

– Вы говорили с Банкрофтом, когда он находился в Осаке? В четверг, 16 августа? Вы знали, что он туда отправляется?

– Да. У него там было давно запланированное совещание. Я сделала вид, будто мы встретились случайно. Как бы мимоходом пригласила его по возвращении заглянуть в «Голову в облаках». Банкрофт всегда так поступает. Покупает плотские утехы после деловых встреч. Наверное, ты уже успел это выяснить.

– Да. Итак, когда он прибыл сюда, что ты ему рассказала?

– Правду.

– Правду? – Я удивленно уставился на Кавахару. – Ты рассказала ему про Мери-Лу Хинчли в надежде, что он тебя поддержит?

– А почему бы и нет? – В её ответном взгляде была леденящая простота. – Наша дружба насчитывает уже несколько столетий. Нас

связывают деловые проекты, на осуществление которых требуется больше времени, чем длится одна человеческая жизнь. Я никак не могла ожидать, что Банкрофт примет сторону этих мелких людишек.

– Значит, он тебя разочаровал. Отказался проявить солидарность мафов.

Кавахара снова вздохнула, и на этот раз в её вздохе прозвучала искренняя усталость, поднявшаяся откуда-то из покрытых многовековой пылью глубин.

– В своей душе Лоренс сохранил дешёвый романтизм, который я постоянно недооцениваю. У вас с ним много общего. Но, в отличие от тебя, в его случае это ничем не объяснимо. Этому человеку триста лет от роду. Я была уверена... Наверное, я заставила себя поверить, что это сказалось на его отношении к жизненным ценностям. А всё остальное – напускное позёрство, разглагольствования перед человеческим стадом. – Кавахара махнула изящной рукой, как бы показывая своё бессилие. – Боюсь, я выдавала желаемое за действительное.

– И как повел себя Банкрофт? Заявил, что у него есть моральные принципы?

Кавахара зловеще усмехнулась.

– Ты надо мной издеваешься? Как можешь говорить об этом ты, у кого на руках ещё не засохла кровь десятков сотрудников клиники «Вей»? Палач, подручный Протектората, уничтожавший людей на всех планетах, где им удалось обосноваться? Такеси, ты, если можно так сказать, ведёшь себя несколько непоследовательно.

Защищенный холодными объятиями бетатанатина, я испытал лишь слабое раздражение, столкнувшись с подобной тупостью. Пора чуточку просветить Кавахару.

– Клиника «Вей» была моим личным делом.

– Клиника «Вей» занималась бизнесом, Такеси. Против тебя лично никто ничего не имел. Большинство из тех, кого ты стёр, просто выполняли свою работу.

– Им следовало бы выбрать другой род деятельности.

– Ну а жители Шарии? Какой выбор должны были сделать они? Не родиться на этой планете именно в это время? Быть может, уклониться от призыва на военную службу?

– Тогда я был молодым и глупым, – просто ответил я. – Меня использовали. Я убивал ради интересов таких, как ты, потому что ничего не понимал. Потом я стал разбираться, что к чему. Меня многому научил Инненин. Теперь я убиваю только ради своих собственных интересов, и

каждый раз, отнимая человеческую жизнь, понимаю её ценность.

– Её ценность. *Ценность человеческой жизни*. – Кавахара покачала головой, словно учитель, начинающий терять терпение с непонятливым учеником. – Ты до сих пор молодой и глупый. Человеческая жизнь ничего не стоит.

Такеси, разве ты этого так и не понял? Тебе ведь столько довелось повидать. Сама по себе человеческая жизнь не стоит и гроша. Машины нужно произвести. Сырьё нужно добыть. И то и другое стоит денег. Но люди? – Она презрительно сплюнула. – Людей всегда можно достать столько, сколько надо. Они размножаются, словно раковые клетки, хочешь ты этого или нет. Людей в изобилии, Такеси. С какой стати им иметь цену? Ты знаешь, что нам дешевле нанять живую шлюху, чем установить и запустить эквивалентный виртуальный формат? Реальная человеческая плоть стоит меньше, чем машина. Это – аксиома наших дней.

– Банкрофт так не думал.

– Банкрофт? – Кавахара исторгла презрительный смешок откуда-то из глубины горла. – Банкрофт – калека, хромающий на костылях архаичных понятий. Для меня необъяснимая загадка, как ему удалось продержаться так долго.

– Значит, ты запрограммировала его совершить самоубийство? Дала ему химический толчок?

– Запрограммировала... – Широко раскрыв глаза, Кавахара издала радостный смешок, идеальное сочетание хруста и звона. Её безукоризненно очерченные губы изогнулись в усмешке. – Ковач, неужели ты и впрямь настолько глуп? Я же сказала тебе, Банкрофт сам покончил с собой. Эта мысль пришла в голову ему, а не мне. Раньше ты верил моим словам, несмотря на то что терпеть не мог моё общество. Задумайся, зачем мне нужна его смерть?

– Для того, чтобы стереть рассказ о Хинчли. Когда он снова загрузился в оболочку, в его самой свежей резервной копии это опасное откровение отсутствовало.

Кавохара понимающе кивнула.

– Да, теперь я понимаю ход твоих мыслей. Защитный шаг. В конце концов ты сам, покинув Корпус чрезвычайных посланников, существуешь только обороняясь. А тот, кто живёт в обороне, рано или поздно начинает мыслить соответствующими категориями. Но ты забыл одну важную деталь, Такеси.

– И какую же?

– А такую, что я, Такеси Ковач, это не ты. Я играю не в обороне.

– Даже в теннис?

Она выдала точно откалиброванную усмешку.

– Очень остроумно. Мне незачем было стирать в памяти Лоренса Банкрофта наш разговор, потому что к тому времени он уже сам убил шлюху-католичку. Ему было что терять от резолюции номер 653.

Я заморгал. У меня было много самых разнообразных версий, сосредоточенных вокруг главного убеждения: Кавахара виновна в смерти Банкрофта. И всё же такое кричащее решение мне даже в голову не приходило. Но едва эти слова слетели с уст Кавахары, ещё несколько осколков разбитого зеркала, которое я считал достаточно целым, чтобы увидеть правду, встали на место. Взглянув в собравшийся уголок, я тотчас же пожалел об этом.

Сидевшая напротив Кавахара усмехнулась, правильно истолковав моё молчание. Она поняла, что пробила брешь в защитной оболочке, и это её обрадовало. Тщеславие, опять тщеславие. Единственная слабость Кавахары, но зато какая. Подобно всем мафам, она со временем поверила в собственную исключительность. Признание, последний недостающий элемент мозаики-загадки, далось ей легко. Кавахара хотела, чтобы я его услышал, хотела, чтобы я увидел, насколько она меня опередила, как далеко я от неё отстал.

По-видимому, шутка насчет тенниса задела её за больное место.

– Лицом походила на его жену, – продолжала Кавахара, – её тщательно подобрали и довели до совершенства минимальной пластической операцией. Банкрофт придушил её. Кажется, кончая во второй раз. Подумать только, Ковач, что делает с вами, самцами, супружеская жизнь, а?

– Ты засняла это? – Спросив, я понял, как глупо звучит мой вопрос.

Улыбка вернулась на лицо Кавахары.

– Ну же, Ковач, спрашивай то, на что я действительно должна отвечать.

– Банкрофту оказали химическое содействие?

– Ну да, разумеется. Тут ты прав. Очень мерзкий препарат, но, надеюсь, ты знаешь...

Во всем был виноват бетатанатин. Замороженная медлительность, вызванная его действием. В нормальном состоянии я пришел бы в движение с дуновением воздуха от открывшейся двери. Эта мысль пронеслась у меня в сознании со всей стремительностью, на какую была способна, но уже по одному её присутствию я понял, что не успею. Надо было действовать без раздумий. В бою мысль – такая же неподобающая роскошь, как и горячая ванна с массажем. Она затуманила молниеносную

прозрачность нейрoхимии «Хумало», и я вскочил, вскидывая осколочный пистолет, опоздав на пару столетий.

Шлён!

Шоковый заряд ударил бешено мчащимся поездом, и я, кажется, увидел мелькающие ярко освещённые окна. Мой взгляд застыл на Трепп, стоящей пригнувшись в дверном проёме, с шоковым пистолетом в вытянутой руке. Она осторожно следила за мной на тот случай, если промахнулась или на мне под костюмом-невидимкой надет нейробронежилет. Увы. Мой пистолет вывалился из судорожно разжавшейся онемевшей руки, и я рухнул следом за ним. Деревянная палуба, налетев, ударила меня по голове одним из подзатыльников моего отца.

– Где ты пропадала? – В вышине прозвучал голос Кавахары, искажённый моим тускнеющим сознанием в низкое ворчание.

Появившаяся в поле зрения изящная рука подобрала осколочный пистолет. Я смутно ощутил, как другая рука вытаскивает из второй кобуры шоковый пистолет.

– Сигнал тревоги сработал лишь пару минут назад. – Трепп нагнулась, с любопытством разглядывая меня. – Маккейбу пришлось порядком остыть, чтобы его зафиксировали температурные датчики. Почти вся охрана до сих пор на верхней палубе, таращится на труп. Кто это такой?

– Это Ковач, – рассеянно бросила Кавахара, возвращаясь к письменному столу, по пути засовывая осколочный пистолет и шокер за пояс.

Моему парализованному сознанию казалось, что она удаляется по просторной равнине, что тянется на сотни метров вокруг, и превращается в крохотную точку. Похожая на куклу, Кавахара склонилась над столом и нажала кнопку на панели управления.

Я не отключался.

– Ковач? – Лицо Трепп резко стало безучастным. – Я думала...

– Да, и я тоже. – Голографический дисплей на столе ожил, расплетаясь. Кавахара нагнулась, и у неё на лице заплескали разноцветные огоньки. – Он провёл нас за нос, загрузившись во вторую оболочку. Скорее всего, не обошлось без помощи Ортеги. Тебе следовало бы подольше задержаться на борту «Розы Панамы».

У меня в ушах по-прежнему звенело, взгляд застыл, но я оставался в сознании. Я не мог сказать точно, является ли это побочным эффектом бетатанатина, ещё одним достоинством системы «Хумало» или следствием неумышленного сочетания того и другого. Но что-то помогало держаться

на плаву.

– Нахождение на месте преступления с оравой полицейских действует мне на нервы, – сказала Трепп, ощупывая моё лицо.

– Вот как? – Кавахара была все ещё погружена в изучение потока данных. – Ну а споры на тему морали с этим психопатом, дополненные чистосердечным признанием, плохо скажутся на моём пищеварении. Я начала бояться, что ты никогда... Твою мать!

Яростно дёрнув головой, она склонилась над столом.

– Он говорил правду.

– Насчет чего?

Взглянув на Трепп, Кавахара быстро взяла себя в руки.

– Неважно. Зачем ты ощупываешь его лицо?

– Он холодный.

– Разумеется, холодный, чёрт побери! – У меня в голове мелькнула сонная мысль, что раз Рейлина Кавахара прибегает к нецензурной лексике, она вне себя. – А как, по-твоему, он смог бы пробраться мимо инфракрасных датчиков? Он накачался «трупом» по самые уши.

Трепп поднялась на ноги. Её лицо оставалось сосредоточенно бесстрастным.

– Что вы собираетесь с ним сделать?

– Он отправится в виртуальность, – зловеще произнесла Кавахара. – Вместе со своей подружкой-рыбачкой с Харлана. Но перед этим надо будет сделать ему маленькую хирургическую операцию. У него вживлена камера.

Я попытался пошевелить правой рукой. Последний сустав среднего пальца чуть дёрнулся.

– Вы уверены, что он не передавал?

– Да, он сам об этом сказал. В любом случае, мы засекли бы передачу в ту же секунду, когда она началась. У тебя есть нож?

По всему телу пробежала леденящая дрожь, подозрительно похожая на панику. Полный отчаяния, я попытался отыскать в охватившем меня параличе хоть какие-нибудь признаки выздоровления. Нервная система «Хумало» никак не могла прийти в себя. Я чувствовал, что из-за отсутствия мигательного рефлекса пересохла слизистая оболочка глазных яблок. Расплывчатое изображение Кавахары, вернувшейся от стола, выжидательно протянуло руку к Трепп.

– У меня нет ножа.

Из-за гула и дребезжания в ушах я бы не смог поручиться, но мне показалось, что в голосе Трепп прозвучало неповиновение.

– Ничего страшного. – Кавахара сделала несколько широких шагов и

скрылась из виду. Её голос стал тише. – Тут найдется кое-что вместо ножа. А ты свистни кого-нибудь из охраны, чтобы оттащить этот мешок с дерьмом к одному из фильтрационных отсеков. По-моему, свободны седьмой и девятый. Воспользуйся коммутационным разъёмом на столе.

Трепп колебалась. Я почувствовал, как что-то упало – крошечный кусочек льда, оттаявший и отвалившийся от застывшего айсберга моей центральной нервной системы. Веки со скрипом опустились, поднялись, опустились снова. От этого очищающего прикосновения на глаза навернулись слезы. Трепп, увидев это, застыла, не делая ни шага по направлению к столу.

Пальцы моей правой руки задрожали, согнулись. Я почувствовал, как начинают напрягаться мышцы брюшного пресса. К глазам вернулась способность двигаться.

Послышался приглушенный голос Кавахары. Должно быть, она находилась в другом помещении, за аркой.

– Они идут?

Лицо Трепп оставалось безучастным. Она оторвала взгляд от меня.

– Да, – громко произнесла она. – Будут здесь через пару минут.

Я приходил в себя. Что-то заставляло нервы оживать, шипя и искрясь. Я чувствовал, как меня начинает бить холодная дрожь, и вместе с этим воздух, попадающий в лёгкие, терял плотную удушливость. Это означало, что действие бетатанатина заканчивается быстрее, чем я рассчитывал. Однако мои конечности словно налились свинцом, а пальцы, казалось, были в толстых шерстяных перчатках, по которым пропускали слабые разряды электрического тока. Нечего и думать о том, чтобы вступать в схватку в таком состоянии.

Тело всем весом прижимало левую руку к палубе. Правая рука была откинута под неестественным углом. Мои ноги, самое большее, смогли бы удержать меня в вертикальном положении. Выбор действий очень ограничен.

– Вот и хорошо.

Я ощутил на плече руку Кавахары. Меня перевернули, словно рыбу, которую собираются выпотрошить. Лицо Кавахары застыло от сосредоточенности; в руке она держала плоскогубцы с заострёнными губками. Поставив колено на грудь, Кавахара придавила меня к полу, раскрывая пальцами веки на моём левом глазу. Подавив желание заморгать, я сохранил полную неподвижность. Плоскогубцы приближались, приоткрытые на полсантиметра.

Я напряг мышцы запястья, и нейрозащелка выбросила нож «Теббит»

в руку.

Я ударил наотмашь.

Я целился Кавахаре в бок, под последнее ребро, но сочетание шокового заряда и последствий бетатанатина дало о себя знать. Нож лишь полоснул ей левую руку чуть ниже локтя, наткнулся на кость и отскочил назад. Пронзительно взвизгнув, Кавахара отпустила мой глаз. Разумеется, плоскогубцы тут же нырнули вниз, попали мне в скулу и проткнули мягкие ткани щеки. Я ощутил смутную боль. Левый глаз затянуло кровью. Я снова сделал слабый выпад ножом, но на этот раз Кавахара успела отпрянуть в сторону и отразить удар раненой рукой. Она опять взвизгнула, и моя перчатка, колющая электричеством, разжалась. Рукоятка ножа скользнула по ладони вниз, и я остался безоружен. Собрав всю оставшуюся энергию в левую руку, я нанес хук снизу, попав Кавахаре в висок. Она скатилась с меня, зажимая окровавленную руку, и на мгновение мне показалось, что рана достаточно глубокая, чтобы состав Ц-381 достал до кровеносных сосудов. Но нет, цианиду хватило бы пары вдохов, если верить Шейле Соренсон.

Кавихара, шатаясь, поднялась на ноги.

– Какого хрена ты ждёшь, твою мать? – ядовитым тоном спросила она у Трепп. – Пристрели этот кусок дерьма, живо...

Она осеклась на последнем слове, прочтя правду на лице Трепп за мгновение до того, как та потянулась за убранным в кобуру шоковым пистолетом. Возможно, правда дошла только сейчас и до самой Трепп, потому что она действовала слишком медленно. Отбросив плоскогубцы, Кавахара резко выхватила из-за пояса осколочный пистолет и шокер, наводя их на грудь Трепп до того, как оружие прислужницы успело наполовину покинуть кобуру.

– Ах ты гребаная лицемерная сучка, – бросила Кавахара, и в её недоуменном голосе прозвучал грубый акцент, который я никогда раньше не слышал. – Ты ведь знала, что он приходит в себя, так? Ты – труп, долбаная стерва!

Шатнувшись, я бросился на Кавахару как раз в тот момент, когда она нажала на спусковые крючки. Послышались выстрелы, ультразвуковой вой осколочного пистолета и резкий электрический треск шокера. Краем глаза я смутно увидел, как Трепп судорожно попыталась вытащить своё оружие до конца, но это ей не удалось. Она повалилась на пол с комичным выражением удивления на лице. В это самое мгновение моё плечо врезалось в Кавахару, и мы отлетели назад, к наклонному окну. Кавахара попыталась выстрелить в меня, но я обеими руками отбил пистолеты в

стороны и обхватил её за талию. Она ударила раненой рукой, и мы повалились на скошенное стекло.

Шокер, вывалившись из руки Кавахары, с грохотом полетел по полу, но она смогла удержать осколочный пистолет. Он описал дугу в мою сторону, однако я в последний момент неуклюже отвел его вбок. Другой рукой я ударил Кавахару в голову, промахнулся и попал ей вскользь в плечо. Свирепо оскалившись, она ударила меня головой в лицо. Мой нос сломался, наполнив рот привкусом сельдерея. Почему-то возникло острое желание глотнуть эту кровь. Кавахара навалилась на меня, прижимая к наклонному стеклу и что есть силы колотя кулаками в грудь. Мне удалось отразить два или три удара, но энергия быстро вытекала из тела, мышцы рук теряли интерес к происходящему. Внутри всё опять начинало неметь. Кавахара увидела, что схватка закончена, и её лицо, нависшее надо мной, исказилось в зверином торжестве. Она напоследок ударила ещё раз, прицельно, в пах. Согнувшись пополам, я сполз по стеклу и застыл бесформенной грудой на полу.

– Это тебя надолго успокоит, приятель, – тяжело дыша, проскрежетала Кавахара, рывком поднимаясь на ноги. Под растрёпанным изяществом причёски я вдруг увидел лицо, которому принадлежал непривычный акцент. Должно быть, именно это жестокое удовольствие видели её жертвы в Городке Ядерщиков, когда она заставляла их пить воду из матово-серой фляги. – Полежи здесь немного.

Тело сообщило, что выбора у меня нет. Получив пробоину, я быстро тонул под тяжестью химических препаратов, они, словно ил, обволакивали мой организм и нервные окончания, которые не успели оправиться от шокового заряда. Я попытался поднять руку, но она плюхнулась вниз, как рыбина, проглотившая килограмм свинца. Увидев это, Кавахара ухмыльнулась.

– Да, так будет лучше, – сказала она, рассеянно глядя на левую руку. Из распоротого ножом рукава сочилась кровь. – Ты дорого за это заплатишь, Ковач, мать твою.

Кавохара подошла к неподвижному телу Трепп.

– И ты тоже, стерва, – сказала она, пнув её в ребра. Та никак не отреагировала. – Да, а чем тебя купил этот ублюдок? Обещанием десять лет подряд лизать твоё влагилице?

Трепп молчала. Я напряг пальцы левой руки, и мне удалось продвинуть её на несколько сантиметров к ноге. Подойдя к письменному столу, Кавахара ещё раз взглянула на Трепп и ткнула кнопку.

– Охрана?

– Так точно, миссис Кавахара. – Мужской голос, который говорил с Ортегой во время полёта. – Произошло несанкционированное проникновение на...

– Без вас знаю, – устало оборвала его Кавахара. – Вот уже пять минут как мне лично приходится разбираться с этим. Почему вы ещё не здесь?

– Простите, миссис Кавахара?

– Я говорю, сколько времени нужно твоей синтетической заднице, чтобы прибежать сюда по сигналу тревоги?

Наступила тишина. Кавахара ждала, склонившись над столом. Я вытянулся что было сил, мои руки встретились в слабом рукопожатии и тотчас расстались.

– Миссис Кавахара, из вашей каюты сигнал тревоги не поступал.

– Вот как. – Обернувшись, Кавахара злобно посмотрела на Трепп. – Ну хорошо, пришлите сюда кого-нибудь. Минимум четверых. Надо будет забрать кое-какой мусор.

– Слушаюсь, мэм.

Несмотря ни на что, я почувствовал, как на лицо заползает улыбка. Мэм?

Кавাহара вернулась ко мне, по пути подобрав с пола плоскогубцы.

– Чему ты ухмыляешься, Ковач?

Я попытался плюнуть на неё, но слюне с трудом удалось покинуть мой рот и повиснуть на подбородке густой каплей, смешанной с кровью. Лицо Кавахары исказила внезапная ярость, и она пнула меня ногой в живот. После всего остального я едва ощутил этот удар.

– Ты, – обезумевшим голосом начала Кавахара, затем усилием воли понизила свой тон до прежнего ледяного спокойствия, не приправленного никакими акцентами, – ты причинил мне слишком много неприятностей. Для одной жизни этого более чем достаточно.

Схватив за шиворот, она протащила меня по наклонному окну вверх, чтобы наши глаза оказались на одном уровне. Моя голова бессильно откинулась назад на стекло. Голос Кавахары стал ровным, словно она вела со мной безмятежную беседу.

– Подобно католикам, подобно твоим друзьям на Инненине, подобно никчёмным мошкам трущобной жизни, чья трогательная копуляция породила тебя, Такеси, ты был и остаешься сырым человеческим материалом. Ты мог бы подняться над этим, если бы присоединился ко мне на Новом Пекине. Но ты плюнул мне в лицо и вернулся к пустому прозябанию среди мелких людишек. Тебе представился ещё один шанс. Ты мог бы присоединиться к нам здесь, на Земле, на этот раз приняв участие в

управлении всей человеческой расой. Ты мог бы стать могущественным человеком, Ковач. Ты хоть это понимаешь? Ты мог бы стать кем-то значительным.

– Не думаю, – слабо прошептал я, начиная сползать вниз по стеклу. – У меня где-то внутри по-прежнему болтается совесть. Я просто забыл, куда её положил.

Скорчив гримасу, Кавахара снова схватила меня за шиворот.

– Очень остроумно. И очень живо. Тебе это пригодится – там, куда ты сейчас отправишься.

– «Когда тебя спросят, как я умер... – процитировал я, – ...передай: всё ещё злясь».

– Куэлл. – Кавахара подалась ближе. Теперь она почти лежала на мне, словно насытившаяся возлюбленная. – Но Куэлл никогда не приходилось проходить через виртуальные допросы, не так ли? Тебе, Ковач, не суждено умереть злясь. Ты будешь умирать, моля о пощаде. Снова. И снова. И снова.

Схватив за грудки, она придавила меня весом своего тела. В её руке появились плоскогубцы.

– Это тебе вместо аперитива.

Губки плоскогубцев вонзились мне снизу в глаз, и Кавахаре в лицо брызнула струя крови. Всё озарила ослепительная вспышка боли. Мгновение я видел плоскогубцы глазом, в который они погружались, – нависшие массивные стальные пилоны, – затем Кавахара повернула губки, и что-то хрустнуло. Поле зрения затянуло яркой красной пеленой, которая, помигав, погасла, словно экран умирающего монитора в коммуникационном центре Элиотта. Вторым глазом я увидел, как Кавахара вытаскивает плоскогубцы с зажатым в них записывающим оборудованием, установленным Рийз. С конца миниатюрного устройства мне на щёку упали крошечные капельки крови.

Кавохара расправится и с Элиотт, и с Рийз. Не говоря уже про Ортегу, Баутисту и неизвестно ещё скольких других людей.

– Хватит, твою мать, – заплетающимся языком пробормотал я.

В тот же самый момент, напрягая из последних сил мышцы бёдер, я сплел ноги вокруг талии Кавахары. Моя левая рука плашмя хлопнулась на наклонное стекло.

Приглушенный грохот взрыва, громкий треск.

Детонатор термитной микрогранаты, установленный на самую короткую задержку, сработал практически мгновенно, направив девяносто процентов заряда на контактную поверхность. И всё же оставшиеся десять

процентов изуродовали мне руку, оторвав плоть со сплава костного мозга с титаном, из которого были выполнены кости «Хумало», разорвав на куски поливалентные ткани и проделав в ладони дыру с мелкую монету.

Стекло под нами раскололось, словно толстый лёд на реке. Я почувствовал, как поверхность вокруг проваливается, и я начал соскальзывать в полынью, смутно ощущая хлынувший в каюту поток холодного воздуха. На лице Кавахары проявился тупой шок непонимания. Наконец до неё дошло, что случилось, но было уже слишком поздно. Кавахара обрушилась на меня, извиваясь, колотя кулаками в голову и грудь, но ей не удалось освободиться. Плоскогубцы поднялись и опустились, отрывая длинную полоску кожи от щеки, затем снова вонзились в изуродованный глаз, но теперь боль была где-то далеко, став чем-то не важным, растворившись в пожаре ярости, прорвавшемся через остатки бетатанатина.

Передай: всё ещё злясь.

Стеклянная плоскость, на которой мы сражались, не выдержала, и выбросила нас навстречу ветру и холоду.

И мы полетели вниз. Моя левая рука по-прежнему не двигалась, парализованная последствиями взрыва, но, когда мы начали кувыркаться в холодной темноте, я, собрав все силы, поднял правую руку и прижал вторую гранату Кавахаре к затылку. У меня перед глазами мелькали и океан далеко внизу, и «Голова в облаках», стремительно уносившаяся вверх, и лицо Рейлины Кавахары, казалось, оставившей свой здравый рассудок где-то на дирижабле. Кто-то громко кричал, но я уже не мог определить – этот звук внутри или снаружи. Способность воспринимать окружающее покидала меня в пронзительном свисте воздуха, и я больше не мог найти обратный путь в маленькое окошечко индивидуального восприятия. Падение было соблазнительным, будто сон.

Собрав то, что осталось от силы воли, я прижал голову Кавахары с приставленной к затылку гранатой к своей груди, так, чтобы сдетонировал взрыватель.

Умирая, я надеялся, что Дэвидсон следит за экраном.

Глава сорок вторая

Указанный адрес, как ни странно, снова привёл меня в «Город утех». Я оставил автотакси в двух кварталах к северу от нужного места и последнюю часть прошёл пешком, не в силах стряхнуть до конца странное ощущение, что все части соединились – словно космическая реальность внезапно проступила сквозь реальность земную и стала видна невооруженным глазом.

Квартира, которую я искал, находилась в подковообразном здании, в центре которого была взлётно-посадочная площадка из растрескавшегося и поросшего сорняком бетона. Я сразу же нашел среди ряда убогих наземных и летающих транспортных средств нужный мне микрокоптер. Кто-то недавно выкрасил его в пурпурно-красные тона, и хотя аппарат по-прежнему устало припадал на одну сторону брюха, на носу и хвосте сверкало новое дорогое сенсорное оборудование. Я кивнул, соглашаясь с собой, и по наружной лестнице поднялся на второй этаж.

Дверь квартиры номер семнадцать открыл одиннадцатилетний мальчишка, встретивший меня взглядом, в котором сквозила неприкрытая враждебность.

– Да?

– Я бы хотел поговорить с Шерил Босток.

– Её нет дома.

Вздохнув, я почесал шрам под глазом.

– Мне кажется, это не соответствует действительности. Её коптер стоит во дворе, ты – её сын Даррел, и она вернулась с ночного дежурства около трёх часов назад. Передай, что с ней хотят встретиться по поводу оболочки Банкрофта.

– Вы из полиции?

– Нет, просто хочу с ней поговорить. Если она сможет помочь, возможно, это принесёт ей какие-то деньги.

Мальчишка пару секунд таращился на меня, затем закрыл дверь, не сказав ни слова. Было слышно, как он зовёт мать. Я ждал, борясь с желанием закурить.

Через пять минут Шерил Босток, одетая в свободный сарафан, чуть приоткрыла дверь своей квартиры. Её синтетическая оболочка выглядела ещё более равнодушной, чем её сын. Однако в данном случае безразличная расслабленность мышц не имела отношения к её самочувствию. В дешёвых

синтетических моделях группам мелких мускулов требуется какое-то время, чтобы прогреться после сна, а Шерил Босток, несомненно, купила оболочку на распродаже залежалого товара.

– Вы хотели меня видеть? – произнёс неровный синтезированный голос. – В чём дело?

– Я частный следователь, работаю на Лоренса Банкрофта, – сказал я как можно мягче. – Мне бы хотелось задать несколько вопросов относительно вашей работы в центре хранения психической информации. Вы позволите зайти?

Шерил Босток издала неопределённый звук, и я подумал, что она не раз пыталась закрывать дверь перед непрошеными гостями. Безуспешно.

– Много времени я у вас не отниму.

Пожав плечами, она распахнула дверь. Пройдя мимо неё, я попал в опрятную, хотя и скудно обставленную комнату, самым значительным предметом в которой была чёрная панель развлечений. Система возвышалась на ковре в дальнем углу, словно какой-то механический идол, а остальная мебель почтительно ютилась вокруг. Как и краска микрооптера, панель развлечений выглядела совершенно новой.

Даррел куда-то исчез.

– Неплохая система, – заметил я, подходя к панели развлечений и изучая дисплей. – Давно она у вас?

– Так, не очень. – Закрыв за нами дверь, Шерил Босток неуверенно застыла посреди комнаты. Её лицо постепенно пробуждалось, и теперь на нём появилось нечто среднее между недоумённой сонливостью и подозрительностью. – О чём вы хотели поговорить?

– Вы позволите мне сесть?

Она без единого звука указала на зверски замученное долгим использованием кресло, а сама устроилась напротив, на диванчике. В вырезах сарафана проглядывала неестественно розовая синтетическая кожа. Какое-то время я молча смотрел на неё, пытаюсь определить – хочу ли я всё-таки довести до конца то, зачем пришёл.

– Ну? – Шерил Босток нетерпеливо махнула рукой. – Что вы желаете спросить? Вы разбудили меня после ночного дежурства. Так что, чёрт побери, надеюсь, у вас были на то веские причины.

– Во вторник четырнадцатого августа вы зашли в камеру хранения оболочек семейства Банкрофтов и ввели клону Лоренса Банкрофта полный гипноспрей какого-то препарата. Шерил, мне бы хотелось узнать, что это было.

Последствия моих слов оказались более драматичными, чем я ожидал.

Искусственные черты лица Шерил Босток судорожно задёргались, и она отшатнулась назад, будто я замахнулся на неё дубинкой для разгона демонстрантов.

– Это входит в мои обычные обязанности, – пронзительно взвизгнула Шерил Босток. – Я имею право делать клонам инъекции химических препаратов!

Казалось, говорила не она сама. Её уста лишь воспроизводили то, что заставил выучить кто-то другой.

– Это был синаморфестерон? – тихо спросил я. Дешёвые синтетики не бледнеют и не заливаются краской, и всё же выражение лица Шерил Босток выдавало её чувства не менее красноречиво. Она стала похожа на перепуганное домашнее животное, брошенное хозяином.

– Откуда вы узнали? Кто вам сказал? – Её голос, повысившись, перешёл в жалобные всхлипывания. – Вы не можете этого знать! Она сказала, никто и никогда не узнает об этом!

Закрыв лицо руками, она рухнула на диван, заливаясь слезами. Услышав плач матери, из соседней комнаты прибежал Даррел, но, помявшись в дверях, видимо, решил, что ему лучше не вмешиваться. Он остался стоять в проёме, испуганно следя за мной. Подавив вздох, я кивнул мальчишке, стараясь всем видом показать, что ему нечего бояться. Осторожно приблизившись к дивану, Даррел прикоснулся к плечу матери, и та вздрогнула, словно от удара. Всколыхнулись воспоминания, и я поймал себя на том, что выражение моего лица становится холодным и мрачным. Я попытался улыбнуться, но улыбка получилась нелепой.

Я кашлянул.

– Я не собираюсь делать вам ничего плохого. Я просто хочу знать.

Потребовалось не меньше минуты, чтобы мои слова проникли сквозь паутину ужаса и отложились в сознании Шерил Босток. Потребовалось ещё больше времени, чтобы она взяла себя в руки, вытерла слёзы и посмотрела на меня. Даррел недоверчиво стоял рядом с ней, глядя её по голове. Стиснув зубы, я попытался сдержать накатывающиеся воспоминания о том, каким был я сам в одиннадцать лет.

Я ждал.

– Это была она, – наконец с трудом вымолвила Шерил Босток.

Когда я обогнул крыло виллы «Закат», выходящее к океану, мне навстречу шагнул Кёртис. Его лицо потемнело от ярости, руки стиснулись в кулаки.

– Она не хочет встречаться с тобой, – прорычал он.

– Уйди с дороги, Кёртис, – спокойно произнёс я. – А то тебе будет больно.

Кёртис встал в стойку карате.

– Я сказал, она не хочет...

В этот момент я ударил его ногой в колено, и он рухнул на землю. Второй удар ногой отбросил Кёртиса на пару метров вниз по склону к теннисному корту. Не успел он остановиться, как я уже сидел на нём верхом, придавив коленом к земле и держа за волосы.

– День у меня сегодня выдался плохой, – терпеливо сказал я, – а ты делаешь его ещё хуже. Так вот, сейчас я отправляюсь к твоей хозяйке. Наш разговор займёт минут десять, после чего я уйду. Если у тебя есть хоть капля здравого рассудка, ты постарайся не попадаться мне на глаза.

– Пошёл к чёртовой...

Я что есть силы потянул за волосы, и Кёртис взвыл.

– Кёртис, если ты пойдешь следом за мной, я сделаю тебе больно. Очень больно. Ты понял? Сегодня у меня нет настроения терпеть выходки такого пустобреха, как ты.

– Оставьте его в покое, мистер Ковач. Неужели вам никогда не было девятнадцать лет?

Оглянувшись, я увидел Мириам Банкрофт, стоящую с руками в карманах свободного костюма песочного цвета. Судя по всему, костюм был сшит по моде гаремов Шариин. Её длинные волосы перехватывал коричнево-жёлтый платок, а глаза блестели в лучах солнца. Внезапно мне вспомнились слова Ортеги о «Накамуре»: «Её лицо и тело использовали для рекламы продукции». Теперь я это видел: небрежная поза манекенщицы, демонстрирующей модную оболочку.

Отпустив волосы Кёртиса, я отошёл в сторону, давая ему возможность подняться с земли.

– Таким глупым я не был ни в каком возрасте, – покривив душой, сказал я. – Будет лучше, если вы попросите его успокоиться. И будем надеяться, вас он послушается.

– Кёртис, ступай, подожди меня в лимузине. Я долго не задержусь.

– И вы позволите ему...

– Кёртис!

В голосе Мириам Банкрофт прозвучало высокомерное удивление. Словно произошла какая-то ошибка, словно ничего подобного она от Кёртиса не ожидала. Правильно истолковав её тон, Кёртис вспыхнул и, прихрамывая, удалился с наворачнувшимися на глаза слезами ужаса. Я проводил его взглядом, так и не в силах решить – нужно ли было врезать

ему ещё раз. Должно быть, Мириам Банкрофт прочла эту мысль по моему лицу.

– Кажется, даже ваш неуёмный аппетит к насилию должен быть сейчас удовлетворен, – тихо промолвила она. – Или вы ищете новые цели?

– Кто сказал, что я ищу цели?

– Вы сами.

Я быстро посмотрел на неё.

– Я этого не помню.

– Очень удобно.

– Нет, вы не поняли. – Я поднял руки вверх. – Я действительно ничего не помню. Всё, что было у нас с вами, исчезло. У меня больше нет этих воспоминаний. Их стёрли.

Мириам Банкрофт вздрогнула, словно от пощёчины.

– Но ведь вы... – запинаясь, произнесла она. – Я полагала... Вы выглядите...

– Так же, как и тогда. – Я окинул взглядом оболочку Райкера. – Ну, когда моё второе тело выловили из моря, оно оказалось почти полностью разрушено. У меня не было другого выхода. А следователи ООН отказались разрешить ещё одно раздвоение оболочек. Впрочем, я их особенно и не виню. Будет непросто оправдать и предыдущий случай.

– Но как вы...

– Решили? – Без воодушевления усмехнулся я. – А может быть, нам лучше пройти в дом и поговорить там?

Мириам Банкрофт снова провела меня в оранжерею. На украшенном орнаментом столике, под шпалерами с мученическим сорняком стояли кувшин и фужеры на высоких ножках. Кувшин был наполнен жидкостью цвета заходящего солнца. Не сказав ни слова, даже не обменявшись взглядами, мы уселись друг напротив друга. Она наполнила себе фужер, не предлагая мне, – ничего не значащая мелочь, сообщившая целые тома о том, что произошло между Мириам Банкрофт и моим другим «я».

– Боюсь, у меня совсем нет времени, – рассеянно заметила она. – Как я уже объяснила вам по телефону, Лоренс попросил немедленно приехать в Нью-Йорк. Если честно, когда вы позвонили, я уже собиралась в аэропорт.

Я молчал, дожидаясь, когда Мириам Банкрофт закончит наполнять фужер. Затем я пододвинул свой. Чувствовалось, что движение было неверным до мозга костей, и от Мириам не укрылась моя неловкость. Наконец, до неё начала доходить правда.

– О, я...

– Не берите в голову. – Откинувшись назад, я пригубил напиток.

Сквозь приятный вкус пробивалась терпкая горечь. – Вы хотите знать, как мы решили? Бросили жребий. «Камень, ножницы, бумага». Естественно, перед этим мы несколько часов беседовали друг с другом. Нас поместили в виртуальный форум в Нью-Йорке, очень высокоскоростной. Мы принимали решение вдали от посторонних глаз. Ради героев дня можно не поскупиться на затраты.

Почувствовав, как в мой голос прокрадывается горечь, я вынужден был остановиться, чтобы справиться с ней. Пришлось сделать изрядный глоток напитка.

– Как я уже сказал, мы долго беседовали. Очень долго. Обсудили множество различных способов сделать выбор, среди которых, вероятно, были и практически осуществимые. Но в конце концов вернулись к тому, с чего начали. «Камень, ножницы, бумага». Серия из пяти попыток. А почему бы и нет?

Я пожал плечами, но у меня получился совсем не тот небрежный жест, на который я рассчитывал. Мне до сих пор не удавалось стряхнуть с себя леденящий холод, наползавший каждый раз, когда я вспоминал об этой игре. Я пытался пересмотреть решение, хотя тогда на карту было поставлено моё существование. Серия из пяти попыток, и перед последней счёт был равным. Сердце колотилось, словно дешевый ритм в «Закутке Джерри», и голова кружилась от прилива адреналина. Казалось, даже столкновение с Кавахарой далось мне легче.

Последний кон он проиграл – его «камень» против моей «бумаги». Мы долго молча смотрели на наши вытянутые руки. Затем он встал и, слабо усмехнувшись, приставил к виску сложенные пистолетом указательный и большой пальцы – что-то среднее между воинской честью и пародией на самоубийство.

– Передать что-нибудь Джимми, если я с ним встречу?

Я молча покачал головой.

– Что ж, желаю пожить в своё удовольствие, – сказал он и ушел из залитой солнцем комнаты, закрыв за собой дверь.

Какая-то частица в моём сознании до сих пор вопила, что он поддался в последней игре.

На следующий день меня снова загрузили в эту оболочку.

Я поднял взгляд.

– Полагаю, вы недоумеваете, почему я не поленился прийти к вам.

– Да, вы правы.

– Это имеет отношение к Шерил Босток, – сказал я.

– К кому?

Я вздохнул.

– Мириам, пожалуйста, не надо. Не усугубляйте ситуацию. Шерил Босток перепугана до смерти. Она боится, что вы спалите ей память полушарий за то, что ей известно. Я пришёл сюда за тем, чтобы вы убедили меня в том, что Шерил ошибается. Потому что я обещал это.

Мириам Банкрофт долго смотрела на меня. Её зрачки постепенно расширялись, и она судорожно выплеснула мне в лицо свой напиток.

– Ах ты заносчивый человечешко! – прошипела она. – Да как ты посмел? *Как ты посмел?*

Вытерев глаза, я недоумённо посмотрел на неё. Какой-то реакции я, конечно, ожидал. Но совсем не такой. Мне пришлось смахнуть капли напитка с волос.

– Прошу прощения?

– Как ты посмел заявиться сюда и пожаловаться, что тебе было трудно? Ты хоть представляешь, через что сейчас приходится пройти моему мужу?

– Что ж, давайте прикинем. – Вытерев руки о рубашку, я наморщил лоб. – В настоящий момент он является пятизвёздочным гостем специальной комиссии ООН в Нью-Йорке. Вы что, боитесь, что он переживает по поводу разлуки с супругой? Не думаю, что в Нью-Йорке так трудно найти публичный дом.

Мириам Банкрофт стиснула зубы.

– Какой же вы жестокий, – прошептала она.

– А вы очень опасная. – Я почувствовал, как над поверхностью моего самообладания начинают подниматься струйки пара. – Не я в Сан-Диего забил ногами до смерти неродившегося младенца. Не я накачал клон своего мужа синаморфестероном, пока тот находился в Осаке, прекрасно сознавая, что будет с первой женщиной, которую он трахнет. Разумеется, вы позаботились о том, чтобы этой женщиной были не вы сами. Неудивительно, что Шерил Босток со страха наложила в штаны. Вот и сейчас, глядя на вас, я гадаю – удастся ли мне покинуть виллу целым и невредимым.

– Прекратите, – порывисто выдохнула Мириам Банкрофт. – Прекратите. Пожалуйста...

Я остановился. Некоторое время мы сидели молча. Она уронила голову.

– Расскажите, как это случилось, – наконец сказал я. – Кавахара обрисовала мне всё в общих чертах. Я знаю, почему Лоренс спалил себе голову...

– Знаете? – Теперь голос Мириам Банкрофт был тихим, но в вопросе прозвучали остатки былой злобы. – Скажите, что вам известно? То, что Лоренс покончил с собой, спасаясь от шантажа? Именно это сейчас обсуждают в Нью-Йорке, не так ли?

– Это разумное предположение, Мириам, – тихо подтвердил я. – Кавахара загнала вашего мужа в угол. Завали резолюцию номер 653 или тебя разоблачат как убийцу. Единственным способом ускользнуть от ответственности было покончить с собой до пересылки свежей копии памяти в центр хранения психической информации. Если бы ваш муж не был так решительно настроен против версии самоубийства, возможно, он бы всё провернул.

– Да. Если бы не появились вы.

Я махнул рукой, делая слабую попытку защититься.

– Я появился здесь не по своей воле.

– А как же чувство вины? – произнесла в наступившей тишине Мириам Банкрофт. – Вы задумывались над этим? Вы задумывались над тем, что должен был почувствовать Лоренс, когда до него дошёл смысл содеянного? Когда ему сказали, что эта девчонка Рентанг была католичкой, то есть не могла вернуть себе жизнь, даже если бы резолюция номер 653 и воскресила её на время? Вы не думали о том, что, приставляя себе к горлу дуло бластера и нажимая на спусковой крючок, Лоренс наказал себя за своё преступление? Вам не приходило в голову, что он в действительности не пытался «ускользнуть от ответственности», как вы выразились?

Я покрутил эту мысль так и сяк, вспоминая то, что было известно о Банкрофте, чтобы и не лгать, и сказать то, что хотела услышать Мириам Банкрофт.

– Такое возможно.

Она издала сдавленный смешок.

– Такое более чем возможно, мистер Ковач. Вы забыли, я была здесь той ночью. Я стояла на лестнице и видела, как Лоренс входил в дом. Видела боль на его лице. Он заплатил за то, что сделал. Судил сам себя, приговорил сам себя, привёл в исполнение. Лоренс заплатил за преступление, уничтожив того, кто его совершил. Но теперь человек, не имеющий воспоминаний о случившемся, *не совершавший это преступление*, живёт с сознанием собственной вины. Вы удовлетворены, мистер Ковач?

Мученический сорняк очистил воздух в оранжерее от прозвучавшей в голосе Мириам Банкрофт горечи. Тишина сгустилась.

– Зачем вы это сделали? – наконец спросил я, увидев, что Мириам

Банкрофт не собирается продолжать. – Почему за любвеобилие вашего мужа должна была заплатить Марла Рентанг?

Мириам Банкрофт посмотрела на меня так, будто я попросил её объяснить какую-то основополагающую духовную истину, и беспомощно покачала головой.

– Я не смогла придумать другой способ причинить Лоренсу боль, – пробормотала она.

«В конечном счёте, она ничем не отличается от Кавахары, – старательно разжигая в себе злость, подумал я. – Ещё один маф, передвигающий простых людей, словно пятнашки».

– Вы знали, что Кёртис работает на Кавахару? – равнодушно спросил я.

– Я догадалась. Но не сразу. – Мириам Банкрофт подняла руку. – Однако у меня не было никаких доказательств. А как вы дошли до этого?

– Задним умом. Кёртис отвез меня в «Хендрикс», порекомендовав этот отель. Через пять минут после того, как я зашел, там появился Кадмин по приказу Кавахары. Слишком удачно для случайного совпадения.

– Да, – рассеянно согласилась она. – Всё сходится.

– Это Кёртис достал вам синаморфестерон?

Мириам Банкрофт кивнула.

– Полагаю, через Кавахару. Причем она не поскупилась. В тот вечер, когда вы послали его ко мне, он был накачан препаратом по самые уши. Кёртис предложил ввести дозу в клон перед поездкой в Осаку?

– Нет, Кавахара. – Мириам Банкрофт кашлянула. – За несколько дней до этого у нас состоялся на удивление спокойный разговор. Теперь, оглядываясь назад, я вижу, что это Кавахара подстроила поездку в Осаку.

– Да, Рейлина женщина дотошная. Была дотошной. Она не исключала, что Лоренс может отказаться поддержать её. Поэтому вы подмазались к Шерил Босток, пригласив её погостить на вашем острове развлечений, как впоследствии и меня. Но только вместо того, чтобы насладиться общением с роскошным телом Мириам Банкрофт, как это предлагалось мне, бедняжке дали его поносить. Горсть купюр плюс обещание как-нибудь повторить это удовольствие в будущем. Бедная дурочка, она провела тридцать шесть часов в раю, а теперь мучается страшным похмельем. Скажите, а вы действительно собирались ещё раз пригласить Шерил Босток на остров?

– Я привыкла держать своё слово.

– Вот как? Что ж, сделайте мне одолжение, выполните это как можно быстрее.

– Ну а всё остальное? У вас есть доказательства? Вы собираетесь

рассказать Лоренсу о моей роли в случившемся?

Сунув руку в карман, я достал матово-чёрный диск.

– Видеосъёмка момента инъекции, – сказал я, протягивая диск. – А также запись того, как Шерил Босток покидает центр хранения психической информации и летит на встречу с вами, после чего пересаживается в ваш лимузин и направляется в сторону моря. Без этих лент нет никаких доказательств того, что ваш муж расправился с Марлой Рентанг, находясь под действием наркотиков. Впрочем, следователи наверняка решат, что Кавахара накачала Банкрофта на борту «Головы в облаках». Никаких свидетельств нет, но это естественное предположение.

– Как вы узнали? – Мириам Банкрофт отвернулась в дальний угол оранжереи. Её голос прозвучал тихо и отрешённо. – Как вы вышли на Босток?

– В основном интуиция. Вы видели, как я смотрел в телескоп?

Кивнув, она прочистила горло.

– Я думала, вы играете со мной. Я думала, вы всё рассказали Лоренсу.

– Нет. – Я ощутил вспышку гнева. – В тот момент Кавахара ещё держала мою подругу в виртуальном застенке. Она угрожала, что будет пытаться её до тех пор, пока та не сойдет с ума.

Искоса посмотрев на меня, Мириам Банкрофт снова отвернулась.

– Я этого не знала, – тихо промолвила она.

– Ну так вот. – Я пожал плечами. – Телескоп рассказал половину. То, что ваш муж, перед тем как покончить с собой, побывал на борту дирижабля. Тогда я начал думать о всех тех мерзостях, которые творила Кавахара в «Голове в облаках», прикидывая, можно ли было заставить вашего мужа наложить на себя руки. Химически или с помощью какой-нибудь виртуальной программы. Мне приходилось видеть, как это делается.

– Да, не сомневаюсь в этом. – Теперь её голос звучал устало, равнодушно. – Но почему вы отправились искать в центр хранения психической информации, а не на «Голову в облаках»?

– Точно не могу сказать. Наверное, как я уже говорил, интуиция. Быть может, потому, что накачивать кого-то наркотиками на борту воздушного публичного дома – это совсем не в духе Кавахары. Слишком прямолинейно, слишком грубо. Она шахматист, а не громила. Была шахматистом. Хотя, может, дело просто в том, что я не мог проникнуть в архивы системы наблюдения «Головы в облаках» с такой же лёгкостью, как в память центра хранения психической информации. А мне хотелось сделать что-то немедленно. Так или иначе, я попросил «Хендрикса»

отправиться на Алькатрас и, изучив стандартные процедуры ухода за клонами, попытаться найти какие-либо отклонения от нормы. Вот так я вышел на Шерил Босток.

– Какая проницательность. – Мириам Банкрофт снова повернулась ко мне. – И что дальше, мистер Ковач? Вы собираетесь дальше творить правосудие? Добиваться распятия мафов?

Я бросил диск на стол.

– Я попросил «Хендрикса» навеститься в архив центра хранения психической информации и стереть запись об инъекции. Как я уже сказал, следствие скорее всего предположит, что вашего мужа накачали препаратами на борту «Головы в облаках». И это естественно. Да, кстати, мы также стёрли в памяти «Хендрикса» запись о вашем визите в мой номер. На случай, если кто-то попытается поднять шум, будто вы хотели меня подкупить. Так или иначе, по-моему, вы перед «Хендриksom» в большом долгу. Я бы посоветовал время от времени направлять в отель состоятельных постояльцев. Думаю, это обойдется относительно недорого. Если честно, я дал слово «Хендриксу» от вашего имени.

Я не стал рассказывать Мириам Банкрофт о том, что сцену в спальне просмотрела Ортега, а также о том, сколько трудов мне потребовалось, чтобы убедить Ортегу её стереть. Я сам до сих пор не мог понять, почему она согласилась. На лице Мириам Банкрофт целую минуту, пока до неё доходил смысл моих слов, распускалось недоумение, смешанное с безграничной радостью. Наконец она протянула руку и накрыла диск. Жадно схватив его, Мириам посмотрела на меня.

– Почему?

– Не знаю, – угрюмо буркнул я. – Может быть потому, что вы с Лоренсом заслуживаете друг друга. Может быть, вы заслуживаете того, чтобы и дальше любить похотливого извращенца, который не может сочетать уважение и страсть в отношениях с одной женщиной. Может быть, он заслуживает того, чтобы и дальше терзаться сомнениями – не подтолкнул ли его кто-нибудь убить Марлу Рентанг? Может быть, вы оба в сущности такие же, как Рейлина Кавахара. И, может быть, все вы, мафы, заслуживаете друг друга. Я могу твердо сказать только то, что нам, остальным, вы не нужны.

Я встал, собираясь уходить.

– Спасибо за угощение.

Я уже успел дойти до двери...

– Такеси!

...и остановился, неохотно оборачиваясь к ней.

– Но это же неправда, – уверенно сказала Мириам Банкрофт. – Возможно, ты сам веришь во всё это, но это неправда. Так?

Я качнул головой.

– Да, это неправда, – согласился я.

– В таком случае почему?

– Как я уже сказал, не знаю. – Я молча посмотрел на неё, гадая, радоваться ли мне тому, что я ничего не помню. Мой голос стал мягче. – Но он попросил меня сделать так, если я возьму верх. Это было частью нашего соглашения. Почему – он не объяснил.

Я ушёл, оставив Мириам Банкрофт среди зарослей мученического сорняка.

Эпилог

В Эмбере отлив оставил полосу влажного песка, и она простиралась почти до «Поборника свободной торговли». Скалы, на которые налетел авианосец, обнажились, собравшись на мелководье у носа окаменевшим содержимым, хлынувшим из внутренностей корабля. Усевшиеся на камнях чайки пронзительно кричали друг на друга. Над песком скользил лёгкий ветерок и поднимал мелкую рябь в лужицах воды, собравшихся в наших следах. С деревьев вдоль набережной исчезли плакаты Анчаны Саломао, и улица стала ещё более блеклой и пустынной.

– Я думала, вас уже здесь нет, – сказала Ирена Элиотт.

– Стою в очереди. Харлан тянет с разрешением на пересылку. Если честно, я там никому не нужен.

– И здесь вы никому не нужны.

Я пожал плечами.

– Для меня это не внове.

Некоторое время мы шли молча. Я испытывал странное ощущение, разговаривая с Иреной Элиотт, вернувшейся в собственное тело. За несколько дней, пока мы готовили проникновение на борт «Головы в облаках», я успел привыкнуть к её прежнему лицу. Но эта атлетическая светловолосая оболочка была почти одного роста со мной, и от неё исходила аура сдержанной компетентности, лишь изредка проступавшая в манерах предыдущего тела.

– Мне предложили работу, – наконец сказала Ирена. – Консультант по проблемам безопасности компании «Мейнлайн». Вы слышали о такой? Они занимаются проблемами пересылки оцифрованного сознания.

Я покачал головой.

– Одна из самых преуспевающих компаний на Восточном побережье. Судя по всему, охотятся за специалистами по всему земному шару. Как только ООН сняла с меня обвинения, эти ребята постучали ко мне в дверь. Потрясающее предложение. Пять тысяч, как только я поставлю подпись под контрактом, а дальше видно будет.

– Да, это общепринятая практика. Примите мои поздравления. Собираетесь перебраться на восток, или же работу будут пересылать сюда?

– Пока что я останусь здесь, хотя бы на какое-то время. Мы поместили Элизабет на виртуальную передержку в Бей-Сити, это совсем недорого. На первый взнос ушла большая часть из пяти тысяч задатка. Мы прикинули,

что за несколько лет сможем скопить девочке деньги на новую оболочку. – Повернувшись ко мне, Ирена Элиотт застенчиво улыбнулась. – Сейчас мы проводим там почти всё свободное время. Туда и отправился сегодня Виктор.

– Можете не извиняться, – мягко остановил её я. – Не думаю, чтобы он горел особым желанием встречаться со мной.

Ирена отвела взгляд.

– Понимаете, дело в том... Виктор всегда был таким гордым и независимым...

– Не берите в голову. Если бы кто-нибудь так прошёлся по моим чувствам, как я – по чувствам вашего мужа, думаю, мне бы тоже не захотелось встречаться с этим человеком. – Умолкнув, я сунул руку в карман. – Да, кстати, вспомнил об одной вещи. Я кое-что принес.

Ирена Элиотт недоумённо посмотрела на серый кредитный микрочип на предъявителя.

– Что это?

– Здесь около восьмидесяти тысяч, – сказал я. – Надеюсь, на эти деньги вы сможете купить для Элизабет что-нибудь выращенное на заказ. Если она сделает выбор быстро, сможете загрузить её в новую оболочку уже к концу года.

– Что? – Она смотрела на меня, и у неё на лице то загоралась, то гасла улыбка. Как будто я рассказал ей анекдот, и Ирена сомневалась, правильно ли поняла его соль. – Вы даёте нам... Почему? Зачем вы это делаете?

Ответ у меня был. Я думал об этом сегодня утром всю дорогу из Бей-Сити. Взяв руку Ирены Элиотт, я вложил в неё микрочип.

– Потому что хочу завершить дело чем-то светлым, – тихо произнес я. – При воспоминании о чём у меня бы теплело на душе.

Какое-то время она молчала, затем, судорожно зарывав, бросилась мне на шею. Испуганные чайки тяжело поднялись в воздух. Я ощутил на лице щекочущие слезинки, но Ирена Элиотт уже смеялась. Обняв, я прижал её к себе.

И всё то время, что длилось это объятие, я чувствовал себя таким же чистым, как дующий с моря ветерок.

«Бери то, что предлагают, – однажды произнесла Вирджиния Видаура. – Иногда этого достаточно».

Мне потребовалось ещё одиннадцать дней, чтобы добиться разрешения на пересылку обратно на Харлан.

Всё это время я практически безвылазно проторчал в «Хендриксе»,

смотря выпуски новостей. Меня не покидало странное чувство вины по поводу предстоящего отъезда. Широкой общественности не сообщили почти никаких подробностей относительно истинных обстоятельств кончины Рейлины Кавахары – кричащие экстренные сообщения корреспондентов были чрезвычайно далеки от правды. Работа специальной комиссии ООН оставалась окутана строжайшей тайной. Поэтому, когда пошли слухи о скором принятии резолюции номер 653, никто и не связал случившееся с недавней трагедией. Фамилия Банкрофта в связи с этим делом не упоминалась. Ни разу. Равно как и моя собственная.

С самим Банкрофтом я больше не встречался. Разрешение на пересылку на Харлан и сертификат на загрузку в новую оболочку доставила мне Оуму Прескотт. Поверенная разговаривала достаточно любезно и убедила меня в том, что условия контракта будут выполнены до последней запятой. При этом она недвусмысленно предупредила меня впредь не пытаться контактировать с кем-либо из семейства Банкрофт. Официально названной причиной был мой обман, связанный с «Поставленным на дыбы», но я знал, что к чему. Я прочёл ответ на лице Банкрофта в ходе перекрестного допроса, когда всплыли факты относительно занятий Мириам Банкрофт во время нападения на «Голову в облаках». Под напускным лоском и высокомерием мафа было видно, что старик жестоко ранен ревностью. У меня мелькнула мысль, как бы он поступил, если бы вдобавок ему продемонстрировали и стёртые записи «Хендрикса».

В день отправки Ортега подбросила меня до центрального хранилища Бей-Сити. В этот же самый день Мери-Лу Хинчли предстояло быть загруженной в синтетическую оболочку, чтобы в качестве свидетеля принять участие в открытом процессе по делу «Головы в облаках». Перед входом в хранилище стояла скандирующая толпа. Её сдерживали угрюмые полицейские в чёрных мундирах из управления общественной безопасности ООН. Над головами митингующих колыхались те же самые грубо выполненные голографические плакаты, которые я запомнил в день прибытия на Землю. Низко нависшее небо было зловеще серым.

– Безмозглые клоуны, мать их, – проворчала Ортега, распахивая демонстрантов. – Если они выведут из себя ооновских полицейских, им придется несладко. Я уже видела этих ребят в деле; зрелище впечатляющее.

Я вильнул в сторону, обходя бритого наголо молодого парня, яростно тычущего кулаком в небо и сжимающего в руке генератор плаката. Парень охрип, вгоняя себя в буйный транс. Догнав Ортегу у ступеней хранилища, я обнаружил, что запыхался.

– На самом деле эти люди не настолько организованны и не представляют серьёзной угрозы, – сказал я, повышая голос, чтобы перекричать толпу. – Они пришли, просто чтобы пошуметь.

– Да, но ооновцев это не остановит. Они всё равно проломают несколько черепов, из принципа. Фу, смотреть тошно.

– Это плата за прогресс, Кристина. Ты хотела резолюцию номер 653. – Я обвел рукой море разгневанных лиц. – Вот ты её и получила.

Один из полицейских в шлеме с забралом и бронежилете покинул цепочку и сбежал вниз по ступеням, помахивая дубинкой. На плече его мундира алели сержантские нашивки. Ортега показала полицейский значок, и после обмена парой фраз – обоим пришлось надрывать голос – нас пропустили наверх. Цепочка полицейских расступилась, и мы прошли через двустворчатые двери в зал ожидания. Я не смог бы сказать, что в большей степени походило на бездушные машины – двери или безликие фигуры в чёрном, охраняющие их.

Внутри царили тишина и полумрак. Свет ненастного дня пробивался через прозрачные панели крыши. Окинув взглядом ряды пустынных скамеек, я вздохнул. Какой бы ни была планета, каким бы ни был путь, пройденный тобой, расставание всегда выглядит одинаково.

И ты снова один.

– У тебя есть минутка?

Я покачал головой.

– Я хотел бы остаться на целую жизнь, Кристина. А потом ещё на чуть-чуть.

– Постарайся держаться подальше от неприятностей. Быть может, тебе это удастся.

Прозвучавшая в её голосе шутливая интонация походила на труп, всплывший на поверхность плавательного бассейна. Судя по всему, Ортега поняла, насколько фальшиво прозвучала фраза, потому что смущённо умолкла. В отношениях между нами нарастала неестественная напряжённость. Это началось после того, как меня повторно загрузили в оболочку Райкера для дачи показаний комиссии ООН. Пока продолжалось расследование, мы с Ортегой были слишком заняты, чтобы часто встречаться. Хотя у нас и состоялось несколько сумбурных совещаний, они доставили лишь поверхностное удовлетворение. Но как только стало ясно, что с Райкера снимут все обвинения и он будет освобождён, прекратились и они. Взаимное тепло, объединявшее нас, теперь вырвалось из-под контроля и стало опасным, словно пламя в разбитой керосиновой лампе. А попытка удержать его могла привести лишь к болезненным

ожогам.

Обернувшись к Ортеге, я слабо улыбнулся.

– Значит, мне надо держаться подальше от неприятностей, да? То же самое ты сказала Трепп?

Это был удар ниже пояса, и я знал это. Как выяснилось, Кавахара лишь зацепила Трепп краем луча из шокового пистолета. А осколочный пистолет я перед тем, как войти в кабину Кавахары, установил на минимальный угол рассеивания и по чистой случайности так и оставил. К тому времени, как на борт «Головы в облаках» прибыла спешно вызванная бригада криминалистов ООН для расследования под руководством Ортеги, Трепп бесследно исчезла. Вместе с ней исчезла и моя антигравитационная упряжь, остававшаяся в башенке тестирования атмосферы, через которую я проник на дирижабль. Я так и не узнал, то ли Ортега с Баутистой решили дать наёмнице бежать, опасаясь её показаний по поводу «Розы Панамы», то ли Трепп просто успела сойти со сцены до прибытия полиции. Ортега не посчитала нужным просветить меня, а от нашей былой близости осталось слишком мало, чтобы я мог спросить напрямую. Так что сейчас мы впервые заговорили об этом.

Ортега нахмурилась.

– Ты хочешь, чтобы я поставила между вами знак равенства?

– Я ничего не хочу, Кристина. – Я пожал плечами. – Но, если откровенно, особой разницы между мной и Трепп нет.

– С подобным отношением к жизни для тебя ничего не изменится.

– Кристина, *ничто никогда не меняется*. – Я ткнул пальцем в сторону толпы на улице. – Всегда будут такие тупицы, проглатывающие догматы веры целиком, чтобы не думать самостоятельно. Всегда будут такие люди, как Кавахара и Банкрофт, нажимающие кнопки и смазывающие процесс обильными финансовыми вливаниями. Такие, как ты, будут следить за тем, чтобы игра проходила гладко и правила нарушались не слишком часто. А когда мафы вздумают сами нарушать правила, они будут нанимать для этой цели таких людей, как мы с Трепп. Это прописная истина, Кристина. Так было, когда я родился сто пятьдесят лет назад; и, судя по тому, что я понял из учебников истории, так было всегда. Лучше свыкнуться с этим.

Ортега долго смотрела молча, затем кивнула, словно придя к внутреннему решению.

– Ты с самого начала собирался прикончить Кавахару, так? А вздор с признанием был для того, чтобы привлечь меня на свою сторону.

Этот вопрос я постоянно задавал себе, и до сих пор на него не было ясного ответа. Я снова пожал плечами.

– Кристина, она заслуживала смерти. Настоящей смерти. Это всё, что я знаю наверняка.

У нас над головой послышался слабый стук по панелям крыши. Посмотрев вверх, я увидел на стекле маленькие прозрачные взрывы. Начинался дождь.

– Мне пора уходить, – я сказал тихо. – Когда ты в следующий раз увидишь это лицо, его уже буду носить не я. Поэтому, если хочешь что-нибудь сказать...

При этих словах у Ортеги едва заметно дёрнулось лицо. Выругав себя за неуклюжесть, я попытался схватить её за руку.

– Послушай, если тебе будет лучше, то успокойся, никто ничего не знает. Возможно, Баутиста о чём-то догадывается, но достоверно не знает никто.

– Я знаю, – резко возразила Ортега, вырывая руку. – И не забуду.

Я вздохнул.

– Да, как и я. Но, Кристина, то, что между нами было, стоит того, чтобы помнить. Нельзя допускать, чтобы память об этом испортила остаток жизни. Верни Райкера и переходи к следующему кадру. Вот что главное. Да, чуть не забыл. – Порывшись в карманах плаща, я достал смятую пачку сигарет. – Забери вот это. Мне они больше не понадобятся. И ему тоже. Так что не искушай его. По крайней мере этим ты мне обязана. Просто проследи, чтобы он не начал курить снова.

Заморгав, Ортега порывисто поцеловала меня куда-то между губами и щекой. Я не стал исправлять эту неопределенность ни в одну, ни в другую сторону. Быстро отвернувшись, чтобы не видеть её слез, я направился к дверям в противоположном конце зала. Поднимаясь по лестнице, я обернулся. Ортега стояла, не двинувшись с места, и, обхватив себя руками, провожала меня взглядом. На таком расстоянии и в ненастных сумерках я не смог разглядеть её лицо отчётливо.

Острая боль пронзила что-то внутри. Что-то настолько глубоко, что я понимал: вырвав это, я лишу себя основы, делающей меня таким, какой я есть. Это чувство нарастало, перехлестывало через край, словно капли дождя на стеклянной крыше, сливающиеся вместе, бегущие единым потоком.

И я подавил это чувство.

Повернувшись к следующей ступеньке, я, кашлянув, исторг из себя короткий смешок. Смешок разгорелся и превратился в истеричный хохот.

Переходи к следующему кадру.

В конце лестницы меня ждали двери, а за ними гиперкосмическая

пересылка.

Всё ещё смеясь, я шагнул вперёд.

---

notes

Примечания

Феромонал – половой аттрактант, пахучее вещество, выделяемое насекомыми для привлечения особей противоположного пола. – *Здесь и далее прим. пер.*

Кататония – психическое расстройство с двигательными нарушениями. Различают кататонический ступор и кататоническое возбуждение. Иногда приводит к слабоумию или полному параличу.

Гауди-и-Корнет Антонио (1852–1926) – испанский архитектор, работал в Барселоне. В причудливых постройках добивался впечатления фантастических, вылепленных от руки архитектурных форм.

Эмпатия – сочувствие, сопереживание, умение поставить себя на место другого.

Видоизмененный углерод (*исп.*), созвучно с mortificado – «убийственный».

Луддиты – участники стихийных выступлений против применения машин в Англии в XIX веке. В переносном смысле – яростные отрицатели нововведений.

Мизерикордия – от итальянского «милосердие» – кинжал, которым в средние века добивали рыцарей, сбитых с коня и не могущих подняться на ноги.